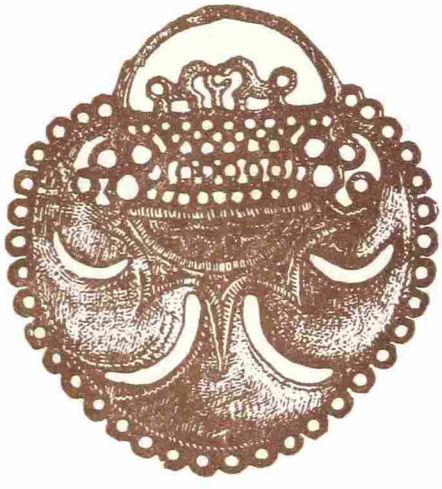
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1

1984

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1
1984

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, Н. Н. Гурина,
В. И. Козенкова (отв. секретарь), *Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин,*
Л. Р. Кызласов, В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт,
Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора)
А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

Шелов Д. Б. (Москва). Полевая археология и охрана археологических памятников 5
Сергин В. Я. (Москва). Применение метода «связей» при археологических исследованиях 11
Любин В. П. (Ленинград). Палеолит Туркмении 26
Сорокин А. Н. (Москва). Мезолит Великих Мещерских озер 46
Третьяков В. П. (Ленинград). Неолитическая керамика и археологические культуры (по материалам лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР) 66
Давудов О. М. (Махачкала). Серебряное блюдо из Ирагинской гробницы (Дагестан) 77
Членова Н. Л. (Москва). Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах 88
Айбабин А. И. (Симферополь). Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода 104
Циркин А. В. (Кемерово). Древковое оружие мордвы и его хронология . . 123
Атавин А. Г. (Москва). Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X—XIV вв. 134

Публикации

Ковалева В. Т., Варанкин Н. В. (Свердловск). О соотношении кошкинских и боборыкинских комплексов (по материалам поселения на берегу Андреевского озера у г. Тюмени) 144
Портнягин И. Г. (Калинин). Памятники эпохи неолита — бронзы бассейна р. Торопы 160
Кузнецов В. Д. (Москва). Организация строительных работ в Эпидавре (обработка камня) 170
Канецян А. Г. (Ереван). Античные черепицы из раскопок Арташата . . . 183
Шигин А. Е. (Ленинград). Сары-курган — крепость в Фергане 192

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1984 г.

Хомутова Л. С. (Москва). Кузнечная техника на земле древней веси в X в. (по материалам поселения у дер. Городище) 199
Пуцко В. Г. (Калуга). Шиферные рельефы в лапидарии Софии Киевской 210
Демичева Н. Н. (Ленинград). Исследование памятников новгородского зодчества XII — начала XIII в. по данным об эволюции формата кирпича . . 220

Заметки

Арефьев В. А. (Нижний Тагил). Зооморфные мотивы оформления края сосудов со стоянки Полуденка I 229
Логвин В. Н., Калиева С. С. (Кустанай). Стоянка Евгеньевка 2 (Северный Казахстан) 235
Монахов С. Ю. (Саратов). Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова 241
Пятых Г. Г., Фараджев А. А. (Москва). Малоузенский курган эпохи бронзы 244
Козенкова В. И., Мишина Т. Н. (Москва). О сюжетных сценах на керамике кобанской культуры 247
Котигорошко В. Г. (Ужгород). Малокопаньское городище рубежа нашей эры в Закарпатье 252
Батчаев В. М. (Нальчик). Гуннский котел из селения Хабаз 256
Каминская И. В. (Краснодар). Фибула эпохи переселения народов . . . 259
Молчанов А. А. (Москва). Печать древнерусской княгини XIII в. из Житомира 260
Швецов М. Л. (Донецк). Позднекочевническое погребение у с. Смелое на Северском Донце 264

Критика и библиография

Шрамко Б. А. (Харьков). Мозолевський Б. М. Товста Могила. Київ, 1979 272
Онайко Н. А. (Москва). Галанина Л. К. Курджипский курган. Л., 1980 280
Марковин В. И. (Москва). Germond G. Inventaire des mégalithes de la France. 6-Denx-Sèvres Paris, 1980 285
Мелюкова А. И. (Москва). [Рец.] Actes du IIe Congrès international de thràcologie I. Bucureşti, 1980 292
Макаров Н. А. (Москва). Kivikoski E. Lângângsbacken. Ett gravfält på A[0] land.— SMYA, Helsingfors, № 80, 1980 304

Хроника

Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. (Москва). Археологическая поездка по Сирии 307
Массон В. М. (Ленинград). Первый советско-индийский семинар по археологии Средней Азии и Индии 317

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 1
1984

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Shelov D. B. (Moscow). Field Archaeology and Protection of Archaeological Sites 5
Sergin V. Ya. (Moscow). The «Liaisons» Method and Archaeological Studies 11
Lyubin V. P. (Leningrad). Turkmenian Palaeolithic (history of its study, new materials, urgent tasks) 26
Sorokin A. N. (Moscow). The Mesolithic of the Great Meshchera Lakes . . . 46
Tretyakov V. P. (Leningrad). Neolithic Ceramics and Archaeological Cultures (On the Materials of the Forest and Forest-Steppe Zone of the European Part of the USSR) 66
Davudov O. M. (Makhachkala). A Silver Dish from the Iragi Tomb in Daghestan 77
Chlenova N. L. (Moscow). Archaeological Materials on the Iranians of the Pre-Scythian Times and Indo-Iranians 88
Aibabin A. I. (Simferopol). Problems of Chronology of Crimean Burian Grounds of the Post-Roman Period 104
Tsirkin A. V. (Kemerovo). Mordvinian Shaft Arms and their Chronology . . 123
Atavin A. G. (Moscow). Some Peculiarities of Interments of Stuffed Horses in Nomadic Burials of the 10th-14th Centuries 134

Publications

Kovaleva V. T., Varankin N. B. (Sverdlovsk). On the Correlation Between the Koshkino and Boborykino Complexes According to the Materials from a Settlement on the Shores of the Andreyevskoe Lake near Tyumen 144
Portnyagin I. G. (Kalinin). The Neolithic-Bronze Age Sites in the Toropa Basin 160
Kuznetsov V. D. (Moscow). The Organisation of Construction Works in Epidaurus (stone milling) 170
Kanetsyan A. G. (Erevan). Antique Tiles from Artashat 183
Shigin A. E. (Leningrad). Sary-Kurgan—a Fortress in Ferghana 192
Khomutova L. S. (Moscow). Forging Technologies Among the Ancient Ves in the 10th Century (on the materials from a settlement at the Gorodishche village) 199
Putsko V. G. (Kaluga). Slate Reliefs in the Sophia of Kiev Cathedral . . . 210
Demicheva N. N. (Leningrad). Evolution of Plinth Sizes as a Source on the History of 12th-Early 13th-Century Novgorodan Architecture 220

Notes

Arefiev V. A. (Nizhny Tagil). Zoomorphic Ornamentations of Vessel Rims from the Poludenka I Camp 229
Logvin V. N., Kalieva S. S. (Kustanai). Evgenievka 2 Camp (Northern Kazakhstan) 235
Monakhov S. Yu. (Saratov). A Burial of the Multiroller Pottery at Saratov . . 241
Pyatykh G. G., Faradjev A. A. (Moscow). The Maly Uzen Mound of the Bronze Age 244
Kozenkova V. I., Mishina T. N. (Moscow). Concerning Subjects on Koban Pottery 247
Kotigoroshko V. G. (Uzhgorod). The Malokopanskoe Fortified Settlement of the Turn of Our Era in the Trans-Karpathian Region 252
Batchaev V. M. (Nalchik). A Hun Cauldron from the Khabaz Village 256
Kaminskaya I. V. (Krasnodar). A Fibula of the Great Migration of Peoples Epoch 259

Molchanov A. A. (Moscow). A Stamp of an Old Russian Princess of the 13th Century from Zhitomir 260
Shvetsov M. L. (Donetsk). A Late Nomadic Burial at the Smeloe Village on the Seversky Donets River 264

Book Reviews and Bibliography

Shramko B. A. (Kharkov). Mozolevsky B. M. Tovsta Mogila, Kiev, 1979 272
Onaiko N. A. (Moscow). Galanina L. K. The Kurdjip Mound, Leningrad, 1980 280
Markovin V. I. (Moscow). Germond G. Inventaire des mégalithes de la France. 6-Denx-Sèvres Paris, 1980 285
Melyukova A. I. (Moscow). [Rev.] Actes du IIe Congrès international de thràcologie I. Bucureşti, 1980 292
Makarov N. A. (Moscow). Kivikoski E. Långängsbacken. Ett gravfält på Aº land.—SMYA, Helsingfors, No. 80, 1980 304

Chronicle

Merpert N. Ya., Munchaev R. M. (Moscow). An Archaeological Trip Through Syria 307
Masson V. M. (Leningrad). The First Soviet-Indian Seminar on the Archaeology of Central Asia and India 317

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.10.83 Подписано к печати 29.12.83 Т-21746 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 28,0 + 1 вкл. Усл. кр.-отт. 95,9 тыс. Уч.-изд. л. 33,1 Бум. л. 10
Тираж 3394 экз. Зак. 3268

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

ШЕЛОВ Д. Б.

ПОЛЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Вопросы охраны археологических памятников с особой остротой встали перед советской археологической общественностью в последние годы. Эта острота объясняется прежде всего тем, что огромный размах хозяйственного строительства в стране ставит под угрозу сохранность многих археологических объектов и приводит к уничтожению большого их числа. Возведение новых электростанций и целых энергетических комплексов, создание искусственных водохранилищ, прокладка транспортных артерий, трасс газо- и нефтепроводов, нивелировка полей для обеспечения ирригационной службы, разработка карьеров по добыче руд или строительных материалов — все эти и многие другие виды хозяйственной деятельности связаны с неизбежной утратой множества археологических памятников. В качестве примеров можно указать хотя бы на снос многих сотен курганов при ирригационном плантаже рисовых систем на полях Краснодарского края или на разрушение самых различных поселений и могильников при строительстве нефте- и газопроводов в Западной Сибири. С этими утратами приходится мириться, так как, естественно, невозможно, исходя из интересов охраны того или иного археологического объекта, возражать против осуществления строительных работ большого народнохозяйственного значения.

Правда, иногда случается, что уничтожение ценного памятника культуры происходит без прямой государственной необходимости, в результате незаконных действий того или иного хозяйственного руководителя, движимого ведомственными интересами или просто непониманием. Так было, например, с разрушением знаменитого античного толоса на Таманском полуострове. Распашка могильников, использование насыпей курганов для добывания из них глины или грунта, прокладка дорог местного значения через территорию городищ или древних поселений и тому подобные факты еще имеют, к сожалению, место во многих районах. В таких случаях следует, разумеется, упорно бороться за сохранение памятников, используя все возможные меры, начиная с разъяснительной работы и кончая возбуждением уголовного дела против наиболее злостных нарушителей советского закона об охране памятников истории и культуры.

Однако в условиях, когда возражать против сноса археологических памятников невозможно (а такая ситуация касается подавляющего большинства памятников, входящих в зоны больших народнохозяйственных работ), археологам остается только принять меры к тому, чтобы эти памятники не были уничтожены до их исследования, т. е. организовать срочные и по возможности полные раскопки объектов, которым грозит уничтожение. Поэтому в планах всех научных учреждений, занимающихся полевой археологической деятельностью, спасательные работы на новостройках занимают очень видное место. Создание в этих учреждениях специальных структурных подразделений — отделов и секторов, специально занятых исследованием памятников, гибнущих в процессе хозяйственного строительства, является наиболее эффективным и радикальным средством для решения стоящей перед всеми археологами задачи по изучению этих памятников. Раньше и успешнее других стали на этот путь археологи из Института археологии АН УССР. Археологическая

служба на новостройках является важнейшей формой охраны памятников, предусмотренной и предопределенной советским законодательством. В этом отношении заслуживает всяческого внимания и содействия деятельность постоянных археологических лабораторий, групп и экспедиций, работающих на основах хозяйственного договора во многих университетах, музеях, научных учреждениях. Широко развернули такие работы археологи Свердловска, Куйбышева, Новосибирска, Ростова-на-Дону и ряда других центров.

Однако, несмотря на определенные успехи в этой деятельности, и размах, и темпы археологических работ на новостройках в настоящее время совершенно недостаточны по сравнению с тем, что диктуется задачами народнохозяйственного строительства. По подсчетам Ю. А. Краснова, в РСФСР предварительные археологические исследования на территории, затронутой строительством, осуществляются примерно только на третьей части строительных объектов, в остальных случаях хозяйственные работы ведутся без таких предварительных исследований, а иногда и без археологического надзора. Еще хуже обстоит дело со спасательной археологической службой в некоторых союзных республиках, например в Средней Азии. Такое положение объясняется главным образом тем, что органы, на которые законом возложены обязанности по охране памятников, в том числе и археологических,— министерства культуры СССР и союзных республик, управления культуры на местах,— не обладают ни кадрами археологов, ни опытом организации археологических экспедиций, и практически не могут вести никакой работы по исследованию разрушаемых памятников. Учреждения же, располагающие такими кадрами и опытом,— музеи, научно-исследовательские и педагогические институты, университеты — призваны решать в основном другие задачи, в их полевой деятельности вопросы охраны памятников занимают второстепенное место. Но главная беда — явная недостаточность существующих кадров археологов. Если раньше одной из основных проблем полевой археологической деятельности было изыскание средств на проведение экспедиций, то теперь главная трудность состоит в освоении тех огромных денежных сумм, которые отчисляются, согласно закону, различными хозяйственными и строительными организациями на археологическое изучение осваиваемых территорий. Для такого освоения и осуществления исследовательских работ соответствующего масштаба у археологических учреждений зачастую не хватает сил.

Существующее положение требует от всех археологов, от всех организаций, ведущих полевые археологические исследования, максимальной мобилизации сил на решение задач, связанных с изучением исчезающих и уничтожаемых памятников археологии. Не только руководители и участники новостроечных экспедиций, но буквально все археологи должны принимать посильное участие в решении этой проблемы, иначе наша наука понесет большие и ничем не восполнимые потери от утраты многих ценных памятников. Внимание к задачам охраны и исследования археологических памятников, которым угрожает разрушение, должно проявляться постоянно и на всех этапах полевой деятельности. В частности, именно эти памятники должны попадать в первую очередь в поле зрения археологов при планировании археологических раскопок, а археологические разведки должны охватывать прежде всего те районы, где проектируются оросительные, строительные и другие подобные работы.

Задачи охраны археологических памятников могут успешно решаться только при том условии, что эти памятники будут выявлены, должным образом учтены и паспортизованы. В последние годы, после принятия «Закона об охране и использовании памятников истории и культуры СССР», проводится большая работа по составлению полного Свода памятников, по паспортизации всех археологических объектов во всех областях и республиках нашей страны. Однако эта работа еще очень далека от завершения и далеко не всегда ведется на должном организационном и научном уровне. Даже очень хорошо всем известные археологические объекты, включенные в списки памятников всесоюзного зна-

чения, не всегда имеют методически правильно составленные паспорта и другую учетную документацию. В еще большей степени это относится к памятникам республиканского и местного значения, даже давно известным и состоящим на учете. Следует иметь в виду и то, что большое число археологических памятников вообще еще не выявлено и не зарегистрировано. При этом все новые и новые археологические объекты открываются не только в относительно малоисследованных районах страны, но и в давно, казалось бы, изученных археологически областях. Интересны в этом отношении сведения, приведенные армянским исследователем Г. Е. Арешяном в его недавно опубликованной статье «Обобществление древностей» («Вестник Ереванского ун-та», 1982, № 2(47)). Сплошной учет памятников истории и культуры, начатый в Армении в 1980 г., сразу в несколько раз увеличил число зарегистрированных объектов: в Туманянском районе было известно раньше 372 памятника, теперь их насчитывается 828; для Шамшадинского района соответствующие цифры составляют 145 и 579. Г. Е. Арешян считает, что с окончанием сплошной паспортизации число памятников истории и культуры Армении придется утроить или даже учетверить. Если так обстоит дело в сравнительно хорошо обследованной Армении, то какое же число неизвестных еще археологических объектов таится в малоизученных районах Сибири, Дальнего Востока и других областей страны?

Совершенно очевидно, что при таком положении дел очень большое значение приобретают разведочные археологические работы. Такие работы ведут почти все археологические учреждения страны, но, к сожалению, разведочные экспедиции и группы не всегда направляются в те районы, которые срочно требуют обследования ввиду предстоящих там строительных работ, а в те, которые почему-либо больше устраивают организаторов разведок. В частности, многие университеты и педагогические институты практикуют организацию небольших студенческих маршрутных разведочных групп, возглавляемых обычно студентами-старшекурсниками, впервые выполняющими самостоятельные археологические задания. Таким группам нередко поручается повторное обследование памятников, уже достаточно хорошо известных, что объясняется либо чисто учебными задачами — научить студентов полевой работе на примере изучения более выразительных объектов, либо соображениями большей доступности и удобства маршрута, либо, наконец, лучшим знакомством с этими памятниками руководителей студенческой практики. Все эти соображения можно понять, но в результате таких действий иногда один и тот же маршрут проходится разными разведочными группами дважды и трижды, заново «открываются» уже известные и зарегистрированные памятники. Такие разведки приносят очень мало пользы, а если к тому же археолог-разведчик окажется недостаточно осведомленным о работах, проводившихся в том же районе ранее, его деятельность может принести и прямой вред делу учета памятников, так как он даст им новые названия, внесет путаницу в материалы к составлению списков памятников и к археологической карте. В то же время расположенные рядом районы, требующие разведки и выявления еще неизвестных объектов, останутся необследованными. Поэтому организаторам разведочных работ следует с максимальной тщательностью и ответственностью относиться к планированию маршрутов разведок, стремясь охватить ими всю подлежащую исследованию территорию, особенно в районах усиленного хозяйственного строительства. Лучше всего иметь перспективный многолетний план таких разведочных работ, последовательное выполнение которого обеспечит полное обследование всего района. Естественно, это пожелание относится к деятельности не только высших учебных заведений, но и других археологических учреждений — институтов, музеев и пр.

С вопросами выявления и учета археологических памятников связана еще одна сторона деятельности археологов-разведчиков. Часто руководитель разведки ограничивается тем, что излагает результаты своих работ в отчетах, представляемых в Отдел полевых исследований и в учреждение, организовавшее разведки, где эти отчеты будут сохранены в архивах и

составят фонд большой научной ценности. Но отчеты ни в какой мере не будут способствовать охране вновь открытых памятников, если эти памятники не будут поставлены на учет в соответствующих органах власти. Поэтому правила полевой работы требуют, чтобы исследователь, обнаруживший новые, неизвестные ранее археологические объекты, представил их описание в областное или республиканское управление культуры, для того, чтобы они были взяты на учет и под охрану. Выполнение этого требования важно еще и в том отношении, что такое обращение археологов в облисполкомы будет способствовать активизации деятельности последних в области охраны памятников. В настоящее время деятельность эта во многих местах совершенно недостаточна, и археологи, работающие в поле, должны всемерно стремиться к установлению постоянных контактов с местными органами охраны памятников и к воздействию на эти органы. В новой Инструкции к «Открытому листу», разработанной в Институте археологии АН СССР и согласованной с Министерством культуры СССР, прямо предписывается: «В случае обнаружения в ходе археологических разведок новых, неизвестных ранее памятников, а также при окончательном исчерпании раскопками ранее известного памятника исследователь обязан письменно известить об этом Управление культуры той области, края или автономной республики, на территории которой эти памятники находятся» (§ 58). Об этом извещении должно быть упомянуто в научном отчете.

При разведках археологических памятников должна применяться методика, обеспечивающая наиболее благоприятные условия для их сохранения. В этой связи приходится вновь и вновь напоминать о недопустимости обильной разведочной шурфовки. Инструкцией предусматривается (§ 24), что на каждом памятнике число шурфов, затрагивающих культурный слой, не должно превышать трех, а общая их площадь достигать не более 20 м^2. Разведывательная шурфовка известных и ранее подвергавшихся раскопкам памятников вообще запрещается (§ 21). Несмотря на неоднократные напоминания Отдела полевых исследований, кое-кто из археологов все же продолжает злоупотреблять шурфовкой, портя большим числом шурфов культурный слой поселений и способствуя быстрому размыванию и разрушению этого слоя. Подобное бездумное отношение к дальнейшей судьбе обследуемого памятника нетерпимо.

Основной цепью плановых полевых археологических исследований является изучение археологических памятников, выяснение их датировок, культурной принадлежности, получение их хозяйственной, социальной, этнической характеристики, превращение их в полноценный исторический источник. В связи с решением этих задач обычно и выбираются объекты или участки раскопок, определяются методика работ, их объемы и сроки. Нередко к этим соображениям добавляются еще мотивы, связанные с интересами учебно-педагогического процесса, если работы ведутся силами студентов, проходящих археологическую практику, или с получением нового экспозиционного материала, когда раскопки организуются музеями или заповедниками. Но, как правило, при определении стратегии плановых раскопок очень незначительное внимание уделяется вопросам сохранности исследуемых памятников. В забвении и пренебрежении этими вопросами можно упрекнуть многие археологические экспедиции. Между тем при решении научно-исследовательских, учебно-производственных и других проблем в процессе полевой работы должны непременно учитываться интересы сохранения памятников и возможности их дальнейшего использования. Нередко случается, что, приступая к раскопкам, например, какой-нибудь курганной группы, исследователь раскапывает в первую очередь не те курганы, которые распахиваются или иным образом разрушаются и которым грозит скорое уничтожение, а те, которым ничто не угрожает,— их насыпь сохранилась в нетронутом виде, и поэтому они представляют более благодарный объект для изучения. И при раскопках поселений некоторые археологи стремятся выбрать для исследования не наиболее угрожаемые, а наиболее сохранившиеся участки, не задумываясь над дальнейшей судьбой разрушающегося памятника. Инструкция

к «Открытому листу» обязывает каждого археолога, проводящего раскопки, «учитывать интересы сохранности памятника и отдавать предпочтение раскопкам тех участков его, которым в наибольшей степени угрожает повреждение или уничтожение в результате природных процессов или хозяйственной деятельности людей» (§ 33). Конечно, иногда может сложиться ситуация, при которой чисто научные интересы исследования и задачи охраны памятника не будут совпадать, но в огромном большинстве случаев опытный археолог найдет возможность совместить оба эти аспекта исследования и, не поступаясь основной целью раскопок, направить их таким образом, чтобы обеспечить изучение наиболее угрожаемых частей и участков памятника.

В «Законе об охране и использовании памятников истории и культуры СССР» и в подзаконных актах говорится: «Организации и граждане, осуществляющие археологические работы, обязаны обеспечить сохранность памятников» (ст. 26). Речь идет, конечно, не о том, что археолог-исследователь отвечает за сохранность археологических памятников вообще. Он не в состоянии обеспечить эту сохранность, да и функции охраны памятников возложены законом на другие органы. В законе подразумевается лишь, что археолог, производящий раскопки или разведки, обязан заботиться о максимальной сохранности памятника в процессе археологических работ, о нанесении памятнику как можно меньшего вреда самими раскопками. В новой полевой инструкции об этом говорится следующим образом: «Лица, получившие открытые листы на право производства археологических разведок и раскопок, обязаны обеспечить сохранность исследуемых памятников в процессе работ и проявить заботу о том, чтобы после окончания раскопок памятники были оставлены в состоянии, наиболее благоприятствующем их сохранности» (§ 5). Это требует от исследователя все время думать о том, как отзовутся на дальнейшей судьбе и сохранности памятника результаты его работ. Шурфы или траншеи, расположенные на крутом склоне городища, скорее всего будут способствовать возникновению оврагов и размыванию памятника в местах их заложения; близко расположенные один от другого, но не примыкающие друг к другу раскопы неизбежно вызовут разрушение и утрату оставшихся между ними нераскопанных участков; глубоко выбранные и незасыпанные грунтовые ямы, цистерны, колодцы приведут к обрушению культурного слоя вокруг них и т. д. Эти и подобные им факторы необходимо все время иметь в виду каждому производителю раскопок.

Важнейшим элементом полевой работы археолога должна быть забота о консервации и реставрации исследуемых им объектов. Представляется необходимым значительное расширение практики реставрационных работ, превращения исследуемых памятников в объекты экскурсионного показа, их музеефикации. До настоящего времени такие мероприятия проводились только в очень редких случаях, главным образом на развалинах средневековых и античных городов. Между тем многие археологические памятники самых различных категорий заслуживают того, чтобы стать объектами постоянного музейного показа, быть использованными в качестве действенного средства культурно-патриотического воспитания. Конечно, музеефикация археологических памятников — дело сложное, требующее и средств, и людей, и технической базы. И все же возможности для значительного расширения этой работы в настоящее время имеются; в частности, весьма положительным фактором является развитие в последние годы сети реставрационно-производственных мастерских, комбинатов и других учреждений, в сотрудничестве с которыми археологи могут и должны проводить эту работу. Но прежде всего необходимо осознание самими археологами желательности, полезности, а иногда и необходимости активной деятельности в этом направлении.

В тех случаях, когда реставрация и музеефикация исследуемого памятника представляется ненужной, нецелесообразной или невозможной, а памятник полностью раскопками не исчерпан, археолог обязан позаботиться о его сохранности и консервировать раскопы. Засыпка котло-

вана раскопа, укрытие откопанных сооружений каким-либо предохраняющим материалом, возведение в случае необходимости подпорных стенок, контрфорсов и пр., прокладка дренажных канав и другие подобные мероприятия должны обеспечить сохранность оставшихся частей памятника до следующих полевых сезонов. Эти работы требуют некоторой затраты сил, времени и средств, поэтому они должны быть заранее предусмотрены в производственных и финансовых планах экспедиций. К сожалению, археологи не всегда придают должное значение этим работам, а стремятся иногда использовать все свое полевое время до последнего дня и все имеющиеся в их распоряжении средства только для решения чисто исследовательских задач и по окончании работ бросают исследуемый памятник в том виде, в каком он оказался в последний день раскопок, обрекая его неизбежно на скорое разрушение. Необходим решительный психологический поворот в этом вопросе, четкое осознание всеми археологами их ответственности за дальнейшую судьбу исследованных ими памятников. Деятельность по консервации памятников, предусмотренная и Инструкцией к «Открытому листу», должна быть отражена в научном отчете о раскопках.

Засыпка шурфов и раскопов, удаление отвалов грунта и тому подобные мероприятия необходимы также для восстановления после раскопок естественного ландшафта и воссоздания экологической системы на месте работ, что также предписывается и «Законом об охране и использовании памятников истории и культуры СССР», и всей системой законодательства об охране природы и природных ресурсов СССР. Некоторые археологические экспедиции уже в процессе раскопок ведут раздельный отвал грунта из плодородного гумусированного слоя и из бесплодных подстилающих наслоений, чтобы по окончании работ не только консервировать памятник, но и восстановить почвенный покров и обеспечить тем самым нормальное развитие экологической среды на месте раскопок. Такое ответственное отношение к судьбе раскапываемых памятников и к воссозданию естественных условий их бытования должно стать нормой в полевой деятельности всех археологических экспедиций.

СЕРГИН В. Я.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА «СВЯЗЕЙ» ПРИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В последние десятилетия археологи все активнее используют методы естественных и технических наук при изучении объектов и предметов, древней среды, датировки памятников. Возможности непрерывного обновления здесь очень велики, поскольку они базируются на мощном развитии соответствующих дисциплин. Значительно медленнее совершенствуются и обновляются немногочисленные методы, которые с той или иной долей условности считаются собственно археологическими. При этом, какую бы роль ни играли в археологии методы других наук, они не в состоянии подменить археологические методы и останутся по отношению к ним все более необходимым дополнением. Непрерывное внедрение методов естественных и технических наук, очевидно, не должно ослаблять внимания к собственно археологической методике и тому новому, что в ней возникает.

Физическая сторона явления, о котором пойдет речь, хорошо знакома каждому специалисту. На более или менее удаленных друг от друга участках памятника при археологических исследованиях нередко фиксируются находки фрагментов одних и тех же предметов. Так, например, при раскопках Мезинского палеолитического поселения в 1913 г. было отмечено, что на разных квадратах лежали части одного и того же браслета из бивня мамонта [1, л. 9]. До недавнего времени подобные факты не представлялись ценными в научном отношении, и их, как правило, не стремились выявить. Обычно они отмечались как любопытная деталь, хотя иногда удавалось установить целую группу подбирающихся предметов [2, с. 28]. Столь постоянное в практике обнаружение обломков одних и тех же глиняных сосудов ограничивалось склеиванием их для восстановления формы сосудов.

Вряд ли сейчас возможно установить, кто первым соотнес подбирающиеся предметы с их положением в культурном слое и использовал результаты для решения каких-либо научных задач. Но это и не имеет существенного значения, поскольку до начала 70-х годов ряд археологов делали соответствующие попытки в основном независимо друг от друга. Так, в 1966 г. в работе А. Леруа-Гурана и М. Брезийона о мадленском поселении № 1 в Пенсеван расположение подбирающихся кремневых предметов послужило одним из оснований для реконструкции плана жилищ [3]. В публикации того же года Мак-Картни и Тернер по серии снятий с одних и тех же нуклеусов определили культурный слой первобытного поселения Анангула как единый культурный комплекс [4]. В работе 1966 г. мною по нескольким фрагментам керамики синхронизированы два помещения и прилегающий участок средневекового городища Кахкаха I [5, с. 48], а позднее предложен способ синхронизации палеолитических жилищ на поселении по частям одних и тех же предметов [6, с. 6]. В 1968 г. В. Тауте проследил взаимоположение резцов и сколов с них на палеолитическом поселении Деймерн 45 [7, рис. 16].

Наиболее значительной работой с использованием подбирающихся предметов явилась известная монография А. Леруа-Гурана и М. Брезийона, посвященная поселению участка 36 в Пенсеван [8]. Подбирающиеся предметы были выявлены с максимальной полнотой на всей вскрытой площади поселения и по всем пригодным для этого категориям инвента-

ря, что использовано при изучении структуры поселения. Возрастание интереса к подбирающимся предметам, проявившееся в публикациях со второй половины 70-х годов, произошло, очевидно, в основном под влиянием этой книги.

Однако до сих пор не была предпринята попытка осмыслить отмеченное явление как метод археологического исследования. Более того, обычно отсутствуют даже оговорки, сколько-нибудь обосновывающие правомерность тех или иных заключений, сделанных на основе расположения подбирающихся предметов. Это объясняется, должно быть, небольшим промежутком времени целенаправленного их использования, а также несложностью (хотя и громоздкостью) технической стороны подборки, порождающей иллюзию простоты всей исследовательской процедуры. Исключение составляет как будто бы лишь специальная статья нескольких зарубежных авторов [9]. В ней рассмотрен большой комплекс вопросов, связанных с выявлением подбирающихся предметов. Однако вопросы, которые будут затронуты в данной работе, изложены в статье по большей части бегло или упущены.

Задача данной работы — обрисовать основные особенности явления подборки и направления его научного использования, как они мыслятся на основе небольшого имеющегося опыта или теоретически, и тем самым способствовать выработке основ метода[1]. Присутствие камня, кости и керамики в качестве основных компонентов культурного слоя и значительная их фрагментированность открывают широкие возможности применения подборки фрагментов в археологических исследованиях. Наиболее перспективны в связи с этим памятники эпохи первобытности, где ценность метода повышается также в связи с меньшей информативностью культурного слоя в отношении структуры и внутренней хронологии памятников и возможностью подхода к решению большого числа вопросов, встающих при изучении именно первобытных памятников.

Подборка фрагментированных предметов.

Понятие «фрагменты» используется для обозначения любых частей, первоначально составлявших какой-либо (не обязательно целый) предмет: нуклеус и сколы с него; примыкающие друг к другу отщепы; резец и его сколы, обломки сосуда, расколотой кости, камня и пр. Такое употребление термина оправдывается тем, что при изучении взаиморасположения подбирающихся предметов на первый план выступает не качественная сторона предметов и их частей, а само явление фрагментированности. Поэтому, например, в каменном инвентаре как фрагменты подлежат учету все предметы, кроме тех, которые не несут следов сколов и не обломаны.

Использованию подбирающихся предметов в научных исследованиях способствуют следующие предпосылки: 1) фрагментирование предметов происходило мгновенно или, как правило, в течение сравнительно непродолжительного времени; 2) фрагменты одних и тех же предметов обычно располагаются на некотором расстоянии друг от друга по горизонтали и вертикали; 3) как и культурный слой памятника в целом, возникновение и местоположение фрагментов отражает разнообразные явления человеческой деятельности и поэтому может быть использовано для схематической реконструкции некоторых из них. Имеются в виду, естественно, памятники с хорошо сохранившимся культурным слоем, хотя расположение подбирающихся предметов на поврежденных памятниках также содержит полезную информацию.

Фрагментирование предметов происходило по разным причинам: в результате целенаправленного действия (снятие сколов с нуклеусов; освежение резцов; разбивание костей для добывания мозга, получения заго-

[1] Ввиду специализации автора по палеолиту и применения подборки до настоящего времени почти только при изучении первобытных поселений дальнейшее изложение основывается главным образом на материалах палеолита. Особое направление исследований представляет восстановление первоначальных предметов с целью проследить определенные производственные процессы на конкретных образцах [9]. Здесь оно не затрагивается.

товок, на топливо; ритуальное разбивание предметов и т. п.); в результате производственной нагрузки (обламывание инструментов, приспособлений, поделок); вследствие побочного воздействия технологических процессов (например, распадение очажных камней и камней, употреблявшихся для варки пищи); под действием множества случайных факторов (при производстве работ на изобилующем предметами культурном слое, волочения тяжестей и т. п.).

Подбираться могут изделия из различных твердых материалов: камня, кости, керамики и пр. Необходима лишь такая сохранность поверхности раскола, которая позволила бы четко совместить фрагменты и тем самым установить их принадлежность одному предмету [2]. Выявление подбирающихся предметов начинается с разборки фрагментированной части коллекции по материалу и категориям. В последующей раскладке учитываются особенности вещей, в иных случаях второстепенные или не имеющие никакого значения, например, для кремня: видимая структура, наличие или отсутствие определенных включений, пустот, участков различной степени окремнелости, общий цветовой фон, различные особенности окраски, характер патины и пр.

Отношение между частями одних и тех же фрагментированных предметов А. Леруа-Гуран определил как «связи» (liaisons), различая связи короткие, ограничивающиеся на поселении пределами одного жилища с относящимся к нему окружающим пространством, и длинные, проникающие из одного такого комплекса в другой [8, с. 327], и обозначил их в виде прямой линии [3; 8]. Выделение коротких и длинных связей, вероятно, может быть использовано и на памятниках других типов, если они состоят из относительно самостоятельных комплексов. Приняв термины А. Леруа-Гурана, назовем части объединенного связью предмета (для которых у А. Леруа-Гурана термин отсутствует) элементами связи. Если исходный предмет разделен на две части, связь между его элементами будем считать простой (рис. 1, *1*). При разделении предмета на три и более частей образовывался пучок связей (рис. 1, *2—8*), каждую отдельную связь в котором определим как единичную.

Часть предмета, остающуюся последней при его фрагментировании, назовем нуклеарной (рис. 1, *3*, *4*, *6—8*). Если невозможно выделить ее, при изображении связей в качестве нуклеарной может быть обозначена наиболее крупная или функционально важная часть предмета. Такая подмена недопустима лишь при прослеживании последовательности появления связей в пучке (рис. 1, *8*). Остальные элементы могут быть названы рядовыми.

Элементы одних и тех же связей обнаруживаются в культурном слое как непосредственно вблизи друг от друга в одном горизонте, так и на значительном расстоянии, на разных глубинах и в составе материалов различных объектов. Такое взаимное их положение объясняется причиной, вследствие которой произошло разделение предмета на части, использованием этих частей и особенностями перемещений фрагментов после попадания в культурный слой, скажем, при раскалывании нуклеуса происходил разлет сколов на относительно небольшом пространстве. Непригодные сколы оставляли на месте, остальные отбирали, и они обычно перемещались при дальнейшей обработке, использовании и хранении. Орудия могли чаще, чем другие предметы, переносить с места на место. В конце концов и они откладывались в культурном слое как бросовый материал, попадая уже в более поздний горизонт наслоений. Некоторое число нуклеусов, заготовок и орудий составляло клады. Все фрагменты, переставшие интересовать людей, могли перемещаться затем, как и прочие совместно залегающие предметы формирующегося культурного слоя, при выкапывании углублений, насыпании валов, завалинок, выгребании мусора из жилищ и т. д.

[2] В практике встречается, однако, немало случаев, когда фрагменты не совмещаются, но почти несомненно происходят от одного предмета, отличающегося характерными особенностями. Эти случаи также необходимо фиксировать и использовать, не смешивая с остальными.

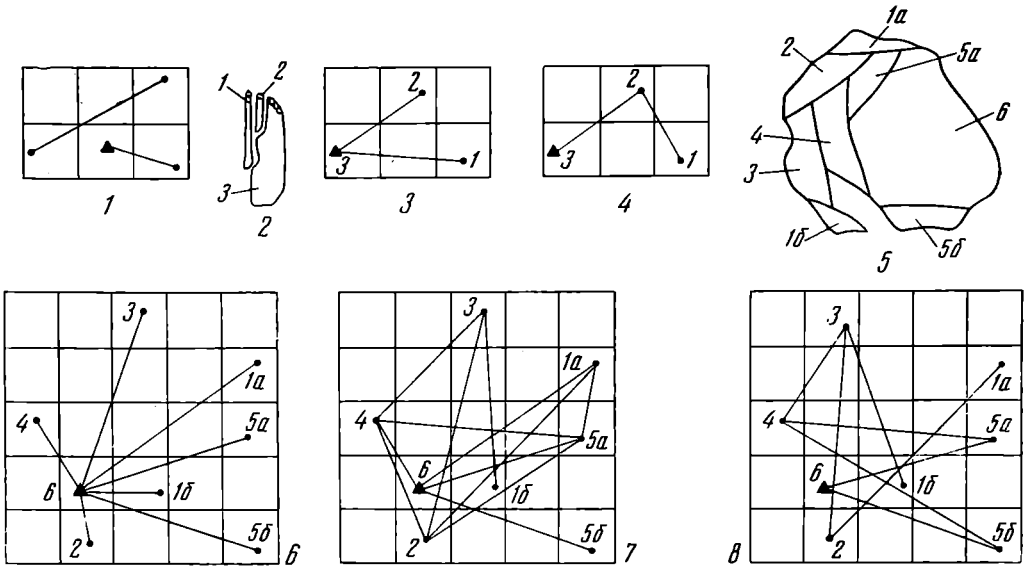


Рис. 1. Способы изображения связей на плане при точной планиграфической фиксации предметов. *1* — простые связи; *3*, *4* — пучок связей, образованный оживлением резца (*2*); *6*—*8* — пучок связей, образованный раскалыванием нуклеуса (*5*); *3*, *6* — наиболее употребимые, радиальные схемы, не требующие указания последовательности появления элементов в пучке (хотя она может быть выражена числами); *7* — схема, составленная с тем же условием, что и *6*, но в отличие от нее отражающая смежность элементов в пучке; *4*, *8* — схемы, отражающие последовательность возникновения элементов в пучке связей (треугольником обозначен нуклеарный, точкой — рядовой элемент)

Подобные разнообразные перемещения были наиболее характерны для центрального участка сравнительно долго использовавшихся поселений; на их периферии и на временных поселениях перемещения предметов происходили значительно реже. Сложные передвижения, которые испытывали фрагменты некоторого количества использованных предметов до окончания отложения культурного слоя, выразились бы на плане связей в виде причудливо изогнутых линий. Нужно помнить, что принятые изображения простой и единичной связей в виде прямой линии фиксируют конечные пункты перемещений фрагментов.

При исследовании положения связей важно понять, какие элементы, как и в какой мере могли быть перемещены. Но в зависимости от поставленной задачи и конкретных особенностей изучаемого памятника требования к полноте выяснения этих обстоятельств различны. Так, если элементы связей достаточно четко обрисовывают предполагаемые границы жилища или с их помощью устанавливается лишь непосредственная хронологическая близость памятников (о которой будет сказано ниже), характером перемещений практически можно пренебречь. В более детальных исследованиях (обычно сопровождаемых статистически незначительным материалом) выяснять возможные перемещения необходимо с особой подробностью. В целом, следует заметить, что поскольку памятники отражают определенную упорядоченность деятельности людей и в основные процессы вовлекались массы предметов, то главные перемещения предметов должны статистически отчетливо улавливаться.

Простая и единичная связи возникали мгновенно. Нередко это происходило и при образовании целого пучка связей (наиболее характерный случай — развал глиняного сосуда). Чаще пучок возникал в течение более продолжительного, но все же сравнительно короткого времени. Так обстояло дело, по всей вероятности, с типичными на древних поселениях пучками, образованными раскалыванием нуклеусов. Формирование пучков связей при изготовлении и переделке орудий или оживлении их рабочих частей могло охватывать большее время — обычно, должно быть, в пределах нескольких дней или недель. По-видимому, в течение такого

же промежутка и более длительно образовывались пучки, обусловленные побочными результатами деятельности человека (например, фрагментирование очажных камней) или случайным фрагментированием. Однако первые поддаются приблизительному учету и вместе со вторыми они, по-видимому, не могли составлять существенной части общего количества пучков связей на памятнике — при анализе любой коллекции кремня характер фрагментирования подавляющей его части обычно находит объяснение в целенаправленной деятельности человека.

Мгновенное или непродолжительное по отношению ко времени жизни поселения образование основной части связей позволяет считать возникновение элементов каждой из них практически одновременным. Это имеет существенное значение при выделении уровней и иных стратиграфических наблюдениях, которые, естественно, должны учитывать возможность окончательного захоронения части фрагментов каких-либо предметов через промежуток времени, превышающий период образования соответствующих связей. Различие во времени появления отдельных элементов пучков связей (рис. 1, *8*) необходимо принимать во внимание при прослеживании деталей хронологических соотношений и последовательности некоторых событий.

Установление одного и нескольких обитаний (посещений).

В культурном слое (или слоях) памятников часто смешаны следы многократного обживания участка, т. е. фактически нескольких отдельных поселений. То же касается посещений участка местности не с целью обживания, а, например, для первичной обработки камня возле его выходов. Выяснить, сколько раз использовался участок, в этом случае можно лишь по материалам коллекции, если они поддаются хронологическому или культурному членению. Вместе с тем нередко встречаются памятники, толща культурных отложений которых предположительно содержит соприкасающиеся или частично смешанные остатки нескольких обитаний, разделить которые традиционными методами мы не в состоянии. Речь идет о комплексах, близких или представляющихся близкими в культурном и хронологическом отношении и не содержащих каких-либо особых возможностей для разграничения таких, например, как различие пород или разновидностей использовавшегося камня. Характерно высказывание Г. П. Григорьева о пещерных памятниках: «Границы культурного слоя в пещерах, как правило, устанавливаются по границам геологического слоя. Это лишь гарантия того, что археолог устанавливает пол одного из культурных слоев, но отнюдь нет гарантии, что в пределах геологического слоя было несколько археологических слоев, сближенных между собой по вертикали. В этом последнем случае, а он довольно част, нет объективных оснований для выделения культурного слоя и нет объективных границ поселения» [10, с. 12]. То же относится к целому ряду открытых поселений, в особенности с мощным и структурно невыразительным культурным слоем. Так, по предположению М. Лики, олдувайские местонахождения с рассеянным материалом образовались, вероятнее всего, за счет повторных посещений участков местности [11, с. 437].

Подборка фрагментов еще не использовалась для стратиграфического разделения свидетельств отдельных обитаний. Путь к этому, как представляется, пролегает не через поиски граничных эффектов, а через выработку методики, с помощью которой можно было бы установить, что определенный культурный слой или горизонт остался после однократного обитания людей на каком-либо участке.

В литературе уже имеются разработки, способствующие установлению следов однократного обитания. На поселении Пенсеван участка 36 А. Леруа-Гуран счел сосуществующими жилища с очагами V105 и T112 на том основании, что от жилища V105 связи, по его мнению, не распространялись свободно к востоку, а образовывали «диагональ», сдерживаясь непосредственной близостью стен предполагаемого им заднего помещения жилища T112 [8, с. 252]. Подобное обстоятельство, безусловно, может свидетельствовать о полной одновременности жилищ, а также и других

возвышавшихся над землей сооружений, хотя в данном случае истолкование планировки культурных остатков спорное [3].

Более общее значение имеет подход, примененный на мезолитическом поселении Меер II в Бельгии. Детальное исследование связей и функций орудий позволило наиболее обоснованно определить назначение имеющихся объектов. Сосуществование основных объектов поселения: С I/Ia (предполагаемое жилище с примыкающим участком) и С IV (мастерская), а вместе с тем и однократность обитания устанавливается по циркуляции между объектами одних и тех же элементов связей [13, с. 167, 177].

Заслуживает внимания замечание А. Леруа-Гурана относительно того, что синхронность трех очагов на участке 5 в Пенсеван демонстрируется, в частности, сетью связей между резцами и сколами с них [8, с. 250, 252]. Под сетью связей подразумевается, очевидно, выраженное в плане простое многократное пересечение линий связей, охватывающее исследованную часть памятника. Сеть связей выступает здесь как чисто планиграфическое явление. Рассмотрим, что она при этом может дать, для чего обратимся вначале к вопросу о том, как она слагается.

Поскольку простая связь свидетельствует об одновременности лишь двух фрагментов, хронологическое соотношение каждой пары с другими точно такое же, как и любых единичных предметов в культурном слое. Поэтому сеть простых связей в отношении синхронизации наименее информативна. Простые связи могут более или менее надежно синхронизировать участки культурного слоя в том случае, когда они входят в концентрацию культурных остатков, сохранившуюся от функционально единого объекта: мастерской, места дробления костей и т. д. Хронологическая близость отдельных связей, а с нею и совокупности материалов концентрации устанавливается здесь происхождением их в результате одной и той же локальной деятельности. Совокупность простых связей становится до некоторой степени аналогичной пучку связей, хотя отражает чаще всего более длительный промежуток времени.

Пучки связей, естественно, в большей мере документируют единовременность охваченных ими участков культурного слоя, в особенности при значительном числе и мощности пучков. Конкретные способы выяснения хронологического соотношения участков с помощью планиграфии связей могут опираться главным образом, вероятно, на функциональное соотношение объектов и характер циркуляции подбирающихся предметов между ними. Взаимодополняемость объектов и двусторонняя циркуляция подбирающихся предметов, как в Меер II, должны свидетельствовать об одновременном использовании объектов и прилегающей площади, а однонаправленное перемещение предметов — о некоторой разновременности использования площадей. Примером последнего может служить заимствование очажных камней на поселении Пенсеван из комплексов V105 и T112 в комплекс L115, позволившее А. Леруа-Гурану считать комплекс L115 существовавшим несколько позднее [8, с. 256].

Однонаправленное перемещение предметов из комплекса в комплекс происходило и в рамках одного поселения, и при повторном освоении участка. Тот или иной вариант не может быть установлен чисто планиграфическим путем. Но и сеть связей в целом, прослеженная лишь планиграфически, не содержит достаточной гарантии своего возникновения в результате одного обитания, а не наложения сетей стратиграфически сближенных двух и более обитаний. В понятие сети связей, очевидно, должно быть включено и вертикальное распространение элементов связей в толще слоя. Интересное в данной связи наблюдение было проведено Мак-Картни и Тернером на древнеалеутском поселении Анангула. В смы-

[3] Сомнительно наличие у жилищ задних камер [12, с. 338]. У жилища V 105 связи распространяются к востоку от очага в среднем не дальше, чем от очага жилища T112 [8, рис. 68]. Картина связей в жилищно-хозяйственных комплексах сама по себе значительно различается и сопровождается различиями в расположении других культурных остатков, например охры [8, рис. 54]. Характер использования участка, направление входов в жилища нуждаются в уточнении.

кающихся без стерильных промежутков культурных прослойках были встречены материалы раскалывания одних и тех же нуклеусов [4, с. 37]. К сожалению, количество и распределение подбирающихся предметов и бытовой характер участка недостаточно ясны, что пока заставляет с осторожностью отнестись к выводу авторов о принадлежности прослоек одному поселению.

Н. Б. Леоновой удалось выявить множество связей на Авдеевском поселении и на основании охвата ими площадки ею сделан вывод о хозяйственном единстве комплекса [14, с. 175, 176]. Характер связей действительно в некоторой мере подтверждает единство комплекса, однако уверенно судить об этом при отсутствии сведений о положении элементов связей в толще слоя и без включения в сеть связей краевых объектов можно все же, лишь зная о планировочном единстве поселения.

При стратиграфических наблюдениях, как и при планиграфических, вначале нужно выяснить отношения связей с объектами. Наиболее ценны здесь также пучки связей. Каждый пучок сам по себе представляет небольшую сеть связей, в особенности наглядную, если на схеме пучка выразить смежность элементов (рис. 1, 7). Чем большим числом единичных связей обладает элемент, тем он надежнее (при прочих равных условиях) как стратиграфический показатель, т. е. определеннее его отношение к какому-либо горизонту. Стратиграфическая перевязка элементов нескольких пучков подчеркивает стратиграфическое единство объекта. Что же касается единства поселения, то сеть связей отражает его в том случае, если ее отдельные части увязаны с основными объектами поселения и друг с другом — стратиграфически или по характеру функционирования объектов.

Вполне реальна и такая ситуация, при которой, в силу различных причин, единая сеть связей на памятнике отсутствует и комплексы соединены лишь единичными стратиграфически малозначащими длинными связями или изолированы. В таком случае останется лишь признать невозможность решения вопроса о соотношении комплексов с помощью связей. Подобное положение можно предполагать на памятниках с комплексами, далеко отстоящими друг от друга и содержащими сравнительно небольшое количество культурных остатков. Из относительно долговременных поселений вероятным примером их может быть Добраничевка, где, однако, однократность обитания в некоторой мере подтверждается планировкой поселения [15; 8, с. 5, 6] и тем, что из сходного числа комплексов состояли, видимо, и другие поселения среднеднепровского типа. Связи, должно быть, не обязательно соединяют и расположенные рядом синхронные объекты поселения. Так, не обнаружено их между двумя близкими друг от друга скоплениями кремня, предположительно остатками жилищ, в раскопах I, III 1963 г. на мезолитическом поселении Вистка Шляхетска, хотя скопления скорее всего одновременны [16, с. 108, рис. 48, 49].

Задача выявления следов нескольких обитаний в толще культурного слоя может быть сведена к установлению уровней, соответствующих единичным обитаниям. Если культурные остатки отдельных обитаний лишь соприкасаются или смешение их по вертикали невелико, то даже при насыщенности культурного слоя в зоне контакта линии связей должны в основном замкнуться внутри соответствующих горизонтов. Это произойдет, вероятно, и в том случае, когда культурный слой не содержит выразительных объектов, к которым тяготеют связи. Связи, элементы которых находятся в двух горизонтах, по-видимому, приурочены к местам нарушений культурного горизонта одного обитания новым населением, оставившим следующий горизонт. Характер пучков (а иногда и простых связей) заключает в себе возможность определения того горизонта, из которого распространились их элементы (учет последовательности операций, возможного заимствования предметов, массовости связей, их отношения к объектам).

Внутренняя стратиграфия культурного слоя однократного обитания. При изучении постоянных поселений раннего земледелия и [illegible]

щих эпох с мощным культурным слоем основным является вычленение частей слоя (строительных ярусов, условных горизонтов), соответствующих функционированию памятника в определенный хронологический период. Необходимость подобного подхода возрастает и при исследовании более или менее долговременных поселений эпохи первобытности, культурный слой которых значительно менее мощен и структурно менее контрастен. Здесь не требуется абсолютной датировки каждого отдельного периода, поскольку величина ошибки любого метода датировки многократно превысит продолжительность жизни всего поселения. Выяснению подлежат только последовательность и приблизительная длительность периодов.

Немалую, а в ряде случаев решающую помощь при этом можно ожидать от использования метода подборки предметов. Первый опыт установления последовательности существования объектов на первобытном поселении с помощью выявления связей по фрагментам сосудов, давший ценные результаты, но, к сожалению, кратко изложенный, был проведен А. Д. Пряхиным на Шиловском поселении абашевской общности [17, с. 45, 46]. Некоторые аналогичные возможности в отношении палеолитических памятников отмечены нами без рассмотрения конкретно-методической стороны [11, с. 339]. Теперь кратко опишем применение метода, имея в виду относительно долговременные первобытные памятники.

Наибольшей мощностью и сложностью образования на этих памятниках характеризуются чаще всего отдельные участки культурного слоя, относящиеся к жилищам, производственным местам, углублениям, насыпям, изолированным очагам, свалкам и т. п. Они-то и содержат возможности стратиграфического расчленения слоя. Суть работы заключается в увязке элементов связей с определенными прослойками, локализованными в местах утолщения слоя и с нерасчленяющимся слоем вне их.

Необходимым свидетельством в пользу одновременности образования каких-либо локальных прослоек является нахождение в них элементов одних и тех же связей. Однако недостаточно лишь зарегистрировать такие элементы. Возникнув за относительно непродолжительный срок, окончательно отложиться в культурном слое они могли в разные промежутки времени. Увеличению точности суждений здесь должно помочь установление характера деятельности, отразившейся в образовании связей и перемещении их элементов; в последовательности появления элементов в определенных пучках связей в сравнении с их локально-стратиграфической приуроченностью; в статистической картине элементов связей, присутствующих в локальных прослойках и пр.[4]

Сопоставление, очевидно, вначале должно касаться мест взаимоперекрывания локальных прослоек, а затем поселения в целом. Стратиграфическое положение локальных прослоек на определенном участке можно выразить в виде колонки, на которой каждой прослойке соответствует определенный уровень (рис. 2). При сопоставлении колонок в ряде случаев придется объединять некоторые уровни в один общий уровень. Такая необходимость должна возникнуть, например, когда определенный уровень одной колонки коррелируется сразу с несколькими уровнями другой, и возможности для его расчленения отсутствуют.

Наравне с локальной прослойкой в относительно-стратиграфические сопоставления необходимо включать единовременно возникавшие комплексы: «клад», инвентарь захоронения (или весь погребальный комплекс, если нет оснований считать его сложившимся постепенно); определенную конструкцию или ее деталь, сооруженные единовременно — например, погребальную камеру в Костенках II [18, с. 48—56], «заборы» первого и второго межиричских жилищ [19, с. 114, 116—119]. Если же выяснится, что какая-либо конструкция слагалась постепенно, представляет интерес,

---

[4] Ценность внутристратиграфических наблюдений состоит не только в решении собственных задач. Они упрочат представление о поселении как едином функциональном целом, а иногда разрушат такое представление, способствуя разделению остатков нескольких обитаний.

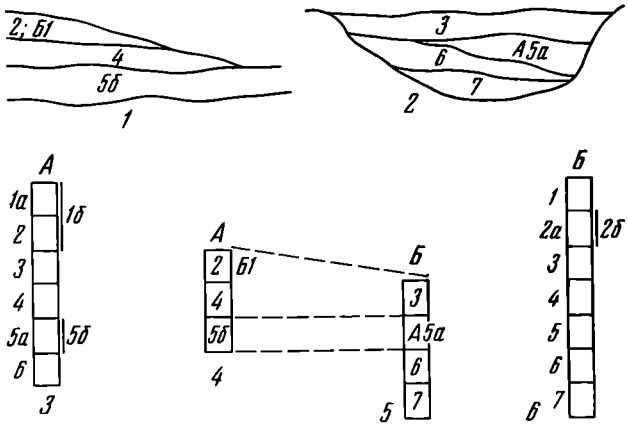


Рис. 2. Схема стратиграфического сопоставления локальных прослоек двух участков: *1*, *2* — локальные прослойки на двух участках (в наземных условиях и в яме); *3* — последовательность появления элементов в пучке связей, изображенном на рис. 1, *8*; *6* — аналогичная условно взятая колонка (на прослойках отмечены встреченные в них элементы пучков); *4*, *5* — те же элементы в колонках, выражающих стратиграфию участка

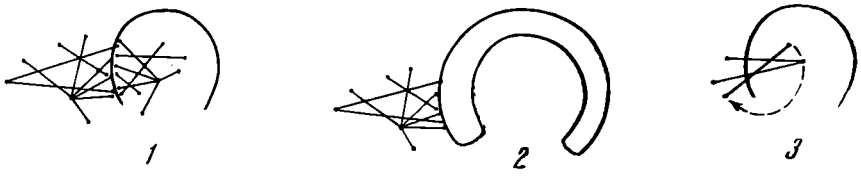


Рис. 3. Условная схема размещения связей возле одного участка стен жилища. *1* — ограничение элементов наружных и внутренних связей стеной жилища; *2* — задержка элементов наружных связей завалинкой; *3* — линии связей, пересекающие стены жилища, и фактическое перемещение элементов через вход

как соотносится она с внутрихронологической шкалой памятника по подбирающимся фрагментированным материалам.

Сходные, но более локальные внутристратиграфические задачи могут быть поставлены на постоянных поселениях с мощным культурным слоем в случае его маловыразительности. Если же на них хорошо выделяются строительные горизонты или ярусы, стратиграфические наблюдения будут касаться в основном внутренней хронологии последних. Пространственно роль подборки предметов, по-видимому, ограничится главным образом изучением соотношения объектов и прилегающих участков более или менее обширных комплексов. Небольшие раскопки позволили с некоторой степенью вероятности синхронизировать по фрагментам керамики два помещения и участок возле одного из них на раннесредневековом городище Кахкаха I в Северном Таджикистане [5, с. 48]. Обширные раскопки городища того же периода Хайтебу в Шлезвиг-Голштейн с прослеживанием связей по фрагментам керамических и каменных сосудов в значительной полноте показывают, какие связи могут быть выявлены на постоянных поселениях. Довольно большое число связей заходит в соседние комплексы, некоторые длинные связи простираются через несколько комплексов на расстояние более 100 м [20, рис. 6—8]. По-видимому, анализ связей на постоянном поселении может оказать существенную помощь и в выделении строительных горизонтов. Прежде чем закопать, лишь пересчитав, массу фрагментов прекрасных античных амфор или любых других сосудов, целесообразно все же решить, нельзя ли использовать их для извлечения не только статистической информации.

Планиграфические наблюдения.

Расположение элементов связей в плане принималось во внимание при рассмотрении почти всех предшествующих вопросов. Однако эта

характеристика чаще всего была подчиненной. Теперь коснемся вопросов, в которых она играет основную роль. Специальные вопросы по размещению элементов связей в плане имеют интерес, по-видимому, почти исключительно для первобытных памятников. Они заключаются в выяснении пространственного размещения следов какой-либо деятельности людей. Одним из примеров может служить прослеженное В. Тауте расположение резцов и резцовых сколов на поселении Деймерн 45 [7, рис. 16]. К подобного же рода наблюдениям относится прослеживание размещения элементов пучков связей, образованных производством, освежением и переиспользованием отдельных каменных орудий [8, рис. 68, 71; 14, с. 176]. Наиболее интересны в этом отношении сведения по поселению Меер II. Часть орудий, сделанных на нем из сколов с одного нуклеуса, была использована для грубых работ на участке С IV (остатки мастерской), а орудия из других сколов с того же нуклеуса — для более тонких работ на участке С Ia. Один нуклеус прошел первичную обработку на участке С IV, а для скалывания заготовок он использовался на участке С Ia [13, с. 175]. Эти и другие столь же тонкие наблюдения позволили детальнее обосновать определенное назначение каждого участка, чем это было бы сделано лишь по составу инвентаря. Изучение связей здесь дало также возможность вполне правдоподобно предположить, что на небольшом производственном участке (С IV) одновременно работало два-три человека.

Наиболее существенной задачей в изучении планиграфии связей, по-видимому, станет выявление жилищ. Оно возможно благодаря тому, что стены жилища служили препятствиями, которые задерживали перемещавшиеся по разным причинам предметы и их фрагменты. При наличии постоянного препятствия пучки связей могли полностью не достигать его или касаться препятствия частью своих элементов. Чем большее число пучков связей и их элементов примыкало к препятствию, тем резче обозначался его контур. Положение простых связей не столь показательно, однако при значительном их числе они также могут сыграть свою роль в обнаружении былого препятствия. Достоверному определению местоположения стен жилища будет способствовать сопряженный анализ внутрижилищных и наружных связей (рис. 3, *1*). Четкое совпадение с контуром жилища обнаружили внутрижилищные связи на поселении Гоннерсдорф [21, рис. 6].

На распределении элементов связей должны были сказываться особенности устройства и использования жилищ. Если стены были утолщены за счет завалинки, элементы наружных связей могли значительно не доходить до границы интерьера и создавать впечатление бóльших, чем действительные, размеров жилого пространства (рис. 3, *2*). Подобный случай, если он не затемнен другими обстоятельствами, проявится, по-видимому, в широкой полосе, свободной от культурных остатков. При наклонных стенах, свойственных многим первобытным жилищам, до стен доходила лишь часть элементов внутрижилищных связей. К тому же, как известно из этнографии, в небольших жилищах вблизи стен обычно располагались места для отдыха. Это должно было усиливать только что отмеченную деталь в размещении связей, способствуя преуменьшению размеров интерьера.

На месте жилища (до и после его существования) могло отложиться некоторое количество культурных остатков. Распространение элементов связей в этом случае не ограничивалось стенами. Но и стены не всегда были глухим препятствием, так как если каркас покрывали шкурами, их могли поднимать для просушки и проветривания жилища. Нельзя сказать, что подобные обстоятельства совершенно безнадежны для анализа. Они не различимы при слабой выраженности культурного слоя. Но более мощная прослойка, отложившаяся на участке с остатками жилища, не окажется незамеченной, а поднятие покрышек будет предполагаться при установлении незимнего и сравнительно кратковременного характера поселения, а также при определенном составе фаунистических остатков и неприложимости других объяснений размещения связей.

Следует, однако, иметь в виду, что полученные на плане пересечения стен линиями связей — еще недостаточное свидетельство того, что элементы этих связей действительно пересекали контур стен. Немалая часть элементов связей, несомненно, описывала криволинейное движение вследствие переноса предметов людьми через вход в жилище, хотя на плане линии связей должны в этом случае пересекать контур жилища (рис. 3, *3*). Значение пересечений может выясниться при рассмотрении ориентировки линий, их сближенности, численности, а также характера деятельности людей на исследуемом участке. В действительности, конечно, факторы, маскирующие очертания жилища, почти всегда действовали совместно. Поэтому изучение связей должно сочетаться с изучением всего комплекса данных о поселении.

Наиболее основательными и в целом успешными попытками выявления жилищ по связям остаются отмеченные работы в Пенсеван. Однако авторы не пользовались археологическими и этнографическими аналогиями, вероятно, в расчете на некую чистую аналитичность [12, с. 338]. Может быть, поэтому трудно принять реконструкцию плана жилищ участка 36 [8, рис. 174, III, V]. Представляется чрезмерно сложной и довольно искусственной в безоговорочном следовании каждой детали положения предметов реконструкция бытовой обстановки на поселении участка 5. Размещение предметов, связей, а также зимнее использование поселения [3, с. 377] наводят на мысль, что там имелось не три полуоткрытых легких убежища, а скорее одно длинное жилище.

При выработке методики выявления жилищ необходимо опираться прежде всего на поселения простой структуры, но с хорошо установленными остатками наземных или слабоуглубленных жилищ, наименее сложных по следам конструкций, к таким поселениям относится Куличевка — нижний и верхний слои, Липа I и VI — 5-й слой [22]. Подобные памятники наиболее близки к количественно преобладающим палеолитическим и мезолитическим поселениям, на которых признаки жилищ проявляются слабо. Обычно это сезонные и более кратковременные стоянки. Имеет значение и изучение связей на относительно долговременных памятниках, но простейшие признаки наличия жилищ на них, должно быть, скрыты сложным наложением следов функционирования жилищ и жилищно-хозяйственных комплексов.

Наблюдение планиграфии связей является в настоящее время наиболее эффективным способом разграничения жилищно-хозяйственных комплексов, что и было с успехом проделано на поселении Пенсеван (участок 36) [8, с. 239—250, рис. 161]. Но выделение на поселении комплексов имеет еще одну сторону. Оно позволит, хотя и не с полной точностью, но наиболее достоверно разграничить по комплексам коллекцию изделий, фаунистических остатков и пр. Это имеет большое значение для изучения разнообразной деятельности и устройства коллективов, населявших поселения. Аналогичные возможности заключены и в особенностях локализации следов деятельности внутри жилищ и жилищно-хозяйственных комплексов. При их исследовании встают прежде всего следующие вопросы: каково размещение связей внутри жилищ по отношению к имеющимся там объектам; не увязываются ли по подбирающимся предметам отдельные очаги, концентрации каких-либо предметов, участки внутри отмеченных жилищ с определенными очагами, ямами, рабочими местами и другими объектами или участками вне жилищ? Для восточноевропейского палеолита особенно важно было бы изучение отмеченным образом длинных жилищ, комплексов типа верхнего слоя Костенок I, жилищно-хозяйственных комплексов среднеднепровского типа и мустьерских жилищ.

Планиграфические наблюдения предъявляют наиболее жесткие требования к фиксации материалов в плане. Однако это не означает непригодности для исследования по связям памятников, на которых фиксация производилась по квадратам различных размеров. На таких памятниках лишь сузится круг исследуемых вопросов и ускользнут многие детали. Наиболее обычным для них, по-видимому, станет разрешение вопроса о

взаимоотношении отдельных объектов, комплексов и участков поселения. Таково исследование связей в Авдееве, проведенное Н. Б. Леоновой [14].

Определение непосредственных взаимоотношений отдельных памятников.

В некоторых случаях благодаря исследованию подбирающихся предметов могут быть поставлены вопросы о непосредственном хронологическом, культурном, а иногда и функциональном соотношении памятников. При этом возможны следующие варианты.

1. Случай, когда может быть поставлен весь комплекс вопросов. Это касается памятников, относимых к многослойным, но многослойность которых по каким-либо причинам вызывает сомнения. Такой вариант встретился при изучении Кирилловского палеолитического поселения. Верхний и нижний его слои, локализованные на соседних участках, значительно различаются по глубине залегания и считаются самостоятельными поселениями, относящимися к начальной и завершающей фазам мадленского времени [23, с. 432, 433]. Однако П. И. Борисковский указал на чрезвычайное сходство кремневых комплексов обоих слоев [24, с. 174], а И. Г. Пидопличко, основываясь на этом указании и учитывая вероятный уклон древней поверхности, счел возможным говорить о едином поселении [25, с. 27, 28]. При просмотре коллекции кирилловского кремня нам встретились фрагменты крупной пластины, два из которых зафиксированы в верхнем, один — в нижнем слое. Таким образом, соображения об однократности обитания на поселении получили хотя и единичное, но прямое подкрепление[5]. Можно надеяться, что аналогичный подход позволит выяснить вопросы о существовании в Мезине следов двух [26, с. 83, 90—92] или только одного [27, с. 17; 28, с. 10] обитания, о числе обитаний на Гонцовском и некоторых других поселениях.

2. При установленной культурной близости пространственно разделенных памятников может быть поставлен вопрос об их точном хронологическом соотношении. Таковы, например, памятники костенковско-авдеевской культуры в Костенках. Исследуя подобные памятники, важно не только установить наличие между ними связей, но и тщательно проанализировать стратиграфическое положение элементов связей. Это даст основание судить о полной одновременности или определенной непосредственной последовательности существования поселений[6].

Нельзя считать абсолютно бесперспективным установление точных хронологических взаимоотношений памятников, близких в культурном отношении, но разделенных большим расстоянием, таких, как памятники костенковско-авдеевской культуры в эпонимных селах. Подбирающиеся предметы могут быть встречены на них практически лишь в случае, если поселения использовались той же самой общиной одно непосредственно за другим. При переходе на новое место забирали минимум производственного инвентаря: орудия, отчасти, вероятно, полуфабрикаты, сырье, а также некоторые изделия непроизводственного назначения. Подбирающиеся с ними различные отходы и обломки оставались в культурном слое первоначального поселения. Характер предметов и их залегание укажут на последовательность использования поселений.

3. Если имеются основания полагать, что пространственно разделенные памятники были связаны функционально, это закономерно влечет вопрос об их культурном единстве и непосредственной или полной хронологической близости. Таковыми могут быть памятники различных ка-

---

[5] Коллекция Гос. ист. музея Украинской ССР. Старые шифры фрагментов из верхнего слоя № 3557 и 3819, новые — а10/152 и а10/153, старый шифр фрагмента из нижнего слоя — 18, новый — а10/78. Наш просмотр был по необходимости беглым ввиду недоразобранности коллекции. После полной разборки коллекции к выявлению связей, очевидно, нужно вернуться.

[6] Понятием «полной одновременности» или «полной хронологической близости» здесь обозначается совпадение всего или части времени функционирования памятников; «непосредственной последовательности» — существование памятников одного сразу же за другим, «непосредственной хронологической близости» — недостаточно ясное взаимоотношение памятников, имеющих общие подбирающиеся предметы.

тегорий: поселения и места добычи и обработки камня, поселения и могильники и др. Ж. Тиксье сравнительно недавно удалось выявить связи неолитического поселения Бордж Меллала в Алжире с мастерскими, находившимися на расстоянии 120 и 220 м от поселения [9, с. 213]. П. И. Борисковский привел убедительные соображения в пользу одновременности и тесной связи Амвросиевского поселения и расположенного поблизости костища [24, с. 362], являвшегося, судя по инвентарю, местом разделки охотничьей добычи. Выявлением подбирающихся предметов вопрос о взаимоотношении этих памятников может быть выяснен исчерпывающе.

Изучение нарушений и разрушения культурного слоя.

Из различных воздействий естественных процессов, которым подвергался каждый оставленный людьми памятник, коснемся ситуации, связанной с его механическим повреждением. Ненарушенность памятника должна выразиться соответствием выявленной на нем сети связей особенностям его структуры и функционирования. Чем беднее и невыразительнее памятник, тем менее ясным может быть вопрос о его сохранности и тем труднее при проверке исходить из особенностей его использования. В этом случае относительная непотревоженность памятника, по-видимому, проявится лишь в независимости ориентировки сети связей от воздействия того или иного фактора, например склонового размыва, в относительной кучности размещения подбирающихся предметов, особенно продуктов раскалывания нуклеусов. Так, при исследовании раннепалеолитического местонахождения FwJj 1 в Кооби Фора (Восточная Африка) на берегу имевшегося в древности небольшого водотока найдены неокатанные отщепы, отделенные от одного и того же нуклеуса. Это позволило предположить, что материалы местонахождения не были серьезно перемещены течением [29, с. 545; 30, с. 84]. Исследования, однако, пока еще очень фрагментарны — проведена траншея метровой ширины вниз по пологому склону [7].

На памятниках, в целом сохранившихся хорошо, подбирающиеся предметы можно использовать для изучения различного рода частичных нарушений культурного слоя склоновыми процессами с отложением линз, прослоек, толщ дисперсно залегающих культурных остатков. При этом яснее выявятся зона нарушения и расстояние перемещения предметов. Связи, вероятно, помогут разбираться и в тех ситуациях, когда не удается понять, действительно ли материалы были перемещены или они отложились на месте.

Небезынтересны для исследования и случаи, когда в той или иной мере разрушен весь культурный слой памятника, исключая лишь углубленные объекты. Таково, в частности, Сунгирское палеолитическое поселение, поврежденное солифлюкцией [31], сила воздействия которой недостаточно ясна. Насколько далеко перемещались предметы от исходного местоположения? На этот вопрос важно получить хотя бы приблизительный ответ, и, вероятно, он может быть получен по подбирающимся предметам при имеющейся фиксации и сохранности материалов. С этой целью нужно попытаться выявить подбирающиеся предметы, одни части которых сохранились в первоначальном залегании в углублениях, а другие сползли по склону. Превышение средней длины таких связей над средней длиной связей, ориентированных поперек склона, даст ориентировочное расстояние солифлюкционного переноса.

Аналогичный подход можно применить к памятникам, в основной части нарушенным условиями склонового переноса или несильного размыва водоемом. Если культурный слой нарушен полностью, приблизительное представление о размерах перемещения предметов можно составить по наиболее протяженным связям. Они возникали, когда одни элементы связей задерживались препятствием, действием своего веса или

[7] При такой конфигурации раскопа имелись благоприятные условия для выявления связей, ориентированных лишь по склону, а не вдоль водотока. Фрагментарные вскрытия, а также прохождение края раскопа через комплексы вообще могут создать ложное впечатление об особенностях сети связей на поселении.

формы, а другие в силу своих особенностей или благоприятных микротопографических условий сносились дальше.

На раннепалеолитическом поселении FxJj 50 в северной Кении прослежен один из многообразных видов вертикального перемещения материалов. Значительные локальные рассеяния предметов по вертикали исследователи объясняют роющей деятельностью термитов, что подтверждается некоторыми особенностями вмещающей породы [29, с. 116]. На участках нарушения слоя линии связей направлены под большим углом к горизонту [32, рис. 8].

В заключение отметим, что изложенный метод связан со многими звеньями полевой, лабораторной и теоретической работы и при его использовании нужно стремиться максимально учитывать открываемые в ее процессе обстоятельства. Применение метода, в свою очередь, предъявляет высокие требования к проведению раскопок, прежде всего к фиксации и регистрации материалов, а также к их хранению. Возможность получения принципиально новых сведений с помощью данного метода достаточно важна для археологии, чтобы от эпизодического применения его с какими-либо узкими задачами вводить метод в постоянную практику.

ЛИТЕРАТУРА

1. О раскопках Ф. К. Волкова и Л. Е. Чикаленко в Черниговской губ. в 1913 г. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1, 1913, № 366.
2. *Hanitzsch H.* Die Spätmagdalenien Station Groitzsch bei Eilenburg (Fundplatz A).— Forschungen zur Vor- und Fruhgeschichte. 2(Varia Praehistorica). Lpz., 1957.
3. *Leroi-Gourhan A., Brézillon M.* L'habitation magdalénienne № 1 de Pincevent près Montereau (Seine-et-Marne).— Gallia Préhistoire, 1966, t. IX, Fasc. 2.
4. *McCartney A. P., Turner* II *C. G.* Stratigraphy of the Anangula core and blade site.— Arctic Anthropology, 1966, v. III, № 2.
5. *Сергин В. Я.* Раскопки на городище Кахкаха I.— Сообщ. Гос. республ. объединенного музея историко-краеведческого и изобразительных искусств. Вып. IV. Душанбе, 1966.
6. *Сергин В. Я.* О хронологическом соотношении жилищ и продолжительности обитания на позднепалеолитических поселениях.— СА, 1974, № 1.
7. *Taute W.* Die Sielspitzen-Gruppen im Nordlichen Mitteleuropa. Ein Beitrage zur Kenntnis der späten Altsteinzeit.— Fundamenta. Monographien zur Urgeschichte. B. 5. Köln, 1968.
8. *Leroi-Gourhan A., Brézillon M.* Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse ethnographique d'un habitat magdalénien (La section 36). P., 1972.
9. *Cahen D., Karlin C., Keeley L. H., Van Noten F.* Méthodes d'analyse technique, spatiale et fonctionelle d'ensembles lithiques.— Helinium, 1980, v. XX, № 3.
10. *Григорьев Г. П.* Проблематика палеолитических поселений как археологического источника.— В кн.: Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Тезисы докладов. Л.: Наука, 1974.
11. *Leakey M.* A Summary and Discussion of the Archaeological Evidence from Bed I and Bed II, Oldovai Gorge, Tanzania.— In: Human Origins. Louis Leakey and the East African Evidence. Menlo Parc, California, 1976.
12. *Сергин В. Я.*— СА, 1976, № 3.— Рец. на кн.: Leroi-Gourhan A. et Brézillon M. Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse ethnographique d'un habitat magdalénien (La section 36). P., 1972.
13. *Cahen D., Keeley L. H.* Not less than two, not more than three.— World archaeology, 1980, v. 12, № 2.
14. *Леонова Н. Б.* Некоторые аспекты исследования кремневого материала на стоянках верхнего палеолита.— ВА, 1976, № 54.
15. *Шовкопляс І. Г.* Господарсько-побутові комплекси пізнього палеоліту.— Археологія, 1971, № 3.
16. *Schild R., Marczak M., Królik H.* Późni Mezolit. Próba wieloaspektowej analizy otwartych stanowisk piaskowych. Ossolineum, 1975.
17. *Пряхин А. Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 1976.
18. *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона.— МИА, 1963, № 121.
19. *Пидопличко И. Г.* Межиричские палеолитические жилища из костей мамонта. Киев: Наук. думка, 1976.
20. *Schietzel K.* Haithabu. Ein Beitrag zur Entwicklung frühstädtischer Siedlungsformer Nordeuropas.— In: Ausgrabungen in Deutschland. Teil 3. Mainz, 1975.
21. *Bosinski G.* Die Rekonstruction des Gönnersdorfer Hauses.— In: Ausgrabungen in Deutschland, Teil 3. Mainz, 1975.
22. *Савич В. П.* Пізньопалеолітичне населення південно-західної Волині. Київ: Наук. думка, 1975.
23. Археологія Української РСР. Т. 1. Київ: Наук. думка, 1971.

24. *Борисковский П. И.* Палеолит Украины.— МИА, 1953, № 40.
25. *Пидопличко И. Г.* Палеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев: Наук. думка, 1969.
26. *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка. Киев: Наук. думка, 1965.
27. *Рогачев А. Н.* Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине.— КСИА, 1962, вып. 92.
28. *Сергин В. Я.* Палеолитические жилища Европейской части СССР. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1974.
29. *Isaac G. L., Harris J. W., Crader D.* Archaeological evidence from the Koobi Fora Formation.— In: Earliest Man and Environment in the Lake Rudolf Basin. Stratigraphy, Paleoecology and Evolution. Chicago, 1976.
30. *Isaac G. L., Harris J. W. K.* 4. Archaeology.— In: Koobi Fora research project. V. 1. The Fossil hominids and introduction to their context, 1968—1974. Oxford. 1978.
31. *Бадер О. Н.* Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука, 1978.
32. *Bunn H., Harris J. W. K., Isaac G. L. et all.* FxJj50: an Early Pleistocene site in northern Kenya.— World Archaeology, 1980, v. 12, № 2.

V. Ya. Sergin

THE «LIAISONS» METHOD AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

Summary

More frequent use of refitted pieces in archaeological studies is explained by their great research potentialities. However, archaeological works mostly lack methodological substantiation of conclusions based on the distribution pattern of refitted pieces.

The author discusses the fragmentation and distribution pattern of objects in the cultural layers, and the technological conditions of their refitting. He demonstrates the current and probable uses of refitted pieces for the study of the primitive epoch: 1) for determining the number of occupations which formed the cultural layer in case traces of single occupations merge along the vertical line or are partly mixed in the contact zones; 2) for the establishment of the sequence of localised strata in the level of a single population; 3) for planigraphic studies, mainly for singling out functionally different plots and specificities of dwelling remains; 4) for the establishment of the whole chronological integrity and cultural unity of individual sites (of two settlements, of a settlement and a workshop, of a settlement and a burial ground, and so on); 5) for tracing peculiar features of damages done to the cultural layer by slope processes, influence of water bodies and different factors moving objects along the vertical line.

ЛЮБИН В. П.

ПАЛЕОЛИТ ТУРКМЕНИИ

(История исследования, новые материалы, ближайшие задачи)

В 1916 г. В. Н. Андрусов, проводивший экспедицию в Закаспийские области, передал в дар Музею антропологии и этнографии в Петрограде небольшую коллекцию каменных орудий, собранную им на Мангышлаке и в районе станции Джебел у подножия Большого Балхана. В приписке к описи, приложенной к этой коллекции, отмечалось, что «следы человека с каменной индустрией имеются еще у колодца Кошоба на хивинской дороге». Небольшая, состоящая в основном из неолитических кремней коллекция В. Н. Андрусова [1] — первый сигнал о пребывании человека каменного века на территории Туркменистана. Джебел и Кошоба сразу же обозначили два интереснейших в палеолитическом отношении района республики — Красноводское плато и Большой Балхан, разведки и изучение палеолита в которых надолго приковали внимание исследователей.

Работы в этих районах, в большей или меньшей степени, велись на всех четырех этапах, которые можно выделить в истории изучения палеолита Туркмении. Первые два этапа, во всяком случае, почти полностью связаны с названными районами. Первый из них относится к 1942—1943 гг., когда работники Туркменского геологического управления (В. В. Шумов, Н. П. Луппов и др.) обнаружили местонахождения каменных орудий в ряде пунктов Красноводского полуострова (Каскыр-Булак, Джанурпа, Кызыл-Лай, Эрек, Такырная, Камышлы-Булак). На соседней территории Нижнего Узбоя они открыли местонахождения Игды и Ахча-Куи. К этому этапу следует отнести еще сборы ашхабадского археолога А. А. Марущенко в районах Джебела, Камышлы-Булака, Курт-Куи и Турган-дага и сборы геолога Д. И. Щербакова в местности Серные бугры и в Центральных Каракумах [1, с. 40, 41, 166—168].

Местонахождения Янгаджа, Курт-Куи и Джебел расположены соответственно на 39—40, 50 и 73 км железной дороги Красноводск — Ашхабад, т. е. у южного обрыва Красноводского плато и у подножья Большого Балхана, и, как это впервые отметил В. В. Шумов, связаны с высотными уровнями и береговыми валами хвалынской трансгрессии Каспия.

Сборы А. А. Марущенко и Д. И. Щербакова, насколько известно, не сохранились, сборы же В. В. Шумова и Н. П. Луппова были обработаны и изданы П. И. Борисковским, которому мы обязаны первым профессиональным описанием и обобщением материалов по палеолиту Туркмении [2, с. 3—8; 3, с. 81—83]. Техника обработки камня, характер заготовок, состав орудий (острия разных типов, пластинки с притупленным краем, скребки и т. д.), по мнению П. И. Борисковского, свидетельствуют о верхнепалеолитическом и эпипалеолитическом возрасте указанных местонахождений. Более древние находки в Туркмении к тому времени практически были неизвестны. Правда, в вышедшем спустя много лет справочнике [1, с. 40, 41] указано о находке В. В. Шумовым еще в 1942 г. в районе Янгаджи двух кремневых леваллуазских пластин (определение П. И. Борисковского) и, согласно сообщению А. А. Марущенко, о находках в 1943 г. на местонахождениях Джебел, Турган-даг и Серные бугры кремневых ручных рубилец [2].

[1] Колл. 2610 МАЭ АН СССР в Ленинграде.

[2] Возможно, что эти, а может быть, сделанные позже находки А. А. Марущенко демонстрировал на заседании сектора палеолита ИА АН СССР в Ленинграде в 1957 г.

Второй этап представлен работами IX отряда ЮТАКЭ под руководством А. П. Окладникова в 1947, 1949, 1950 и 1952 гг. И полевые работы, и обработка материалов на этом этапе ведутся археологами-специалистами по единому плану. А. П. Окладников проводит повторное обследование почти всех памятников, обнаруженных ранее в районах Красноводского плато и Большого Балхана (Янгаджа, Джебел, Курт-Куи, Джанурпа, Каскыр-Булак и др.), выявляет новые местонахождения (Огланлы, Сульмен и др.), открывает и раскапывает первые четыре стратифицированные стоянки с ненарушенными мезолитическими культурными слоями на Красноводском полуострове (Кайлю в подножье Куба-дага) и в предгорьях Большого Балхана (Дам-Дам-Чешме I и II, Джебел) [3].

Важным достижением работ отряда явилось обнаружение на четырех ранее известных местонахождениях немногочисленных, но бесспорных мустьерских изделий (в Янгадже найдены скребло, дисковидные нуклеусы, отщепы; в Джебеле — диск, остроконечник и отщеп; в Каскыр-Булаке — два остроконечника и дисковидный нуклеус; в Джанурпе — дисковидный нуклеус, скребловидное орудие, отщепы). В Янгадже, на участке 39—41 км железной дороги Красноводск — Ашхабад, кроме того, было найдено два, по определению А. П. Окладникова, ручных рубила позднеашельского типа. Здесь же удалось обнаружить кремневую верхнепалеолитическую мастерскую [4, с. 67—71; 5, с. 73—104; 6, с. 28—32; 7, с. 181—222; 8, с. 17—59]. Ко второму этапу следует, видимо, отнести открытие Хорезмской экспедицией в 1951 г. на Нижнем Узбое местонахождения Джойрук, на котором встречены мустьерские остроконечники и отщепы [9].

Третий этап приходится в основном на 60—70-е годы и характеризуется работами ряда археологов (Л. П. Хлобыстин, В. А. Ранов, А. М. Мандельштам), краеведов (Г. В. Иванов) и географов (П. М. Долуханов), как в прежних районах (Большой Балхан), так и в новых, не затронутых ранее разведками (Копетдаг, Бадхыз, Джанак).

Разведки Копетдагского отряда Каракумской экспедиции в 1952, 1958, 1962, 1966 и 1968 гг. в Северо-Западном Копетдаге установили отсутствие кремневого сырья в этом районе. Отдельные встреченные отрядом орудия (скребло, чоппер) были изготовлены из аргиллитовых галек [10, с. 430]. Более результативны комплексные геолого-археологические работы, проведенные в 1962 г. Б. К. Лузгиным и В. А. Рановым в Центральном Копетдаге, к югу от Ашхабада. На обнаруженных здесь местонахождениях Томчи-Су, Оталгызов и Яблоновском археологические материалы удалось связать с определенными геоморфологическими уровнями. Типологические особенности находок и их геолого-геоморфологические позиции позволили исследователям отнести Томчи-Су к позднеашельскому времени, Оталгызов и Яблоновское — к мустьерскому. Собранные в этих пунктах немногочисленные изделия изготовлены из известняковых галек; в их составе нуклеусы, скребло, чоппер, чоппинг, отщепы (Томчи-Су); нуклеусы, чоппинг, отщепы (Оталгызов); скребло, отщепы (Яблоновское). Использование местной схемы стратиграфии четвертичных отложений для установления относительного возраста переотложенных палеолитических материалов является определенным шагом вперед, однако отнесение террасовых уровней с верхнеашельскими и мустьерскими находками к среднему плейстоцену [11, с. 87—95] нуждается, как нам кажется, в пересмотре.

Разведки, проведенные Г. В. Ивановым в 1977—1978 гг. в Бадхызе (холмистые предгорья Паропамиза в междуречье Теджена и Мургаба), впервые установили следы палеолита в восточной части Туркменистана. На западе Бадхыза, вдоль гребня невысокого Пинханского хребта, откры-

---

В составе показанной им небольшой коллекции мустьерских изделий обратили на себя внимание тронкированные (ретушно-усеченные) сколы. А. А. Марущенко показывал мне также небольшое ручное рубильце мустьерского облика, найденное им, как он сказал, в Каракумах. Судьба этих сборов А. А. Марущенко до сих пор не выяснена.

[3] Впрочем, Дам-Дам-Чешме I был обнаружен В. В. Шумовым еще в 1943 г.

то 11 мустьерских местонахождений с малым количеством находок (нуклеусы, сколы, зубчатые изделия). На наиболее интересном из них (Пинхан V) встречено около 30 предметов из алевролита, кремнистого сланца, окаменелого дерева. Количественно более значительный материал собран Г. В. Ивановым в котловинах выдува среди песчаных холмов в восточной части Бадхыза. Датировка этих находок (пластины, отщепы, нуклевидные скребки) верхним палеолитом нуждается, на наш взгляд, в дополнительном обосновании [12, с. 13].

Среди районов, впервые затронутых разведками, весьма интересен также Джанак (район между Большим Балханом и Узбоем), где в 1962 г. А. М. Мандельштам обнаружил первый в этих местах палеолитический памятник: в 36 км от Узбоя, в подошве гребня Бегарсландаг, он собрал небольшую, но выразительную коллекцию мустьерских кремней. Преобладание в сборах нуклевидных обломков, аморфных нуклеусов, сколов-отходов свидетельствует о существовании здесь кремневой мастерской. Орудия представлены скреблами — диагональным, угловатым и типа хай лодж [13, с. 111—115].

Заслуживают, наконец, внимания геолого-археологические исследования, проведенные в 1976 г. П. М. Долухановым в предгорьях Большого Балхана в районе Белека. В собранной им коллекции мустьерских кремней интересны два небольших двусторонне обработанных орудия — подтреугольных и удлиненно-листовидных очертаний.

Четвертый этап исследования палеолита в Туркмении связан с работами специального палеолитического отряда, восстановленного в составе ЮТАКЭ в 1980 г. в 1980—1981 гг. отряд выполнил значительные поисковые работы в Юго-Западном Копетдаге и в Джанаке, и на пути из Красноводска в Ашхабад провел небольшие рекогносцировочные маршруты на Красноводском плато и подножье Большого Балхана. Работы отряда впервые предоставили достаточный материал для суждения об особенностях мустьерской культуры на территории Туркмении и заселенности этой области в ашельскую эпоху. Картирование вновь открытых и ранее известных мустьерских памятников Северо-Западной Туркмении также впервые позволило увязать дислокацию этих памятников с событиями четвертичной истории туркменского Прикаспия. Остановимся на работах отряда подробнее [4].

Поисковые работы в Юго-Западном Копетдаге велись в Приатречье, в долинах рек Сумбар и Чендырь. Их долины, прикрытые с севера цепями Передового хребта Копетдага, защищены от вторжений арктического воздуха и обладают благодатным субтропическим климатом, наиболее теплым и мягким в Туркмении.

Во время кратковременных разведок 1980—1981 гг. в долине р. Сумбар и двухдневной рекогносцировки 1981 г. в долине р. Чендырь во многих местах были встречены ашельские и мустьерские каменные изделия, однако значительных местонахождений обнаружить пока не удалось.

В долине р. Сумбар работы велись в районе селения Кара-Кала, в среднем течении р. Чендырь — близ селения Кызыл-Имам. Геолого-геоморфологические характеристики обследованных территорий довольно близки: долины названных рек заложены в меловых породах, по всей видимости, в конце плиоцена; эти породы перекрыты несогласно мощной толщей континентальных (надакчагыльских, по И. И. Никшичу) отложений; толща эта заполняет всю глубину депрессии, образуя здесь древнейший террасовый уровень высотой до 80—100 м и более; серия более молодых террас прослеживается в разных местах на более низких уровнях [14, с. 5, 6, 14, 15, 108; 16, с. 558].

Надакчагыльские отложения сложены переслаивающимися между собой суглинками, супесями и галечниками. Галечники образованы обломками палеогеновых и меловых пород, сильно варьируют по размеру и

[4] Состав отряда: В. П. Любин, Г. В. Иванов, аспиранты и лаборанты Ленинградского отделения ИА АН СССР Д. А. Чистяков, Т. Ю. Гречкина, Т. И. Щербакова и Л. И. Рева, студенты ленинградских вузов А. Мишин и А. Ю. Снетков и водитель Б. И. Голубев.

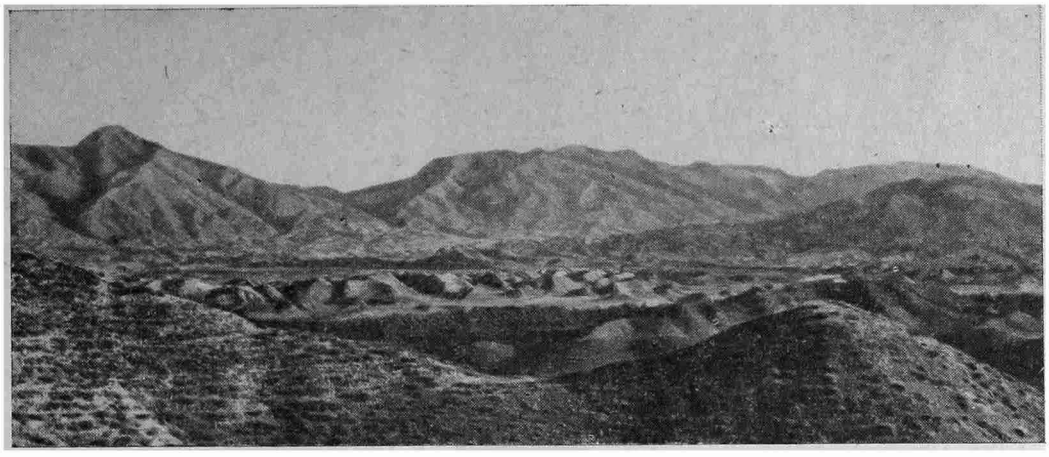


Рис. 1. Долина р. Сумбар и (на переднем плане) высыпки галек с палеолитическими орудиями

степени окатанности и местами в разной степени сцементированы. Надакчагыльские породы, как и примыкающие к ним меловые (известняковые, песчанистые, глинистые), достаточно легко размываются и образуют здесь чрезвычайно расчлененный рельеф, состоящий из множества однообразных округлых холмов, низких увалов и бесконечно ветвящихся сухих долин и балок [14, с. 15, 16, 23, 24, 108; 15, с. 556—558; 16, с. 365—367]. В силу отмеченных особенностей ландшафты этих мест очень своеобразны и живописны: плоские днища долин утопают в яркой зелени тугайной растительности, их окаймляют полосы мертвых желтых холмов типа бедленда; выше этой полосы тянутся такие же безжизненные скалистые горы.

Палеолитические находки на Сумбаре и Чендыре обнаружены в разных условиях залегания. Наиболее архаичные имеют строгую геоморфологическую и стратиграфическую локализацию: они приурочены к верхним прослоям галечников в толще надакчагыльских отложений, что удалось зафиксировать в нескольких случаях на левом берегу Сумбара в районе Кара-Калы. В остальных случаях они найдены в высыпках галек на эродированных склонах холмов. Архиачные изделия рассеяны здесь на большой площади и встречаются, как правило, единичными экземплярами (рис. 1).

Каменные изделия более позднего (мустьерского) облика встречаются либо единично, либо в виде небольших скоплений на склонах более низких и сглаженных холмов или в их подножье. В долине р Чендырь они найдены непосредственно в галечнике останцов невысоких, 15—20-метровых террас правого берега реки.

Архаичные изделия повсеместно изготовлены из кремнистого известняка (определение Н. Б. Селивановой), мустьерские — отчасти из этого материала, отчасти из местного трещиноватого кремня желтоватого цвета. Различение тех и других производилось по условиям нахождения, типологии, размерам и сырью.

Дислокация обпаруженных отрядом местонахождений такова. В долине р. Сумбар они выявлены на 10-километровом участке южного берега, между селениями Сакгар и Кара-Кала, где надакчагыльские породы в ряде мест уступом выходят к реке. Основные пункты находок приурочены к долинам трех впадающих в Сумбар слева ручьев — Каргыджакского, Кара-кёльского и Кара-Калинского. В долине Каргыджакского ручья отмечено три пункта: Ак-тепе, Каргыджак I и II. На первом, расположенном на левом борту долины ручья, в овражке, близ известняковых останцев Ак-тепе, приблизительно в 1 км от реки, найдены нуклеус и сколы мустьерского облика. На втором, связанном с высыпкой галек на склонах холмов правого борта долины, в 1—1,2 км от реки, встречены ашельские каменные изделия (черепаховидное ядрище архаичного облика

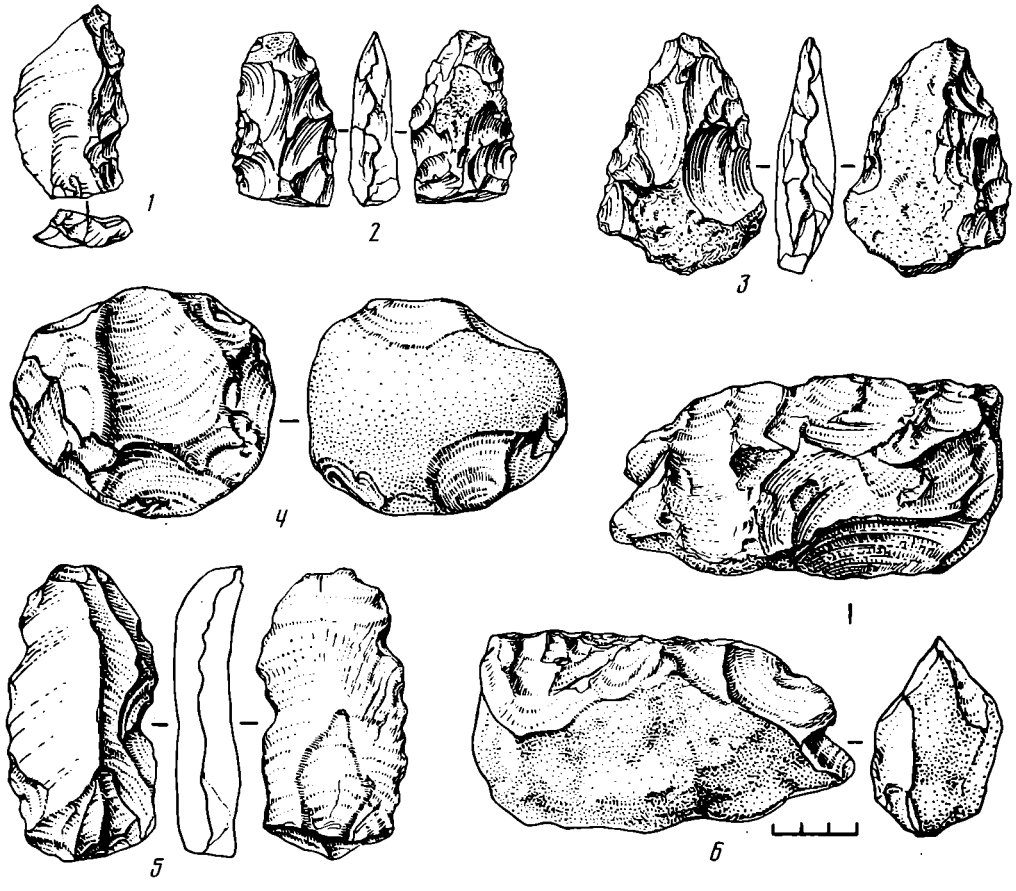


Рис. 2. Каменные орудия из Джанака (*1—3, 6*) и Приатречья (*4, 5*): *1* — зубчатое скребло (Алам-Куль); *2, 3* — двусторонние формы (Алам-Куль); *4* — леваллуазское ядрище (Сакгар); *5* — пластинчатый отщеп (район Кара-Калы); чоппер (Коймат II)

(рис. 2, *4*), чоппер, нуклеусы, сколы). Третий пункт находится в 1 км западнее второго, в 500—600 м восточнее субтропического совхоза им. Ленина.

В долине Кара-кёльского ручья, на расстоянии 200—1000 м от места его впадения в р. Сумбар, кроме разрозненных находок отмечено четыре пункта сборов: два на холмах левого борта — в 200 и 500 м от реки — и два на холмах правого — в 300 и 700—800 м от реки. Последний из них, на котором материал залегал довольно компактно (50×50 м), может быть назван местонахождением. Здесь найдены мустьерские нуклеусы (в том числе черепаховидный — рис. 4, *6*), скребло, чоппер (рис. 3, *1*), отщепы (рис. 4, *7*), пластины. На остальных пунктах представлен в основном ашельский материал.

В долине Кара-Калинского ручья был разведан лишь небольшой участок его левого борта, на 7—8 км дороги из Кара-Калы в долину г. Чендырь. Находки представлены в основном отщепами и нуклеусами ашельского типа. В районе Кара-Калы, кроме того, в 1980 г., когда здесь велись первые рекогносцировки, на холмах того же левого борта долины р. Сумбар были найдены в разных местах ашельские ядрища, отщепы, пластины (рис. 2, *5*). Мустьерские же находки на этом участке единичны.

Работы в долине р. Чендырь ограничились краткой рекогносцировкой 1981 г., проведенной на 7—8-километровом участке правого берега между селениями Акк и Кызыл-Имам. Наиболее архаичные находки обнаружены здесь в высыпках галек на холмах правого борта широкого плоскодонного оврага, в 1—1,5 км от реки, близ с. Кызыл-Имам. Здесь встречены нуклеусы, отщепы и брюшковое скребло, оформленное грубой ретушной оббивкой на очень крупном и массивном (15,5×10,5×4,6) отщепе (рис. 3, *2*). Остальные находки, в том числе очень крупное (22×12,9×

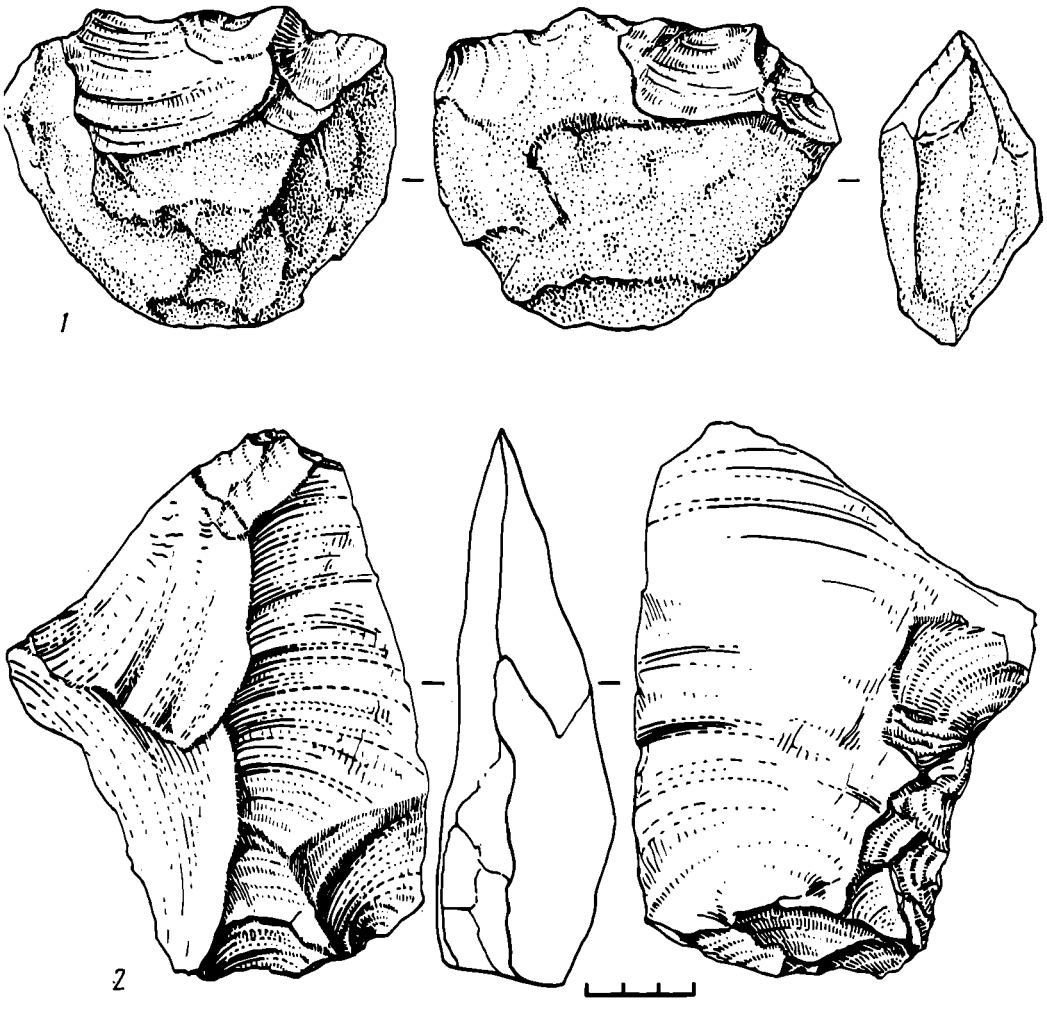


Рис. 3. Каменные орудия из Приатречья: *1* — чоппер (долина р. Сумбар, Кара-кёль); *2* — брюшковое боковое скребло (долина р. Чендырь, сел. Кызыл-Имам)

×7,9 см) трехплощадное ядрище с негативами пластинчатых снятий, были связаны с геоморфологически четко обозначенными останцами 15—30-метровых террас.

В целом, основная часть сборов в Приатречье представляется безусловно ашельской. Мустьерские находки встречаются реже. Среди них — небольшие одноплощадочные и дисковидные нуклеусы, отщепы и пластины. В 1981 г., кроме того, в двух обособленных пунктах были найдены два небольших леваллуазских остроконечника второго снятия, изготовленных из хорошего не местного (?) кремня. Первый из них, с утраченным острием, был поднят в долине р. Чендырь; второй, обнаруженный в районе Кара-кёль, на р. Сумбар, имел основание, утонченное ядрищным приемом.

Работы палеолитического отряда ЮТАКЭ в Северо-Западной Туркмении (Красноводский полуостров, Большой Балхан, Джанак, южные отроги Устюрта) привели к открытию 10 палеолитических местонахождений, давших в ряде случаев многочисленный серийный, в основном мустьерский, материал. Налицо, однако, и безусловные свидетельства обитания человека на этой территории в более раннее, ашельское время.

При картировании всех известных в этой области в настоящее время мустьерских местонахождений бросается в глаза определенная согласованность их расположения с палеогеографической картой этого региона времени последнего оледенения. В период раннехвалынской трансгрессии Каспия, которая, по мнению специалистов, имела место в интервале 70—40 или 65—35 тыс. лет назад [17, с. 37; 18, с. 36], Каспий залил ог-

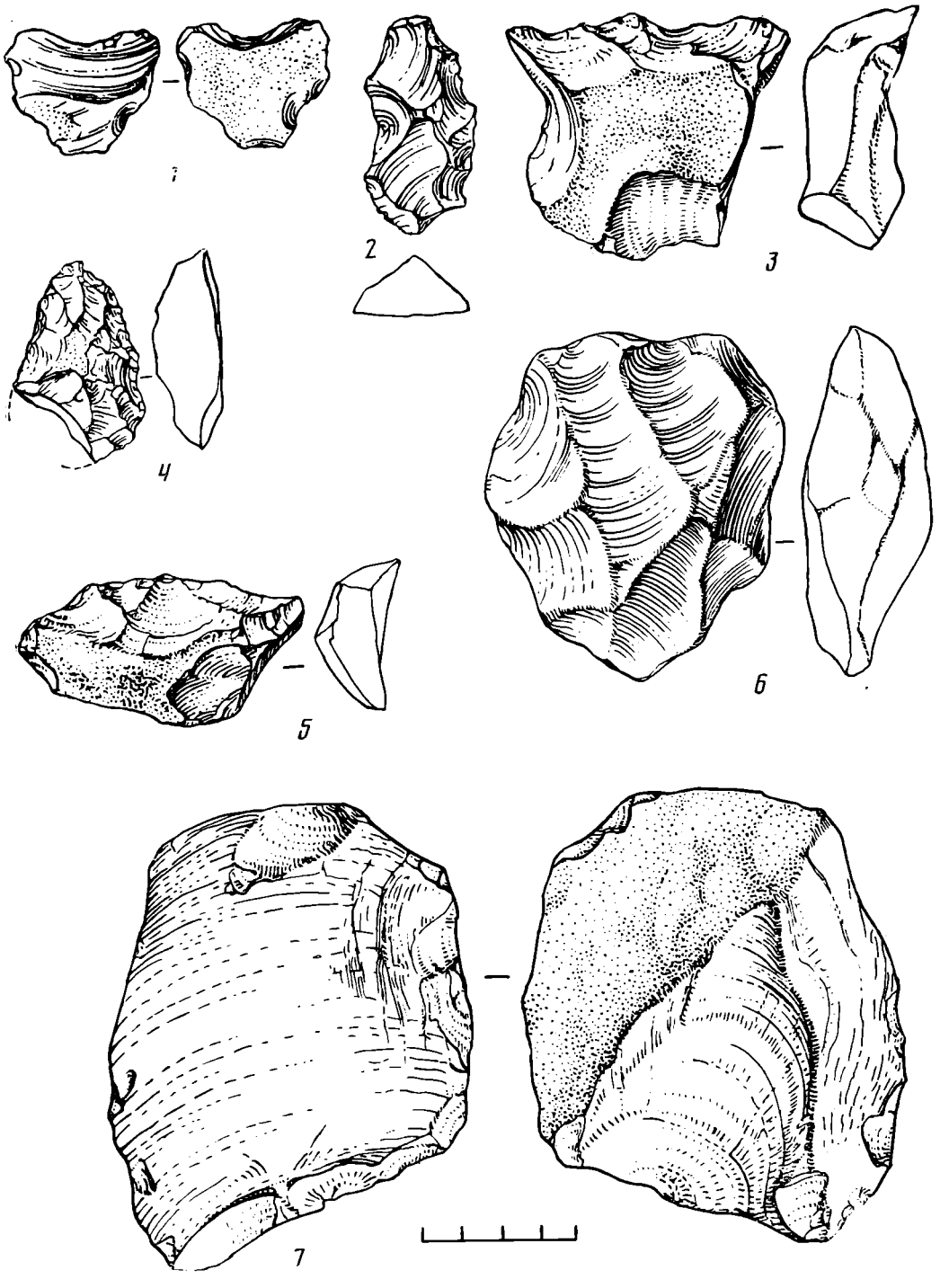


Рис. 4. Каменные орудия из Джанака и Приатречья: *1* — выемчатое орудие; *2* — орудие типа кинсон; *3* — зубчатое; *4*, *5* — скребла; *6* — нуклеус; *7* — отщеп. *1*, *2*, *4* — Кызыл-Бурун; *3*, *5* — Коймат II; *6*, *7* — Долина р. Сумбар (Кара-кёль)

ромные площади вплоть до Мингечаура на Кавказе, Ергеней и Самарской луки на Русской равнине. В Западной Туркмении море покрывало всю Западно-Туркменскую низменность, большую часть Красноводского полуострова и проникло в глубь Каракумов до меридиана Кызыл-Арвата. Затопив Кемальскую впадину, море образовало здесь глубоко вдававшийся в сушу залив. Окруженная, таким образом, с трех сторон морем, приподнятая северо-западная часть Туркмении (к западу от Нижнего Узбоя и к северу от Балханского залива) оказалась полуостровом: лишь на севере ее связывал с «Большой Землей» (Устюрт) узкий Туаркырский перешеек (рис. 5). На этом полуострове — назовем его Кемальским,— как

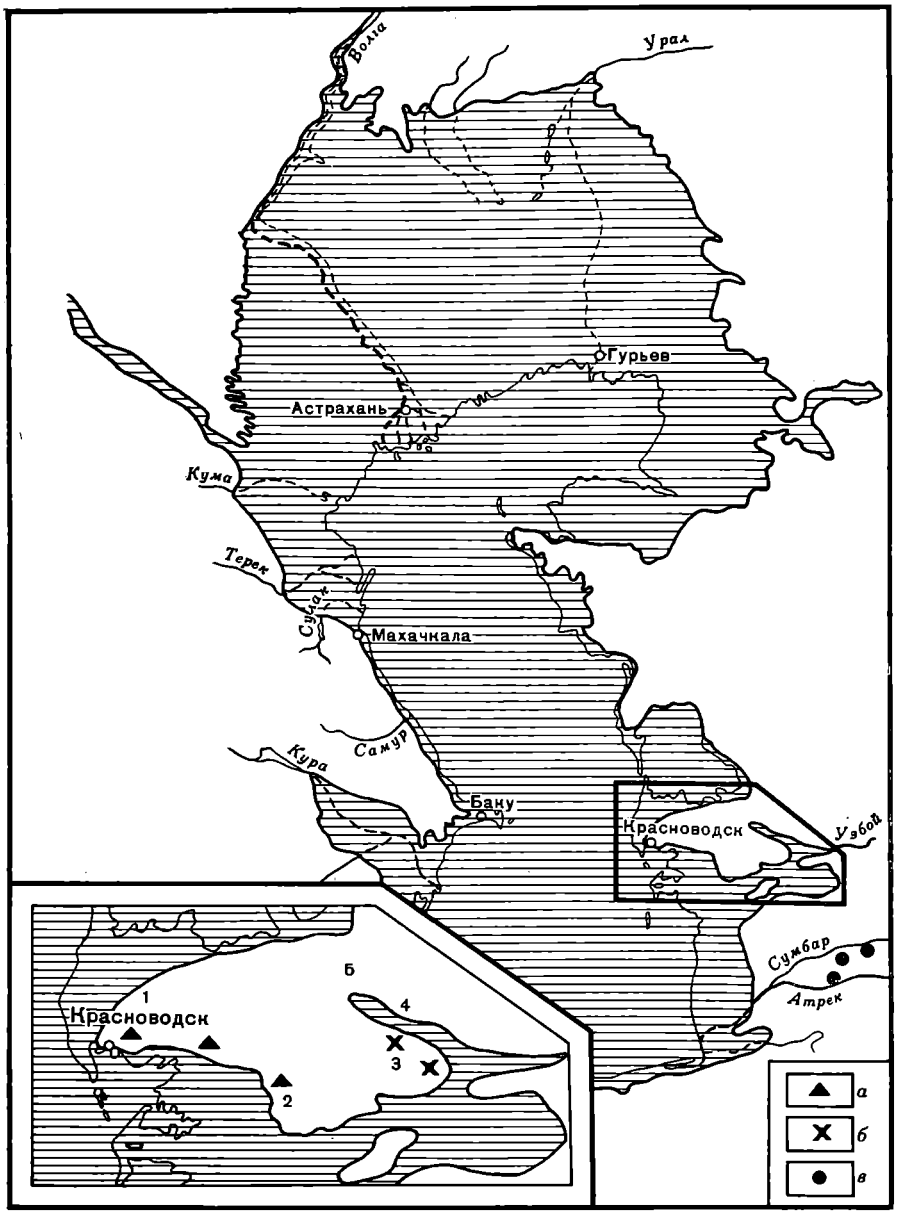


Рис. 5. Схематическая палеогеографическая карта раннехвалынского бассейна Каспия. Площади, занятые морем, заштрихованы (по П. В. Федорову). На врезке — Кемальский полуостров: *1* — Красноводское плато; *2* — гора Большой Балхан; *3* — Джанак; *4* — Кемальский залив; *5* — Туаркырский перешеек. Палеолитические местонахождения: *а* — на северном побережье Балханского залива; *б* — на берегу Кемальского залива; *в* — в Приатречье (долины рек Сумбар и Чендырь)

показали археологические находки, в условиях определенного обособления в течение многих тысячелетий обитали многочисленные группы древних людей. Следы их пребывания обнаружены здесь в ряде пунктов, в основном по берегам былого хвалынского моря. Кремневые индустрии открытых здесь палеолитических местонахождений в отличие от других районов Туркмении, насколько это известно сегодня, дают обильный материал и отличаются некоторыми особенностями.

Тяготение древних людей к этому полуостровному району может быть объяснено рядом обстоятельств. Главные из них, по всей видимости, следующие: близость моря с его пищевыми ресурсами, обилие сырья для орудий (кремень разного качества, кварц-полевошпатовый песчаник), наличие скальных убежищ (навесы и гроты по южному краю Красноводского плато и в горах Большого Балхана), большое разнообразие местообитаний и, возможно, более благоприятные благодаря полуостровной си-

туации климатические условия. Последние в периоды трансгрессий вообще отличались большей влажностью.

Пестрота и разнообразие природных условий определяется соседством нескольких геоморфологических районов. Таковы Красноводское плато с его мягкими очертаниями рельефа и крутыми обрывами (Куба-даг и Кюрянын-Кюре) в сторону Балханского залива; южные отроги плато Устюрт, которые почти со всех сторон обрываются уступами-чинками; система сильно расчлененных гор Большой Балхан высотой до 1880 м и Джанак[5] с его чередованием вытянутых куэстовых гряд (Бегарсландаг, Аккыр, Текеджик и др. высотой до 460 м) и разделяющих их понижений — солончаковых впадин (шоров). Одной из таких, кстати сказать, является Кемальская впадина[6] [19, с. 51—53].

Палеолитические местонахождения, известные в настоящее время на территории Кемальского полуострова, располагаются на северном берегу Балханского залива раннехвалынского моря — у подножий Куба-дага, Кюрянын-Кюре и вдоль южных предгорий Большого Балхана, а также в районе Кемальского залива этого моря, т. е. в пределах современного Кемаль-Узбойского солончака (рис. 5).

На северном берегу Балханского залива местонахождения эти, как полагают геологи (впервые это отметил, как говорилось, В. В. Шумов), связаны с береговыми валами и террасами хвалынского моря и являются в настоящее время в этой области единственными имеющими геолого-геоморфологическую приуроченность. Самый высокий береговой вал, отвечающий максимуму нижнехвалынской трансгрессии, имеет высоту 73—75 м над современным уровнем Каспия. Последующие колебания уровней этого моря (в процессе его последовательного отступания) запечатлены в террасах и галечных береговых валах, развитых на высотах 62, 50, 42, 37 м. После регрессии раннехвалынского бассейна наступила новая трансгрессия — позднехвалынская, значительно уступавшая первой по площади и высоте моря. Эта фаза была связана со вторым вюрмским оледенением (осташковским), окончание ее проходило в условиях холодного климата кануна голоцена (10—12 тыс. лет назад). На побережье Балханского залива верхнехвалынское море оставило полого наклонные террасовые поверхности и береговые валы на высотах 26 и 18 м. О значительном временно́м разрыве между образованием нижне- и верхнехвалынских террас и валов говорит то обстоятельство, что первые размыты позднейшими пролювиальными потоками на останцы и гривы, а вторые — слабо денудированы и почти лишены молодого пролювиального чехла [20, с. 3—5; 21, с. 37—40; 22, с. 308—315; 23, с. 89—98].

Сборы разновозрастных оббитых кремней, проведенные в разные годы геологами и археологами (сборы В. В. Шумова, Н. П. Луппова, А. П. Окладникова, А. А. Марущенко и др.) на северном берегу Балханского залива, сделаны, судя по всему, в полосе указанных останцов. Места залегания находок, однако, не фиксировались, и относительная датировка их, опирающаяся на гипсометрию террас и валов, не производилась. Между тем у подножий Куба-дага, Кюрянын-Кюре и подножий предгорий Большого Балхана собраны кремни палеолитического, мезолитического и неолитического типов. А. П. Окладников, в частности, выделяет в своих сборах в районе Янгаджи, в подножье Кюрянын-Кюре, кремни верхнепалеолитического, мустьерского и ашельского возраста. В основе его классификации лежат чисто типологические критерии.

Находки А. П. Окладникова в районе Янгаджи являлись самыми значительными палеолитическими находками в Туркмении до работ отряда ЮТАКЭ в 1980—1981 гг. Сам А. П. Окладников не пишет о геоло-

---

[5] Джанак — обширный район к востоку от Красноводского плато (границей между ними считаются пески Чильмамедкум и Кошобинская долина) и к юго-западу от южного чинка Устюрта — впервые выделен Н. И. Андрусовым. Известен также под названием Заузбойского складчатого района.

[6] Известна еще под названием Кемальский солончак, Кемаль-Узбойская впадина или солончак, Узбойская ложбина.

го-геоморфологической позиции этих находок[7]. В работе В. А. Ранова и С. А. Несмеянова высказано предположение, что верхнепалеолитические кремни могут быть связаны с останцами верхнехвалынских террас, а ашельские могли происходить из нижнележащей толщи хазарских отложений [24, с. 62].

Наибольший интерес в составе находок А. П. Окладникова вызывают два кремневых орудия, рассматриваемые этим исследователем как ашельские ручные рубила. Они в какой-то мере являются уникальными для Средней Азии. «Ашельская культура в Средней Азии,— пишет о них В. А. Ранов,— пока не обнаружена, если не считать двух рубил» [24, с. 30]. Между тем при классификации и датировке этих орудий, на наш взгляд, допущены неточности. Первое из них, более крупное, правильно описанное как орудие, «одна сторона которого обработана оббивкой, вторая имеет две широкие продольные грани, разделенные острым ребром»[8] [8, с. 17], вообще не является бифасом, тем более «грубым ручным рубилом миндалевидных очертаний» [8, с. 17]. Второе — «миниатюрное рубильце сердцевидной формы, двусторонне обработанное, близкое к микокским рубильцам» [8, с. 17, рис. 1, *2*], действительно является небольшим сердцевидным[9] бифасом, но скорее всего мустьерского типа. Это тем более вероятно, что для мустьерских комплексов именно этого района, как это будет отмечено дальше, характерны небольшие бифасиальные формы.

Что же касается мастерской верхнепалеолитического времени, обнаруженной А. П. Окладниковым в этом же районе и представленной в основном многочисленными мелкими нуклеусами (дисковидными и с параллельной огранкой) и нуклевидными орудиями и датируемой этим исследователем началом верхнего палеолита (ориньяком), то возрастное положение этого интересного памятника нуждается в дополнительном обосновании как геолого-геоморфологическом, так и типологическом. Более полная публикация находок и их развернутый анализ призваны будут устранить имеющиеся сомнения в ориньякском облике кремней (нуклевидных форм — скобелей, скребков и т. д.). Если же верхнепалеолитический возраст комплекса подтвердится, то это представит исключительный интерес, поскольку памятники верхнего палеолита (очевидно, из-за климатической обстановки последней трети вюрма) встречаются в Средней Азии, в Крыму и на Кавказе гораздо реже, чем мустьерские и даже — в Средней Азии и на Кавказе — ашельские[10].

На береговых уровнях хвалынского моря на северном побережье Балханского залива и на Красноводском плато, как отмечалось, было найдено также небольшое количество кремней мустьерского облика (местонахождения Джебел, Белек и др. на дороге Красноводск — Ашхабад; Каскыр-Булак, Джанурпа и др. на Красноводском плато). В состав мустьерских кремней входят ядрища, отщепы и считанными экземплярами такие характерные орудия, как скребла (Джанурпа, Белек), остроконечники (Каскыр-Булак) и бифасиальные формы: небольшие сердцевидные и сердцевидно-подтреугольные рубильца (Янгаджа, Джебел, Белек) и листовидные остроконечники (Белек). Обращает на себя внимание присутствие в ряде пунктов бифасиальных форм и редкая встречаемость остроконечников.

---

[7] А. П. Окладников отмечает лишь, что кремни различного возраста собраны на 39 км железной дороги Красноводск — Ашхабад у подножья древних останцов на размытой и частично развеянной песчаной поверхности [7, с. 185—186; 8, с. 17; 1, с. 16, 17].

[8] К сожалению, художник дорисовал на этой стороне несуществующую краевую ретушную оббивку, направленную от краев к центру [8, с. 17, рис. 1, *1*].

[9] Однако оно не может быть одновременно и микокским — форма этих бифасов различна.

[10] Сказанное можно распространить и на другие получившие верхнепалеолитическую атрибуцию немногочисленные типологически бедные (призматические нуклеусы, ножевидные пластины, скребки) или маловыразительные коллекции, собранные в этом же районе (Курт-Куи, Камышлы-Булак) и на Красноводском полуострове (Кызыл-Лай, Джанурпа и др.) [1; 2; 3, с. 166—168; 4, с. 68; 5].

В заключение обзора палеолитических памятников былого Кемальского полуострова остановимся на местонахождениях, обнаруженных в 1981 г. отрядом ЮТАКЭ. Разведки эти велись к западу от хребта Текеджик непосредственно в пределах Кемаль-Узбойской впадины. Последняя начинается близ Аджикуинской излучины Узбоя и простирается на северо-запад, образуя широкое понижение между возвышенностями Текеджик и Аккыр на северо-востоке и песками Чильмамедкум на юго-западе. В нижнехвалынское время, как отмечалось, она была покрыта водами Каспийского моря, образовавшего здесь рукавообразный залив до 75 км в длину при ширине 3—15 км [25, с. 538; 26, с. 219—227].

Гряда Текеджик, сложенная нижнемеловыми (аптскими и альбскими) отложениями, резко возвышается над Кемаль-Узбойской впадиной. В подножье гряды широко развиты пролювиальные выносы мелкоземлистого материала, местами доходящие до дна котловины, или это полосы аллювиально-пролювиальных отложений. Преобладающим, однако, процессом здесь является не пролювиальный снос временных текущих с гор потоков, а дефляция, вследствие которой дно впадины и ее борта на значительных пространствах лишены четвертичных отложений. Исключение составляет лишь тонкий пылевато-солевой горизонт — продукт разрушения коренных пород. Развевание нижнемеловых рыхлых песчаников привело к формированию незначительного количества эоловых песков, которые в основном переносятся через солончак в направлении песчаного массива Чильмамедкум. Воды залива нижнехвалынского моря оставили на бортах впадины морские террасы. Однако в последующее время процессы развевания переработали морские отложения, нарушив первоначальную поверхность дна залива и его берегов [27, с. 319, 320].

Разведывательными маршрутами были охвачены отдельные участки приустьевой половины бывш. Кемальского залива. Осмотру подверглась часть пролювиальных шлейфов, ряд останцов и в основном непосредственно поверхность впадины. В уроч. Кызыл-Бурун (приблизительно в 25 км к северо-северо-западу от пос. Бургун на Узбое) на пролювиальных шлейфах потоков наблюдалось много высыпок обломков песчаников, но кремень и кремнистые породы отсутствовали. Единичные кремневые отщепы были встречены лишь в тех местах, где русла потоков прорезали пролювий, видимо, на всю глубину вплоть до хвалынских отложений. Кроме того, на склоне одного из невысоких останцов (пролювий?) было найдено превосходное мустьерское боковое скребло.

Основной разведывательный маршрут на Джанаке пролегал от пос. Бургун на Узбое по днищу Кемальской впадины, вдоль гряды Текеджик до ее северной оконечности, далее он поворачивал на северо-восток к широкому проходу между грядами Текеджик и Аккыр и через пос. Коймат выходил к пос. Кызыл-Кая на Устюрте. Длина этого маршрута равнялась 110—115 км; 70 из них приходилось на Кемальскую впадину. Именно на этом отрезке маршрута, на участке, расположенном приблизительно между 23—25 и 48 км от Бургуна, было обнаружено шесть палеолитических местонахождений. Первое из них — Га-Куш располагалось в 23—25 км от Бургуна, второе — Кызыл-Бурун — в 26—27 км, третье — Алам-Куль I (у скважины № 2 и кошары) — в 30 км, четвертое — Алам-Куль II (у кошары) — в 35 км, пятое — Коймат I (у северной мысовидной оконечности гряды Текеджик) — в 40 км, шестое — Коймат II (у кошары) — в 48 км. Впрочем, Кызыл-Бурун, Алам-Куль I и Алам-Куль II нельзя считать отдельными местонахождениями — это лишь пункты остановок машины и сборов кремней, рассеянных вдоль грунтовой дороги, на поверхности днища впадины, в виде, как представляется, непрерывной полосы длиной 10—12 км. Сборам на местонахождениях Га-Куш и Кызыл-Бурун было посвящено по одному дню, на Алам-Куле I — полдня, в других пунктах (Коймат I, Алам-Куль II) — считанные часы.

Местонахождения Га-Куш, Кызыл-Бурун, Алам-Куль I и II располагались в 5—7 км к западу от обрыва гряды Текеджик, Коймат I — у северной мысовидной оконечности этой гряды. Геоморфологическая харак-

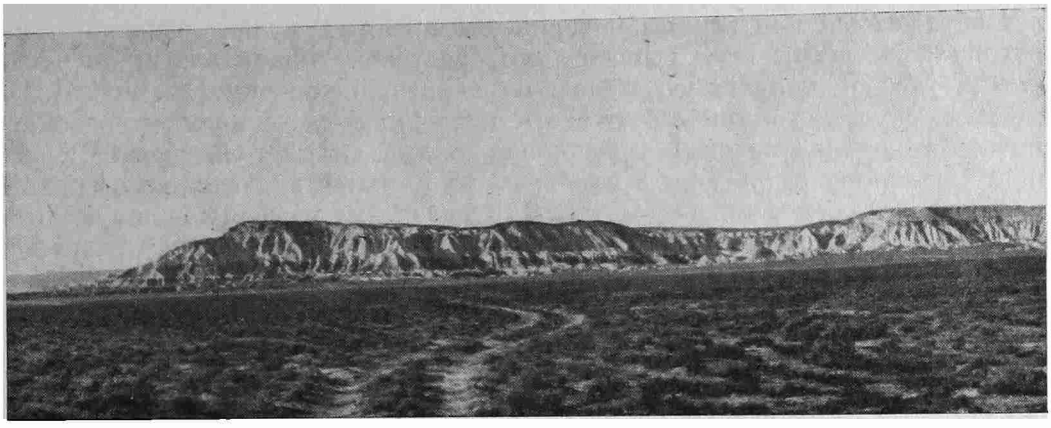


Рис. 6. Местонахождение Кызыл-Бурун на поверхности Кемальского солончака. На заднем плане — гряда Текеджик

теристика местонахождений неодинакова. Га-Куш приурочено к северо-восточному борту мертвой долины шириной до 0,7—0,8 км, идущей в направлении Узбоя, Кызыл-Бурун — к плоской поверхности солончаковой впадины (рис. 6), Алам-Куль I и II и Коймат II — к выдувам среди полузаросших бугристых песков, Коймат I — к террасовидным уступам.

Россыпи кремней на плоской поверхности солончака в районе Кызыл-Бурун представляют особый интерес. Рассеивание кремней можно, по всей видимости, объяснить тем обстоятельством, что преобладающие здесь процессы дефляции лишили дно впадины рыхлых четвертичных отложений, оставив, однако, на месте многочисленные кремни. Происхождение россыпей, вероятно, подобно образованию отложений типа гаммадщебневых покровов в пустынях, возникающих вследствие развевания песков и концентрации на поверхности содержащегося в них обломочного материала. Перемещение кремней «по вертикали» не обязательно сопровождалось смещением их в горизонтальной плоскости, так как в Кызыл-Буруне встречены рядом два соединяющихся друг с другом кремневых отщепа, последовательно сколотых когда-то с одного и того же ядрища.

Кремень в россыпях, как правило, хорошего качества, меловой, серый, желтоватый, редко сургучно-красный. Размеры естественных, эолитоподобных обломков, количество которых нередко превышало 95—97% встречаемых кремней, и искусственно расщепленных кремней чаще всего небольшие (5—10—12 см), редко (в траншее и на буграх в Алам-Куле I) — в виде желваков (10×20, 15×20 см). Среди эолитов и подлинных изделий привлекают внимание кремни с блюдцевидными негативами морозобойных выколов и сами морозобойные сколы с сечением в виде плоско-выпуклой линзы.

При изготовлении орудий человек использовал как искусственно расщепленные кремни (отщепы, пластины), так и эолитоподобные обломки, тонкие плитки-желваки и морозобойные сколы. Последние иногда имеют размеры до 8—12 см, что предполагает образование их в условиях особо интенсивного морозного выветривания. Условия эти, по всей видимости, предшествовали времени пребывания здесь человека, ибо к приходу его морозобойные сколы уже составляли часть подручного материала. Допустимо возрождение подобных экстремальных условий и в более позднее (послеинжнехвалынское время): на поверхности (в том числе на брюшковых плоскостях) некоторых древних морозобойных сколов и изделий человека прослежены новые глубокие морозобойные выколы. Более того, многие предметы последовательно находились под влиянием различных факторов физического и химического воздействия. Так, к примеру, кремни с негативами морозобойных выломов имеют, помимо того, участки дефляционного ячеистого разрушения, поверх же тех и других лежит темно-коричневая блестящая корка пустынного загара. Этот лаковый на-

лет образовался под влиянием горячих солнечных лучей, вынесших на поверхность камня (при выпотевании) растворы горной влаги; он представляет собой тончайшую железо-марганцевую корочку [28, с. 28].

Данные о состоянии поверхности палеолитических кремней рассматриваемого района не являются, однако, прямым свидетельством их большей или меньшей древности. В коллекции имеются значительные группы кремней — наиболее архаичных, кстати сказать, по своему облику, которые лишены пустынного загара и не имеют следов физического разрушения. Они покрыты лишь белесоватой патиной, являющейся, как предполагается, результатом иного химического выветривания их поверхностного слоя[11]. Некоторые из этих кремней были частично покрыты тонкой корочкой известнякового натека. Вероятнее всего, кремни эти залегали не на дневной поверхности и длительное время подвергались воздействию определенных почвенных условий.

Пестрота состояния поверхности палеолитических кремней вызывает сомнение в хронологическом единстве этих материалов. Нахождение в коллекции нуклеусов с разновременными снятиями укрепляет эти сомнения. Наиболее же интересны в этом отношении наблюдения над вторичной отделкой кремней; в одних случаях фасетки ретуши покрыты таким же темным глянцевитым пустынным загаром, морозобойными лунками и дефляционной сыпью, как и вся поверхность орудий, в других — степень глянцевитости и дефляционной изъеденности фасеток гораздо меньше, чем на остальной поверхности орудий, в третьих — орудие носит следы двоякой ретуши: первичной — древней и вторичной — свежей, поздней.

Палеолитические материалы, собранные на Джанаке в 1981 г., находятся в стадии изучения. Здесь мы представляем результаты предварительного ознакомления с коллекциями лишь двух, наиболее представительных и характерных местонахождений — Кызыл-Буруна и Алам-Куля I. Коллекция первого насчитывает 240 кремней, второго — 158. Технико-типологические показатели кремневого инвентаря Кызыл-Буруна в целом находятся в пределах «нормативов» мустьерских индустрий. Техника первичного расщепления имеет достаточно развитый облик. Нуклеусы (23 нуклеуса и нуклевидных предмета), в общем маловыразительные, в большинстве тяготеют к типу одноплощадочных, односторонних, подтреугольных и четырехугольных. В составе 166 сколов (морозобойные не учитываются) имеется более 30 пластин леваллуа с параллельной огранкой спинок, часть которых представлена фрагментами или так называемыми отраженными сколами [29, с. 24—25, рис. 1, *6—8*). Индекс леваллуа технический = 18.

Габариты сколов (если исключить группу упомянутых выше светлопатинированных отщепов, наибольшие из которых достигают размеров 13,5×6,6×2,7; 8,5×6,3×2,8 см), находятся, в общем, в пределах средних величин. Пропорции пластин весьма умеренные: длина лишь чуть-чуть больше их двух поперечников (характерны, к примеру, такие пропорции: 5,5×2,6×1,3; 5,3×2,6×1,0 см). Все сколы достаточно массивные: толщину менее 1 см имеют считанные экземпляры. Индексы фасетирования: общий — около 50, тонкой поправки — 8,4. Отметим также значительное количество сколов с точечными ударными площадками (26) и сколы с искусственно устраненными (в процессе вторичной обработки), случайно (?) утраченными (обломы) или естественно поврежденными (морозным выветриванием, дефляцией) ударными площадками (38).

Технические показатели индустрии позволяют, таким образом, причислить ее к числу фасетированных — на самом низком пределе индустрий такого рода — при очень низком развитии приема тонкого фасетирования. Техника леваллуа здесь существует, но не преобладает.

Инвентарь Кызыл-Буруна содержит большое количество ретушированных изделий (около 50%). Бóльшая часть этих предметов носит, однако, незначительную ретушь, образовавшуюся скорее всего в резуль-

[11] Так называемые процессы десилификации (растворение и вынос кремнезема).

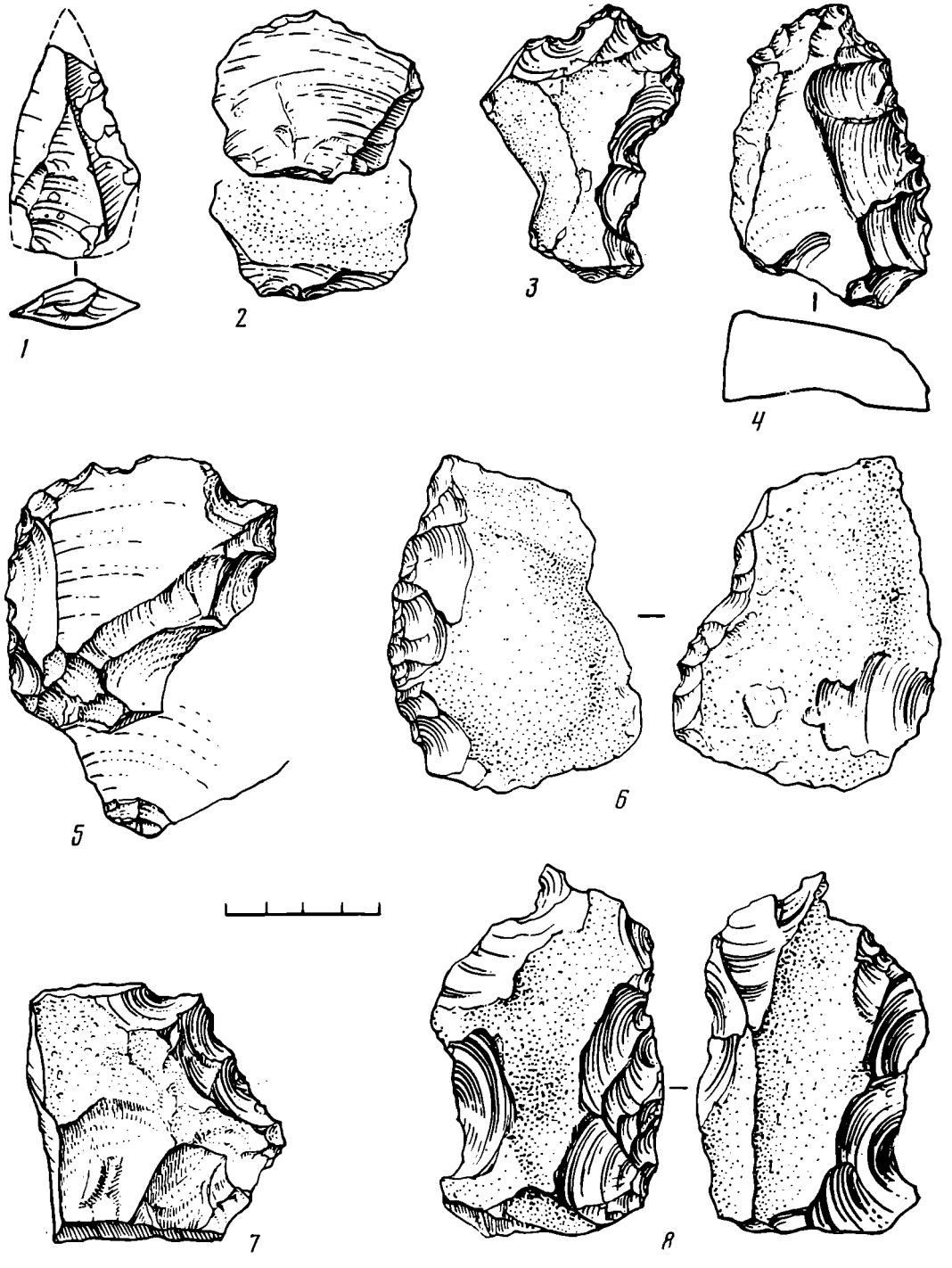


Рис. 7. Каменные орудия из Джанака: *1* — леваллуазский остроконечник; *2* — отщеп с тронкированной базальной частью; *3*, *5*, *7*, *8* — зубчатые орудия; *4*, *6* — скребла. *1*, *4* — Кызыл-Бурун; *5*, *8* — Алам-Куль I

тате утилизации или различных воздействий естественного характера. Четвертая часть находок (55—60 предметов) является все же бесспорными орудиями, что позволяет рассматривать этот памятник как остатки долговременной стоянки. Орудия представлены скреблами, зубчатыми, выемчатыми, клювовидными и скребковыми формами. В единичных экземплярах встречены тронкированные изделия (рис. 7, *2*).

Наиболее многочисленны скребла и зубчатые формы. Скребла (20 экз., некоторые в виде фрагментов) — на различных заготовках, в большинстве атипичные, некоторые весьма архаичного облика с крупной зубчатой ретушью (рис. 7, *4*); преобладают боковые, довольно часты брюшковые, есть поперечные. Интересно единичное двойное конвергентное скребло,

оформленное ретушью полукина́ (рис. 4, *4*). Некоторые имеют обушки — натуральные или в виде узкой грани. Зубчатых изделий около 25, среди них выразительных — 10—12 (рис. 7, *3—5*). Есть брюшковые и с чередующейся отделкой. Заготовки, на которых они оформлены, также разнообразны: отщепы, пластины, их фрагменты, случайные плитчатые обломки, морозобойные сколы. Выемчатые формы (15 экз.) в большинстве бесспорные, преобладают боковые (есть брюшковые экземпляры), имеются концевые и базальные (рис. 4, *1*). Скребковые формы (5—6 экз.) — невыработанного мустьерского облика. Любопытно небольшое краснокремневое изделие (рис. 4, *2*), которое своей массивностью, треугольным сечением и приуроченностью ретушной отделки (ретушь крупная, зубчатая, пологая, сплошная) к самой широкой грани предмета, напоминает орудия типа кипсон [30, рис. 85; 31].

Кремневая индустрия местонахождения Алам-Куль I оказалась заметно более архаичной: пластины и массивные пластинчатые сколы здесь единичны, фасетированные ударные площадки отмечены лишь на нескольких предметах, группа светлокремневых примитивных отщепов составляет более четверти всех сколов. Индустрия является нелеваллуазской и нефасетированной (общий индекс подправки равен 42,1, причем 57,7% определимых ударных площадок принадлежит гладким). Такой же в основном архаичный облик имеют нуклеусы — морфологически плохо выраженные поддисковидные и шаровидно-подпризматические и нуклевидные куски кремня с немногочисленными бессистемными снятиями. Более развитые формы ядрищ представлены несколькими небольшими треугольными, плоскими, одноплощадочными.

Состав и доля орудий примерно такие же, как в Кызыл-Буруне, но их отличает большая грубость и невыработанность форм. Возрастает количество клювовидных изделий и появляются небольшие двусторонне обработанные.

Наиболее архаичный, поистине ашельский облик имеют скребла (15—17 экз.), заготовками для которых служили большей частью не искусственно изготовленные отщепы, а фрагменты плитчатых желваков, плоские плитчатые обломки и морозобойные сколы. Среди скребел, оформленных на отщепах,— два боковых (брюшковые), поперечное и диагональное. Рабочие края скребел подправлены ретушью крупной, однорядной, реже двух-, трехрядной, тяготеющей к чешуйчатой, а на массивных участках — к высокой (surélevee). Воспроизводим пять скребел: три обушковых — прямое (рис. 8, *6*), выпуклое (зубчатое; рис. 8, *5*) и выпукло-вогнутое с утонченным обушком и угловым клювом (рис. 8, *4*) — изготовленных на плитчатых заготовках; четвертое — оформленное на крупном морозобойном сколе (рис. 7, *6*); пятое (наиболее совершенное в коллекции) — выпуклое, боковое (?), тщательно отделанное чешуйчатой ретушью, представленное, как кажется, крупным фрагментом (рис. 8, *3*).

Клювовидные формы (такие же примитивные) также очень разнообразны как по типам заготовок, так и по оформлению. Их можно подразделить на концевые (рис. 7, *8*), угловые (рис. 7, *5*) и боковые (рис. 8, *7*), оформленные односторонними или противолежащими анкошами (рис. 7, *8*); в виде острого шипа с треугольным сечением (рис. 7, *7*); широкие — скребковидные (рис. 8, *7*) или плоские, тонкие, режущие (рис. 7, *8*). Из прочих орудий отметим небольшой массивный отщеп с ретушно-усеченным основанием (брюшковое базальное тронкирование) (рис. 8, *2*), зубчатое орудие на пластинчатом сколе (рис. 2, *1*) и, безусловно, три бифасиальных орудия.

Первое из них, частично двустороннее, оформленное на плоском плитчатом желваке, является небольшим плоским ручным рубилом позднего типа. Размеры его 8,3×5,9×2,1 см, продольные лезвия в профиль — хорошо выравнены, пятка (облом плитки) утолщена, очертания неправильно-треугольные, асимметричные (рис. 2, *3*). Второе, дошедшее в виде крупного фрагмента продолговатого листовидного изделия, имеет в основе также плитчатую заготовку, фрагменты корки которой сохранились на обеих сторонах предмета. Оно оформлено грубой пологой ретушью, не

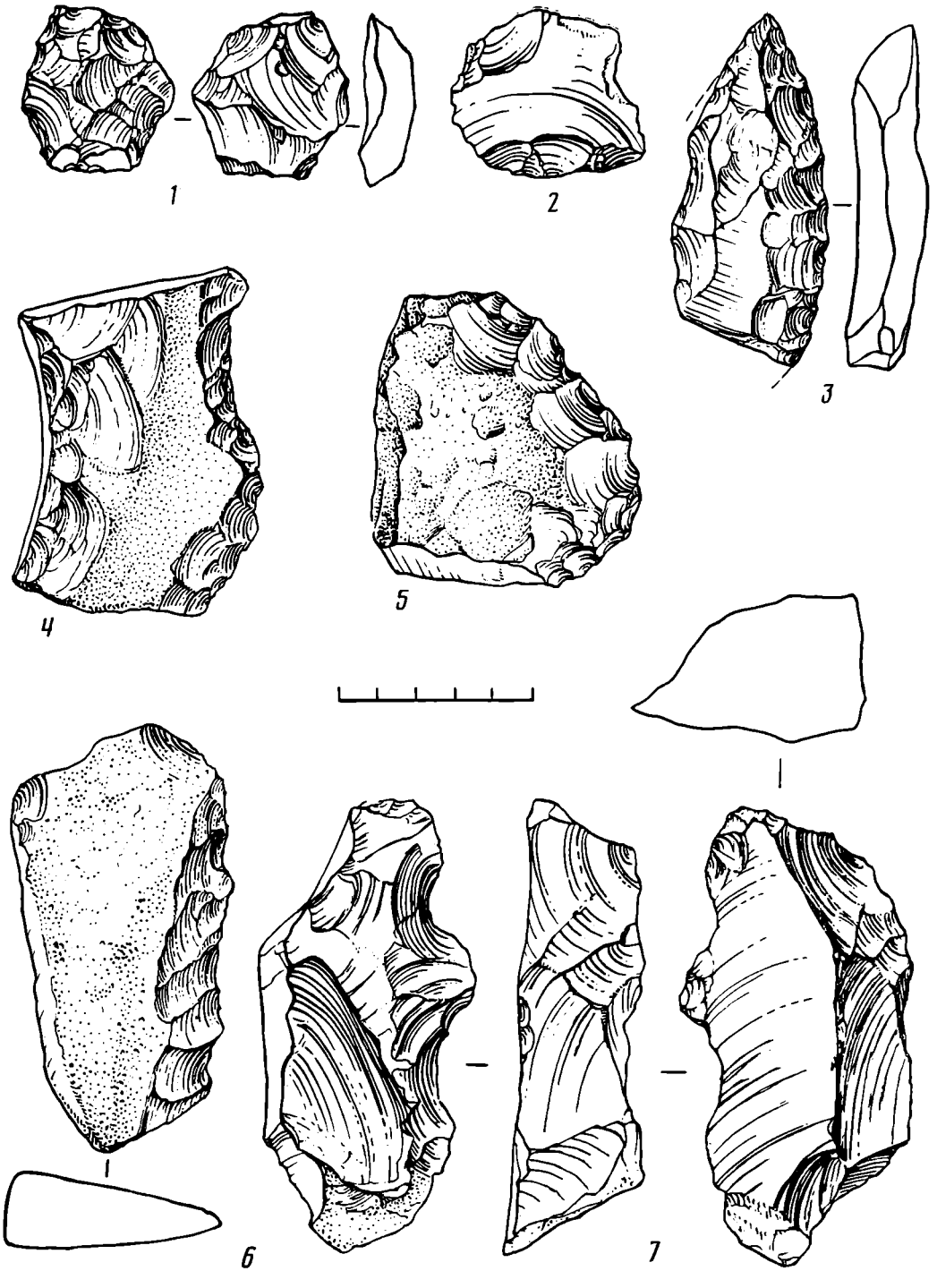


Рис. 8. Каменные орудия из Джанака (Алам-Куль I): *1* — двустороннее; *2* — отщеп с тронкированной базальной частью; *3—6* — скребла; *7* — зубчато-выемчатое орудие

придавшей краям в профиль должной прямолинейности (рис. 2, *2*). Третье небольшое (4,3×4,0×1,3 см) своеобразное орудьице имеет очертания неправильного шестиугольника, сплошную двустороннюю плоско-выпуклую отделку, довольно извилистые (в профиле) края и следы более поздней вторичной ретуши на участке предполагаемого основания (рис. 8, *1*). При дальнейших сборах на Алам-Куле I, судя по составу и особенностям его индустрии, можно, как кажется, ожидать здесь находок более примитивных бифасиальных орудий. Своей архаичностью подавляющее большинство орудий Алам-Куля I, в самом деле, мало чем отличается от тех орудий, которые сопровождают, например, ручные рубила в ашельских комплексах Кавказа (в Кударо I, в частности). Вероятная примесь

в материалах этого местонахождения некоторых более поздних изделий (предметы со следами повторных свежих сколов или ретуши, развитые формы двусторонних орудий и отдельных ядрищ и т. п.) вынуждает все же предварительно поместить его в широкие рамки ашело-мустьерских памятников.

Существование ашельских индустрий на Джанаке подтверждается все же открытием здесь ашельской мастерской Коймат II по первичному в основном расщеплению камня. Мастерская расположена непосредственно на выходах средне-мелкозернистого кварц-полевошпатового песчаника (опр. Н. Е. Селивановой). Среди большого количества собранных здесь сколов-отходов и обломков встречены чоппер, скребло и зубчато-клювовидное орудие (рис. 2, *6*; 43, *5*).

Краткие выводы. Новые, достаточно многочисленные и отчасти серийные (Джанак) материалы 1980—1981 гг., дополненные кое-какими находками и наблюдениями прежних лет и палеогеографическими свидетельствами. позволяют высказать некоторые соображения в отношении природного окружения древнейших обитателей Туркмении, направлений их культурных связей, а также путей первоначального заселения этой территории и Средней Азии в целом.

Расположение палеолитических местонахождений Приатречья и Джанака в местах, ныне пустынных и необитаемых (бедленд, солончанки), говорит об иной природной обстановке в плейстоцене. Климат четвертичной эпохи, по всей видимости, не был здесь столь монотонно-аридным, как это предполагают многие исследователи. Мнение о том, что четвертичный период в Туркмении характеризовался резко континентальным климатом и что «оледенения и межледниковые эпохи вызывали лишь некоторое увлажнение либо усиление засушливости, но общая ландшафтная обстановка менялась сравнительно мало» [27, с. 315], нуждается, видимо, в определенной ревизии. Слишком общими являются также данные о том, что трансгрессии Каспия соответствуют теплым и влажным или холодным и влажным стадиям, имевшим место в конце межледниковий и в первой половине ледниковых эпох, а регрессии — холодным и сухим (вторая половина ледниковых эпох) или теплым и сухим (первая половина межледниковых эпох) [17, с. 42].

О более контрастных показателях для разных периодов плейстоцена Туркмении, на наш взгляд, говорят следы древних оледенений, обнаруженные в последние годы на Большом Балхане, с одной стороны [32, с. 6], и находки в Закаспии остатков таких представителей теплолюбивой (межледниковой ?) фауны, как слон Вюста и носорог[12] — с другой. Значительные ландшафтно-климатические сдвиги, имевшие место в плейстоцене Туркмении, выражались в больших колебаниях уровня Каспия (размах их достигал 100 м) [17, с. 35], в коренной перестройке речной сети и формировании эолового рельефа Каракумской пустыни. События эти происходили на глазах первобытного человека и, безусловно, отражались на его существовании. До раннехвалынской трансгрессии Каспия Пра-Амударья текла по Южным Каракумам. Река блуждала по низменной равнине от подножий Копетдага до Унгуза и Джанака и впадала в Каспийское море к югу от Большого Балхана. Теджен, Мургаб, Зеравшан с Кашкадарьей были ее притоками. В конце хазарской эпохи она покинула территорию Каракумов, оторвалась от своих притоков и устремилась на север, к Аральскому морю, а в пределах ее громадной долины в результате перевевания аллювиальных отложений образовались пески Каракумов.

Наступания и отступания вод Каспия и образование Каракумской пустыни вносили, разумеется, существенные коррективы в особенности расселения древнего человека в Туркмении, в возможности его контактов и связей. Один из примеров этому, как отмечалось,— частичная изоляция

[12] Остатки Elephas wüsti Pavl. обнаружены в 1943 г. в позднехазарских отложениях в прибалханском районе [21, с. 36, 37]; остатки носорога встречены в мустьерском культурном слое (рисс-вюрм или первый интерстадиал вюрма) грота Ке-Арам I в бассейне р. Горган [33; 34, с. 221, 222].

древнего населения на территории былого Кемальского полуострова. Второй пример может быть подсказан особенностями мустьерских индустрий этого же полуострова, которые благодаря наличию двусторонне обработанных орудий имеют ближайшие параллели только к северу, северо-востоку (Устюрт, Мангышлак, Центральный Казахстан) и к северо-западу (Северный Кавказ) [13]. Последнее направление допустимо, если принять во внимание возможность существования в предхвалынское время прямых сухопутных связей между Северным Кавказом и Мангышлаком (глубокая регрессия привела в то время к осушению северной части Каспия) [14] [17, с. 35].

Другим направлением древнейших культурных контактов могла быть территория сопредельных Ирана и Афганистана, т. е. территория пограничного с Туркменией Иранского нагорья. Иранское нагорье, Кавказ, Туркменистан и Средняя Азия, в целом, имели глубинные природно-исторические связи. Так, животный мир Копетдага и Балханов близок к животному миру Кавказа и в то же время обнаруживает сильные связи со Средиземноморьем и Передней Азией [38, с. 742]: «Нагорья Передней Азии — биогеографический мост, по которому средиземноморские флористические и фаунистические элементы проникли в Среднюю Азию» [16, с. 364]. Древнейшие люди, как предполагается, пришли на территорию Средней Азии также с юга, с территории переднеазиатских нагорий. Главные пути их расселения располагались, вероятнее всего, в промежутке между Каспием и Гиндукушем, проходя через невысокие Туркмено-Хорасанские горы (средняя высота 1000—2000 м), северной частью которых является Копетдаг. Менее вероятны более восточные маршруты людей-первопроходцев — через высочайшие горные системы Гиндукуша, Памиро-Алая и Гималаев, которые в периоды оледенений становились непреодолимыми горно-ледниковыми барьерами.

Вероятность прохождения первопришельцев через «копетдагские ворота» подтверждается, как нам кажется, находками весьма древних палеолитических орудий в Центральном Копетдаге (сборы В. А. Ранова в 1962 г.) и особенно на флангах этого хребта: в советском Приатречье (сборы отряда ЮТАКЭ в 1980—1981 гг.) и в долине р. Кешефруд близ Мешхеда в Иране (сборы французского археолога C. Thibault в 1974—1975 гг.). Французский исследователь обнаружил в долине р. Кешефруд 60 архаичных изделий (чопперы, чоппинги, грубые скребла, зубчатые и выемчатые орудия, нуклеусы, отщепы), залегавших в условиях, совершенно аналогичных тем, которые были отмечены отрядом ЮТАКЭ в долине р. Сумбар близ Кара-Калы: на Кешефруде, как и на Сумбаре, часть архаичных орудий встречена in situ в галечниках верхов толщи первого постплиоценового заполнения долин названных рек. C.Thibault и A. Ariai допускают нижнеплейстоценовый возраст указанных галечников и считают встреченные в этих галечниках архаичные орудия доашельскими (позднеолдовейскими: 800 000 — 1 000 000 лет тому назад) [39, с. 117; 40, с. 101—108]. Датировка эта будет рассмотрена в ходе планируемых в ближайшее время специальных геолого-геоморфологических изысканий в долине р. Сумбар.

Вероятность функционирования рассматриваемых путей расселения

---

[13] Полоса распространения двусторонних форм в мустьерских индустриях юга СССР в своей восточной части захватывает, как это представляется на сегодняшний день, Мангышлак, Устюрт, Центральный Казахстан, Кемальский полуостров и, возможно, часть территории Каракумов и Кызылкумов [1, с. 41; 35; 36; 37, с. 84—97]. В мустьерских материалах Ирана и Средней Азии (кроме отмеченных районов северо-запада последней) эти формы отсутствуют. Что касается более древних двусторонних форм (бифасов), то они известны в этой полосе на Северном Кавказе, Мангышлаке и в Центральном Казахстане. Бифасы Мангышлака, Сары-Арка и Прииртышья, судя по публикациям А. Г. Медоева, типологически являются мустьерскими и верхнеашельскими (они плоские, треугольные, подсердцевидные, овальные и часто изготовлены на отщепах). А. Г. Медоев, на наш взгляд, чрезмерно удревняет возраст своих находок [35; 36, табл. 4—6, 8—9, 12].

[14] Возможность сухопутных связей с Северным Кавказом могла иметь место и во времена более древних регрессий Каспия — предхазарской и предбакинской [17, с. 35].

и культурных связей предполагается, кстати сказать, и для более позднего (мустьерского) времени. Так, многие исследователи (А. П. Окладников, В. А. Ранов, В. Е. Ларичев и др.) считают возможными ближневосточные истоки некоторых среднеазиатско-алтайско-монгольских пластинчатых леваллуа-мустьерских индустрий. И в этом отношении интересны находки на Сумбаре грубых черепаховидных леваллуазских ядрищ.

Задачи. Ближайшими задачами палеолитических исследований в Туркмении является развертывание поисковых работ в ряде районов республики. Одной из самых трудных и интересных задач будет выяснение «палеолитического потенциала» Каракумов, как Центральных, так и Заунгузских. В Центральных целесообразно, видимо, обследовать в первую очередь остатки русел Пра-Амударьи всюду, где они сохранились (Келифский Узбой, руслообразные понижения среди песков Чаган в Приунгузье, удлиненные солончаковые впадины в прикопетдагской линии шоров), а также предгорья Копетдага к западу от Арчмана, где река приближалась к горам и сохранились следы ее эрозионной деятельности [25, с. 547—549; 41, с. 346]. Интересен также район Серных бугров, где Д. И. Щербаков нашел еще в 1943 г. кремневое рубильце [1, с. 41].

Не менее привлекательны малодоступные Заунгузские Каракумы с их крупногрядовым рельефом и связанными с этими грядами (кырами) новообразованиями в виде пропластков кремня или окремненного песчаника, а также гаммадами (щебневыми пространствами). Заслуживают внимания и останцовые возвышенности в северо-западном Заунгузье и в районе Сарыкамыша. Следовало бы посвятить один из маршрутов самому Унгузу, некоторые из котловин которого заполнялись водами Пра-Амударьи [25, с. 542, 543]. Весьма перспективны для поисков палеолита, на наш взгляд, холмистые предгорья Паропамиза (Бадхыз и Карабиль) в междуречьях Теджена и Мургаба, Мургаба и Амударьи (р. Кешефруд, напомним, является притоком Теджена). Искомые материлы может доставить и осмотр древних террас Теджена и Мургаба.

Но наиболее важным в научном отношении явится, конечно, обнаружение стратифицированных палеолитических пещерных стоянок в закарстованных известняках гор Большой Балхан и Кугитангтау (отроги Гиссарского хребта на границе с Узбекистаном). Само собой разумеющимся, наконец, явится продолжение работ в Приатречье, Джанаке, на Красноводском полуострове. Исследованиям этим желательно придать более комплексный геолого-археологический характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Береговая Н. А.* Палеолитические местонахождения СССР.— МИА, 1960, № 81.
2. *Борисковский П. И.* Палеолитические местонахождения в Туркмении.— КСИА, 1947, вып. XVIII.
3. *Борисковский П. И.* К вопросу о древнейшем заселении Туркменистана.— ТрАГПИ, 1947, вып. 1.
4. *Окладников А. П.* Изучение древнейших археологических памятников Туркмении.— КСИИМК, 1949, вып. XXVIII.
5. *Окладников А. П.* Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова.— ТЮКАТЭ, 1951, т. II.
6. *Окладников А. П.* Изучение памятников каменного века в Туркмении (по данным работ IX отряда ЮТАКЭ в 1952 г.).— ИАН ТуркмССР, 1953.
7. *Окладников А. П.* Древнейшее прошлое Туркменистана.— Тр.ИИАЭ, 1956, т. I.
8. *Окладников А. П.* Палеолит и мезолит Средней Азии.— В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.— Л.: Наука, 1966.
9. *Толстов С. П.* Археологические памятники по трассе Главного Туркменского канала (разведки Хорезмской экспедиции АН СССР в 1950—1951 гг.).— ВАН, 1952, № 4.
10. *Хлопин И. Н., Хлобыстин Л. П.* Поиски памятников каменного века в Копетдаге.— АО — 1968. М., 1969.
11. *Лузгин Б. К., Ранов В. А.* О первых находках палеолита в Центральном Копетдаге.— БКИЧП, 1966, № 32.
12. *Иванов Г. В.* Археологические памятники Бадхыза.— Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1979, № 1.
13. *Абрамова З. А., Мандельштам А. М.* Бегарсландаг — новый памятник каменного века в районе Узбоя.— БКИЧП, 1977, № 47.
14. *Никшич И. И.* Бассейн рек Сумбара и Чандыра. Геологические исследования в Кара-Калинском районе Туркменской ССР в 1925 г.— Тр.ВГРО, 1932, вып. 174.

15. *Каляев Г. И.* Копетдаг.— В кн.: Геология СССР. Т. XXII. Туркменская ССР. М., 1957.
16. *Богданова Н. М., Мурзаев Э. М.* Переднеазиатские нагорья.— В кн.: Средняя Азия. М.: Наука, 1968.
17. *Рычагов Г. И.* Плейстоценовая история Каспийского моря: Авт. докт. дис. М., 1977.
18. *Каплин П. А., Леонтьев О. К., Рычагов Г. И., Парунин О. Б., Свиточ А. А., Шлюков А. И.* Хронология и палеогеография плейстоцена Понто-Каспия.— В кн.: Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М., 1977.
19. *Геллер С. Ю., Ранцман Е. Я.* Основные черты строения рельефа.— В кн.: Средняя Азия. М., 1968.
20. *Андрусов Н.* О древних береговых линиях Каспийского моря.— Ежегодник по геологии и минералогии России. Варшава, 1900, т. IV, № 1—2.
21. *Федоров П. В.* К стратиграфии каспийских отложений Прибалханского района.— СГ, 1946, № 11.
22. *Федоров П. В.* Морские четвертичные отложения.— В кн.: Геология СССР. Т. XXII. Туркменская ССР. М., 1957.
23. *Федоров П. В.* Плейстоцен Понто-Каспия. М., 1978.
24. *Ранов В. А., Несмеянов С. А.* Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.
25. *Федорович Б. А.* Геоморфология равнинных областей.— В кн.: Геология СССР. Т. XXII. Туркменская ССР. М., 1957.
26. *Федорович Б. А.* Гидрогеологический очерк Заузбойского складчатого района.— Тр.СИПР, 1934, вып. 8.
27. *Федорович Б. А.* Континентальные четвертичные отложения равнинных областей.— В кн.: Геология СССР. Т. XXII. Туркменская ССР. М., 1957.
28. *Федорович Б. А.* Лик пустыни. М.: Госкультпросветиздат, 1950.
29. *Любин В. П.* К методике изучения фрагментированных сколов и орудий в палеолите. В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978.
30. *Bordes F.* Typologie du paléolithique ancien et moyen. Public. de l'Inst. de Préhist. de l'Univ. de Bordeaux, 1961, mem. 1.
31. *Lumley-Woodyear H. de.* Le paléolithique inférieur et moyen du midi Méditerranéen dans son cadre géologique. T. 1. Paris, 1969; t. 2. Paris, 1971.
32. Решение Пятого Всесоюзного совещания по изучению четвертичного (антропогенного) периода. Уфа, 1981.
33. *Mc Burney C. B.* Preleminary report on the stone age reconnaissance in North-Eastern Iran.— PPS, N. S., 1964, v. 30.
34. *Ранов В. А.* Палеолит Переднеазиатских нагорий.— В кн.: Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л.: Наука, 1978.
35. *Медоев А. Г.* Геохронология палеолита Казахстана.— ВАН КССР, 1981, № 8.
36. *Медоев А. Г.* Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата, 1982.
37. *Виноградов А. В., Мамедов Э.* Кызылнура I — первый мустьерский памятник в Кызылкумах.— СА, 1969, № 1.
38. *Каменский А. И.* Равнины и горы Средней Азии.— В кн.: Физическая география СССР. М., 1966.
39. *Thibault C.* Decouverte de paleolithique archaique dans de nord-est de l'Iran. Résumes de communications IX Congrès Union Internationale des sciences préhistoriques et protohistoriques. Nice, 1976.
40. *Ariai A., Thibault C.* Nouvelles précisions a propos de l'outillage paléolithique ancien sur galets du Khorassan (Iran).— Paléorient, P., 1975—1976—1977, v. 3.
41. *Ямнов А. А.* Континентальные четвертичные отложения и некоторые вопросы истории геологического развития Каракумов в четвертичное время.— В кн.: Геология СССР. Т. XXII. Туркменская ССР. М., 1957.

V. P. Lyubin

TURKMENIAN PALAEOLITHIC

(History of its study, new materials, urgent tasks)

Summary

The author discusses and summarises Turkmenian Palaeolithic materials collected during the forty years of its investigation, that is, from 1942-1943 when first Palaeolithic finds were made in Turkmenia and up to the present day. The author's collections formed in 1980-1981 in Western Kopetdag (in the Atrek basin) and in the Trans-Uzboi folding zone (Janak), are a great and typologically most important part of these materials. Technical and morphological characteristics and the context in which they were found indicate the Acheulian origin of stone implements of the Atrek basin and the Acheulian-Mousterian origin of stone artifacts from Janak. The pattern of Palaeolithic sites on the Krasnovodsk Peninsula and in Janak is closely associated with the paleographic map of the region related to Würm: Mousterian people lived along the Caspian shores in the period of Lower Khvalyn transgression. New materials permit, for the first time, to conclude on the character of Mousterian industries in Turkmenia and deduce two more probable settlement ways of its territory: the south-eastern, from the Iranian Plateau, across Kopetdag, and the north-eastern, from the Northern Caucasus and Mangyshlak. By way of conclusion, the author charts urgent tasks of the further study of the Turkmenian Palaeolithic.

СОРОКИН А. Н.

МЕЗОЛИТ ВЕЛИКИХ МЕЩЕРСКИХ ОЗЕР

Система Великих (Спас-Клепиковских) озер — проточных и связанных между собой водоемов, вытянутых на 50 км в меридиональном направлении, расположена в центре Мещерской низменности, лежащей к востоку от Москвы. Начало археологического изучения озер связано с деятельностью В. Монастырева и У. Леонова, которые вели здесь поиски доисторических поселений еще в 90-е годы прошлого столетия. В советское время наиболее плодотворные изыскания в Центральной Мещере были осуществлены О. Н. Бадером, И. К. Цветковой и Т. Б. Поповой. Открытие мезолита на озерах связано с работами в 1975—1977 гг. Окской экспедиции ИА АН СССР под руководством О. Н. Бадера [1, с. 94; 2, с. 142—151].

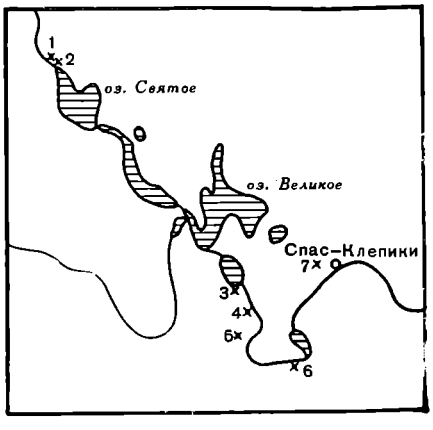


Рис. 1. Великие Мещерские озера, исследованные памятники: *1* — Микулино, *2* — Петрушино, *3* — Островки I, *4* — Беляково III, *5* — Дунино I, *6* — Русаново I, *7* — Совка III

Предметом настоящего исследования являются материалы семи стоянок и местонахождений (рис. 1). Три из них раскапывались стационарно (Петрушино в 1975—1977 гг., Микулино в 1975 и 1977 гг., Совка III в 1977 г.), остальные исследованы шурфами и сборами с поверхности [1, с. 94; 3, с. 73; 4, с. 85; 5, с. 76] [1].

Топография всех семи памятников сходная. Они расположены на песчаных останцах, мысах или дюнах первой озерной террасы, высотные отметки которых колеблются от 3 до 5,5 м. Культурный слой на всех стоянках по цвету не выражен и определяется как горизонт залегания находок, предстающий в виде слабо насыщенных артефактами скоплений. Площадь таких скоплений невелика, как правило, менее 1500 м². Стратиграфически находки приурочены к верхней толще рыхлых отложений и залегают от современной поверхности до горизонта начала плотного ожелезненного песка. При этом зависимости между погребенной почвой и кремневыми изделиями не наблюдается. В слое кроме кремней встречаются кострищные пятна (Микулино, Петрушино), ямы (Петрушино, Совка III), мелкие кальцинированные косточки и комочки охры.

Для изготовления орудий труда использовался меловой и валунный кремень среднего качества и в единичных случаях кварцит или другие породы камня. Цветовая гамма кремня разнообразна: от черного и серого до различных оттенков коричневого и красного цветов, а в Микулино и Петрушино даже пятнистого. Примечательно, что последний отсутствует в многочисленных в Мещере неолитических памятниках.

Две стоянки, расположенные в окрестностях дер. Тюрвищи Гусевского р-на Владимирской обл.,— Микулино и Петрушино (рис. 1) — приурочены к торфянику левобережья р. Бужи. Они располагаются на дюнах останцов первой террасы и связаны с древним, ныне заторфован-

[1] Автор выражает глубокую признательность Л. В. Кольцову, А. В. Трусову и А. С. Фролову за предоставленную возможность использовать в работе еще не опубликованные материалы.

ным заливом оз. Святого. Высота останцов не превышает 3 м, расстояние между ними около 1 км, до современной границы озера 2,5—3 км. Удаленность русла р. Бужи, дренирующей торфяник, от памятников — 1 и 2,5 км соответственно. Обе стоянки открыты в 1975 г. автором и тогда же подверглись первоначальному обследованию [2, с. 142—147].

Микулино. Сохранность культурного слоя стоянки хорошая, вся поверхность останца задернована. Вскрыта площадь в 129 м², при этом, судя по планиграфии находок, исследована центральная часть памятника. Обнаружено всего одно кострище, размеры которого по мере углубления увеличились с 80×60 см до 180×80 см.

На стоянке собрано 2980 каменных изделий, из них 18 (0,6%) нуклеусов и нуклевидных кусков, 1201 (40,3%) отщеп, 1042 (35,0%) пластины и 717 (24,1%) орудий. 13 (из 14) нуклеусов (рис. 2, *1—3*) стоянки Микулино по характеру расщепления относятся к параллельной системе скалывания. Все они сработаны до предела так, что первоначальную форму четырех из них определить не удается. Из четырех подконических нуклеусов от пластин и микропластин один целый со скошенной ретушированной площадкой, остальные три расколоты, также расколот и конический нуклеус от пластин. Оба одноплощадочных подпризматических нуклеуса от пластин имеют скошенные и подправленные площадки. Среди двухплощадочных один нуклеус призматический от микропластин, перешедший в стадию хаотичного расщепления, второй — с перпендикулярными ударными площадками, с него также получали пластины. К хаотичной системе скалывания принадлежит экземпляр двухплощадочного аморфного нуклеуса от пластин и отщепов одновременно. Кроме этого, в коллекцию входит заготовка подконического (?) нуклеуса, три нуклевидных куска и 95 сколов подработки, включая сюда 36 ребристых пластин. При этом все фрагменты рабочих поверхностей на сколах подправки, кроме одного, дают негативы снятия пластин.

Основная масса отщепов по метрическим показателям [6, с. 110] представлена мелкими экземплярами (857) и чешуйками (244). Среди них: средних — 39, крупных — всего два, т. е. отщепам свойственна определенная миниатюрность. Ширина пластин варьирует от 3 мм до 3 см, а процент нерегулярных равен всего лишь 4,5. В целом для стоянки характерно полное преобладание узких правильных пластин с шириной от 0,7 до 1,5 см и пиком распределения в 1 см. Количество микропластин невелико, но они численно преобладают над экземплярами средних размеров. Таким образом, и по группе пластин четко прослеживается тенденция микролитизации инвентаря. Кроме того, в разряде заготовок обращают на себя внимание следующие факты: 1 — отношение количества пластин к числу отщепов равно 0,9, т. е. лишь незначительно меньше единицы; 2 — среди орудий на отщепах только 26 функционально специализированы и могут быть по морфологии отнесены к тому или иному типу орудий, подавляющее же большинство относится к полифункциональным, морфологически нечленимым орудиям — отщепам с ретушью, что свидетельствует скорее в пользу случайности использования отщепов в качестве заготовок; 3 — среди отщепов 244 чешуйки, т. е. предметов, употребление которых в качестве заготовки является исключением, так как их происхождение само связано с изготовлением орудий, следовательно, потенциальное количество заготовок-пластин превышает число заготовок-отщепов на 108; 4 — включение в количественный анализ орудий по характеру их заготовок дает преобладание пластин над отщепами на 273 или в 1,2 раза. Все эти наблюдения приводят к следующему выводу: основная цель системы снятий в Микулино сводилась к получению правильной заготовки-пластины. Это подтверждается и фактом изготовления из пластин 78,1% (560) всех орудий.

Другой чертой, присущей памятнику, является преимущественное изготовление орудий на «сечениях». Деление пластин осуществлялось следующими способами: а — контрударного рассечения, б — удара в точку поверхности, преимущественно на центральном ребре заготовки, в — техникой слома.

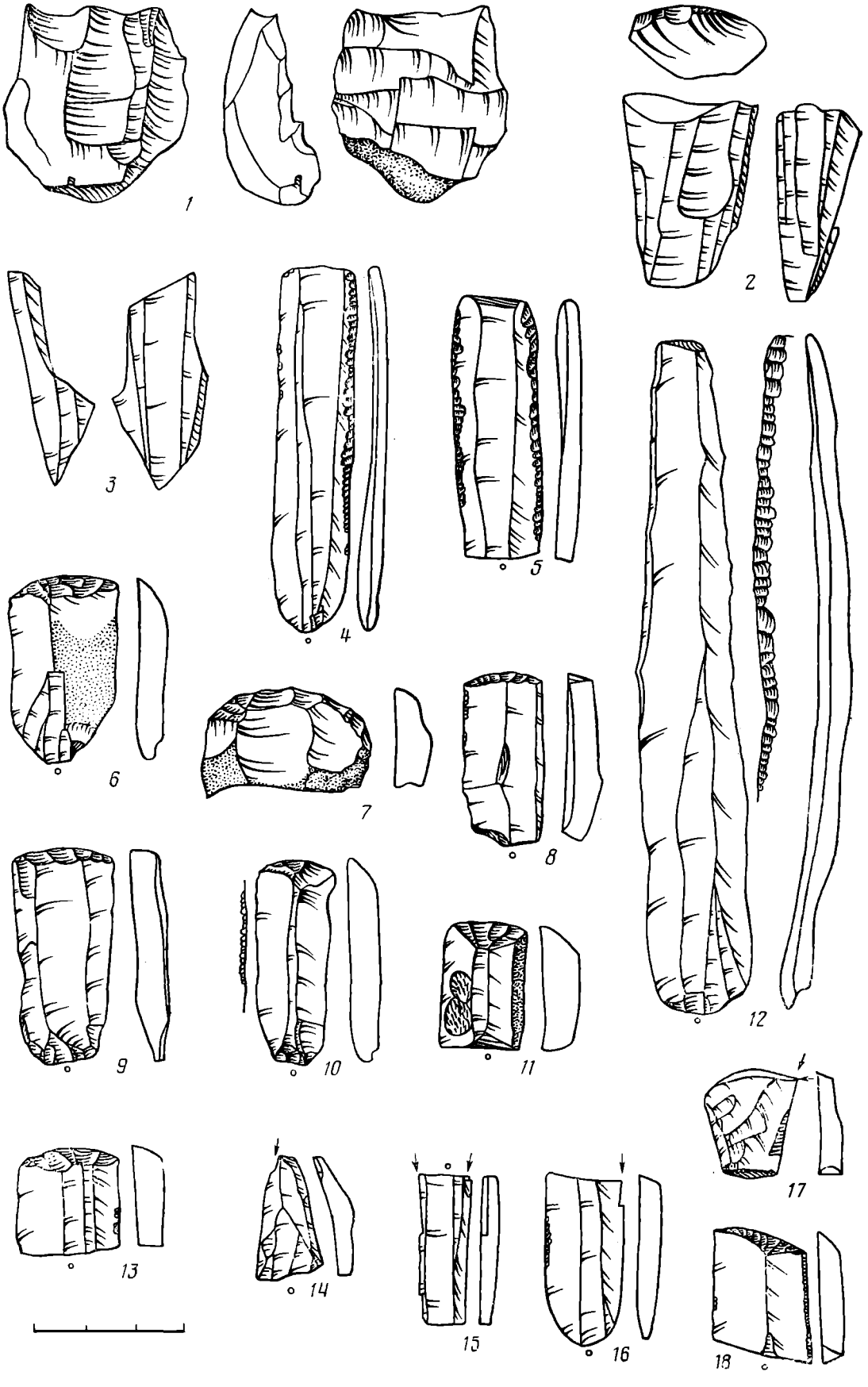


Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Микулино

Найдено 139 резцов (123 на пластинах) (рис. 2, *14—17*). Один относится к типу с ретушированной площадкой скола, два к типу на углу отщепа, причем один в срединном варианте; все остальные — к типу на сломе или естественном окончании заготовки, при этом только один из них симметричный. По два резцовых скола отмечено на 15 экз. и у одного их три. Длина сколов различна, но преобладают укороченные. Скребков 38 (33 пл.) (рис. 2, *6—11, 13, 18*). Они представлены только вариантами концевых форм, что является особенностью Микулино. Из отщепов выполнены два скребка с дугообразными лезвиями и по одному с прямоскошенным и с выступом; и один микроскребок с прямым лезвием на чешуйке. Концевые скребки на пластинах распадаются на четыре варианта: с прямым лезвием (2), дугообразным (11), дугообразно скошенным (17) и, наконец, три микроформы с прямоскошенными лезвиями. В обработке использовалась крутая или полукрутая ретушь со средней величины фасетками и миниатюрная крутая.

Скобелей — девять, все на пластинах; выемки мелкие узкие дугообразные (рис.. 3, *16, 19*). Ретушер один, двойной концевой на расколотом нуклеусе. Единичны также резчик, пилка и асимметричная проколка, изготовленные из пластин. Все шесть сверл сделаны на пластинах, целые экземпляры плечиковые, симметричные (рис. 3, *18, 21*). Пластин с пологой приостряющей ретушью — 58 (рис. 2, *4, 5*). Среди них особенно выразителен нож из черного кремня, длина которого 139 мм, а ширина 12—20 мм (рис. 2, *12*). Комбинированных орудий семь; среди них четыре модификации скребков с резцами (два из которых с ретушированной площадкой скола — рис. 3, *9, 10, 20*), два концевых дугообразно скошенных скребка-ножа (рис. 3, *2*) и скобель-сверло (рис. 3, *3*).

Наконечники стрел на пластинах представлены черешковым наконечником, имеющим укороченные пропорции (рис. 3, *11*), тремя фрагментами насадов, из них два принадлежат наконечникам листовидных форм — рис. 3, *4*, и заготовкой, подработанной на конце плоской ретушью с брюшка (рис. 3, *6*).

Наибольший интерес в коллекции со стоянки Микулино вызывают различного рода микролиты. Среди них преобладают вкладыши из фрагментов средних частей пластин (рис. 3, *12—15*): изделия со сломанными или ретушированными углами и регулярным характером ретуши на одном или обоих краях заготовки (149), вкладыши с ретушированными краями и неподработанными углами (27) и, наконец, вкладыши из «сечений» со сломанными или ретушированными углами и следами сработанности на краях (27). Найдена одна трапеция, частично обломанная, первоначально, видимо, симметричная, со слабовогнутыми крутой ретушью со стороны спинки торцами (рис. 4, *7*). Прямоугольников — три, все удлиненных пропорций, выполнены на микропластинах. Им свойственна крутая затупливающая ретушь, которая оформляет три стороны орудия, однако прослеживаются некоторые специфические особенности в обработке: первый прямоугольник ретуширован только по брюшку (рис. 4, *15*), второй — по краю со спинки и противолежащей ретушью на торцах (рис. 4, *12*), третий, как и первый, по брюшку и дополнительно плоской ретушью по боковому краю со спинки, т. е. здесь присутствует элемент двусторонней обработки (рис. 4, *11*). У последнего прямоугольника сломан один из углов. Точно такой же характер слома наблюдается на пластинке с притупленным ретушью краем с этой же стоянки (рис. 4, *18*) и на прямоугольнике из Петрушино [2, с. 144, рис. 2, *22*]. Из девяти микропластинок с затупленным ретушью краем и основанием (рис. 4, *8, 9, 13, 14, 16*) у четырех угол между ретушированными сторонами прямой, у пяти тупой, при этом основание одной из микропластинок ретушировано дугообразно, а не прямо, как на всех остальных. Микропластинок с затупленным ретушью краем — 33 (рис. 4, *17—20, 23, 25*). Для них характерна крутая односторонняя краевая ретушь (29), нанесенная по брюшку (20) или по спинке (9). На одной из микропластинок затупленный ретушью со спинки край снимался с брюшка плоской ретушью (рис. 4, *21*); подобный прием уже отмечен на прямоугольнике (рис. 4,

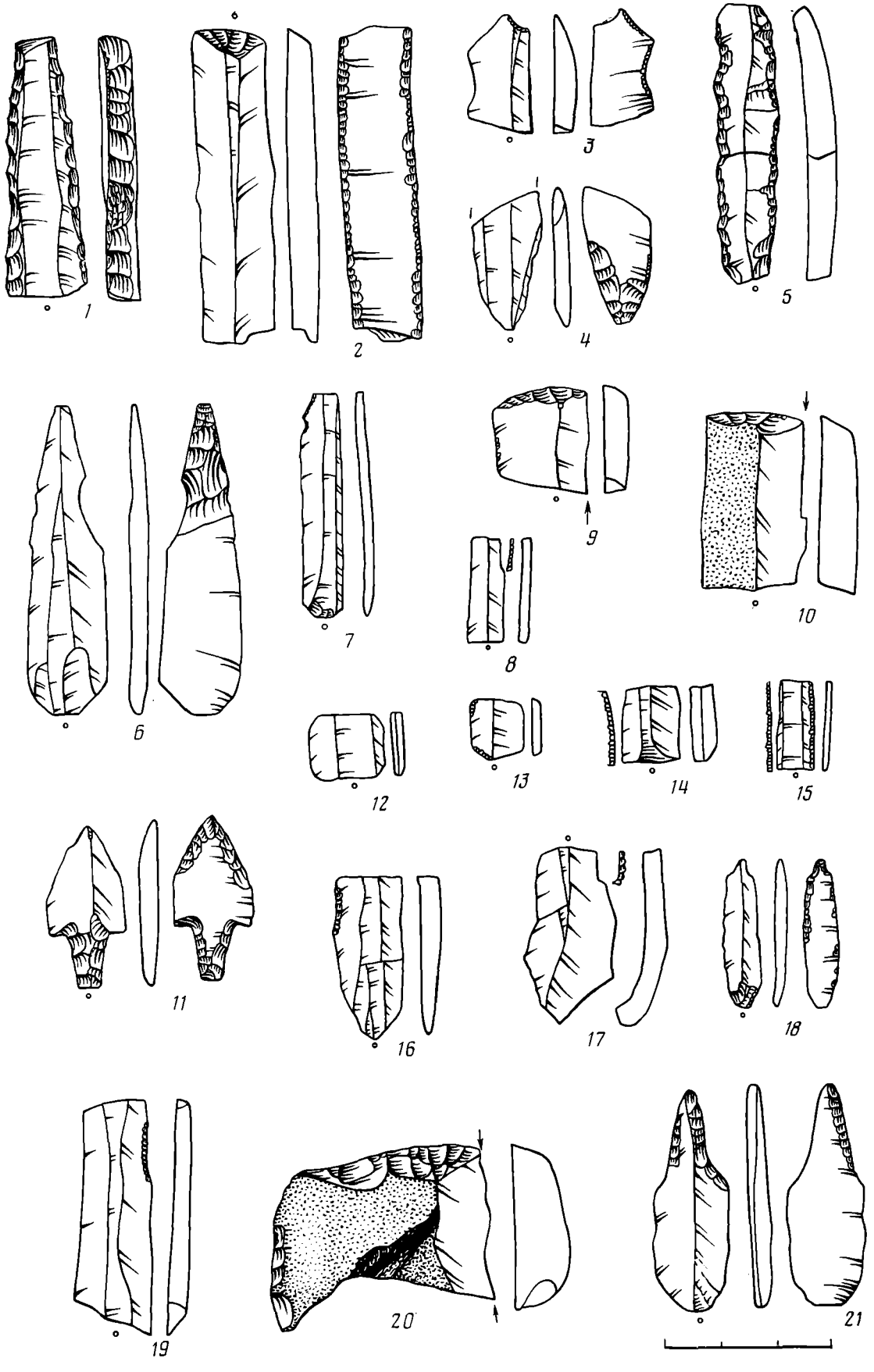


Рис. 3. Каменный инвентарь стоянки Микулино

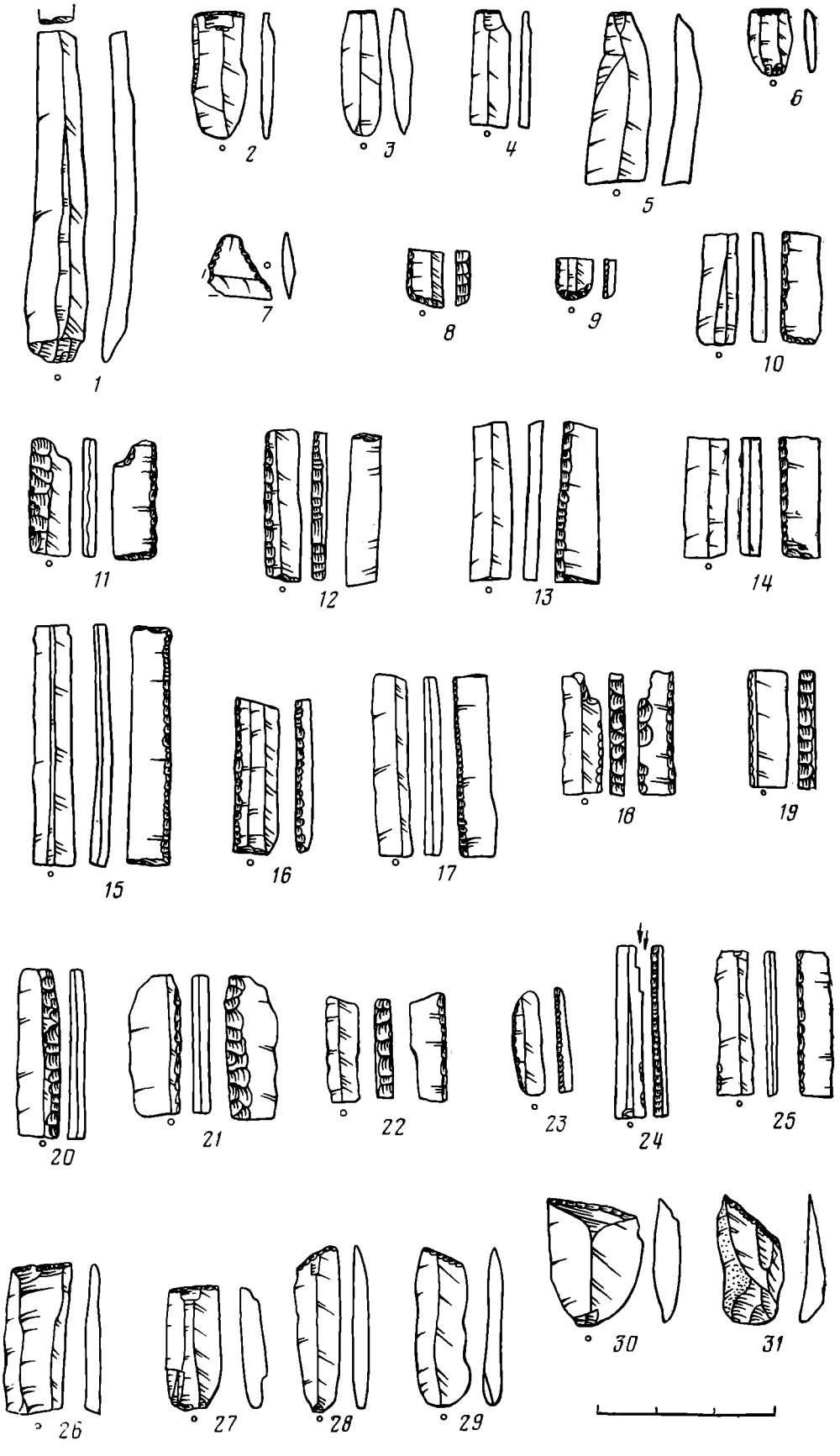


Рис. 4. Каменный инвентарь стоянки Микулино

11) и является, возможно, прототипом широко распространенного в неолите двустороннего способа ретуширования. Еще 3 экз. обработаны полукрутой ретушью, нанесенной в двух случаях по брюшку и в одном по спинке. 21 орудие носит отчетливые следы утилизации по неретушированному краю. На одной микропластине дополнительно нанесен резцовый скол (рис. 4, *24*).

Пластинок с поперечно срезанным крутой ретушью концом — 10 и один отщеп (рис. 4, *1—6*), при этом только одна из пластин обработана по брюшку. Пластинок со скошенным ретушью концом — 24, отщепов два, все обработаны крутой ретушью только по спинке (рис. 4, *26—31*). Шесть микролитов обработаны мелкой затупливающей ретушью в виде выемки, причем у одного орудия ретушь пильчатая (рис. 3, *8, 17*). Еще на трех пластинках ретушью срезан угол заготовки (рис. 3, *7*).

По способу обработки микролитам близки два фрагмента пластин с обоими затупленными вертикальной ретушью краями (рис. 3, *1*). Вероятно, это сломанные острия. Помимо этого, в коллекции есть два фрагмента пластин с краями волнистых очертаний, обработанных полукрутой ретушью (рис. 3, *5*), вкладыш со сломанными углами и вогнуто-выпукло ретушированным концом, 128 отщепов с ретушью, 23 обломка орудий на пластинах и два макролита неясного назначения. Оба макролита из кварцита, у первого один из концов оббит крупными двусторонними сколами, второй конец сбит ударом в торец изделия. Второй макролит является заготовкой с несколькими сколами, возможно, из нее также пытались сделать рубящее орудие.

Таким образом, инвентарь стоянки Микулино в целом характеризуется: а — высоким уровнем микролитизации, выражающимся в наличии совершенной техники снятий ножевидных пластин и значительном удельном весе микролитических орудий в комплексе; б — присутствием постсвидерских наконечников стрел, а также совершенно неизвестных в неолите региона, но характерных для позднего мезолита лесной зоны геометрических форм — трапеции и прямоугольников [7, с. 207]; в — отсутствием керамики неолитического облика, изделий со сплошной двусторонней ретушью, а также отсутствием или единичностью раннемезолитических типов орудий. Все это позволяет датировать стоянку Микулино позднемезолитическим временем.

Петрушино. На стоянке вскрыто 202 м². Обнаружено 13 кострищ, 10 из них были сосредоточены на площади менее 35 м², а также исследована часть ямы. Ее размеры, характер наклона стенок и состав заполнения позволяют предположить наличие здесь полуземлянки. Большая часть находок (1297) собрана в пределах котловины выдувания, остальные 622 предмета были найдены в непотревоженных участках дюны, в том числе в яме и кострищах. Учитывая сосредоточение находок на основной площади зачистки в виде одного небольшого скопления культурных остатков, их планиграфическую взаимосвязь с кострищами, отсутствие статистических различий в метрических показателях заготовок, а также типологическое единство орудий, происходящих из слоя и собранных в виде подъемного материала, мы сочли возможным дать суммарное описание каменного инвентаря Петрушино. В коллекцию стоянки входят, таким образом, семь нуклеусов и нуклевидных кусков (0,4%), 640 орудий (33,4%), 421 пластина, включая сюда и фрагменты (22%), и 851 отщеп (44,3%).

Из четырех нуклеусов три одноплощадочные (рис. 5, *18*, *19*; 6, *13*), конической, призматической и подпризматической форм; один — двухплощадочный подпризматический. Призматический нуклеус служил для снятия пластин и микропластин, остальные — от пластин и отщепов одновременно. Все они относятся к параллельной системе скалывания. Кроме этого, имеются три нуклевидных куска с негативами отщепов на поверхности, 22 скола подработки ударных площадок нуклеусов со следами ретуширования на фрагментах площадок и негативами пластин и микропластин на рабочих поверхностях, а также пять ребристых пластин.

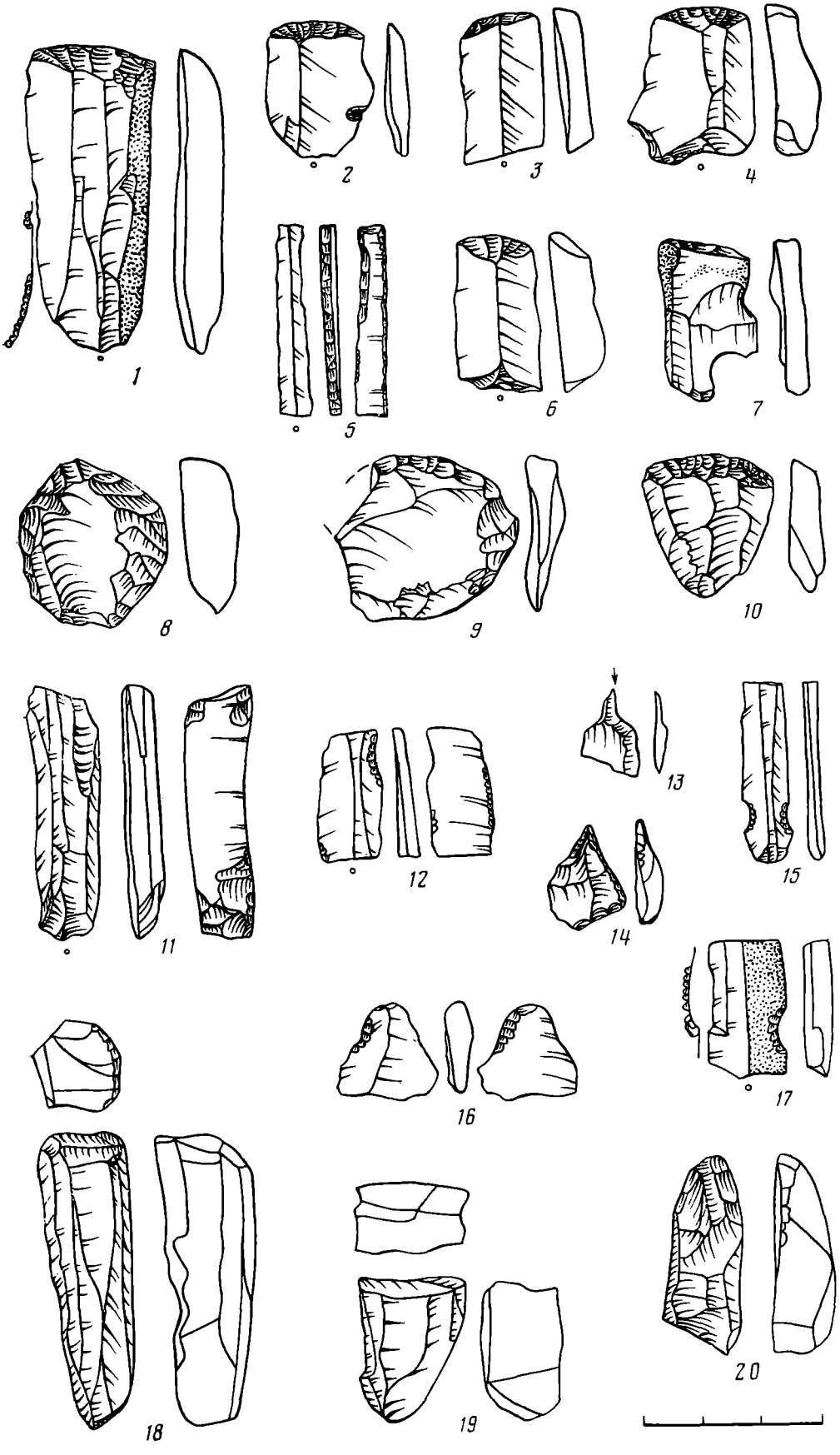


Рис. 5. Каменный инвентарь стоянки Петрушино

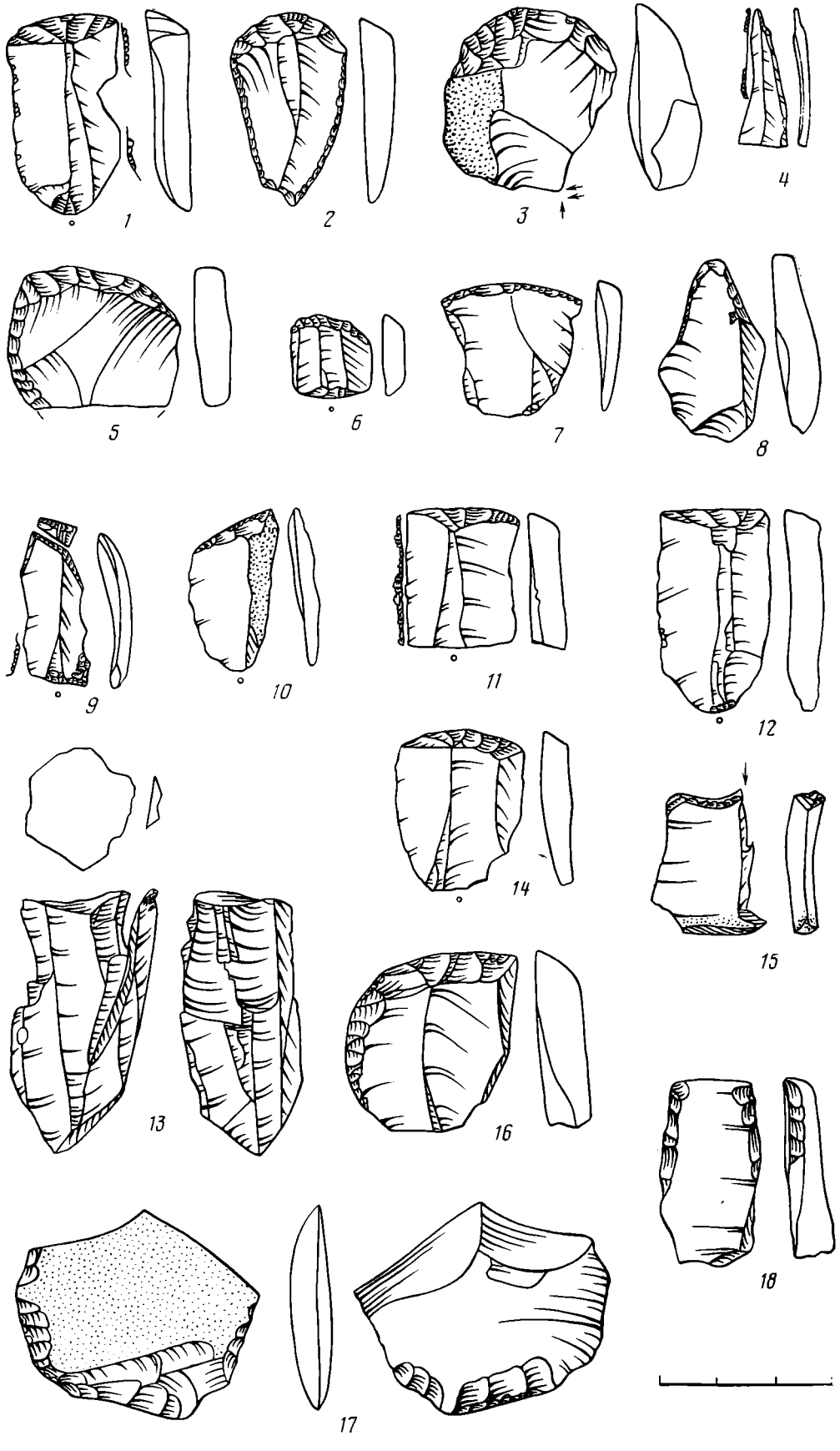


Рис. 6. Каменный инвентарь стоянки Петрушино

Основной заготовкой для орудий служила пластина. Здесь, как и в Микулино, преобладают узкие экземпляры и микропластинки, а среди отщепов — чешуйки и отщепы мелких размеров. Как и в Микулино, в Петрушино наблюдается преимущественное использование в качестве заготовок «сечений» пластин. Аналогичны и способы получения последних.

В группе изделий со вторичной обработкой многочисленны отщепы с ретушью (139 или 21% от числа всех орудий), но значительные серии образуют и морфологически устойчивые формы, такие, как скребки, резцы, ножи и вкладыши из фрагментов пластин — «сечения».

Резцы (81 экз., 63 пластины, рис. 6, *15*; 7, *19, 23, 29, 30*) довольно однообразны, доминируют типа на сломе заготовки (77 шт.). Среди них могут быть изделия как с одним сколом, так и с двумя-тремя, снимающими разные края заготовки. Прочие типы единичны: это угловой и косоретушный резцы на отщепах и два на пластинах — двойной поперечный и комбинированный косоретушный со срединным.

В группе скребков (68 экз., 39 пл., рис. 5, *1—4, 6—10*; 6, *1, 5—7, 11, 12, 14, 16, 18*; 7, *22, 26, 27*) преобладают концевые с дугообразными (22) и дугообразно скошенными (21) лезвиями. Концевых скребков с прямым лезвием три, с прямоскошенным — пять. Кроме того, присутствуют два подокруглых, полуокруглый, двойной боковой и пять двойных скребков. Последние представляют собой комбинации вариантов концевых форм на одной заготовке. В обработке лезвий доминирует крутая (34) и полукрутая (30) ретушь, но встречается и пологая (4). Скребковых микроформ — шесть (1 пл., рис. 7, *22, 26*), из них четыре концевых (три дугообразных, один скошенный) и два угловых с прямыми лезвиями.

Целых пластин с регулярной краевой приостряющей ретушью — 35 и 43 обломка (рис. 7, *24, 25*). Ретушь, как правило, мелкая, не деформирующая край орудия. Она наносилась либо со спинки, либо с брюшка или противолежащим способом. Функционально все эти изделия, за исключением одного, использовались, вероятно, как ножи. Исключением является пластина, у которой дополнительно к ретуши по краям имеется серия заломов, придающих им зубчатый характер. Возможно, это пилка. К ножам, видимо, следует отнести и 21 пластину с нерегулярной краевой приостряющей ретушью, со следами сработанности в виде заломов по одному или обоим краям.

Скобелей — 15 (12 пл., рис. 5, *12, 15, 17*; 7, *31*), при этом 4 экз. выполнены на вкладышах из «сечений» пластин. Выемки двух орудий прямые мелкие, остальных — также мелкие, но дугообразные, причем у одного скобеля их две, у другого — три, нанесены как со спинки, так и с брюшка (4); ретушь полукрутая, затупливающая.

Сверл — восемь (3 пл., рис. 5, *20*; 6, *4, 8*) все асимметричные, обработаны крутой затупливающей ретушью исключительно по рабочему концу. Развертка одна, асимметричная, изготовлена на отщепе, полукрутой ретушью обработан только рабочий участок (рис. 5, *16*). Проколок — девять (3 пл., рис. 5, *13, 14*); на пластинах выполнены симметричная и две асимметричные проколки с выделенными рабочими концами. Они обработаны крутой затупливающей ретушью только со спинки, причем у симметричной дополнительно подработаны края заготовки. Все экземпляры, выполненные на отщепах, асимметричны, только у трех орудий выделены жальца. Концы орудий оформлены резцовым сколом в сочетании с подработкой мелкой ретушью по противоположному краю.

Долотовидных орудий — два (рис. 5, *11*; 6, *17*; 1 пл.), их рабочие участки сформованы двусторонней пологой приостряющей ретушью. Оба изделия носят следы дополнительной подработки — одно по краю, другое на тыльном конце. Долотовидное орудие, выполненное на первичном отщепе, кроме того, имеет следы звездчатой забитости, что, вероятно, свидетельствует о его вторичном использовании в качестве ретушера.

Комбинированных орудий — четыре (все на отщепах), среди них две модификации скребков с резцами (рис. 6, *3*), скребок-проколка (рис. 6, *2*) двойной концевой дугообразно скошенный скребок — двойной резчик.

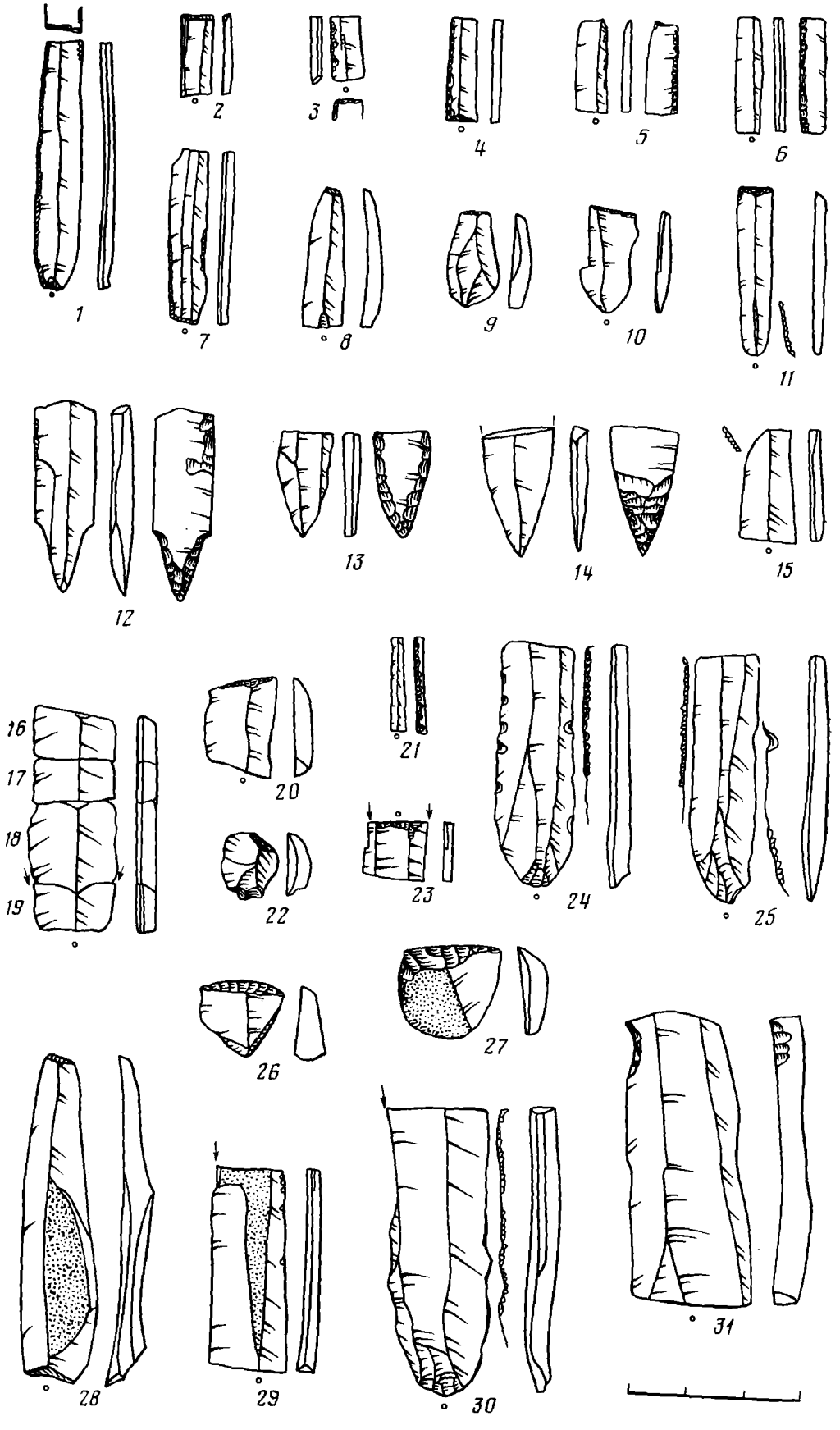


Рис. 7. Каменный инвентарь стоянки Петрушино

Наконечники стрел представлены исключительно фрагментами насадов и прилегающих к черешку частей (13), при этом семь насадов происходят от черешковых и шесть — от наконечников иволистных форм (рис. 7, *12—14*). При обработке черешковых наконечников использовалась главным образом крутая притупляющая ретушь, наносившаяся с брюшка (5) или со спинки и брюшка противолежащим способом (2). На двух фрагментах дополнительно подтуплен ретушью край заготовки с целью его выравнивания, еще на одном нанесен резцовый скол, и четвертый обломок, судя по заломам на черешке, использовался как сверло. В оформлении насадов листовидных наконечников применялась плоская ретушь (3), снимающая ударный бугорок, мелкая краевая в сочетании с плоской (2) и крутая затупливающая ретушь (1). Обработке подверглось и брюшко изделий. Один из фрагментов вторично использовался как резец.

Особый интерес в коллекции Петрушино представляют различного рода микролиты. Некоторые их типы представлены сериями. Из единичных находок в первую очередь следует отметить прямоугольник на микропластине вытянутых пропорций. Обработан крутой затупливающей ретушью по торцам со спинки и боковой грани — с брюшка. Второй край ретуширован мельчайшей полукрутой затупливающей ретушью со спинки [2, с. 144, рис. 2, *22*]. Микропластинок с ретушированным краем и основанием — четыре (рис. 7, *4*), при этом ретушированные стороны образуют либо прямой (2), либо тупой (2) угол между собой. Все изделия обработаны только со спинки, причем три — только крутой затупливающей ретушью, одно — крутой затупливающей ретушью по основанию и пологой притупляющей по краю.

Микропластинок с затупленным ретушью краем — 16, на пяти из них ретушь нанесена по спинке, а на остальных — с брюшка (рис. 5, *5*; 7, *5, 6, 21*). Для всех изделий, кроме одного, характерна крутая затупливающая ретушь. Исключение составляет одна из микропластин, оба края которой обработаны регулярной полукрутой ретушью, возможно, это сломанное острие. У восьми микропластин с затупленным ретушью краем второй край дополнительно подработан нерегулярной приостряющей (4) или притупляющей (4) ретушью. Край трех микропластин скошен крутой ретушью по отношению к оси заготовки, вероятно, это сломанные острия; пять пластин имеют частично затупленный край. Шесть микропластин с ретушированным углом; на четырех из них угол срезан (рис. 7, *15*) и на одной углу придана дугообразная форма.

Микропластинок с поперечно затупленным ретушью концом — две, ретушь крутая или полукрутая, нанесена со спинки (рис. 7, *2, 9*). Концы еще двух микропластинок срезаны крутой затупливающей ретушью (у одной с брюшка, у другой со спинки) и дополнительно подработаны у оснований изделий края: первого — противолежащей ретушью, второго — левый край с брюшка (рис. 7, *1, 11*). Единичными экземплярами представлены: микропластинка с поперечно срезанным полукрутой ретушью основанием и частично притупленными очень мелкой крутой ретушью краями (рис. 7, *3*) и пластинка с кососрезанным крутой затупливающей ретушью основанием и частично одним из краев у основания (рис. 7, *7*). Второй край этого изделия приострен ретушью так, что образовалась длинная мелкая выемка. Это орудие сходно с вышеописанными пластинками с ретушированными краем и основанием, отличаясь от них частичной обработкой края.

Найдено шесть орудий с прямоскошенным крутой затупливающей ретушью со стороны спинки концом (рис. 7, *10, 20*), еще на двух конец скошен аналогично, но пологой приостряющей ретушью (рис. 6, *10*). Три других изделия также имеют скошенные концы, но у них дополнительно подработаны у основания края (рис. 6, *9*). Весьма многочисленны ретушированные «сечения» пластин (123 экз.— рис. 7, *16—18*). Для них характерна мелкая приостряющая ретушь, наносившаяся как по спинке, так и по брюшку, или противолежашим способом. Края двух из этих изделий обработаны зубчатой ретушью по брюшку. Еще 30 «сечений» пластин со сломанными углами имеют четкие следы сработанности по

одному или обоим краям. В коллекции Петрушино содержится пластина, края которой частично обработаны крутой затупливающей ретушью, скашивающей края заготовки по отношению к оси орудия, но острия не образующие. У нее же подретуширована мелкой затупливающей ретушью часть правого края у основания. Назначение орудия неясно. В коллекцию входят также 22 неопределимых осколка орудий, из них 10 на отщепах и 12 на пластинах.

Кроме вышеперечисленных изделий на дюне были найдены три предмета, неолитическая принадлежность которых несомненна. Но эти находки были сделаны в 5 м к югу от основной площади зачистки и не должны рассматриваться совместно с другими изделиями памятника.

Типологический анализ каменного инвентаря стоянки Петрушино убеждает в несомненной близости его материалам стоянки Микулино. Для Петрушино и Микулино свойственны одни и те же приемы первичного расщепления нуклеусов и способы вторичной обработки. Это сходство прослеживается также по всем группам орудий и внутри них. Например, среди резцов на обоих памятниках преобладают варианты на сломе заготовки, среди скребков — дугообразные и дугообразно скошенные формы, в группе микролитов — вкладыши со сломанными углами и с затупленными крутой ретушью краями и т. д. Близок и охотничий инвентарь (наконечники стрел, микропластинки с затупленным краем, с ретушированными основанием и краем, прямоугольники) обоих памятников. Сходство обеих стоянок настолько велико, что одинаковая их культурная принадлежность сомнению не подлежит. Все это не означает, однако, полного тождества материалов двух стоянок. Можно заметить, что процент орудий в Петрушино выше, чем в Микулино (33,4—24,1%); в группе орудий процент изделий на пластинах ниже в Петрушино (66,0—78,5%); как и в комплексе Микулино количество резцов превышает число скребков, но в процентном и абсолютном выражении эта разница меньше (12,7—10,6% для Петрушино, 19,4—5,3% для Микулино); микролитическая группа в Микулино по своему удельному весу среди орудий выше, чем в Петрушино (35,7—27,2%), а группа наконечников стрел меньше (0,7—2,0%); различия наблюдаются не только в процентном соотношении, но и в некоторых типах изделий. Так, в Петрушино присутствуют двойные скребки и скребки округлых очертаний на отщепах, а также более разнообразны типы микролитов, зато отсутствует отмеченная в Микулино техника двустороннего ретуширования микролитов. Учитывая, что при одинаковом хозяйственном типе памятников различия в процентном составе носят хронологический характер [8, с. 302—307], была предпринята попытка доказать с помощью критерия Пирсона, что эти различия в инвентаре двух памятников случайны и порождены неравенством выборок [9, с. 102—119]. Однако полученные значения оказались таковы, что нулевая гипотеза о случайности наблюдаемых различий была отвергнута. На основании этого факта можно утверждать существование хронологического разрыва между стоянками Петрушино и Микулино, при этом первая должна рассматриваться как более ранняя.

Пять остальных мезолитических памятников располагаются в пределах Спас-Клепиковского р-на Рязанской обл. Стоянкам в низовьях р. Бужи территориально наиболее близка стоянка **Островки I** на оз. Ивановском. Она приурочена к южной части большого, омываемого с севера и востока и отделенного от коренного берега широким (1,5 км) заболоченным пространством острова, лежащего в 200 м к югу от дер. Макарово (бывш. Островки). Посреди острова в древности существовал водоем. Дюна, на которой расположена стоянка, в настоящее время почти полностью перевеяна. Широкая, почти горизонтальная поверхность ее возвышается на 5—5,5 м над современным уровнем воды в озере. Все находки сделаны на площади около 1500 м^2. Среди них — три нуклеуса, 29 орудий [2, с. 148, рис. 4], 47 пластин и обломков, 62 отщепа и осколка, всего 141 предмет.

Все нуклеусы одноплощадочные. Один карандашевидный от микро-

пластин имеет прямую, подправленную ретушью площадку. Два других подконической формы, ударные площадки скошены и тоже подправлены. С одного скалывались ножевидные пластины, со второго — микропластины. Все пластины регулярные, среди них 16 микропластин. Пластины служили основной заготовкой для изготовления орудий (на отщепах сделано только два орудия). Многие пластины и их фрагменты использовались без дополнительной обработки, на что указывают следы работы, различимые невооруженным глазом.

Наиболее многочисленны резцы (9 экз., 8 пл.). Поперечноретушный резец на пластине с коротким резцовым сколом единичен; все остальные относятся к типу на сломе заготовки, среди которых преобладают экземпляры с короткими резцовыми сколами. Один из резцов тройной. На двух пластинах, сверх того, край затуплен миниатюрной ретушью. Есть один краевой скол резца. Из двух концевых скребков с дугообразными лезвиями один сломан. Найдено 13 пластин с ретушью и их обломков. У пяти мелкой полукрутой ретушью на брюшке затуплен один или два края; у двух микропластин конец обработан очень мелкой крутой ретушью, возможно, они употреблялись в качестве микроскребков. На краях еще двух пластин очень мелкой крутой ретушью оформлены выемки, остальные пластины обработаны мелкой крутой нерегулярной ретушью по одному из краев на спинке или брюшке. Найдено три вкладыша из «сечений» пластин и обломок пластины, обработанный крутой ретушью по обоим краям на спинке (возможно, это обломок черешка наконечника стрелы), а также один отщеп с ретушью.

Стоянка **Беляково III** находится на южной окраине с. Беляково на мысу боровой террасы оз. Ивановское. Стоянка **Дунино I** приурочена к мысу боровой террасы протоки, соединяющей оз. Сокорево с оз. Лебединым. Обе стоянки открыты в 1975 г. А. С. Фроловым. Высота памятников над уровнем воды — 3—3,5 м. Культурные слои их разрушены вспашкой. Площадь сборов не превышает 100 м^2. Стоянки Дунино I и Беляково III дали немногочисленный материал, позволяющий, однако, отнести эти памятники к эпохе мезолита.

На стоянке **Беляково III** собрано 60 кремней, из них 15 со вторичной обработкой, восемь ножевидных пластин и 37 отщепов и осколков [2, с. 149, рис. 5]. Найден всего один нуклеус — аморфный, многоплощадочный от отщепов. Более половины всех орудий выполнено на пластинах. Резцов всего четыре (три пластины), они относятся к типу на сломе заготовки, причем один двойной. Кроме этих орудий есть три резца, комбинированные с другими орудиями: резец на сломе или естественном окончании пластины, края которой оформлены мелкой крутой противолежащей ретушью; такой же резец на тыльной части концевого скребка и ретушированный многофасеточный резец на концевом скребке. Есть два краевых скола резцов. Вкладышей из «сечений» пластин — два. Найдены два ножа, оба изготовлены на пластинах и обработаны мелкой приостряющей ретушью, причем у одного на конце такой же ретушью оформлена выемка. Вероятно, это орудие являлось еще и скобелем. Интересна довольно крупная развертка на пластине, рабочий конец ее оформлен пологой ретушью на брюшке, а края подправлены крутой ретушью на спинке. Найдена также ассимметричная проколка на пластине, жальце ее подправлено мелкой ретушью по одному краю на спинке, по другому — на брюшке. Два отщепа с ретушью завершают коллекцию.

На стоянке **Дунино I** собрано всего 45 кремней, из них 11 орудий, 14 пластин, 5 нуклеусов и их обломков, 15 отщепов и осколков [2, с. 149, рис. 5]. Среди нуклеусов один карандашевидный со скошенной ударной площадкой, второй подконический со скошенной не подработанной площадкой, третий двуплощадочный подпризматический от микропластин (обе ударные площадки скошены, на краю одной крупной ретушью оформлено лезвие скребка). Есть еще два обломка нуклеусов, по которым их первоначальную форму установить невозможно. Среди пластин одна ребристая и три микропластинки, остальные 10 также регулярные. Резцов — два, оба на сломанных пластинках, причем один — двойной.

Скобелей также два (на пластине и отщепе), выемки оформлены мелкой крутой ретушью на спинке. Вероятно, являлась ножом пластина, обработанная по краю мелкой приостряющей ретушью на спинке; у другой — конец скошен мелкой крутой ретушью на спинке; имеется также отщеп, конец которого оформлен совершенно аналогично, и три отщепа со следами вторичной обработки.

Похоже, что всем трем вышеописанным стоянкам присуще преобладание количества резцов над скребками, как это имеет место в Микулино и Петрушино, и тенденция к преимущественному изготовлению орудий на «сечениях» пластин.

Стоянка **Русаново I** расположена в 250 м к северо-западу от известной в литературе стоянки Черная Гора [10, с. 51—62], на мысу боровой террасы протоки, соединяющей озера Лебединое и Мартыново. Верхние горизонты памятника потревожены вспашкой при лесопосадках. Русаново I открыта в 1969 г. автором совместно с А. С. Фроловым и обследовалась последним в 1975, 1976 гг. Тогда же А. С. Фролов заложил два шурфа (3 м²) и собрал подъемный материал. Всего найдено 138 кремней, из них 63 предмета со вторичной обработкой, 13 пластинок, 60 отщепов. Нуклеусы отсутствуют, есть лишь два нуклевидных куска. Скребков — три; на пластине выполнен концевой дугообразный скребок, оформленный по лезвию крутой затупливающей ретушью со среднего размера фасетками. Два скребка, выполненные на отщепах, концевые, у одного лезвие прямое, у второго дугообразно скошенное. Кроме этого, найдено два нерегулярных скребка на отщепах. Найдено шесть резцов; 4 экз., изготовленные на вкладышах пластин, относятся к типу на сломе заготовки. Три из них с одним резцовым сколом, один — с двумя, все сколы миниатюрные. Еще два резца выполнены на отщепах и относятся к типу на углу заготовки.

Помимо этого, на отщепах изготовлены три проколки, две симметричные с невыделенным концом и одна асимметричная с выделенным жальцем; нож, оформленный мелкой пологой приостряющей ретушью по обоим краям, и три осколка, видимо, скребков. Имеется отщеп со скошенным полукрутой ретушью концом и 29 отщепов со следами вторичной обработки. Среди изделий на пластинах выделяется группа из восьми микролитов. Четырьмя экземплярами представлены вкладыши из «сечений» пластин со сломанными углами, у них приострен мелкой регулярной ретушью один из краев. Стоянка Русаново I — третья, на которой встречены прямоугольник и микропластинка с затупленным ретушью краем и основанием (рис. 8, *3*) одновременно. В отличие от прямоугольников из Петрушино и Микулино данный экземпляр имеет укороченные пропорции: длина его лишь на 4 мм превышает ширину (рис. 8, *1*). Он обработан крутой ретушью, по торцам — противолежащей, по боковому краю — со стороны брюшка. Фасетки мелкие. На втором боковом крае прослеживаются выщербины от работы.

У одной пластинки подработано крутой ретушью основание со стороны спинки и слегка подтесан ударный бугорок — элемент двустороннего ретуширования. На обоих краях различимы следы сработанности (рис. 8, *4*), аналогичный экземпляр встречен на стоянке Петрушино, но у него отсутствует подработка бугорка. У другой пластинки затуплен крутой ретушью с брюшка конец (рис. 8, *2*). Точно такая же есть на стоянке Микулино [11, с. 129].

Удлиненное «сечение» пластины, обработанное пологой приостряющей ретушью по обоим краям, использовалось, видимо, в качестве ножа.

Наконечник стрелы всего один, представлен обломком черешковой части. Обработан только насад крутой затупливающей со стороны спинки ретушью. У двух осколков пластин плоской ретушью с брюшка подработаны края, но первоначальный характер изделий неясен. Есть фрагмент отсеченного основания с краевой ретушью. Из 13 фрагментов пластин на восьми заметны четкие следы сработанности. Среди отщепов преобладают мелкие экземпляры (42), чешуек — 11, средних — 9.

Последний рассматриваемый мезолитический памятник **Совка III**

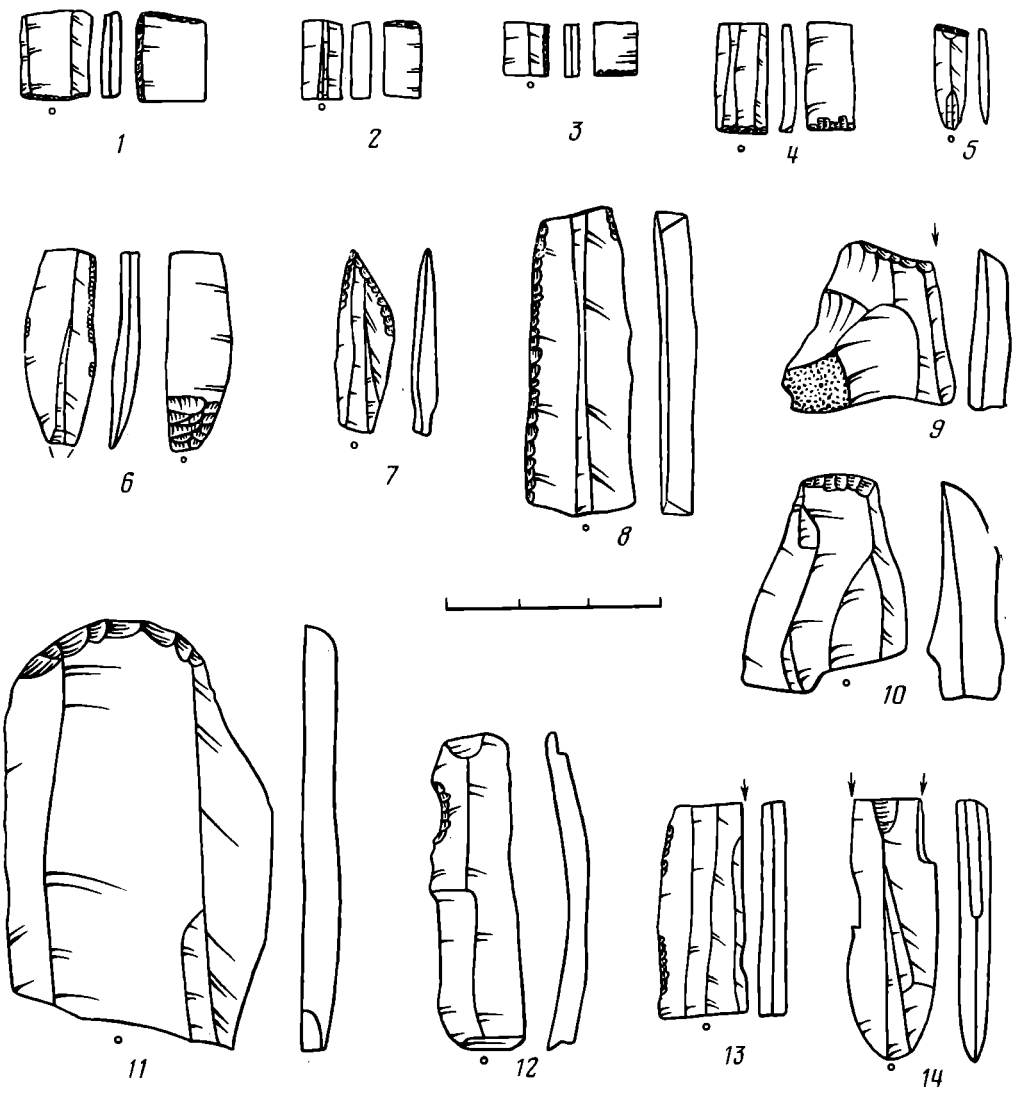


Рис. 8. *1—5* — каменные изделия со стоянки Русано I; *6—14* — каменные изделия со стоянки Совка III

приурочен к дюне высотой до 3 м первой террасы р. Совки, левого притока р. Пры, и расположен в окрестностях г. Спас-Клепики. Дюна почти уничтожена песчаным карьером. Стоянка открыта А. В. Трусовым в 1977 г. и тогда же раскопана на площади 39 м². Исследована часть подтрапециевидной в профиле и овальной в плане ямы, заглубленной в материк от уровня нижних находок на 45 см. Ее размеры 1,20×1,00 м, заполнение — серовато-желтый песок с угольками и кремнями. Найдено всего 140 кремней, среди них три нуклеуса. Один — подпризматический со скошенной необработанной площадкой, от пластин и отщепов одновременно, расколот. Второй — также подпризматический, но двухплощадочный, площадки скошены; он полностью сработан. Третий нуклеус был, видимо, первоначально призматическим двухплощадочным. Характер снимавшейся с него заготовки неясен, так как данный экземпляр перешел в стадию хаотичного расщепления. Сколов подработки нуклеусов — пять, пластин и их фрагментов — 24. Отщепов — 67, среди них есть отщеп со следами шлифовки. Возможно, он попал на стоянку случайно, так как памятник расположен рядом с неолитической стоянкой Совка II. Предметов со следами вторичной обработки — 41, из них 15 отщепов с ретушью.

Резцов — девять, пять из них выполнены на отщепах и четыре — на пластинах. На отщепах изготовлены два вогнуторетушных резца, два резца на сломе заготовки простые и один двойной. Все резцы на пласти-

нах относятся к типу на сломе заготовки, из них один простой и три двойных. Кроме этого, есть два отщепа со сколами резцового характера и два резцовых скола. Скребков — шесть (4 пл.), все концевые. Один с прямым лезвием, три с дугообразным и два с дугообразно скошенным. Они оформлены крутой или полукрутой ретушью по рабочему лезвию; кроме этого, у одного из скребков на пластине подтуплен ретушью край, а у другого на краю видны заломы, видимо, он использовался как нож. Проколка — одна, изготовлена на пластине; асимметричный конец ее оформлен полукрутой ретушью (рис. 8, *7*). Микролиты представлены осколком пластины с прямо срезанным ретушью углом, четырьмя вкладышами из «сечений» пластин со сломанными углами, «сечением» пластинки с краем, затупленным мелкой крутой ретушью, а также микропластинкой со скошенным миниатюрной ретушью концом. Помимо этого, найден фрагмент черешка иволистого (?) наконечника стрелы (рис. 8, *6*), подработанного плоской ретушью по брюшку, нож на пластине, оформленный краевой приостряющей ретушью, и скобель на пластине, мелкая дугообразная выемка которого оформлена крутой затупливающей ретушью (рис. 8, *12*).

Таким образом, кремневый инвентарь стоянки Совка III близок изделиям стоянки Петрушино и находит там прямые аналогии. Возможно, эти стоянки синхронны. Однако полной уверенности в этом из-за непредставительности выборки стоянки Совка III нет.

Изучение технико-типологических характеристик каменных изделий путем анализа техники первичного расщепления, техники вторичной обработки и типологии, а также источниковедческий анализ приводят к выводу о том, что мещерским памятникам в целом присущи следующие черты.

1. «Чистота» всех изученных комплексов.

2. Единство их материальной культуры, проявляющееся в господстве параллельной системы раскалывания и устойчивом микролитическом характере индустрии. Все имеющиеся экземпляры нуклеусов, не перешедшие в стадию хаотичного расщепления, за единственным исключением, представлены коническими, призматическими или подпризматическими формами. На тщательность подготовки нуклеусов к снятию указывают приемы ретуширования и скашивания площадок, а также наличие микронуклеусов (Островки I и Дунино I) и карандашевидных нуклеусов (Дунино I). Техника их расщепления предполагает наличие рогового или костяного посредника [12, с. 45—51]. Свидетельством использования посредника служат также размеры ударных площадок на снятиях: представлены почти исключительно «точечные» площадки. Микролитизм выражается и в преобладании в комплексах узких пластин и микропластин, что статистически достоверно, так же как и доминирование среди отщепов малых экземпляров и чешуек; в преимущественном изготовлении орудий на «сечениях» пластин; значительном удельном весе микролитической группы среди орудий; в преобладании процента орудий на пластинах над орудиями на отщепах даже при учете морфологически неспециализированных форм (отщепов с ретушью).

3. Наблюдается использование одинаковых технических приемов усечения заготовок: а — с помощью затупливающей ретуши, б — контрударным рассечением, в — ударом отбойником по спинке, преимущественно по центральному ребру заготовки, г — сломом, а также приостряющей ретушью и спорадическим употреблением краевой двусторонней ретуши (на микролитах, наконечниках и некоторых других орудиях).

4. На всех памятниках наблюдается превышение числа резцов над скребками, резцов на сломе заготовки (среди резцов) и концевых форм среди скребков, симметричных плечиковых форм сверл и скобелей с мелкими дугообразными выемками и исключительно постсвидерских наконечников стрел среди наконечников «прямого боя».

5. На всех пунктах обнаружены микролитические изделия и на трех из них — геометрические формы. Малочисленность последних определяется не случайностью этих изделий в комплексах, а узостью источнико-

ведческой базы: геометрические микролиты есть на всех аналогичных мещерским стоянках с числом орудий более 100.

6. Отсутствие в комплексах предметов, ретушированных двусторонне сплошной ретушью, и керамики неолитического облика. Все это, а также присутствие единичных геометрических форм — трапеции (Микулино), прямоугольников (Микулино, Петрушино, Русаново) и микролитов с затупленным краем и основанием — при неразвитости техники отщепа, микрорезца и макролитической техники, отсутствие ассимметричных наконечников стрел с боковой выемкой и высоких треугольников свидетельствует о позднебутовской культурной принадлежности озерных стоянок и их финально мезолитическом возрасте. Существенно при этом, что в мещерских памятниках нет ни одного массового типа орудий, который бы отсутствовал в инвентаре позднебутовских стоянок, а также отсутствие различий в используемых техниках. При этом материалы озерных стоянок наиболее близки таким позднебутовским памятникам, как Елин Бор (средний слой, сборы П. П. Кудрявцева, раскопки Л. В. Кольцова), Борки (сборы А. И. Черепнина), Шумашь 2 (сборы В. А. Городцова) и Соболево V (раскопки Л. В. Кольцова) [13].

Для стоянок Соболево V и Елин Бор (средний слой) получены геологические даты, помещающие эти памятники в ранний атлантический период. Указанная дата хорошо согласуется с геоморфологическими данными по району Великих Мещерских озер. Согласно им, окончание глубинной эрозии проточных водоемов произошло в позднем бореале [14, с. 56]. В свою очередь установление твердой береговой линии в связи с наличием естественной регуляции стока за счет деятельности лесов и освобождение низких первых озерных террас и их останцов создали условия для их заселения человеком. Это могло произойти, вероятно, не ранее рубежа бореаля — атлантического периода, т. е. рубежа VII—VI тысячелетий до н. э. Таким образом, учитывая датировки раннего неолита, мезолит Мещерских озер укладывается в пределы VI тысячелетия до н. э. При этом стоянка Петрушино может быть датирована его началом, а стоянка Микулино, видимо, не позднее середины указанного срока. Верхняя дата, безусловно, нуждается в уточнении, однако она вряд ли на много моложе указанного времени, так как до появления техники раннего неолита, в первую очередь двусторонней уплощивающей ретуши, должен был существовать значительный хронологический промежуток.

Доказательство позднебутовской культурной принадлежности стоянок Спас-Клепиковских озер обязательно предполагает решение проблем генезиса и исторических судеб озерных памятников в рамках позднебутовской культуры. Но неразработанность в целом проблем, связанных с ней, исключает в настоящее время возможность прямого ответа. В этой связи отметим лишь следующее. Л. В. Кольцов прослеживает генетическую связь позднебутовской культуры и культуры раннего мезолита — бутовской, утверждая, что первая есть не что иное, как бутовская культура на поздней фазе ее существования (в атлантическом периоде). В самом деле, анализ инвентаря эпонимной стоянки Бутово [15, с. 81—85; 16, с. 61—69; 17, с. 87—93] и материалов стоянок Великих озер убеждает в наличии несомненной связи между ними. Однако, на наш взгляд, это не решает в целом проблемы генезиса позднебутовских памятников, так как не решает вопроса о возникновении хотя бы геомикролитов. Очевидно, появление трапеций в позднебутовской культуре нельзя объяснить их заимствованием из иеневской (хотя в Микулино и найдена трапеция, совершенно аналогичная трапециям со стоянки Иенево II) по двум причинам. Первая: самый ранний иеневский памятник — стоянка Дальний Остров — трапеций не дает [18, с. 244—249], следовательно, они появились в ней позже, чем культура распространилась в Волго-Окском бассейне. Далее, если допустить возможность такого заимствования, то как объяснить, почему была заимствована только одна группа орудий? Фактом заимствования из иеневской культуры невозможно объяснить и появление прямоугольников и пластин с ретушированным краем и основанием,

так как их в ней просто нет. Вторая причина: на некоторых территориально удаленных стоянках, например бассейна р. Северский Донец, присутствуют почти все типы изделий, выделенные на мещерских стоянках и свойственные позднебутовской культуре. Однако обе эти культуры не могут быть отождествлены, так как основу северскодонецких составляют совершенно иные типы изделий: трапеции, сегменты, острия яниславицкого типа и т. д., а сходные типы представлены экземплярами, занимающими явно подчиненную роль в комплексах [19]. Очевидно, что отмеченное сходство может указывать не просто на факт совпадения, а на возможный источник заимствования. Подобное предположение вероятно еще и потому, что озерные стоянки и памятники рязанского течения Оки (Борки, Шумашь II, Коломцы) — наиболее южные в позднебутовской культуре. И именно здесь, в силу географической близости степной зоны, в первую очередь должно было проявиться «южное влияние», если такое вообще имело место.

Освоение территории озер связано с носителями позднебутовской культуры, передвижения в среде которых, возможно, вызваны вторжением на рубеже бореаля — атлантического периодов в Волго-Окский бассейн племен иеневской культуры и сужением за этот счет первоначальной территории бутовской культуры. Наиболее ранний этап заселения озер связан со стоянками Петрушино и Совка III (?). Возможно, что этим же или даже более ранним временем можно датировать стоянку Островки I, однако веских оснований для этого пока нет. Период расцвета позднебутовской культуры представлен материалами стоянок Микулино и Русаново I (?).

Проведенные нами исследования позволяют прийти к следующим выводам.

1. Памятники эпохи мезолита Спас-Клепиковской озерной системы приурочены к мысам, дюнам и песчаным останцам первой озерной террасы, часто удаленным в настоящее время от водоемов, что не свойственно неолитическим стоянкам данного региона.

2. Памятники незначительны по площади, культурный слой на них выделяется лишь условно как горизонт залегания находок. Неокрашенность слоя объясняется, вероятно, не столько степенью разложения гумуса, сколько небольшим первоначальным содержанием органики в слое.

3. Малочисленность находок каменных изделий (единственной категории изделий) может быть объяснена, кроме возможной ссылки на скудность сырьевой базы Центральной Мещеры, непродолжительностью накопления этих предметов.

4. Высокое процентное содержание орудий отражает не только высокую разрешающую способность техники, но и степень длительности накопления слоя; это же подтверждает и незначительное содержание на памятниках предметов с первичной коркой и преобладание в Микулино числа пластин над отщепами.

5. Отмечается преимущественно охотничий набор орудий.

6. Все это, с известными оговорками, говорит в пользу кратковременного, т. е. сезонного, характера рассматриваемых памятников, а сам характер находок свидетельствует в пользу того, что основой хозяйства являлась охота. Рыболовство, если и имело место, носило эпизодический характер.

7. В социальном плане все вышеизложенные факты (временный характер поселений, преимущественные занятия населения охотой и т. д.) позволяют реконструировать наличие мелких подвижных коллективов, составляющих основу некоторой этнической общности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фролов А. С., Трусов А. В., Сорокин А. Н.* Разведки в Мещере.— АО — 1975. М., 1976.
2. *Фролов А. С., Сорокин А. Н., Жилин М. Г.* Первые памятники мезолита в Мещере.— СА, 1977, № 2.
3. *Сорокин А. Н., Мошенина Н. Н.* Работы во Владимирской Мещере.— АО — 1976. М., 1977.

4. *Сорокин А. Н.* Раскопки позднемезолитических памятников во Владимирской Мещере.— АО — 1977. М., 1978.
5. *Фоломеев Б. А., Сорокин А. Н., Стогов В. Е., Трусов А. В., Фролов А С., Челяпов В. П., Чернай И. Л.* Разведки в бассейне Средней Оки.— АО — 1976. М., 1977.
6. *Матюшин Г. Н.* Раскопки неолитических поселений Южного Урала.— КСИА, 1969, вып. 117.
7. *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука, 1977.
8. *Каменецкий И. С.* Датировка слоев по процентному соотношению типов керамики.— МИА, 1965, № 129.
9. *Мацкевой Л. Г., Шер А. Я.* К методике сравнения массовых находок по слоям.— СА, 1974, № 1.
10. *Цветкова И. К.* Стоянка Черная Гора.— КСИИМК, 1959, вып. 75.
11. *Сорокин А. Н.* Позднемезолитическая стоянка Микулино (Мещера).— СА, 1981, № 1.
12. *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. М.: Наука, 1968.
13. *Кольцов Л. В.* Раскопки у дер. Соболево.— АО — 1972. М., 1973.
14. *Асеев А. А., Веденская И. Э.* Развитие рельефа Мещерской низменности. М.: Наука, 1962.
15. *Кольцов Л. В.* Бутовская мезолитическая стоянка.— КСИА, 1964, вып. 101.
16. *Кольцов Л. В.* Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г.— КСИА, 1969, вып. 117.
17. *Кольцов Л. В.* Мезолитическая стоянка Бутово (по раскопкам 1967 г.).— КСИА, 1971, вып. 126.
18. *Сидоров В. В., Жилин М. Г.* Стоянка Дальний остров в Подмосковье.— СА, 1975, № 2.
19. *Сібільов М. В.* Старовінності Ізюмщины. Вып. I—IV. Ізюм, 1926—1930.

A. N. Sorokin

THE MESOLITHIC OF THE GREAT MESHCHERA LAKES

Summary

The article summarises studies of the central Meshchera Mesolithic camps conducted by the Oka Expedition for three years. The author concentrates on stone implements characterised by the developed microlithic industry and the high content of tools in the complexes. The relatively small area on which artifacts are found, small number of stone objects, predominance of hunting implements and some other facts indicate that all the camps studied were of seasonal character. Culturally, all the lake sites are related to the late period of the Butovo culture in the Volga-Oka interfluve their tentative dating being early-mid 6th millenium B. C.

ТРЕТЬЯКОВ В. П.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ

(по материалам лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР)

К настоящему времени в различных изданиях опубликовано большое количество работ, посвященных значению неолитической керамики как источника по этнокультурной истории, как одного из критериев, позволяющих выделять археологические культуры. Одни исследователи, выделяя археологические культуры, рассматривают керамику эпохи каменного века в качестве равнозначного фактора среди других материалов — орудий труда, украшений, жилищ и т. п., позволяющих судить об этнических общностях (А. Я. Брюсов, А. А. Формозов и др.) [1, с. 20; 2, с. 11—24]. Другие придают ей первостепенное значение (Е. Ю. Кричевский, М. Е. Фосс, А. Л. Монгайт и др.) [3, с. 54—110; 4, с. 64—77; 5, с. 60; 6, с. 81]. Нам кажется, что ближе к истине вторая группа археологов [7, с. 12—21], но следует подчеркнуть, что роль керамики и ее орнаментации в процессе определения археологических культур не оспаривается никем. Это объясняется тем, что у различных этнических общностей исторически складываются различные комплексы узоров, которыми украшаются посуда, утварь, одежда. Каждый из этих комплексов характерен лишь для одной народности, хотя отдельные узоры могут иметь очень широкое распространение [8, с. 3; 9, с. 135; 10, с. 4; 11, с. 85—99; 12, с. 3—23; 13, с. 369—434; 14, с. 21—33]. Исследователи подчеркивают, что у родственных народностей сходство в украшении бытовых предметов проявляется гораздо заметнее, чем у чуждых друг другу групп населения [14, с. 33; 15, с. 45, 46].

Характерно, что перечисленные выше заключения этнографов сделаны на колоссальном по объему материале, и это позволяет считать их достоверными. Именно эти многократно проверенные выводы дают возможность использовать орнаментацию неолитической керамики в качестве источника по этнической истории. Казалось бы, все просто: группы древних поселений, характеризующиеся керамическими комплексами с однотипной орнаментацией, представляют собой археологические культуры, соответствующие этническим общностям. Между тем археологи ведут многочисленные споры относительно возможности выделения тех или иных культур, об их границах и т. п.

Вспомним разницу в суждениях относительно прибалтийских неолитических стоянок с керамикой с раковинной примесью, которую одни исследователи относят к одной археологической культуре, хотя и подразделяющейся на варианты [16, с. 170—198; 17, с. 13—15], другие считают их разнокультурными [18, с. 271—275; 19, с. 142—147]. Аналогичную картину мы наблюдаем, знакомясь с древностями Поднепровья, которые то рассматриваются в рамках одной культуры (днепро-донецкой) [20], то подразделяются на две этнические группировки (верхнеднепровскую и днепро-донецкую) [21, с. 9—19]. Такие же споры идут в отношении ранненеолитических памятников Среднего Поволжья, где в последнее время предпринимаются попытки выделения памятников двух культур (с гребенчатой и накольчатой керамикой) [22, с. 46—53; 23, с. 35—46], в противовес традиционной точке зрения о наличии единой волго-камской культуры в этом районе [24, с. 49—92]. Вспомним гипо-

тезу о верхневолжской культуре в Волго-Окском междуречье, на Валдайской возвышенности и в сопредельных районах [25, с. 4—26] и стремление вычленить из нее валдайские стоянки в самостоятельную культуру [26, с. 33—44], а также памятники бассейна Верхнего и Среднего Дона, причисляемые различными авторами то к днепро-донецкой [27, с. 193—195], то к среднедонской [28, с. 141—155], то к лисогубовской культурам [29, с. 133].

Количество примеров подобных разногласий относительно определения этнокультурной принадлежности неолитических памятников можно было бы увеличить. В чем же причина этих споров? Представляется, что в их основе лежит отсутствие однотипного подхода к изучению коллекций, отсутствие единого критерия оценки материала. И дело здесь не только в том, что нередко происходит неправомерное уравнивание (в таксономическом смысле) различных элементов, составляющих археологическую культуру, в качестве этнических показателей, что в конечном итоге приводит к умалению роли основных компонентов, определяющих облик изучаемых материалов [1].

По-видимому, определенное значение в возникновении этих разногласий играет то обстоятельство, что далеко не всегда при сравнении коллекций учитывается степень их сходства. Ниже мы, не затрагивая весь круг проблем, связанных с принципами определения археологических культур эпохи неолита, остановимся на анализе орнаментации керамики: попытаемся выяснить, каковой должна быть степень сходства комплексов орнаментальных мотивов, определяющая этническую близость населения, украшавшего ими свои предметы быта.

Во-первых, выясним вопрос, как определяется степень сходства. Здесь, по-видимому, намечаются разные пути. Первый из них состоит в подсчетах всех фрагментов керамики, имеющихся в коллекции, и в выяснении в процентном исчислении, какая часть из них украшена тем или иным элементом орнамента [31, с. 293—301; 32, с. 301—313; 33; 34, с. 26—29; 35, с. 59—64]. Например, перед нами керамическая серия, состоящая из 100 фрагментов. Двадцать из них украшены наколами, 30 — гребенчатым штампом, 50 — нарезками. Если мы выразим полученные результаты в процентах, то получим: наколами украшено 20% всех фрагментов, гребенчатым штампом — 30%, нарезками — 50%.

Данную коллекцию мы сопоставляем с другой, где наколами украшено 30% всех фрагментов, гребенчатым штампом — 40%, нарезками — 30%. Сопоставляя обе коллекции, составляем таблицу (табл. 1).

По этой таблице мы можем заключить, что в сравниваемых коллекциях тождественными являются 20% керамики, украшенной нарезками. Следовательно, степень сходства равна 80% (20+30+30).

Данный прием сопоставления керамических коллекций может сыграть значительную роль при определении этнокультурной принадлежности тех или иных неолитических памятников.

В 1975 г. была опубликована наша статья о неолите Поднепровья, где делался вывод о разграничении поселений нового каменного века на этой территории на две культуры — верхнеднепровскую и днепродонецкую по параллели Киева. Причем верхнеднепровская культура была нами подразделена по данным анализа керамики на четыре варианта: смоленский (I), могилевско-гомельский (Могилевская и север Гомельской областей) (II), гомельский (юг Гомельской об.) (III) и киевско-черниговский (IV) [21, с. 9—19]. Упомянутые заключения были сделаны на основании подсчетов процентного содержания керамики с тем или иным видом орнамента на различных памятниках и сопоставления результатов подсчетов (см. табл. 2).

Упростим эту таблицу, заменив данные по количественному содержанию различных видов керамики на отдельных памятниках средними ве-

---

[1] О неправомерности такой точки зрения писал С. А. Токарев, который отмечал, что «нельзя определять этническую общность путем перечисления всех видовых признаков» [30, с. 43].

Таблица 1

	Наколы	Гребенчатый штамп	Нарезки
1-я коллекция	20	30	50
2-я коллекция	30	40	30

Таблица 2

	Стоянка	Орнамент, %					
		гребенчатый	ямочный	нарезной	без орнамента	накольчатый	остальные виды орнамента *
I	Катынь-1	55	16	15	13	–	1
	Катынь-2	61	17	10	8	–	4
	Катынь-3	61,4	15	14,3	9	–	0,3
	Катынь-4	51,4	19	17,5	9	–	3,1
	Шугайлово	60	21	17	–	–	2
II	Палик	60,9	25,3	4,1	9,4	–	0,3
	Хорошово	54,5	12	1,6	31,9	–	–
	Веть IV	57	31,6	11,4	–	–	–
III	Стрелица	55,1	31,6	11,4	3,1	8,5	0,4
	Липовый Брод	50,9	39,7	2,3	2,6	2,1	2,4
IV	Пустынка-5	35	22	2,5	39	–	1,5
	Пчелица	31	22	9	33	4	1
	Каменка	53,5	2	3,5	36	5	–
	Грини	26.5	14	26,5	18	10	5
V	Бузьки	25	–	29	15	29	2
	Мутиха	14	–	45	14	24	3
	Пищики	15	–	71	–	14	–
	Успенка	11	–	24	25	37	3
	Собачки	44	–	17	3	35	1
	Вовнижская правобережная стоянка	28	–	20	8	42	2
	Никольский могильник	9	–	4	2	85	–

* В эту группу включены и плохо сохранившиеся неясные узоры.

личинами, характеризующими орнаментацию посуды уже не по стоянкам, а по выделенным нами группам памятников (табл. 3).

Теперь мы можем выявить степень сходства в орнаментации керамики различных групп памятников, употребив описанный выше метод. Результаты сведены в табл. 4.

Эта таблица наглядно показывает, что степень сходства в орнаментации керамики стоянок Смоленщины, Белоруссии и Северной Украины колеблется от 60,9 до 88,8%, другими словами, на основании этих подсчетов видно, что основная часть керамики неолитических памятников этого региона (более 60%) тождественна.

Аналогичная степень сходства в орнаментации посуды наблюдается не только между керамикой выделяемых нами четырех групп поселений, но и между керамическими сериями отдельно взятых верхнеднепровских стоянок. Приведенные величины, как представляется, служат серьезным доводом этнокультурной близости неолитических стоянок в Поднепровье, расположенных к северу от параллели Киева, тем более что они коррелируют с данными иного рода — формой сосудов, технологией их изготовления, орнаментальными узорами [21, с. 14—17].

Таблица 3

Группа памятников	Орнамент, %					
	гребенчатый	ямочный	нарезной	без орнамента	накольчатый	остальные виды орнамента
Смоленская	57,7	17,6	14,7	7,9	–	Не учитываются
Могилевско-гомельская	57,6	22,9	5,7	13,8	–	
Гомельская	53	35,6	1,8	2,9	5,3	
Киевско-черниговская	36,5	15	10,4	31,5	4,7	
Днепро-донецкая	20,9	–	30	9,6	38	

Таблица 4

Сопоставляемая группа памятников	Степень сходства в орнаментации керамики, %	Сопоставляемая группа памятников	Степень сходства в орнаментации керамики, %
Смоленская – могилевско-гомельская	88,8	Могилевско-гомельская – киевско-черниговская	71
Могилевско-гомельская – гомельская	80,6	Киевско-черниговская – днепро-донецкая	45,6
Гомельская – киевско-черниговская	60,9	Смоленская – днепро-донецкая	43,5
Смоленская – гомельская	75,3	Могилевско-гомельская – днепро-донецкая	36,2
Смоленская – киевско-черниговская	69,8	Гомельская – днепро-донецкая	30,9

В отличие от этого степень сходства в орнаментации керамики памятников верхнеднепровской культуры по отношению к узорам днепро-донецкого типа значительно меньше. В среднем она колеблется от 30,9 до 45,6% (табл. 4).

Не следует забывать и того обстоятельства, что неолитическая керамика Поднепровья, стоянок, расположенных к северу от параллели Киева (верхнеднепровских), резко отличается от днепро-донецкой керамики по своим орнаментальным композициям: верхнеднепровская посуда украшалась чрезвычайно простым зональным узором, в то время как днепро-донецкая орнаментировалась сложными геометрическими рисунками. Это обстоятельство никак нельзя упускать из виду, сравнивая любые керамические комплексы.

Действительно, при сравнении керамики отдельных памятников днепро-донецкой и верхнеднепровской культур степень сходства комплексов орнаментальных мотивов превышает 50%, приближаясь к степени сходства в орнаментации керамики только верхнеднепровских стоянок (верхнеднепровская стоянка Грини в ее сопоставлении с поселениями Бузьки, Мутиха, Пищики, Успенка, Собачки, Вовничи — табл. 2). Не говорит ли это обстоятельство об этнокультурной близости названных памятников?

Нам представляется, что это не так. И дело здесь не только в том, что мы должны учитывать возможность конвергенции, взаимовлияния различных культур, что создает видимость близости характеризующих их материалов. Дело и в самом методе сравнения. Охарактеризованный выше метод сопоставления керамических комплексов построен на учете элементов орнамента (оттиски штампа, нарезки, наколы, ямки и т. п.), т. е. приемов, с помощью которых наносились узоры. При этом способе анализа материала упускается из вида то немаловажное обстоятельство, что в руки археологов в подавляющем большинстве случаев попадают не целые сосуды, а их обломки. Но ведь посуда билась по-разному. Так, склеенный сосуд из стоянки Оса состоит приблизительно из 30 фрагментов [36, с. 57—58], восстановленная половина сосуда из Борани склеена из 40 черепков [37, с. 263—265], из 70—80 фрагментов состоят сосуды из стоянки Усть-Рыбежна [38, с. 377], из 60—70 фрагментов состоит по-

Таблица 5

Орнаментация керамики стоянок верхнего Подесенья (в %)

Орнамент	Партизанское (380 фр)	Лунево (1100 фр.)	Жмуровский Сад (100 фр.)	Орлик (100 фр.)	Черепеньки (400 фр.)	Холм (429 фр.)	В среднем
Ромбы	53	22	35	29	32	19	32
Ямки	3	37	15	36	27	24	23,3
Гребенка	2,6	20	20	25	5	18	15,1
Ямки и гребенка	2	9	5		9	1	4,4
Другие виды орнамента	39,4	12	25	10	27	38	25,2

Таблица 6

Орнаментация верхнеокской неолитической керамики (в %)

Памятник	Ромбы	Гребенка	Ямки и гребенка	Памятник	Ромбы	Гребенка	Ямки и гребенка
Воронец	42,2	7	50,8	Бехово	22	19	59
Сестринский Хрящ	37	14,2	48	Жабынь	24	30	46
Воронино	48	23	29	В среднем	34,6	18,6	45,1

Примечание. В графе «ямки и гребенка» учтен ямочный и ямочно-гребенчатый орнамент.

Таблица 7

Орнаментация деснинской и верхнеокской неолитической керамики (в %)

Район	Ромбы	Гребенка	Ямки и гребенка	Другие виды узоров
Десна	32	15,1	22,7	Не учитывались
Ока	34,6	18,6	45,1	

ловина сосуда из Балахны [39, с. 7], из 316 фрагментов — сосуд с поселения Нарва 1 [40, с. 49] и т. д.

То обстоятельство, что мы в большинстве случаев имеем дело не с целыми сосудами, а лишь с их обломками, может привести к ошибкам при наших вычислениях, произведенных охарактеризованным выше способом, основанном на подсчете лишь отдельных фрагментов. Поэтому описанный выше метод сравнения керамических коллекций должен дополняться сопоставлением и соответствующими подсчетами орнаментальных композиций на древней посуде. Именно это позволило нам в свое время писать о возможности разграничения верхнеднепровских и днепродонецких материалов.

Вышесказанное не означает, что описанный нами метод не пригоден для сопоставления керамических коллекций. Важно определить границы его применения. По-видимому, этим методом можно пользоваться в тех случаях, когда в сравниваемых комплексах не отмечается значительных вариаций в композициях узоров. В качестве примера рассмотрим керамику деснинских и верхнеокских неолитических стоянок, где сосуды украшались чрезвычайно однообразными рисунками.

На Десне большой интерес в этом плане представляют стоянки Святое и Лунево [41, с. 147—154; 42, с. 48—60], Жмуровский Сад[2], Орлик[3], Черепеньки [43, с. 65—70], Холм [44, с. 247—253]. Мы произвели подсчеты фрагментов, украшенных тем или иным способом (табл. 5).

[2] Материалы хранятся в фондах Антропологического института при МГУ.
[3] Материалы хранятся в фондах Брянского краеведческого музея.

Теперь сравним орнаментацию керамики деснинских и верхнеокских поселений. Подсчеты фрагментов сосудов верхнеокских неолитических стоянок произвела Г. Ф. Полякова [45, с. 84—86] (табл. 6).

Сопоставление деснинских и верхнеокских керамических коллекций показывает их несомненную близость (табл. 7).

Степень сходства здесь равна 74,8% (32+15,1+27,7). А учитывая одинаковую технологию изготовления посуды, сходство формы горшков и орнаментальных композиций керамики со стоянок данных регионов, мы можем предполагать и этническую близость обитавшего здесь неолитического населения (два варианта одной культуры) в противоположность гипотезе о членении памятников этих регионов на две самостоятельные археологические культуры [27, с. 190—193].

Теперь рассмотрим приемы сопоставления керамических коллекций с учетом различий композиционного строения узоров на сосудах сравниваемых комплексов. В ряде случаев этот метод сравнивания является основным при работе с неолитической посудой. Проанализируем керамику волго-камской неолитической культуры.

Керамика волго-камской культуры орнаментировалась почти исключительно оттисками гребенчатого штампа. Лишь на посуде отдельных стоянок бассейна р. Камы гребенчатые узоры сочетались с прочерченными мотивами зауральского типа [46, с. 21], а на Средней Волге — с накольчатыми композициями, появление которых здесь можно объяснить влиянием неолита лесостепи [22, с. 46—52].

Если мы исключим при сравнении камской и средневолжской керамики упомянутые инокультурные узоры, которые не определяют существа орнаментации волго-камских сосудов, то перед нами окажутся серии фрагментов украшенных оттисками гребенки. Вдавления и нарезки представлены чрезвычайно малым количеством экземпляров (3—4%). Таким образом, подсчеты фрагмен-

Таблица 8

Основные узоры на волго-камской неолитической керамике (цифры соответствуют порядковым номерам на рис. 1)

Стоянка	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Хуторская	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Кряжская	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Боровое озеро I	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Левшино	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
III Старо-Мазиково	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Обсерватория III	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
V Нижне-Марьинская	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
I Лебединская	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
I Щербетьско-островная	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
IV Мурзихинская	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
II Лебединская	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
II Щербетьская	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Кабы-Копрынская	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

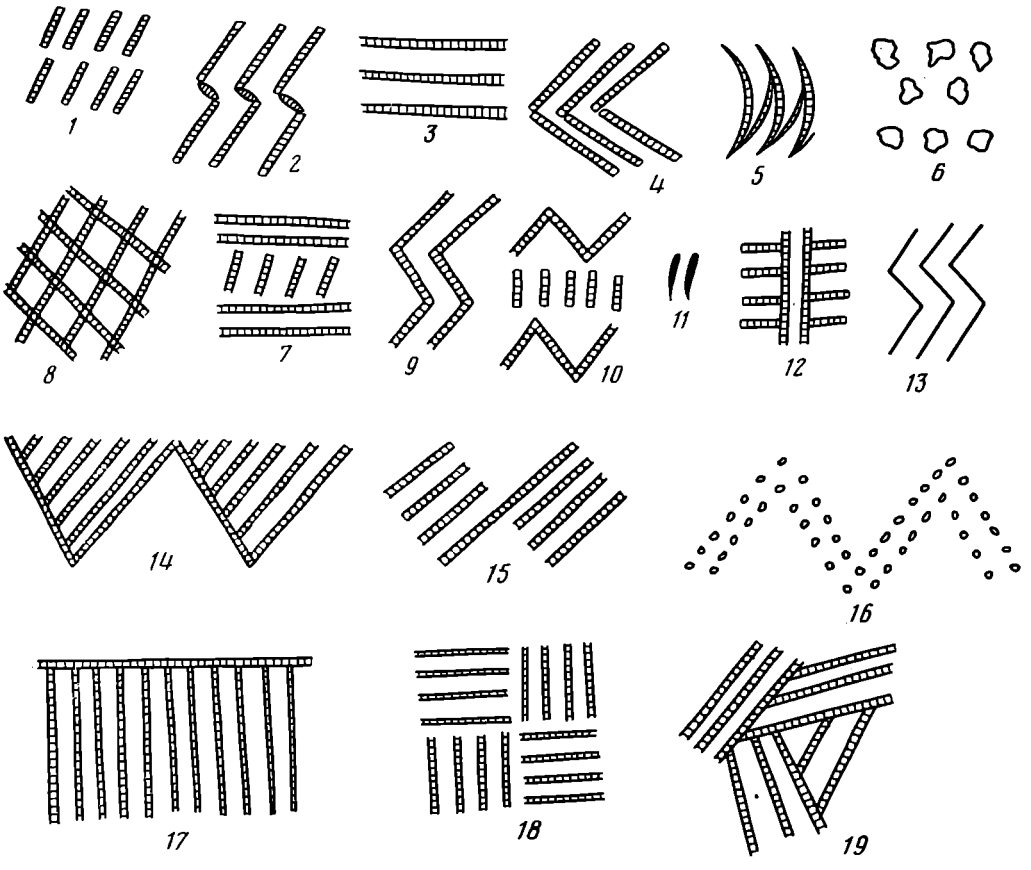


Рис. 1. Орнаментальные узоры на волго-камской неолитической керамике

тов, украшенных тем или иным способом, позволяют сделать вывод о почти полном сходстве орнаментации камских и средневолжских сосудов. Однако это не так. Украшенные одинаковыми приемами, эти сосуды различаются в зависимости от композиционного строения узоров.

Познакомимся с материалами. Основными неолитическими памятниками Прикамья [47, с. 14—32; 48, с. 6—21; 49, с. 11—21; 50, с. 1—30; 51, с. 20—39] являются стоянки Боровое Озеро I, Кряжская, Левшино, Хуторская. В Среднем Поволжье [52, с. 11—21; 53, с. 49—82; 54] наибольшее значение имеют поселения Обсерватория III (нижний слой), Старо-Мазиково III, II Щербетьская, I и II Лебединские, IV Мурзихинская, V Нижне-Марьяновская, I Щербетьско-островная, Кабы-Копрынская.

Знакомство с орнаментацией керамики перечисленных поселений позволяет составить таблицу узоров, характерных для посуды каждого из них (рис. 1, табл. 8). Всего выделяется 19 основных узоров. Среди них: ряды коротких оттисков гребенки, всевозможные зигзаги, горизонтальные гребенчатые пояски, «елочка» из оттисков штампа, шагающая гребенка, ряды ямчатых вдавлений неправильной формы, сочетания горизонтальных поясков и рядов коротких вертикально или наклонно нанесенных отпечатков штампа, сетка из пересекающихся оттисков гребенки, сочетания горизонтальных зигзагов и коротких вертикально или наклонно нанесенных отпечатков штампа, горизонтальные ряды тонких, слегка изогнутых нарезок, «елочка со стеблем», ряды ромбов из оттисков штампа, зоны из параллельных отпечатков штампа, расположенные под углом друг к другу, четырехугольники неправильной формы, мотивы из гребенчатых поясков, сочетающихся с расположенными перпендикулярно к ним оттисками штампа, треугольники, выполненные оттисками штампа.

На рис. 1 и табл. 8 отмечено, что 13 из перечисленных выше узоров характерны для керамики и Прикамья, и Среднего Поволжья (№ 1—13 на рис. 1). Три композиции (№ 15—16 на рис. 1) в эпоху неолита

Таблица 9

Народности	Общее количество узоров	Количество тождественных узоров	Степень сходства, %
Якуты – эвенки	16	4	25
Якуты – ненцы	19	2	11
Юкагиры – якуты	15	3	20
Эвенки – юкагиры	12	2	17
Обские угры – тувинцы	19	2	11
Хакасы – ненцы	15	6	40
Юкагиры – обские угры	17	3	18
Якуты – обские угры	23	3	13
Тувинцы – ненцы	13	3	23
Хакасы – обские угры	19	7	37
Хакасы – селькупы	21	4	19
Нганасаны – якуты	14	1	7
Обские угры – казахи	17	3	18
Ненцы – казахи	13	2	15
Селькупы – казахи	16	3	19
Долганцы – казахи	13	2	15
Эвенки – казахи	13	1	7
Якуты – казахи	15	3	20
Юкагиры – казахи	12	0	0
Коми-зыряне – казахи	11	2	18
Обские угры – киргизы	18	4	22
Ненцы – киргизы	15	2	13
Селькупы – киргизы	17	4	24
Обские угры – узбеки	16	3	19
Ненцы – узбеки	12	2	17
Селькупы – узбеки	15	3	20
Эвенки – узбеки	11	2	18
Якуты – узбеки	16	1	6
Юкагиры – узбеки	11	0	0
Обские угры – горные таджики	20	3	15
Ненцы – горные таджики	16	5	29
Нганасаны – горные таджики	11	1	9
Кеты – горные таджики	13	3	23
Долганы – горные таджики	15	3	20
Эвенки – горные таджики	15	2	13
Якуты – горные таджики	18	4	22
Юкагиры – горные таджики	13	2	15
Саамы – горные таджики	12	1	8
Коми-зыряне – горные таджики	15	1	7

были известны только обитателям Прикамья, а последние три (№ 17—19 на рис. 1) — лишь аборигенам Среднего Поволжья.

Если мы число 19 — общее количество основных орнаментальных мотивов на волго-камской керамике — примем за 100%, то величина 13 — количество тождественных узоров в обоих регионах — будет обозначать, на сколько процентов сходна орнаментация керамики в Прикамье и Среднем Поволжье — 68%. Таким образом удается выяснить степень сходства в узорах, украшающих посуду в сравниваемых керамических комплексах.

Возможность употребления упомянутого метода при выявлении индекса родственности (ИР) подтверждается данными И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака, Я. А. Шера, опубликовавших книгу, в которой приведена формула $f=s^2/kl$, где f — ИР, s — количество тождественных типов в сравниваемых коллекциях, k и l — количество типов в каждой из коллекций [55, с. 50]. Согласно этой формуле, ИР средневолжской и камской керамики волго-камской культуры равен 66%.

Данные этнографии дают нам возможность определить, какая степень сходства узоров на предметах быта при подобных методах сопоставления должна быть у родственных или неродственных этнических групп населения. Интерес в данном случае представляет собой таблица основных орнаментальных мотивов (геометрических), опубликованная С. В. Ивановым в книге об орнаментах народов Сибири [14, с. 452, рис. 306]. Исследователь собрал около 40 узоров, украшающих предметы быта раз-

личных азиатских народностей. Это не целостные композиции, а их систематизированные основы. Последние становятся целостными композициями, украшающими тот или иной предмет, лишь взаимно сочетаясь. Для нас это обстоятельство является особенно важным, если мы учтем, что выявляемые мотивы на неолитической керамике также не являются целостными композициями, а лишь их частью: ведь в подавляющем числе случаев при раскопках находят не сосуды, а в больших количествах отдельные фрагменты керамики, как правило, не поддающейся склейке.

Упомянутая выше таблица в книге С. В. Иванова дает возможность определить степень сходства в орнаментации предметов быта у различных по этническому составу групп населения Сибири и Средней Азии. Определение степени сходства мы проведем тем же способом, что и в примере с узорами на волго-камской керамике, т. е. общее количество узоров в сравниваемых коллекциях мы принимаем за 100%. Количество тождественных (т. е. встречающихся на предметах обеих коллекций) узоров принимаем за x%. Определение величины x (в процентах) и даст нам представление о степени сходства сопоставляемых комплексов орнаментальных мотивов (табл. 9).

Количество приведенных примеров можно увеличить. Все они свидетельствуют о том, что каждая из народностей украшала предметы своего быта только ей свойственным комплексом узоров. Отдельные виды мотивов являются общими для нескольких народностей. При этом степень сходства в орнаментации предметов быта у различных по своему этническому составу народностей колеблется от 0% (юкагиры — казахи, юкагиры — узбеки) до 40% (ненцы — хакасы). Нам кажется, что приведенные вычисления позволяют предполагать, что степень сходства в орнаментации предметов быта у родственных этнических группировок должна равняться 50% и более, т. е. приблизительно половина или более узоров, которыми пользуются родственные этнические группы, должна быть тождественна друг другу.

Описанные выше приемы сопоставления керамических комплексов позволят по-новому подойти к решению целого ряда спорных вопросов, касающихся выделения охотничье-рыболовческих археологических культур в Европейской части СССР и за ее пределами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
2. *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
3. *Кричевский Е. Ю.* Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы.— Уч. зап. ЛГУ, 1949, № 85, сер. истор. наук, вып. 13.
4. *Фосс М. Е.* Древнейшая история севера Европейской части СССР.— МИА, № 29, 1952.
5. *Монгайт А. Л.* Археологические культуры и этнические общности.— Народы Азии и Африки, 1967, № 1.
6. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М.: Наука, 1973.
7. *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л.: Наука, 1972.
8. *Петри Б. Э.* Народное искусство в Сибири. Иркутск, 1923.
9. *Шнейдер Е. Р.* Казакская орнаментика.— В кн.: Казаки. Л., 1927.
10. *Чепелев В.* Киргизское народное изобразительное творчество.— Искусство, 1934.
11. *Иванов С. В.* Материалы орнамента к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси.— СЭ, 1952, № 3.
12. *Иванов С. В.* Народный орнамент как исторический источник.— СЭ, 1958, № 2.
13. *Иванов С. В.* Орнамент. Историко-этнографический атлас Сибири. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
14. *Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник.— Тр.ИЭ, 1963, нов. сер., т. 81.
15. *Маслова Г. С.* Историко-культурные связи русских и украинцев по данным одежды.— СЭ, 1954, № 2.
16. *Гурина Н. Н.* Из истории древних племен западных областей СССР.— МИА, 1967, № 144.
17. *Загорскис Ф. А.* Ранний и развитой неолит в восточной части Латвии: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1967.
18. *Третьяков В. П., Григорьев Г. П.* Некоторые вопросы неолита Прибалтики.— СА, 1968, № 4.

19. *Ванкина Л. В.* Торфянниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне, 1970.
20. *Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ: Наукова думка, 1968.
21. *Третьяков В. П.* Неолит верхнего Поднепровья и его отношение к днепро-донецкой культуре.— СА, 1975, № 2.
22. *Третьяков В. П.* Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья.— КСИА, 1972, вып. 131.
23. *Габяшев Р. С.* Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы.— В кн.: Из археологии Волго-Камья. Казань: Наука, 1976.
24. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
25. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура.— СА, 1977, № 3.
26. *Гурина Н. Н.* К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
27. *Левенок В. П.* Неолитические племена лесостепной зоны Европейской части СССР.— МИА, 1973, № 172.
28. *Синюк А. Т.* Некоторые вопросы истории среднего Дона в IV—II тысячелетиях до н. э.— В кн.: Из истории Воронежского края, вып. 5. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1975.
29. *Неприна В. И.* Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев: Наукова думка, 1975.
30. *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этногенеза).— ВФ, 1964, № 11.
31. *Robinson W.* A Method for Chronologically Ordering Archaeological Deposits.— AmA, 1961, XVI, 4.
32. *Brainerd G.* The Place of Chronological Ordering in Archaeological Analysis. AmA, 1961, XVI, 4.
33. *Маршак Б. И.* К разработке критериев сходства и различий керамических комплексов.— МИА, 1965, № 129.
34. *Ковалевская В. Б., Погожев И. Б., Погожева А. П.* Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала.— СА, 1970, № 3.
35. *Телегин Д. Я.* Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977.
36. *Zagorskis F.* Agrais neolita laikmets Lativijas austrumdala.— Изв. АН ЛатвССР, 1973, № 4—(309).
37. *Третьяков П. Н.* Сосуд из Борани.— СА, 1966, № 1.
38. *Гурина Н. Н.* Древняя история северо-запада Европейской части СССР.— МИА, 1961, № 87.
39. *Спицын А., Каменский В.* Стоянка каменного века близ г. Балахны.— ЗОРСА, 1905, № 87, вып. 1.
40. *Гурина Н. Н.* Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам Нарвской экспедиции).— МИА, 1967, № 144.
41. *Смирнов А. С.* Неолитическая стоянка Лунево II.— СА, 1978, № 2.
42. *Артеменко І. І., Смирнов А. С.* Партизанське-богатошарова пам'ятка на Брянщині.— Археологія, 1977, № 2.
43. *Заверняев Ф. М.* Неолитическая стоянка Черепеньки под Брянском.— КСИИМК, 1957, вып. 67.
44. *Падин В. А.* Раскопки на Холме.— СА, 1972, № 1.
45. *Полякова Г. Ф.* Племена белевской культуры.— Тр.ГИМ, 1970, вып. 44.
46. *Бадер О. Н.* Древнейшая история Прикамья. Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1963.
47. *Бадер О. Н.* Стоянки Нижнеадищевская и Боровое Озеро I на р. Чусовой.— МИА, 1951, № 22.
48. *Денисов В. П.* Кряжская неолитическая стоянка.— Отчеты КАЭ, 1961, вып. 2.
49. *Денисов В. П.* Хуторская неолитическая стоянка. Тр. КАЭ. Вып. III.— Уч. зап. ПГУ, 1960, т. XII, вып. I.
50. *Шмидт В. В.* Стоянка у станции Левшино.— СА, 1940, № 5.
51. *Прокошев Н. А.* К вопросу о неолитических памятниках камского Приуралья.— МИА, 1940, № 1.
52. *Халиков А. Х.* Неолитические памятники в казанском Поволжье.— МИА, 1958, № 61.
53. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
54. *Третьяков В. П.* III Старо-Мазиковская стоянка и вопрос о происхождении волосовской культуры.— СА, 1962, № 2.
55. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М.: Наука, 1975.

V. P. Tretyakov

NEOLITHIC CERAMICS AND ARCHAEOLOGICAL CULTURES (ON THE MATERIALS OF THE FOREST AND FOREST-STEPPE ZONE OF THE EUROPEAN PART OF THE USSR)

Summary

The article deals with the study methods of ornamentation of earliest pottery of hunters and fishers of the European part of the USSR. The establishment of the percentage of closeness of ornamentation, according to the author, is very important when dealing with ceramic complexes from different sites or groups of sites. He bases his opinion on the fact asserted by ethnography that more than 50 per cent of closeness of ornamentation of objects of everyday use indicates ethnically kindred groups of population. Less than 50 per cent shows that population groups under study are not ethnically related. These calculations make a unified approach to the problems connected with ethnocultural image of Neolithic sites possible.

ДАВУДОВ О. М.

СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО ИЗ ИРАГИНСКОЙ ГРОБНИЦЫ

(Дагестан)

Среди археологических находок последних лет видное место занимает серебряное чеканное блюдо с чернью и позолотой из каменной гробницы, обнаруженной при строительных работах на окраине сел. Ираги Дахадаевского р-на [1, с. 184]. Гробница размером 2,0×0,8×0,7 м, ориентированная по линии северо-запад — юго-восток, сложена из мелких, аккуратно подобранных камней. Перекрытие состояло из поперечно уложенных плит. Положение костяка не установлено: он был плохой сохранности и к тому же потревожен строителями. Кроме упомянутого блюда в могиле найдены: четыре глиняных кувшина со сливными носиками серого, коричневого и красного цветов; зеркало из белого металлического сплава (биллона) с петлей и рельефным орнаментом (зигзаги между двумя кругами) на обороте: золотые серьги с зернью и филигранью; золотые зубочистка и уховертка; зооморфные и бочонковидные нашивные бляшки из тонкой золотой пластинки; двухпластинчатые фибулы, поясные язычки; W-образные бляшки; округлые с арочной выемкой бляшки (все на бронзовой основе, обтянутой тонкой золотой пластинкой с инкрустацией из цветных камней и стекла); разные по размерам и форме золотые пуговицы и бляшки со вставками из сердолика, альмандина и ложной зерни; серебряный флакон для благовоний; двухпластинчатые фибулы (2 экз); бронзовый браслет с заостренными разомкнутыми концами; обрывки пояса; железные удила; бусы из сердолика, агата, египетского фаянса (скарабеи, плакетки с изображением лежащих львов, «кукиша»; птицы с головой женщины — «ба») и другие предметы.

Большинство из перечисленных золотых изделий (бляшки со вставками из цветных камней, фибулы, серьги и т. д.) выполнено в полихромном стиле гуннской эпохи, распространенном в IV—V вв. на обширной территории Евразии [2, с. 141—153; 3, с. 114—140; 4, с. 82—91]. Серебряный флакон для благовоний ближе всего к флаконам III типа по классификации К. М. Скалон. Этот тип получил наиболее широкое распространение во II—III вв., хотя диапазон их бытования шире — в I—VII вв. [3, с. 138]. Египетские фаянсовые скарабеи, плакетки со львами, «кукиш», изображения «ба» распространяются на территории Северного Кавказа в I в. до н. э.— III в. н. э. [5, с. 20—27; 6, с. 39—54; 7, с. 40—45, 47, 58—66, табл. 6, *1—4*, *21—27*], хотя пережиточно сохраняются и до более позднего времени. Двухпластинчатые фибулы найденного типа бытуют в V—VII вв. [4, с. 86—91]. Зеркало, W-образные нашивные бляшки датируются V в. [8, с. 211—213, рис. 6; 9, с. 194—209, рис. 33]. Очевидно, к этому же времени относится и само погребение. Этой дате не противоречат другие находки из гробницы, в том числе и блюдо.

Ирагинское блюдо (рис. 1, 2) представляет собой низкую серебряную фиалу с широкими утолщенными краями, на низком поддоне[1]. Стенки блюда украшены 12 чеканными вдавленными округлыми медальонами, соединенными с центральным медальоном на дне двойными рельефными линиями таким образом, что создается впечатление колеса с

[1] Размеры блюда (см): диаметр 22, высота 4,8, диаметр центрального медальона 6,2, высота поддона 0.7, диаметр поддона 7.

Рис. 1. Ирагинское блюдо

12 спицами. Между медальонами на стенках сосуда помещены чеканные позолоченные лотосы, обращенные трилистником наружу и одним листом к центру. В центре каждого «лотоса» имеется знак, нанесенный чеканом с обратной стороны. Медальон на дне сосуда имеет довольно сложную орнаментальную композицию. В центре медальона чернью нанесена система розеток, где внутренний круг образует семь острых лепестков, чередующихся с семью закругленными лепестками. Наружный круг состоит из семи окружностей с розетками, которые чередуются с семью удлиненными лопастями, опирающимися на широкую полосу, соединяющую эти окружности. Эта система обведена черновым меандровым кругом, обрамленным позолотой. Вдоль внешних краев блюда имеются два пояса из полусферических выступов, нанесенных с обратной стороны мелким (135 выступов) и крупным (128 выступов) чеканами-пурошниками. Такие же выступы имеются на вершинах 12 листьев «лотоса», обращенных наружу (66 — по 5—6 на каждой) и внутрь (12 полукружий). Листья «лотоса» зажаты 12 крупными чашевидными лунками, которые строенными тяжами соединены с центральным медальоном. Блюдо сделано от руки, орнамент его, при всей повторяемости деталей, лишен геометрической идеальности. При растяжке металла в отдельных местах имеются разрывы, заметные при близком рассмотрении.

Ирагинское блюдо дополняет набор изделий торевтики, выявленных в Дагестане. Эти изделия, представленные бронзовыми блюдами, кувшинами водолеями, суммарно датируются IV—VII вв. [10, с. 315—334, табл. 4, *19—21*, *24—27*, *30*, *31*].

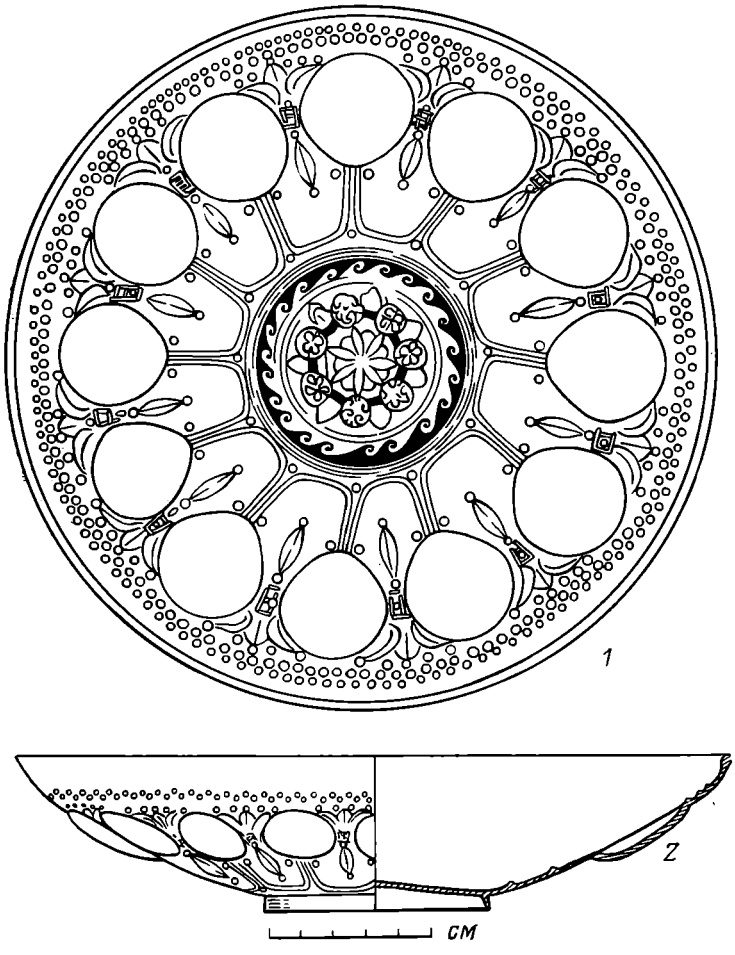


Рис. 2. Ирагинское блюдо: *1* — в плане, *2* — в разрезе

В свое время И. А. Орбели и К. В. Тревер рассматривали изделия дагестанской торевтики как произведения сасанидского искусства [11, с. XIV—XV]. Позже К. В. Тревер сочла необходимым пересмотреть свои взгляды и высказала мысль об их албанском происхождении [10, с. 316]. При этом нельзя целиком отрицать определенного сасанидского влияния на культуру и идеологию стран, входящих в сферу политического влияния Ирана, в частности Дагестана. В разные годы о сасанидском влиянии и сасанидских традициях в искусстве народов Дагестана помимо К. В. Тревер и И. А. Орбели писали А. С. Башкиров, Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов, М. М. Маммаев и др. [12, с. 53, 54].

Это влияние действительно прослеживается на многих произведениях искусства. В то же время нельзя все искусство Дагестана приписать сасанидскому Ирану и его влиянию. Каждое произведение искусства, в том числе торевтики, должно быть рассмотрено отдельно. И это тем более, что задолго до сасанидского проникновения на Восточный Кавказ изделия торевтики местного производства в Дагестане уже существовали, как существовали они и на более обширной территории Евразии, включая территорию Древнего Востока и античного мира (Кипр, Греция, Кавказ, Средняя Азия, Северное Причерноморье и Балканский полуостров) [3, с. 180; 10, с. 316—334; 14, с. 32—40; 15, с. 42, 43, № 18—21; 16, с. 40; 17, с. 139; 18, с. 98—100, рис. 18 *а*, *б*; 19, с. 64, 65, табл. 10, *12*, *17*; 20; 21, с. 45—78; 22]. Без сомнения, в таком обширном регионе искусство торевтики развивалось в рамках соответствующих этнокультурных групп, следовательно, обладало своими характерными локальными признаками. Б. Н. Аракелян, указав на общие черты, характерные для торевтики стран, входивших в систему политического влияния Ирана, выделяет признаки таких локальных очагов, в частности армянского [20, с. 54—57]. К. Мачабели удалось из среды изделий грузинской торев-

тики эллинистического времени выделить изделия римского и восточного происхождения, местные изделия, изготовленные по римским образцам, а также серебряные изделия, отличающиеся от итало-римских и проявляющих определенное локальное своеобразие [22, с. 139; 23, с. 114—117]. Очевидно, в свете всех этих достижений и следует рассматривать ирагинское блюдо. Оно по своей форме аналогично блюдам из комплексов I—II вв. Мингечаурского могильника [24, с. 39, 40, табл. XV, 3], а также отдельным блюдам из Грузии (Армазисхеви, Цхинвали, Квашхиети), датированным К. Мачабели III в. до н. э. [22, с. 55, табл. II, 1, *2*]. Однако при датировке ирагинского блюда должны быть учтены особенности его декоративной отделки и технология производства. Прежде всего, ирагинское блюдо украшено чеканным рельефным орнаментом в виде окружности центрального медальона, соединенного с бляшками, расположенными по кругу стенок сосуда и лотосами между ними. Такая декоративная отделка характерна для двух чаш из Ахалгорийского клада VI в. до н. э. [25]. Аналогичный мотив характерен для орнамента греческих сосудов, в том числе ваз [19, с. 64, 65, табл. 12]. Однако формы ирагинского блюда и ахалгорийских чаш совершенно разные, что определяет их типологическое и хронологическое различия. Орнамент центральных медальонов блюд из Цхинвали и Квашхиети близок к орнаменту центрального медальона ирагинского блюда (рис. 3), что позволяет сближать их хронологически. На всех этих трех сосудах черневой орнамент встречается в сочетании с позолотой. Однако оформление стенок ирагинского блюда резко отличается от оформления стенок грузинских блюд.

Чернь встречается еще в Древнем Египте, а позже в Микенах, получив наибольший расцвет на обширной территории в эллинистическое время. В III в. черневой орнамент, появившийся на римско-кавказской территории, прост. Позже он усложняется и в IV—V вв. применяется на серебряных сосудах в сочетании с позолотой. В таком сочетании он и доживает до IV—V вв. включительно [22, с. 56; 26, с. 34—43; 27, с. 37, № 101; 28, табл. 3, А]. По этим же техническим признакам ирагинское блюдо датируется IV—V вв. Позже черневой орнамент становится наиболее популярным на территории Дагестана.

Ирагинское блюдо по характеру орнаментальной композиции в виде двух окружностей, соединенных линиями, напоминающими спицы колеса, и лотосов между медальонами на стенках сосуда, генетически связанной с ахалгорийскими блюдами, а также по близости декоративной отделки центрального медальона, аналогичной отделке центральных медальонов блюд из Цхинвали и Квашхиети, как будто связано происхождением с очагом торевтики Центральной Грузии (рис. 3). Однако сосуды, выявленные в Грузии, изготовлены в технике выдавливания с применением токарно-давильного станка [29, с. 257], в то время как ирагинское блюдо изготовлено от руки в чисто чеканной технике. К тому же черневой трилистник на ирагинском блюде трактован иначе, чем на цхинвальском и квашхиетском блюдах. Ирагинское блюдо по качеству работы намного уступает грузинским. Оно типологически близко к сосудам, найденным в Мингечаурских погребениях и на территории Дагестана. Все это вместе взятое свидетельствует о местном производстве ирагинского блюда. В целом сближаясь с изделиями, характерными для территории, находящейся в сфере политического влияния Сасанидского Ирана, оно имеет черты, характерные для торевтики более узкого очага — Центральной Грузии (Рача, Цхинвали, Ахалгори). Но ирагинское блюдо явно изготовлено местным мастером, знакомым с центральногрузинскими традициями торевтики.

Особый интерес представляет семантика орнаментальной композиции ирагинского блюда[2]. Как уже говорилось, стенки сосуда украшены 12 медальонами и разнообразными знаками на лотосах, заключенных между ними (рис. 4). Центральный медальон на дне сосуда украшен

---

[2] Выражаю благодарность А. К. Амброзу за ценные советы при нашей работе над семантикой орнамента блюда.

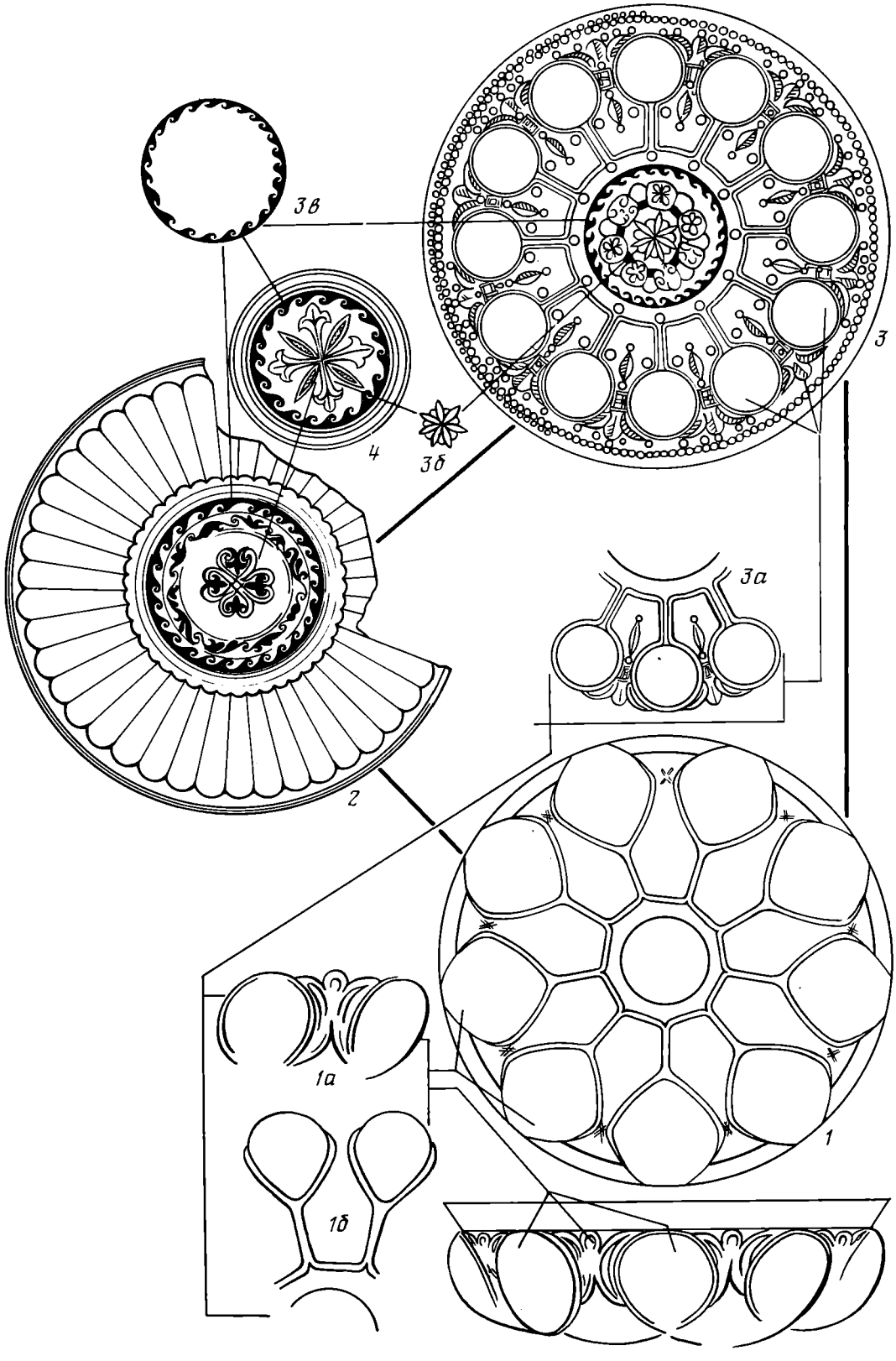


Рис. 3. Генезис ирагинского блюда: *1* — блюда из Ахалгорийского клада (по Ш. Амиранашвили) — вынесены орнаментальные элементы в виде лотосов между малыми медальонами — *1а* и самих медальонов, соединенных линиями с центральным кругом — *1б*; *2* — блюдо из Цхинвали (по К. Мачабели); *3* — ирагинское блюдо (вынесены орнаментальные детали в виде лотосов между малыми медальонами, соединенными с центральным кругом — *3а*, черневой розетки — *3б* и меандра — *3в*); *4* — орнамент центрального медальона блюда из Квашхиети

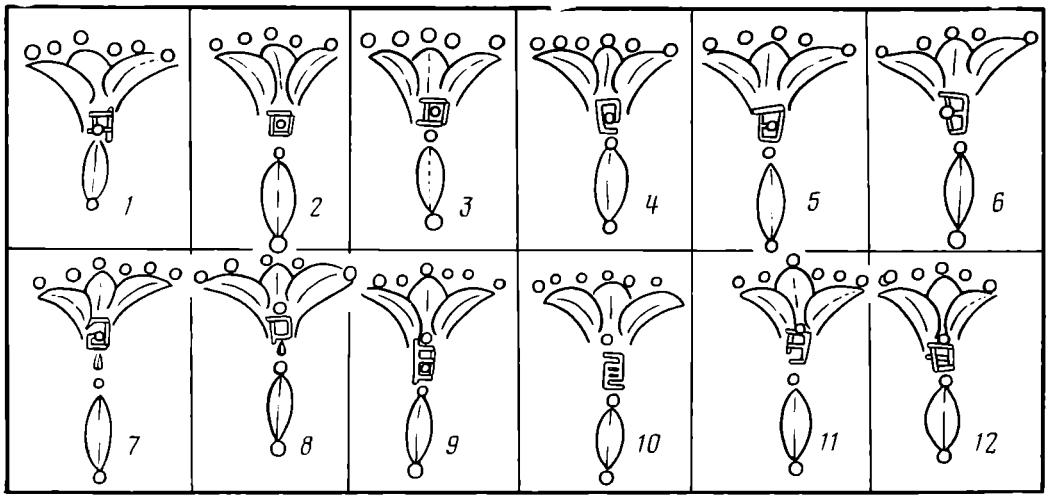


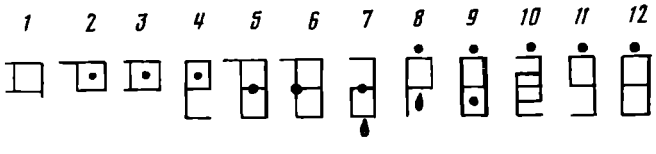
Рис. 4. Знаки зодиака на лотосах ирагинского блюда

системой розеток с четырежды повторяющимися семью лепестками или кругами (рис. 1, 2). Все эти цифровые выражения орнамента (число 12, четырежды повторяющееся число 7) соответствуют календарным компонентам двенадцатимесячного года с четырехнедельным месяцем и семидневной неделей.

Календарь имеет довольно глубокую историю. В первобытном обществе счет времени шел по смене дня и ночи, по пальцам, в дальнейшем по фазам луны. С развитием земледелия счет времени велся по сезонам, определяемым весенним и осенним равноденствиями, летним и зимним солнцестоянием. Позже была установлена связь сезонов года и сроков сельскохозяйственных работ с гелиатическим восходом различных созвездий пояса зодиака [30, с. 841]. Канонизированный календарь возник в Египте в IV тысячелетии до н. э., в Древней Мессопотамии и Китае — в III тысячелетии до н. э. Вместе с культурой Мессопотамии (Вавилона) календарь распространяется по странам Передней Азии, возможно, и Кавказа. А. А. Мартиросян выявил лунно-солнечные календари-петроглифы II тысячелетия до н. э. в Армении [30; 31, с. 42]. Среди орнаментов грузинской керамики бронзового века встречаются календарные начертания [32, с. 327]. Орнамент сосуда VIII—VII вв. до н. э. (из Березовского могильника вблизи г. Кисловодска) Б. А. Рыбаков интерпретирует как календарь [33, с. 158—166]. Наконец, раннеземледельческие календари-петроглифы выявлены в самом Дагестане [34, с. 42—44].

Таким образом, в ближневосточно-кавказском регионе календари были популярны с глубокой древности. Это позволяет нам допускать уже выше высказанную мысль о возможности зашифровки календарных компонентов в орнаменте ирагинского блюда.

На лотосах между медальонами на стенках ирагинского блюда изображены 12 знаков, расположенных по часовой стрелке по мере усложнения:



Некоторые знаки одинаковы, но многообразие достигнуто за счет их комбинаций — переворачивания отдельных фигур в ту или иную сторону. Именно такими приемами переданы геомантические фигуры в таблице для гадания Агриппы Неттесгеймского [35, с. 303, рис. 3]. По этой таблице каждой геомантической фигуре соответствует определенный зодиак,

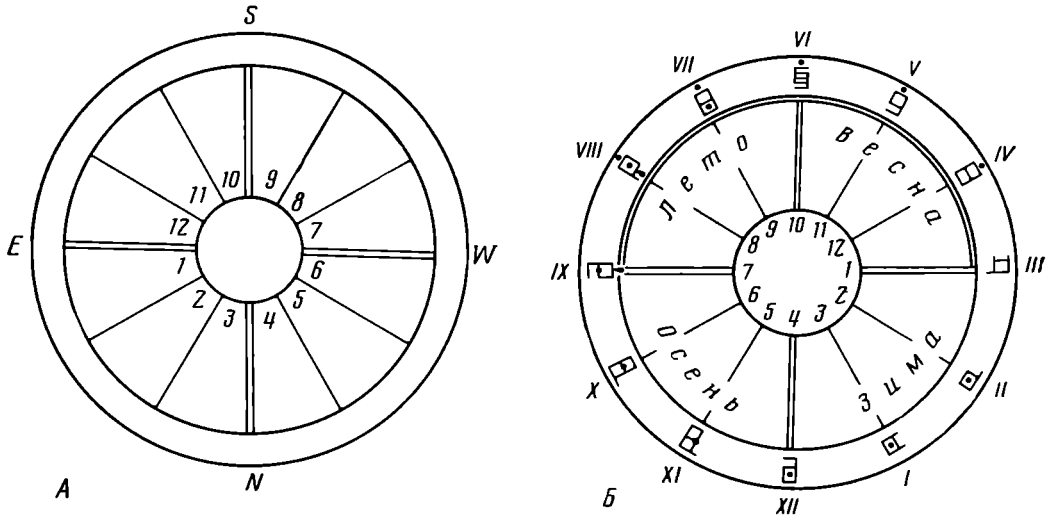


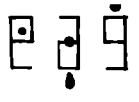
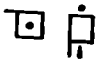
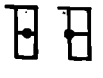
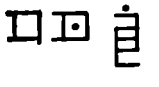
Рис. 5. Сравнительная таблица астрологической диаграммы (*А*) и орнамента блюда (*Б*). В диаграмме *А* центральный круг обозначает землю, двойной наружный круг — зодиакальный пояс, радиально расходящиеся линии в виде спиц — астрологические дома (*1* — жизни, *2* — прибыли, *3* — братьев и дружбы, *4* — родителей, *5* — детей, *6* — пороков, *7* — брака, *8* — смерти, *9* — религии и странствий, *10* — чести, *11* — засухи, *12* — вражды и неволи), двойная горизонтальная линия — воображаемый горизонт; в диаграмме *Б* номера в центральном круге обозначают зодиакальные знаки блюда (в двойном круге), латинские цифры — месяца года

планета, а им — определенный астрономический знак. На нашем блюде каждый знак, видимо, также соответствует зодиаку. В пользу этого предположения говорит соответствие цифровых выражений орнамента календарным компонентам. Надо сказать, геометрическими фигурками, подобными тем, которыми переданы знаки на нашем блюде, изображаются астрономические понятия у многих народов. Так, в современной символике зодиака помимо рисунков имеются геометрические фигурки, а знак зодиака Близнецов напоминает знаки на нашем блюде. В геомантической таблице Агриппы Неттесгеймского и на рисунке Радзивиловской летописи [35, с. 301—305, рис. 1—3] фигуры, соответствующие календарным астрономическим понятиям, нанесены точками. Китайцы выражали астрономические понятия черточками и точками [30, с. 844]. Следовательно, знаки на лотосах между 12 медальонами нашего блюда соответствуют знакам зодиака. Эту мысль подтверждает сопоставление орнаментальной композиции ирагинского блюда с аналогичной ей по начертанию астрологической диаграммой (рис. 5) в виде колеса, наружный двойной круг которого обозначает пояс зодиака, внутренний, центральный круг — землю, а соединяющие их линии в виде спиц — 12 астрологических домов [36, с. 3—10, рис. 1]. Из этого следует, что мы можем сопоставить круг из 12 медальонов с заключенными между ними знаками ирагинского блюда с зодиакальным поясом, центральный медальон с растительным орнаментом — с Землей, а соединяющие их рельефные линии — с астрологическими домами.

Все 12 знаков зодиака на ирагинском блюде, расположенные по часовой стрелке по мере усложнения, по характеру начертания обособляются в четыре группы, по три знака в каждой: 1—3; 4—6; 7—9 и 10—12 (рис. 5, *Б*). Такая группировка знаков соответствует четырем солнечным фазам или четырем сезонам года — лету, весне, зиме и осени. Причем пять знаков (8—12) имеют точки над собой, остальные семь — внутри клеток. В своде законов Хаммурапи продолжительность летней части года определяется в 5 месяцев, зимней в 7. Из этого можно предположить, что пять знаков (8—12) соответствуют летним месяцам, а семь (1—7) — зимним. Древние народы своими астрономическими наблюдениями отмечали два важных момента — период равноденствий (осенью 22—23 сентября и весной 21 марта) и солнцестояний (летом 21—

22 июня и зимой 21—22 декабря). В Южном Вавилоне при летнем солнцестоянии пять знаков зодиака были доступны для наблюдений, семь — невидимы [37, с. 263, 264]. Если десятый знак (центральный) из предполагаемых наших летних знаков сопоставить с временем летнего солнцестояния, то противоположный ему, четвертый знак, будет соответствовать времени зимнего солнцестояния. При расположении круга знаков зодиака ирагинского блюда в диаграмме по правилам астрологии таким образом, чтобы знаки с точками располагались над двойной линией, обозначающей воображаемый горизонт, знаки «один», «семь» совпадут с горизонтом. Следовательно, обозреваемыми остаются только пять созвездий (и соответствующие им знаки), расположенные над горизонтом. Это подтверждает наше сопоставление первого и седьмого знаков с весенним и осенним равноденствиями. Из этих двух знаков первый знак наиболее простой, и он единственный из всех знаков, не имеющий точки ни внутри, ни над ним. От него начинается счет знаков по кругу и на нем кончается после максимального усложнения в виде двойного квадрата с точкой наверху. Следовательно, первый знак может быть взят за исходный при подсчете. Он в таком случае будет соответствовать марту[3]. При этом, считая по астрологическим законам против часовой стрелки, получаем: знак «один» соответствует марту (время весеннего равноденствия и начало года на востоке), или зодиаку Рыба; «двенадцать» — апрелю — Овен; «одиннадцать» — маю, или Телец; «десять» — июню (летнему солнцестоянию), или Близнецы; «девять» — июлю — Рак; «восемь» — августу — Лев; «семь» — сентябрю (осеннему равноденствию) — Дева; «шесть» — октябрю — Весы; «пять» — ноябрю — Скорпион; «четыре» — декабрю (зимнему солнцестоянию) — Стрелец; «три» — январю — Козерог; «два» — февралю — Водолей[4].

Центральный медальон, как выше уже упоминалось, символизирует Землю. Об этом свидетельствует не только центральный круг, соответствующий символу Земли в астрологической диаграмме, но и растительный орнамент по краям и в центре этого центрального медальона. Здесь система розеток образована комбинацией семи элементов, повторяющихся четыре раза. Это соответствует четырем фазам луны, каждая фаза состоит из семи дней. Количество лепестков розетки соответствует лунному циклу ($7 \times 4 = 28$), состоящему из 29,5 суток. Поскольку 1,5 суток луна остается невидимой, весь лунный цикл состоит из 28 суток.

Все 12 знаков на блюде переданы комбинациями семи фигур: 1; 3; 4, 7, 11; 5, 6; 2, 8; 9, 12; 10. Так, знаки 4, 7 и 11 образованы поворотом одной и той же фигуры  в ту или иную сторону, знаки 2 и 8 — фигуры  , фигуры 5 и 6  и фигуры 9 и 12 близки по начертанию. Знаки 1, 3 и 10  индивидуальны. Такая форма выражения числа зодиака — «двенадцать» числом «семь» — интересна тем, что этим числом можно выразить количество известных в древности и в средневековье планет, куда помимо Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера, Сатурна вхо-

[3] После введения календарного летоисчисления в 503 г. до н. э. в странах, подвластных ахеменидскому Ирану, начало года в странах Ближнего Востока и Закавказья, а также в Албании начиналось с марта [38, с. 50].

[4] Точка весеннего равноденствия, с которого начинается год, перемещается по эклиптике со скоростью 50″,2 в год. За 72 года эта точка перемещается на 1°, за 1000 лет — на 14° и т. д. Так, если 4000 лет тому назад точка весеннего равноденствия находилась в созвездии Тельца, то к 20 г. н. э. она переместилась в созвездие Рыбы, где и находится в настоящее время [45, с. 17].

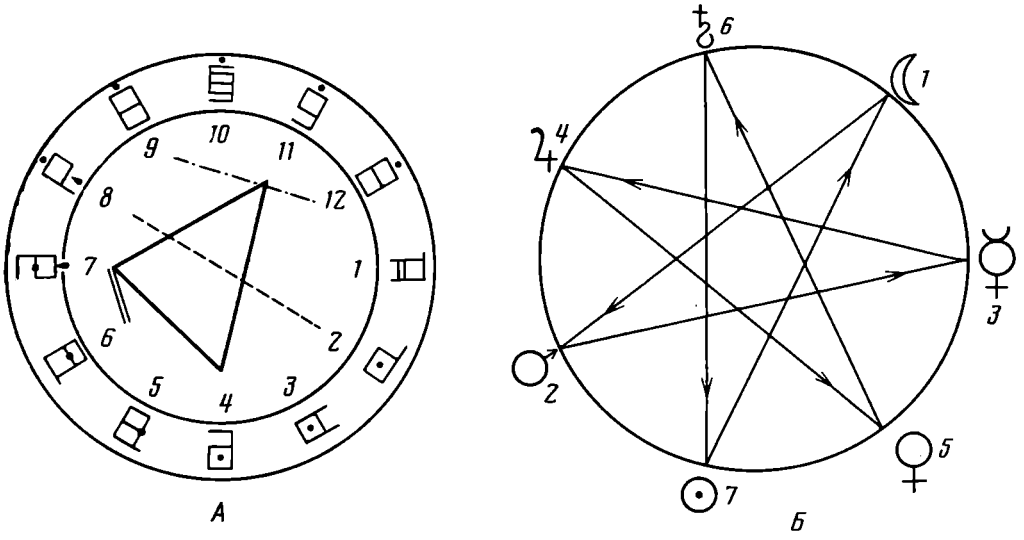


Рис. 6. *А* — признаки для астрологического гадания в знаках зодиака ирагинского блюда; *Б* — связь планет с днями недели у астрологов; *1* — понедельник — день луны, *2* — вторник — Марса, *3* — среда — Меркурия, *4* — четверг — Юпитера, *5* — пятница — Венеры, *6* — суббота — Сатурна, *7* — воскресенье — Солнца

дили Солнце и Луна. Во взаиморасположении этих планет в зодиакальном круге астролог видел некую тайну [39, с. 170; 40, с. 40, 195; 41, с. 239—241]. Если соединить в круге ирагинского блюда знаки с одинаковыми начертаниями (рис. 6, *А*), получатся определенные геометрические фигуры для астрологического гадания. Эти фигуры — астрологические аспекты — бывают благоприятные (хорошие) и неблагоприятные (дурные). К первым относятся «треугольная», «секстильная», ко вторым — «квадратная» и «диаметральная» фигуры [42, с. 110, прим. 80].

Во взаиморасположении планет и созвездий астролог видел некую тайну, которая управляла событиями, судьбами отдельных людей и даже целых государств. Астрологи также видели связь между планетами и днями недели. Эту связь они выражали в виде вписанной в круг семиугольной звезды, концы которой обозначали знаками планет в порядке их расположения (рис. 6, *Б*). При этом получалось, что понедельник считался днем Луны, вторник — Марса, среда — Меркурия, четверг — Юпитера, пятница — Венеры, суббота — Сатурна, воскресенье — Солнца [36, с. 170].

После разгадки изображения на блюде возникает вопрос: какое назначение имело блюдо, употреблялось ли оно специально для гадания или это уже составленный для кого-то и запечатленный в блюде гороскоп? Прежде всего, на стенки сосуда нанесены все знаки зодиака, переданы и признаки сочетания зодиака с планетами. Это как будто бы указывает на окончательно составленный гороскоп. В этом отношении любопытно сопоставить изображение на анализируемом блюде с зодиакальными изображениями на римских конторниатах IV—V вв., на одном из которых на лицевой стороне помещены — бюст императора Траяна (98—117 гг. н. э.) в сопровождении посмертной надписи «Божественному Траяну Августу», а на другом — бюст здравствовавшего Валентина III (425—455 гг.) с почетной ветвью и надписью «Господин наш Плацидий Валентиниан, благочестивый, счастливый Август», а на обороте — одна и та же до деталей совпадающая композиция астрологической диаграммы. Аналогичное астрологическое изображение встречено на монете Александрии египетской 146 г. В. М. Брабич сопоставляет это изображение с изображением на щите Энея, украшения которого осмысливаются как пророчества [43, с. 297—306]. В любом гороскопе таятся пророчества, расшифровываемые астрологом. Возможно, и в диаграмме ирагинского блюда зашифрованы пророчества, предназначенные для погребенного в ирагинской гробнице.

Вся приведенная система доказательств свидетельствует о том, что ирагинское блюдо является продукцией местного мастера, знакомого с традициями производства торевтики Центральной Грузии и, возможно, Боспора; датируется оно IV—V вв. На блюде изображена астрологическая диаграмма, основанная на законах лунного календаря. Во всей его орнаментальной композиции нет элементов, которые бы противоречили этому выводу. Б. А. Рыбаков считает, что чем больше совпадений с известными календарными датами, тем меньше вероятность ошибки при расшифровке древних календарей [44, с. 100]. Если наше предположение верно, то у населения, оставившего ирагинское блюдо, имелись значительные астрономические знания, тесно связанные, как, впрочем, и у других народов этого времени, с астрологией. А это немыслимо без соответствующих математических знаний. Если исходить из такой позиции, представляется возможность расшифровать еще один элемент орнамента — двойной круг, соединенный рельефными линиями в виде спиц колеса. По астрологическим представлениям, как и по теории Птолемея, планеты имели двойное движение: по малому кругу — эпициклу около некоего центра и по большому кругу — около Земли, соединив которые, получаем видимый путь планеты на небесном склоне, состоящий из ряда петель [45, с. 33—45]. Идея двойного движения планет подчеркивается и двойной линией из миниатюрных полусферических выступов, напоминающей двойной круг зодиакального пояса астрологической диаграммы.

Блюдо найдено в женской богатой могиле, где в большом количестве встречены культовые предметы и изделия, отвечающие вкусам гуннской правящей верхушки. Видимо, погребенная в этой могиле женщина имела отношение к отправлению религиозного культа и была близка к правящему дому гуннского царства в Дагестане.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Давудов О. М.* Гробница из сел. Ираги.— В кн.: Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979.
2. *Берхин И. П.* О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье.— АСб.ГЭ, 1961, вып. 2.
3. *Скалон К. М.* О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время.— АСб.ГЭ, 1961, вып. 2.
4. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, вып. Д1-30. М., 1966.
5. *Пиотровский Б. Б.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза.— СА, 1961, № 1.
6. *Виноградов В. Б.* Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев.— АЭС, 1968, т. II.
7. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, вып. Г1-12. М., 1975.
8. *Pcelina E.* Ein Katakombengrab der Völkerwanderungszeit in Nordossetien.— ESA, 1929, t. IV.
9. *Minajeva T. M.* Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Sipovo.— ESA, 1929, t. IV.
10. *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.— VII в. н. э. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
11. *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.— Л.: Academia, 1935.
12. *Маммаев М. М.* К вопросу о сасанидских традициях в средневековом декоративно-прикладном искусстве Дагестана.— В кн.: Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен. III Всесоюзная конференция. Тезисы докладов. М.: Советский художник, 1979.
13. *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту). М.: Изд-во восточной литературы, 1959.
14. *Бретаницкий Л. С., Веймарн Б. В.* Искусство Азербайджана IV—VIII веков. М.: Искусство, 1976.
15. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л.: Искусство, 1979.
16. *Филимонов Г.* О доисторической культуре Осетии. М., 1878.
17. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, т. VIII.
18. *Думберг К.* Раскопки курганов на Зубовском хуторе Кубанской области.— ИАК, 1901, вып. 1.
19. *Амиранишвили Ш.* История грузинского искусства. М.: Искусство, 1963.
20. *Аракелян Б. Н.* Очерки по истории искусства древней Армении (VI в. до н. э.— III в. н. э.). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976.
21. *Luschey H.* Die phiale. Bleicherode am Harz, 1939.
22. *Мачабели К.* Позднеантичная торевтика Грузии (По материалам торевтики первых веков нашей эры). Тбилиси: Мецниереба, 1976.

23. *Мачабели К. Г.* Основные проблемы позднеантичного искусства Грузии.— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.: Наука, 1978.
24. *Асланов Г. М., Голубкина Т. И., Садыхзаде Ш. Г.* Каталог золотых и серебряных предметов из археологических раскопок Азербайджана. Баку: Изд-во АН АзССР, 1966.
25. *Смирнов Я. И.* Ахалгорийский клад. Тифлис, 1934.
26. *Rosenberg M.* Geschichte der Goldschmiedekunst: Niello. Frankfurt am Main, 1925.
27. *Schlunk H.* Kunst der Spätantike im Mittelmeerraum. B., 1939.
28. *Brailsford J. W.* The Mildenhall Treasure. L., 1955.
29. *Тавадзе Ф. Н., Баркая В. Ф.* Из истории обработки металлов под давлением по археологическим материалам Грузии.— СА, 1954, т. XX.
30. *Сюзюмов М. Я.* Календарь.— СИЭ, 1965, т. 6.
31. *Мартиросян А. А.* Лунно-солнечный календарь первобытной Армении.— ВОН, 1973, № 70.
32. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
33. *Рыбаков Б. А.* Календарный фриз северокавказского сосуда VIII—VII вв. до н. э.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
34. *Котович В. М.* Древнейшие писаницы горного Дагестана. М.: Наука, 1976.
35. *Чернецов А. В.* Об одном рисунке Радзивиловской летописи.— СА, 1977, № 4.
36. *Robson V. E., B. Sc.* A beginner's guide to practical astrology. Fourth edition. L., s. a.
37. Атеистические чтения. М.: Политиздат, 1981.
38. *Чхиквадзе М. А.* О древних календарных летоисчислениях народов Закавказья.— Тезисы секции докладов V Закавказской конференции по истории науки, посвященной 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Баку, 1977.
39. *Селешников С. И.* История календаря и хронология. М.: Наука, 1970.
40. *Фролов Б. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974.
41. *Иоселева М. Я.* Происхождение магических чисел.— Страны и народы Востока. Вып. 4. М.: Наука, 1965.
42. *Кампанелла.* Город солнца / Перевод с латинского и комментарии Ф. А. Петровского. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
43. *Брабич В. М.* К изображению круга зодиака на римских конторниатах.— Историко-астрономические исследования. Вып. IX. М.: Наука, 1966.
44. *Рыбаков Б. А.* Календарь древних славян.— В кн.: Наука и человечество. 1962. М.: Знание, 1962.
45. *Климишин И. А.* Календарь и хронология. М.: Наука, 1981.

O. M. Davudov

A SILVER DISH FROM THE IRAGI TOMB IN DAGHESTAN

Summary

A silver phiale on a flat saucer were found in a rich stone tomb at the Iragi village in Daghestan, among numerous gold, silver, faience, iron and ceramic objects. It is a chased, nielloed and guilded artifact of local origin. Its author was indisputably familiar with the Georgian and Bosporan traditions of toreutics. The dish is dated between the 4th and 5th centuries. Ornamentally it resembles an astrological diagramme based on the lunar calendar: the central bottom medallion embellished with a system of rosettes corresponding to the lunar cycle symbolises the Earth. The vessel also carries twelve medallions and lotuses with the signs of the zodiac. It was probably used for astrological fortune-telling.

ЧЛЕНОВА Н. Л.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ВОПРОСУ ОБ ИРАНЦАХ ДОСКИФСКОЙ ЭПОХИ И ИНДОИРАНЦАХ

Вопрос об андроновской культуре и ее отношении к индоиранцам отнюдь не нов, но в последние десятилетия появились некоторые материалы и исследования, позволяющие вновь поставить его. Предположение об ираноязычности носителей андроновской культуры высказывали А. М. Талльгрен в 1938 г. [1, с. 129], С. П. Толстов в 1948 г. [2, с. 67, 68], А. Н. Бернштам в 1957 г. [3, с. 18, 19], К. Ф. Смирнов в 1957 и 1964 гг. [4, с. 8, 14; 5, с. 131], Б. А. Литвинский в 1958 и 1962 гг. [6; 7, с. 295], С. П. Толстов и М. А. Итина в 1960 г. [8, с. 34], Е. Е. Кузьмина в 1964 г. [9] и др. Сводка этих мнений приведена в книге Э. А. Грантовского [10].

В 1975—1977 гг. вышли работы Г. Б. Здановича, В. Ф. Генинга, Е. Е. Кузьминой и К. Ф. Смирнова, выделяющих особый раннеандроновский этап. Г. Б. Зданович называет его петровским [11], В. Ф. Генинг — синташтинским [12], Е. Е. Кузьмина и К. Ф. Смирнов — новокумакским [13]; при этом В. Ф. Генинг и Е. Е. Кузьмина считают его носителей индоиранцами. Отметим, что само существование «новокумакского этапа» по мере его изучения вызывает все большие сомнения, так как каждый из памятников этого этапа резко отличен от другого и вместе они не образуют никакой культуры; по-видимому, каждый из этих памятников — результат смешения андроновской культуры (в алакульском варианте) с абашевской, есть и другие примеси. По времени этот «этап» не раньше андроновской алакульской культуры, а синхронен ей. [14, с. 258, 260, 262—264; 15, с. 26, 28, 29]. Забегая вперед, заметим, что и эти памятники (наряду с обычными андроновскими) могли быть индоиранскими или иранскими — за счет их андроновского компонента, но могли быть и не индоиранскими и не иранскими, поскольку эти памятники смешанные и носители их могли говорить на том языке, на котором говорили абашевцы или создатели многоваликовой керамики,— на языке, о котором у нас пока никаких данных нет.

К индоиранской языковой принадлежности андроновцев склоняются также Б. А. Литвинский и Э. А. Грантовский [16, с. 160; 17, с. 269]. В своих работах 1979 и 1980 гг. я сопоставляла некоторые индоиранские и иранские гидронимы с ареалами андроновской и срубной культур [18, с. 48; 19, с. 66, 67] [1]. Продолжение этой работы представлено в настоящей статье.

Основные аргументы, приводимые сторонниками отождествления но-

[1] В недавно вышедшем в Кемерове сборнике «Скифо-сибирское культурно-историческое единство» чрезвычайно резко против отождествления андроновцев с индоиранцами выступил Л. А. Лелеков [20], написавший, что Н. Л. Членова видит первоначальных индоариев в андроновцах середины II тысячелетия до н. э., а К. Ф. Смирнов и Е. Е. Кузьмина связывают происхождение индоиранцев с Новокумакским могильником, между тем индоарии появились в Передней Азии с XVIII в. до н. э. и на миграцию и предшествующую консолидацию требовалось длительное время, а названные авторы этого не учитывают. Далее Л. А. Лелеков пишет, ссылаясь на В. П. Алексеева [21], что «самый чистый расовый облик» андроновцев обнаружен в Минусинском крае и что говорить о появлении минусинского этноса на берегах Евфрата нет никаких оснований [20, с. 122, 123]. Затем он пишет, что В. С. Стоколос, М. Г. Мошкова, Э. А. Федорова-Давыдова и М. Ф. Косарев вообще считали андроновскую культуру исторической фикцией (следует ссылка на книгу В. И. Матющенко [22, с. 47]. В заключение дается следующая рекомендация: «Фундаментальным хронологическим

сителей андроновской культуры с индоиранцами, следующие. 1. Совпадение даты (середина II тысячелетия до н. э.) появления индоиранцев на Ближнем Востоке и андроново-тазабагъябской керамики Хорезма; Хорезм — легендарная родина ариев, по Э. Бенвенисту (С. П. Толстов). 2. Находки андроновских памятников в горах Тянь-Шаня (Арпа) и Восточного Памира (Кзыл-Рабат) позволяют предполагать, что часть андроновцев занималась исключительно скотоводством (земледелие в этих районах невозможно); поскольку эти могильники расположены близ путей, ведущих в Индию, можно предполагать, что оставившее их андроновское население и было теми «пастухами-скотоводами Севера» — ариями, которые вторглись в Индию (А. Н. Бернштам, Б. А. Литвинский). 3. Генетическая связь срубной и андроновской культуры с савроматами, ираноязычность которых установлена по письменным источникам, позволяет предполагать, что носители андроновской культуры также были ираноязычны либо изначально, либо в результате контактов и смешения с носителями срубной культуры (К. Ф. Смирнов). 4. Хозяйство андроновских племен (земледелие и скотоводство; состав стада — крупный и мелкий рогатый скот, лошади, верблюды) близко к тому, которое известно по Авесте (Е. Е. Кузьмина). 5. В могильнике Синташта погребения совершены в могильных ямах, имеются жертвоприношения животных, захоронения колесниц и ритуальные кострища, а над могилой сооружена насыпь. По мнению В. Ф. Генинга, все это характерно только для индоиранцев. 6. Е. Е. Кузьмина большое значение придает абашевским, многоваликовым и полтавкинским компонентам в выделяемом ею новокумакском этапе, считая их «западными импульсами» и соотнося их с мнением лингвистов о том, что прародина индоиранцев должна была находиться в Восточной Европе, а также погребениям с колесницами.

Против отождествления носителей андроновской культуры с индоиранцами существовали следующие аргументы. 1. Памятники андроновской культуры или хотя бы ее влияние неизвестно ни в Индии, ни в Иране. 2. Наиболее вероятная дата появления арийцев в Индии и иранцев в Иране — конец II — первые века I тысячелетия до н. э. [10, с. 334—337; 23, с. 125, 126; 24, с. 288, 289, 314] — не совпадает с датой андроновской культуры (первая половина — середина II тысячелетия до н. э.) 3. На рубеже II—I тысячелетий в Иране появляются памятники с черной и серой лощеной керамикой; подобные им открыты в Южной Туркмении, Южном Узбекистане, Таджикистане, Северном Афганистане и Северо-Западном Пакистане (долина р. Свата); именно их нужно отождествлять с индоиранцами, следует также предполагать, что иранские языки распространялись отсюда на север, а не с севера на юг. [25; 26; 27, с. 121; 28, с. 26—28; 29, с. 145, 150; 30, с. 188—190; 31.]

критерием выступает факт обособленного существования индоариев до XVIII в. до н. э. где-то не слишком далеко от Передней Азии. Все не согласующиеся с данным обстоятельством реконструкции должны быть отвергнуты» [20, с. 124]. Следуя логике Л. А. Лелекова, прародину венгров нужно искать где-то неподалеку от Карпатского бассейна, а прародину калмыков — не восточнее Приаралья. Что же касается предшествующей критики, то в ней все искажено и перепутано. В цитированных тезисах (как и в данной статье) я ничего не писала о п е р в о н а ч а л ь н ы х индоариях, о которых — предках людей андроновской культуры — археологам пока ничего не известно, но они, безусловно, существовали. Вполне возможно, что именно они и совершили миграцию в Переднюю Азию. Я писала об индоиранцах в широком смысле, не решая вопроса о том, были ли андроновцы индоиранцами или иранцами по языку. Никто никогда не писал о «появлении минусинского этноса на берегах Евфрата». Минусинекие андроновцы здесь совершенно ни при чем. Достаточно взглянуть на карту распространения андроновских памятников (рис. 1 настоящей статьи), чтобы увидеть, что андроновцы были и на берегах Амударьи; их антропологический тип здесь заведомо не играет никакой роли, так как небольшое число пришельцев должно было раствориться среди местного населения Передней Азии. Далее, не надо путать этнос с антропологическим типом. И наконец, чтобы ознакомиться с андроновской культурой и убедиться, что она не является «исторической фикцией», надо было не повторять эту неудачную формулировку В. И. Матющенко (тоже вырванную из контекста), а обратиться к многочисленным публикациям исследователей этой культуры — В. С. Стоколоса, Э. А. Федоровой-Давыдовой, М. Ф. Косарева, В. С. Сорокина и многих других.

Новые исследования в области андроновской и родственных ей культур значительно укрепляют позиции сторонников их ираноязычности и ослабляют позиции их противников. 1. Памятники собственно андроновской культуры (преимущественно алакульского ее типа) открыты теперь в Центральных Кызылкумах (Букантау, Лявлякан, Аякагитма — исследования А. В. Виноградова) и по Амударье, как в низовьях ее (Кокча 15, Кокча 16 — раскопки М. А. Итиной), так и в верхнем течении, на левобережье, в пределах Северного Афганистана (разведки А. В. Виноградова в 1969 г. и В. И. Сарианиди, в 1975 и 1976 гг.[2]. Есть на Амударье и андроновская керамика федоровского типа (низовья Амударьи — Джанбас 8, Точка 1601, Кокча 15, Кокча 19) [32, рис. 19, 1—6; рис. 20; рис. 57, *1*, *2*, *4—6*, *8*, *9*; с. 43] и некоторые фрагменты из сборов А. В. Виноградова в Кызылкумах[3]. Есть все основания думать, что Амударья (и прилегающие районы) на всем протяжении от низовьев до Вахша была заселена людьми андроновской культуры и использовалась как водный путь, как она использовалась в более поздние времена, о чем пишет, например, Страбон («Эта река судоходна, и много индийских товаров привозят вниз по ее течению в Гирканское море...») [33, XI; VII, *3*; 34, с. 12]. Памятники верхнего течения Амударьи близко подходят к границам Индии (устье Вахша отстоит от места впадения р. Кабула в Инд приблизительно на 500 км по прямой). Если в то время уже существовал древний путь по рекам Амударье, Сурхобу и Кабулу, вплоть до впадения его в Инд, то именно он был наиболее удобным путем, ведущим из Средней Азии в Пенджаб — территорию, которую лингвисты считают древнейшим оплотом ариев в Индии [23, с. 126; 35, с. 91—99; 36, с. 55—66; 37, с. 384; 38, с. 6]. Наряду с ними могли существовать и пути через Памир, но они значительно менее удобны.

Таковы новые данные об андроновских памятниках на пути в Индию. Что же касается андроновских памятников, расположенных на пути в Иран, то исследователи Туркмении давно уже отмечали находки керамики «степной бронзы» на южнотуркменских памятниках. Последние сводки этих находок [9; 27, с. 94, рис. 31 — карта, табл. XI; 28] показывают, что они встречаются на очень многих памятниках Туркмении, и по Узбою, и в Южной Туркмении. Некоторые находки относятся к так называемой валиковой керамике (колодец Санцыз, Кизыл-Арват) [9, с. 143, рис. 2, *1*, *4*, *8*], но многие находки являются либо андроновской керамикой алакульского типа, либо демонстрирующей сильное алакульское влияние. Из числа их назову такие памятники, как Кугунек 14 и 15 на Узбое и Аучин 1, Аучин 11, Аучин 12, Тахирбай 3, 13, 14, 15, 16, Теккем, Ашхабад, Безмеин, Овадан в Южной Туркмении. Вполне вероятно, что распространялись они от Амударьи в южном направлении, к Северному Ирану. Таким образом, есть вполне реальные данные о распространении андроновских памятников одновременно и в юго-восточном направлении, в сторону Индии, и в юго-западном, в сторону Ирана, что очень повышает вероятность отождествления носителей андроновской культуры с индоиранцами. Что же касается срубной культуры, то и основная область распространения срубных памятников — Восточная Европа — достаточно далека и от Ирана, и от Индии (см. рис. 1) и почти нет данных о движении носителей срубной культуры в сторону Ирана или Индии (за исключением четырех срубных могильников в Туркмении: Патма-Сай и Каралемата-Сай у Больших Балхан и Газылгы-Кум и Парау недалеко от Кизыл-Арвата, раскопки А. М. Мандельштама) [39, 40]. Особенно следует отметить почти полное отсутствие срубных памятников на Нижней Волге и в степях Предкавказья: южнее Сарпинских озер (Никольское, Кривая Лука) и Элисты их почти нет (рис. 1)[4]. Нет их и на Кавказе. Эти данные особенно

[2] Несколько фрагментов этой керамики издано [29, с. 144, рис. 66].

[3] Хранятся в фондах Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР.

[4] Раскопанные А. Л. Нечитайло несколько погребений в Суворовском и Усть-Джегутинском могильниках (Прикубанье), которые она считает срубными, либо совсем не содержат керамики, либо ее срубная принадлежность сомнительна [41, с. 86, 88,

важны, так как свидетельствуют против гипотезы о движении срубников-иранцев на территорию Ирана через Кавказ, выдвинутой некоторыми учеными, в последнее время, в частности Э. А. Грантовским [10, с. 339—353; 17, с. 269; 24, с. 314]. Гипотезу о движении срубников-иранцев через Кавказ в Иран, вопреки мнению Э. А. Грантовского, не подкрепляют и данные о связях Восточного Закавказья и Северного и Западного Ирана в области оружия, конского убора и керамики, подробно рассмотренные М. Н. Погребовой [44]; поскольку эти связи ограничены Ираном и Закавказьем и не идут севернее Кавказа, а закавказские культуры не состоят ни в каком родстве с культурой срубной.

Надо сказать, что картографирование андроновских и срубных памятников выявило, во-первых, что и андроновские памятники далеко вклиниваются в срубную область (они известны на Волге у Куйбышева и даже на Украине), и срубные памятники столь же далеко вклиниваются в андроновскую область (известны вплоть до Тобола в районе г. Кургана), а во-вторых, имеется обширнейший регион, где срубные и андроновские памятники расположены вперемешку и есть огромное количество памятников смешанных, срубно-андроновских (точнее, срубно-алакульских). Регион этот простирается от Куйбышевского Заволжья до Южного Зауралья (см. рис. 1), и, видимо, охватывает и очень плохо исследованную территорию к югу от Урала, между Уралом и Аральским морем, потому что то же самое смешение срубных и андроновских (алакульских) черт наблюдается и в Приаралье, в тазабагьябской культуре (что неоднократно отмечала М. А. Итина), и в других районах Средней Азии (кайраккумская культура и другие памятники «степного типа»). Этот факт имеет важное значение для предположения о языковой принадлежности носителей андроновской культуры, так как именно срубная культура генетически связана со скифской ираноязычной культурой и поэтому может более надежно, чем другие культуры бронзового века, считаться также иранской или индоиранской. Таким образом, не только близкое родство андроновской культуры со срубной, но и их смешение на огромной территории, в том числе и в Средней Азии, делает предположение о том, что носители андроновской культуры были индоиранцами, весьма вероятным.

В самом Иране настоящих андроновских памятников пока не известно. Однако о влиянии андроновской культуры в Северном Иране ставить вопрос можно. Е. Е. Кузьмина в работе 1964 г. уже приводила в качестве примера два сосуда из Тепе Гийяна, по форме североиранские, но украшенные налепными, иногда рассеченными валиками — «усами», типичными для позднеандроновских и позднесрубных памятников [9, с. 153, 154]. Эти сосуды найдены в шести могилах Тепе Гийяна, относящихся к периодам 1^4—1^2 (1250/1200—850/800, по Т. Янгу) [5] (рис. 2, *1—6*). Имеется также своеобразная керамика из могильника Саккызабад (Северный Иран,), где наряду с обычной чернолощеной керамикой, типичной для Гасанлу V и Сиалка А (1200—1000 гг. до н. э.) [47, рис. 67, 69], имеются сосуды по форме такие же, но с орнаментом, очень близким к андроновскому, нанесенным однако краской; среди них есть сосуды, и по форме близкие к андроновским [47, рис. 54, 55 (рис. 2, *7—10*)].

Что касается датировки андроновской культуры, то сейчас имеется серия дат по C_{14} для западноандроновских (в основном алакульских) памятников, относящихся ко второй половине — концу II тысячелетия до н. э. [6]

89, рис. 34, *4*; 42, рис. 44, *3*, с. 51; рис. 55, *1*, 49, *3*, с. 84]. О нескольких погребениях со срубной керамикой в Прикубанье сообщает В. А. Сафронов [43, с. 9]. Вот и все срубные памятники в Предкавказье.

[5] Могилы № 9, 10 (слой 1^2), № 24, 28, 31 (слой 1^3, в котором найден железный кинжал), № 57, (слой 1^4) [45]; слой 1^2 датируется 1050—800, слой 1^3—1^4 — 1250—950 [46].

[6] Поселения Тасты-Бутак — 3190±80 (1270—1110 гг. до н. э.) Боборыкино — 3420±65 (1485—1355) (см. [48, с. 29]), Тасты-Бутак (другой образец) — 3500±65 (1550 г. до н. э.); Навес Ак-Таньга, II слой бронзы — 3220±140 (1270 г. до н. э.); могильник Турсумбай — 3080±50 (1130 г. до н. э.) [49]; для западного федоровского могильника

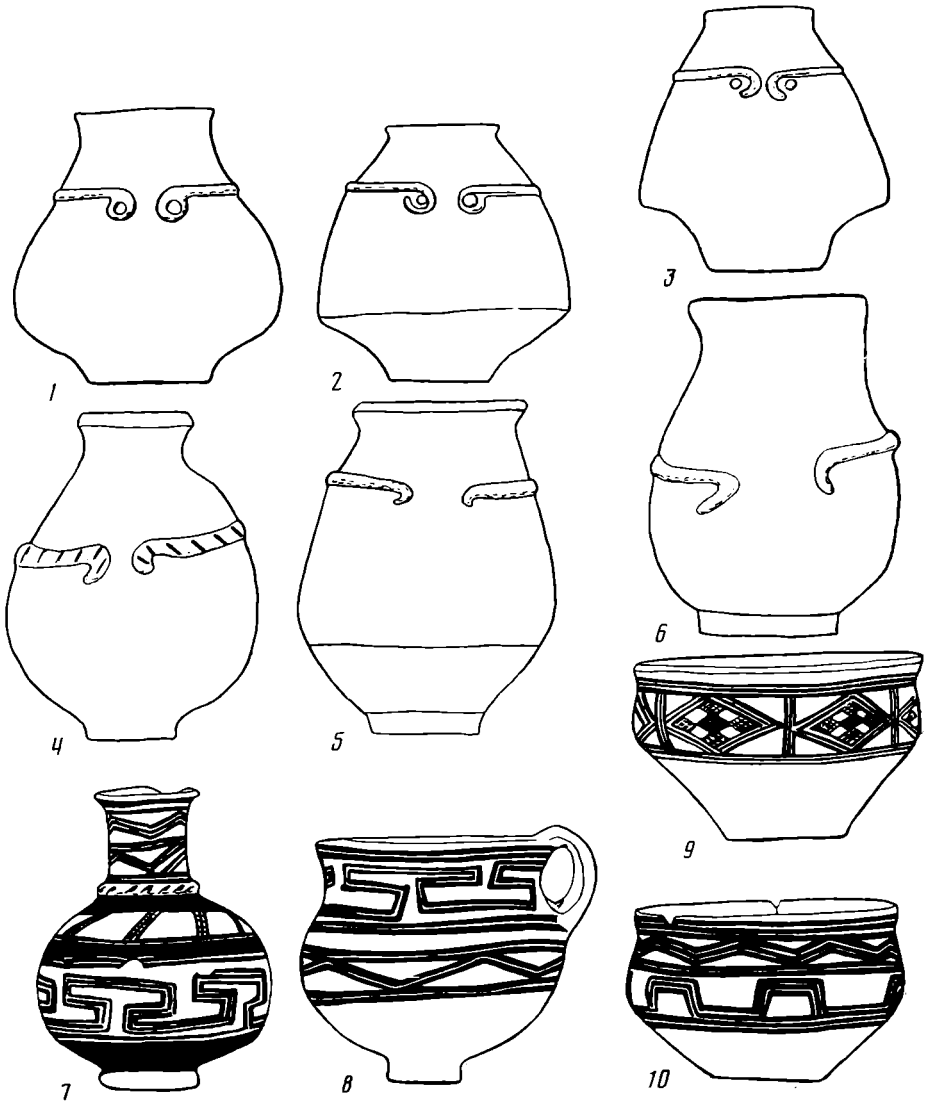


Рис. 2. Керамика из Ирана, обнаруживающая андроновское влияние *1—6* — Тепе Гийян (по Р. Гиршману и Ж. Контено); *7—10* — Саккызабад (по Л. Ванденберге)

Очень интересны стратиграфические наблюдения и даты по C_{14} для Южной Туркмении, показывающие, что керамика «степной бронзы» встречается в слоях XIII—X вв. до н. э., преимущественно X в. до н. э.[7] и доживает до VIII—VI вв. до н. э.[8]. Недавно опубликованы данные о совместных находках одной из разновидностей андроновской керамики в Средней Азии — керамики кайраккумского типа — с расписной керамикой чустского типа VIII—VII вв. до н. э. в могильнике Дашти-Ашт в Северо-Западной Фергане [51, с. 96, 97]. Таким образом, между датами

Туктубаево есть две даты: 1230±60 и 1070±60, гг. до н. э. [50, с. 163]. Таким образом, для западноандроновских памятников радиоуглеродные даты колеблются в пределах 1550—1010 гг. до н. э. Дата федоровского могильника Предгорное на Верхнем Иртыше — 2760±60 (810 г. до н. э.) [49, с. 258]. Для андроновских памятников на Енисее радиоуглеродные даты дают колоссальный разброс — от 2650 г. до н. э. до 420 г. до н. э. [49, с. 258, 259], так что лучше ими не пользоваться. Археологические даты для восточноандроновских федоровских памятников очень поздние — вплоть до VIII—VII вв. до н. э.

[7] По данным В. И. Сарианиди, «степная» керамика встречена в самых поздних слоях комплекса Намазга VI (даты для комплекса Намазга VI на Улуг-депе 1330±95, для «Вышки» Намазга-Тепе — 1030±60 гг. до н. э.) В. И. Сарианиди считает, что контакты с носителями «степной бронзы» приходятся на X в. до н. э. [28, с. 26].

[8] На поселении Тахирбай 13 керамика «степного типа» (андроноидная — алакульская.— Н. Ч.) найдена вместе с лепной расписной керамикой VII—VI вв. до н. э. [28, с. 26].

андроновской культуры и временем появления иранцев в Иране и ариев в Индии имеется полное соответствие.

Как известно, одним из способов определения этнической принадлежности той или иной археологической культуры является сравнение ее ареала с ареалами определенной топонимии. Этот широко применяемый способ по отношению к культурам срубно-андроновского круга до последнего времени не применялся. Насколько мне известно, он применен только С. С. Березанской в ее докторской диссертации «Северная Украина в эпоху бронзы» (Киев, 1977), где она сравнивала ареалы срубной культуры с иранскими гидронимами на территории Северной Украины. Надо сказать, что на этом пути есть целый ряд трудностей. Первая из них: до последнего времени отсутствовала общая карта срубных и андроновских памятников, на которой их ареал был бы обозначен не приблизительно, штриховкой, а точно, путем нанесения всех или хотя бы важнейших памятников. Такая работа произведена автором данной статьи (см. рис. 1) (названия археологических памятников на этой карте см. [52]). На ней нанесено 215 андроновско-алакульских памятника, 184 андроновско-федоровских (т. е. всего 399 андроновских памятников), 354 срубных и 130 черкаскульских, о которых речь будет немного позже.

Вторая трудность — в отсутствии топонимических карт для рассматриваемого региона степной и лесостепной зоны Восточной Европы, Казахстана, Средней Азии, Западной и Средней Сибири. Исключением являются две книги В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева [53, 54], где подробно рассмотрены все имеющиеся на этой территории гидронимы и составлены прекрасные карты. Что касается остальных территорий, то приходится только пользоваться имеющимися в литературе указаниями на наличие тех или иных гидронимов на той или другой территории. Все же и такое состояние материала позволяет начать работу по сопоставлению памятников срубно-андроновского круга с иранскими гидронимами. Хотелось бы подчеркнуть, что работа по выявлению иранских гидронимов на всей территории восточнее бассейна Днепра только начинается, чем и объясняется, что в бассейнах Дона, Волги, в Зауралье и Западной Сибири выявлены пока лишь немногочисленные иранские гидронимы. Надо надеяться, что, по мере того как эта работа будет продолжаться, число иранских гидронимов на этих территориях значительно возрастет.

Как известно, наиболее распространенные иранские гидронимы на рассматриваемой территории — это гидронимы на -дон, -ап(аб) или -об(оу), -руд(рут). До последнего времени предполагалось, что все они относятся ко времени не ранее скифского [53, с. 229]. Позже, однако, В. И. Абаев пришел к выводу о том, что североиранские племена жили в Восточной Европе задолго до скифской эпохи [55—57], а О. Н. Трубачев в ряде работ [58, 59 и др.] привел целый ряд топонимов, этнонимов и личных имен, которые трактует как индоарийские. Все ли из перечисленных выше гидронимов относятся ко времени не старше скифской эпохи или среди них есть и более древние, которые можно сопоставить со срубно-андроновской эпохой? Некоторые из них, как, например, гидронимы на -дон, по-видимому, связаны со скифами и сарматами. На это указывают следующие факты. 1. Реки на -дон (Дон, Донец, Днепр) находятся в Северном Причерноморье, где жили как скифы и сарматы, так и в более раннее время носители срубной культуры; ареалов топонимов на -дон нет в более восточных районах Европейской части СССР и в Азиатской части СССР, в которых не было скифов и сарматов, но были в более раннюю эпоху распространены срубная, андроновская и родственные им культуры[9]. 2. Гидронимы Северной Осетии почти исключительно состоят из топонимов на -дон- («река») и -сауæдон («источник»): из 500 гидронимов, собранных в книге А. Дз. Цагаевой, 499 оканчиваются на -дон и только один — на -аф (р. Ираф)[10]. Посколь-

[9] Отмечаются еще два ареала топонимов на -дон: в Кемеровской обл. и в бассейне Колымы [60, с. 11; 61, с. 134]. Их толкование и отношение к скифскому -дон пока совершенно неясно.

[10] Подсчитано по книге А. Дз. Цагаевой [62]. Гидронимов на -руд- или близких к ним в Северной Осетии нет совсем.

ку ни андроновская, ни срубная культура в Северной Осетии не распространены, а осетинский язык считается прямым наследником скифского, гидронимы на -дон, видимо, относятся к скифам и их потомкам — аланам, осетинам.

Более перспективны, видимо, для соотнесения с ареалами срубной и андроновской культур гидронимы на -аб(ап) -об и -руд и близкие к ним. В «Словаре скифского языка», составленном В. И. Абаевым, слова «руд» или близкого к нему нет вообще, а слово ār (āv) имеется только в значении «вода», но не «река» [63, с. 153, 158]. В топонимике Северной Осетии из 500 гидронимов только один оканчивается на -аф (А. Дз. Цагаева возводит его к -ап), а в осетинском языке слово āv сохранилось лишь пережиточно, в таких словах, как «стекло» (avg), т. е. «прозрачное, как вода» [63, с. 153], или «водопад» (ææсœрдзоен) [64, с. 172]. Можно заключить, что гидронимы на ār (āv) оставлены не скифами (и не их потомками), а более древним населением [11].

На территории Северного Причерноморья гидронимов с -ап, -оп немного, но они есть: Апака (Опака), левый приток Сейма, Апака в бассейне Днестра, Апажа в бассейне Десны, Свапа в бассейне Сейма. М. Фасмер, В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев возводят их к иранскому -ār — вода [53, с. 153, 157; 222, 230; 54, с. 83, 87; 65, с. 75]. В основном они связаны с бассейном Сейма и Десны, где входят в ареал других древних иранских гидронимов — Сев, Свапа, Сейм, Хан, Есман (Эсман, Осман) [12] — и находятся на границе распространения срубных памятников (Сейм) и за ее пределами (Десна) (см. рис. 1), как, впрочем, и огромное большинство иранских гидронимов вообще (см. [54, карта 2]). Еще М. Фасмер высказал мысль, что в более южных районах иранские гидронимы не сохранились, будучи вытеснены тюркскими, и это положение сейчас считается классическим [54, с. 274]. Некоторое количество иранских гидронимов сохранилось и южнее, по Днепру, вплоть до Днепропетровска, и они совпадают с распространением памятников срубной культуры. В Курской области имеются гидронимы с -ап (например, Свапа), что вполне соответствует распространению здесь срубных памятников. Более интересны гидронимы на аб/об в азиатской части СССР, где ими пестрит топонимика Средней Азии, начиная от Таджикистана (об, оба, ов, оу — в таджикских гидронимах [66], оп — в ягнобских [67, с. 15, 4, 50]) и до Туркмении (аб, об, яб), где, кроме значения «вода», употребляются в значениях «речка», «небольшая река» и иногда — «озеро», «канал» [68, с. 107, 194, 209]. Река Об упоминается в «Шахнаме». Считают, что так называлась в древности Амударья [69, с. 65]. В Сибири небольшой ареал иранских топонимов, включающих -об, обнаружен А. П. Дульзоном [70, с. 2] на севере Кемеровской области и северо-западной части Минусинской котловины (А. П. Дульзон возводит их к иранскому ār). Там расположено много андроновских памятников. Одна из этих речек — Объюл обследована мною в 1957 г. и на ней обнаружены три андроновских стоянки [71]. В дальнейшем автор настоящей статьи обратил внимание на целый ряд гидронимов с -ап, -оп, -аба, -уб в Южной Сибири, на южносибирские гидронимы, которые повторяют иранские гидронимы бассейна Днепра и Дона (Сев, Серта, Уда, Усманка), и на некоторые другие. Автор обратился за консультацией по этому вопросу к В. И. Абаеву, который подтвердил, что 31 из этих гидронимов — иранские, и взял на себя труд перевести их с иранского (как и ряд гидронимов из Европейской части СССР) [13]. Почти все перечисленные южносибирские гидронимы относятся к бассейну р. Оби. Они есть на Верхнем Иртыше, и, кроме того, большая компактная группа их имеется на Северном Алтае, в Кузнецкой котловине и в северо-западной части Минусинской котловины (притоки Чумыша, Бии, Томи, Кии и Верхнего Чулыма — см. карту (рис. 1), номера гидронимов 46—68). Ареал этих гидронимов

[11] Подтверждено В. И. Абаевым в личной беседе с автором статьи в мае 1979 г.

[12] Древность их подтверждена В. И. Абаевым (личная беседа).

[13] См. приложение «Словарь гидронимов». Автор выражает глубокую благодарность В. И. Абаеву за эту важную работу.

хорошо совпадает с распространением андроновских памятников и, более того, обрисовывает тот путь носителей андроновской культуры в Минусинскую котловину с северо-запада, в обход Кузнецкого Алатау, который давно уже предполагали исследователи, основываясь на археологических памятниках и природных данных [72, с. 70—76; 73, л. 67, 78, 84; 74, с. 80].

И наконец, большой интерес представляет название самой реки Обь. Его иранскую этимологию в свое время подверг сомнению В. Штейниц, который утверждал, что это название дано реке проводниками коми, которые проводили сюда русских в XV—XVII вв. [75, с. 109—111]. Однако М. Фасмер не считал возможным выводить гидроним -об из коми языка [76]. Действительно, в коми языке слово -об означает либо «тетка, сестра отца», либо «снежный сугроб», «глубокий снег» [77, с. 33; 78, с. 203], оба значения не употребительны в гидронимах. А. К. Матвеев считает, что название «Обь» может быть иранского происхождения [79]. Вполне возможно, что к слову «об» восходят и другие сибирские гидронимы: р. Убаган, приток Тобола, реки Уба, Убинка, Убиенка, Убик (в бассейне Оби), озеро Убинское в Барабинской степи (см. Словарь гидронимов).

В Европейской части СССР гидронимы на -уп (например, р. Упа, на которой стоит Тула) считаются балтийскими [53, с. 235], однако для Сибири, где не было балтов, это объяснение не подходит, вероятнее предположить, что эти названия восходят к слову «об». Все перечисленные гидронимы ложатся на территорию, занятую андроновской культурой (рис. 1).

Гидронимы на -аб(ап), об(оп), так хорошо вписывающиеся в ареал срубно-андроновских памятников, приобретают особый интерес еще и потому, что известны в памирских языках и на территории Северной Индии — Пакистана (например, Пенджаб, Чинаб, Тримаб).

Не менее интересно сопоставление ареала срубно-андроновских памятников с ареалами топонимов с начальным р: -руд, -рут и подобными. Эти гидронимы чрезвычайно характерны для Ирана и Афганистана. В Таджикистане в значении «река» они сохранились лишь в названии селений: Пасруд — «за рекой», Панжруд — «пять рек» и пр. [69, с. 65, 66; 80, с. 187] и в значении «горный поток» [67, с. 19, 39]. То же в верховьях Зеравшана, где название на -рут означает название участка местности, где протекает горный поток. А. Д. Хромов [81, с. 96] считает, что формант -рут восходит к согдийскому rwt и сравнивает с ягнобским raut, rout — «река» [81, с. 96]. Обычно сравнивают этот формант с древнеперсидским rauthah/rauta — «река» и древнеиндийским sro : ta — «река» [65, с. 77; 82, с. 14—16]. Сюда же относится формант raw/ro в памирских языках, означающий «холм, возвышение, скат». Как доказал Р. Х. Додыхудоев, все географические объекты, обозначаемые топонимом с этим компонентом, обязательно содержат водный источник — ручей, и первоначально этот компонент и означал ручей, речку и лишь впоследствии был перенесен на холмы и склоны, с которых текли эти ручьи [83, с. 141—143]. Совершенно аналогичный случай — перенос значения «водный источник» на холм, с которого этот источник стекает,— привел О. Н. Трубачев для компонентов -сал, -сала в названиях р. Салгир в Крыму и древнего названия Крымских гор — Сала и для параллели ему — компонента -хара в названии упоминаемых в Авесте гор Хара Березайти [84, с. 128—133].

В Казахстане и Западной Сибири гидронимов типа -руд, -рут, -реут нет вообще, но они есть в большом количестве на Украине и в Курской области, где звучат как «руда» (33 названия), «руд», «рудавец». Располагаются эти гидронимы в основном в бассейне Днепра, главным образом в его среднем течении [54, с. 82, 84]. О. Н. Трубачев упоминает в этой связи известный из летописи (под 1151 г.) приток Днепра Рутъ и считает гидронимы на -руда несомненно иранскими по происхождению [54, с. 83]. Распространение этих гидронимов в Поднепровье довольно хорошо совпадает с распространением срубных и многоваликовых памятни-

ков. Еще М. Фасмер, а затем В. И. Абаев сопоставляли с этим гидронимом название Волги — Rhā (по Птоломею) и ведийской Rasa и авестийской Rañha (название мифической реки) [76, с. 217]. «Значение „мифической реки“,— пишет В. И. Абаев,— говорит о том, что ведийские и авестийские племена в период создания Ригведы и Авесты жили уже далеко от Волги и хранили о ней лишь самое смутное воспоминание» [56, с. 30]. Но какую часть Волги знали индоиранцы? Выяснению этого вопроса, может быть, помогает то, что слово -ра- в значении «река» сохранилось в мордовском [85, с. 174; 86, с. 307]. Название Волги в мордовских языках — Раво (или Рав) [87, с. 125—128; 88, с. 126], а в Башкирии есть речки Ря, Рязь (Рэз), Ряузяк, Реват (Рэуэт) [79, с. 136; 89; 90, с. 123—124] [14]. Еще Г. Якобсон в 1922 г., а затем В. И. Георгиев в 1958 г. и А. Йоки в 1973 г. связывали мордовское название Волги — Раво с авестийской Rañha, ведийской Rasa, а Б. Коллиндер с санскритским «srava» — «поток» [91, с. 135; 92, с. 253], считая этот топоним древним заимствованием в финно-угорские мордовские языки. В. И. Абаев в личной беседе указал мне, что трансформация авестийской Рангха в мордовскую Раво совершенно закономерна: в финно-угорских языках «г» или «гх» переходит в «в» (например, др.-перс. baga «бог» и мордовское pavas «бог»; иран. sāgā — «коза» и морд. śava — «козел». Что же касается башкирских гидронимов на -ря, -рев, то все исследователи сходятся на том, что они не тюркские, так как тюркских гидронимов с начальным -р не бывает, и считают их заимствованием из иранского [79, с. 136; 89, с. 205]. Мягкое начальное -р в этих гидронимах («ря» вместо «ра») объясняется особенностями произношения этого звука в тюркских языках (в данном случае в башкирском). Выше приводилась и еще параллель слову raw/ro с первоначальным значением «ручей», «поток», впоследствии перенесенным на холмы и склоны, с которых текут эти ручьи, в памирских языках (см. выше, с. 95). Эти параллели очень важны, так как памирские языки сохранили многое из древнего, индоиранского наследия. В связи с этим приобретает особый интерес тот факт, что в одном из финно-угорских языков, коми языке, компоненты -рöз, -рыз также входят в состав слов, связанных с рекой (в словах варозйыв — «берег реки, круча», варызйыы — «заливной луг», где «ва» — позднейшее коми название для реки). В. И. Лыткин восстанавливает и первоначальное слово «рöз», «рыз» — «берег» [78]. Здесь наблюдается тот же самый перенос значения слова (с реки на берег или склон, холм), какой обнаружен в памирских языках, и можно думать, что коми «рöз», «рыз» восходит к той же индоиранской эпохе. Но вместо памирского raw, ro в коми языке «рöз», «рыз» — то же самое слово, только получившее предварительно уральскую огласовку (ср. приведенные выше башкирские топонимы Ря, Рязь (Рэз).

Если принять эти выводы лингвистов, можно предполагать, что Волга (Ра или Рангха) была известна индоиранцам в среднем течении, примерно от Суры до Белой (здесь необходимо напомнить, что и Кама, и Белая в древности считались Волгой, о чем говорит их общее название в тюркских языках: Идель — Волга, причем Белая — Ак-Идель, т. е. «Белая Волга», а Волга ниже впадения Камы — Кара-Идель — «Черная Волга») [93, с. 179]. Этот участок Поволжья является северной границей распространения срубной культуры с включениями андроновской культуры (в особенности на нижней Каме — Луговская стоянка, могильник Такталачук, Деуковская стоянка и др.), а территория Башкирии (в основном течение Белой) заполнена памятниками и срубными, и андроновскими (в основном алакульскими, но есть и федоровские), и черкаскульскими (см. рис. 1).

В связи с этим чрезвычайно интересна мысль В. И. Лыткина о том, что слово «угры», «югры» переводится с древнего коми языка как jong + ra (jong — «светлый», белый», а ra — «река» или «Волга» и означало р. Белую, буквально «Светлая или Белая Волга», тюркская каль-

[14] А. Йоки мордовское название реки -rawa возводит к древнемордовскому *rawa и сравнивает с авестийским ravavo — «река» и ягнобским — raut, rout.

ка этого гидронима — Ак-Идель, русская — Белая [94, с. 205]. Если индоиранцы знали Поволжье на уровне Суры и Белой, т. е. на уровне 54—56-й параллели, то это вполне объясняет те «северные», «полярные» явления, которые отмечали исследователи индийского эпоса и «Ригведы», о которых писали Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский (знание Большой Медведицы, созвездия Кассиопеи и Свати — яркой звезды в созвездии Волопаса, видеть которые высоко над горизонтом можно только в северных широтах; короткие летние ночи, замерзание рек и др.) [95, с. 5], а также данные из Авесты о том, что Рангха (Волга) берет начало с Высокой Хары (т. е. Урала) и у ее истоков «ниспосланные дэвами морозы» [96, с. 49].

Заимствование гидронима -ра в финно-угорские языки не ограничивается территорией Мордовии и Башкирии (где до прихода тюрок также было финно-угорское население); известен ареал топонимов и гидронимов в верховьях Чусовой, Исети и Пышмы на Урале (Реж, Ревда, Ревдель, Рефт, Реутинка, Ретин и др. [79, с. 136; 82, с. 14—16] (рис. 1). Эта область лежит за пределами распространения андроновской культуры (но на территории распространения черкаскульской культуры, о которой речь пойдет дальше) и, вероятнее всего, с очень древних времен заселена угро-финским населением, которое, видимо, и заимствовало этот иранский гидроним, приспособив его к особенностям своего произношения.

Здесь уместно перейти к вопросу о контактах индоиранцев с финно-уграми. На эти контакты указывали многие лингвисты: В. Томашек, Г. Якобсон, в последние годы А. Йоки и В. И. Абаев [56, 57, 86, 97, 98]. В книге А. Йоки рассмотрены слова, заимствованные в финно-угорские языки из индоиранских в разные эпохи. Для нашей темы важны те из них, которые заимствованы из общеиндоиранского, или арийского (по терминологии А. Йоки). Очень важно, носители каких археологических культур могли осуществлять этот контакт. В настоящее время появились данные для наиболее удовлетворительного решения этого вопроса. Этот контакт могли осуществлять носители черкаскульской культуры. Время ее существования приблизительно XIII—XII — VIII-VII вв. до н. э. Культура эта в основе своей не родственна андроновской, но синхронна ей, расположена частично на той же территории, что и андроновская, и находилась с ней в тесных контактах, что выражается в большом количестве смешанных андроновско-черкаскульских памятников и в сильном влиянии андроновской культуры на черкаскульскую [99]. Основная область распространения черкаскульской культуры — Западная Сибирь (главным образом бассейн Тобола), Зауралье, Башкирия и Волго-Камье — соответствует области распространения тех финно-угорских языков — мордовского, марийского, удмуртского, мансийского, хантыйского, которые обнаруживают заимствования из общеиндоиранского (арийского) по А. Йоки. Одно из крупных скоплений черкаскульских памятников находится как раз на Исети с притоками, Верхней Пышме и в верховьях Чусовой (см. рис. 1), где расположен замкнутый ареал топонимов типа Ревда, Рефт, Решт, Реж и др., которые можно трактовать как одно из заимствований из индоиранского в финно-угорские. Можно предположить, что носители черкаскульской культуры по языку были финно-уграми, но находились в тесном контакте с индоиранцами-андроновцами и заимствовали от них ряд топонимов (как -ревд и подобные, но может быть, и некоторые топонимы на -об) [15] и других слов.

Вполне возможно также, что носители черкаскульской культуры были двуязычны и говорили как на финно-угорском, так и на иранском языке.

---

[15] Например, р. Обва, приток Камы, несколько севернее среднекамских памятников, где встречается черкаскульская керамика [100, с. 130]. Есть также в Прикамье р. Обь. О невозможности переводить -об в гидронимах с коми языка см. выше. Н. И. Нешатаев [101, с. 57] возводит -об в названии «Обва» к -ыб- — «возвышенное место» (коми яз.). Однако В. А. Никонов [102, с. 59] указывает, что в русской передаче коми -ыб звучит как -иб, а не как -об.

Подобные случаи двуязычия народов, живущих в контактных зонах, хорошо известны.

Из приводимых А. Йоки заимствований в финно-угорские из общеиндоиранского особенно важны такие, как: 1) **«рыть, бороздить»** (ф.-уг. *kara, откуда морд.— карамс, коми — кырны и др. инд.-иран. *kar (откуда авест. *kar — «проводить борозду»); 2) **«дышло»** (ф.-уг. *aisa, откуда морд.— ажья, ажия, коми — вож. и др.— инд.-ир. *aisă, авест, aēsa — «плуг», др.— инд. isa — «дышло»; 3) **«вымя»** — морд.— одар, марийск.— вадар, индоиран. *ūdhar; 4) **«боров, кабан»** (ф.уг. или ф.-волж.— oras из раннеиндоиран. vorōz(ho), др.-инд. varāhaḥ; 5) **«поросенок»** ф.-уг. (или ф.-перм.) *poršas или porcas < раннеиндоиран. *porśos — «свинья, поросенок»; 6) **«купить** — ф.-уг *wos(a), удм.— вуз — «товар», «торговля»; манс. wata-xum — купец, раннеиндоиран. *was, др.-инд. vasnam — «цена»; 7) ф.-уг. корень asyry эрзянск.— азоро — «господин», удм.— узыр «богатый», коми — озыр «богатый», манс. atar, otər — князь, инд.-иран. *asura — «сильный», «господин», авест.— ahurō, др.-инд.— asurah [86]. Эти слова вполне отражают особенности хозяйства и андроновских, и черкаскульских племен, для которых характерно было комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство и большую роль играло разведение крупного рогатого скота [16]. Особенно важны слова «кабан» и «поросенок», поскольку разведение свиньи—особенность черкаскульской культуры, отличающая ее от многих других культур эпохи бронзы, связанная с распространением этой культуры в Башкирии и Волго-Камье вдоль границы дубовых лесов [17]. В зауральских и сибирских андроновских памятниках костей свиньи нет совсем, но свинья составляла значительный процент в стаде носителей срубной культуры (в особенности в Поволжье и Приуралье — от 10,8 до 20,3%) [103, с. 29, табл. 1]. Вероятно, черкаскульское население получило свинью либо непосредственно от срубного населения, либо от того андроновского населения, которое жило в Башкирии и Поволжье в окружении срубного населения.

Приложение

СЛОВАРЬ ГИДРОНИМОВ [1]

(переводы В. И. Абаева)

Бассейн Днепра

Апажа (23) — ир.*āp* — «вода», «река»
Апака (24) — ир. *āpaka* — «прозрачный (как вода)»
Артополот (11)? [2]
Асмонь (20) — ар., др.-инд. *aśman* — ир. *asman* — «камень», «Каменка» [3]
Амонька (18) — вероятно, из «Асмонька».
Ворскла (6) — ос. *ors* «белый» + тюрк. *köl* — «рукав реки» [4]
Домоткань (5)? [5]
Есмань, Эсмань, Османь (15, 16, 20) — см. Асмонь
Рать (26) — Реут? (см. ниже)
Рашевка (7)? [6]
Реть (14, 17) — Реут? (см. ниже)
Реут (1, 21, 25) — др.-ир. *rautah* — «река»
Руд, Руда (на карте отмечены косым крестом) — из др.-ир. *rautah* «река»
Самоткань (Савоткан), Замохан (4) — ? [7]
Свапа (19) — иран. *sava-āp* — «черная река» [8]
Сев (22) — ир. sava — «черный»
Сейм (12) — др.-инд. *syāma* — «черный, темный»
Снов, Снова (13, 27, 31) — иран. *snāvā* — «шнур» (??) [9]

---

[16] Состав стада андроновского населения лесостепной и лесной зоны Зауралья и Западной Сибири (в %); крупный рогатый скот — 43, мелкий рогатый скот — 39, лошадь — 15,3, свинья — 0,2, собака — 2,5 (вычислено автором статьи по материалам публикаций 10 андроновских поселений: Замараево, Кипель, Язево I, Камышное I, Камышное II, Петровка II, Бишкуль IV, Черноозерье I, Камбулат I и II [103—105]).

[17] Состав стада черкаскульских племен (в %): крупный рогатый скот — 29,5, лошадь — 22,6, свинья — 28, мелкий рогатый скот — 16,5, собака — 3,4 (вычислено автором статьи по материалам публикаций семи черкаскульских стоянок: Черкаскуль II, Инзелга, Ахметово I, Ахметово II, Деуковская I, Атабаевская, Балымская) [106, 107].

Снопород (3) — др.-ир. *spana-rautah* — «священная река» (?) [10]
Сула (9) — тюрк. *sulau* — «водопой» [11]
Сура — др.-ир. *sūra* — «сильный» (?)
Удай (Уда) (10)
Удав (Удава) (8) } — ар., др.-инд. *uda* — «вода»
Хон (Хан) — ир. *xan* — «родник»

Бассейн Дона

Сарда (35) — ир. *sarta* «холодная»
Сердоба (37) — ир. *sarta-āp* — «холодная река»
Снова (31) — см. бассейн Днепра
Сухая Усманка (32)
Усмань (33)
оз. Усменское (36) } — см. бассейн Днепра, название Асмонь
Уды (38)—см. Уда, бассейн Днепра
Хава (Гава) (34) — ир. *gav* — «скот», «стойбище скота» [12]

Бассейн Волги

Сура (39) — см. бассейн Днепра, название Сура [13]
Обва (40) — к ир. *āp*.— (?) + коми *va* — «вода»

Зауралье

Ревда, Рефт (41) — ир. *rautah* (см. бассейн Днепра, Реут)
Решт, Решеты (41) — ир. *rasta* — «прямой» (?)
Реж (42) — ? [14]
оз. Урефты (43) — см. выше, названия Ревда, Рефт

Бассейн Оби

Аба (61) — ар., инд., ир. *āp* — «вода», «река»
Ангуреп (54) — др.-ир, *angur* «(рыболовный) крюк», *āp* — вода, «Крючковатая река»
Антроп (59) — ир. *antar-āp* — «Междуречье» (??) [15]
Бунгарап (Бенжереп) — (67, 50) — др.-ир. *bun* «дно», *gar* — «гора», «камень», *āp* — «вода», «Река с каменистым дном»
Обь (не помечено номером на карте) — к ир. *āp*
Объюл (73) — ир. *āp* + тюрк. (чулымск) *юл* («вода», «река») [16]
Сев (62) — ир. *sava* (см. бассейн Днепра)
Серта (69) — ир. *sarta* — «холодная»
Сузоп (57) ир. *sauča-āp*, перс *sūz-āb* — «горячая, (жгучая) вода» (??)
Тараба (51) — ар., ир. *tantra-āp* — «темная река» (?)
Уба (46) — к ир. *āp* (?)
Убаган (44) — см. Абакан
Убик (66)
Убиенка (70)
Убинка (47)
оз. Убинское (45) } — к ир. *āp* — (?)
Уда (49) — ар., инд., ир. *uda* — «вода»
Ур (64) — ар., ир. *uru* — «широкий» (?)
Урап (48)
Уроп (65)
Урюп (71) } — ар., ир., инд. *uru-āp* — «широкая река»
Уруна (56) — ар., ир. *uru* — «широкий»
Усманка (68) — см. бассейн Днепра, название Асмонь
Ускат (63) — авест. *uskat* — «наверху», «высоко»
Ушпа (58) — ир. *huša-āp* — «сухая река» (?)
Хараба (52) — ир. *xara-āp* — «серая (мутная) река» (?)
Шалап (53, 55, 60) — ир. *sarta*(*salta*)*-āp* — «холодная река»

Бассейн Енисея

Абакан (74) — к ир. *āpaka* — (?) (см. Апака, бассейн Днепра) [17]
Шушь (75, 76) — др.-ир. *sauša* — «сухой».
Шушул (72) — др.-ир. *sauša* — сухой» — тюрк. (чулымск.) «*ул*» — «вода», «река», «Сухая»

Примечания к Словарю гидронимов

1) Номера в скобках соответствуют номерам гидронимов в кружках на карте (рис. 1).
2) О. С. Стрижак переводит как *Arta* (древнеперсидское божество Арта) + *pord*, осет. *ford* — большая река (скифское Пората, р. Прут) [108, с. 83].
3) Этот перевод хорошо подтверждается названием речки «Каменная Осмонька» (см. [109, с. 14]).
4) О. С. Стрижак переводит как осет. *ors* — «белый» + *kŭl/kŏloe* — глубокое место в реке (осет.) — [108, с. 41].
5) О. Н. Трубачев возводит к *danu* — *xan* — «речной колодец» [54, с. 207].
6) О. С. Стрижак возводит к др.-инд. *ars*, санскр. *arsati* — «течь».
7) О. Н. Трубачев возводит к *asma* — *xan* — «каменный колодец» [54, с. 207].
8) А. И. Ященко уже обратил внимание на то, что два правых притока р. Свапы носят названия Чернь и Харасея — русская и тюркская кальки иранского названия Свапа — «черная река» [109, с. 14].
9) О. С. Стрижак возводит к др.-инд. *snauti* — «течь», «литься» [108, с. 62—63].
10) О. С. Стрижак возводит к др.-инд. *snauti* (см. предыдущее примечание); О. Н. Трубачев возводит к ср.-ир. *san* — *porata* — «стечение», «слияние» [54, с. 184].
11) О. С. Стрижак возводит к ир., авест. *sūra* — «сильный» [108].
12) На современных картах пишется «Хава». Упоминается в форме «Гава» в XVI в. [110, с. 122—123]. Вероятно, обе формы — «Хава» и «Гава» — отражают разное написание южнорусского «г», произносимого как «h». Названия Гав, Гавдере, Гавхане, Гавчешме («Бык», «Бычья река», «Бычий источник», «Бычий родник») — обычные иранские гидронимы [111, с. 48]. Есть р. Гавасай, приток Сырдарьи и поселок Гава на нем (близ г. Чуста). В бассейне Дона, куда относится р. Хава (Гава), есть реки Бык (левый приток р. Богучар) и Бычок (левый приток Дона) [112, с. 7].
13) В. И. Абаев в этой связи обратил мое внимание на эпитет Анахиты Ардви-сура; Анахиту представляли одновременно в виде женщины и реки. Есть данные, что первоначально она олицетворяла Волгу. Поэтому перевод названия крупного притока Волги Сура с иранского («сильная», «мощная») представляется весьма вероятным. Есть и другие мнения: Сура — «озеро», «пруд» [54, с. 138] (со ссылкой па Бартоломэ); Сура восходит к финно-угорскому «шур» — «река» (например, в Удмуртии), «сор» — «заболоченное место» (в Ханты-Мансийском нац. округе) [113, с. 239].
14) В. И. Абаев считает, что в иранской среде Ревд, Рефт не могло трансформироваться в Решт, Реж, но не исключает того, что эта трансформация могла произойти в финно-угорской среде.
15) Река Антроп — левый приток р. Кондомы — действительно расположена в междуречье Кондомы (путь на север) и Бии (путь на запад).
16) «Юл», «ул» — распространенное обозначение для реки в языке чулымских татар. Как показал А. П. Дульзон, это слово заимствовано чулымскими татарами из языка предшествующего, кетоязычного населения. В кетских языках слово «юл» означает «вода», «река» [70, с. 2; 114, с. 115, 116; 115, с. 160, 179].
17) Существует восточно- и среднесибирский ареал гидронима -кан, от Хабаровского края до Енисея, совпадающий с областью расселения эвенков. Ким Чер Лен предполагал тунгусо-маньчжурское происхождение этого гидронима [116, с. 147—149]. Однако гидроним Абакан находится за пределами расселения тунгусо-маньчжурских народов и не переводится с тунгусо-маньчжурских языков [68, с. 186]. А. П. Дульзон и Э. М. Мурзаев считали гидроним Абакан индоевропейским [70, с. 2; 68, с. 184—186]. Очень интересные параллели — р. Убаган, приток Тобола (рис. 1, *44*), и особенно р. Обоган в долине Ягноба (Таджикистан) [67, с. 49] позволяют предположить иранское происхождение названия Абакан.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Tallgren A.-M.* Some North-Eurasian Sculptures.— ESA, 1938, t. XII.
2. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
3. *Бернштам А. Н.* Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности.— КСИЭ, 1957, вып. 26.
4. *Смирнов К. Ф.* Проблема происхождения ранних сарматов.— СА, 1957, № 3.
5. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
6. *Литвинский Б. А.* Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г.— АРТ, 1958, вып. VI.
7. *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.* Древности Кайрак-Кумов. Душанбе: Дониш, 1962.
8. *Толстов С. П., Итина М. А.* Проблема суярганской культуры.— СА, 1960, № 1.
9. *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии.— В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964.
10. *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Наука, 1970.

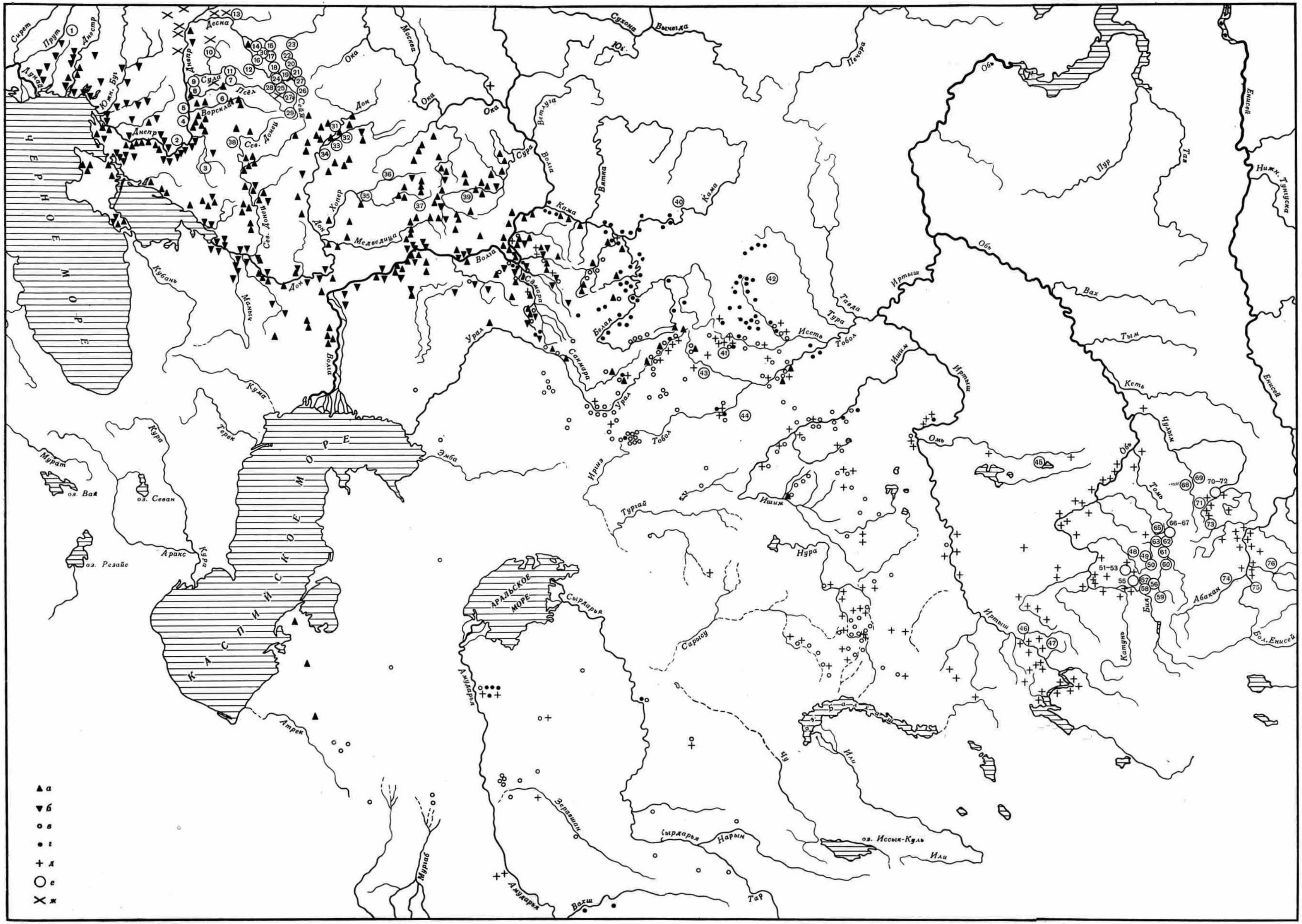


Рис. 1. Карта распространения памятников срубных, андроновских и черкаскульских. *а* — памятники раннесрубные; *б* — памятники позднесрубные; *в* — памятники андроновско-федоровские; *г* — памятники андроновско-алакульские; *д* — памятники черкаскульские; цифрами в кружках обозначены гидронимы.

Описание гидронимов на карте. *1* — Реут; *2* — Сура; *3* — Снопород; *4* — Самоткань; *5* — Домоткань; *6* — Ворскла; *7* — Рашевка; *8* — Удав (Удава); *9* — Сула; *10* — Удай (Уда); *11* — Артополот; *12* — Сейм; *13* — Снов; *14* — Реть; *15* — Есмань; *16* — Эсмань; *17* — Реть; *18* — Амонька; *19* — Свапа; *20* — Асмонь (Осмонь); *21* — Реут; *22* — Сев; *23* — Апажа; *24* — Апака; *25* — Реут; *26* — Рать; *27* — Снова; *28* — Прут; *29* — Реут; *30* — Эсмань; *31* — Снова, Богатая Снова, Кобылья Снова; *32* — Сухая Усманка; *33* — Усмань; *34* — Хава (Гава); *35* — Сарда; *36* — оз. Усменское; *37* — Сердоба; *38* — Уды; *39* — Сура; *40* — Обва; *41* — кольцо рек вокруг Свердловска: Решт, Рефт, Ревда, Решеты; *42* — Реж; *43* — оз. Урефты; *44* — Убаган; *45* — оз. Убинское; *46* — Уба; *47* — Убинка; *48* — Урап; *49* — Уда; *50* — Бенжереп; *51* — Тараба; *52* — Хараба; *53* — Шалап; *54* — Ангуреп; *55* — Шалап; *56* — Уруна; *57* — Сузоп; *58* — Ушпа; *59* — Антроп; *60* — Шалап; *61* — Аба; *62* — Сев; *63* — Ускат; *64* — Ур; *65* — Уроп; *66* — Убик; *67* — Бунгарап; *68* — Усманка; *69* — Серта; *70* — Убиенка; *71* — Урюп; *72* — Шушул; *73* — Объюл; *74* — Абакан; *75* — Шушь; *76* — Шушь. Косым крестом обозначены гидронимы Руд, Руда

11. *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья: Канд. дис.: ИА АН СССР, 1975. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2201.
12. *Генинг В. Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен.— СА, 1977, № 4.
13. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977.
14. *Стоколос В. С.* Существовал ли новокумакский горизонт? — СА, 1983, № 2.
15. *Потемкина Т. М.* Алакульская культура.— СА, 1983, № 2.
16. *Литвинский Б. А.* Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н. э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы).— В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, 1981.
17. *Грантовский Э. А.* «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы.— В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, 1981.
18. *Членова Н. Л.* Археологические материалы к вопросу о контактах финно-угров с индоиранцами.— Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979.
19. *Членова Н. Л.* О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье.— Симпозиум «Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья». Предварительные материалы. Тезисы докладов. М., 1980.
20. *Лелеков Л. А.* Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры.— В кн.: Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
21. *Алексеев В. П.* Антропология андроновской культуры.— СА, 1967, № 1.
22. *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 3. Андроновская культура на Верхней Оби.— Из истории Сибири, вып. 11. Томск, 1973.
23. *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия. М.: Наука, 1969.
24. *Грантовский Э. А.* О распространении иранских племен на территории Ирана.— В кн.: История Иранского государства и культуры. М.: Наука, 1971.
25. *Ghirshman R.* Invasions des nomads sur le Plateau Iranien aux premiers siécles du I millenaire avant J. C.— In: Dark Ages and Nomads. Istanbul, 1964.
26. *Ghirshman R.* L'Iran et la migration des indo-aryens et des iraniens. Leiden, 1977.
27. *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, 1959, № 73.
28. *Сарианиди В. И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане.— СА, 1975, № 2.
29. *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
30. *Сарианиди В. И.* Древняя Бактрия: новые аспекты старой проблемы.— В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, 1981.
31. *Хлопин И. Н.* Индоиранцы: земледельцы или скотоводы? — Вопросы истории, 1970, № 10.
32. *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья. М.: Наука, 1977.
33. *Страбон.* География в 17 книгах / Пер. Стратановского Г. А., под ред. Утченко С. Л. Л.: Наука, 1964.
34. *Мукашева Р. Р.* К вопросу о торговом пути, проходившем по территории Средней Азии в древности.— В кн.: Древний Восток и античный мир. М.: Наука, 1972.
35. *Stein A.* On River Names in the Rigveda.— JRAS, 1917.
36. *Топоров В. Н.* О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимии.— Топонимика Востока. М., 1962.
37. *Елизаренкова Т. Я.* Комментарий.— В кн.: Ригведа. Избранные гимны/Вступительная статья, перевод, комментарий Елизаренковой Т. Я. М., 1972.
38. *Бонгард-Левин Г. М.* К проблеме генезиса древнеиндийской цивилизации.— ВДИ, 1979, № 3.
39. *Мандельштам А. М.* Погребения срубного типа в Южной Туркмении.— КСИА, 1966, вып. 108.
40. *Мандельштам А. М.* Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении.— КСИА, 1967, вып. 112.
41. *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова думка, 1978.
42. *Нечитайло А. Л.* Суворовский курганный могильник. Киев: Наукова думка, 1979.
43. *Сафронов В. А.* Хронология бронзового века степных районов бассейна Кубани.— X Крупновские чтения. М., 1980.
44. *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука, 1977.
45. *Contenau G., Ghirshman R.* Fouilles du Tepe Giyan. P., 1935.
46. *Young T. C.* A Comparative Ceramic Chronology for Western Iran, 1500—500 b. c.— Iran, 1965, III.
47. *Vanden-Berghe L.* Oud Iraanse Kunst. Gent — Brussel, 1966.
48. *Бутомо С. В.* Применение радиоуглеродного метода в археологии.— В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
49. *Семенцов А. А., Романова Е. Н., Долуханов П. М.* Радиоуглеродные даты Лаборатории ЛОИА.— СА, 1969, № 1.
50. *Кузьмина Е. Е.* Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале.— Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
51. *Салтовская Е. Д.* О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Фергане.— КСИА, 1978, вып. 154.
52. *Членова Н. Л.* Распространение и пути связей древних культур Восточной Евро-

ны, Казахстана и Средней Азии в эпоху поздней бронзы.— В кн.: Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.
53. *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
54. *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. М.: Наука, 1968.
55. *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М.: Наука, 1965.
56. *Абаев В. И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов.— В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1972.
57. *Абаев В. И.* Доистория индоиранцев в свете арио-уральских контактов.— В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, 1981.
58. *Трубачев О. Н.* О синдах и их языке.— ВЯ, 1978, № 4.
59. *Трубачев О. Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье.— ВЯ, 1977, № 6.
60. *Мурзаев Э. М.* Кавказские географические термины и их параллели. В кн.: Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.
61. *Гриценко К. Ф.* Иноязычные топонимы на территории Якутии.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973.
62. *Цагаева А. Дз.* Топонимия Северной Осетии. Ч. II. Орджоникидзе: Ир, 1975.
63. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
64. *Цагаева А. Дз.* Иранские архаизмы в топонимии Северной Осетии.— В кн.: Иранское языкознание. История, этимология, типология (к 75-летию проф. В. И. Абаева). М., 1976.
65. *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923.
66. *Розенфельд А. З.* Заметки по гидронимии Юго-Восточного Таджикистана.— Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964.
67. *Хромов А. Л.* Очерки по топонимии и микротопонимии Таджикистана. Вып. 1. Душанбе, 1975.
68. *Мурзаев Э. М.* Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974.
69. *Розенфельд А. З.* Проблемы региональности и десемантизации в таджикской топонимии.— В кн.: Ономастика Средней Азии. М., 1978.
70. *Дульзон А. П.* Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения.— VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август, 1964) (брошюра). М., 1964.
71. *Членова Н. Л.* Отчет о работе Урюпского отряда Красноярской экспедиции за 1957 г. Архив ИА АН СССР, р-1, л. 2197.
72. *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
73. *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры Южной Сибири: Канд. дис.: ИА АН СССР, 1965. Архив ИА АН СССР, р-2, д. 1931.
74. *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972.
75. *Штейниц В.* Из топонимики Северного Пообья.— ВГ, 1962, вып. 58.
76. *Vasmer M.* Russisches ethymologisches Wörterbuch. Bd. II. Heidelberg, 1955.
77. *Кривощекова-Гантман А. С.* Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье.— В кн.: Географические названия Прикамья. Пермь, 1968.
78. *Гуляев В. С., Лыткин В. И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.
79. *Матвеев А. К.* Древнеуральская топонимика и ее происхождение.— ВАУ, 1961, вып. 1.
80. *Розенфельд А. З.* Гидрографические термины в топонимии Таджикистана.— ВГ, 1970, вып. 81.
81. *Хромов А. Л.* Согдийская топонимия верховьев Зеравшана.— Топонимика Востока. М., 1969.
82. *Муминов М. Т.* К вопросу об иранских элементах в субстратной топонимике Среднего Зауралья.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1969.
83. *Додыхудоев Р. Х.* Памирские этимологии.— В кн.: Иранское языкознание. История, этимология, типология (к 75-летию Абаева). М., 1976.
84. *Трубачев О. Н.* Таврские и синдомеотские этимологии.— Этимология — 1977. М., 1979.
85. Географические названия, сб. 58. М., 1962.
86. *Joki A. I.* Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973.
87. *Mikkola J.* Der Name Wolga.— FUF, 1929, Bd XX, H. 1—3.
88. *Гордеев Ф. И.* О происхождении гидронима «Волга».— Ономастика Поволжья, вып. 1, Ульяновск, 1969.
89. *Камалов А. А.* Некоторые вопросы изучения топонимики Башкирии.— Ономастика Поволжья, вып. 3. Уфа, 1973.
90. *Камалов А. А., Шакуров Р. З., Ураксин З. Г., Хисматов М. Ф.* Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980.
91. *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. Uppsala, 1955.
92. *Георгиев В. И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Изд-во иностр. лит. 1958.
93. *Булатов А. Б.* Топонимы и этнонимы Волго-Камья у Ибн-Фадлана, Идриси, на карте Каталонского атласа, Фра Мауро и на картах XVI—XVII вв.— Ономастика Поволжья, вып. 1. Ульяновск, 1969.
94. *Лыткин В. И.* К этимологии слов «угры» и «югра».— Этимология — 1968. М., 1971.
95. *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М.: Мысль, 1974.

96. *Брагинский И. С.* Из истории таджикской и персидской литератур. М.: Наука, 1972.
97. *Tomaschek W.* Ethnologisch-linguistische Forschungen über den Osten Europas. Das Ausland, 1883.
98. *Jackobsohn H.* Arier und Ugrofinnen. Göttingen, 1922.
99. *Членова Н. Л.* Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века.— В кн.: Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981.
100. *Кривощекова-Гантман А. С.* К вопросу о западносибирском компоненте в топонимике Прикамья.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973.
101. *Нешатаев Н. И.* Распространение коми-пермяцких географических названий в Пермской области.— В кн.: Географические названия Прикамья. Пермь, 1968.
102. *Никонов В. А.* Топонимы пермских языков.— В кн.: Географические названия Прикамья. Пермь, 1968.
103. *Цалкин В. И.* Некоторые итоги изучения местных костных остатков животных из раскопок археологических памятников позднего бронзового века.— КСИА, 1964, вып. 101.
104. *Смирнов Н. Г.* Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья.— ВАУ, 1975, вып. 13.
105. *Потемкина Т. М.* Культура населения Среднего Притоболья в эпоху бронзы: Канд. дис.: ИА АН СССР, 1976. Архив ИА АН СССР, р-2, д. 2208-а.
106. *Цалкин В. И.* Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье.— Основные проблемы териологии. М., 1972.
107. *Андреева Е. Г., Петренко А. Г.* Древние млекопитающие по археозоологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья.— В кн.: Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
108. *Стрижак О. С.* Назви річок Полтавщини. Київ: Вид-во АН УРСР, 1963.
109. *Ященко А. И.* Топонимика Курской области. Курск, 1958.
110. *Загоровский В. П.* Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1973.
111. *Савина В. И.* Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ирана. М.: Наука, 1971.
112. *Маштаков П. Л.* Список рек Донского бассейна. Л.: Изд-во Гос. гидрол. ин-та, 1934.
113. *Азнагулов Р. Г.* Топонимы финно-угорского происхождения в бассейне рек Самара, Сакмара, Сим.— Ономастика Поволжья, вып. 2. Горький, 1971.
114. *Дульзон А. П.* Чулымские татары и их язык.— Уч. зап. ТГПИ, 1952, т. IX.
115. *Дульзон А. П.* Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям. Уч. зап. ТГПИ, 1961, т. XIX, вып. 2.
116. *Ким Чер Лен.* Гидронимический ареал -кан в Средней Сибири.— Топонимика Востока. Новые исследования. М.: 1964.

N. L. Chlenova

ARCHAEOLOGICAL MATERIALS ON THE IRANIANS OF THE PRE-SCYTHIAN TIMES AND INDO-IRANIANS

Summary

The supposition that the Andronovo culture population were Iranians or Indo-Iranians according to their language has recently received fresh confirmations: 1) Andronovo sites have been discovered both in the southern regions, in Southern Turkmenia which lies on the road to Iran, and in the upper reaches of Amudarya, on the road to India; 2) more exact dates of Andronovo sites coincide with the appearance of the Aryans in India and Iranians in Iran; 3) scientists have established not only close affinity between the Andronovo and timber-grave culture but also the fact that both cultures overlapped, that is, the timber-grave sites are found in Western Siberia, while the Andronovo sites — in the Ukraine. The timber-grave culture population were the direct ancestors of the Iranian-speaking Scythians and their affinity and constant mingling with the Andronovo culture population support the surmise that the former were Iranians or Indo-Iranians as well; 4) it is an established fact that the northern border of the timber-grave — Andronovo sites runs in the middle Volga and the Urals regions, that is, in the area of most probable linguistic contacts with Finno-Ugrians testified to by linguists. They could have been effected by the Cherkaskul culture population; 5) the area of the timber-grave and Andronovo sites coincides with that of some Iranian hydronims. They are met with not only in the south of the European part of the USSR, but also in the south of Western Siberia, in the Ob and Enisey basins.

АЙБАБИН А. И.

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ МОГИЛЬНИКОВ КРЫМА ПОЗДНЕРИМСКОГО ПЕРИОДА

На территории Крымского полуострова известно несколько сотен погребальных сооружений позднеримского времени. До недавнего времени в археологической литературе многие из упомянутых погребений датировались III или III—IV вв., а к IV в. относили многие погребальные сооружения, которые сейчас датируют V—VII вв. Отсутствие правильных дат приводило к искаженному представлению о материальной культуре позднеантичного и раннесредневекового Крыма. А. К. Амброз установил, что погребальные сооружения IV в. четко отделяются от других по найденным в них пряжкам, фибулам, керамическим и стеклянным сосудам. Однако в работах А. К. Амброза содержится только общая характеристика памятников IV в. [1, с. 72; 2, с. 100—102]. И. П. Засецкая, В. В. Кропоткин, Н. П. Сорокина и др. высказались против предложенной А. К. Амброзом датировки V—VII вв. инвентаря некоторых крымских погребений и стеклянных сосудов с синими каплями [3, с. 5—15; 4, с. 121; 5, с. 57, 59, 63, 64, рис. 1, 2]. В данной статье предпринята попытка обосновать более детальную периодизацию погребений IV в. Решение поставленной задачи было осложнено тем, что в дореволюционных отчетах о раскопках могильников Херсонеса и Боспора не выделен инвентарь каждого погребения и нет рисунков многих находок. В настоящее время большая часть интересующего нас погребального инвентаря хранится в Эрмитаже, Историческом музее в Москве, в Керченском и Херсонском музеях в качестве беспаспортных случайных находок. В отчетах о раскопках погребений позднеримского времени, проводившихся в 1930—1960 гг. в Инкермане (в Севастополе), в Юго-Западном и Южном Крыму, отсутствуют рисунки и фотографии значительной части находок. До сих пор опубликованы только единичные комплексы или отдельные вещи из упомянутых погребений и инвентарь могильника Озерное III [6, с. 283—301; 7, с. 259—274; 8, с. 15—42; 9, с. 90—122; 10, с. 27—45; 11, с. 236—252]. Причем в одной из работ, посвященной геммам из могил, раскопанных на территории бывшего совхоза 10 (ныне совхоз «Севастопольский»), даже не указаны номера погребений, из которых происходят данные вещи [12, с. 94—100]. Некоторые находки из инкерманских могильников уже утеряны или лишены паспортов. Поэтому в настоящей статье в основном использованы материалы, содержащиеся в экспедиционных отчетах и публикациях, посвященных названным могильникам.

Для обоснования датировки интересующих нас погребальных сооружений происходящие из них вещи были скоррелированы. В корреляционной таблице (рис. 1) учтены только закрытые комплексы. В качестве таковых рассматривался инвентарь каждого погребенного или, в крайнем случае, находки из склепов, в которых находилось не более четырех скелетов взрослых. Скорее всего упомянутые склепы использовали сравнительно непродолжительное время. В таблицу не включены лепные сосуды, металлические зеркала и петли от ремня, состоящие из кольца и щитка, браслеты и некоторые стеклянные сосуды, керамические пряслица и другие вещи из скоррелированных комплексов, бытовавшие в Крыму в течение нескольких веков. Вещи, объединяющие комплексы в однородные, а значит, и одновременные группы, в дальнейшем будут называться признаками. Поскольку типология многих использованных в корреляцион-

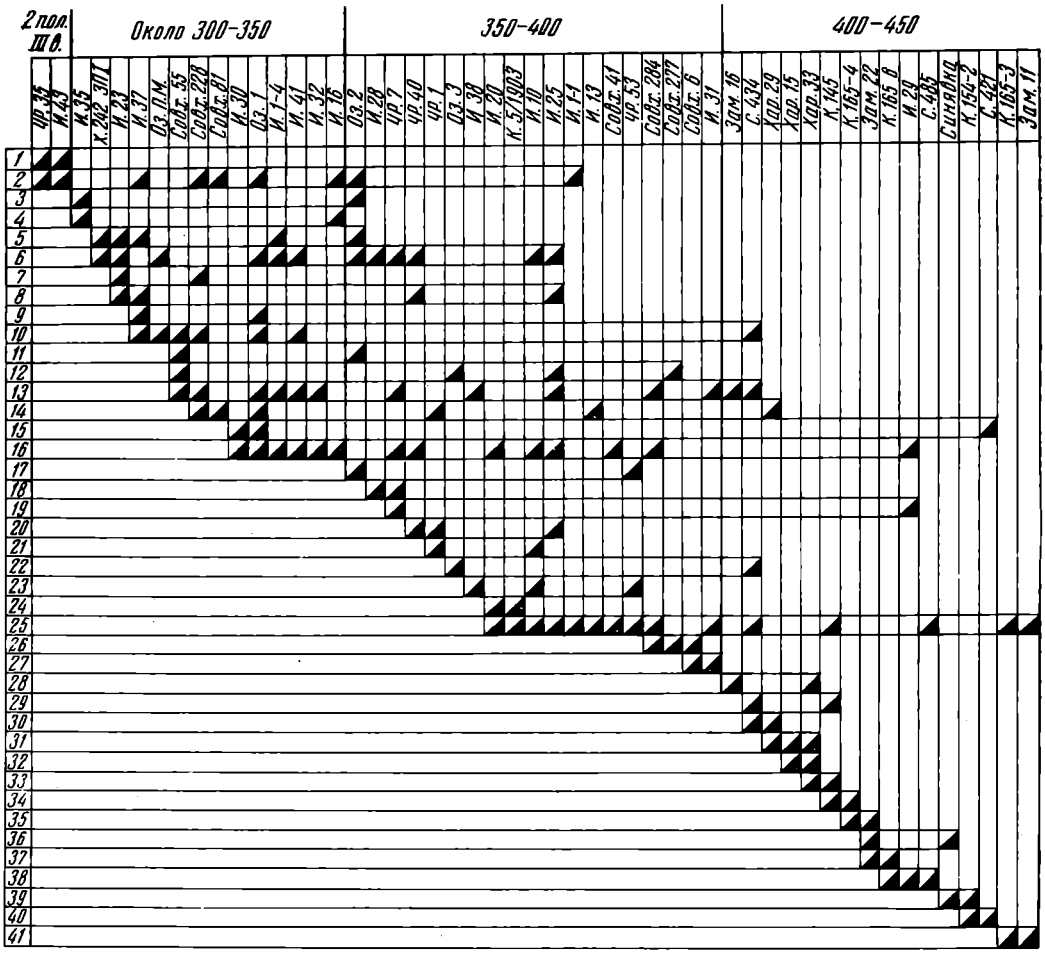


Рис. 1. По горизонтали даны номера погребальных сооружений и даты, по вертикали — номера признаков (Ч. р.— Черная речка, И — Инкерман, Х — Херсонес, з. п. — задняя полка, Оз.— Озерное III, п. м.— подбойная могила, совх.— совхоз 10, К — Керчь, Зам.— Заморское, Хар.— Харакс, С — Скалистое) 1 — рис. 2, *1*, *3*; 2 — рис. 2, *10*, *14*, *16*; 3, *18*; 3 — рис. 2, *20*; 4 — рис. 3, *1*, *14*; *5* — рис, 2, *13*; 6 — рис. 3, *28*; 7 — рис. 2, *15*; 3, *10*; 8 — рис. 2, *17*, *18*; 7, *1*, *20*; 9 — рис. 2, *19*; 10 — рис. 2, *21*; 3, *9*, *12*; 5, *16*; 11 — рис. 3, *3*; 12 — рис. 3, *5*; 7, *25*; 13 — рис. 3, *6*, *8*, *16*, *20*; 5, *5*, *8*; 14 — рис. 3, *11*; 5, *1*; 7, *7*; 15 — рис. 3, *25*; 4, *4*; 16 — рис. 3, *15*; 5, *2*; 7, *2*; 17 — рис. 6, *6*; 18 — рис. 3, *19*, *21*; 19 — рис. 3, *17*; 4, *17*; 20 — рис. 7, *5*, *6*, *21*; 21 — рис. 7, *9*; 22 — рис. 5, *15*; 23 — рис. 7, *8*, *19*; 24 — рис. 7, *10*, *11*; 25 — рис. 4, *13*; 5, *4*, *9*, *10*, *12*, *17*; 7, *13*, *16*, *17*, *22—24*; **26 — рис. 5, 7**; 27 — рис. 5, *6*; 28 — рис. 5, *19*; 29 — рис. 5, *22*; 30 — рис. 5, *18*; 31 — рис. 5, *21*; 32 — рис. 4, *1*; 33 — рис. 4, *2*; 34 — рис. 4, *6*; 35 — рис. 4, *5*; 36 — рис. 4, *10*; 37 — рис. 4, *9*; 38 — рис. 4, *14*; 6, *1*, *2*; 39 — рис. 6, *5*; 40 — рис. 5, *23*; 41 — рис. 4, *11*

ной таблице категорий вещей уже разработана [5, с. 57—67; 13—15; 16, с. 183—189; 17], то ниже приведена только их краткая характеристика. Признаки описаны по группам: изделия из металла, стекла, глины, кости и камня.

Изделия из металла. Двучленные прогнутые подвязные фибулы.

Признак 1 (рис. 1, *1*; 2, 1, *3*). Фибулы варианта 2—I/1, сделанные из узкого бронзового массивного стержня, обнаруженные в подбойной могиле 35 (Черная речка) и в ямной могиле 43 (Инкерман), по мнению А. К. Амброза, бытовали во второй половине III в. [13, с. 62, 63, табл. 11, *6*, *7*]. Одна из таких фибул обнаружена на территории совхоза 10 в могиле 8а с монетой 270—275 гг., а другая — в упомянутой могиле 35 — с монетой 238—244 гг. [9, с. 100; 13, с. 62].

Признак 15 (рис. 1, *15*; 3, *25*; 4, *4*). У бронзовых фибул варианта 2—I/3 из могилы 30 (Инкерман) [13, с. 64] и из склепа 421 (Скалистое) и у серебряной фибулы из склепа 1 (Озерное III) [11, рис. 4, *16*] ось пружины вставлена в отверстие, высверленное в узкой головке, сде-

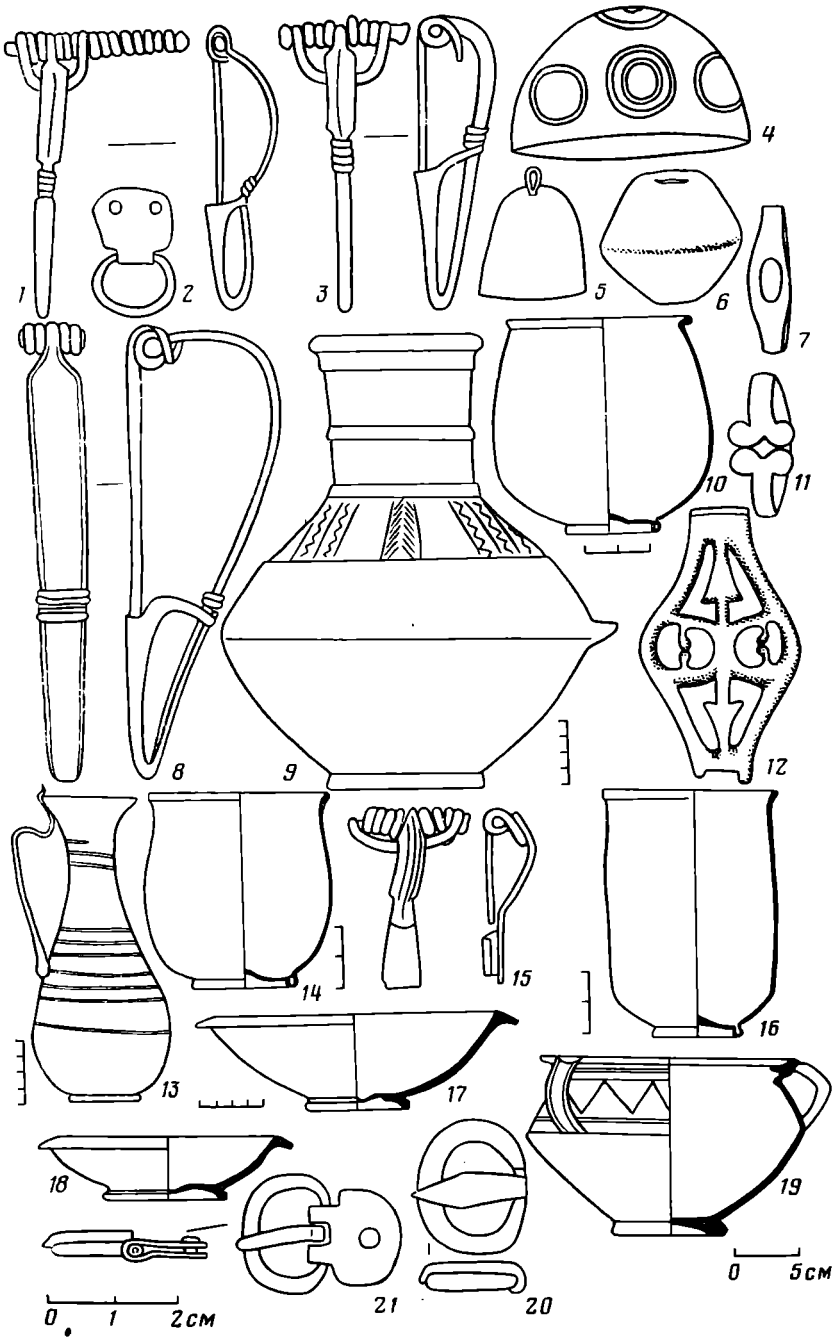


Рис. 2. *1, 2, 15—20* — Инкерман (*1, 2* — мог. 43; *15, 17* — мог. 23; *16, 18, 19* — мог. 37; *20* — мог. 35); *3—12* — Черная речка (мог. 35); *13—14* — Херсонес (склеп 242, задняя полка, захоронение 1); *21* — совхоз 10 (мог. 55). *1, 3, 4, 5, 7, 8, 11, 12, 15, 20, 21* — бронза, *2* — серебро; *6, 9, 17—19* — глина, *10, 13, 14, 16* — стекло

ланной на конце корпуса. В склепе 1 с фибулой лежала монета 305—311 гг.

К этому варианту А. К. Амброз отнес также две фибулы из Херсонеса, у которых ось пружины вставлялась в кольцо, образованное загнутым вверху концом заготовки корпуса [13, с. 64, табл. 11, 14]. Бронзовая фибула с подобной головкой найдена в могиле 55 (совхоз 10). На спинке фибулы выгравированы кресты (рис. 3, *2*). По способу крепления оси пружины перечисленные фибулы следует выделить в отдельную группу. Аналогичные двучленные прогнутые подвязные фибулы с широким кольцом для удержания оси пружины были распространены в Подунавье [18, с. 248, табл. VII, *7, 8*; 19, табл. CXI; *6*, CLIII, *4*; CLXIV, *5*]. В мо-

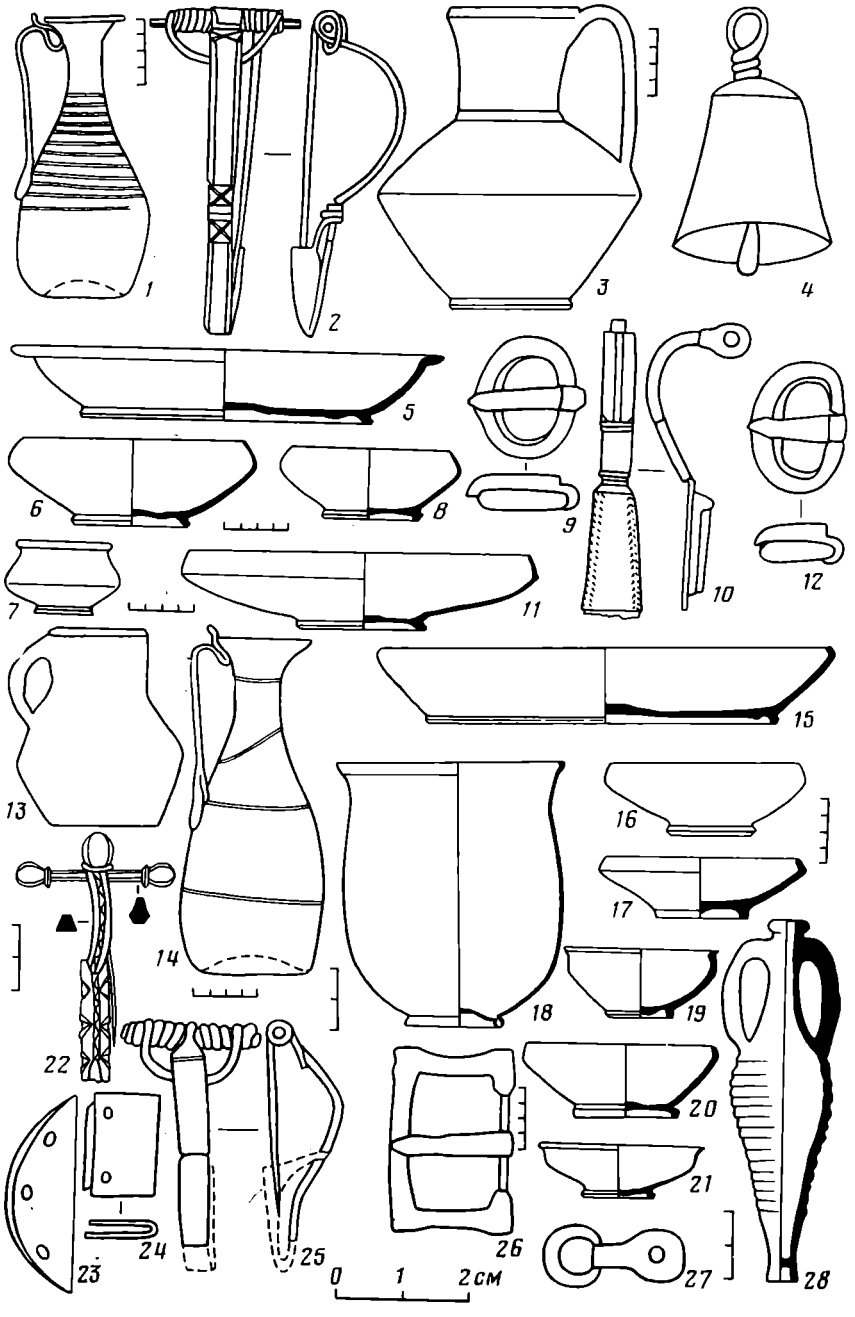


Рис. 3. *1*, *12*, *14—16*, *18*, *21—25*, *27* — Инкерман (*1* — мог. 35; *12*, *16* — мог. 41; *14*, *15*, *18*, *22* — мог. 16; *21* — мог. 28; *23—25*; *27* — мог. 30); *2—11*, *13* — совхоз 10 (*2—7* — мог. 55; *8—11*, *13* — мог. 228); *17*, *19*, *20*, *26*, *28* — Черная речка (*17*, *19*, *20*, *26* — склеп 7; *28* — склеп 40). *1*, *14*, *18* — стекло; *2*, *4*, *9*, *10*, *12*, *22*, *25—27* — бронза, *23*, *24* — серебро; *3*, *5—8*, *11*, *13*, *15—17*, *19—21*, *28* — глина

гиле 55 (совхоз 10) упомянутая фибула датируется по монете 305—311 гг. [20, с. 13, 14].

Признак 28 (рис. 1, *28*; 5, *19*). Бронзовые фибулы из гладкой пластины варианта 2—I/2—3 [7, с. 269—272, рис. 10, *8*; 13, с. 66] обнаружены в Хараксе и Заморском [10, рис. 12, 15, 19].

Признак 7 (рис. 1, *7*; 2, *15*; 3, *10*). Бронзовые двучленные воинские фибулы с расширенной ножкой из подбойных могил 23 (Инкерман) и 228 (совхоз 10) следует включить в выделенную А. К. Амброзом подгруппу 17—2 [13, с. 71, табл. 10, 17]. Спинки фибул фасетированы. На фибуле из совхоза 10 спинка украшена гравированными параллельными линиями, а края ножки — пунсонными штришками и точками. Нижний

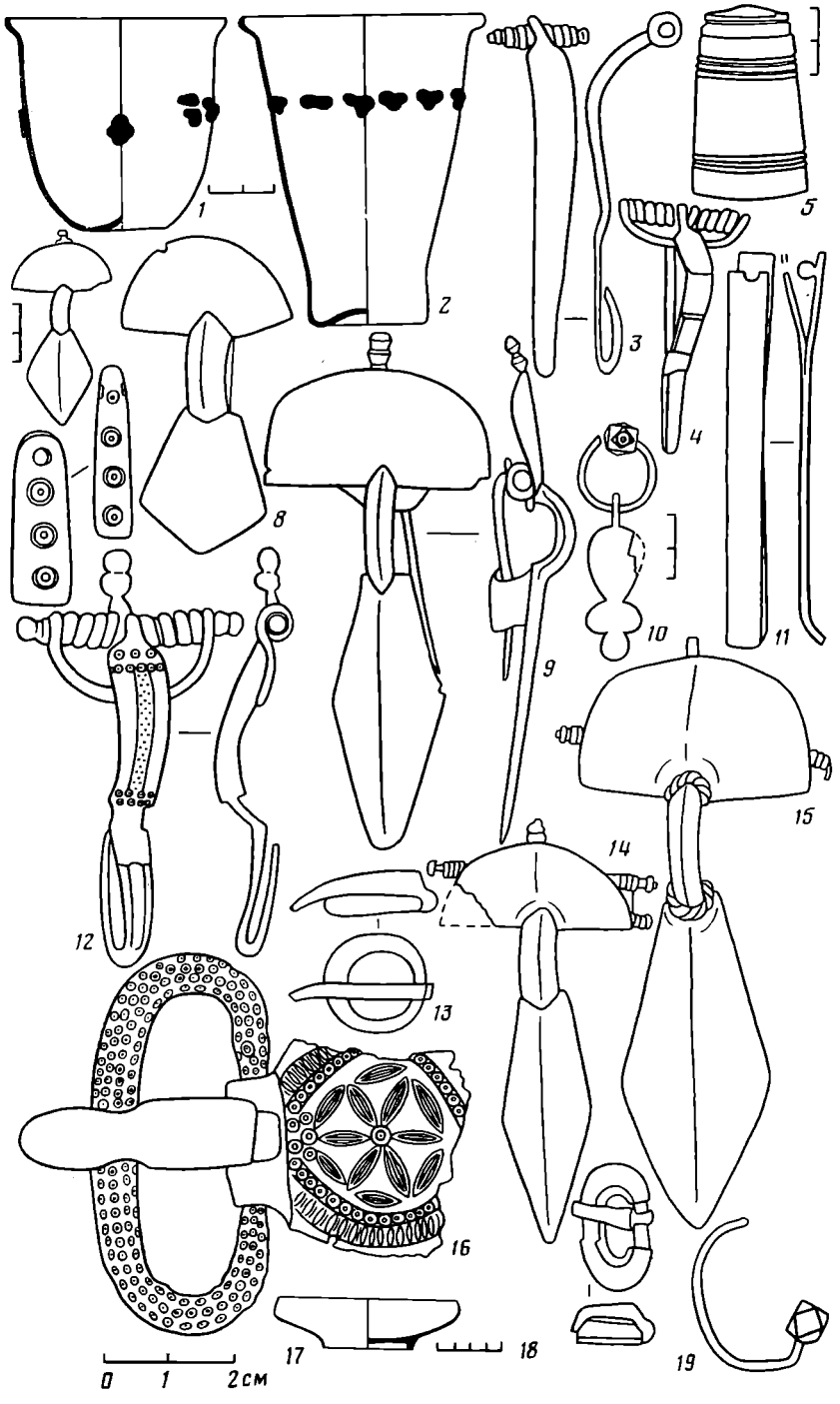


Рис. 4. *1—3* — Харакс (*1*, *2* — мог. 33; *3* — мог. 24); *4*, *7*, *8*, *12*, *13*, *15* — Скалистое (*4*, *7*, *8*, *12*, *15* — склеп 421; *13* — склеп 485); *5*, *9—11* — Заморское (*5*, *9*, *10* — мог. 22; *11* — мог. 11); *6*, *16*, *18*, *19* — Керчь (*6* — склеп 145; *16* — склеп 154, захоронение 2; *18*, *19* — склеп 78, захоронение 7); *14*, *17* — Инкерман (мог. 29). *1*, *2* — стекло, *3*, *4*, *10—13*, *19* — бронза, *16* — бронза с позолотой, *6*, *8*, *9*, *14*, *15*, *18* — серебро, *5*, *7* — кость

край ножки обломан. Подобные фибулы известны в погребениях черняховской культуры [13, с. 71; 21, с. 108, 114, рис. 1, *7*, *8*].

Учтенные в корреляционной таблице двупластинчатые фибулы вариантов I БА, I ББ А. К. Амброз датирует IV — началом V в.. а фибулы вариантов II АА И II АБ — V в. [13, с. 82, 83, 88, 91].

Признак 34 (рис. 1, *34*; 4, *6*). Серебряные двупластинчатые фибулы варианта I ББ происходят из керченских склепов 145 и 165 (захоронение 4). Время бытования фибул определяется по индикациям монет

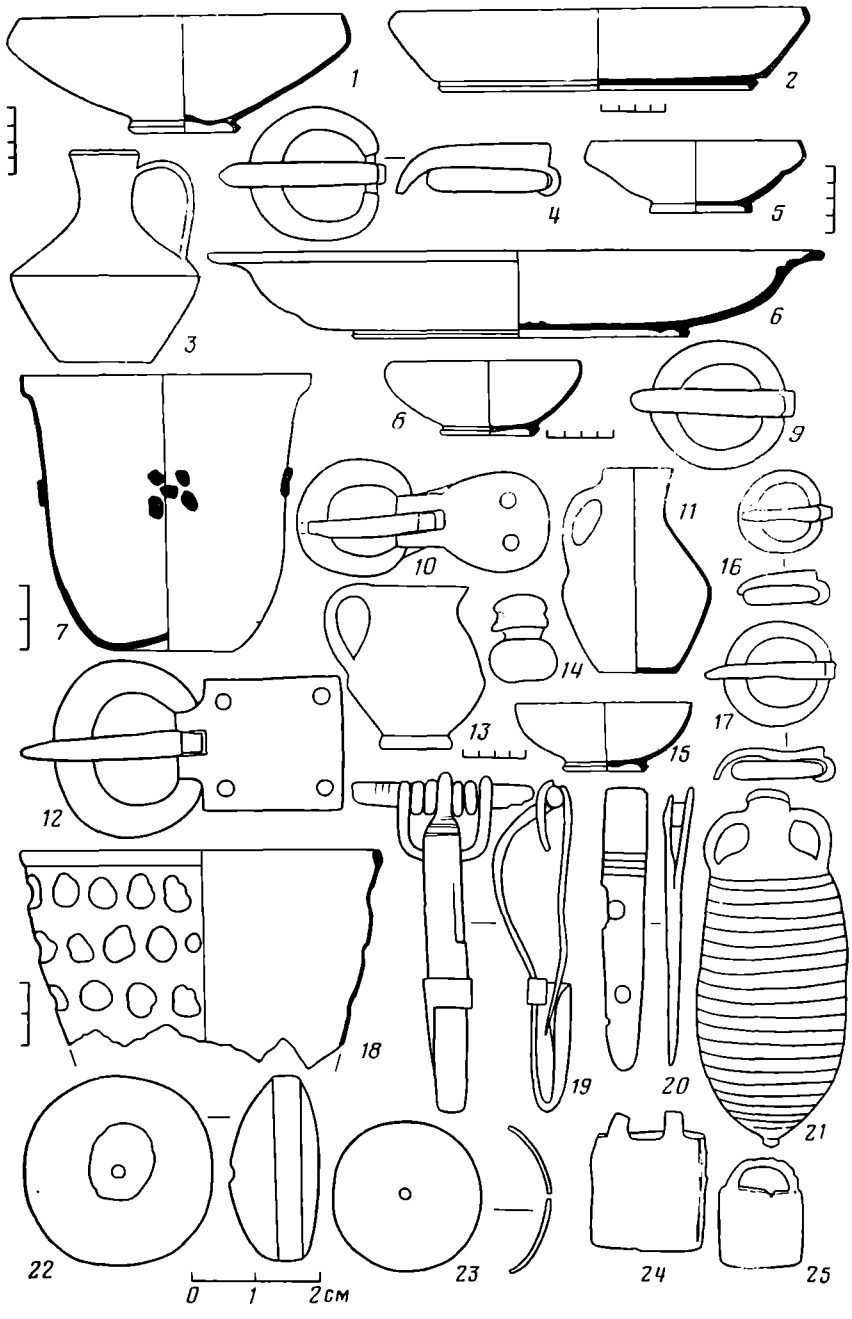


Рис. 5. *1*, *5*, *6*, *9—12* — Инкерман (*1* — мог. 13; *5*, *6*, *9—12* — склеп 31); *2—4*, *7*, *8* — совхоз 10 (*2*, *3* — мог. 41; *4*, *8* — мог. 284; *7* — склеп 6); *13—18*, *22*, *23* — Скалистое (*13—18*, *22* — склеп 434; *23* — склеп 421); *19—21*, *24*, *25* — Харакс (*19*, *21* — мог. 29; *20* — мог. 33; *24*, *25* — мог. 28). *1*, *2*, *3*, *5*, *6*, *8*, *11*, *13*, *15*, *21* — глина, *4*, *9*, *10*, *12*, *19*, *20*, *23* — бронза, *16—17* — серебро, *24*, *25* — железо, *7*, *18* — стекло, *14* — янтарь, *22* — халцедон

375—394 гг. и вещам первой половины V в. из склепа 145 [2, с. 102, 103; 3, рис. 1, *1—5*; 2, *4—6*; 3, *9*; 4, *1—12*; 5, с. 94, рис. 44; 13, с. 83, рис. 4, 12].

Признак 38 (рис. 1, *38*; 4, *14*, 6, *1*, *2*). Серебряные двупластинчатые фибулы из могилы 29 (Инкерман) из склепа 485 (Скалистое) и из захоронения 6, зачищенного в склепе 165 (Керчь), можно причислить к варианту I БА [3, с. 16, рис. 2, *21*; 8, рис. 10, *2*; 13, с. 83].

Признак 37 (рис. 1, *37*; 4, *9*). Серебряные двупластинчатые фибулы варианта II АА из керченского склепа 165 (захоронение 6) и из могилы 22 (Заморское) датируются по содержавшимся в последней вещам первой половины V в. [3, с. 16, рис. 2, *24*; 10, рис. 12, 14, 16; 13, с. 83; 22, с. 325].

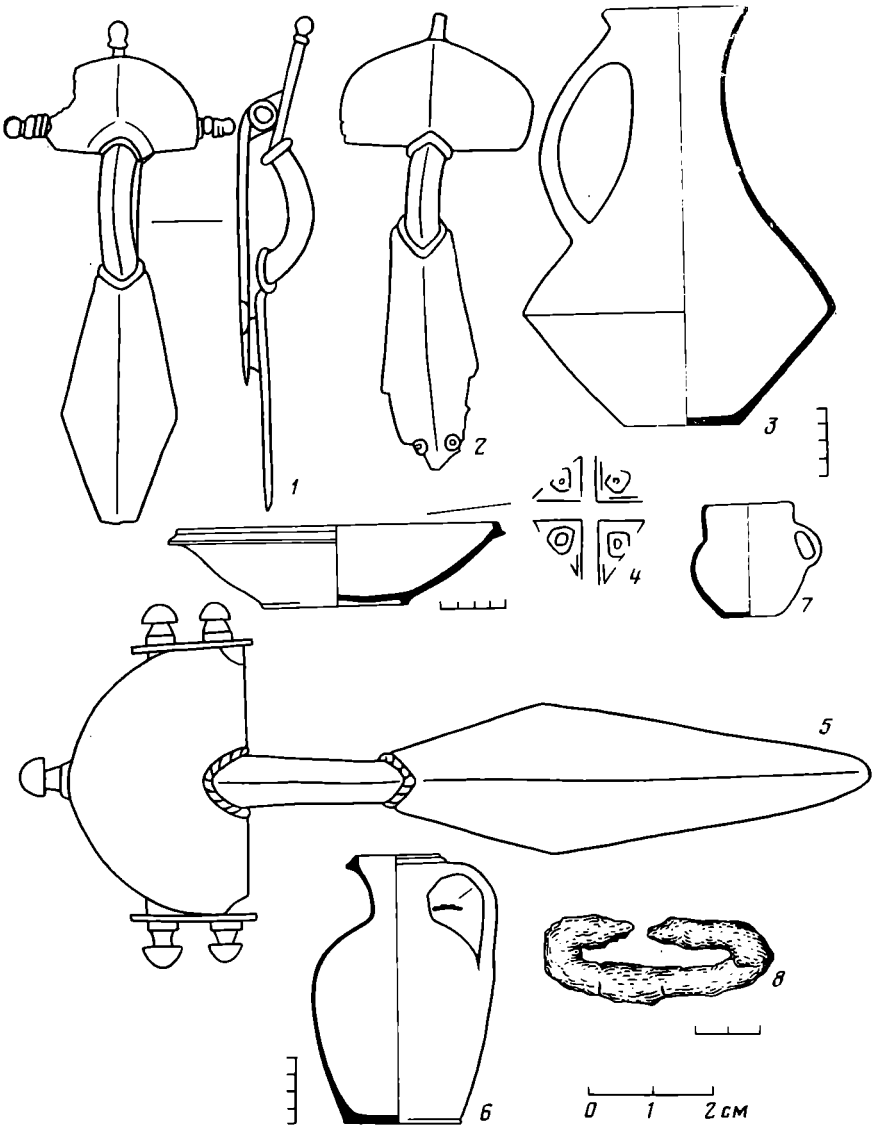


Рис. 6. *1—3* — Скалистое (*1*, *2* — склеп 485; *3* — склеп 421); *4*, *5* — Керчь (*4* — мог. 19; *5* — склеп 154, захоронение 2); *6—8* — Черная речка (склеп 53). *1*, *2*, *5* — серебро; *3*, *4*, *6*, *7* — глина, *8* — железо

Признак 39 (рис. 1, *39*; 6, *5*). Серебряные двупластинчатые фибулы варианта II АБ находились в могиле, раскопанной в Синявке [23, с. 238, 239, рис. 1, *2*], с вещами конца IV — первых десятилетий V в., а в захоронении 2 в керченском склепе 154 — вместе с золотым венком и индикацией монеты 364—375 гг. и с бронзовой позолоченной пряжкой с овальным кольцом, выступающим за него загнутым язычком и округлым щитком [3, с. 16, рис. 2, *8*, *15*; 3, *21*, *22*; 13, с. 87]. Кольцо декорировано точечными углублениями. Щиток украшен врезным орнаментом (рис. 4, *16*). В Танаисе щиток однотипной пряжки извлечен из слоя IV—V вв. [24, с. 123, рис. 61]. Подобные пряжки из Подунавья Д. Чаллань относил к гунскому времени — 420—454 гг. [25, с. 121, 234, 244, табл. CCXV, *11*, CCVII, *3*, CCXVIII, *6*]. В Баварии и в Подунавье в погребениях первой половины V в. были распространены оковки ремня с декором, аналогичным орнаментации керченской пряжки [26, с. 72, 73, рис. 24, *2*, табл. 13, *8*; 27, с. 77, рис. 41, *1*; 28, с. 248, рис. 12]. Вероятно, фибулы варианта II АБ вошли в моду в Крыму в первой половине V в.

Скоррелированные бронзовые и серебряные пряжки по форме кольца и язычка разделены на три варианта.

Признак 3 (рис. 1, *3*; 2, *20*). У пряжек первого варианта передняя часть овального кольца отлита более массивной. Язычок сделан из плоской проволоки, перегнутой вокруг тыльной стороны кольца. Острый край язычка слегка загнут [8, с. 24, 25; рис. 9, *5*; 11, рис. 6, *19*]. Однотипные пряжки хранятся в фондах Херсонесского музея. Одна из упомянутых пряжек встречена в склепе 2 в Озерном с монетой 308–324 гг. [11, с. 245]. В погребении 14 (Бельбек III) подобная пряжка находилась вместе с краснолаковым кувшином III в. [29, с. 35, 53, рис. 6–8]. Как мы видим, рассматриваемые пряжки находились в употреблении в III – первой половине IV в.

Признак 10 (рис. 1, *10*; 2, *21*; 3, *9*, *12*; 5, *16*). У пряжек второго варианта острый край язычка или не выступает за овальное кольцо, или слегка загнут за кольцо. Сзади язычок ступенчато срезан. У многих пряжек имеется щиток, сделанный из пластины, перегнутой пополам вокруг тыльной стороны кольца [3, рис. 3, *48–51*, *54*; 11, рис. 1, *11*, 4, *1–5*; 30, рис. 7]. В скалистинском склепе 434 пряжка данного варианта обнаружена среди разбросанных на полу камеры костей не менее четырех человек и вещей второй половины IV – первой половины V в. (рис. 5, *17*, *18*, *22*; 1, *10*, *29*, *30*). По монетам 305–311 гг. из могилы 55 (совхоз 10) [20, с. 14, 181], 306–337 гг. из могилы 37 (Инкерман) [8, с. 19] и из склепа 1 (Озерное III [11, с. 241] пряжки второго варианта следует отнести в основном к первой половине IV в.

Признак 25 (рис. 1, *25*; 5, *4*, *9*, *10*, *12*, *17*; 7, *13*, *17*, *22–24*]. У пряжек третьего варианта [3, рис. 3, *1*, *2*, *4*, *7*, *39*, *42*, *43*, *45*; 6, с. 289; 10, рис. 12, *1*, *6*, *7*; 31, с. 63, 64, рис. 2] загнутый острый край язычка выступает за кольцо. У многих пряжек кольцо не овальное, а круглое. О времени бытования этих пряжек можно судить по монетам середины IV в. из могилы 41 (совхоз 10) и 379–395 гг. из инкерманского склепа 31 [8, с. 37] и вещам первой половины V в. из керченского склепа 145 [3, с. 11–14; 2, с. 102, 103] и погребения, раскопанного в Беляусе [32, с. 60, рис. 3, 4, 5]. В чернореченском склепе 53 кольцо бронзовой пряжки (рис. 7, *12*) найдено с двумя серебряными монетами Валента 364–378 гг.[1] с отверстиями в центре, которые В. П. Бабенчиков принял за дисковидные пластинки [9, с. 118].

В Крыму пряжки двух последних вариантов встречены и в погребениях, не включенных в корреляционную таблицу (рис. 7, *15*, *14*) [8, с. 28, 29; 10, рис. 12, *1–10*, *11–13*; 15, рис. 5, *1*; 6, *1*; 33, рис. 47; 34, рис. 18; 35, рис. 135, *4–6*, *11–13*]. За пределами Крыма подобные пряжки были особенно широко распространены на территории, занятой черняховской культурой [19, табл. CLXI, CLXII; 36, рис 16, *1–29*, *31–38*, *40–42*, *45–51*, *56–60*; 37, рис. на с. 271, 2, *3*]. Они также найдены в Фанагории [38, рис. 5, *14–17*], на Кавказе [39, рис. 5, *11*; 2, табл. 1, *9*] и в погребениях вельбарской и пшеворской культур [40, табл. IV, *3*, *7*, IX, *11*, *12*, *14*, *15*].

Признак 40 (рис. 1, *40*; 5, *23*). Бронзовая штампованная выпуклая бляшка найдена на тазе скелета 3 в склепе 421 в Скалистом [41, с. 292, 293], а аналогичные золотые бляшки – в захоронении 2 в склепе 154 в Керчи [3, с. 16, рис. 2, *14*]. В скалистинском склепе 421 среди костей двух взрослых и двух подростков найдены также две серебряные двупластинчатые фибулы вариантов I АА и I АБ и бронзовая двучленная подвязная фибула с декоративной кнопкой на головке варианта 2–III/1 (рис. 4, *8*, *12*, *13*) [13, с. 67, 83]. На широкой пластинчатой спинке фибулы варианта 2–III/1 вырезаны кружки. Однотипные фибулы происходят из Танаиса [42, с. 261, табл. VIII, *1*; 43, с. 325], Брест-Тришина [44, табл. VIII, *8а*], с территории Греции и Юго-Восточной Прибалтики. По предположению А. К. Амброза, фибулы с кнопкой попали в Причерноморье в IV в., из Юго-Восточной Прибалтики [42, с. 261]. Две двупластинчатые фибулы варианта I АА извлечены вместе с вещами первой половины V в. из двух склепов, разграбленных в Керчи 24 июня 1904 г.

[1] Монеты определены В. А. Сидоренко.

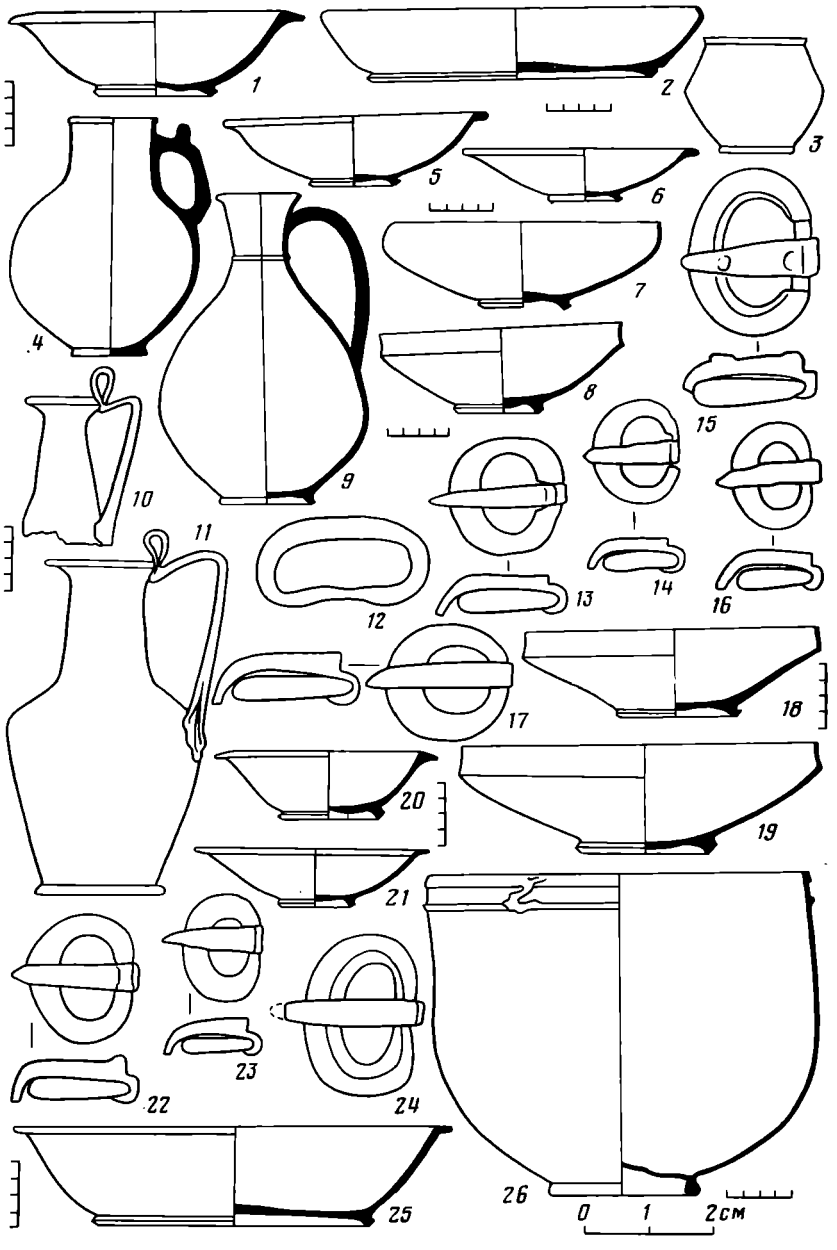


Рис. 7. *1—7*, *9*, *12*, *18* — Черная речка (*1*, *2*, *4*, *5* — склеп 40; *3*, *6*, *7*, *9* — мог. 1; *12*, *18* — склеп 53); *8*, *10*, *16*, *17*, *19—23*, *25*, *26* — Инкерман (*8* — мог. 38; *10*. *16* — мог. 20; *17*, *20*, *21*, *25* — склеп 25; *19*, *22*, *26* — склеп 10; *23* — мог. 13), *11*, *13* — Керчь (мог. 5, раскопки 1903 г.); *14*, *15* — Харакс (*14* — мог. 16; *15* — мог. 17); *24* — совхоз *10* (мог. 41). *1—9*, *18—21*, *25* — глина, *10*, *11*, *26* — стекло, *12—17*, *22—24* — бронза

[13, с. 33; 45, рис. 32]. Двупластинчатые фибулы варианта I АБ обнаружены в Керчи в «Новиковском» склепе с вещами первой половины V в. [13, с. 102, 103; 46, рис. 2]. Приведенные факты дают основание датировать рассматриваемые штампованные бляшки первой половиной V в.

Признак 41 (рис. 1, *41*; 4, *11*). У бронзовых поясных наконечников из могилы 11 (Заморское) и захоронения 3 в склепе 165 (Керчь) на верхнем конце пропилена щель для крепления ремня. Нижний конец наконечника загнут [3, с. 16, рис. 3, *46*; 10, рис. 4, *20*]. По находившемуся в упомянутом керченском захоронении обломку двупластинчатой фибулы смолинского типа наконечники с загнутым нижним концом можно отнести к первой половине V в. [3, с. 16, рис. 2, *23*; 13, с. 86].

Признак 36 (рис. 1, *36*; 4, *10*). Серьги с 14-гранником, аналогичные

золотым серьгам из Синявки [23, с. 239, рис. 2, *1*] и бронзовым серьгам из могилы 22 (Заморское), найдены в Крыму не только с вещами первой половины V в. [3, рис. 2, *39*; 10, рис. 4, *18*] (рис. 4, *5*, *9*; 1, *35*. *37*), но и с фибулами второй половины V в. в склепе 190 в Скалистом [47, рис. 1, *1*, *3*, с. 31, 32], с пряжкой первой половины VII в. в захоронении 7 в склепе 78/1907 (рис. 4, *18*, *19*) и с краснолаковой миской (рис. 6, *4*) VI — первой половины VII в. [48, с. 335—338, рис. 68, *28*] в могиле 19 в Керчи [49, с. 50].

Изделия из стекла. Признак 2 (рис. 1, *2*; 2, *10*, *14*, *16*; 3, *18*). Стаканы из голубоватого или зеленоватого стекла с отогнутым обработанным верхним краем, со слегка расширяющимся и закругляющимся книзу туловом и с полым кольцевидным поддоном (высота 8,2—9,2 см) входят в состав девяти скоррелированных комплексов [6, с. 289; 8, рис. 5, *8*, *9*; 9, рис. 4, *9*; 11, рис. 3, *е*, *ж*; 16, с. 186, 187, рис. 2, *8*; 30, рис. 5]. Стаканы этого типа принято датировать IV — началом V в. [16, с. 187; 50, с. 77, рис. 1, *1*]. Донца отнотипных стаканов были обнаружены в подвале херсонесского дома вместе с остатками стеклоделательной мастерской, функционировавшей в IV в. [51, с. 81—84, рис. 23, *а*, *б*]. Видимо, изделием городской мастерской является стакан из херсонесского склепа 242/1914 [34, с. 252, рис. 13, *3*]. В Крыму во многих могилах помимо подобных стаканов имелись монеты первой половины IV в. [7, с. 266; 8, с. 19; 11, с. 243, 245; 16, с. 186]. В захоронении 1 в склепе (Инкерман) один из упомянутых стаканов найден вместе с пряжкой второй половины IV—V вв. (рис. 1, *2*, *25*).

Признак 30 (рис. 1, *30*; 5, *18*). Стакан из зеленоватого стекла из могилы 29 [16, с. 184, рис. 2, *10*] (Харакс) и верхняя часть стакана из склепа 434 (Скалистое) орнаментированы шлифованными углублениями — «сотами». Фрагмент стакана из Скалистого по декору близок стаканам из Цебельды [50, с. 75, рис. 2, *3*], из погребения второй половины V—VI в., из мастерской III—IV вв., раскопанной в с. Комаров [52, с. 110, рис. 72, *2*], из Раденска (Херсонская обл.) [16, рис. 2, *17*] и из Подунавья [52, рис. 9]. Северопричерноморские и придунайские стаканы с сотами обычно датируют второй половиной IV — первой половиной V в. [5, с. 61; 53, с. 71].

Признак 26 (рис. 1, *26*; 5, *7*). Орнаментированные синими каплями стаканы варианта ІД (по типологии Н. П. Сорокиной) имеются в составе трех комплексов [15, с. 89, рис. 1, *5*]. В могиле 284 (совхоз 10) лежала также пряжка второй половины IV—V в. (рис. 5, *4*).

Признак 32 (рис. 1, *32*, 4, *1*). Декорированные синими каплями стаканы варианта ІБ [16, с. 183, рис. 2, *1*, *2*] из могил 15 и 33 (Харакс) аналогичны найденным в Паннонии в могилах конца IV — начала V в. [54, с. 39, рис. 7, *1*, *2*; 4, *1*; 6, *2*] и в Галлии в погребении с монетой 392—394 гг. [27, с. 137, 150, 315, 316, табл. 122, *15*]. При определении времени совершения захоронения в могиле 33 в Хараксе необходимо учитывать происходящий из нее бронзовый наконечник ремня, декорированный при отливке четырьмя линиями. Боковые края наконечника фасетированы, а в его верхней части пропилена щель для крепления на ремне (рис. 5, *20*). Однотипные наконечники, но с более сложным декором, обнаружены на территории ФРГ и Бельгии и в погребениях первой половины V в. [27, с. 76, 278, 291, текстовая табл. B, 33, табл. 77, *5*, 91, *3*]. Неорнаментированные наконечники этого типа бытовали в Крыму и во второй половине V — первой половине VI в. [47, с. 32, рис. 1, *8*, *9*, *14*]. Скорее всего могила 33 в Хараксе датируется первой половиной V в.

Признак 33 (рис. 1, *33*; 4, *2*). Стаканы с синими каплями II типа входят в состав комплексов первой половины V в. из могилы 33 в Хараксе [16, с. 183, рис. 2, 3] и из керченского склепа 145 [3, рис. 1, *6*].

Признак 4 (рис. 1, *4*; 3, *1*, *14*). Кувшины из голубоватого стекла с сильно отогнутым венчиком, расширяющимся книзу туловом, вогнутым внутрь дном и ручкой, выступающей завитком над венчиком, декорированы спирально наложенной стеклянной нитью. Высота кувшинов 20 см.

Один из кувшинов находился в могиле 35 в Инкермане [8, рис. 5, *5*] с пряжкой III — первой половины IV в. (рис. 1, *2*; 2, *20*).

Признак 5 (рис. 1, *5*; 2, *13*). Кувшины из тонкого голубоватого стекла с отогнутым венчиком, расширяющимся кверху горлом, округлым туловом, с плоским дном и кольцевидным поддоном, с плоской реберчатой снаружи ручкой, выступающей завитком над венчиком, декорированы накладной стеклянной нитью. Наибольшая высота сосудов 19,5 см. Такие кувшины найдены в захоронении 1, зачищенном на задней полке в склепе 242 в Херсонесе [34, рис. 13, *1*], в могилах 23, 37 [8, рис. 5, *4*] и в захоронении 4 в склепе 1 [6, с. 291] в Инкермане, в склепе 2 в Озерном [11, рис. 6, 11] и в могиле 17 в Тиритаке [55, с. 84, рис. 123]. По форме и декору перечисленные сосуды близки кувшинам второй половины III в. из Кельна [56, с. 28, табл. 29; 57, с. 37, 67, 70, 71, табл. 6, *9*, *100*, *103*, *105*]. Время бытования однотипных крымских кувшинов определяется монетой 306—337 гг. из инкерманской могилы 37.

Признак 24 (рис. 1, *24*; 7, *10*, *11*). Кувшин из тонкого голубоватого стекла с расширяющимся книзу горлом и с сужающимся книзу туловом на кольцевидном поддоне и с широкой реберчатой ручкой, выступающей завитком над венчиком, найден в 1903 г. в Керчи в могиле 5 [31, с. 63, 64, рис. 2, 3] с пряжкой второй половины IV—V в. (рис. 7, *13*), а обломки аналогичного кувшина — в Инкермане в могиле 20 с однотипной пряжкой (рис. 7, *16*).

Изделия из глины. Амфоры. Признак 6 (рис. 1, *6*; 3, *28*). Амфоры светлоглиняные с узким горлом, профилированными ручками, с узким коническим туловом, покрытым легким рифлением, и с цилиндрической ножкой входят в состав 12 скоррелированных комплексов [6, с. 292—294, рис. 4, *7*; 8, рис. 15, *12—14*, 20, *1—5*; 9, рис. IV, *3*; 11, рис. 1, *7*, 5, *5*, *6*; 6, *3*]. Д. Б. Шелов причислил эти амфоры к типу F. По его мнению, амфоры данного типа характерны для погребений конца III—IV в. [17, с. 19, 20, рис. 10]. По монетам и вещам из состава перечисленных крымских комплексов амфоры типа F можно отнести к IV в. (рис. 1, *7*). В Нижнем Подунавье однотипные амфоры характерны для черняховских погребений IV в. [58, с. 269, 270, рис. 1, 2].

Признак 31 (рис. 1, *31*; 5, *21*). Амфоры красноглиняные с широким горлом и венчиком, отогнутым в виде валика, с цилиндрическим рифленым туловом, завершающимся конусовидной ножкой, с небольшими профилированными ручками содержались в трех скоррелированных погребениях из Харакса — 15, 29, 33. Однотипные амфоры обнаружены также в могилах 3 и 8 в Хараксе [*7*, рис. 8, *1*; 9, *5—7*; 13, *2*, *3*]. Аналогичная амфора лежала вместе с амфорами IV и V вв. на полу дома, раскопанного в Тире [59, с. 23, 30, 31, 40, рис. 3, *1*; 4, 5; 6, *2г*; 7, *1*; 60, с. 9, рис. 1, 2]. Подобную амфору из Суджи А. Л. Якобсон датирует первой половиной V в. [60, рис. 1, 5; с. 9, 10].

Краснолаковая керамика. Признак 8 (рис. 1, *8*; 2, *17*, *18*; 7, *1*, *20*). Миски с широким отогнутым вниз бортиком, закругленной стенкой, покрытые тусклым красным лаком, найдены в могилах 23, 37 и в склепе 40 (Черная речка) с монетами, пряжкой, фибулой и стеклянным кувшином первой половины IV в. (рис 2, *15*, *17*, *18*), светлоглиняными узкогорлыми аморфами IV в. (рис. 3, *28*) и пряжками второй половины IV в. (рис. 7, *17*).

Признак 20 (рис. 7, *5*, *6*, *21*; 1, *20*). Миски из склепа 40 и могилы 1 (Черная речка) и из склепа 25 (Инкерман) отличаются от описанных выше горизонтально отогнутым бортиком. Наибольшая высота мисок 3,8 см, диаметр венчика 15 см [8, с. 22, рис. 7, 9].

Признак 18 (рис. 1, *18*; 3, *19*, *21*). Миски с горизонтально отогнутым наружу верхним краем вертикального бортика, с косой стенкой и кольцевидным поддоном, покрытые тусклым красным лаком, извлечены из склепа 7 (Черная речка) и из могилы 28 (Инкерман). Высота мисок 3,5 см, диаметр верхнего края 10,3 см [8, рис. 7, 12].

Признак 13 (рис. 1, *13*; 3, *6*, *8*, *16*, *20*; 5, *5*, *8*). Миски с закругленным бортиком, с наклоненной под острым углом стенкой и кольцевид-

ным поддоном неравномерно покрыты красным или коричневым, или бурым с коричневыми пятнами лаком. Высота их 3,4—4,5 см, диаметр верхнего края 11,4—15 см. Рассматриваемые миски происходят из 13 скоррелированных могил [6, с. 291; 8, с. 36—37, рис. 7, 7[2]; 10, с. 35, рис. 5, *2*; 11, с. 242, рис. 5, *11*]. Напомним, что в некоторых упомянутых погребальных сооружениях находились монеты первой половины IV и конца IV в. и вещи первой половины V в. (рис. 1, *13*).

Признак 14 (рис. 1, *14*; 3, *11*; 5, *1*; 7, *7*). Миски с наклоненным внутрь верхним бортиком, косой стенкой и кольцевидным поддоном, покрытые темно-красным или бурым лаком, имеются в составе шести комплексов [11, с. 242, 244, 245, рис. 5, *1*, *17*]. Высота мисок 5,5—7,4 см, диаметр верхнего края 16,4—20,8 см. По монетам и вещам из этих комплексов миски данного типа датируются IV — первой половиной V в. (рис. 3, *9*, *11*; 5, *4*, *19*, *21*; 7, *23*). Близкие по форме миски встречены также в слоях поселений и в погребениях III в. Однако у ранних мисок верхний край прямой или слегка закруглен, высота меньше, а диаметр верхнего края больше [61, рис. 29, *5*; 30, *4*, с. 113, 114].

Признак 22 (рис. 1, *22*; 5, *15*). Миски с прямым верхним бортиком, закругленной стенкой, с кольцевидным поддоном, неравномерно покрытые плохим красным лаком, обнаружены в склепах 3 [11, с. 247, рис. 7, 8] (Озерное III) и 434 (Скалистое). Высота мисок 4,5 см, диаметр верхнего края 10,5 см. Время бытования мисок определяется по пряжкам и стеклянному сосуду IV — первой половины V в. из скалистинского склепа 434 (рис. 5, *17*, *18*; 1, *22*).

Признак 23 (рис. 1, *23*; 7, *8*, *19*). Миски с чуть вогнутым верхним бортиком, слегка закругленной стенкой и кольцевидным поддоном, неравномерно покрытые бурым лаком, найдены в Инкермане (склеп 10) с пряжкой второй половины IV—V в. (рис. 7, *22*) и в подбойной могиле 38. Высота мисок 6,7 и 5,5 см, диаметр верхнего края 22 и 15,8 см [8, с. 24, 34, рис. 7, *5*]. В склепе 53 (Черная речка) однотипная миска (рис. 7, *18*) — высота 6 см, диаметр венчика 18,7 см, обнаружена вместе с краснолаковым кувшином (рис. 1, *17*; 6, *6*), с лепным темноглиняным кувшином с лощеной поверхностью (рис. 6, *7* — высота 7,3 см), кольцом пряжки (рис. 7, *12*), железным кресалом (рис. 6, *8*) [9, с. 118] и двумя серебряными монетами Валента 364—378 гг.

Признак 17 (рис. 1, *17*; 6, *6*). Кувшины с профилированным венчиком, расширяющимся кверху коротким горлом, широкой профилированной ручкой, яйцевидным туловом и плоским дном, покрытые плохим красным лаком, найдены в склепах 53 (Черная речка) и 2 (Озерное III) и в Керчи. Высота кувшинов соответственно равна 17, 24 и 34 см.

Признак 21 (рис. 1, *21*; 7, *9*). Кувшины с расширяющимся кверху горлом, грушевидным туловом, уплощенной двухжелобчатой ручкой и с кольцевидной подставкой, покрытые красным лаком, извлечены из могилы 1 (Черная речка) и склепа 10 (Инкерман). Горло украшено валиком, высота кувшинов 20 и 23 см [8, с. 33—34, рис. 14, *4*]. О времени функционирования склепа 10 можно судить по найденным там стеклянному кубку второй половины IV в. [8, рис. 5, *3*; 27, с. 137, 269, табл. 61, *10*] и пряжке второй половины IV—V в. (рис. 7, *22*, *26*).

Признак 12 (рис. 1, *12*; 3, *5*; 7, *25*). Блюда с горизонтально отогнутым бортиком, слегка закругленной стенкой и кольцевидным поддоном, неравномерно покрытые красным лаком, находились в могиле 55 (совхоз 10) с вещами и монетой первой половины IV в. (рис. 2, *21*; 3, *2*), в склепах 3 [11, с. 247, рис. 7, *7*] (Озерное III), 25 [8, с. 24, 34, рис. 13, *5*] (Инкерман) и в могиле 277 (совхоз 10) со стаканом второй половины IV—V в. (рис. 1, *12*, 26). Высота блюд 3,8—6 см, диаметр верхнего края 26,4—29,5. Ф. Вааге включил аналогичные сосуды из Афин в группу В [62, с. 298, № 182, 183]. Приведенные факты подтверждают общепринятую датировку керамики этой группы [15, с. 97].

Признак 16 (рис. 1, *16*; 3, *15*; 5, *2*; 7, *2*). Блюда со слегка закруг-

[2] В работе Е. В. Веймарна рисунок миски неточен.

ленным краем, отогнутой наружу стенкой и кольцевидным поддоном, покрытые красным лаком с бурыми и коричневыми пятнами, входят в состав 14 скоррелированных комплексов [6, с. 290, 291, рис. 5; 8, рис. 13, *7*, *8*, *10*, *11*; 9, рис. IV, *8*, *14*; 11, с. 243, рис. 5, *10*]. Высота блюд 5—6,2 см, диаметр верхнего края 24,5—31,2 см. В некоторых названных погребениях блюда сопровождались монетой, пряжками и стеклянными кувшинами первой половины IV в. (рис. 1, *4*, *5*, *10*), тогда как в других — вещами второй половины IV—V в. (рис. 1, *17—26*). Однотипные сосуды были широко распространены в Причерноморье и Средиземноморье [15, рис. 6, *2*; 48 с. 69—70, рис. 12, *46*; 63, с. 318—319, рис. 12, *1*; 64, с. 301, рис. 15, *3*; 65, с. 171, 191, рис. 1, *3*; 66, рис. 8, *30*]. Наиболее ранние блюда данного типа встречены на Афинской агоре в слоях первой половины IV в. [48, с. 70], а поздние — в погр. 1 (Церковный холм) с вещами конца V — первой четверти VI в. [65, с. 19] и 479 в Дюрсо [66, рис. 8, *3*] с пряжкой первой половины VI в. [47, с. 31—32, рис. 1, *12*, *16*; 5, *5*].

Признак 27 (рис. 1, *27*; 5, *6*). Блюда с почти горизонтально отогнутым профилированным бортиком, округлой стенкой и низкой кольцевидной подставкой, покрытые тусклым красным лаком, происходят из склепов 6 (совхоз 10) и 31 (Инкерман). Дно декорировано врезными концентрическими кругами и шестиугольными розетками [8, с. 36, 37; 15, с. 97, рис. 6, *3*]. Высота блюд 5—5,2 см, диаметр верхнего края 38,8—38 см. По инвентарю, содержащемуся в упомянутых склепах, оба блюда можно отнести к концу IV — началу V в. (рис. 5, *7*, *12*, *13*). В одной из могил, раскопанной в Абхазии, однотипное блюдо лежало с вещами второй половины VI в. [65, с. 176, 191, рис. 6, *5*].

Сероглиняная керамика. Признак 11 (рис. 1, *11*; 3, *3*). Кувшины лепные с высоким расширяющимся кверху горлом, биконическим туловом, с плоской ручкой и низким кольцевидным поддоном найдены в погребальных сооружениях первой половины IV в.: в могиле 55 (совхоз 10) и в склепе 2 (Озерное III). Поверхность кувшинов залощена. Их высота 18,4 и 14 см [11, с. 246, рис. 6, 7]. Подобные кувшины обнаружены в черняховских погребениях в Поднепровье [67, рис. 7, *7*; 68, рис. 14, *8*] и в Молдавии [69, табл. 27, *3*]. Сходный по форме сероглиняный лощеный кувшин, но с плоским дном, происходит из скалистинского склепа 421 (рис. 6, *3*).

Признак 9 (рис. 1, *9*; 2, *19*). Вазы трехручные, изготовленные на гончарном круге из темно-серой глины, с горизонтально отогнутым венчиком, биконическим туловом, украшенным врезными треугольниками или горизонтальными линиями, имеются в составе двух комплексов первой половины IV в. (рис. 1, *9*): из могилы 37 (Инкерман) и склепа 1 (Озерное III). Поверхность ваз залощена. Высота сосудов 14,4 и 16 см [8, с. 18, 19, рис. 4; II, с. 242, рис. 5, *4*]. Описанные вазы по форме, технике изготовления и орнаментации близки сосудам из черняховских погребений Поднепровья и Молдавии [67, рис. 7, *13*; 8, *9*; 70, с. 294, рис. 20, *9*; 71, рис. 14, *4*, *6*; 15, *10*; 26, *1*].

Признак 19 (рис. 1, *19*; 3, *17*; 4, *17*). Миски, изготовленные на гончарном круге, со слегка загнутым внутрь верхним краем, косой стенкой и кольцевидным поддоном находились в склепе 7 (Черная речка) и в могиле 29 (Инкерман) с фибулами и керамикой IV — первой половины V в. (рис. 3, *27*, *19*, *20*, *26*; 4, *14*). Высота мисок 4,2 и 2,8 см, диаметр верхнего края 12,2 и 11 см [8, с. 23; 9, с. 116, рис. IV, *18*; XII, *4*]. Подобные миски известны на черняховских памятниках в Поднепровье и Поднестровье [72, с. 212, табл. VIII, *4*; 73, с. 33, рис. VII, *6*].

Изделия из кости. Признак 35 (рис. 1, *35*; 4, *5*). Пиксиды конусовидные, декорированные врезными параллельными линиями, найдены в захоронении 4 в керченском склепе 165 [15, с. 94. рис. 4, *4*] и в могиле 22 в Заморском [10, рис. 4, *1*] вместе с двухпластинчатыми фибулами первой половины V в.

Изделия из камня. Признак 29 (рис. 1, *29*; 5, *22*). Навершия из белого камня или халцедона от рукояти мечей входят в состав двух скоррели-

рованных комплексов первой половины V в.: из скалистинского склепа 434 и керченского 145 [3, с. 15, рис. 4, *4*, *5*]. Однотипные навершия характерны для погребений гуннского периода. В одной из гуннских могил вместе с навершием находилась монета 408—450 гг. [46, табл. 50, *9*, *13—15*; 56, *7*].

В результате корреляции описанных выше признаков с инвентарем погребений из Инкерманской долины, уже датированных по фибулам (рис. 2, *1*, *3*) и монетам второй половины III в., и с вещами из состава комплексов первой половины V в. удалось не только выделить комплексы IV в., но и разделить последние на две группы (рис. 1). Для комплексов первой группы показательны признаки 3, 4, 5, 7, 9, 10, 11, а для комплексов второй группы — признаки 17, 18, 20, 21, 23, 24, 26, 27. Признаки 2, 6, 8, 12 показательны для комплексов обеих групп (рис. 1). В составе комплексов первой группы имеются монеты первой половины IV в.— 305—311 гг.— в могиле 55 (совхоз 10) [74, с. 183], 306—337 гг.— в склепе 1 (Озерное III) [11, с. 243] и в могиле 37 (Инкерман) [8, с. 18, 19], тогда как в могилах второй группы монеты середины IV в.— в могиле 41 (совхоз 10) [75, с. 47], 364—378 гг.— в склепе 53 (Черная речка) и 379—395 гг.— в склепе 31 (Инкерман) [8, с. 36, 37]. Скорее всего комплексы первой группы датируются первой половиной IV в., а комплексы второй группы — второй половиной IV в. В склепе 2 (Озерное III) и в могиле 16 (Инкерман) наряду с вещами, характерными для второй половины III — первой половины IV в. (рис. 1), найдены краснолаковый кувшин второй половины IV в. (рис. 1, *17*) и бронзовая Т-образная шарнирная фибула с кербшнитной резьбой на ножке (рис. 3, *22*), аналогичная фибулам 4 типа (по типологии Э. Келлера) из Подунавья [26, рис. 11, *9—11*, с. 38, 39]. В Подунавье время бытования этих фибул определяется по монетам 337/341 — 367/383 гг. [26, с. 39, 40]. Вероятно, инкерманскую могилу 16 и озернинский склеп 2 можно отнести к середине IV в.

Признаки 13, 14, 15 и 16 характерны для комплексов IV — первой половины V в. (рис. 1, *13—16*). В некоторых погребениях, традиционно датируемых второй половиной III — первой половиной IV в. (Харакс 15, 29, 33) или IV в. (Инкерман 29, Заморское 11, 16, 22), наряду с вещами, появившимися в употреблении в первой или второй половине IV в. (рис. 1, *13*, *14*, *16*, *17*, *19*), находились фибулы, поясные пряжки и наконечники V в. (рис. 1, *28*, *34*, *37—41*; 5, *20*). Это подтверждает предложенную А. К. Амброзом передатировку упомянутых погребений из Заморского [22, с. 325] и позволяет отнести к первой половине V в. перечисленные могилы из Харакса и Инкермана. Тем же временем следует датировать скалистинские склепы 421, 434 и 485.

Во многих рассмотренных в данной статье крымских погребальных сооружениях IV — первой половины V в. встречены черняховские фибулы (рис. 3, *25*; 4, *4*), пряжки (рис. 3, *12*; 5, *10—12*, *16*, *17*; 7, *12—17*, *22—24*), колокольчик (рис. 2, *4*), железные ведеркообразные подвески (рис. 5, *24*, *25*), серебряные оковки поясных ремней (рис. 3, *23*, *24*), костяная пирамидальная подвеска (рис. 4, *7*), янтарные грибовидные подвески (рис. 5, *14*) и разнотипные керамические сосуды (рис. 2, *9*, *19*; 3, *3*, *7*, *13*, *17*; 5, *3*, *13*; 6, *3*; 7, *3*). Черняховские вещи обнаружены и в других, не учтенных в корреляционной таблице крымских погребениях III—IV вв. Полная сводка названных вещей опубликована В. В. Кропоткиным [76, с. 147—163] [3], а сводка черняховских сосудов — Э. А. Сымоновичем [77, с. 80—86]. Большая часть упомянутых вещей содержалась в погребальных сооружениях различных типов: в трупосожжениях в амфорах, в урнах и в ямах, в подбойных могилах, в разнообразных ямных могилах и в склепах, раскопанных в Бельбекской долине (могильники Бельбек I и III), в Инкерманской долине (могильники совхоз 10, инкерманский, чернореченский), в бассейне р. Альма (могильники Озерное III,

[3] В этой работе на с. 153 допущена неточность. Черняховский костяной гребень из Скалистого происходит не из подбойной могилы 37, а является случайной находкой.

скалистинский), на Южном берегу (Харакс) и на Боспоре. Время функционирования биритуального могильника Бельбек I определяется по светлоглиняным амфорам III в. и бубенчику [17, с. 18, 19; 29, с. 33, 34, 46–50, рис. 1, *10*, *13*, *15*, *31*; 78, с. 32–37; 79, с. 117, 118], аналогичному найденному в чернореченской могиле 35 с фибулой второй половины III в. (рис. 2, *3*, *4*). На чернореченском могильнике погребения с трупосожжениями датируются III–IV вв. [9, с. 119–121], а в Хараксе – второй половиной III [80, с. 366] – первой половиной V в. (рис. 1). И. С. Пиоро и В. В. Кропоткин связывают распространение в Юго-Западном Крыму в III–IV вв. обряда трупосожжения с проникновением на полуостров черняховских племен [76, с. 150; 81, с. 93–99; 82, с. 8]. Зафиксированные в Северном Причерноморье на черняховских могильниках захоронения с трупосожжениями характерны для германцев – носителей восточнопоморско-мозовецкой или вельбарской, а по мнению некоторых – и пшеворской культур [44, с. 64, 74–76; 83, с. 42, 43, 47–49; 84, с. 90; 85, с. 50; 86, с. 61–66, 81–90; 87, с. 58–77, 89–94].

На пантикапейском некрополе немногочисленные сарматские подбойные могилы появились в конце IV–III в. до н. э. [88, с. 76; 89, с. 286]. По данным И. И. Гущиной, сарматские подбойные и ямные могилы с заплечиками особенно широко распространились в Крыму во II–III вв. н. э. [90, с. 41, 43]. В археологической литературе высказывались противоречивые мнения об этносе погребенных в Юго-Западном Крыму в склепах III–IV вв. Одни утверждают, что в этих склепах хоронили скифы [61, с. 91; 87, с. 81; 91 с. 14], тогда как другие полагают, что склепы, изученные на территории могильника Озерное III, инкерманского и чернореченского могильников сооружены сармато-аланами [11, с. 251, 252; 92, с. 75, 76]. Склепы, раскопанные на трех последних могильниках, по форме и конструкции дромоса и камеры близки северокавказским аланским склепам II–V вв. н. э. [93, рис. 2; 94, рис. 3, 7, 8; 95, с. 231, 232, рис. 1, *1*; 2, *1*, *14*; 3, *1*; 4, *16*; 6, *1*, *6*, *10*; 7, *1*, *9*, *22*, *26*; 96, рис. 1, 3, 8–10], но отличаются от известных в Крыму позднескифских склепов и катакомб I–III вв. [61, рис. 22, *10*; 23, *1*, с. 91, 92]. В погребальном обряде, зафиксированном в рассматриваемых крымских склепах, прослеживаются сармато-аланские традиции [11, с. 248, 251, 252]. В инкерманских склепах 1 и 31 [6, рис. 3*а*, 8] и в чернореченских склепах 40 [90, с. 45, рис. 2, *5*] и 53 находились сармато-аланские темноглиняные лощеные кувшины (рис. 5, *11*; 6, *7*; 7, *4*), в чернореченском склепе 6 – сарматское зеркало [90, рис. 4, *2*]. На стенах склепа 1 (Озерное III) были изображены сарматские знаки [11, рис. 2, *2*, *4–6*]. Чернореченские склепы 6 и 77 датируются по лучковым одночленным фибулам III в. [13, с. 52] и красноглиняной амфоре [9, рис. IV, 2], аналогичной найденным в Хараксе [7, рис. 1, *1*], склеп 53 – по монетам 364–378 гг., а склеп – 64 – по светлоглиняной амфоре VI в. [58, с. 272, 273, рис. 8, *6*]. Время функционирования чернореченских склепов 7, 40 и склепов из Инкермана и Озерного III установлено в результате корреляции содержавшегося в них инвентаря – первая и вторая половина IV в. (рис. 1). Как мы видим, склепы нового типа начали сооружать в Юго-Западном Крыму не ранее III в. Скорее всего в этих склепах хоронили аланы. Раскопанные в Заморском перекрытые плитами могилы, ямные могилы с заплечиками, подбойные могилы характерны для сармат. Многие исследователи считают, что сарматы входили в союз племен, созданный готами в Восточной Европе во второй половине II в. или на рубеже II–III вв., и внесли значительный вклад в формирование черняховской культуры в Поднепровье и Поднестровье [97, с. 193, 194; 98, с. 317–323; 99, с. 69, 83, 84, рис. 4]. В первой половине II в. в походах варваров во главе с готами принимали участие и аланы [100, с. 16]. Около середины III в. готы и их союзники проникли в Крым [100, с. 17, 18; 101, с. 2; 102, с. 1, 2; 103, с. 443, 444; 104, с. 205, 206]. Именно тогда, по мнению В. В. Кропоткина, на полуострове расселились черняховские племена [76, с. 162]. С этим предположением согласуется дата возникновения могильника с трупосожжениями в Хараксе, биритуальных

могильников на речках Бельбек и Черной, сармато-аланских могильников в Инкермане, в Озерном и в Заморском. В 70-е годы IV в. в Крым вторглись гунны и попавшие под их власть в 370 г. приазовские аланы [100, с. 24; 101 с. 12, 13; 102, с. 25; 105, с. 45]. О присутствии алан на полуострове свидетельствует сообщение, содержащееся в «Перипле Понта Евксинского» VI в. Анонимный автор сообщает: «Теперь же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардабда, то есть семибожный» [100, с. 17, 18; 106, с. 123, 124; 107, с. 24; 108, с. 115, 120, 124]. Одно из аланских племен, вероятно, поселилось в конце IV в. в районе современного села Скалистое. Наиболее ранние скалистинские склепы были сооружены в конце IV и начале V в. (рис. 1). Как вполне обоснованно отметил А. К. Амброз, гуннское завоевание не привело к перерыву в местном развитии [109, с. 15, 16]. Напомним, что на могильниках в Хараксе, в Заморском и в Инкермане продолжали хоронить и в первой половине V в., на чернореченском могильнике — в VI в., а в Скалистом хоронили до конца IX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амброз А. К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв.: Докт. дис.: ИА АН СССР, 1974. Архив ИА АН СССР, Р. 2, № 2142.
2. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2.
3. *Засецкая И. П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников Восточноевропейских степей.— КСИА, 1979, вып. 158.
4. *Засецкая И. П., Маршак Б. И., Щукин М. Б.* Обзор дискуссии на симпозиуме.— КСИА, 1979, вып. 158.
5. *Сорокина Н. П.* Стеклянные сосуды IV—V вв. и хронология цебельдинских могильников.— КСИА, 1979, вып. 158.
6. *Стржелецкий С. Ф.* Раскопки в Инкермане в 1940 г.— СА, 1947, т. IX.
7. *Блаватский В. Д.* Харакс.— МИА, 1951, № 19.
8. *Веймарн Е. В.* Археологічні роботи в районі Інкермана.— АП, 1963, т. XIII.
9. *Бабенчиков В. П.* Чорноріченьский могильник.— АП, 1963, т. XIII.
10. *Корпусова В. М.* Сільске населення пізньоантичного Боспору.— Археологія, 1973, № 8.
11. *Лобода И. И.* Раскопки могильника Озерное III в 1963—1965 гг.— СА, 1977, № 4.
12. *Щербакова В. С.* Коллекция гемм из некрополя в окрестностях Херсонеса.— В кн.: Античные традиции и византийские реалии. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1980.
13. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР II—IV вв. н. э.— САИ, Вып. Д1-30. М., 1966.
14. *Щукин М. Б.* Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор.— СА, 1968, № 2.
15. *Сорокина Н. П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья.— СА, 1971, № 4.
16. *Сорокина Н. П.* Стеклянные сосуды из могильника Харакс.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
17. *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология.— КСИА, 1978, вып. 156.
18. *Diaconu Gh.* Uber die Fibel mit umgeschlagenem Fuss in Dazien.— Dacia, N. S., 1971, t. XV.
19. *Diaconu Gh.* Tîrgsor necropola din secolele III—IV e. n. Bucuresti, 1965.
20. *Стржелецкий С. Ф.* Отчет о раскопках могильника III—IV вв. н. э. в Инкерманской долине в 1962 г. Архив ХМ, № 856.
21. *Магомедов Б. В.* Могильник у городища Городок на Южном Буге.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1979.
22. *Амброз А. К.*— СА, 1980, № 1 — Рец. на кн. Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien.— Biblioteca degli «Studi medievali», VI. Spoleto.
23. *Каменецкий И. С., Кропоткин В. В.* Погребение гуннского времени близ Танаиса.— СА, 1962, № 3.
24. *Шелов Д. Б.* Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955—1957 гг.).— МИА, 1965, № 127.
25. *Csallány D.* Archaologische Denkmäler der Gepiden in Mitteldonaubecken (454—568 u. z.). AH, 1961, Bd XXXVIII.
26. *Keller E.* Die Spätrömischen Grabfunde in Sudbayern. München, 1971.
27. *Bohme H. W.* Germanische Grabfunde des 4 bis 5. Jahrhunderts. München, 1974.
28. *Werner J.* Zu einer elbgermanischen Fibel des 5. Jahrhunderts aus Gaukonigshofen, Ldkr. Wurzburg.— Bayerische Vorgeschichtsblätter, 1981, Jg. 46.
29. *Гущина И. И.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников).— В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: Изд-во Гос. исторического музея, 1974.

30. *Веймарн Е. В.* Раскопки инкерманского могильника в 1948 г.— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев: Наук. думка, 1957.
31. *Беньковский П.* О терракотовых повозочках из Керчи.— ИАК, 1904, вып. 9.
32. *Дашевская О. Д.* Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма.— МИА, 1969, № 169.
33. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г.— ИАК, 1902, вып. 4.
34. *Лепер Р. Х.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя.— ХСб., 1927, вып. II.
35. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес.— МИА, 1959, № 63.
36. *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.* Металл черняховской культуры.— МИА, 1972, № 187.
37. *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М.: Наука, 1973.
38. *Марченко И. Д.* Раскопки восточного некрополя Фанагории.— МИА, 1954, № 57.
39. *Минаева Т. М.* Археологические памятники на реке Гиляч в верховьях Кубани.— МИА, 1951, № 23.
40. *Godlowski K.* The chronology of the late Roman and Migration Periods in Central Europe. Krakow, 1970.
41. *Веймарн Е. В.* Отчет о работе Баклинской экспедиции ИА АН УССР в 1958—1960 гг. Архив ОАКр, д. 113/73.
42. *Амброз А. К.* Фибулы из раскопок Танаиса.— МИА, 1969, № 154.
43. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.
44. *Кухаренко Ю. В.* Могильник Брест-Тришин. М.: Наука, 1980.
45. *Спицын А. А.* Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб. 1904 г.— ИАК, 1905, вып. 17.
46. *Werner J.* Beitrage zur Archaologie des Attila — Reiches. München, 1956.
47. *Айбабин А. И.* Погребения второй половины V — первой половины VI вв. в Крыму.— КСИА, 1979, вып. 158.
48. *Hayes J. W.* Late Roman pottery. L., 1972.
49. *Мацулевич Л. А.* Серебряная чаша из Керчи. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1926.
50. *Воронов Ю. Н.* К истории экономических связей Апсилии в IV—VII вв.— КСИА, 1973, вып. 138.
51. *Белов Г. Д.* Стеклоделательная мастерская в Херсонесе.— КСИА, 1969, вып. 116.
52. *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе.— САИ, вып. Д1-27. М., 1970.
53. *Barkóczi L.* Plastich verzierte spatromische Glasfunde aus Pannonien.— FA, 1971, N XXII.
54. *Barkóczi L., Salamon A.* Glasfunde von Ende des IV und Anfang des V Ihs. in Ungarn.— AE, 1968, № 95.
55. *Кобылина М. М.* Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г.— МИА, 1941, № 4.
56. *Fremersdorf F.* Das Naturfarbene sogenannte blaugrune Glas in Koln. Koln, 1958, B. IV.
57. *Fremersdorf F.* Romische Glasermit Fadenautlage in Koln.— In: Die Denkmaler des römischen. Koln, 1959, B. 5.
58. *Scorpan C.* Contribution a La connaissace de certain types ceramiques Romano-Byzantins (IVe — VIIe siecles) dans L'espace Istro-Pontique.— Dacia, N. S., 1977, t. XXI.
59. *Кравченко Н. М., Корпусова В. М.* Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри.— Археологія, 1975, № 18.
60. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
61. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972.
62. *Waage F. O.* The Roman and Byzantine pottery.— Hesperia, 1939, v. 8, II.
63. *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг.— МИА, 1952, № 25.
64. *Силантьева Л. Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илурата.— МИА, 1958, № 85.
65. *Воронов Ю. Н., Юшин В. А.* Новые памятники Цебельдинской культуры в Абхазии.— СА, 1973, № 1.
66. *Дмитриев А. В.* Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска.— СА, 1979, № 4.
67. *Петров В. П.* Черняховский могильник.— МИА, 1964, № 116.
68. *Петров В. П.* Масловский могильник на р. Товмач.— МИА, 1964, № 116.
69. *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1960, № 89.
70. *Федоров Г. Б.* Малаештский могильник.— МИА, 1960, № 82.
71. *Сымонович Э. А.* Орнаментация черняховской керамики.— МИА, 1964, № 116.
72. *Сымонович Э. А.* Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре.— МИА, 1960, № 82.
73. *Магомедов Б. В.* Каборга IV.— В кн.: Могильники черняховской культуры. М.: Наука, 1979.
74. *Гилевич А. М.* Опись монет из раскопок 1962 г. могильника совхоза 10. Архив ХМ, № 856/III а.
75. *Гилевич А. М.* Описание монет из могильника на территории совхоза 10. Раскопки 1961. Архив ХМ, № 854/I.
76. *Кропоткин В. В.* Черняховская культура и Северное Причерноморье.— В кн.: Проблемы Советской археологии. М.: Наука, 1973.

77. *Симонович Е. О.* Про кераміку черняхівського типу в Криму.— Археологія, 1975, № 18.
78. *Печенкин Н.* Раскопки в окрестностях г. Севастополя.— ИТУАК, 1905, № 38.
79. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83.
80. *Орлов К. К.* Исследования Харакса.— АО — 1977, М., 1978.
81. *Пиоро И. С.* Ентічна належність Ай-Тодорского могильника.— Вісник Київського університету. Сер. історії, 1973, № 15.
82. *Пиоро И. С.* Готы в Юго-Западном Крыму.— В кн.: Открытия молодых археологов Украины. Вып. 2. Киев: Наук. думка, 1976.
83. *Артамонов М. И.* Вопросы расселения восточных славян и советская археология.— В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1967.
84. *Тиханова М. А.* Еще раз о происхождении черняховской культуры.— КСИА, 1970, вып. 121.
85. *Кравченко Н. М.* К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках.— КСИА, 1970, вып. 121.
86. *Никитина Г. Ф.* Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э. В кн.: Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э. М.: Наука, 1974.
87. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
88. *Десятчиков Ю. М.* Сарматы на Таманском полуострове.— СА, 1973, № 4.
89. *Кастанаян Е. Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности.— МИА, 1959, № 69.
90. *Гущина И. И.* О сарматах в Юго-Западном Крыму.— СА, 1967, № 1.
91. *Веймарн Е. В.* Некрополь около крестообразного загородного храма.— АДСВ, Свердловск, 1977.
92. *Зубарь В. М.* Погребальные сооружения и погребальный обряд участка некрополя у загородного храма в Херсонесе.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1977.
93. *Минаева Т. М.* Могильник Байтал-Чапкан в Черкессии.— СА, 1956, т. XXVI.
94. *Кузнецов В. А.* Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII веках.— СА, 1973, № 2.
95. *Абрамова М. П.* Катакомбные погребения IV—V вв. н. э. из Северной Осетии.— СА, 1975, № 1.
96. *Абрамова М. П.* К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
97. *Тиханова М. А.* О локальных вариантах черняховской культуры.— СА, 1957, № 4.
98. *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и Прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975.
99. *Щукин М. Б.* К предистории черняховской культуры. Тринадцать секвенций.— АСб.ГЭ, 1979, вып. 20.
100. *Кулаковский Ю.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
101. *Брун Ф.* Черноморские готы и следы их долгого пребывания в Южной России.— ЗАН, 1874, т. XXIV.
102. *Васильев А. А.* Готы в Крыму. Часть I.— ИРАИМК, 1921, т. I.
103. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
104. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М.: Наука, 1964.
105. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
106. *Брун Ф.* Черноморье. Т. II. Одесса, 1880.
107. *Шелов Д. Б.* Возникновение Феодосии.— НС, 1957, т. I, ч. 2.
108. *Скржинская М. В.* Перипл Понта Евксинского анонимного автора.— В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1980.
109. *Амброз А. К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы: Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1974.

A. I. Aibabin

PROBLEMS OF CHRONOLOGY OF CRIMEAN BURIAL GROUNDS OF THE POST-ROMAN PERIOD

Summary

Many Crimean burial grounds of the post-Roman times are dated to the 3rd or to the 3rd-4th centuries, while those burials which can be dated by the 5th-7th centuries are dated by the 4th century. The article is devoted to the substantiation of a more correct dating of Crimean burials of the 4th century through the correlation of object complexes obtained from them (Fig. 1). The artifacts which unite complexes into contemporaneous groups are termed «features» by the author. The correlation between features and burial goods from burials of the second half of the 3rd century (Figs. 1, *1*; 2,

1, *3*) and objects found in burials of the first half of the 5th century helped single out 4th-century complexes and divide them into two groups (Fig. 1). The complexes of the first group are characterised by the features: 3 (Figs. 1, *3*; 2, *20*), 4 (Figs. 1, *4*; 3, *1*, *14*), 5 (Figs. 2, *13*; 1, *5*), 7 (Figs. 1, *7*; 2, *15*; 3, *10*), 9 (Figs. 1, *9*; 2, *19*), 10 (Figs. 1, *10*; 2, *21*; 3, *9*, *12*), 11 (Figs. 1, *11*; 3, *3*), while the complexes of the second group are characterised by the features: 17 (Figs. 1, *17*; 6, *6*), 18 (Figs. 1, *18*; 3, *19*, *21*), 20 (Figs. 1, *20*; 7, *5*, *6*, *21*), 21 (Figs. 1, *21*; 7, *9*), 23 (Figs. 1, *23*; 7, *8*, *19*), 24 (Figs. 1, *24*; 7, *10*, *11*), 26 (Figs. 1, *26*; 5, *7*); 27 (Figs. 1, *27*; 5, *6*). The complexes of the first group are dated by coins of 305-311 from burial 55 (Sovkhoz 10 at Sevastopol), of 308-324 from vault 2 (Ozernoe III), of 306-337 from vault 1 (Ozernoe III) and from burial 37 (Inkerman). The dates of the complexes of the second group are established with the help of coins of the mid-4th century from burial 41 (Sovkhoz 10), of 364-378 from vault 53 (Chernaya Rechka) and of 379-395 from vault 31 (Inkerman). Features 2 (Figs. 1, *2*; 2, *10*, *14*, *16*; 3, *18*), 6 (Figs. 1, *6*; 3, *28*), 8 (Figs. 1, *8*; 2, *17*, *18*; 7, *1*, *20*) and 12 (Figs. 1, *12*; 3, *5*; 7, *25*) are characteristic of the complexes of the first and second halves of the 4th century. Red laquer vessels of three types (Figs. 1, *13*, *14*, *16*; 3, *6*, *8*, *11*, *15*, *16*, *20*; 5, *1*, *2*, *5*, *10*; 7, *2*, *7*) were found in burials of the 4th and first half of the 5th centuries. Some burials with traditional dating of the second half of the 3rd and the first half of the 4th centuries (Kharaksa 15, 29, 33) or the 4th century (Inkerman 29, Zamorskoe 11, 16, 22) are related according to fibulae, belt buckles and points (Figs. 1, *28*, *34*, *37-41*; 5, *20*) to the first half of the 5th century (Fig. 1).

Some objects found in the burial under study are characteristic of the Chernyakhovo culture. Crimean cremation burials are analogous to the Germanic burials discovered on the territory of the Chernyakhovo culture. Shaft-and-chamber tombs and pit burials with chambers were typical of the Sarmatae. The vaults in Inkerman, Ozernoe, on the Chernaya Rechka and in Skalistoe resemble in their construction North Caucasian Alan catacombs and vaults. The Sarmatae were part of the tribal union formed by the Goths in the Northern Black Sea Coast area and their contribution into the formation of the Chernyakhovo culture was a considerable one. The Alans took part in Barbarian marches headed by the Goths in the first half of the 3rd century. About mid-3rd century the Goths and their allies penetrated into the Crimea. It was the time when a cremation burial in Kharaksa, bi-ritual burials along the Belbek and Chernaya rivers, the Sarmato-Alan burials in Inkerman, Ozernoe and Zamorskoe appeared. In the 370s the Crimea was invaded by the Huns and the Azov Alans which were conquered by the former at about the same time. One of the Alan tribes had, probably, settled at the end of the 4th-beginning of the 5th century at the Skalistoe village where they established first vaults (Fig. 1). The Hun invasion, however, had not stopped local development. The Kharaksa, Zamorskoe and Inkerman burials were still in use early in the 5th century, the burial ground at the Chernaya river — in the 6th century.

ЦИРКИН А. В.

ДРЕВКОВОЕ ОРУЖИЕ МОРДВЫ И ЕГО ХРОНОЛОГИЯ

Происхождение древкового оружия у мордовских племен, его эволюция и хронология остаются пока во многих отношениях неясными. К настоящему времени на интересующую нас тему нет обобщающих работ. Небольшие статьи и краткие заметки по вооружению мордвы, имеющиеся в нашем распоряжении, не раскрывают во всей полноте существо проблемы и по ряду причин не могут считаться удовлетворительными [1, с. 198; 2, с. 13—55; 3, с. 292; 4, с. 69—83].

Основная трудность в разработке генезиса древкового оружия заключается в том, что материал ограничен, фрагментарен и хранится в ряде музеев Среднего Поволжья, типологически разработан недостаточно, хронологически не увязан с погребальными комплексами. И наконец, следует помнить, что археологическая наука о мордве, к сожалению, не располагает данными о ремесленных центрах, производящих оружие. В этой связи напомним, что у специалистов по истории мордвы господствует устойчивое мнение о якобы решающей роли соседей в формировании у нее основных боевых средств. При этом исключается возможность производства копий в местных оружейных центрах.

В предлагаемой статье не ставится задача широкого и комплексного рассмотрения всех сторон этой исторической проблемы, наша цель скромнее — предложить классификацию древкового оружия, проследить его эволюцию в течение I тысячелетия н. э. и установить периоды обращения его основных типов. И хотя мы имеем дело с неполными данными по оружию, все же представляется возможным сделать некоторые выводы.

Копье занимает особое место в структуре вооружения средневековой мордвы. Оно было широко распространено, его производство носило массовый характер. Широкое использование этого вида оружия, поскольку им были вооружены не только воины, но и социальные «верхи» — старейшины, вожди племен, военачальники и даже князья,— ставит копье в привилегированное положение, превращая его в интересный археологический источник, подлежащий всестороннему изучению и использованию в исторических исследованиях.

Копье не следует относить только к наступательному виду боевого оружия. Оно широко и плодотворно использовалось в хозяйстве, в охотничье-промысловой практике. Основные находки древкового оружия происходят из погребений. Чаще всего оно встречается в мужских погребениях, достигая в отдельных могильниках 50% всех исследованных комплексов. В Рязано-Окских древностях А. А. Спицын установил одну примечательную особенность — копья встречаются в женских могилах наряду с украшениями. Но находки копий известны не только в могильниках. Как показали исследования, древковое оружие встречается в культурных слоях поселений и городищ [2, с. 28, 29].

При анализе мордовского древкового оружия не следует забывать, что оно по форме, конструктивным деталям и некоторым другим чертам ничем существенно не отличается от аналогичного оружия других племен Восточной Европы. Поэтому при классификации копий подчас бывает очень трудно выделить специфически местные признаки, которые можно было бы безошибочно считать мордовскими. Тем не менее копья из большого числа памятников, со значительной территории и на широком хронологическом отрезке времени, открывают возможность положительно решить поставленную задачу. Такая работа дает основание «уловить» не-

которые особенности мордовского копейного оружия, открывает перспективу поиска центров его производства. На формирование древкового оружия мордвы, несомненно, оказала влияние военно-технологическая мысль и технология производства копий у соседей, военная культура которых в то время стояла на более высоком уровне, нежели у мордовских племен. В первые века нашей эры заметное влияние на изготовление копий оказали южносарматские племена. Особенно четко это воздействие прослеживается в материалах мордовских племен, расселявшихся на границе пояса степей и леса. Заметное влияние на сложение древкового оружия второй половины I тысячелетия н. э. оказала военная культура Хазарского каганата [5]. Нельзя обойти молчанием и сильный импульс, идущий от древнерусской культуры [6, с. 31].

На рубеже двух тысячелетий и особенно в XII—XIII вв. определенный отпечаток на вооружение мордвы наложили татаро-монголы. И все же, отдавая должное влиянию соседей и их культуре, рассматривая отдельные типы и варианты копий, попытаемся доказать, что в некоторых случаях производство копий было налажено в оружейных центрах Мордовской земли.

Для выделения специфических черт собственно мордовских копий необходима систематика данного вида оружия и выделение его устойчивых признаков. Сочетание устойчивых признаков и их взаимодействие с сопроводительным инвентарем позволяют, как нам видится, найти местные черты и приурочить тот или иной тип к конкретной дате. Методически прием этот не нов. Но при анализе мордовского древкового оружия специалисты мордовских древностей недостаточно им пользовались [7, с. 206—209]. Правда, в работе, посвященной древковому оружию Старокодомского и Шокшинского могильников, В. Н. Шитов стремился привязать наконечники копий к погребальному инвентарю и определить для них более узкие даты. Однако автор не всегда методически доказательно это демонстрировал. Не в полной мере учитывались датирующие возможности сопутствующего инвентаря. В систематику оружия им заложен несущественный признак, который не играет определяющей роли в типообразовании, например, соотношения длины пера втулки к ее общей длине [4, с. 69—72].

В данной работе археологическая классификация древкового оружия построена по иной методике, в основу которой положен ведущий признак, дающий наибольшую информацию о копье и составляющий основу типа. Важное место в анализе древкового оружия занимает вопрос о взаимовстречаемости копий с археологическим материалом внутри погребального комплекса. Схема классификации копий выстраивается следующим образом: функциональная разновидность дает самый высокий уровень систематики — категорию; общая форма пера дает внутри категорий отделы; по сечению пера выделяются типы, а конструктивные особенности втулки создают внутри типов варианты.

В настоящей работе анализируются 309 наконечников, в том числе 73 дротика, 195 копий, 40 пик и одна сулица. (К сожалению, мы не могли включить в статью древковое оружие, найденное в последние годы И. М. Петербургским при раскопках им Старобадиковского могильника, коллекция которого до настоящего времени не опубликована.) Систематику древкового оружия мордвы целесообразно начать с дротиков как наиболее древнего вида метательного оружия.

I. Дротики.

Отдел А. Перо с двумя жалами. Общая длина 18 см, относительная длина втулки 12 см, ее диаметр составляет 3 см.

Тип 1. Ромбическое сечение пера, на конце втулки манжетка (рис. 1, *1*). Рассматриваемый тип известен по материалам мордовских могильников, находящихся в долинах рек Суры и Мокши. По некоторым признакам анализируемый тип напоминает сарматские дротики из древностей Нижнего Поволжья [8, рис. 44, *10*].

Вариант а. Точно такие же, как и тип I-А-1, но втулка гладкая без манжетки. Дротики указанной конструкции встречаются в ранних памят-

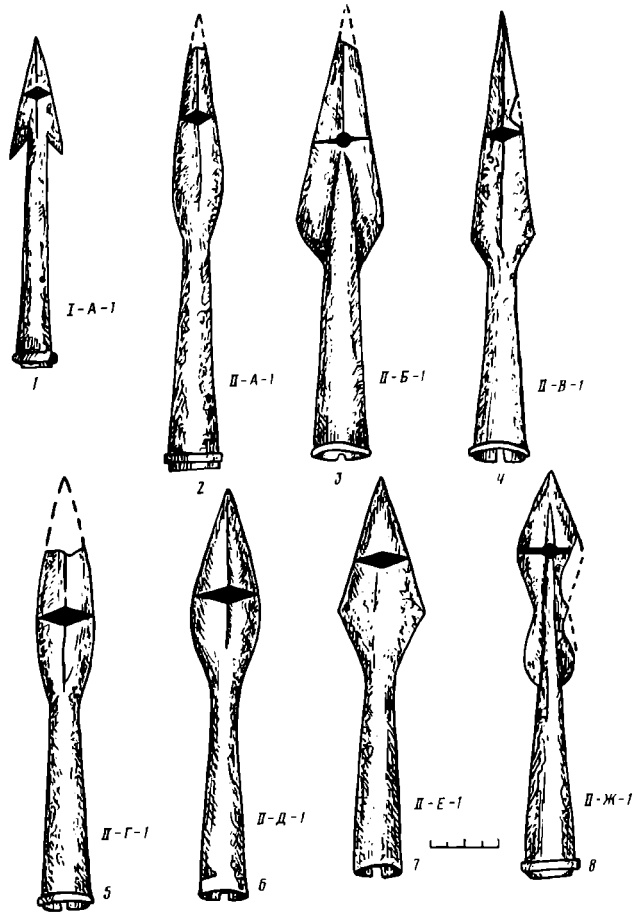


Рис. 1. Основные типы древкового оружия из погребений в могильниках I тысячелетия н. э. *1* — Андреевка — 22, 25; Серповое — 1; Ражкино — 9, 10; Селекса — 95, 100; Кошибеево — 19, 22, 75; Борки — 16, 21, 33, 51, 57, 62, 80, 84, 91, 96, 106, 111; Кузьминки — 19, 24, 33, 41, 44, 45, 46, 47, 53, 55, 56, 59, 63, 75, 77, 81; Холуйки — 1; Кр. Кужново — 18, 250, 303, 364, 379, 438, 473, 526; Ляда — 5; Паново — 26, 65, 103, 137; Елизавет-Михайлово — 12; «Кр. Восток» — 2; Шокша — 44, 59, 68, 136, 151, 162, 164, 198, 206, 210, 218; Безводнино — 125; Ст. Кружендеево — 2, 4, 10; Волчиха — 4, 5, 9; Армиево — 182; Шатрище — 146, 153, 132, 133; Курманово — 15; Шамышейка — 18; Ст. Кадом — 8, 11, 13, 45, 50; *2* — Кошибеево — 13, 56, 78; Кузьминки — 19; Шокша — 163, 211; Иваньково — 35; Ст. Кадом — 17, 47; 2-й Журавкинский могильник — 3, 9, 10, 37; *3* — Кошибеево — 83; Борки — 8, 32, 52, 60, 65, 102; Кузьминки — 18, 45, 59, 81; Гавердово — 11; *4* — Андреевка — 14, Волчиха — 38; Тазиково — 1, 3; Селекса — 85, 128; Кошибеево — 3, 17, 33, 34, 46, 55, 58, 68; Перемчалки — 2; Курманово — 15; Паново — 53; Елизавет-Михайлово — 7, 10; 2-й Журавкинский могильник — 30, 33; *5* — Кошибеево — 9, 33, 43, 68, 79, 90; Борки — 14, 21, 51, 69, 71, 80, 89, 94, 97; Кузьминки — 1, 25, 41, 54, 56, 77; Армиево — 177, 178, 191, 220; Трафимово — 22; Елизавет-Михайлово — 7, 85; «Кр. Восток» — 30, 31; Гавердово — 13, 14; *6* — Андреевка — 19, 25, 37, 45, 48, 50, 52, 53, 54; Селекса — 32; Иваньково — 35; Волчиха — 23, 28, 29, 44; Заря — 14, 16, 19, 34, 45, 54; Шокша — 8, 9, 20, 32, 56, 67, 68, 85, 87, 88, 91, 95, 105, 117, 126, 136, 145, 164, 157, 168, 198, 206, 219, 236; Абрамово — 2, 9, 50; Армиево — 153, 157, 178, 191; Безводнино — 113, 119, 125, 133, 134, 141, 153, 154; Сядемка — 2; Ош Пандо — 1; Сарлей — 34; Мл. Журавкино — 1; Черемисы — 1; Елизавет-Михайлово — 7; Кр. Кужново — 196, 303, 451; Кальгинино — 1, 3; Ефаево — 2, 17; Куликово — 11; *7* — Ляда — 1, 104; Елизавет-Михайлово — 9, 11, 12, 15, 34, 45, 47, 49, 64, 100, 117, 134; Паново — 34, 61, 80, 119, 122; Шокша — 7, 41, 54, 57, 138, 194; Ст. Кадом — 34; Крюково-Кужново — 27, 92, 175, 282, 283, 303, 316, 321, 328; «Кр. Восток» — 19; Ош Пандо-1; 2-й Журавкинский могильник — 10; *8* — Паново — 137

никах мордвы: Кошибеево, Шемышейка и в более поздних могильниках IX—X вв. За пределами древнемордовской земли аналогичные варианты дротиков известны в древнерусских курганах [9, табл. X, *3*].

II. Копья.

Отдел А. Пирамидальная форма пера, общая длина 33 см. Относительная длина втулки 18 см, ее диаметр составляет 3 см.

Тип 1. Ромбическое сечение пера, удлиненная втулка заканчивается на конце манжеткой (рис. 1, *2*). Данные типы копий, как показывают

материалы, известны в Андреевском кургане, в погребениях Кошибеевского, Кузьминского и Второго Журавкинского могильников, а также в памятниках нижнего течения р. Мокши [7, табл. I, 7].

Отдел Б. Треугольная форма пера. Общая длина копья 27 см. Относительная длина втулки 9 см, ее диаметр составляет 2,8 см.

Тип 1. Валикообразное сечение пера, короткая втулка, оканчивающаяся манжеткой (рис. 1, *3*). В Рязанско-Окских могильниках данный тип встречается довольно часто. Кроме того, он фиксируется в захоронениях Кошибеево и Гавердово. За пределами мордовского края соответствующие аналогии можно установить в Прикамских древностях III—V вв. н. э. [10, табл. XIX, *2*].

Отдел В. Пирамидальная форма пера, общая длина копья 33 см. Относительная длина втулки 18 см, ее диаметр составляет 2,5 см.

Тип 1. Ромбическое сечение пера, удлиненная втулка, оканчивающаяся манжеткой (рис. 1, *2*). Такие типы копий исследователи обнаруживали в могильниках мордовских племен ранней поры, расположенных в долинах рек Суры, Оки, Мокши, Вад. Установлено, что в Кошибеевском могильнике копье подобного типа зафиксировано восемь раз [11, табл. XX, *4*].

Вариант а. Точно такой же, как и тип II-В-4, но с короткой втулкой без манжетки.

Отдел Г. Килевидная форма пера, общая длина копья 30 см. Относительная длина втулки 18 см, ее диаметр составляет 3 см.

Тип 1. Ромбическое сечение пера, удлиненная втулка с манжеткой. По центру пера проходит четкая грань (рис. 1, *5*). Наконечники этого типа, по имеющимся данным, встречаются в могильниках на р. Цне (13) и на р. Оке, в рязанских могильниках (15). За пределами изучаемого региона подобные типы копий известны в Башкирии [12, табл. III, *2*].

Вариант а. Точно такие же, как и тип II-Г-4, но с короткой втулкой без манжетки.

Отдел Д. Листовидная форма пера, общая длина копья 30 см. Относительная длина втулки 14 см, ее диаметр составляет 2,8 см.

Тип 1. Ромбическое сечение пера, удлиненная втулка без манжетки (рис. 1, *6*). Наконечники копий рассматриваемого типа чаще всего находят в Примокшанских древностях. Встречаются данные типы в Андреевском кургане, а также в более поздних могильниках X—XII вв. За пределами Мордовского края они обнаружены А. Н. Кирпичниковым в древнерусских курганах [9, табл. IX, *2*].

Отдел Е. Треугольная форма пера, общая длина копья 24 см. Относительная длина втулки 12 см, ее диаметр составляет 3 см.

Тип 1, Линзовидное сечение пера, втулка гладкая без манжетки (рис. 1, *7*). Интересующий нас тип чаще всего встречается в Цнинских могильниках (31 находка) и на р. Вад в отдельных захоронениях Второго Журавкинского могильника. По наблюдениям А. Н. Кирпичникова, подобные наконечники копий были найдены в Гнездовских курганах [9, табл. IX, *1*].

Отдел Ж. Ланцетовидная форма пера, общая длина 24 см. Относительная длина втулки 11 см, ее диаметр составляет 3 см.

Тип 1. Валикообразное сечение пера. Конусовидная укороченная втулка, заканчивающаяся манжеткой (рис. 1, *8*). Один экземпляр рассматриваемого типа найден в мужском погребении Пановского могильника (№ 437). Аналогичные нашему типу копья в древностях Западного Поволжья нам не известны.

III. Пики.

В соответствии с принятой методикой классификация пик дается следующим образом: по конфигурации пера они делятся на отделы, по поперечному его сечению — на типы, а отдельные конструктивные особенности втулки дают варианты внутри типов.

Отдел А. Пирамидальная форма пера, общая длина 28 см. Относительная длина втулки 12 см, ее диаметр составляет 3,2 см.

Тип 1. Ромбическое сечение пера, удлиненная, конусовидная втулка

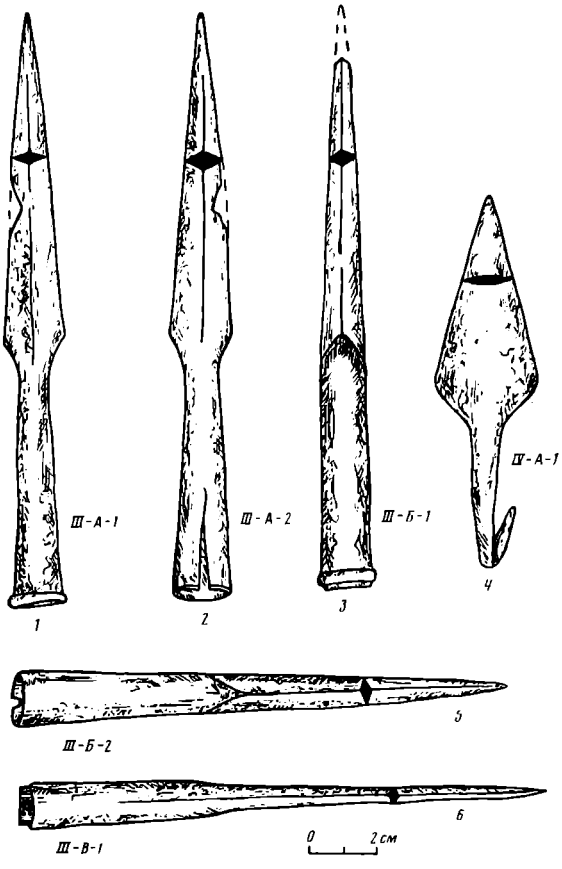


Рис. 2. Основные типы древкового оружия из погребений в могильниках I тысячелетия н. э. *1* — Крюково-Кужново — 55, 73, 88, 112, 375, 386, 464, 501, 510, 522, 543; Паново — 37; Шокша — находки из раскопок 1967 г.; *2* — Крюково-Кужново — 187, 206, 217, 222, 224; Елизавет-Михайлово — 1, 10; Старая Сотня — 34; Паново — 11, 53, 144; Кельгинино — 41; Барцуково-2 — 1; *3* — Паново — 50, 79, 105, 106; Шокша — 92; «Красный Восток» — 13, 20; *4* — Елизавет-Михайлово — 27; *5* — Шокша — находки из раскопок 1967 г.; *6* — Крюково-Кужново — 164, 196, 228, 258, 440, 478, 485, 496, 553

с манжеткой (рис. 2, *1*). Указанный тип встречается чаще всего в Цнинских могильниках. Соответствующие им параллели известны в Прикамье [12, табл. XII, *5*].

Вариант а. Точно такой же, как и тип III-А-1, но втулка без манжетки.

Тип 2. Четырехгранное сечение пера, конусовидная гладкая втулка (рис. 2, *2*). Анализируемый тип чаще всего встречается в Цнинских могильниках. За пределами территории расселения мордовских племен данный тип известен в Удмуртских древностях. Пики этого типа известны и в курганах Ярославского Поволжья [13, табл. XII, *6*; 9, табл. IX, *9*].

Отдел Б. Конусовидная форма пера, общая длина 36 см. Относительная длина втулки 15 см, диаметр ее составляет 2,3 см.

Тип 1. Четырехгранное сечение пера, удлиненная втулка с манжеткой (рис. 2, *3*). Подобные типы пик чаще всего встречаются в Пановском могильнике. За пределами бассейна р. Цны они обнаружены в Шокше и в материалах могильника у колхоза «Красный Восток».

Вариант а. Точно такой же, как и тип III-Б-1, но втулка гладкая.

Тип 2. Ромбическое сечение пера, втулка гладкая (рис. 2, *5*). Пики подобного типа встречены в древностях Шокшинского могильника. На западе такого типа пики, по данным А. Н. Кирпичникова, обнаружены в Новгороде [9, табл. IX, *8, 9*].

Отдел В. Шпилевидная форма пера. Общая длина 32 см. Относительная длина втулки 10 см, ее диаметр составляет 3 см (рис. 2, *6*).

Тип 1. Четырехгранное сечение пера, втулка короткая без манжетки. Рассматриваемый тип чаще всего встречается в захоронениях Крюково-

Кужновского могильника. Некоторое сходство с данным типом имеют пики из Удмуртии [13, табл. XII, *7*].

IV. Сулицы.

Отдел А. Треугольная форма пера, общая длина 45 см. Относительная длина черешковой части 6 см.

Тип 1. Линзовидное сечение пера, черешковая часть сулицы имеет квадратный профиль (рис. 2, *4*). Сулицы найдены в мужских погребениях Елизавет-Михайловского могильника. В других средневековых памятниках I тысячелетия н. э. подобные типы оружия нам не известны.

Проведенная классификация древкового оружия позволила выявить большое разнообразие типов и вариантов и показала широкий хронологический диапазон его употребления. Наконец, систематика копий позволила уточнить их концентрацию в отдельных районах расселения мордовских племен. Следует напомнить, что в археологической литературе, к сожалению, до сих пор пока нет достаточно разработанной датировки основных типов копий. Так, анализируя наконечники копий Лядинского могильника, А. Е. Алихова выделила четыре их типа, которые отнесла к IX—XI вв. [2, с. 31, 32]. Древковое оружие Андреевского кургана П. Д. Степанов датировал первыми веками нашей эры, ссылаясь при этом на его сходство с копьями из сарматских и пьяноборских древностей [7, с. 216]. Оружие, найденное в верхнем культурном слое городища Ош Пандо, отнесено исследователем к IX в. [14, с. 83]. Методически неверно решена В. Н. Житовым хронология древкового оружия из Шокшинского и Старокадомского могильников. Датируя отдельные типы копий в широком временном диапазоне, исследователь игнорирует погребальные комплексы с копьем, отдавая при этом предпочтение отдаленным аналогиям. Для погребения V—VIII вв. обычными, как полагает автор, были двушипные наконечники, а в V—VII вв. чаще всего употребляли наконечники копий с удлиненно-треугольным пером и низко опущенными плечиками (в нашей классификации это тип II-В-1) [4. с. 72].

Анализируя древковое оружие из мордовских могильников, необходимо учитывать весь инвентарь, который входит в состав погребального комплекса. Методический прием, включающий разбор вещей, входящих наряду с копьем в погребальный инвентарь могилы, в значительной степени приближает нас к абсолютным датам.

Наиболее ранними типами, вероятно, следует полагать дротики с индексом I-А-1, копья — II-А-1, II-Д-1. Судя по сопровождающему инвентарю, их можно отнести к первым векам нашей эры (рис. 3, *4—7*). Нижняя дата обращения устанавливается по сапожковым бляшкам пьяноборского типа, круглым застежкам, пряжкам прямоугольной формы, фибулам и кинжалу с прямым перекрестьем и кольцевым навершием. Дата распространения этих вещей подтверждается аналогией из ранних сарматских древностей [7, табл. V, *6—8*].

Наконечники копий типа II-Д-1 употреблялись мордовскими племенами в течение пяти столетий. Об этом свидетельствуют вещи ряда захоронений Андреевского кургана и материал из Борковского могильника [11, табл. XX, *3*].

Специальной хронологической оценки заслуживает копье типа II-А-1, происходящее из захоронения 19 Кошибеевского могильника. А. П. Смирнов, пересматривая в свое время датировку отдельных захоронений указанного памятника и учитывая облик вещей, находившихся в данной могиле, отнес копье к началу нашей эры [15, с. 101]. В III—IV вв. на вооружении воинов поставлялись копья II-Б-1, время которых определяется находками вещей, распространенных в первые века I тысячелетия н. э. Таковыми будут: арбалетная фибула, шейная гривна с замком в виде петли и крючка, браслеты с тупыми концами, круглая ажурная застежка и др. (рис. 3, *8*, *9—13*). Перечисленные вещи П. П. Ефименко датировал III—IV вв. [16, рис. 2, *9*, *12*, *13*].

Последующая эпоха (IV—V вв.) характеризуется появлением копий новых типов: II-В-1 и II-Г-4. В могильных комплексах они чаще всего встречаются с такими вещами, как крестообразные фибулы, круглопро-

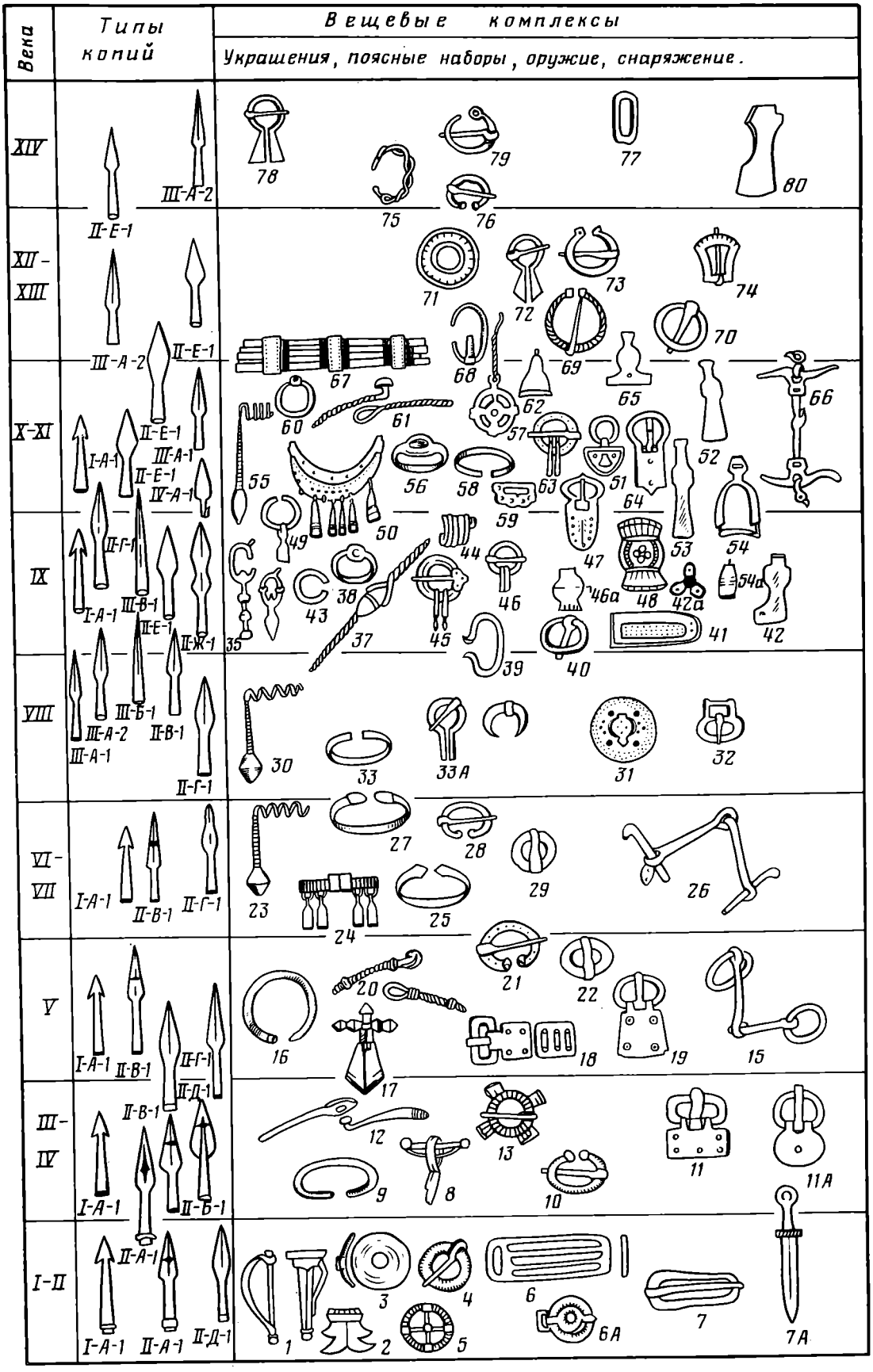


Рис. 3. Хронологическая корреляция древкового оружия мордовских племен по вещевым комплексам

волочные гривны с металлическими бусами и проволочной обмоткой; застежками с точечным узором, пряжками с прямоугольными приемником, кольчатыми удилами и другими изделиями (рис. 3, *15*, *17—21*). Эти изделия, по оценке П. П. Ефименко, были распространены в V в. [16, рис. 5, *12*, *14*, *27*]. В некоторых комплексах крестообразные фибулы встречаются в VI и начале VII в. [17, рис. 9, *44*].

В VI и VII вв. продолжают употребляться основные типы копий. В интересующий нас период снимаются с вооружения наконечники копий типа II-А-1, II-Б-1, производство которых было трудоемким. Если учесть, что в VII—VIII вв. кольчужный доспех употреблялся воинами в бою реже, видимо, и изготовление подобных образцов копий теряло практический смысл.

В VIII в. на вооружении мордовских воинов появились новые типы пик III-А-1, III-А-2, III-Б-1. Инвентарь, сопровождающий указанные пики, уже иной. Так, например, впервые появились височные привески с грузиком на стержне, пластинчатые браслеты, нагрудные ажурные бляхи, поясные пряжки с рамчатым приемником, луновидные привески (рис. 3, *30—34*, *39*). Эти украшения, как показывают наблюдения А. Е. Алиховой, длительное время употреблялись в VIII в. [2, табл. 1, *14*, *20*, *22*].

В IX в. впервые появляется древковое оружие типа II-Е-1, II-Ж-1, (рис. 3). Если говорить о копье II-Е-1 и его вариантах, то следует обратить внимание на конструкцию втулки, которая имеет несколько рельефных углублений (рис. 1, *7*). Всего таких копий найдено три экземпляра. Вероятно, это были парадные копья. За пределами рассматриваемого региона и вне бассейна р. Цны подобные виды древкового оружия нам не известны. Может быть, на этом основании их следует считать типично мордовскими. Сопроводительный материал, куда входили кольцевые височные привески, трапециевидные привески, браслеты с гвоздевидными тупыми концами, орнаментированные нарезками, глиняный горшок без узора и другие изделия, имел широкое распространение в IX в. [18, с. 46, табл. XXV, *7*] (рис. 3, *30*, 39, *39а*, *45*, *48*). Другой тип копья с ланцетовидным очертанием пера — II-Ж-1 — появляется на вооружении не ранее IX в. Среди вещей, сопровождавших копье, встречаются в этот период: височные привески в виде кольца с шишечкой наверху и грузиком внизу, луновидная подвеска, браслет с тупыми концами в виде шляпки гвоздя, привеска в форме самоварчика, бубенцы и другие украшения (рис. 3, *30*, *34*, *35*, *40*, *46а*). Все перечисленные выше украшения, согласно наблюдениям исследователей, получили распространение в IX в. [18, табл. XXI, *9*].

В X—XI вв. распространяются копья типа II-Ж-1. Это подтверждается сопроводительным инвентарем, входившим в состав захоронений, где встречается древковое оружие анализируемого образца. Показательным в этом отношении является погребение 175 Крюково-Кужновского могильника [19, с. 60]. Здесь обнаружены: роскошный поясной ремень с бляшками в форме треугольных розеток, бронзовые браслеты с тупыми концами, перстень с выемчатой эмалью, боевой топорик с квадратным обухом, бутыльчатые привески (рис. 3, *38*, 41, *42а*, *46*, *54а*).

В последующую эпоху — XII—XIV вв.— основные типы копий продолжают оставаться на вооружении. Число их в могилах сокращается, сокращается и разнообразие типов. Среди наиболее распространенных образцов следует выделить копья II-Е-1 и пики типа III-А-2. Сопроводительный инвентарь в захоронениях, где встречаются наконечники пик, невыразителен, количество находок резко сокращается, художественные достоинства изделий заметно снижаются. Отметим некоторые — это круглые застежки с лапчатыми концами, спиральные браслеты, гривны с замком в форме многогранной головки, лировидной формы пряжки, широколезвийные топоры с фигурным обухом, типичные для XII—XIV вв. [20] (рис. 3, *71—75*, *78*, *80*).

Завершая разбор древкового оружия мордовских племен, следует заметить, что сулица, найденная в захоронении 27 Елизавет-Михайловско-

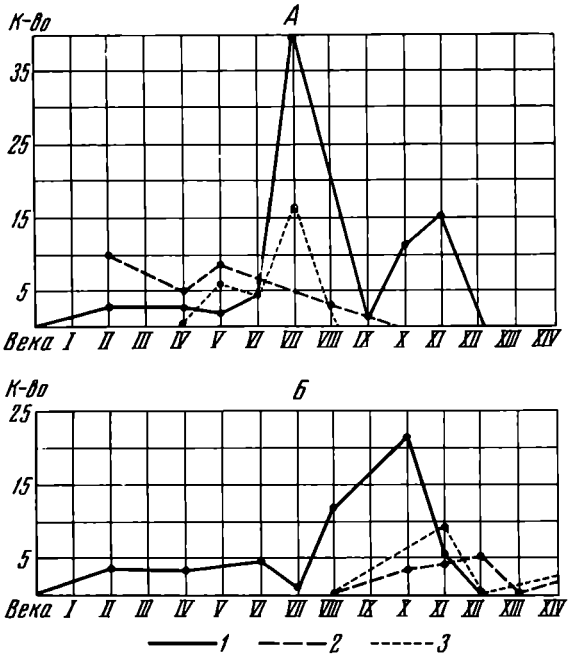


Рис. 4. Кривые зависимости распространенности копий от времени их использования. А — для копий типов I-А-2, II-В-1, II-Г-1; Б — для копий типов II-Д-1, II-Е-1, III-А-2; *1* — копья с индексом I-А-2, II-Д-1; *2* — с индексом II-В-1; II-Е-1; *3* — с индексом II-Г-1, III-А-2

го могильника, находилась в окружении вещей, которые находились в обращении в X—XI вв. [18, табл. XVIII, *1—5*]. Особенно нарядны поясные литые бляшки в форме трилистника, а также литая бронзовая пряжка с фигурным приемником.

В начале II тысячелетия н. э. обстановка в Западном Поволжье резко ухудшилась. Для этого времени характерно политическое и экономическое соперничество Древней Руси и Волжской Булгарии, проникновение русских торговых людей в Окско-Сурское междуречье, колонизация древнерусскими князьями земель, заселенных неславянскими племенами. Военно-политическое столкновение двух крупных средневековых держав не могло не отразиться на судьбе мордовских племен. Племенные союзы, возникшие в мордовской земле, ориентируются одни — на сильную Древнюю Русь, другие становятся союзниками булгарских царей [6, с. 25]. Территория мордвы оказалась втянутой в военную конфронтацию, а это не могло не сказаться и на ее вооружении.

Интенсивность распространения отдельных наконечников копий и пик резко изменяется, о чем свидетельствует картографирование находок оружия. Оно оказалось, судя по диаграмме, чрезвычайно неравномерным (рис. 4, 5). В одном районе находки копий часты, в других крайне редки. На приводимой диаграмме показано, что в VII—VIII вв. дротики I-А-1 составляют 42,6%. Высокая плотность находок копий типа II-В-1 падает на IX—X вв. в могильниках, расположенных на р. Суре и в долине р. Мокши (таблица).

Заслуживают внимания частые находки копий типа II-В-1 в районе расположения Цнинских могильников. Там они достигают 60% всех находок. Это обстоятельство невольно побуждает задуматься над тем: не является ли данный район тем местом, где было положено начало производству подобных видов оружия? Более того, именно в этом регионе очень часто встречаются пики типа II-А-1, повышающие уровень находок предметов оружия до 73%. Совершенно невозможно отрицать предположение об изготовлении пик данного типа цнинскими оружейниками (рис. 4).

Размещение находок копий типа II-Б-1 на карте расселения мордовских племен демонстрирует еще одну особенность — около 92,3% всех

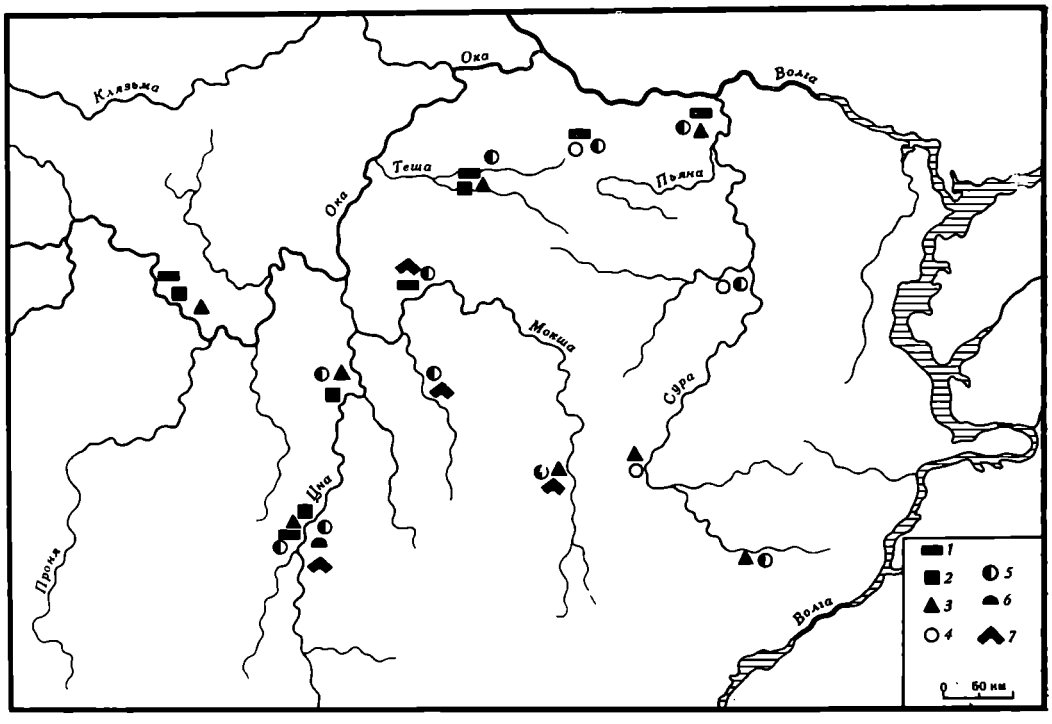


Рис. 5. Распространение находок древкового оружия на территории расселения мордовских племен. *1* — тип I-А-2; *2* — тип II-Б-1; *3* — тип II-Г-1; *4* — тип II-Д-1; *5* — тип II-Е-1; *6* — тип II-З-1; *7* — тип II-Ж-1

исследуемых в данной статье наконечников приходится на рязанские могильники. Есть все основания предполагать, что именно этот район явился центром производства данных наконечников. И, видимо, эта модель копья возникла у рязанских оружейников.

Специфической для цнинских оружейников явилась модель наконечника типа II-Е-1а с рельефными бороздками на втулке. Подобной конструкции втулки в Окско-Сурском регионе нам не известно.

В XII—XIII вв. конструкция отдельных типов копий изменилась. Вероятно, эти изменения протекали под влиянием древнерусской военной культуры. Перо копья приобретает очертания треугольника, втулка становится короткой, а грань на пере постепенно исчезает. На городищах поздней поры, а также в материалах лесных городков, именуемых русской летописью «твердями», древковое оружие встречалось реже, коли-

Тип	Всего	Бассейн рек							
		Ока	Сура	Цна	Мокша	Теша	Вад	Алатырь	Уза
I-А-1	73	40	5	7	16	4	–	–	1
II-А-1	13	3	1	3	2	–	4	–	
II-Б-1	13	12	–	1	–	–	–	–	–
II-В-1	20	1	4	11	2	–	2	–	–
II-Г-1	33	18	–	8	3	–	–	–	4
II-Д-1	72	–	23	4	27	4	10	–	4
II-Е-1	43	–	4	31	7	–	1	–	–
II-Ж-1	1	–	–	1	–	–	–	–	–
III-А-1	12	–	–	11	1	–	–	–	–
III-А-2	11	–	–	8	1	–	1	1	–
III-Б-1	3	–	–	2	1	–	–	–	–
III-Б-2	5	–	–	3	2	–	–	–	–
III-В-1	9	–	–	9	–	–	–	–	–
IV-А-1	1	–	–	1	–	–	–	–	–
Общее количество	309	74	37	100	62	8	18	1	9

чество находок его в культурных слоях поселений незначительно [21, с. 235—250].

Таким образом, древковое оружие мордовских племен прошло сложный путь эволюции. Оно испытало на себе воздействие нескольких военно-культурных центров: Сарматского, Хазарского, древнерусского и булгарского. Может быть, влияние соседних военных центров способствовало появлению собственных ремесленников-оружейников, рождению оригинальных местных моделей копья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Полесских М. Р.* Боевое оружие и снаряжение из могильников армиевского типа.— СА, 1965, № 1.
2. *Алихова А. Е.* Из истории мордвы конца I — начала II тыс. н. э.— В кн.: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск: Мордовск. книжн. изд-во, 1959.
3. *Диркин А. В.* Меч и сабля из Шокшинского могильника.— МИА, 1969, № 169.
4. *Шитов В. Н.* Вооружение мордвы второй половины I тыс. н. э.— В кн.: Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Вып. 48. Саранск, 1974.
5. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, 1967, № 105.
6. *Диркин А. В.* Русско-мордовские отношения в X—XIV вв. Саранск: Мордовск. книжн. изд-во, 1968.
7. *Степанов П. Д.* Андреевский курган.— Тр. МНИИЯЛИЭ, 1967, вып. 27.
8. *Синицин И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана.— МИА, 1960, № 78.
9. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2.— САИ, вып. Е1-36. М.— Л., 1966.
10. *Генинг В. Ф.* Азелинская культура III—V вв.— ВАУ, 1963, вып. 5.
11. Древности Мордовского народа. Саранск: Мордовск. книжн. изд-во, 1941.
12. *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968.
13. *Генинг В. Ф.* Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай.— ВАУ, 1962, вып. 3.
14. *Степанов П. Д.* Ош Пандо. Саранск: Мордовск. книжн. изд-во, 1967.
15. *Смирнов А. П.* Железный век Чувашского Поволжья.— МИА, 1961, № 95.
16. *Ефименко П. П.* Рязанские могильники.— МЭ, 1926, т. 3, вып. 1.
17. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1967, № 3.
18. Материальная культура Среднецнинской мордвы VIII—XI вв. Саранск: Мордовск. книжн. изд-во, 1969.
19. *Иванов П. П.* Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск: Изд-во Моршанского музея, 1952.
20. *Алихова А. Е.* Старосотенский могильник.— В кн.: Археологический сборник, № 1. Саранск, 1948.
21. *Федоров-Давыдов Г. А., Диркин А. В.* Новые данные об Итяковском городище в Темниковском районе МАССР.— В кн.: Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР. Вып. 30. Саранск, 1966.

A. V. Tsirkin

MORDVINIAN SHAFT ARMS AND THEIR CHRONOLOGY

Summary

The article is devoted to the chronology and typology of shaft arms of Mordvinian tribes, the problem inadequately studied in Soviet archaeology. The classification offered by the author draws 312 spears, javelins and lances and uses a formal typological principle based on type-determining features. The dates are established with the help of grave goods as part of burial complexes. The correlation has permitted to establish the evolution of spear types and their absolute chronology. A detailed analysis of the spears made it possible to determine the local types of spears and the degree to which the development of arms among the neighbours influenced the arms production among the Mordvinians.

АТАВИН А. Г.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАХОРОНЕНИЙ ЧУЧЕЛ КОНЕЙ В КОЧЕВНИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ X—XIV ВВ.

К середине I тысячелетия н. э. кочевое скотоводство полностью заменило пастушество и стало господствующим на огромном пространстве азиатских и восточноевропейских степей [1, с. 1]. От кочевых народов в степях сохранились и дошли до нас тысячи подкурганных и простых грунтовых погребений. Одной из наиболее характерных черт этих погребений является захоронение с покойником останков коня. Скифы и сарматы раннего железного века, сибирские и среднеазиатские тюрки в средние века хоронили обыкновенно целую тушу одного или даже нескольких коней [2, с. 31—34, 43—46, рис. 20, 24, 26, 27] [1]. Однако уже в IX—X вв. на Алтае и в Казахстане все чаще стали появляться погребения, где тушу коня заменяли его чучелом. При этом в могилах до нас доходят обычно только череп и кости ног коня или же отдельные кости туши — грудина, копыто, пясть, правда, последние могли быть и заупокойной пищей [2, с. 43, 44].

В восточноевропейских степях, заселявшихся последовательно с IX по XIV вв. кочевниками тюркского происхождения — печенегами, торками-гузами и половцами, в настоящее время открыто около 2 тыс. погребений, принадлежащих этим народам. Из них примерно в половине захоронены остатки коня или предметы конской сбруи [3, с. 117—119]. Исследователи уже давно доказали, что в эпоху господства в восточноевропейских степях печенегов, торков и половцев для двух первых был характерен обряд захоронений с покойником чучел коней, а для половцев — целой туши [3, с. 134, 145; 4, с. 155, 156, 161, 173; 5, с. 218]. Кроме того, печенеги часто погребали одно чучело коня без человека, что совершенно нехарактерно для половцев [4, с. 156; 5, с. 218].

В настоящей статье не ставится цель вновь исследовать обряд захоронения коней полностью. Рассмотрим только интересные, не замеченные ранее особенности захоронений чучел коней и попытаемся на основании этих наблюдений выделить характерные этнографические черты этого обряда у печенегов, торков и половцев. Для работы привлечены погребения, раскопанные в основном в послевоенные десятилетия, о которых в отчетах и публикациях сохранились полные сведения. Всего нами обработан материал более 100 погребений из восточных районов восточноевропейской степи, т. е. количество, достаточное для более или менее определенных выводов (см. приложение).

За основу типологии погребений чучел берется характер членения ног у коня. Они могут быть отчленены по первой (бабки), второй (пясть) или третий (колено) суставы. Варианты в типах выделяются на основании раскладки костей ног животного в могиле. Есть несколько погребений, где был захоронен лишь череп коня, и поэтому нам пришлось выделить их в отдельный вариант и достаточно условно отнести их к I типу (рис. 1, *1*; 2; 3). В каждом отдельном типе выделяются два основных варианта захоронений чучел коней — с головой или без головы. Мы не будем вдаваться в подробности этой черты погребального обряда, тем более что в случае захоронения чучела коня без его головы ноги живот-

[1] Подобные погребения существовали у тюрок Алтая и Тувы в VI—IX вв., у носителей сросткинской культуры VIII—IX вв., кимаков Казахстана IX—X вв. и карлуков Семиречья VIII—IX вв., а также многих других тюркских племен в средние века.

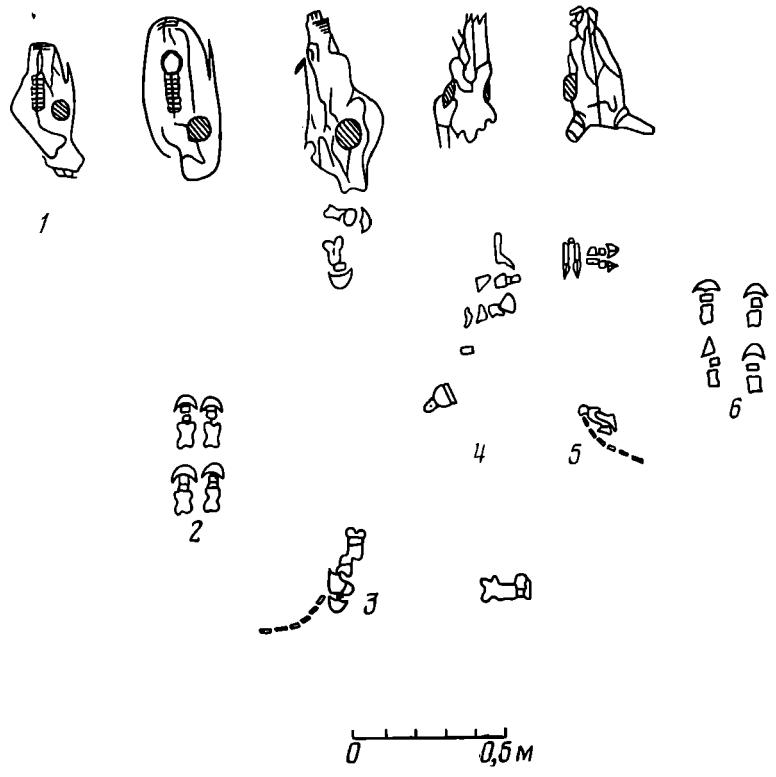


Рис. 1. Погребения чучел коней I типа. *1* — первый вариант; *2, 3* — второй; *4, 5* — третий; *6* — четвертый вариант (прил. № 96, 33, 85, 59, 99, 24)

ного бывают уложены в могиле так же, как в варианте с полным чучелом. Кроме того, надо отметить, что иногда встречаются кости не четырех ног, а трех, двух или даже одной, но они относятся нами к тому или иному варианту одного из типов. При захоронении полного чучела коня во время раскопок иногда встречались кости хвоста и отпечатки шкуры животного (прил. № 41, 83, 85, 86, 88, 94).

I и II типы погребений схожи между собой по характеру положения ног животного в могиле. Ноги коня, отчлененные по бабки или пясть, лежат в могиле параллельно друг другу двумя парами, причем одна пара находится рядом с черепом человека, другая у его ног (рис. 2, *2*). Чучело животного как бы растянуто в могиле вдоль погребенного, а его ноги образуют почти правильный прямоугольник. Особенно это характерно для погребений из Калмыкии (прил. № 59—65, 67—71) (рис. 2, *1*). Менее аккуратно ноги коня лежат в курганах могильника у Саркела — Белой Вежи. Они заходят одна на другую, ориентированы копытами в разные стороны, лежат не параллельно одна другой (прил. № 74—92, 94) (рис. 1, *3*; 2, *2, 4*). В отдельных случаях ноги коня бывают сдвинуты к ногам или голове погребенного человека (прил. № 33, 38, 93; рис. 1, *2*).

В погребениях, которые мы выделили в III тип, поза чучела коня, похороненного в могиле, напоминает позу целого остова животного, положенного на живот или на бок с подогнутыми или вытянутыми ногами (рис. 3).

Сведения о погребениях сведены в табл. 1. Здесь учтены ориентация погребенного человека и положение чучела коня. Чучело могло быть уложено: 1 — по разным сторонам от человека; 2 — рядом с ним в могиле; 3 — на ступеньке; 4 — над человеком в засыпке или на перекрытии. Номера в графах табл. 1 соответствуют номерам комплексов в приложении (то же для табл. 2). В таблице и на рисунках учтены также два погребения, где вместо чучела коня захоронены чучела коровы или быка. По характеру членения ног и раскладки конечностей в могиле они относятся к I или II типам погребений (прил. № 99, 107) (рис. 1, *5*; 2, *3*).

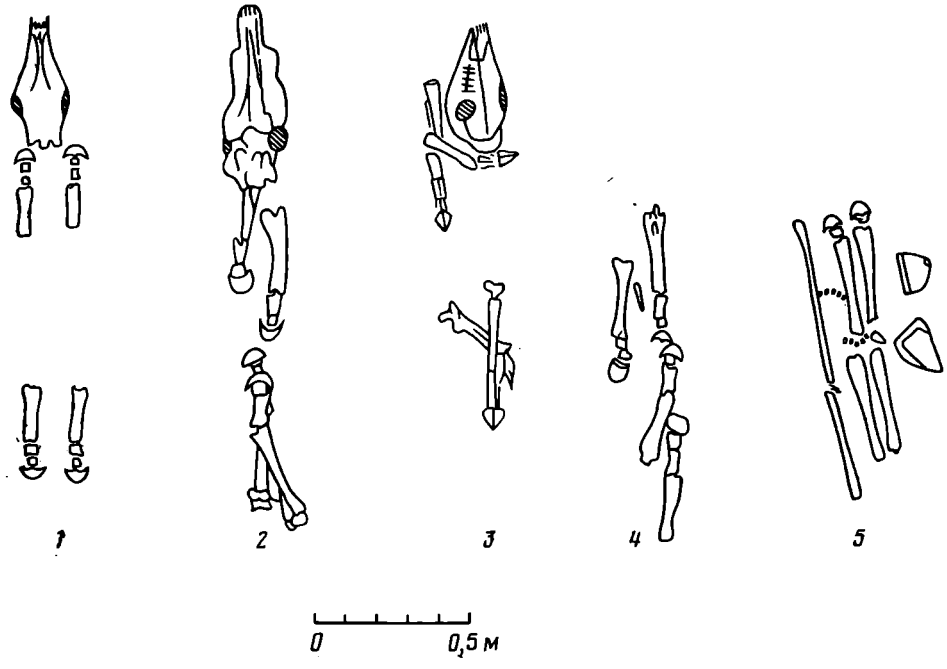


Рис. 2. Погребения чучел коней II типа. *1—3* — пятый вариант; *4, 5* — шестой вариант (прил. № 60, 77, 107, 93, 40)

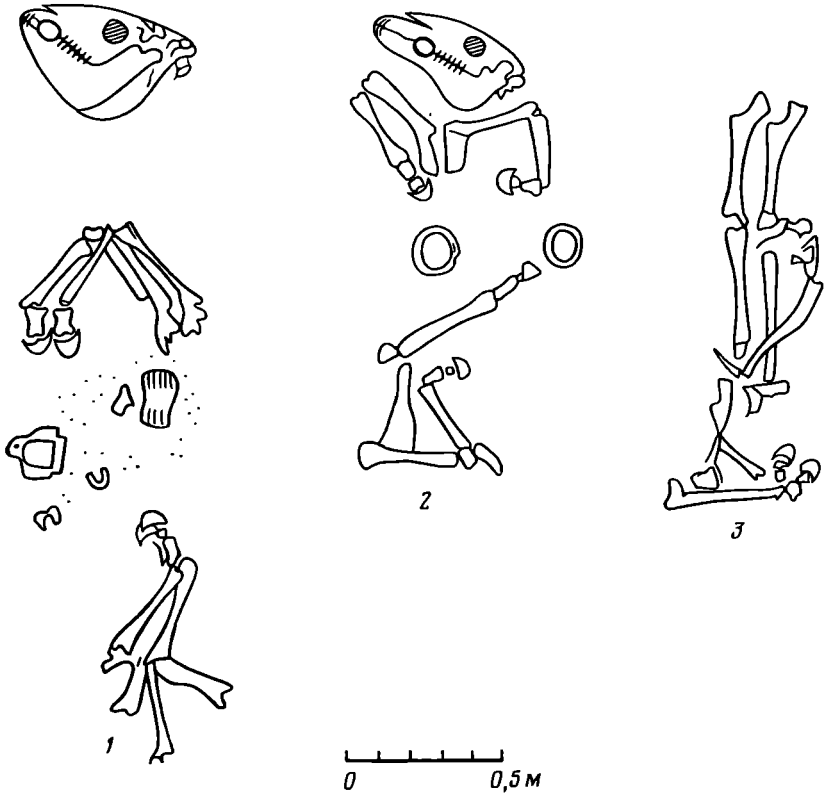


Рис. 3. Погребения чучел коней III типа. *1, 2* — седьмой вариант; *3* — восьмой вариант (прил. № 49, 6, 102)

Самыми незначительными по количеству (4) оказались погребения, где был найден лишь череп коня без ног. Во всех случаях погребенный человек ориентирован головой на запад. Череп коня помещался в могилу по-разному: справа или слева от человека, на ступеньке или в могиле. Ориентировка его соответствует ориентировке человека (прил. № 2, 15, 96) или прямо противоположна ей (прил. № 1). В остальных

погребениях выделенного нами I типа человек лежит, как правило, головой на запад (только в двух случаях — на север). При этом чучело коня ориентировано черепом в ту же сторону, что и погребенный. В отдельных случаях череп животного лежит поперек человека (прил. № 94) или ориентирован в противоположную сторону (прил. № 29). В половине комплексов (14 из 30) [2] чучело коня находится выше человека в засыпке могилы или на перекрытии, в остальных случаях — слева или справа от погребенного на дне могилы и, что крайне редко,— на ступеньке. Примерно в 22% погребений чучело коня уложено без головы. К I типу относятся два кенотафа.

Погребения II типа составляют более компактную группу (рис. 2). В 20 случаях из 25 (т. е. 80%) человек в могиле похоронен головой на запад [3]. Погребения с восточной ориентировкой человека составляют 20% от основной массы. Совершенно исчезают погребения, где человек похоронен головой на север. По сравнению с I типом сильно сократилось количество могил с чучелами коня, уложенными над человеком в засыпке или на перекрытии. Зато очень много погребений, в которых конь уложен рядом с человеком в могиле слева или справа от него (13 случаев) или на ступеньке (9). Всего лишь три раза чучело коня похоронено без головы. Чаще всего останки коня лежат черепом в ту же сторону, что и человек, но иногда и в противоположную, что характерно для погребений из Калмыкии (прил. № 62—65, 68). Как и в I типе, погребения чучел этого типа встречаются в кенотафах.

III тип значительно отличается от предыдущих двух (рис. 3, табл. 1). Несмотря на то что в 59% погребений человека по-прежнему хоронили головой на запад (26 случаев из 44), значительно возросла доля погребений с восточной ориентировкой — 16 случаев (36%). Вновь появляются погребения с северной и южной ориентировками человека. В большинстве могил чучело коня хоронят на ступеньке слева или справа от погребенного (33 случая — 75%), гораздо реже на дне могилы рядом или выше человека. 18 раз останки коня уложены черепом в противоположную сторону, т. е. к ногам человека (прил. № 4, 6, 12—14, 19, 30, 47, 58, 72, 73, 97, 103—106, 109). Совершенно исчезают кенотафы.

По особенностям погребального обряда: захоронению под небольшими земляными насыпями или устройству впускных погребений в насыпях других эпох, явному преобладанию западной ориентировки погребенных, захоронению вместе с человеком чучела коня (иногда коровы или быка), чаще рядом в могиле или на перекрытии, устройству кенотафов, наличию в могилах ранних типов вещей, оружия и конского снаряжения [5, с. 218] — следует отнести I и II типы погребений, включая сюда и погребения с одним черепом коня, к печенего-торческой эпохе. Более половины комплексов из них датированы исследователями X—XI вв. и только два — второй половиной XIII—XIV в. (табл. 2). Остальные погребения не получили даты из-за отсутствия сопровождающего инвентаря, но мы вправе отнести их в основном к X—XI вв. по сходству в чертах погребального обряда с датированной группой, за исключением, по-видимому, незначительного количества могил, где человек похоронен головой к востоку. Из табл. 2 видно, что не встречено ни одного погребения, относящегося к концу XI — первой половине XIII в. Известно, что именно в это время остатки печенего-торческого населения отхлынули под напором половцев в Поросье, где составили основу черноклобуцкого союза [52].

Значительное количество аналогий описываемые могилы находят в том же Поросье [52, с. 12—14, 20—22], а также в Венгрии. Чанад Балинт выделяет подобные комплексы в так называемую III группу погребений с набивными лошадиными шкурами и относит их к какому-то тюркскому народу, примкнувшему к венграм. Выделенная им группа

---

[2] Не учитываются кенотафы.
[3] Не учитываются кенотафы.

Таблица 1

Ориентировка погребенного	Чучело коня и его расположение		Типы и варианты захоронений							
			I				II		III	
			1	2	3	4	5	6	7	8
З	Выше	В засыпке		17, 32, 86, 88, 94		10, 26, 27, 28			35	
		На перекрытии		16, 18, 23, 29, 31			3, 22, 21		58	
	Слева	Без ступеньки	2, 96	25, 33, 34, 74, 75, 76, 79, 85, 100		36, 37	42, 67, 69, 77, 78, 80, 81, 87, 92	38	66	
		На ступеньке	1	11			60, 61, 71, 82, 83		8, 9, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 51, 53, 54, 55, 56, 57, 70, 95, 105, 108	52
	Справа	Без ступеньки		39	59, 99		89			
		На ступеньке	15				65		5, 109	101
	Кенотаф			90			84, 91	40		
В	Выше	В засыпке							12, 30	
		На перекрытии							73	
	Справа	Без ступеньки					68, 107	93	6, 14, 72, 98, 106	
		На ступеньке					62, 63, 64		4, 13, 19, 97, 103, 104	102, 110
	Кенотаф					24				
С	Слева	Без ступеньки		20, 21						
		На ступеньке							47	
Ю	»	»							7	

Таблица 2

Век	Тип	
	I, II	III
X-XI	2, 3, 10, 11, 16, 17, 18, 21, 22, 23, 24, 29, 31, 32, 34, 60, 61, 62, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91 92, 93, 94	48, 95
Последняя четверть XI – середина XIII		7, 8, 9, 12, 13, 72, 109, 110
Вторая половина XIII–XIV	39, 42	4, 5, 6, 14, 19, 44, 45, 47, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 73

полностью идентична погребениям II типа (с ногами, отчлененными по пястный сустав) [53, с. 180, рис. 1, *4*].

Погребения III типа по ряду черт погребального обряда, таким, как ориентировка погребенных головой на восток, наличию камней в насыпи курганов, поздним типам стрел, сабель, удил, датируются более поздним временем. Как мы видим из табл. 2, появились могилы, относящиеся к концу XI — середине XIII в., непосредственно к половецкому времени. К X–XI вв. относятся лишь две могилы. Значительное количество погребений датируется второй половиной XIII–XIV в. Большинство их происходит из Поволжья, куда после татаро-монгольского нашествия произошел значительный отлив половецкого и печенего-торческого населения из других районов степи [3, с. 152, 153]. Правда, в это время печенеги и торки хоронят чучело коня с ногами, отчлененными по колено или выше. Подобный способ членения ног у чучела животного мы связываем с появлением половцев. При раскопках М. Г. Мошковой и К. Ф. Смирнова в Западном Казахстане были исследованы половецкие погребения XI–XIV вв. В некоторых могилах с человеком был похоронен целый конь, а в других — его чучело с ногами, отчлененными у верхних суставов. Насыпи курганов, где совершены захоронения, сооружены с применением камня, под полой курганов отмечены каменные кольца [13, с. 10–12, 25, 26; 54, с. 49–59; 55, с. 29–32] [4].

Быстрое смешение погребального обряда печенегов, торков и половцев уже отмечалось исследователями [5, с. 219]. Подобное явление было отмечено также в Поросье, где среди погребений второй печенежской группы с ногами коней, отчлененными по пястный сустав, есть погребения, в которых ноги у чучела отчленены по колено. Более того, в поздних торческих и печенежских могилах вместо чучела коня положен по половецкому обряду целый конь [52, с. 12–14, 20–22].

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. Обряд захоронения чучела коня с человеком — явление, характерное для всей эпохи господства в восточноевропейских степях печенегов, торков и половцев.

2. Обряд этот не оставался неизменным. Изменению во времени подвергся способ членения ног у чучела животного.

3. В печенежско-торческую эпоху в могилу с покойником укладывали чучело коня с ногами, отчлененными по первые суставы, а иногда только голову животного.

4. С приходом в степи половцев в обряде появляются новые черты. С человеком хоронят целого коня или его чучело, но с ногами, отчлененными по колено или выше.

5. Способ членения ног при захоронении с человеком чучела коня — явление не только этнографическое, но в определенном смысле и дати-

[4] Сооружение курганов с применением камня всеми исследователями единодушно считается принадлежностью половецкого обряда [3, с. 143, 145; 4, с. 173; 5, с. 218; 52, с. 20].

рующий признак. Мы вправе считать, что, за неимением других возможностей для определения даты и этноса каждого отдельно взятого погребения, можно пользоваться этой характерной чертой погребального обряда.

Приложение

Список погребений, использованных в статье

Казахстан

1. Федоровский, 14 гр., к. 1, о. п. [6, с. 221, 222].
2. Нежинское, к., в. п. 4 [7, с. 288, 289, 297, рис. 1].
3. Увак, к., о. п. [8, с. 262—266].
4. Бек-Бике, к. 19, о. п. [9, 109—112; 3, прил. 1, № 139].
5. Курпе-Байский мог., к. 5 [10, с. 29—31; 3, прил. 1, № 140].
6. Джангала I, к. 1, в. п. 1 [11, с. 15—17; 3, прил. 1, № 138].
7. Челкар III, к. 12, о. п. [12, с. 19—24].
8. Новый Кумак, зап. гр., к. 1, в. п. 1 [13, с. 10—12, рис. 26, 27].
9. Там же, к. 2, о. п. [13, с. 12, 13, рис. 29, 30].

Нижнее Поволжье

10. Калиновка, к. 1, в. п. 7 [14, с. 328; 3, прил. 1, № 164].
11. Там же, к. 12, в. п. 19 [14, с. 363; 3, прил. 1, № 169].
12. Там же, к. 26, в. п. 1 [14, с. 381, 382; 3, прил. 1, № 171].
13. Там же, к. 26, в. п. 2 [14, с. 382; 3, прил. 1, № 172].
14. Там же, к. 54, в. п. 1 [14, с. 400].
15. Заплавное, к. 1, в. п. 5 [15, с. 1—5].
16. Там же, к. 3, в. п. 3 [15, с. 29—34; 51, прил. № 156].
17. Там же, к. 3, в. п. 6 [15, с. 35—37; 3, прил. 1, № 152].
18. Там же, к. 3, в. п. 7 [15, с. 37—40; 3, прил. 1, № 153].
19. Старица, к. 5, о. п. [16, с. 43, 44, рис. XIII; 3, прил. 1, № 307].
20. Там же, к. 7, в. п. 8 [16, с. 47, 48].
21. Там же, к. 7, в. п. 16 [16, с. 51, 52; 51, прил. № 388].
22. Там же, к. 21, в. п. 5 [17, с. 36, 37; 3, прил. 1, № 315].
23. Там же, к. 30, в. п. 4 [17, с. 98—102; 3, прил. 1, № 318].
24. Ильевка, к. 9, в. п. 1 [18, с. 18, 19; 51, прил. № 169].
25. Царев, к. 11, о. п. [19, с. 35, 36].
26. Колобовка 1, к. 3, в. п. 4 [20, с. 9].
27. Там же, к. 6, в. п. 1 [20, с. 13].
28. Там же, к. 6, в. п. 2 [20, с. 14].
29. Быково 1, к. 14, в. п. 3 [21, с. 208].
30. Там же, к. 15, в. п. 4 [21, с. 211; 3, прил. 1, № 103].
31. Там же, к. 16, в. п. 9 [21, с. 215; 3, прил. 1, № 102].
32. Быково 2, к. 3, в. п. 5 [21, с. 229; 3, прил. 1, № 104].
33. Ровное, к. 4, в. п. 7 [22, с. 25, 26, рис. 33].
34. Кривая Лука 5, к. 4, о. п. [23, с. 50, 51; 51, прил. № 209].
35. Там же, к. 5, в. п. 11 [23, с. 55, 56].
36. Черный Яр, к. 1, о. п. [24, с. 4].
37. Там же, к. 2, в. п. 1 [24, с. 5, 6].
38. Там же, к. 2, о. п. 2 [24, с. 6, 7].
39. Там же, к. 4, в. п. 5, 6 [24, с. 14, 15; 51, прил. № 470].
40. Журов, к. 2, в. п. 1 [20, с. 17].
41. Никольское 5, к. 1, в. п. 4 [25, с. 55—58, рис. 150].
42. Новая Молчановка, к. 1, в. п. 5 [26, с. 132; 3, прил. 1, № 225].
43. Золотушино, южн. гр., к., о. п. [27, с. 29, 30, рис. 13].
44. Казицкое, к. 1, в. п. 2 [28, с. 18, 19; 3, прил. 1, № 163].
45. Скатовка, к. 5, в. п. 2 [26, с. 160—162].
46. Лесной Кордон, к. 1, в. п. 2 [29, с. 122].
47. Бережновка 1, к. 4, в. п. 4 [26, с. 64; 3, прил. 1, № 63].
48. Бережновка, южн. гр., к. 9, в. п. 6 [29, с. 117, 180; 51, прил. № 70].
49. Бережновка 2, к. 28, в. п. 2 [29, с. 40, 42; 3, прил. 1, № 79].
50. Бахтияровка, к. 3 [30, с. 4—6; 51, прил. № 27].
51. Там же, к. 5 [30, с. 7, 8; 51, прил. № 30].
52. Там же, к. 12 [30, с. 10, 11; 51, прил. № 36].
53. Там же, к. 13 [30, с. 11, 12; 51, прил. № 38].
54. Там же, к. 14 [30, с. 12; 51, прил. № 39].
55. Там же, к. 16 [30, с. 14; 51, прил. № 41].
56. Там же, к. 19 [30, с. 15; 51, прил. № 42].
57. Там же, к. 21 [30, с. 16, 17; 51, прил. № 44].

Калмыкия

58. Кущын Толга, к. 46, в. п. 2 [31, с. 50—53].
59. Там же, к. 46, в. п. 5 [31, с. 53—55].
60. Архара, к. 21, в. п. 2 [32, с. 87, 88, рис. 56, 51, прил. № 1].
61. Лола 2, к. 8, в. п. 3 [32, с. 113, 114, рис. 46, 47; 51, прил. № 259].
62. Там же, к. 11, в. п. 1 [32, с. 117—119, рис. 81; 51, прил. № 261].

Примечание. в. п.— впускное погребение, о. п.— основное погребение.

63. Восточный Маныч 1, к. 21, в. п. 1 [33, с. 30, табл. 107, рис. 1].
64. Там же, к. 40, в. п. 1 [34, с. 95—96].
65. Там же, к. 43, в. п. 3 [34, с. 102, 103].
66. Восточный Маныч 2, к. 1, в. п. 1 [33, с. 63, табл. 107, рис. 2].
67. Там же, к. 37, в. п. 2 [33, с. 95].
68. Там же, к. 68, в. п. 1 [34, с. 206—208].
69. Восточный Маныч 3, к. 10, в. п. 1 [34, с. 284, 285].
70. Там же, к. 13, в. п. 3 [34, с. 302].
71. Восточный Маныч, правоб. гр., к. 19, о. п. [35, с. 332—334].
72. Элистинский мог., к. 35, в. п. 5 [36, с. 99, рис. 72; 51, прил. № 483].
73. Три Брата 1, к. 11, в. п. 6 [37, с. 15; 3, прил. 1, № 332].

Ростовская область и Северный Кавказ

74. Саркел — Белая Вежа, кочевнический мог., к. 5 [38, с. 219, рис. 3].
75. Там же, к. 8 [38, с. 219, 220, 258, 259].
76. Там же, к. 16 [38, с. 219, 220, 258, 259].
77. Там же, к. 21 [38, с. 221].
78. Там же, к. 34 [38, с. 222, рис. 4].
79. Там же, к. 35 [38, с. 222, 223].
80. Там же, к. 37 [38, с. 224, рис. 5].
81. Там же, к. 40 [38, с. 226].
82. Там же, к. 41 [38, с. 226].
83. Там же, к. 43 [38, с. 227, 228, рис. 7].
84. Там же, к. 45 [38, с. 228, рис. 8].
85. Там же, к. 47 [38, с. 229].
86. Там же, к. 48 [38, с. 229, рис. 9].
87. Там же, к. 53 [38, с. 230, 231].
88. Там же, к. 54 [38, с. 231, 232, 258, 259].
89. Там же, к. 56 [38, с. 232].
90. Там же, к. 60 [38, с. 235].
91. Там же, нас. 15, п. 4 [38, с. 235, рис. 13]
92. Там же, нас. 18, о. п. [38, с. 233].
93. Там же, нас. 19, в. п. 15 [39, с. 164, 165, рис. 110].
94. Там же, нас. 19, в. п. 22 [39, с. 165, 166, рис. 111, 112].
95. Там же, нас. 19, в. п. 56 [38, с. 236, 237, рис. 14].
96. Ростов-Дон, к. 8, в. п. 1 [40, с. 26, 27].
97. Богоявленская, к. 26, в. п. 5 [41, с. 10—14, табл. 10—13].
98. Там же, к. 29, в. п. 16 [41, с. 71—76, табл. 68—74].
99. Там же, к. 31, в. п. 16 [41, с. 113, 114, табл. 117, 118].
100. Гаевка-Каймакчи, к. 4, в. п. 13 [42, с. 23, 24].
101. Ясырев 1, к. 7, в. п. 8 [43, с. 41, 42].
102. Четыре Брата 1, к. 1 [44, с. 26—28].
103. Южный Маныч, к. 3, в. п. 6 [45, с. 119, 120].
104. Сонино, к. 3, в. п. 7 [46, с. 31, табл. XXII, 7].
105. Соленка 3, к. «А» [47, с. 3—6, табл. 3—6].
106. Каменка, к. 15, в. п. 1 [48, с. 299, 300, рис. 76].
107. Пески, к. 23, в. п. 2 [48, с. 243, 244, рис. 91].
108. Новоселицкая, к. 1, в. п. 1 [49, с. 2—5, табл. 3—5].
109. Кубины, к. 1 [50, с. 168, 169].
110. Там же, к. 2 [50, с. 169].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982.
2. *Могильников В. А.* Сибирские древности VI—X вв.— Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
3. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
4. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62.
5. *Плетнева С. А.* Кочевники восточноевропейских степей в X—XIII вв.— Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
6. *Рыков П. С.* Отчет за 1927 г.— Архив ЛОИА, ф. 2, д. 187.
7. *Кривцова-Гракова О. А.* Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г.— ТСА РАНИОН, 1928, т. IV.
8. *Федорова-Давыдова Э. А.* Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969.
9. *Синицын И. В.* Археологические памятники по реке Малый Узень.— КСИИМК, 1950, вып. XXXII.
10. *Синицын И. В.* Отчет об археологических работах по узеням в пределах Саратовской области и Западного Казахстана в 1948 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 240.
11. *Синицын И. В.* Отчет об археологических работах в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане летом 1949 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 319.
12. *Мошкова М. Г.* Отчет о работе Западноказахстанской экспедиции 1969 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 4381.
13. *Смирнов К. Ф.* Отчет Оренбургской экспедиции 1971 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 4510.

14. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
15. *Шилов В. П.* Отчет об археологических раскопках Астраханской экспедиции 1958 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 1850.
16. *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции 1960 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 2155.
17. *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции 1961 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 2380.
18. *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского археологического отряда ЛОИА АН СССР и Волгоградского музея краеведения 1970 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 4205.
19. *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА в Волгоградской области 1971 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 4456.
20. *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА в Ленинском и Калачевском районах Волгоградской области 1973 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 5688.
21. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78.
22. *Синицын И. В.* Отчет о работе Заволжского отряда Сталинградской экспедиции ИИМК АН СССР 1957 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 1645.
23. *Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г.— Древности Астраханского края. М.: Наука, 1977.
24. *Шнайдштейн Е. В.* Отчет о полевых исследованиях Черноярского отряда Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР 1970 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 4711.
25. *Дворниченко В. В.* Отчет о раскопках курганов в зоне строительства Никольской оросительной системы Астраханской области в 1977 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 6686.
26. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжкого отряда (1951—1953 гг.).— МИА, 1959, № 60.
27. *Рыков П. С.* Отчет 1927 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, д. 154.
28. *Рау П. Д.* Отчет 1925 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, д. 160.
29. *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана.— МИА, 1960, № 78.
30. *Лисицын И. П.* Отчет о работе археологического отряда ОДЭТС в Ленинском районе Волгоградской области 1967 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 3800.
31. *Шнайдштейн Е. В.* Отчет археологической экспедиции Калмыцкого НИИЯЛИ о раскопках курганов в Малодербетовском районе Калмыцкой АССР 1974 г.— Архив ИА АН СССР, д. 1, д. 5434.
32. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.).— Тр. Калм. НИИЯЛИ, 1966, вып. 2.
33. *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 1, 2. Саратов. Изд-во СГУ, 1978.
34. *Синицын И. В.* Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР в 1966 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 4223.
35. *Синицын И. В.* Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР в 1965 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 3321.
36. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 г.).— Тр. Калм. НИИЯЛИ, 1971, вып. 3.
37. *Рыков П. С.* Отчет 1934 г.— Архив ЛОИА, ф. 2, д. 263.
38. *Плетнева С. А.* Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1963, № 109.
39. *Артамонова О. А.* Могильник Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1963, № 109.
40. *Брашинский И. Б.* Отчет 1967 г.— Архив ЛОИА, ф. 35, д. 75.
41. *Савченко Е. И.* Отчет о работе Богоявленской археологической экспедиции Новочеркасского музея в 1971 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 4926.
42. *Казакова Л. М.* Отчет об исследованиях археологических памятников в зоне строительства Миусской оросительной системы в 1975 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 5771.
43. *Мошкова М. Г.* Отчет о работе Цимлянской экспедиции 1970 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 4267.
44. *Мошкова М. Г.* Отчет о работе Багаевской экспедиции Ростовской области 1971 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 5080.
45. *Горбенко А. А.* Отчет о раскопках курганов в Сальском и Багаевском районах Ростовской области 1973 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 5422.
46. *Максименко В. Е.* Отчет о раскопках курганов в бассейнах рек Еи и Кагальник 1972 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 4976.
47. *Максименко В. Е.* Отчет о раскопках курганов в Сальском районе Ростовской области 1975 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 5674.
48. *Городцов В. А.* Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г.— Тр. XIII АС, т. I, М., 1907.
49. *Кореняко В. А.* Отчет о работе Новоселицкого отряда Ставропольской экспедиции 1974 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 5412.
50. ***Минаева Т. М.*** К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным.— МИСК, 1964, вып. 11.
51. *Шнайдштейн Е. В.* Археологические памятники поздних кочевников Нижнего Поволжья как источник по этногенезу астраханских татар: Канд. дис.: ЛОИА АН СССР, 1975.— Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, д. 2070.

52. *Плетнева С. А.* Древности черных клобуков.— САИ, вып. Е1—19, М., 1973.
53. *Чанад Балинт.* Погребения с конями у венгров в IX—X вв.— Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.
54. *Мошкова М. Г.* Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции 1962 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 2543.
55. *Смирнов К. Ф.* Отчет о работе Оренбургской экспедиции 1973 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 5036.

A. G. Atavin

SOME PECULIARITIES OF INTERMENTS OF STUFFED HORSES IN NOMADIC BURIALS OF THE 10TH-14TH CENTURIES

Summary

The rite of interment of a stuffed horse together with a human body was current in the East European steppes in the period when the Pechenegs, the Turks and the Cumans predominated in the region. In the 10th-11th centuries, the period the Pechenegs and the Turks reigned supreme in the steppes, a stuffed horse was placed in the burial with its legs lacking their first joints. The Cumans brought with them a variant of the rite: a horse or, more often, a stuffed horse, was buried with its legs lacking the knee joints or even greater parts of its legs. The tracing of this peculiarity provides grounds for establishing the date and ethnic affiliation of nomadic burials.

Публикации

КОВАЛЕВА В. Т., ВАРАНКИН Н. В.

О СООТНОШЕНИИ КОШКИНСКИХ И БОБОРЫКИНСКИХ КОМПЛЕКСОВ

(по материалам поселения на берегу Андреевского озера) у г. Тюмени

При раскопках поселения Боборыкино II на р. Исети в окрестностях г. Шадринска К. В. Сальниковым была выделена новая культура начала эпохи металла, названная боборыкинской. Не найдя генетических корней боборыкинской керамике в местных материалах эпохи неолита и аналогий за пределами Зауралья, К. В. Сальников предполагал, что боборыкинская культура сложилась в более южных районах, но на базе, родственной зауральскому неолиту. Кремневый инвентарь, основной особенностью которого К. В. Сальников считал микролитичность, по его мнению, был близок кельтеминарскому [1].

Позднее к этой проблеме неоднократно обращалась Л. Я. Крижевская. Она приходит к выводу о сложении боборыкинской культуры в Ишимско-Иртышском бассейне, с западной границей по р. Тобол [2, с. 94, 95].

За последние годы свердловскими археологами раскопано более 20 памятников боборыкинского типа, выявлена новая группа памятников с линейно-накольчатым орнаментом для позднего неолита лесного Зауралья — кошкинская, во многом близкая памятникам боборыкинского типа. Это позволило нам высказать предположение о формировании боборыкинской культуры на местной неолитической основе [3]. Однако в настоящее время вопрос о происхождении боборыкинской культуры и ее месте среди других культур Зауралья остается дискуссионным.

Исследованное авторами статьи в 1976—1977 гг. поселение на участке XV южного берега Андреевского озера (ЮАО-XV) в бассейне р. Туры, в 18 км к юго-востоку от г. Тюмени, дает нам дополнительные сведения о соотношении кошкинских и боборыкинских комплексов, подтверждающие нашу точку зрения.

Поселение занимало восточную оконечность гривообразного всхолмления боровой террасы, приподнятой на 2—2,5 м над уровнем воды. На хорошо задернованной поверхности его сохранились впадины от жилищных котлованов, три из которых исследованы раскопами 1 и 2 (рис. 1) общей площадью 426 м^2.

Раскоп 1 (302 м^2) включал две впадины, одна из которых (в северной части раскопа) неправильно-округлой формы, диаметром 7 м, глубиной от поверхности до 0,4 м, с северной стороны имела нечеткие очертания, по-видимому, из-за общего наклона местности к берегу озера. Вторая (южная) имела более определенные контуры — округлую форму, диаметр 6 м, глубину — 0,3—0,35 м. Под впадинами оказались остатки

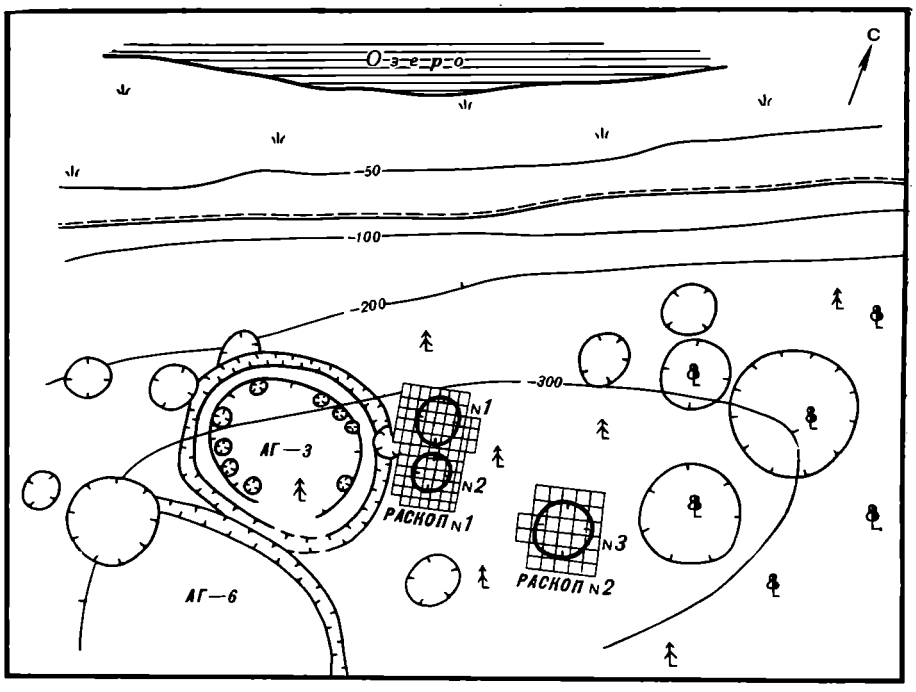


Рис. 1. Поселение ЮАО-XV. План расположения раскопов

жилищ (№ 3 и 4). Кроме того, частично раскопано жилище 1, большая часть которого уходит под фортификацию городища (АГ-3), вплотную примыкающего с западной стороны к раскопу и не исследованного нами. Жилище 2 сохранилось неполностью, так как часть его была разрушена при сооружении более позднего жилища 3 (рис. 2).

Культурный слой раскопа неоднороден. Непосредственно под дерном (1) залегал слой сыпучего песка светло-серого цвета (2), толщиной от 0,2 до 0,5 м, с единичными и разнородными находками. Под ним в северо-восточной части раскопа находился слой супеси интенсивно-черного цвета (3), мощностью от 0,3 до 1 м, заполняющий котлован жилища 3 и содержащий преимущественно керамику боборыкинского типа. Ямы на дне этого котлована заполнены углистым, очажным слоем (6) (рис. 2, II).

В южной части раскопа под слоем 2 залегал слой супеси серого цвета (4), мощностью от 0,2 до 1 м, заполняющий котлованы жилищ 1, 2, 4 и содержащий преимущественно керамику кошкинского типа (рис. 2, II, III). Слой 4 имеет различные оттенки. Заполнение жилища 1 (4А) более ярко окрашено по сравнению с заполнением жилищ 2 и 4. Подстилает культурный слой материковый песок (7).

Основная масса находок собрана в слоях 3 и 4. Слой 4 является на поселении наиболее древним. На отдельных участках, где удалось зафиксировать последовательность слоев, черная супесь, отмечена над серой. Кроме того, на дне жилища 3 (боборыкинского) найдено несколько фрагментов кошкинского типа, в то время как в жилище 4 (кошкинском) боборыкинская керамика отсутствует. Следует отметить хорошую сохранность котлована 3 по сравнению с разрушенным им (более ранним) котлованом 2 и наличие очага выше пола (на 0,3 м) в жилище 2 с фрагментами боборыкинской керамики. Очаг овальной формы (0,7×1,3 м) сохранился в виде прокаленного песка оранжевого цвета. По-видимому, этот очаг относится ко времени бытования жилища 3 и появился уже после разрушения жилища 2. Все эти наблюдения позволяют говорить об относительно более поздней дате боборыкинского комплекса.

Раскоп 2 (124 м^2) был заложен в 40 м к юго-востоку от раскопа 1 (рис. 1) и включал округлую впадину диаметром 8 м, глубиной от поверхности до 0,8 м — остатки жилища 5 (рис. 3).

Верхний гумусированный слой (1) памятника (0,1—0,15 м) содержал несколько фрагментов керамики раннего железного века и шлаки.

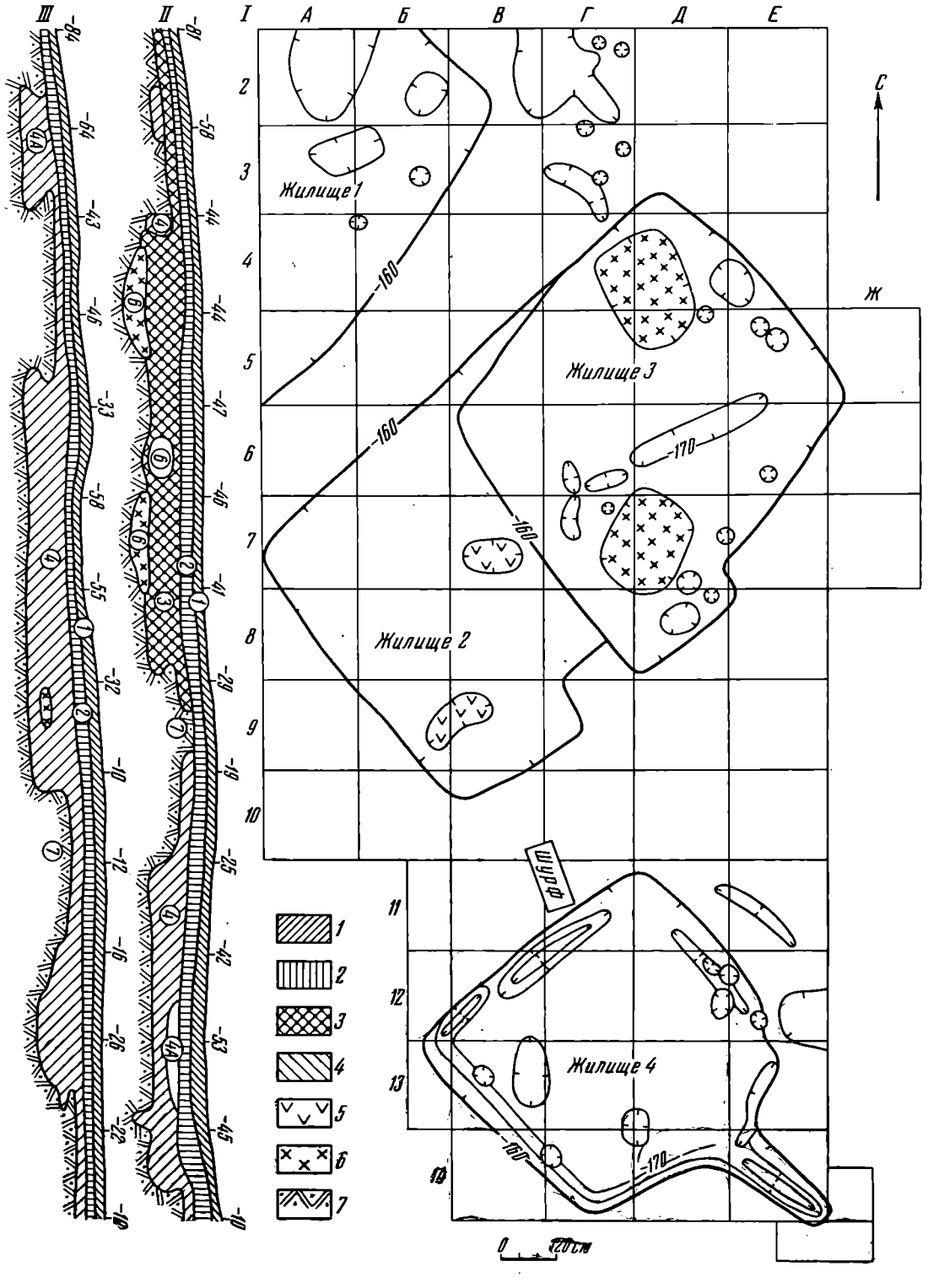


Рис. 2. Поселение ЮАО-XV, раскоп. 1. I — план расположения остатков сооружений; II — профиль западной стенки бровки участков ГД/2—14; III — профиль западной стенки бровки участков БВ/2—14. *1* — дерн; *2* — супесь светло-серого цвета; *3* — супесь черного цвета; *4* — супесь серого цвета; *5* — прокал; *6* — уголь; *7* — материковый песок

Под ним оказался слой светло-серой супеси (2), толщиной 0,15—0,8 м, с керамикой каменогорского типа. За пределами котлована слой (2) подстилает материковый песчаный грунт (7), а в жилище — темно-серая супесь (3) мощностью до 1,2 м. В центре котлована этот слой окрашен более интенсивно — черная супесь (4). На дне жилища — углистый слой

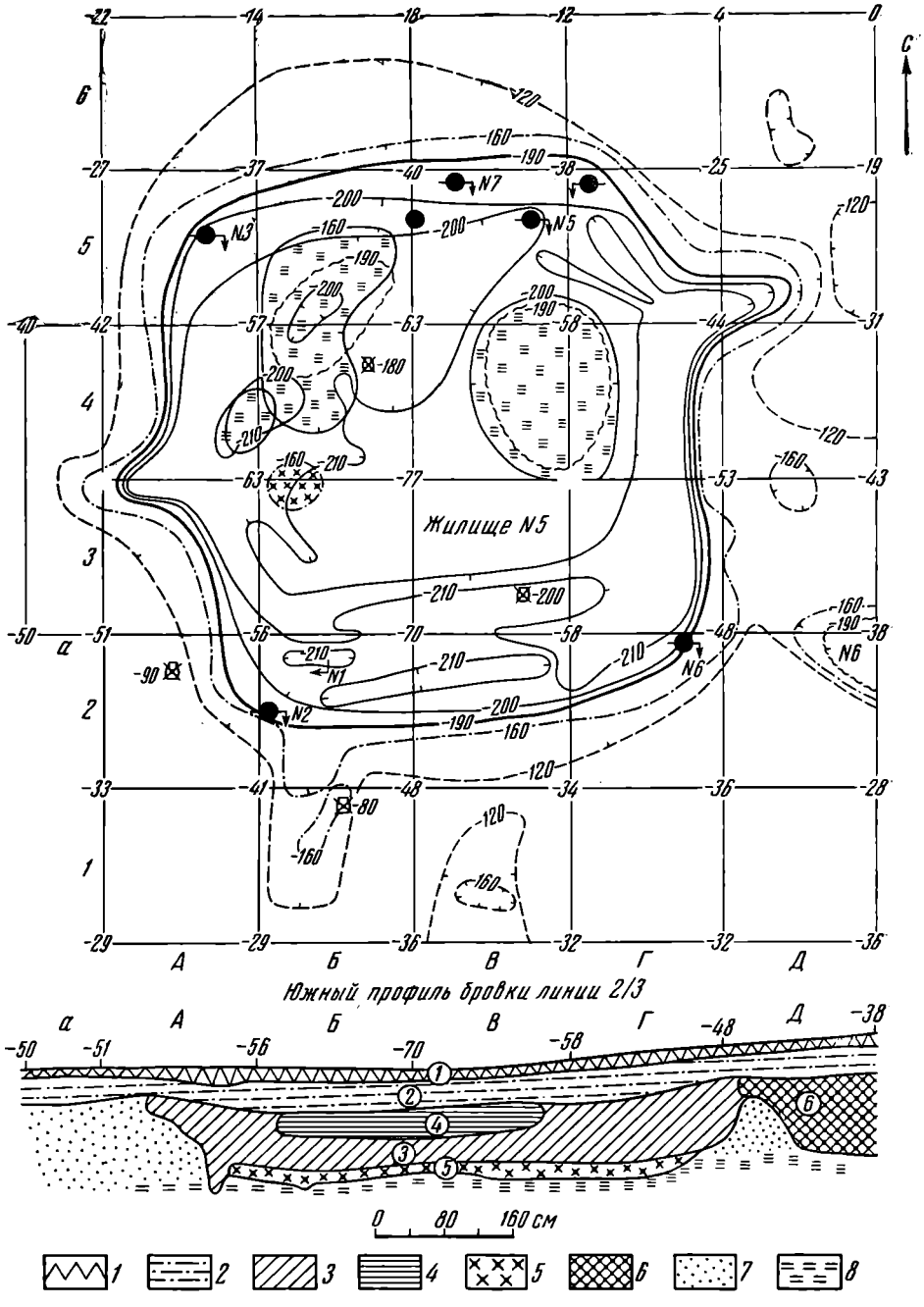


Рис. 3. Поселение ЮАО-XV, раскоп 2. План расположения остатков сооружений. *1* — дерн; *2* — светло-серая супесь; *3* — супесь темно-серого цвета; *4* — черная супесь; *5* — уголь; *6* — супесь светло-коричневого цвета; *7* — песок; *8* — глина

(4) до 0,3 м, лежащий на материковой глине (8). В восточной части раскопа под светло-серой супесью отмечена светло-коричневая супесь (6), заполняющая частично вскрытое сооружение 6 (рис. 3) (вероятно, остатки хозяйственной ямы) и содержащая, как и слои 3–5, керамику боборыкинского типа.

Таким образом, вскрыты остатки пяти жилищ, изучение которых имеет большое значение для реконструкции многих сторон жизни первобытного общества. Жилище является одним из важных показателей материальной культуры, тип которого соответствует климатическим условиям, уровню развития производительных сил, историческим традициям.

Жилище 1 расположено в северо-западной стороне раскопа 1 (рис. 2). Судя по раскопанной части котлована, оно имело прямоугольную форму и было углублено на 0,5–0,7 м от древней поверхности. Слой, заполняю-

щий котлован, нарушен несколькими более поздними ямами и содержит керамику кошкинского, боборыкинского, липчинского типов и неолитическую с гребенчатым орнаментом. Однако жилище можно отнести к кошкинскому типу, поскольку его заполнение имеет аналогичный жилищам 2 и 4 характер, и по преобладанию керамики кошкинского типа в непотревоженных участках нижних горизонтов.

Жилище 2, расположенное в центре раскопа 1 (сохранилась только западная его часть), имело подпрямоугольную форму и было углублено в материковый грунт на 0,8 м. На полу сохранившейся части жилища собрана только керамика кошкинского типа, что позволяет считать его кошкинским.

Жилище 3 (в северо-восточной части раскопа) было прямоугольным, размером 7×7,4 м, углублено в древний грунт на 0,6—0,8 м. Вход находился с юго-западной стороны, где отмечен выступ (1×1 м). На дне жилища оказались две ямы, заполненные углистым слоем. Одна — в северной части, подчетырехугольной формы, размером 1,8×2,3 м, ниже пола углублена на 0,4 м. Другая, расположенная в южной части жилища, также имела подпрямоугольную форму, размер 1,65×2,1 м, ниже пола углублена на 0,3—0,4 м. По-видимому, эти ямы — остатки углубленных очагов. Кроме ям пол прорезали канавки различных размеров, глубиной до 0,2—0,25 м. По внутреннему краю жилища обнаружены небольшие ямки глубиной 0,15—0,3 м, диаметром 0,15—0,2 м, которые, по-видимому, являлись следами столбов-кольев, стоявших вертикально и служивших для укрепления стен. Характер находок и конструктивные особенности (ямки и канавки в полу) позволяют считать это жилище боборыкинским.

Жилище 4 (в южной части раскопа 1) подпрямоугольное (6,4×6 м), углублено на 0,5—0,6 м. Выход с юго-восточной стороны сохранился в виде углубления размером 0,8×2,8 м. На полу выявлено два прокаленных пятна оранжевого цвета — по-видимому, следы очагов. Одно из них (в западной части) овальное, размером 0,8×1,3 м, углублено ниже пола на 0,15 м; другое (в западной стороне) также овальное, размером 0,4×0,6 м. По внутреннему краю жилища сохранилась канавка, которая прерывалась в северо-восточной и юго-восточной частях. Она углублена в материк ниже пола на 0,1—0,2 м. Прямо в канавке обнаружены ямки от пяти столбов. В целом котлован жилища 4 оказался очень хорошей сохранности, заполняющий его слой ничем не нарушен и содержал только керамику кошкинского типа, что позволяет считать находки и сооружение единым комплексом.

Жилище 5 (раскоп 2, рис. 3) прямоугольное (7,3×6,1 м), углублено на 0,8—1 м от древней поверхности. Коридорообразный выход (0,8×1,8 м) находился с юго-западной стороны и имел несколько ступенек. С западной и восточной сторон обнаружены выступы-ниши. По углам сохранились ямки от столбов диаметром (0,3—0,36 м), вбитых вертикально на глубину до 0,4 м ниже уровня пола. Неровное дно котлована в центральной части приподнято, как и очаг, расположенный в юго-западной части жилища и сохранившийся в виде прокаленного округлого пятна (диаметр 0,35 м), мощностью до 0,2 м. В очажном слое обнаружен развал сосуда боборыкинского типа. Ниже уровня пола выкопаны ямы, которые соединялись канавками, расположенными главным образом вдоль стенок жилища и заполненными зольным слоем. Особенно глубокие ямы находились около ниш-выступов.

Довольно хорошая сохранность земляночной части жилища позволяет с определенной долей вероятности реконструировать его наземную часть. Это была прямоугольная полуземлянка площадью 44,5 м². По углам стояли опорные столбы, к одному из которых, находящемуся рядом с выходом, крепилась дверь. Столбы поддерживали плоскую крышу с земляным накидом. Крыша крепилась с помощью поперечных (длиной 5,8 м) и продольных (длиной 6,4 м) перекладин, положенных на опорные столбы. Боковые стенки представляли собой наклонно поставленные жерди, укрепленные верхними концами на перекладинах, а нижними в землю, по краю котлована, отступая на длину ниш в западной и восточ-

ной части жилища. Земляные стенки котлована дополнительно не укреплялись, так как на дне вдоль стенок следов от столбов не обнаружено. Учитывая значительную глубину котлована, можно предполагать, что ямы и канавки на дне выкапывались для дренажных целей. Канавки засыпались золой, которая, как известно, обладает гигроскопичностью. Обогревалось жилище открытым, несколько приподнятым над полом очагом.

Жилища 3 и 5 близки по форме, размерам; их заполнения содержат типологически однородный материал; по-видимому, они близки хронологически и относятся к одному поселению.

Впервые характеристика боборыкинских жилищ дана К. В. Сальниковым [4]. Раскопанные им две землянки на поселении Боборыкино II имели подквадратную форму, площади 31,5 и 52 м². Жилища боборыкинского типа открыты на Андреевском озере (ЮАО-XII) [5], на поселении Байрык 1Д [6, с. 5—8], Ташково 1 и др. В целом можно отметить довольно устойчивый тип жилища — прямоугольная полуземлянка средних размеров (35—56 м²). Специфику их составляют дренажные канавки и ямы на полу. Исключение составляют жилища на участке ЮАО-IX, где, по мнению авторов, обнаружены остатки котлованов овальной и многоугольной формы и бóльших, чем другие, размеров [7, с. 186].

Жилища кошкинского типа пока известны только по раскопкам на Андреевском озере [8]. Все они представлены прямоугольными полуземлянками. Для них характерно наличие канавок по периметру котлованов, группировка в поселки.

Коллекция находок из раскопа 1 включает 3000 экз., из них каменный инвентарь составляет только 196 экз. Для изготовления орудий на поселении использовался преимущественно кремень светло-серого и розового цвета, а также кварц, кварцит, туфопорфирит. Среди заготовок преобладают ножевидные пластины. Нуклеусы призматической или конической формы (рис. 4, *34*). Кроме нуклеусов в коллекции имеются нуклевидные куски, с которых происходило скалывание отщепов. Вторичная обработка, по-видимому, производилась каменными ретушерами, найденными на поселении. Один из них изготовлен на массивной пластине, ограниченной по краям крупной притупляющей ретушью (рис. 4, *20*). Следы сбитости заметны по правому краю пластины и на клювовидном выступе. Другой ретушер изготовлен на длинной ребристой пластине, заломы и выщербины заметны по краю ударного бугорка (рис. 4, *33*). На противоположном ударному бугорку конце пластины, по правому краю, нанесена приостряющая ретушь — по-видимому, пластина использовалась и как нож. Большая часть законченных орудий найдена в жилищах. Распределение каменного инвентаря по объектам дано в табл. 1. Особый интерес представляет характеристика и сравнение орудий из заполнений жилищ 3 (боборыкинского) и 4 (кошкинского).

Орудия из жилища 3 представлены ножами на крупных пластинах. Один обработан по обоим краям крутой притупляющей ретушью со стороны спинки (рис. 4, *4*), другой до половины, начиная с ударного бугорка, оформлен со стороны спинки притупляющей ретушью, а остальная часть его имеет приостряющую ретушь только с брюшка (рис. 4, *6*). Интересны две провертки с вытянутым острием, оформленным тщательной отжимной ретушью, и асимметричным жалом, вытянутым вперед (рис. 4, *3*), а также провертка, имеющая симметричное жало, на котором заметны следы сработанности (рис. 4, *1*). Провертка, по-видимому, употреблялась без рукоятки, так как ударная площадка закруглена ретушью, затуплена и слегка заполирована в результате трения орудия о руку. Там же найдено два скребка — концевой с крутой ретушью по обоим краям (рис. 4, *5*) и на отщепе (рис. 4, *8*). Следует отметить два сечения пластины (рис. 4, *2*, *7*), одно из них по краю подправлено ретушью.

В жилище 4 найден наконечник стрелы с черешком, подтреугольной формы (рис. 4, *9*). Ретушью обработано острие со стороны брюшка. Две провертки: одна из них сломана по острию (рис. 4, *10*); вторая, с асимметричным вытянутым жалом, оформлена притупляющей ретушью

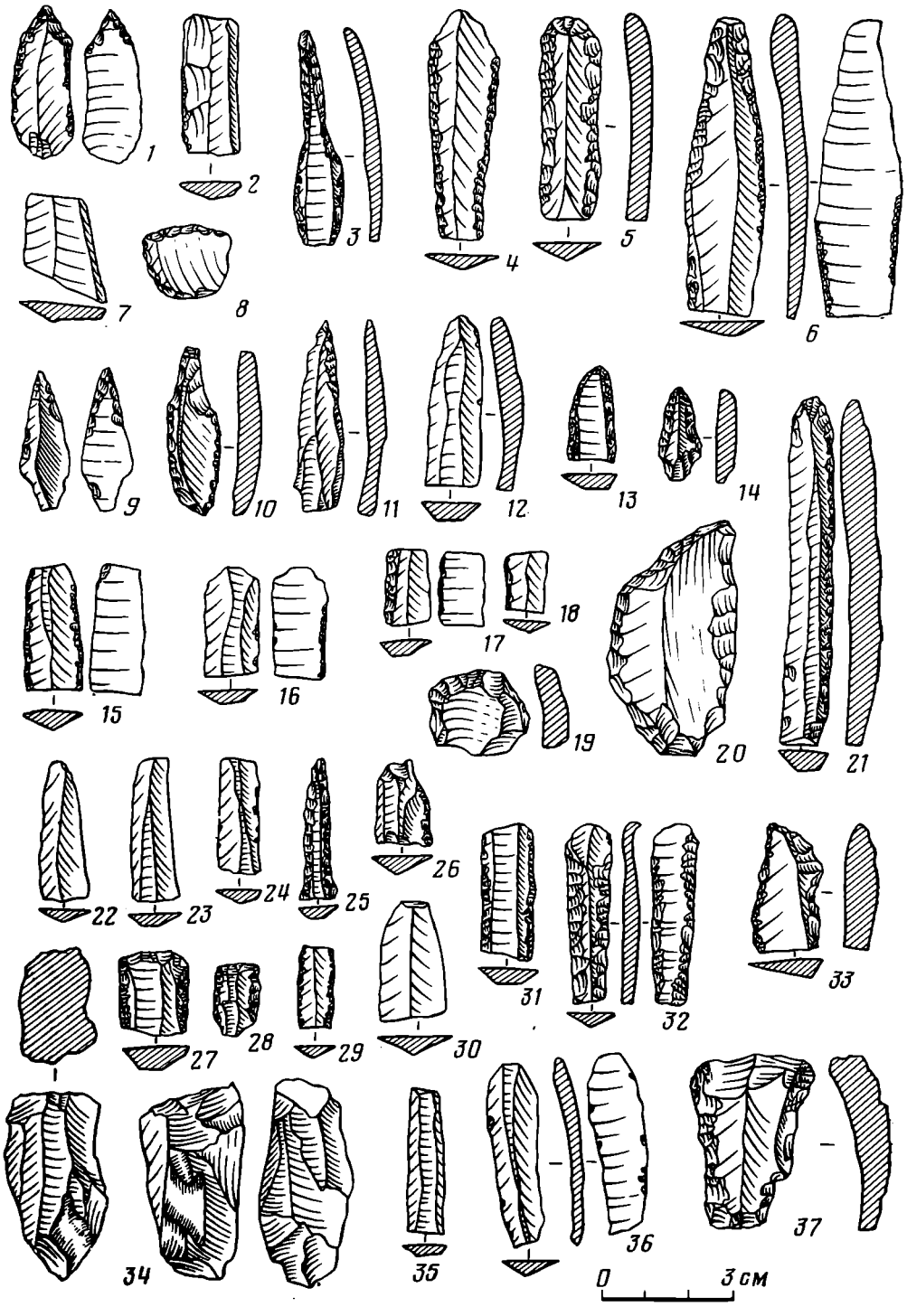


Рис. 4. Поселение ЮАО-XV, раскоп 1. Каменный инвентарь: *1—8* — из жилища 3; *9—21* — из жилища 4; *22—26* — из жилища 2; *27—37* — из жилища 1

по правому краю и напоминает пластинку со скошенным краем (рис. 4, *11*). Большинство скребков изготовлены на отщепах (рис. 4, *19*) и два — на пластинах (рис. 4, *13*, *14*). Присутствуют и вкладышевые орудия (рис. 4, *17*, *18*), ножи на длинных пластинах (рис. 4, *15*, *21*).

В жилищах 2 (рис. 4, *22—26*) и 1 (рис. 4, *27—37*), а также за пределами сооружений (рис. 5, *1—9*) найдены орудия, которые повторяют все типы, характерные для жилищ 3 и 4.

Каменный инвентарь раскопа удивительно однороден как по материалу, технике изготовления орудий, так и по набору орудий, несмотря на различный характер заполнений жилищ и различные типы керамики, най-

Таблица 1

Общая характеристика каменного инвентаря раскопа 1 участка XV-ЮАО

Тип заготовки	Изделия	Жилище 1	Жилище 2	Жилище 3	Жилище 4	За пределами жилищ	Всего
Пластины	Нуклеусы	1	–	–	–	2	3
	Ретушеры	1	–	3	2	1	7
	Пластины с ретушью	5	1	4	9	9	28
	Пластины без ретуши	6	3	5	7	7	28
	Скребки	1	–	1	2	–	4
	Провертки	–	1	2	2	–	5
	Наконечники стрел	–	–	–	1		1
	Всего	14	5	15	23	19	76
	Отщепы с ретушью	6	6	6	7	8	33
	Отщепы без ретуши	7	7	6	10	30	60
	Скобели	2	–	–	2	1	5
	Скребки	1	–	1	5	3	10
	Скребла	–	–	1	–	1	2
	Шлифованные орудия и обломки	1	–	–	6	3	10
	Всего	17	13	14	30	46	120
	Итого:	31	18	29	53	65	196

Таблица 2

Распределение орнаментированных фрагментов керамики из раскопа 1 по объектам

Глубина, см	Жилище 1		Жилище 2		Жилище 3		Жилище 4		За пределами сооружений	
	К	Б	К	Б	К	Б	К	Б	К	Б
60–80	–	12	15	14	–	14	16	15	7	14
80–100	6	2	8	10	3	16	10	14	14	17
100–120	7	13	13	7	12	17	18	13	11	13
120–130	–	4	16	3	12	19	14	6	1	3
130–140	4	–	14	4	4	16	15	1	1	2
140–150	26	13	18	2	2	24	18	–	4	2
160–170	8	3	7	1	1	9	12	–	–	1

Примечание. Буквой К обозначена керамика кошкинского типа, Б – боборыкинского.

денные в них. Каменные изделия из жилищ 3 и 4 типологически ничем не различаются. Этот факт свидетельствует о хронологической близости и культурном родстве кошкинских и боборыкинских комплексов.

Следует также заметить, что население, оставившее этот памятник, по-видимому, испытывало острый недостаток сырья, особенно кремня. Материал использован предельно экономично. Почти все отщепы были использованы как орудия[1]. Видимо, этим же объясняется и малочисленность каменных изделий.

Керамика на раскопе в основном представлена двумя типами, залегающими в различных культурных слоях. Распределение ее по объектам дано в табл. 2.

Керамика кошкинского типа, залегающая преимущественно в слое серой супеси и преобладающая в жилищах 1, 2, 4, представлена сосудами крупных размеров, с диаметром по венчику 20–40 см и лишь у немногих – 10–15 см. Толщина стенок сосудов от 0,5 до 1,2 см. Это кругло-

[1] Трасологическое исследование поверхности каменных изделий произведено Ю. Б. Сериковым. Авторы выражают ему благодарность за оказанную помощь.

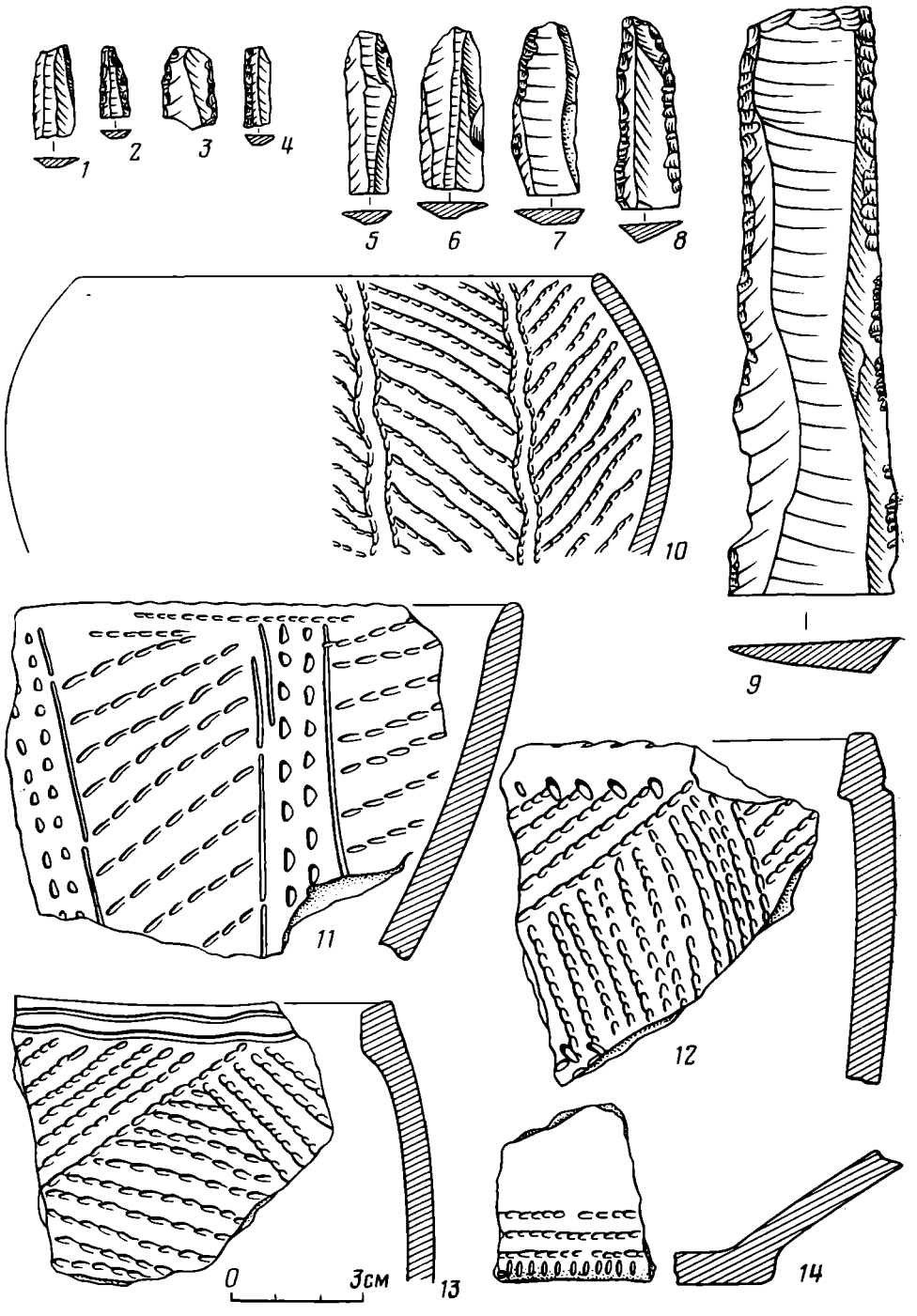


Рис. 5. Поселение ЮАО-XV, раскоп 1. *1—9* — каменный инвентарь за пределами сооружений; *10—14* — керамика кошкинского типа

донные сосуды с прямыми или наклонными внутрь стенками, единично встречаются сосуды с плоским дном — банки (рис. 5, *14*). Венчики у большинства из них округлые или уплощенные, часто с насечками по краю, у некоторых сосудов под венчиком с внутренней стороны имеется наплыв, с внешней стороны — скос (рис. 5, *12*) или воротничок (рис. 6, *4*).

Орнамент на посуде выполнен заостренной отступающей палочкой — 56% всех узоров (рис. 5, *10—14*), прочерчиванием — 26% (рис. 6, *6*) и наколом — 18% (рис. 5, *11*; рис. 6, *4*). Для большинства сосудов характерна сильная разреженность узора, простота его. Преобладают горизонтальные линии — 47% всех узоров (рис. 6, *1*, *3*, *4*), волна — 28% (рис. 6, *1*, *2*, *6*), наклонные и вертикальные линии — 15% (рис. 5, *10*,

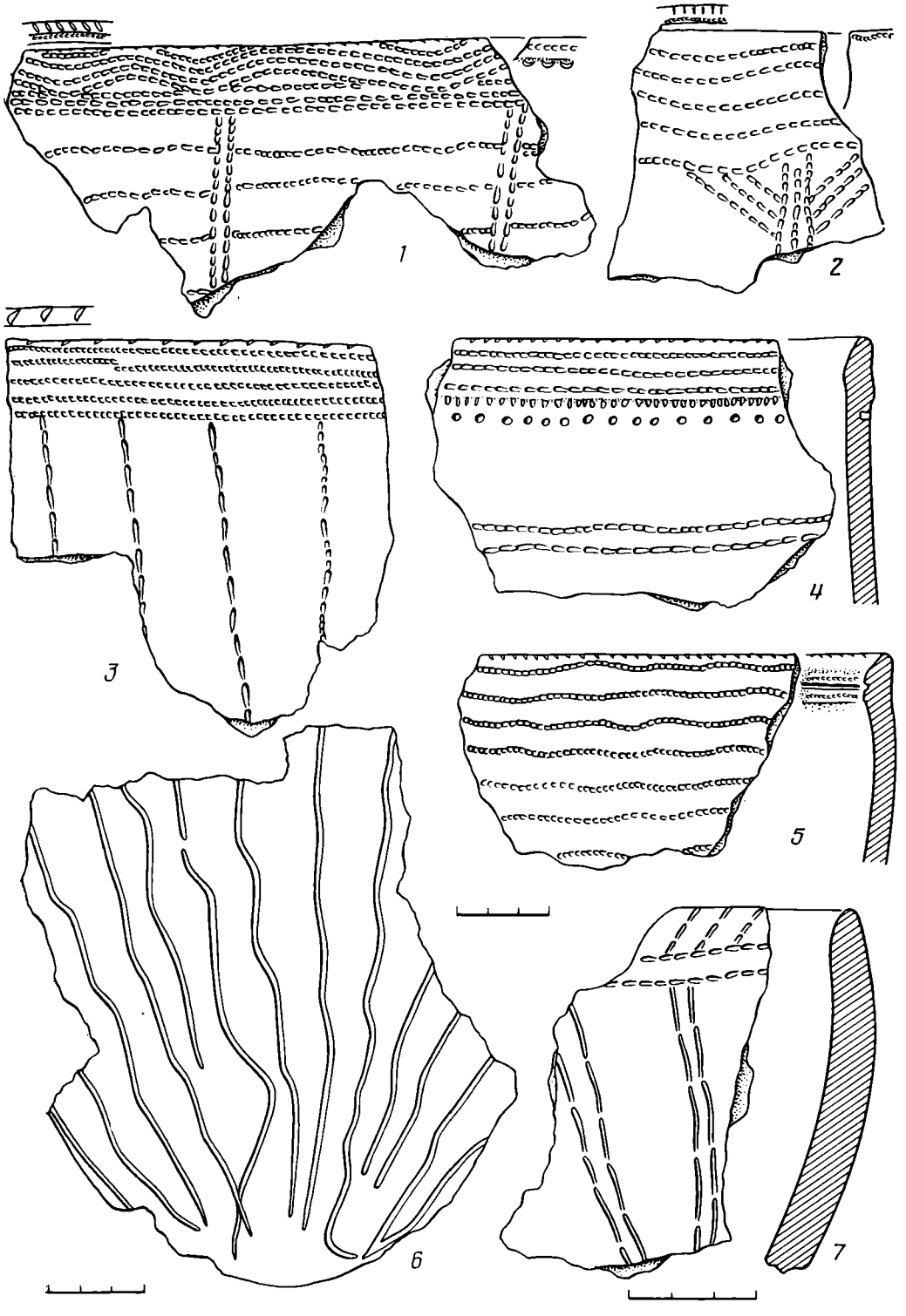


Рис. 6. Поселение ЮАО-XV, раскоп 1. Керамика кошкинского типа

11). На некоторых сосудах узор дополнен вертикальными столбиками (рис. 5, *11*), взаимопроникающими треугольниками (рис. 5, *12*, *13*), однако такие более сложные элементы составляют 10%. Несколько сосудов имеют сплошную орнаментацию и большую плотность узора (рис. 5, *10—13*).

Керамика боборыкинского типа представлена тонкостенными сосудами (толщина стенок 0,4—0,9 см). Посуда хорошо обожжена, поверхность ее тщательно заглажена. Форма разнообразная — это остро- и круглодонные сосуды, открытые плоскодонные банки и хорошо профилированные

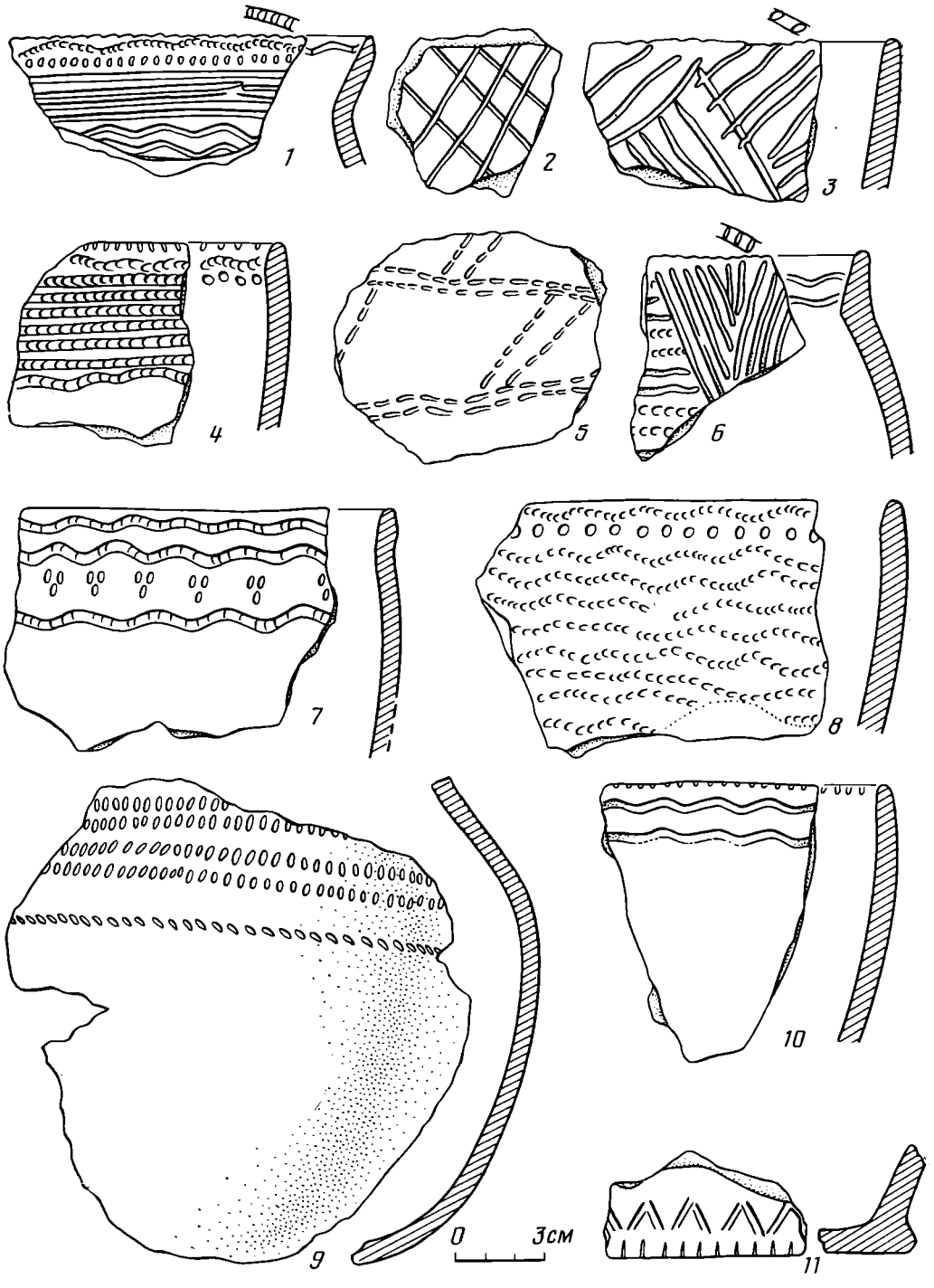


Рис. 7. Поселение ЮАО-XV, раскоп 1. Керамика боборыкинского типа

горшки. Плоские днища иногда имеют по краям своеобразный наплыв (рис. 7, *11*). Необычен один шаровидный круглодонный сосуд с короткой отогнутой наружу шейкой (рис. 7, *9*).

Орнамент на посуде выполнен палочкой: прочерчиванием — 50% всех узоров (рис. 7, *1—3*, *10*, *11*), «отступающей палочкой» — 27% (рис. 7, *4*, *5*, *7*, *8*) и вдавлениями — 23% (рис. 7, *1*, *7—9*). На большинстве сосудов узор располагается только в верхней и придонной частях. Есть сосуды без орнамента или с одним горизонтальным пояском из ямочных вдавлений и с насечками по верхнему краю. Лишь на нескольких сосудах узор спускается до дна. Из элементов узора преобладают горизонтальные линии и различные комбинации из них (например, сгруппиро-

ванные по несколько штук). Они составляют 50% всех узоров, волнистые узоры — 12%, зигзаги — 30%. Остальные 8% составляют такие более редкие и сложные элементы, как ромбическая сетка, треугольники, ромбы, наклонные линии, взаимопроникающие тругольные зоны (рис. 7, *2, 3, 5, 6*).

На раскопе 2 находки составляют 574 единицы, из них каменные изделия — 64 экз. Почти весь каменный инвентарь оказался в заполнении котлована 5 вместе с керамикой боборыкинского типа. Это два нуклеуса призматической и клиновидной формы, на которых сохранились негативы от снятия крупных ножевидных пластин. Ножевидные пластины — 27 экз., в основном без ретуши, только четыре из них подвергнуты вторичной обработке. Три орудия по выбоинам и сбитости на краях выделены как ретушеры. Найдено также два обломка от шлифованных орудий, вероятно, ножей. За пределами жилища находился наконечник стрелы вытянутой подтреугольной формы. Скребков два, на отщепах со следами сильной сработанности рабочей части. Оставшиеся изделия относятся к отщепам без ретуши и следов использования.

Керамика боборыкинского типа (рис. 8) представлена фрагментами от 26 сосудов. Форма сосудов, техника нанесения узора те же, что и у посуды из жилища 3. Преобладают прочерченные узоры — 36%, ямочные вдавления — 32%, «отступающая палочка» — 23%. На некоторых сосудах узор нанесен раздвоенной (расщепленной) палочкой — 9%. Из элементов орнамента преобладают горизонтальные линии — 32%, волна — 20%, зигзаги — 13%, заштрихованные треугольники и ромбическая сетка — 13%, а также наклонные, вертикальные и прямые отрезки — 22%.

Для выявления состава формовочной массы часть керамики кошкинского и боборыкинского типов была подвергнута микроскопическому анализу. Работа проведена Н. В. Варанкиным в кабинете истории керамики Института археологии АН СССР под руководством А. А. Бобринского и Ю. Б. Цетлина. В результате анализа установлено три основных вида неглинистого материала, которые использовались при подготовке формовочных масс: птичий помет, экскременты животных, шамот. Применение их обусловлено решением определенных технологических задач: органические примеси использовались для уменьшения усадки глины при сушке и обжиге, минеральные — повышали огнестойкость изделий. По самым общим признакам рецепты формовочных масс разделяются на две группы: чистые, где глина смешана с каким-либо видом неглинистых примесей, и смешанные, включающие два и больше таких компонента. Каждая из групп отражает качественно различное состояние традиций древнего населения. Чистые рецепты, как правило, фиксируют обособленное существование технологических традиций и соответственно их носителей; смешанные рецепты отражают сложный состав этих традиций [9, с. 92—94].

Исследовано 30 сосудов кошкинского типа. Выявлен один сложный рецепт состава формовочной массы — шамот и птичий помет. Анализ шамота показал, что керамика, использованная в качестве шамота, имела тот же состав, что свидетельствует об устойчивости технологической традиции при создании формовочной массы для керамики кошкинского типа. Для керамики боборыкинского типа проведено 45 анализов: 25 — на образцах из раскопа 1 и 20 — из раскопа 2. Выявлено два сложных рецепта: шамот и птичий помет — 72% и шамот и экскременты животных — 28%.

Сравнение керамики кошкинского и боборыкинского типов дает возможность установить характер их различия и сходства. Более существенные различия наблюдаются в форме сосудов. Для кошкинского типа характерны остро- и круглодонные сосуды с прямыми стенками, в большинстве случаев отмечен наплыв на внутренней стороне венчика. Плоскодонные сосуды единичны. Для боборыкинской керамики характерно разнообразие форм: преобладают профилированные горшки, но есть и остродонные с прямыми стенками. Для установления генетического родства типов керамики наиболее важна сравнительная характеристика орнамента, а в нем — принцип нанесения узора, элементы и его композиционное решение. Для выделенных типов керамики отмечены одни и те же прие-

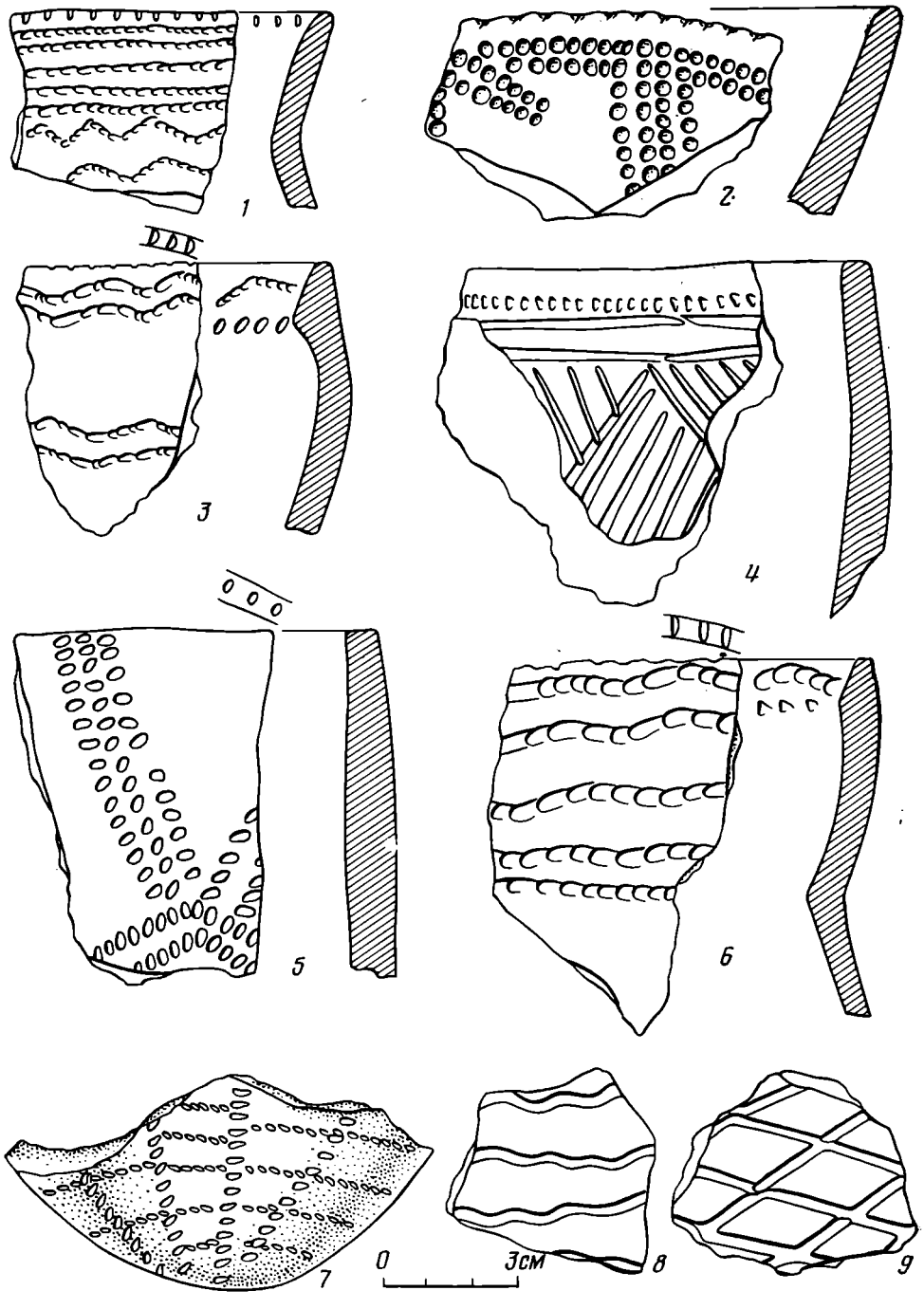


Рис. 8. Поселение ЮАО-XV, раскоп 2. Керамика боборыкинского типа

мы орнаментации, но для кошкинской керамики преобладает прием «отступающей палочки», а для боборыкинской — прочерченных узоров (табл. 3). Основные элементы узора также повторяются, но на кошкинских сосудах больше волнистых линий, а на боборыкинских — зигзагов, ромбов, треугольников (табл. 4).

О близости выделенных типов керамики говорят и довольно высокие коэффициенты сходства: по технике орнаментации — 71%, по элементам узора — 65% (коэффициент сходства определен суммой минимальных величин однотипных показателей) [10, с. 132].

Сравнивая формовочную массу кошкинской и боборыкинской посуды, можно отметить одинаковые традиции использования в качестве примеси шамота и птичьего помета. Это свидетельствует о родстве населения, оставившего памятники кошкинского и боборыкинского типов, что под-

Таблица 3

Техника орнаментации на посуде кошкинского и боборыкинского типов (в %)

Типы керамики	Техника орнаментации		
	прочерченный	отступающая палочка	ямки
Кошкинский	26	56	18
Боборыкинский	50	27	23

Таблица 4

Показатели элементов узоров на посуде кошкинского и боборыкинского типов (в %)

Типы керамики	Элементы узора							
	горизонтальные линии	волна	зигзаг	наклонные линии	треугольники	ромбы	ромбическая сетка	прочие
Кошкинский	47	28	1	15	5	–	–	4
Боборыкинский	50	12	30	3	2	1	1	1

тверждается типологическим анализом керамики и каменного инвентаря. Наряду с этим при составлении формовочной массы боборыкинские гончары уже использовали экскременты животных. Появление новой технологической традиции может свидетельствовать о существенных изменениях в жизни населения. Это может быть следствием перехода к прогрессивных формам экономики (в частности, к животноводству) или притока нового населения из более южных районов и смешение его с местным.

Таким образом, типологический анализ кошкинского и боборыкинского комплексов поселения ЮАО-XV позволяет говорить о их генетическом родстве. Памятники кошкинского типа, по-видимому, относятся к позднему неолиту, так как на некоторых однослойных поселениях (Охотино, Лисья гора и др.) керамика кошкинского типа залегает вместе с позднеенеолитической сосновоостровского типа, что может свидетельствовать о их сосуществовании.

Памятники с линейно-накольчатым орнаментом кошкинского типа во многом близки полуденковским (средний этап зауральского неолита). В орнаментации используются те же приемы — прочерчивание; «отступающая палочка», но исчезают гребенчатые узоры. Наиболее характерные и архаичные элементы узора — волна и взаимопроникающие заштрихованные треугольники — являются общими для полуденковской и кошкинской керамики. В технике изготовления орудий преобладает пластинчатая индустрия. Кошкинские жилища — прямоугольные полуземлянки (как и на Полуденке 1). Памятники кошкинского типа известны по р. Тобол и притокам, в бассейне р. Конды (рис. 9). По-видимому, они сформировались на базе развитого неолита и продолжают линейно-накольчатую орнаментальную традицию в Среднем Зауралье.

Боборыкинский культурный пласт на многих хорошо стратифицированных памятниках (ЮАО-XII, ЮАО-IX, Ташково 1 и др.) залегает ниже энеолитических липчинского и шапкульского типа, которые В. Ф. Старков датирует второй половиной III тысячелетия до н. э. [11, с. 92, 93]. Абсолютная дата боборыкинского комплекса поселения Ташково 1, полученная в радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР,— 5490±60. По-видимому, она несколько занижена, но вполне вероятно, что поселения этого типа могут быть датированы в пределах первой половины III тысячелетия до н. э., а возможно, и рубежом IV—III тысячелетий до н. э. Памятники боборыкинского типа пока известны в основном на территории Нижнего и Среднего Притоболья и совпадают с территорией распространения кошкинских памятников (рис. 9). Изделий из металла на поселениях не найдено.

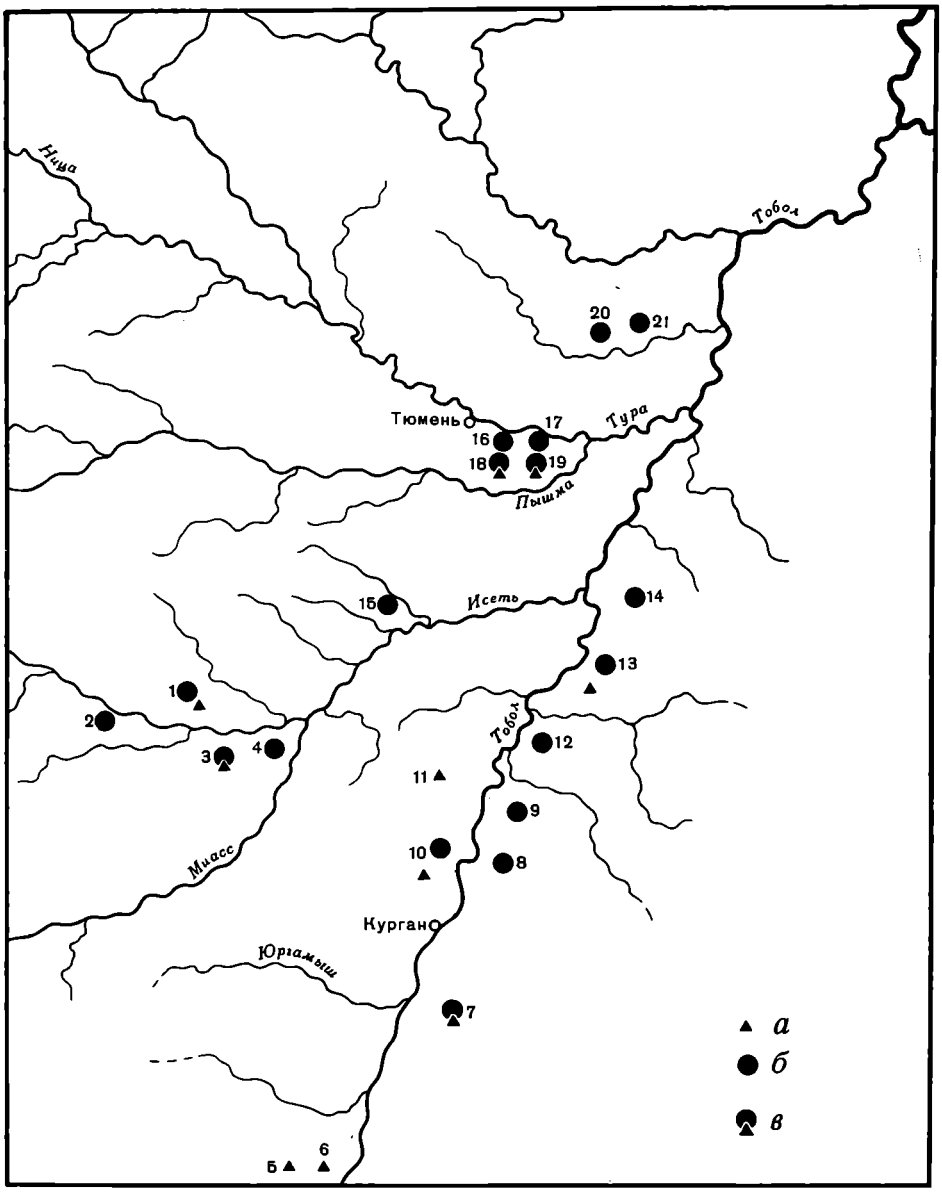


Рис. 9. Карта расположения памятников: *а* — кошкинского типа; *б* — боборыкинского типа; *в* — кошкинского и боборыкинского типа. Поселения: *1* — Боборыкино II; *2* — Бархатовское; *3* — Ташково 1; *4* — Ташково II; *5*, *6* — Убаган I и II; *7* — Лисья гора; *8* — Губинское; *9* — Вороний Мыс 1; *10* — Усть-Суерское II; *11* — Кошкино V; *12* — Гляденовское; *13* — Ново-Щадрино 1; *14* — Калининское; *15* — Ботниковское; *16* — ЮАО-VI; *17* — ЮАО-IX; *18* — ЮАО-XII; *19* — ЮАО-XV; *20* — Байрык 1-Д; *21* — Байрык VI

Л. Я. Крижевская вслед за К. В. Сальниковым полагает, что боборыкинская культура характеризует эпоху ранней бронзы в западносибирском лесостепье [2, с. 94, 95]. Учитывая, что памятники боборыкинского типа древнее липчинских и шапкульских, их следует отнести либо к заключительному этапу зауральского неолита, либо к началу энеолита. Ранняя дата этих памятников подтверждается и типологической близостью керамики и каменного инвентаря неолитических поселений южных областей. Боборыкинская керамика близка сероглазовской из северных районов Прикаспия, для которой также характерны геометрические узоры по верхней части сосуда, выполненные прочерчиванием, наколом и приемом «отступающей лопаточки» [12, с. 115, рис. 2]; кельтеминарской, особенно джанбасской группе стоянок, большая часть керамики которых орнаментирована прочерченными и ямочными узорами, короткими насечками, причем прочерченный орнамент составляет около 40% и играет

преобладающую роль в композиции. Элементы орнамента и орнаментальные композиции кельтеминарских и боборыкинских сосудов также во многом близки: они образованы различными сочетаниями небольшого числа сравнительно простых элементов [13, с. 39, 40, рис. 10].

Процесс формирования боборыкинской культуры происходил на базе культуры позднего неолита Зауралья. О генетической близости кошкинских и боборыкинских памятников свидетельствует весь комплекс фиксируемых признаков: форма и размеры жилищ, технология керамики, способы ее орнаментации, основные элементы узоров, набор каменных орудий, совпадение ареалов (рис. 9). У нас нет никаких доказательств, подтверждающих точку зрения К. В. Сальникова о сложении боборыкинской культуры в более южных районах. По-видимому, еще в неолите наметились определенные связи населения Среднего Зауралья с южными районами, которые, возможно, стали более интенсивными и в последующее время, о чем свидетельствуют некоторые черты сходства южных культур и боборыкинской, однако роль их в сложении последней не следует преувеличивать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сальников К. В.* Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья.— СА, 1961, № 2.
2. *Крижевская Л. Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
3. *Ковалева В. Т., Варанкин Н. В.* К вопросу о происхождении боборыкинской культуры.— В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976.
4. *Сальников К. В.* Южный Урал в эпоху неолита и бронзы.— АЭБ, 1962, т. 1.
5. *Ковалева В. Т.* Боборыкинское поселение.— АО — 1975. М., 1976.
6. *Косарев М. Ф.* Отчет о полевых работах Западно-Сибирской экспедиции Института археологии АН СССР летом 1973 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 5214.
7. *Алексашенко Н. А., Викторов В. Д., Панина С. Н.* Раскопки жилищ на IX и XII участках Южного берега Андреевского озера.— АО — 1976. М., 1976.
8. *Викторова В. Д.* Раскопки жилищ по берегам Андреевского озера.— АО — 1975. М., 1976.
9. *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
10. *Генинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок.— СА, 1973, № 1.
11. *Старков В. Ф.* Хронология неолита лесного Зауралья.— КСИА, 1978, вып. 153.
12. *Мелентьев А. Н.* Памятники сероглазовской культуры.— КСИА, 1975, вып. 141.
13. *Виноградов А. В.* Неолитические памятники Хорезма. М.: Наука, 1968.

V. T. Kovaleva, N. V. Varankin

ON THE CORRELATION BETWEEN THE KOSHKINO AND THE BOBORYKINO COMPLEXES ACCORDING TO THE MATERIALS FROM A SETTLEMENT ON THE SHORES OF THE ANDREYEVSKOE LAKE NEAR TYUMEN

Summary

The authors compare the characteristics of the two complexes obtained through the study of a settlement on the southern shore of the Andreyevskoe Lake near Tyumen. Typological analysis of ceramics and stone implements indicated the genetic affinity between two groups of sites in the middle trans-Ural region (the Koshkino and the Boborykino group) and the fact that the former is older. The specific features of the Boborykino culture identified by K. Salnikov are discussed, and the problem of its genesis and the place among other trans-Ural cultures is given a novel treatment.

ПОРТНЯГИН И. Г.

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ НЕОЛИТА — БРОНЗЫ БАССЕЙНА р. ТОРОПЫ

В 1972—1975 гг. экспедиция Калининского государственного объединенного музея вместе с отрядами Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР и Калининского государственного университета проводила археологические разведки в верховьях Западной Двины и на ее притоках, в пределах Андреапольского, Торопецкого и Западнодвинского районов Калининской обл. [1, с. 66, 67; 2, с. 59, 60; 3, с. 46; 4, с. 42]. Обследовалось нынешнее состояние памятников, упоминаемых в монографии Я. В. Станкевича [5], велись поиски новых. На некоторых были проведены раскопки [6, с. 42; 7, с. 66, 67; 8, с. 60, 61].

Поселение I тысячелетия н. э. и неолитическая стоянка (Дербеш III?) у бывшего перевоза Дербеш, в 2 км к востоку от дер. Макеево Западнодвинского р-на Калининской обл., упоминаются Я. В. Станкевичем [5, с. 316]. Повторно эти памятники обследовались в 1972—1973 гг. Калининским отрядом ВВАЭ. Установлено, что в районе истока р. Торопы из оз. Шниткино находятся несколько разновременных памятников, получивших нумерацию Дербеш I—VII.

Поселение Дербеш III расположено в 300 м западнее раннеславянского поселения, открытого Я. В. Станкевичем. Оно занимает невысокую песчаную возвышенность в пойме р. Торопы, правого притока Западной Двины. Размеры поселения 160×60 м. Бóльшая часть его занята лесопосадками, повреждена ямами, бороздами, дорогой к перевозу. В 1973—1974 гг. на поселении заложено четыре раскопа общей площадью 414 м². Раскол 1 имел площадь 336 м². Мощность культурного слоя от 0,25 до 0,80 м. Разновременный материал перемешан.

Керамика по составу теста, орнаменту, профилировке и другим признакам разделена нами на несколько групп. Стратиграфически выделенные группы не различаются. Установлено лишь, что верхний пласт (глубина до 0,20 м) практически не содержал керамики I группы, а процент керамики с гребенчатым орнаментом здесь был меньше по сравнению с другими группами. На площади раскопа 4 (западная часть поселения) много сетчатой керамики, в центральной же части поселения (раскоп 2) преобладает керамика раннего железного века и раннеславянская керамика.

Керамика I группы имеет в тесте органическую примесь, иногда раковину. Черепки плотные, звонкие. Внутренняя, а часто и внешняя поверхности имеют более или менее резкую штриховку. Штрихи идут в разных направлениях, образуя различные орнаментальные композиции. Края венчиков прямые. Дно округлое, утолщающееся, у некоторых сосудов овально-коническое. На ряде фрагментов ниже края венчика есть сквозные отверстия. Орнамент мелкий, разреженный, нанесен небрежно: оттиски гребенчатого штампа, наколы, серповидные нарезки, насечки, ямки (рис. *1*, *5—9*).

Число фрагментов II группы невелико. Они мелки, и установить по ним форму и профилировку сосудов невозможно. Примесь в тесте растительная, обжиг плохой. С внутренней стороны фрагментов есть невыразительная штриховка. На единичных экземплярах есть разреженный, небрежно нанесенный орнамент (рис. 1, *1—4*).

Преобладает на поселении керамика III группы с примесью в тесте песка и зерен кварца. На внутренней поверхности черепков — расчесы

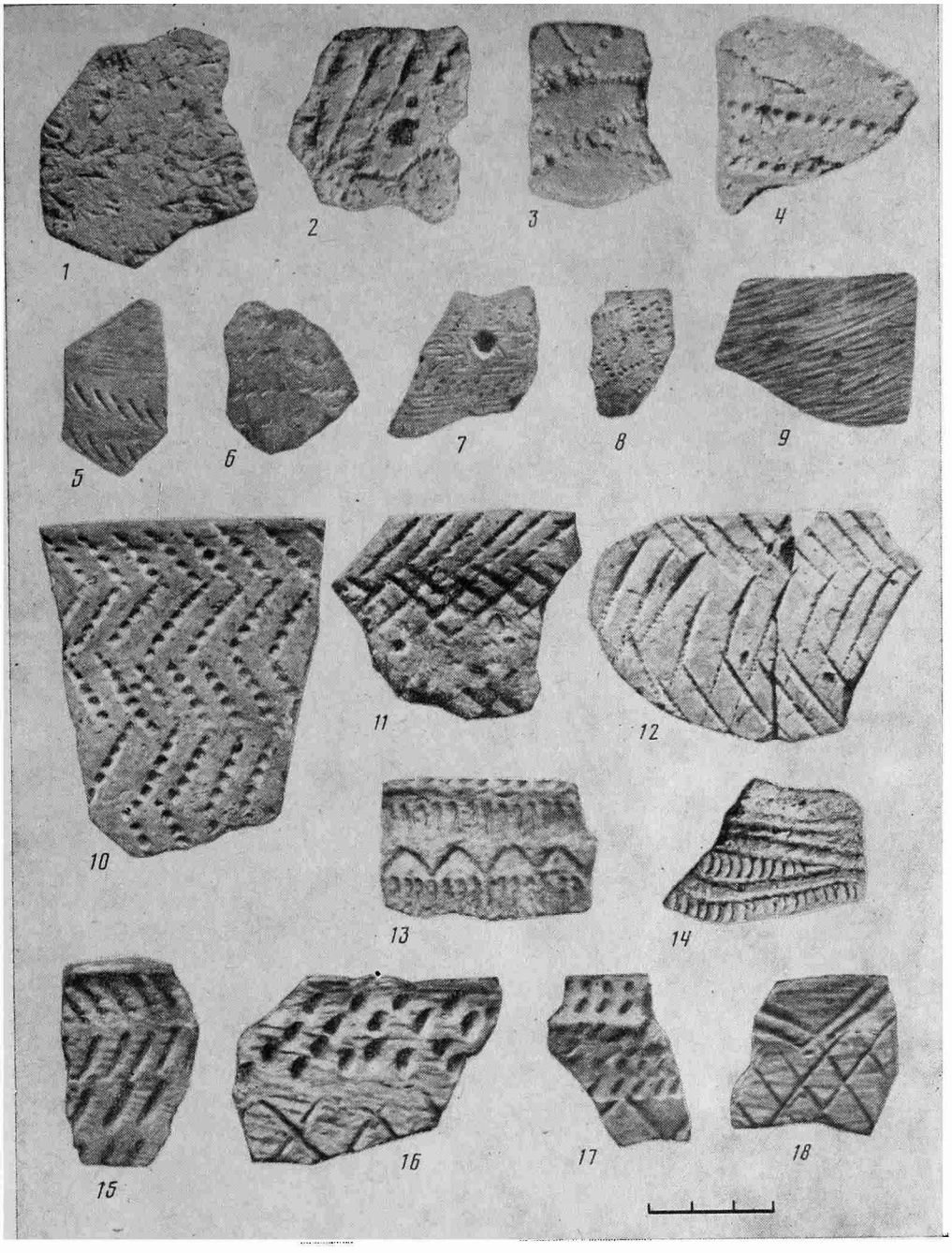


Рис. 1. Поселение Дербеш III. Керамика I—III групп

и следы заглаживания. Тулово сосудов удлиненно-шаровидное, дно округло-коническое. Венчики прямые, утолщающиеся, иногда слегка отогнутые наружу. Есть фрагменты с волнистым краем, пальцевыми защипами по венчику, отверстиями в верхней части сосудов. Оттиски гребенчатого штампа составляют узоры в виде вертикальной и горизонтальной елочки, сетки. Оттиски гладкого штампа и насечки нанесены вертикально или косо и в сочетании с нарезками и гребенкой образуют орнаменты в виде елочки, ромбов, крестиков, зигзагов, бороздок. Ямочный орнамент нигде не соседствует с гребенчатым, а иногда лишь с наколами, нарезками, гладким штампом. Ямки различной формы, глубины и наклона (рис. 1, *10—18*; рис. 2, *1—8*; рис. 3, *1—15*; рис. 4, *1—7*, *16—18*).

К IV группе отнесены единичные фрагменты шнуровой керамики. По толщине стенок сосудов и характеру оттисков шнура можно выделить в IV группе две подгруппы. Толщина стенок первой — 6—7 мм, второй —

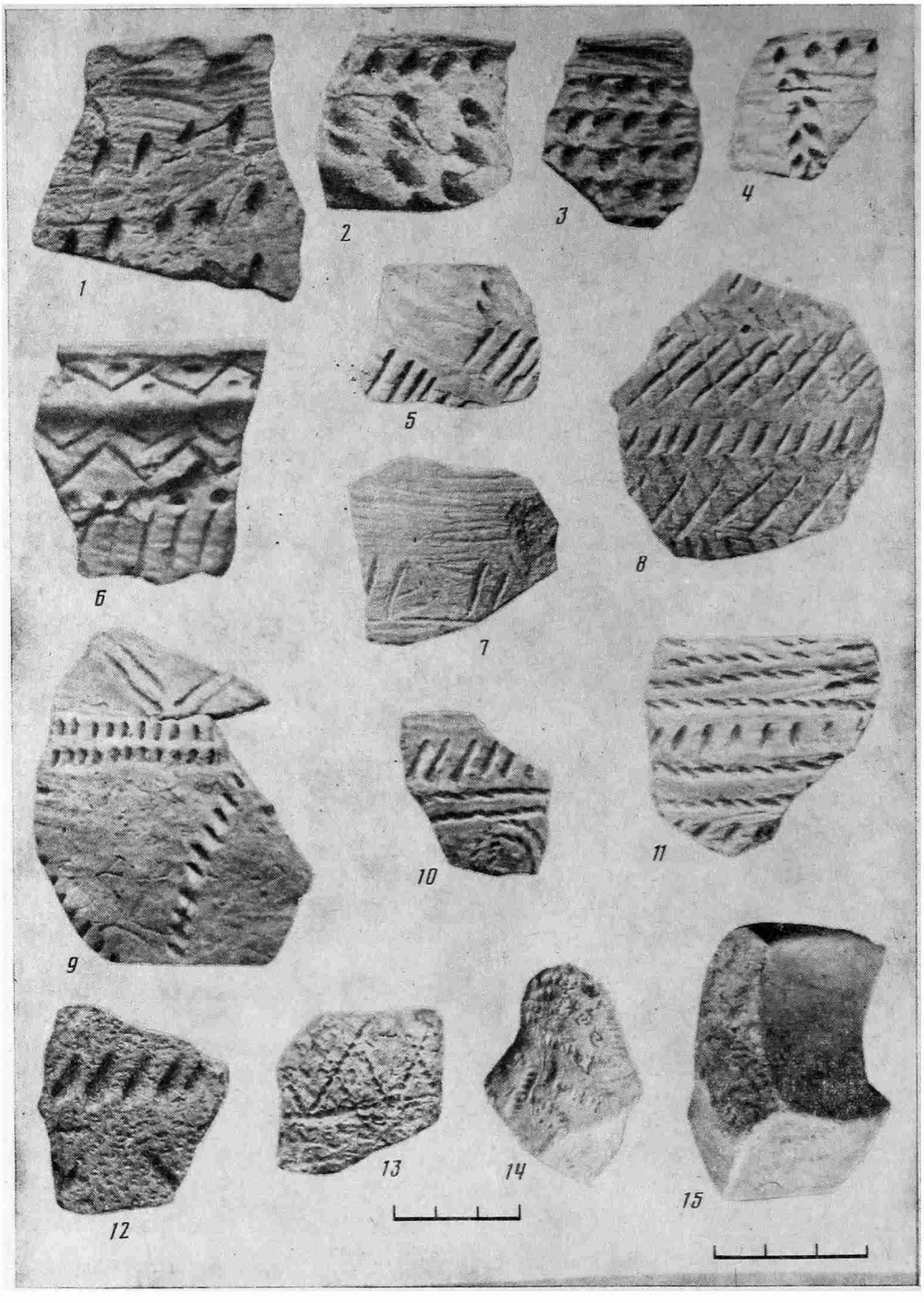


Рис. 2. Поселение Дербеш III. Керамика III—V групп

3—5 мм. Оттиски крупного шнура на фрагментах первой подгруппы идут в несколько рядов в верхней части сосудов, иногда разделены на зоны другими видами орнамента (рис. 2, *11*). На фрагментах второй подгруппы пояски оттисков мелкой веревочки чередуются с оттисками штампа, нарезками, наколами. Характерен подковообразный и волнистый шнуровой орнамент (рис. 2, *10*). К IV же группе керамики следует отнести несколько фрагментов сосудов «амфорного» типа. Они украшены оттисками шнура, ногтевыми вдавлениями, насечками, поставленными под углом друг к другу (рис. 2, *9*; рис. 4, *8*, *9*). Найдены фрагменты двух чашек типа «курильниц» на четырех (трех?) ножках (рис. 2, *15*), фрагмент чашки с полукруглыми ушками без отверстий, с гребенчатым орнаментом (рис. 2, *14*). На поселении найдено несколько десятков фраг-

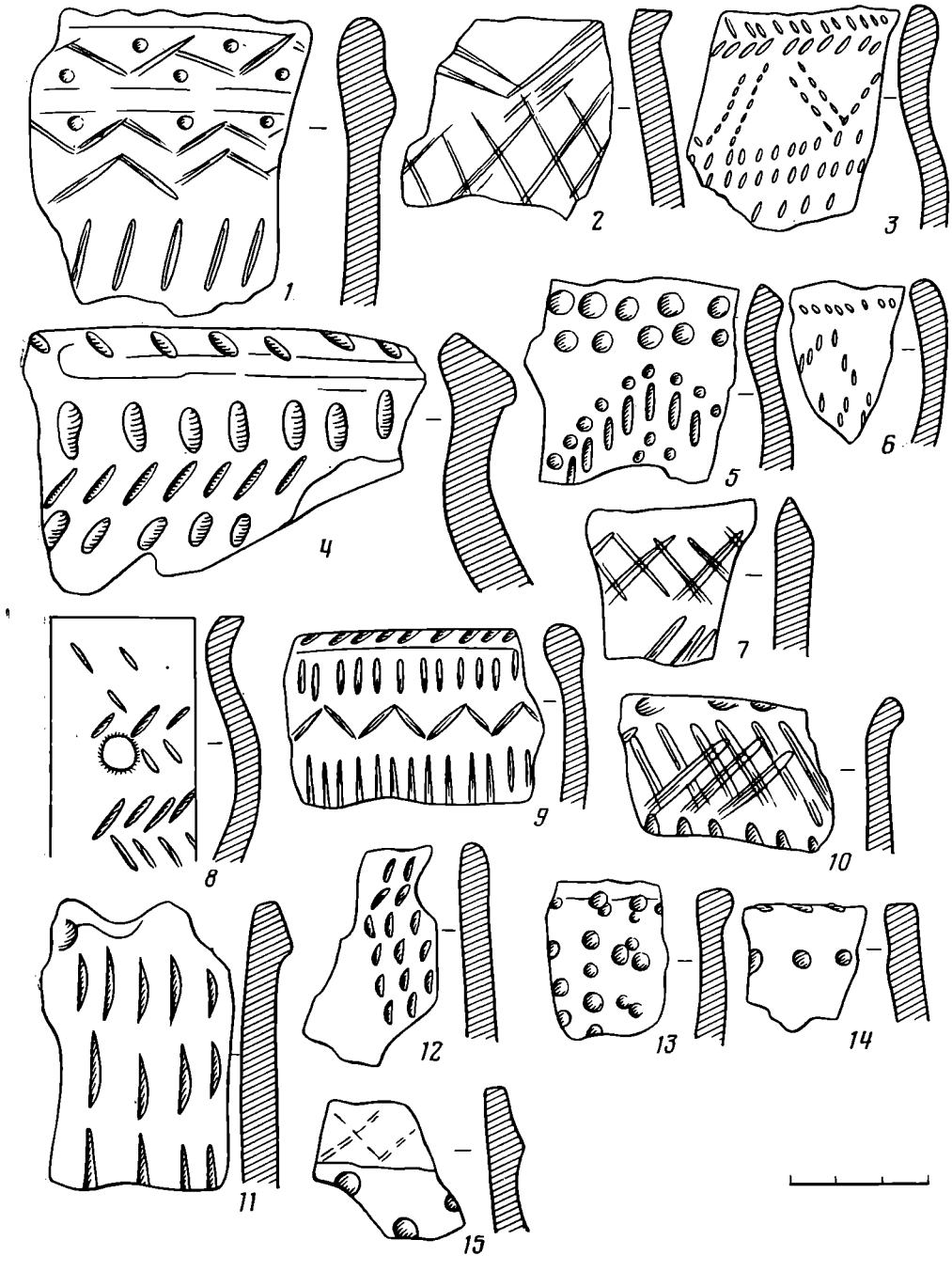


Рис. 3. Поселение Дербеш III. Керамика III—IV групп

ментов миниатюрных, хорошо профилированных сосудиков шаровидной формы, орнаментированных оттисками шнура, наколами, нарезками, оттисками зубчатого штампа (рис. 4, *10—15*). Найдено несколько фрагментов керамики с валиками несколько ниже края венчика. Сосуды имели, вероятно, шаровидное тулово (рис. 3, *1*; рис. 4, *7*). К группе V отнесена сетчатая керамика (рис. 2, *12*, *13*), к группе VI — керамика третьей четверти I тысячелетия н. э.

Керамика II группы с поселения Дербеш III аналогична керамике со стоянки Дербеш IV, она встречена также на стоянках Бенчина VII, Жерносеки и др. Она сопоставима с материалом памятников верхневолжской культуры [9], в частности с керамикой со стоянок Скрабы III, Романово I—II, рассматриваемых Л. В. Кольцовым как локальный вариант верхневолжской ранненеолитической культуры [8, с. 60, 61].

Керамика III и IV групп имеет аналогии в материале стоянок на Жижицком и Усвятском озерах Псковской обл., стоянок Скрабы I, III,

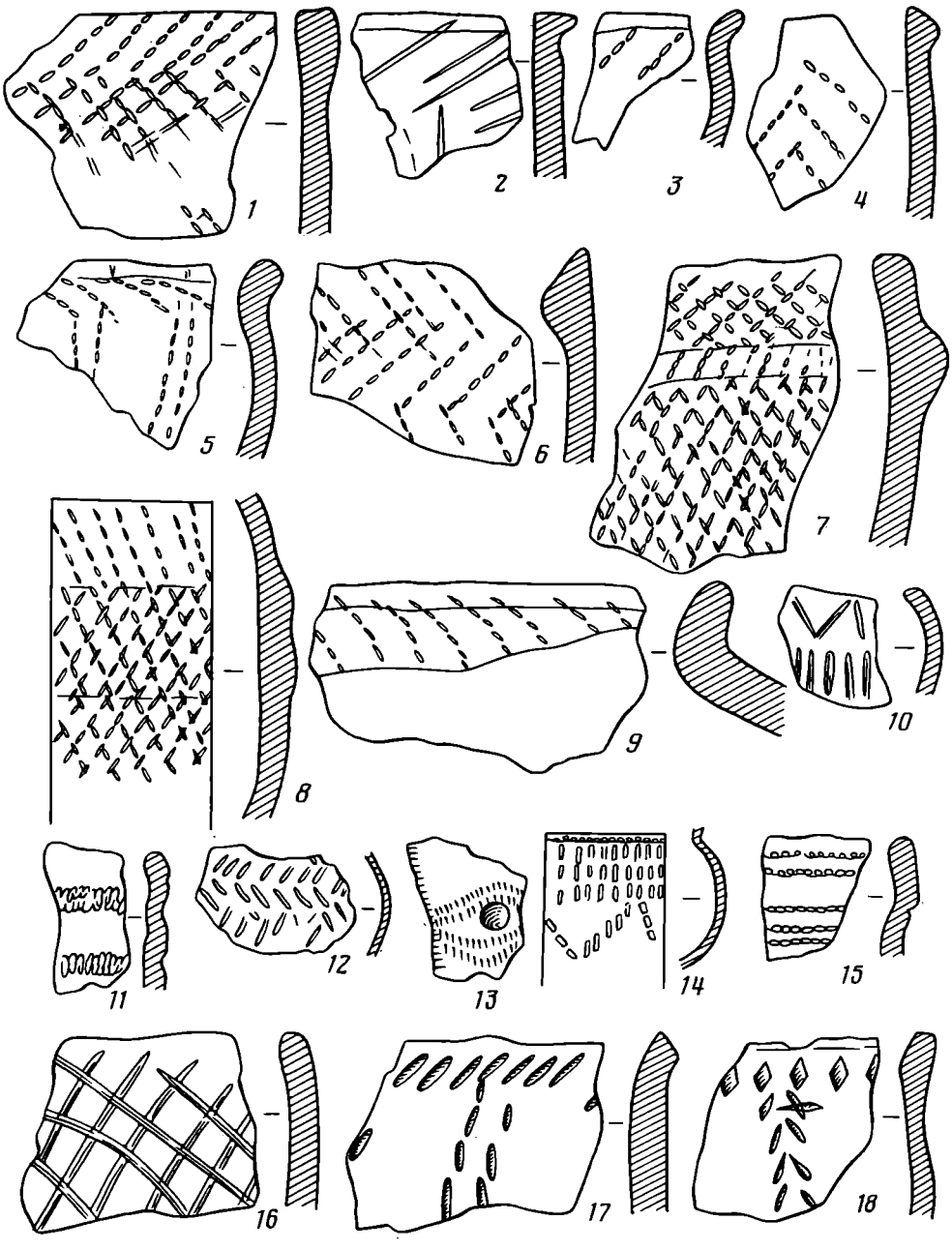


Рис. 4. Поселение Дербеш III. Керамика III—IV групп

Котово и др. на Западной Двине и ее притоках [1, с. 66, 67]. Вслед за А. М. Микляевым мы относим керамику указанных групп к северобелорусской культуре позднего неолита — бронзы [10, с. 29—32, рис. 7]. Это подтверждается и анализом кремневого инвентаря. Не вызывает сомнения отнесение к инвентарю культур со шнуровой керамикой отмеченных выше сосудов «амфорного» типа, сосудов с валиками, обломков чаш-«курильниц», однако аналогии некоторым из этих предметов на поселениях эпохи бронзы верховьев Западной Двины и Волги пока неизвестны. Нет близких аналогий и керамике I группы.

Коллекция орудий из кремня с поселения Дербеш III насчитывает 228 единиц, разделенных нами по функциональному назначению на пять больших групп. Более всего найдено скребков и близких им орудий — 144 экз. Выполнены они, как правило, на отщепах, оформлены крутой ретушью. Часты орудия длиной 5—7 см, встречаются и мелкие тщательно ретушированные экземпляры с подретушевкой с брюшка, длиной 2—2,5 см (рис. 5, *9—18*). Сверл, острий и проколок найдено 49. Ножи

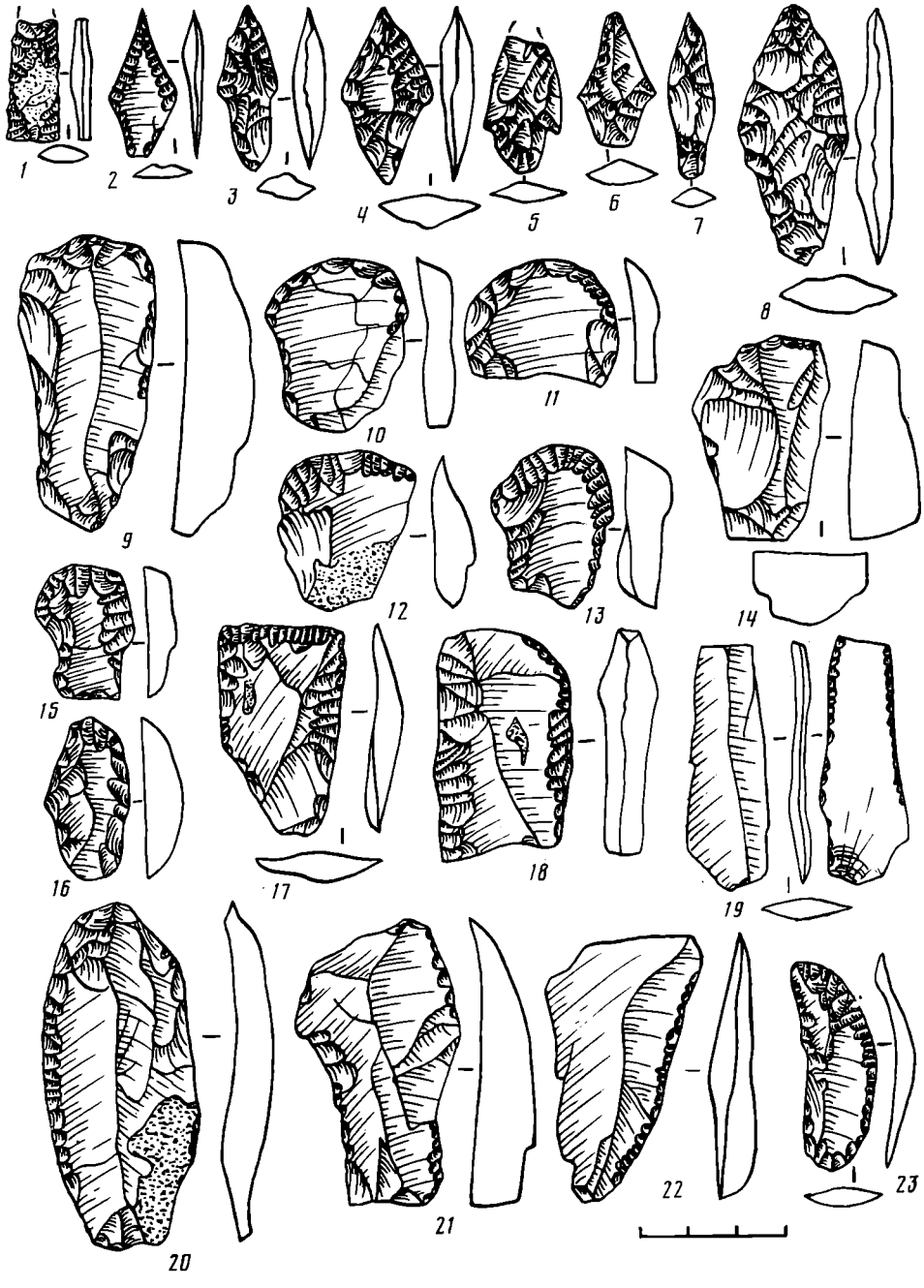


Рис. 5. Поселение Дербеш III. Кремневые орудия

(59 экз.) — одно- и двулезвийные, круговые, выполнены на тонких или массивных отщепах (рис. 5, *19—23*; рис. 6, *1—5*). Наконечники стрел и дротиков (52 экз.) различных типов: ромбические и подромбические, ромбические с усеченным основанием, со слабонамеченным черешком, с длинным и широким черешком (рис. 5, *1—8*). Кремневых топоров, топоровидных орудий и их обломков найдено 24. Длина их 6—8 см, сечения линзовидные, лезвия некоторых пришлифованы (рис. 5, *6—11*).

Стоянка Дербеш IV расположена в 70—200 м к юго-востоку от поселения Дербеш III, на краю боровой террасы р. Топоры, и почти полностью уничтожена дорогой в дер. Макеево и лесопосадками. Ее приблизительные размеры — 250×40 м. В 1974 г. были заложены два раскопа в противоположных концах стоянки, общей площадью 56 м². В раскопе 1 найдено незначительное количество керамики, выделенной на поселении Дербеш III во II группу. Такая же керамика есть и в раскопе 2. Наряду с ней встречена керамика красноватого цвета с подлощением, с ком-

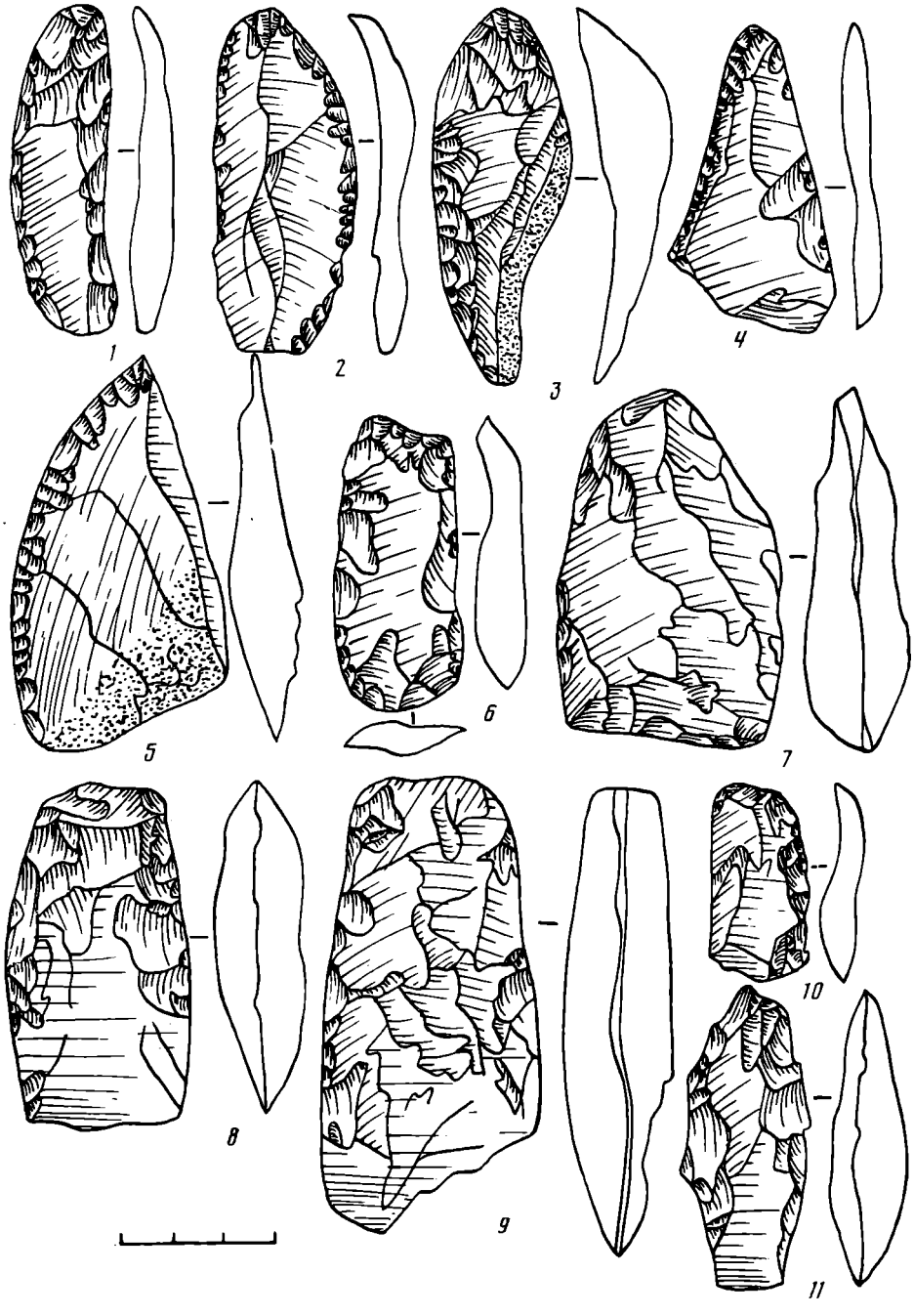


Рис. 6. Поселение Дербеш III. Кремневые орудия

бинированной примесью в тесте. Орнамент ее состоит из мелких ямочных вдавлений, образующих параллельные и пересекающиеся линии.

Кремневые орудия выполнены как на отщепах, так и на ножевидных пластинах. Можно отметить невыразительные острия и наконечники стрел, резец, сечения пластин, угловой скребок на массивном отщепе, широкое и короткое тесло, три топоровидных рубящих орудия подтреугольной формы.

Около 20 памятников, близких описанным выше, обследовано нами на р. Бенчине, левом притоке р. Торопы (Бенчина I—VII, Жерносеки I—VIII). Небольшой раскоп площадью 16 м^2 был заложен на стоянке Бенчина VII, на правом берегу р. Бенчина, в 0,5 км от ее истока из оз. Бенецкого. Керамика аналогична материалу со стоянки Дербеш IV. Кремневые орудия выполнены на отщепах и ножевидных пластинах. Отметим обломок кремневой пилки, округлый скребок, тесло, обломки

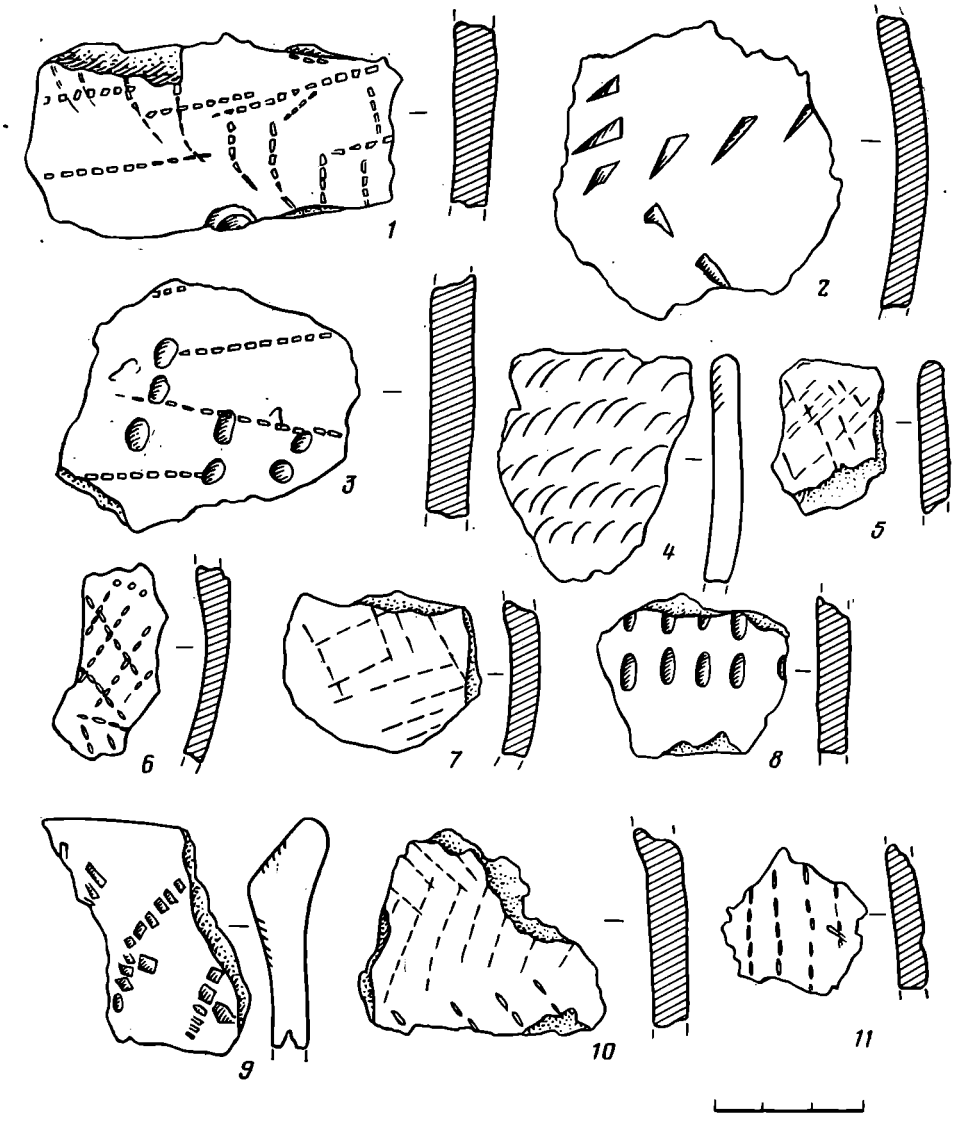


Рис. 7. Стоянка Кудино I. Керамика

наконечников стрел и дротиков листовидной формы, обломки и заготовки топоровидных орудий.

На стоянке Бенчина I, расположенной в 300 м западнее, собраны фрагменты тонкостенной керамики (с примесью песка и растительности) с гребенчатым, шнуровым и накольчатым орнаментом, сопоставимые с III и IV группами керамики с поселения Дербеш III. Аналогичен и кремневый материал. На стоянках Бенчина I и Жерносеки VIII найдены обломки каменных шлифованных топоров. Большинство указанных стоянок уничтожено распашкой. Несмотря на это, район оз. Бенецкого и р. Бенчины представляется весьма перспективным для более широких исследований.

В 1975 г. экспедиция Калининского государственного объединенного музея вела работы в районе оз. Кудинского, в 3 км восточнее г. Торопца Калининской обл. На стоянке Кудино I вскрыто 92 м², на стоянке Заречье I — 64 м². Стоянка Кудино I расположена на правом надпойменном берегу р. Торопы, в 1 км к юго-востоку от места впадения р. Торопы в проточное оз. Кудинское. Значительная часть стоянки занята постройками дер. Кудино и уничтожена рекой. Мощность культурного слоя от 0,2 до 0,4 м, насыщенность его слабая. Найдено лишь 59 фрагментов определимой керамики, из которых всего 15 датируются поздним неолитом — эпохой бронзы. Это керамика желтоватого и красноватого цвета,

с примесью песка и зерен кварца. Найдено лишь два фрагмента венчика. Один слегка отогнут наружу, утолщен кверху, верхняя часть его внутренней поверхности орнаментирована оттисками крупного подпрямоугольного штампа. Другой фрагмент орнаментирован гребенкой, образующей косую решетку. Орнамент остальных фрагментов керамики гребенчатый, гусеничный, из серповидных, клиновидных и треугольных насечек, овальных ямок. Некоторые фрагменты орнаментированы оттисками штампов, образующих вертикальную елочку, ромбы, решетку (рис. 7, *1—11*).

На стоянке найдено 46 кремневых орудий, нуклеус и около 100 отщепов. Орудия выполнены на отщепах. Преобладают скребки и резчики (14 экз.) и наконечники стрел (14 экз.), ножи, комбинированные орудия. Скребки округлые, концевые, размером до 3 см, с крутой ретушью. Наконечники стрел и их обломки различных типов: иволистный, ромбические с усеченным основанием и слабонамеченным черешком, листовидный. Некоторые только подправлены с брюшка.

Стоянка Заречье I расположена на левом берегу р. Торопы, в 200 м от ее современного русла, на песчаном берегу, плавно переходящем к заболоченной луговине. Стоянка находится в 1 км к северо-западу от стоянки Кудино I. Площадь ее около 300 м². Мощность культурного слоя не превышает 0,2—0,3 м, насыщенность находками слабая. Найдено 52 фрагмента керамики, 27 орудий из кремня, отщепы, точильный камень. Керамика аналогична материалу со стоянки Кудино I. Найден лишь один фрагмент венчика, слегка отогнутого наружу, с удлиненно-овальными оттисками штампа по краю венчика. Кремневые орудия представлены наконечниками стрел листовидной формы и с боковой выемкой, образующей широкий в основании черешок. Скребки, ножи, сверла, комбинированные орудия невелики по размерам, чаще 2—2,5 см. Керамика стоянок Кудино I и Заречье I близка керамике III и IV групп, выделенных нами в материале поселений Дербеш III [6, с. 72], а также ряда других памятников северобелорусской культуры бассейна Западной Двины [10, с. 29—32].

Таким образом, в результате проведенных разведочных и стационарных работ в западных районах Калининской обл. выявлен ряд новых интересных памятников: большой мезолитический комплекс в устье р. Бенчины [2, с. 59, 60], ранненеолитические памятники (Дербеш IV и др.), стоянки и поселения развитого неолита — бронзы, содержащие, в частности, комплексы, сопоставимые с материалом северобелорусской культуры (Дербеш III, Кудино I, Заречье I и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кольцов Л. В., Урбан Ю. Н., Харитонов Г. В.* Разведка в верховьях Западной Двины.— АО — 1972. М., 1973.
2. *Крайнов Д. А.* Результаты работ Верхневолжской экспедиции.— АО — 1973. М., 1974.
3. *Григорьев В. И., Портнягин И. Г., Урбан Ю. Н.* Разведки в бассейне р. Волкоты и на озере Бенецком.— АО — 1973. М., 1974.
4. *Бодунов Е. В., Харитонов Г. В., Харитонова Н. А., Урбан Ю. Н.* Работы на территории Верхнего Подвинья.— АО — 1973. М., 1974.
5. *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э.— МИА, 1960. № 76.
6. *Портнягин И. Г.* Поселение Дербеш III.— АО — 1974. М., 1975.
7. *Лесман Ю. М., Портнягин И. Г.* Экспедиция Калининского областного краеведческого музея.— АО — 1974. М., 1975.
8. *Кольцов Л. В.* Работы в Калининской и Ярославской областях.— АО — 1974. М., 1975.
9. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская культура.— СА, 1977, № 3.
10. *Микляев А. М.* Памятники Усвятского микрорайона. Псковская область.— Асб. ГЭ, 1969, вып. 11.

I. G. Portnyagin

THE NEOLITHIC-BRONZE AGE SITES IN THE TOROPA BASIN

Summary

An expedition of the Kalinin State Museum studied a number of sites dated to the Neolithic and Bronze Age in the upper reaches of the Western Dvina and its tributaries between 1972 and 1975. Four hundred and fourteen square metres stripped in Derbesh III settlement on the Toropa River yielded 6 ceramic groups. The second group can be classed among the local variants of the Upper Volga Early Neolithic culture (Fig. 1, *1—4*), the 3rd and 4th groups are associated with the Northern Byelorussian culture of the Bronze Age (Figs. 1, *10—18*; 2, *1—11*). Materials from Kudino I and Zarechie I sites 3 km to the east from the Toropa are related to the same period (Fig. 7, *1—11*). Derbesh IV, an Early Neolithic site, and a number of sites along the Benchina River, a left tributary to the Toropa, were also investigated. They are dated to the Mesolithic, the Early and Developed Neolithic and the Bronze Age.

КУЗНЕЦОВ В. Д.

ОРГАНИЗАЦИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В ЭПИДАВРЕ

(обработка камня)

Отчеты о строительстве общественных сооружений являются ценным историческим источником, помогающим решать различные проблемы древнегреческого ремесла. Такие отчеты дошли до нас из Афин, Дельф, Делоса, Лебадии и других полисов. Важное место среди них занимают строительные надписи о сооружении святилища Асклепия в Эпидавре (первая половина IV в. до н. э.— III в. до н. э.). Эпидаврские строительные отчеты, в отличие, например, от афинских, долгое время не привлекали к себе внимания исследователей. Лишь относительно недавно появилась книга Э. Барфорд, посвященная строителям храмов в Эпидавре [1—3]. Автор касается различных вопросов, связанных с культом Асклепия в Эпидавре и его святилищем, строительными контрактами, методами финансирования строительства, рабочей силой и т. д. Конечно, в одной работе, даже большой, невозможно решить все проблемы, которые ставит такой сложный документ, как эпидаврские строительные отчеты. Книга Барфорд здесь не исключение. Но и учитывая этот момент, нужно отметить, что она страдает рядом недостатков. Часть этих недостатков была отмечена Грэйсоном в его рецензии на работу Барфорд [2, с. 204—206]. На наш взгляд, сомнение вызывают выводы автора относительно рабочей силы, занятой на строительстве святилища, в частности деление всех работников на предпринимателей и ремесленников, и тезис о сильном недостатке квалифицированной рабочей силы в Эпидавре.

Данная работа посвящена ремесленникам, работавшим в святилище Асклепия. В небольшой статье невозможно дать полный (насколько позволяет документ) анализ различных категорий ремесленников. Поэтому автор ставит себе целью, коснувшись общих моментов организации работ на строительстве святилища, обратиться только к тем ремесленникам, которые были заняты обработкой одного рода строительного материала, а именно камня: вырубанием его в каменоломнях, обтеской, строительством и художественными работами по камню. К сожалению, эпидаврские надписи ничего не сообщают о социальном статусе ремесленников, строивших святилище, хотя ясно, что там должны были работать представители трех слоев общества: граждане, метеки и рабы. Ничего определенного нельзя сказать о заработной плате ремесленников, которая известна, например, для строительства Эрехтейона. Все это снижает ценность эпидаврских строительных отчетов. Тем не менее они нуждаются в дальнейшем серьезном анализе, в попытках извлечь скрытую в них информацию.

Строительство святилища Асклепия — самые крупные общественные работы, когда-либо осуществленные эпидаврским полисом. В комплекс святилища вошло несколько зданий и сооружений, строительство которых растянулось более чем на 100 лет. Среди них храм Асклепия с хрисоэлефантинной статуей бога врачевания, Фимела (толос), храмы Артемиды, Афродиты, Аполлона Малеатского, Фемиды и др. [1, с. 53—81; 5; 6, с. 185, 191, 199, 283].

Об организации строительных работ в святилище мы имеем скудные сведения. Вначале коснемся вопросов финансирования строительства [1, с. 121—135]. В надписях источники финансирования не указаны.

Пожалуй, единственным местом, которое может нам помочь, являются следующие строки: «... для золотых гвоздей из казны Асклепия серебра 430 аттических драхм, от Эвбула эгинских... от Гагемона 70 драхм, из Гермионы 1241 драхма 3 обола» [IG IV², I, 102, сткк. 105—107; далее будут даваться только номера надписей]. Основываясь на этом свидетельстве, можно полагать, что средства на строительство поступали из нескольких источников: казны святилища, пожертвований различных городов и частных лиц и, очевидно, от самого Эпидавра [7, с. 7]. Вероятно, перед началом работ были отправлены вестники по городам Греции с целью сбора средств на строительство, как это было, например, в Дельфах (Нег. II, 180). Финансами святилища в обычное время распоряжались должностные лица, ответственные перед демосом Эпидавра [1, с. 120; 8, с. 81]. В период же строительства должны были существовать специально назначенные лица. В надписях храма Асклепия мы можем найти только двух человек, которые могли бы стать ответственны за финансирование строительства: «Месяц Панамос: жрец Никасил, сын Дамея, фрурах Софан из дема Гисминаты» (102, сткк. 9—11). Но говорить об этом с уверенностью нельзя.

Несколько яснее функции жреца в процессе строительства видны в надписях № 103—105, 113. Первая из этих функций — выдача помесячно денег на осуществление работ (например, 103, сткк. 69—70). Вторая функция — получение штрафа от просрочивших выполнение работы (например, 103, сткк. 47—48). Таким образом, жрецы здесь выступают в качестве посредствующего звена между финансовыми средствами, отпущенными на строительство, и лицами, отвечающими за исполнение работ [1, с. 121]. Большему уточнению функции жрецов не поддаются.

Позднее (надписи № 106, 108, 109, 114) жрецы уступают свое место в строительной деятельности коллегии гиеромнамонов. По-видимому, эта коллегия состояла из пяти человек, включая секретаря (109, стк. 146). Именно они теперь ведают выдачей средств на строительство.

Должностные лица, ответственные за финансирование строительства, не могли сами осуществлять контроль за работами. Эта задача возлагалась на специалистов (Plato. Prot. 322d.) — строительную комиссию [7, с. 5]. В Афинах членов такой комиссии часто называли эпистатами (IG I², 342, 343, 345, 347—353, 363—366, 372—374). Задачи у эпистатов были разными: составление совместно с архитектором договора (συγγραφή), которому должны были подчиняться подрядчики [9, с. 71], наблюдение за исполнением работ в соответствии с планом, назначение жалования подрядчиками и др. [7, с. 4; 10, с. 70]. Члены строительной комисси должны были быть компетентны в делах строительства, потому что они вместе с архитектором контролировали ход работ.

Важнейшее место на строительной площадке занимал архитектор. По мнению Р. Мартэна, существовало две категории архитекторов: архитектор, находящийся на службе у государства, и свободный архитектор, нанимающийся на строительство [10, с. 69; 11, с. 172]. Последний работал как подрядчик и получал установленную зарплату [9, с. 70]. Помимо составления договора и более или менее детального описания здания, которое надлежало соорудить [12, с. 100; 13], архитектор выполнял роль технического специалиста, контролирующего исполнение работ в соответствии с этим договором.

Из всех архитекторов, работавших в святилище Асклепия, по надписям нам известно имя только одного — Феодота, построившего храм Асклепия. Он получал во время строительства зарплату — 350 драхм в год (102, сткк. 9, 31, 54, 104, 111), т. е. примерно 1 драхму в день. По всей видимости, он относился к категории свободных архитекторов, нанимающихся на строительство.

В святилище Асклепия со строительной комиссией можно связать несколько названий. При сооружении Фимелы эта комиссия первоначально называлась, по-видимому, ἐγδοτῆρες, т. е. те, кто сдает работу с подряда и выплачивает деньги за нее [1, с. 132]. Через несколько лет после начала строительства комиссия носит название θυμελοποιά

Таблица 1

Добыча и перевозка камня

№ 102

№	Имя подрядчика	Место жительства	Выполняемая работа	Стоимость работы	Стк.
1	Мнасикл	Эпидавр	Вырубить, привезти и сложить камень для фундамента колоннады	2000+др.	3
2	Лукий	Коринф	Вырубить и привезти в святилище камень для колоннады	6400 др.	5
	»	»	Привезти камень для половины целлы	1600 др.	18
3	Антимах	Аргос	Вырубить, привезти и сложить камень для фундамента целлы	1385 др.	11
4	Эвтерпид	Коринф	Вырубить и привезти в святилище камень для половины целлы	6167 др.	14
	»	»	Вырубить, привезти и сложить τὸν σκῦρον * для эргастерия	882 др. 3 об.	27
	»	»	Вырубить (каменные) балки	48 др.	234
	»	»	За камень для сокровищницы, порога и блоков под балки	58 др. 3 об.	230
5	Архикл	Коринф	Вырубить камень для половины целлы	4400+др.	16
6	Лисикрат	–	Вырубить, привезти и сложить камень для облицовки фундамента	843 др. 3 об.	33
7	Мнасилл	–	Вырубить камень для замощения, вырубить и привезти камень для наклонной площадки перед храмом	4320 др.	40
8	Каллидик	–	За вырубание камня	42 др.	299

* Ж. Ру считает, что слово σκῦρος обозначает куски камня, которые откалывались от скалы во время вырубания какой-либо архитектурной детали в каменоломне. Из-за своей неправильной формы они могли использоваться только для фундамента или в стене с полигональной кладкой. Поэтому он полагает, что Эвтерпид привез σκῦρον для фундамента эргастерия, стены которого, по его мнению, были сделаны из сырцового кирпича. Ж. Ру идентифицирует эргастерий со зданием, находящимся в 15 м южнее храма Асклепия. Его размеры 16,5 × 7,4 м. Стоимость эргастерия, по его подсчетам, не менее 2315 драхм [5, с. 86—89].

(103, стки. 119, 134, 137, 139, 142, 157), по аналогии с ναοποιοί τειχοποιοί и т. п. Комиссия фимелопойеев состояла из пяти человек, включая секретаря.

В надписях № 106 и 108 строительная комиссия выступает, как и в Афинах, под именем эпистатов (106, стк. 1; 106 С, стк. 35; 108, стки. 78, 81, 159). Их было также пять человек вместе с секретарем.

Строительная комиссия сдавала работу с подряда с записью договора либо давая задание ремесленнику без заключения договора. Подрядчик был обязан выполнять взятую работу в соответствии с заключенным контрактом. В V в. до н. э. в Афинах в качестве подрядчика выступало само государство [14, с. 488]. В Эпидавре подрядчиками были частные лица. В их распоряжении находились ремесленники, работавшие над выполнением задания. Сам подрядчик должен был быть специалистом в какой-либо отрасли ремесла, чтобы руководить работами.

Часто подрядчик должен был назначать поручителя. Если, например, в Афинах поручитель был необходим для каждого контракта, стоимость которого превышала 1000 драхм, то в Эпидавре трудно увидеть какую-либо систему при их назначении [1, с. 96, 114, 135]. Возможно, что поручитель здесь назначался в зависимости от важности выполняемой работы.

Кроме перечисленных должностных лиц в надписях упоминаются еще каталоги, функции которых трудно объяснить (ясно только, что они назначались ежемесячно) и синграфы. Возможно, что синграфы записывали тексты договоров на папирусе, как об этом можно судить из следующих слов: «За папирус для синграфов Антикриту 4,5 обола» (103, стк. 159).

Одним из основных строительных материалов в Греции был камень. Его добывали в каменоломнях, которые известны во многих частях греческого мира: в Аттике, Пелопоннесе, Сицилии, на Паросе и других ме-

Таблица 2

№ 103

№	Имя подрядчика	Место жительства	Выполняемая работа	Стоимость работы	Стк.
1	Асклапиад	(Коринф)	Вырубить, привезти и сложить коринфский камень	699 др.	10
2	Лисиад, сын Поликсена	Аргос	Вырубить и привезти из Аргоса черный камень	4585 др.	14
	»	»	Штраф за просрочивание вырубки черного камня для орфостатов	50 др.	73
	»	»	Штраф за просрочивание доставки черного камня для стилобата	360 др.	85
	»	»	Штраф за просрочивание доставки орфостатов в святилище	540 др.	87
	»	»	Штраф за черный камень	5 др.	115
3	Клеострат *	(Коринф)	Привезти камень из каменоломен в Кенхреи	299 др.	40
4	Клеоник	–	Доставка камней к гавани	2 др.	46
5	Главк	–	Доставка камней к гавани	16 др. 3 об.	63
6	Мегаклейд	–	Привезти пентелийский мрамор из гавани в святилище	1775 др.	66
	»	»	Штраф за просрочивание доставки пентелийского мрамора из гавани в святилище	1080 др.	98
7	Молосс	Афины	Штраф за просрочивание вырубки и привоза пентелийского мрамора из каменоломен в Пирей	4320 др.	75
	»	»	Доставка камня в Пирей для погрузки	70 др.	84
8	Дейнон	–	Привезти камень в святилище	240 др. 2 об.	130

* Невозможно согласиться с издателями IG, которые идентифицируют Клеострата, Молосса и Хремона надписи № 103 с ремесленниками, работавшими в середине IV в. до н. э. на строительстве в Дельфах, только на основании сходства имен: Ditt. Syll.³ № 246, стк. 48; № 247, стки. 4, 14, 25 № 241 B, стк. 119.

стах [15, с. 2—13]. Некоторые из них славились качеством своего камня по всему античному миру (например, пентелийский и паросский мрамор). О методах же добычи камня, организации работ в каменоломнях и рабочей силе, использующейся там, сведения древних авторов и эпиграфики скудны [16, с. 171]. Данные о методах вырубания камня получены главным образом на основании исследования древних каменоломен. Их делят на два типа: на разрабатываемые под открытым небом (методом ступеней) и под землей (в виде горизонтальных штреков) [15, с. 16]. Можно полагать, что разработка каменоломен, как и рудников, отдавалась с подряда. Основной рабочей силой были рабы и военнопленные (Xen. Hell. I, 14; Thuc. VII, 86—87; Plut. σύγχρισις Nic. et Cr., 1; Strabo, XII, 3, 40). Транспортировка камня осуществлялась по суше и по морю, в зависимости от местонахождения каменоломни. Тягловой силой при перевозке по суше обычно служили быки [17, с. 11]. Иногда для доставки камня сооружали специальную дорогу [15, с. 21—29; 17, с. 13]. Транспортировка камней при этом производилась с помощью деревянных катков, деревянных салазок и другими способами. Такая транспортировка осуществлялась на небольшие расстояния по достаточно ровной местности. Не было никаких транспортных «компаний» для перевозки грузов, в частности камня. В перевозке участвовали мелкие владельцы тягловых животных, которые не были заняты в данный момент другой работой (например, в поле) и желавшие подработать на этом [17, с. 16; 18, с. 37].

Всех подрядчиков на строительстве святилища Асклепия можно разделить на три категории в зависимости от характера работы по камню: занятых добычей и перевозкой камня (табл. 1, 2), обработкой его и строительством (табл. 3, 4), производством архитектурных деталей и скульптуры. Из всех эпидаврских строительных отчетов информацию о работах по камню содержат по сути дела только следующие: № 102

Таблица 3

Обработка камня и строительство

№ 102

№	Имя подрядчика	Место жительства	Выполняемая работа	Стоимость работы	Стк.
1	Антимах	Аргос	Сделать видимую часть крепиды и стилобата	869 др. *	7
2	Сотад	Аргос	Сделать колоннаду **	3068 др.	13
3	?	Аргос	Сделать целлу	3200+др.	22
4	Клеандрид	Коринф	Обтесать внутренние стены целлы и дверной проем	550 др.	29
5	Эхетим	–	Настлать (плитами) пол в храме	759 др.	52
6	Тимасифей	–	Обтесать продомос	265 др.	55
7	Каллий	–	Шлифовка пола в целле и продомосе	150 др.	70
8	Горгий	–	Шлифовка пола в колоннаде и внешней стены целлы	821 др. 2 об.	84
9	Хайрис	–	Обтесать крепиду	64 др.	87
10	Марсий	–	Проканелировать внутренние и внешние колонны	1336 др.	66

* 4 драхмы 1 обол за блок, по подсчетам Ж. Ру [5, с. 91].
** Сюда входит 30 колонн, около 300 барабанов, 30 капителей, 30 блоков архитравов, 60 блоков фриза, блоки карниза и фронтона [5, с. 93].

Таблица 4

№ 103

№	Имя подрядчика	Место жительства	Выполняемая работа	Стоимость работы	Стк.
1	?	?	Штраф за крепиду	?	17
2	Эвник	–	Штраф за шлифовку фундамента	?	19
3	Аристофан	–	Штраф за колоннаду	?	49
4	Филакид	–	Штраф за крепиду	?	50
5	Хремон	Аргос	Обработка черного камня	1189 др.	55
	»	»	Штраф за орфостаты, 13 драхм	?	88
	»	»	Штраф за работу над черным камнем, 75 драхм	?	116
6	Эвтином	Афины	Обработка черного камня и	6967 др.	58
7	Санний	Парос	пентелийского мрамора и строительство		
8	Лаархид	Аргос	(строительство) целлы	2870 др.	124
	»	»	Грубая обработка? камня для целлы	186 др. 5 об.	124
	»	»	?	2310 др.	126
	»	»	За целлу	3099 др.	133
9	Клеомел	–	Изготовить 20 плит	5200 др.	164, 165,
10	Филонид	–	замощения (4 подряда)		169, 170, 172, 176
11	Онасим	–	Скрепить плиты стилобата	3 др.	167
12	Аполлонид	–	Изготовить плиты замощения (5 подрядов)	3380 др.	166, 169, 173; 175. 176

(храм Асклепия), № 103 (Фимела), № 106 (храм Артемиды), № 118 (хрисоэлефантинная статуя Асклепия).

№ 102. Отметим характерные для этой надписи моменты. Работа по добыче и перевозке камня не разбивается на множество контрактов, а сдается большими частями немногим подрядчикам. Все основные нужды строительства храма в камне были обеспечены лишь семью подрядчиками. Этим фактом объясняется и большая стоимость подрядов. Все крупные подрядчики, за исключением Архикла, взялись одновременно и за добычу и за перевозку камня. Для выполнения этих контрактов должно было быть привлечено большое количество людей в каменоломнях и при перевозке блоков, но они остаются для нас неизвестными, потому что при заключении контракта на стеле записывалось только имя подрядчика.

Начало надписи № 103 очень плохо сохранилось. Именно поэтому до нас не дошли многие подряды на добычу и перевозку камня. Строительный материал для толоса привозили из каменоломен Коринфа, Аргоса и Аттики. Причем часть подрядчиков брала на себя обязанность как вырубить, так и привезти камень (Асклапиад, Лисиад). Клеострат, Клеоник и Главк обязались доставить камень из коринфских каменоломен только до гавани (Кенхрей). Молосс отвечал только за вырубку мрамора и привоз его в Пирей для погрузки на корабли. Другие подрядчики, сведения о которых не сохранились, должны были везти блоки на этих кораблях из Кенхрей и Пирея в гавань Эпидавра. Отсюда в святилище их перевозили уже другие работники (Мегаклейд, Дейнон).

№ 106. В отличие от практики, осуществляющейся при строительстве храма Асклепия и Фимелы, здесь строительная комиссия заключала контракт с подрядчиком не сразу на весь объем работы, которую последний должен был выполнить, а разбивала ее на несколько частей (δόσις), оплачивая каждую из них отдельно. Кроме того, прослеживается четкое разделение труда между подрядчиками, добывающими камень в каменоломнях и транспортирующими его на строительную площадку.

Добычей камня было занято около 11 подрядчиков. Технон, подряд которого был разделен на пять частей, вырубал камень для фундамента храма (А, сткк. 4, 8, 14, 43, 53). По подсчетам Ж. Ру, это составляет около 400 блоков, но он не учитывает все подряды Технона [5, с. 251]. Тимократ вырубил в общей сложности 122 блока для крепиды храма по 12 драхм 3 обола за блок (А, сткк. 19, 36, 60, 62). За свою работу он получил около 1500 драхм.

Остальные подрядчики заключили, вероятно, по одному контракту. Гермонакс[1] вырубил 35 блоков для эвтинтерии примерно за 400 драхм (А, стк. 58), Архемандр — 46 блоков для антифемы за 230 драхм по 5 драхм за штуку (А, стк. 70), Эвтих — камни для лестницы более чем за 100 драхм (А, стк. 105), Гномон — 55 блоков для стилобата (А, стк. 111). Кроме того, в пяти случаях, когда речь идет о добыче камня, имена подрядчиков не сохранились: А, стк. 28 (20 блоков для стилобата); А, стк. 65 (10 блоков для замощения); А, стк. 113 (4 блока); А, стк. 34 (блоки для эвтинтерии и антифемы) и А, стк. 101.

Сохранилось лишь три имени подрядчиков, занимавшихся транспортировкой камня из каменоломен. Тавр дважды получил по 250 драхм за доставку блоков для фундамента (А, сткк. 17, 23). Дамон также перевозил камни для фундамента, за что получил 750 драхм (А, стк. 39). Сокл доставил 80 блоков для крепиды и антифемы за 280 драхм (А, стк. 67).

По всей видимости, камень для строительства храма Артемиды добывался в коринфских каменоломнях и доставлялся в Эпидавр по морю.

№ 102. Под руководством подрядчиков из Аргоса — Антимаха, Сотада и подрядчика, имя которого не сохранилось,— была выполнена почти вся работа по возведению храма Асклепия. К сожалению, надпись ничего не сообщает нам ни о количестве людей, занятых на этой работе, ни об их оплате, ни о социальном статусе ремесленников. Все остальные подрядчики занимались только окончательной отделкой храма: обтеской и шлифовкой стен и полов и канелированием колонн.

№ 103. Из строительных работ на толосе сохранились только подряды на сооружение целлы. О строительстве других частей Фимелы мы знаем лишь из записей штрафов, которые взимались с подрядчика за задержку работы или неточное ее выполнение. Большинство контрактов оценивается значительными суммами, что соответствует объему выполняемой работы.

№ 106. В строительных отчетах храма Артемиды сохранились подряды пяти человек. Технон, который добывал камень в каменоломнях, заключил три контракта на укладку блоков фундамента по цене в 1 драхму 3 обола за блок (А, сткк. 41, 45, 56). Дамофил подрядился уложить плиты стилобата (А, сткк. 85, 94), 40 блоков эвтинтерии за 500 драхм

[1] Возможное восстановление имени, предложенное Барфорд [4, с. 288].

(А, стк. 63), пять плит замощения по 14 драхм 2 обола 5 халков за плиту (А, стк. 96) и еще какие-то блоки (А, стк. 98). Гиарон также участвовал в укладке блоков фундамента, получив 90 драхм (А, стк. 72), причем указано, что подряд этого работника шестой по счету: «работнику Гиарону за укладку камней фундамента, шестая часть (ἕκταν δόσιν)...». Таким образом, работа по сооружению фундамента была разделена по меньшей мере на шесть подрядов, три из которых взял Технон, не менее одного — Гиарон, остальные подрядчики неизвестны. Еще два ремесленника, имена которых не сохранились, работали на укладке блоков — один крепиды (А, стк. 47), другой стилобата (А, стк. 136).

Сведения о художественной работе по камню содержатся почти исключительно в отчетах храма Асклепия и (в гораздо меньшей степени) Фимелы. В остальных надписях сведения о ней практически не сохранились.

№ 102. Скульптуры фронтов храма подрядились сделать два человека. Гекторид взял два больших подряда на изготовление скульптур восточного фронтона (борьба лапифов с кентаврами). Их стоимость — 3010 драхм (стк. 89, 1111). Имя мастера, сделавшего скульптуры западного фронтона (амазономахия), не сохранилось: «...за изготовление скульптур другого (западного) фронтона — 3010 драхм, поручитель Феоксенид» (стк. 98—99). Акротерии (ими служили статуи Ники и нереид, сидящих на конях) для восточного фронтона подрядился сделать некто Θεο—. Издатели IV тома IG видят в нем Феодота, т. е. архитектора храма Асклепия: «Федоту за акротерии другого (восточного) фронтона 2240 драхм, поручитель Феоксенид» (стк. 97—98). Поскольку в подрядах на скульптуры западного фронтона и акротерии восточного один и тот же поручитель (Феоксенид), с определенной долей уверенности можно полагать, что эти два подряда принадлежали одному скульптору. Говорить же о том, что этим скульптуром был архитектор Феодот, можно лишь предположительно [4, с. 259].

Акротерии западного фронтона изготовил Тимофей (стк. 90). Стоимость подряда — 2240 драхм. Кроме того, Тимофей сделал и доставил в святилище за 900 драхм τόλοι (стк. 36—37). Ж. Ру видит в них метопы пронаоса с изображениями в низком рельефе. Так как метоп было шесть, то каждая стоила 150 драхм [5, с. 114; 19, с. 518]. Вероятно, Тимофей эпидаврской надписи идентичен афинскому скульптору Тимофею, который сделал статую Асклепия для Трезены (Paus. II, 32, 3) и участвовал в строительстве Мавсолея в Галикарнассе (Plin. NH, XXXVI, 31—32) [20, с. 75].

Художественные работы по изготовлению скульптур и архитектурных деталей требовали участия многих ремесленников, которые работали под руководством скульпторов типа Гекторида и Тимофея и резчиков по камню типа Дамофана и Аксиоха, сделавших маски для кессонов (стк. 56, 167). Но о них мы ничего не знаем.

№ 103. В отчетах о строительстве Фимелы сохранилось два имени ремесленников, работавших по декорировке здания. Один из них, Комедион, взял три подряда: на резьбу орнаментов, капель и киматиев (50 др., стк. 90—91), на орнаментирование карниза и косяков двери (1100 др., стк. 94—95), на какую-то резьбу (550+65 др. 6 халков, стк. 102, 104).

Еще один резчик по камню — Санний с Пароса, о котором уже говорилось, взял пять подрядов на изготовление орнаментов (80 др., стк. 96; 39 др., стк. 101; 172 др. 4, 5 обола, стк. 104—105; 97 др. 3 обола, стк. 110; 140 др., стк. 136—137). Кроме того, он два раза заплатил штраф, вероятно за неточное выполнение работы (стк. 111; 15 др., стк. 117). В одном из подрядов Санния имеется интересная деталь: «Саннию за резьбу по фризу над дверью и верхнему косяку двери, после того как она была проверена» (стк. 96—97) [2]. Проверка точного, по вре-

---

[2] В эпидаврских надписях имеется еще только одно упоминание о проверке выполнения работы: № 114, стк. 30—32.

мени и качеству, выполнения работы является правилом при общественных строительных предприятиях. О существовании контроля за выполнением задания, помимо прямых свидетельств, мы можем судить по штрафам, возлагавшимся на ремесленников.

Помимо упомянутых выше работ у Санния было еще два подряда на вырезание надписей (9 др. 1,5 обола, стк. 136; 3 др. 4,5 обола, стк. 140). Все это говорит о том, что он был высококвалифицированным ремесленником по обработке камня.

Эпидаврский толос является сложным архитектурным сооружением, украшенным высококлассной резьбой по камню. Безусловно, ее делали не только Комедион и Санний, но и другие ремесленники, часть которых работала под их руководством. Как обычно, мы ничего не знаем об этих ремесленниках.

№ 118. Из надписи о хрисоэлефантинной статуе Асклепия[3] мы имеем интересующие нас сведения только о скульпторе Εὔβου: «...за изготовление скульптур Эвбу...» (стк. 17). Он не мог быть автором статуи Асклепия, так как известно, что им был Фрасимед, сын Аригнота, с Пароса, подпись которого, как говорит Павсаний, стоит на статуе (Paus. II 27, 2). Рассматриваемая надпись ничего не сообщает об изготовлении статуи Асклепия, но имя Фрасимеда в ней встречается трижды. Характер работы этого скульптора в двух случаях неизвестен (6 др., А, стк. 56А; А, стк. 68), третий же случай — это изготовление наковаленки (ἄκμων) для обработки золота за 3 драхмы 1,5 обола (А, стк. 73) [4, с. 329]. Кроме того, Фрасимед взял самый большой из известных при строительстве святилища подряд (9800 драхм) на сооружение потолка храма Асклепия, двери целлы и ворот между колоннами (102, сткк. 45—48), составлявших как бы обрамление для его статуи Асклепия. Очевидно, что Фрасимед эпидаврской надписи является автором статуи Асклепия, т. е. идентичен паросскому скульптору, о котором говорит Павсаний. Таким образом, мы видим диапазон занятий первоклассного скульптора: от строительных работ внутри целлы до изготовления орудий труда, от крупнейшего подряда до выполнения задания, которое оценивается несколькими драхмами.

Подведем некоторые итоги. Как мы видели, в центре внимания эпидаврских надписей находится подрядчик, о котором сообщается минимум сведений. По мнению Э. Барфорд, все эпидаврские подрядчики делятся на предпринимателей и ремесленников. Эта точка зрения основана прежде всего на примерах с подрядчиками, заключавшими контракты на работу с камнем. Предприниматели — богатые люди с положением в обществе — берутся за выполнение подряда по той причине, что он служит своего рода литургией, как, например, триерархия, приносящей почести и уважение. К тому же этим подчеркивается уважение к культу Асклепия и его почитание. Э. Барфорд считает, что предпринимателя можно отличить от ремесленника только по контексту надписи, по характеру выполняемой работы. Такими предпринимателями оказываются Мнасикл, Лисикрат, Лукий, Эвтерпид, Антимах, Сотад, Архикл, Мегаклейд, Молосс, Асклапиад, Клеострат, Лаархид и др. Предприниматели имели денежные средства и необходимые торговые контакты, что позволяло им снабжать строительство камнем, ценными породами дерева, слоновой костью. Это было не под силу простому ремесленнику с его ограниченными ресурсами [1, с. 148—152.]

Эта точка зрения вызывает определенные возражения. Очевидно, что критерий выделения «предпринимателя» среди прочих работников произволен и субъективен. Следуя ему, можно по собственному усмотрению одних приписывать к богатым «предпринимателям», других — к ремесленникам, живущим за счет собственного труда. По-видимому, здесь нужна большая осторожность в выводах, чтобы не наделять от себя, например, Мнасикла каменоломнями, находящимися в «семейном владении»,

[3] Полностью опубликована Э. Барфорд [4, с. 263—270]. Нумерация строк дается по ее публикации.

откуда он доставлял камень, или не называть Лукия «не просто торговцем с кораблями в своем распоряжении, но бизнесменом с далеко простирающимися контактами, поистине профессиональным предпринимателем» [1, с. 150].

Подрядчик, бравшийся за добычу камня в каменоломнях, очевидно, не мог быть человеком, не имеющим никакого отношения к этому делу. Вырубание камня и обтеска вырубленных блоков, функциональное назначение которых было заранее известно[4], требовали большого мастерства от подрядчика и руководимых им ремесленников. Можно гадать, работал или нет сам подрядчик, но, безусловно, он должен был хорошо разбираться в том, что делалось в каменоломне. Уместно будет здесь привести слова Платона, которые могут послужить, хотя бы и косвенным, аргументом в пользу вышесказанного (Plato. Prot., 319 BC): «...когда соберемся мы в народном собрании, то, если городу нужно что-нибудь делать по части строений, мы призываем в советники по делам строительства зодчих, если же по корабельной части, то корабельщиков, и так во всем том, чему, по мнению афинян, можно учиться и учить; если же им станет советовать кто-нибудь другой, кого они не считают мастером, то, будь он хоть красавец, богач и знатного рода, его совета все-таки не слушают...» (пер. В. С. Соловьева).

Субъективность точки зрения Э. Барфорд доказывается следующим примером. Следуя логике ее рассуждений, к разряду «предпринимателей» необходимо причислить еще ряд подрядчиков, например Лисиада, который подрядился вырубить и привезти из аргосских каменоломен черный камень за 4585 драхм (103, стк. 14). Но не случайно Э. Барфорд не считает его предпринимателем, несмотря на то что он по всем признакам подходит для этой категории подрядчиков. Это объясняется тем, что Лисиад, в числе прочих получивший 2 драхмы на дорожные расходы для прибытия на строительство, попадает в разряд обычных работников (103, стки. 52—55).

Древняя Греция была богата различными сортами камня. Но крупные его разработки велись далеко не везде. Для этого имелось несколько причин. Одними из основных являлись качество камня и наличие относительно удобных путей (в первую очередь водных) для его транспортировки с места разработок. Например, широкое распространение паросского мрамора связано с его высоким качеством и хорошим географическим положением Пароса.

Эпидавр обладал собственными каменоломнями[5], но качество камня здесь было ниже, чем, например, в коринфских каменоломнях, которые снабжали строительным материалом города Истма и Арголиды. Известно также, что коринфский камень использовался при строительстве святилища в Дельфах [15, с. 30]. При строительстве практически всех зданий эпидаврского святилища камень привозился главным образом из коринфских каменоломен: он был хорошего качества и перевозка его была достаточно экономна и удобна [1, с. 190; 15, с. 31].

Мрамор, необходимый для строительства и скульптур, привозили морем из пентелийских каменоломен. Соседний Аргос поставлял черный камень (λίθος μέλας), использовавшийся при строительстве храма Асклепия и Фимелы.

Естественно, что подряды на добычу коринфского и аргосского камня и пентелийского мрамора сдавались коринфянам, аргосцам и афинянам соответственно. В этих подрядчиках нужно видеть людей, тесно связанных с работами в каменоломнях, а не «предпринимателей», не имеющих никакого отношения к этому делу.

---

[4] Изготовление архитектурной детали производилось уже в каменоломне. На этой детали оставлялся лишь небольшой припуск, который снимался на строительной площадке при окончательной подгонке блоков. Об этом прямо говорится в одной элевсинской надписи: «...вертикально обтесать со всех сторон, оставив припуск» — IG II/III², 2, 1666, A, стк. 10, а также стки. 14, 47, 63, 98 [11, с. 176, 190; 15, с. 19].

[5] Местный камень использовался главным образом при сооружении фундаментов.

Транспортировка камня в святилище осуществлялась двумя способами. Часть подрядчиков, вырубавших камень, бралась и за его перевозку на строительную площадку. Поскольку она осуществлялась главным образом по морю, подрядчики могли фрахтовать суда для этой цели [15, с. 21]. Другой способ заключался в том, что перевозка камня осуществлялась тремя группами подрядчиков. Первая бралась доставить блоки из каменоломен до гавани (Кенхреи, Пирей), вторая — от этой гавани до эпидаврского порта на кораблях, третья — от порта до святилища. Доставка камня от каменоломен до ближайшей гавани и из эпидаврского порта до святилища могла осуществляться разными способами: при помощи деревянных катков, деревянных салазок, на повозках и т. д. [11, с. 163—172; 15, с. 21—29]. Надписи не уточняют, какой из этих способов использовался. Судя же по стоимостям подрядов, можно говорить о том, что камень перевозили как отдельные люди (подряды Клеоника и Главка: 103, сткк. 46, 63, оцениваются скромными суммами в 2 драхмы и 16 драхм 3 обола соответственно), вероятно, на своих повозках, так и целые бригады рабочих под руководством подрядчика (контракты Клеострата, Мегаклейда, Дейнона: 103, сткк. 40, 66, 130). О каком-либо отношении этих подрядчиков к ремесленной деятельности мы ничего не знаем, но, по всей видимости, далеко не все из них были ремесленниками.

Если перейти к контрактам, заключенным на строительство здания, то здесь бросается в глаза следующая особенность. При строительстве храма Асклепия подряд на возведение какой-либо из основных функциональных частей здания (фундамент, колоннада, целла) не разбивался на несколько контрактов, а отдавался одному подрядчику. Сооружением этого храма было занято не более трех-четырех подрядчиков. Отчет о строительстве Фимелы сохранился хуже. Но все же можно отметить, что разделение труда между подрядчиками, по-видимому, здесь было несколько большим: Клеомел с Филонидом, Аполлонид и Хремон обтесывали блоки, последующей укладкой которых занимались уже другие подрядчики. Для строительства храма Артемиды характерно дробление контрактов при возведении здания. Например, было не менее шести контрактов на сооружение фундамента и не менее трех — стилобата. К сожалению, в силу плохой сохранности остальных надписей мы не знаем, как было организовано строительство других зданий святилища.

Причина различий в организации строительства между храмом Асклепия, с одной стороны, и Фимелы и Храма Артемиды — с другой, кроется, по-видимому, не в эволюции организации строительства, не в отсутствии общих принципов этой организации, а в том факте, что храм Асклепия был построен в достаточно короткий срок — в четыре с половиной года (для сравнения: Фимела строилась несколько десятилетий). Эти сжатые сроки диктовали и форму организации строительства: подряд на возведение какой-либо основной функциональной части храма сдавался одному подрядчику, который отвечал за своевременную сдачу объекта в срок.

Большое число важных контрактов на обработку камня и строительные работы было отдано выходцам из Коринфа, Аргоса, Афин и Пароса. Это не случайно, потому что эти полисы были известными центрами ремесел, связанных с различного рода обработкой камня. Значительную роль в развитии таких ремесел играли находящиеся неподалеку от них каменоломни.

Под руководством подрядчиков — квалифицированных специалистов в области обработки камня и строительства[6] работали бригады ремесленников. Вероятно, что некоторые подрядчики приводили с собой ремесленников из своего родного города. В отчетах Фимелы имеются записи о выдаче денег на дорожные расходы работникам, приходящим из других городов. Имена большинства из них не встречаются среди имен подрядчи-

[6] Антимах и Технон (102, сткк. 7, 11 и 106, сткк. 4, 8, 14, 41, 43, 45, 56) взяли подряды на добычу камня и на строительные работы, что обнаруживает в них высококвалифицированных ремесленников, успешно работавших как в каменоломне, так и на строительной площадке.

ков (хотя при этом нужно учитывать неполную сохранность надписи), поэтому в них можно видеть ремесленников, входящих в бригаду какого-либо подрядчика, скорее всего, своего соотечественника[7]. Другая часть ремесленников была жителями Эпидавра. Надписи не дают каких-либо сведений относительно количественного состава бригад. Неизвестно нам и количественное соотношение ремесленников Эпидавра и других городов. По мнению Э. Барфорд, в полисах Греции, даже таких, как Афины, ощущалась острая нехватка квалифицированных ремесленников [1, с. 191; 21, с. 58, 62; 22, с. 25]. В отношении Эпидавра эту мысль она подтверждает наличием среди подрядчиков жителей других полисов, и в первую очередь Коринфа, Аргоса и Афин.

Места жительств ремесленников в эпидаврских строительных надписях указываются не часто и почти исключительно в отчетах храма Асклепия, Фимелы и хрисоэлефантинной статуи. На строительство святилища ремесленники прибыли с Пароса, из Афин, Тегеи, Трезены, Стимфала, Эгины, Сикиона, Эфеса и, по-видимому, из некоторых других городов. Количество этих ремесленников невелико (не более полутора десятков человек), но какая-то часть из них нам неизвестна в силу неполной сохранности надписей. Гораздо заметнее присутствие на строительной площадке работников из Коринфа и Аргоса.

Вопрос о том, существовал ли недостаток в квалифицированных ремесленниках в Греции, должен решаться на широком материале. Но уже сейчас, основываясь на эпидаврских отчетах, можно отметить следующее. При рассмотрении какого-либо общественного строительства, а тем более такого, как сооружение грандиозного святилища Асклепия, необходимо учитывать его экстраординарный характер. На строительство должно было быть привлечено большое количество ремесленников разных специальностей. Если, например, Афины или Коринф, полисы с традиционно развитыми ремеслами, могли обеспечить всю или значительную часть (в зависимости от объема строительства) необходимой рабочей силы при осуществлении проекта у себя дома, то небольшому городу, каким был Эпидавр, сделать это было гораздо труднее. Кроме того, необходимо иметь в виду географическое разделение труда и исторические особенности развития данного города. Тот же Коринф известен своими ремеслами (Herod., II, 167), среди которых не последнее место занимали обработка камня и производство черепиц. Учитывая этот момент, а также наличие в коринфской области леса, необходимого для строительства, и географическую близость Коринфа к Эпидавру, совсем не удивительно будет видеть коринфских ремесленников в святилище Асклепия и использование строительных материалов (камень, лес, черепица и др.), привезенных из Коринфа. Ведь сам Эпидавр не был развитым центром ремесленного производства и не выделялся природными ресурсами строительных материалов.

Таким образом, в отношении тезиса о нехватке квалифицированных ремесленников в Греции необходимо отметить три момента. Первый момент заключается в историко-географическом разделении труда между различными городами и областями Греции. Какой-либо полис, обладающий природными ресурсами в виде, например, камня (или леса, глины и т. д.), развивает ремесла, основывающиеся на обработке данного вида материала. При осуществлении большого общественного строительства в соседних (а иногда и отдаленных) городах этот полис обеспечивал при необходимости нужды строительства в сырье, продуктах своих ремесел и рабочей силе. Именно так обстояло дело в Эпидавре: Коринф, Аргос, Афины (остальные города в гораздо меньшей степени) снабжали строящееся святилище различного рода материалами и рабочей силой. Характерно, что подавляющая часть известных нам иногородних ремесленников

[7] В списках ремесленников, пришедших из других городов, аргосцев было 12 человек (из них 2 подрядчика), афинян — 4 (из них 1 подрядчик), тегейцев — 3, паросцев — 2 (из них 1 подрядчик), трезенец — 1.

прибыла в Эпидавр из соседних областей Пелопоннеса и Аттики. Кроме того, члены строительной комиссии, отправлявшиеся в различные города в поисках необходимых строительных материалов и для сдачи подрядов, не выходили, как правило, за пределы описанного района (Коринф, Аргос, Афины, Трезена, Тегея, Клеоны, Мегары, Эгина, Немея, Гермиона). Второй момент заключается в том, что в обычной жизни эпидаврские ремесленники могли достаточно полно удовлетворять потребности жителей своего полиса. В городе строились небольшие общественные здания, частные дома, дороги и улицы, канализационные сооружения, ремонтировались городские стены и храмы и т. д. Все это требовало наличия камнетесов, каменщиков, плотников, столяров и ремесленников других специальностей. Видимо, одним из основных факторов в экономической жизни древнегреческого полиса был не недостаток или избыток высококвалифицированных специалистов типа скульптора Фидия или архитектора Мнесикла, которые были необходимы при осуществлении неординарных проектов, но наличие массы ремесленников, обеспечивающих повседневные нужды полиса.

Третий момент состоит в том, что циркулирование высококвалифицированных ремесленников по различным городам столько же говорит о нехватке этих ремесленников, сколько и об отсутствии для них «рабочих мест» в родном полисе, потому что строительство крупных общественных сооружений предпринималось редко. Полис, начинающий такое строительство, стремился пригласить мастеров, известных своими прежними работами. Это не обязательно свидетельствует о нехватке квалифицированных ремесленников. В связи со сказанным характерными представляются слова Витрувия о том, что многие скульпторы и живописцы не были известны так, как Мирон, Поликлет, Фидий, Лисипп, создававшие свои произведения по заказу больших государств, царей или знатных граждан, не потому, что отличались меньшим талантом и мастерством, но потому, что создавали свои превосходные произведения для граждан низкого происхождения, или потому, что им помешали скудость достатка, жизненные неудачи и противники с более высоким положением (Vitr. III, вступл., 2).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Burford A.* The greek temple builders at Epidauros. Liverpool, 1969.
2. *Grayson C. H.* Rec.: A. Burford. The greek temple builders at Epidauros.— JHS, 1971, v. 91.
3. *Eiteljorg H.* Rec.: A. Burford. The greek temple builders at Epidauros.— AJA, 1971, v. 75.
4. *Burford A.* Notes on the epidaurian building inscriptions.— BSA, 1966, v. 61.
5. *Roux G.* L'architecture de L'Argolide aux IVe et IIIe siècle av. J.— C. Paris, 1961.
6. *Lawrence A. W.* Greek architecture. Harmondsworth, 1951.
7. *Boersma J. S.* Athenian building policy from 561/0 to 405/4 B. C. Groningen, 1970.
8. *Hegyi D.* Τεμένη ἱερὰ καὶ τεμένη δημόσια .— Oikumene, 1976, v. 1.
9. *McCredie J.* The architects of the Parthenon.— In: Studies in classical art and archaeology. N. Y., 1979.
10. *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. P., 1956.
11. *Martin R.* Manuel d'architecture grecque. I. Matériaux et techniques. P., 1965.
12. *Bundgaard J. A.* Mnesicles. A greek architect at work. Kobenhavn, 1957.
13. *Petronitis A.* Zum Problem der Bauzeichnungen bei den Griechen. Athen, 1972.
14. *Davis Ph.* In the workshop of the Erechtheion.— AJA, 1948, v. 52.
15. *Orlandos A.* Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens grecs. T. 2. P., 1968.
16. *Forbes R. J.* Studies in ancient technology. Vol. VII. Leyden, 1964.
17. *Burford A.* Heavy transport in classical antiquity.— EHR, 1960, v. 13.
18. *Finley M. I.* Technical innovation and economic progress in ancient world.— EHR, 1965, v. 18.
19. *Roux G.* Sur quelques termes d'architecture.— BCH, 1956, c. 80.
20. *Jeppesen K., Zahle J.* Investigations on the site of the Mausoleum 1970/1973.— AJA, 1975, v. 79.
21. *Burford A.* Craftsmen in greek and roman society. Ithaca, New York, 1972.
22. *Burford A.* The builders of the Parthenon.— In: Parthenos and Parthenon. Oxford, 1963.

V. D. Kuznetsov

THE ORGANISATION OF CONSTRUCTION WORKS IN EPIDAURUS
(stone milling)

Summary

The author takes as his subject Epidaurian building accounts, a most interesting source on the history of Ancient Greek crafts. He discusses mainly craftsmen engaged in stone milling, and writes that contractors who undertook quarrying and milling stone, construction work and sculpture making were first-rate specialists. What was important here, however, was the presence of a great number of common craftsmen fulfilling ordinary orders rather than of highly qualified artists such as Phidias or Mnesicles who were given extraordinary orders.

КАНЕЦЯН А. Г.

АНТИЧНЫЕ ЧЕРЕПИЦЫ ИЗ РАСКОПОК АРТАШАТА

Раскопки древней столицы Арташата дают очень богатый материал для изучения материальной культуры Армении.

К ценным находкам относятся также архитектурные памятники и строительные детали.

До раскопок в Арташате были известны лишь единичные находки черепиц в Армении: обломок керамической черепицы, найденный при раскопках бани; фрагмент каменной черепицы из раскопок Двинской цитадели [1, с. 102—105, рис. 1] и целая черепица из Вагаршапатского могильника.

Город Арташат расположен на равнине и на девяти холмах. При раскопках холмов 1, 7, 8[1], а также на территории равнинного города (на расстоянии 300 м восточнее холма 2) были обнаружены в большом количестве обломки черепиц. Изучение их дает возможность проследить за развитием этого строительного материала не только в Арташате, но и по всей Армении.

Обнаруженные черепицы по форме делятся на четыре типа и датируются II в. до н. э.— III в. н. э.

Самые древние арташатские черепицы датируются II—I вв. до н. э., т. е. относятся к 1-му строительному горизонту и связаны с основанием города [2, с. 79][2].

1-й тип (рис. 1) представлен черепицами, имеющими форму плоской прямоугольной плиты шириной 43—45 см (толщина солена 2—2,5 см). Целых экземпляров не найдено. Судя по ширине, вероятная длина — 55—60 см. Вдоль обеих длинных сторон имеются бортики (высота 4,30 см): на одной из коротких сторон параллельно ей по внешней поверхности черепицы тянется валик, упирающийся концами в бортики (ширина валика у основания 1,70, высота 1,40 см). У противоположной короткой стороны на внутренней поверхности черепицы вдоль самого его края тянется загибающееся вниз утолщение — зуб (ширина его 3,50, толщина 3,10 см до верхней поверхности солена). До длинных боковых бортиков солена зуб не доходит, так как этому препятствуют срезы, расположенные на нижней поверхности черепицы с той же стороны, что и зуб, у обоих углов.

Калиптеры кровельной черепицы рассматриваемого времени желобчатые, гладкие с обеих сторон и не имеют никаких дополнительных деталей (рис. 2). Ввиду того что калиптеры дошли до нас в виде обломков, нам удалось определить только их диаметр (9 см), толщину — 1,50 см и приблизительный радиус — 5,30 см. Как солен, так и калиптер слегка суживаются в одном направлении. При покрытии крыши узкий край солена вставляется внутрь другой такой же черепицы и покрывает небольшую ее часть вместе с валиком (рис. 3); у валика имеется небольшая

---

[1] Нумерация холмов дана экспедицией под руководством акад. АН АрмССР Б. Н. Аракеляна.

[2] По стратиграфии 8-го холма, которая, по всей вероятности, распространялась на весь город, 1-й строительный горизонт датируется II в. до н. э.— серединой I в. н. э., но у 1-го холма этот промежуток времени делится тоже на два строительных горизонта, из которых первый слой относится к основанию города II в. до н. э. и продолжается до 60-х годов I в. до н. э., а второй слой датируется с 60 г. до н. э. до 59 г. н. э.

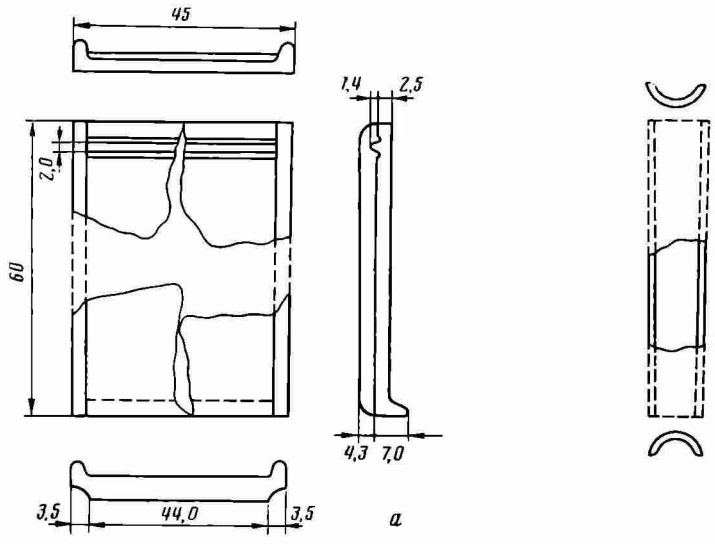


Рис. 1, а, б. 1-й тип черепицы

канавка для стока накопившейся воды. Таким образом зуб, имеющийся на оборотной стороне переднего края черепицы, зацепляется за валик следующей черепицы и опирается на ее плоскую поверхность. Итак, при небольшом уклоне ската крыш вода не могла просачиваться в местах соединения двух концов солена. Оставшийся просвет между продольными краями соленов был покрыт желобчатым калиптером. Узкие концы калиптеров были направлены к вершине крыши.

Были обнаружены также черепицы, слегка вогнутые с внутренней стороны, с чуть заметной гранью на внешней поверхности. По-видимому, коньковая часть крыш покрывалась граненными черепицами (рис. 4).

Эти черепицы имеют зуб, валик отсутствует. Высота борта 4,7 толщина солена 2 см, солен почти плоский, только верхняя часть конька закруглена.

Черепицы данного типа окрашены в красный цвет.

Описываемые кровельные черепицы были обнаружены при раскопках двух слоев 1-го холма, в первом слое 8-го холма и на равнине. Позднее I в. н. э. эта форма в Арташате прекращает свое существование.

Черепица арташатского типа с валиком и зубом была найдена при раскопках гарнийской бани у основания фундаментов стены на скале. По всей вероятности, она относится к более древнему дворцовому зданию, находившемуся на этом месте.

Аналогичные экземпляры найдены при раскопках античных поселений Кавказской Албании [3, с. 49, 50, рис. 1, 2], боспорских городов [4, с. 222, рис. 60; 5, с. 227—235, рис. 2, 10, 11, 12; 6, табл. 36], Ольвии [6, табл. 28], Пергама [7, с. 394], Делоса [8, с. 41, рис. 62, 64; 9, с. 16] и других центров.

Рис. 2. Калиптеры кровельной черепицы

Желобчатые полуцилиндрические калиптеры считаются более древними. Такие калиптеры в античном мире широко использовались начиная с классического периода до римского времени включительно.

Черепицы описанного типа в Армении можно считать самыми древними, так как при раскопках более древних памятников черепицы не обнаружены. Они датируются II—I вв. до н. э. и I в. н. э.

2-й тип (рис. 5) по форме и способу крепления очень напоминает каменную черепицу I в. н. э. из Гарнийского храма [1, с. 104]. В соленах этой черепицы исчезает валик и появляется полочка. Солены плоские, но с одной стороны имеют косую, чуть приподнятую полочку, два боковых бортика у этого края срезаны.

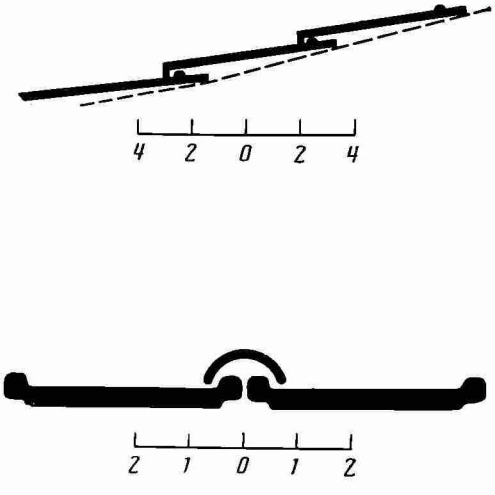


Рис. 3. Способ сопряжения концов черепиц

В Арташате были найдены фрагменты таких черепиц в большом количестве, а в слое I—II вв. н. э. был найден целый солен (длина 57,80, ширина 42,10 и 39,30, толщина 3 см). Соединялись они между собой так же, как и с крышей, при помощи известкового раствора. Подобным способом крепились и каменные черепицы. Такой вид крепления очень непрактичен, усложняет процесс строительства и неудобен с конструктивной точки зрения (увеличивает вес крыши).

Использование описанных черепиц прекращается в конце II в. н. э.

Среди эллинистических черепиц, известных нам, эта форма, исполненная в керамике, пока нам неизвестна.

Некоторые солены из Арташата имеют клеймо с латинской надписью. Надпись относится к 4-му Скифскому легиону. Клейма не всегда прочитываются, так как наносились, видимо, на частично высохшую глину. Солен такого типа с прямоугольным клеймом и латинской надписью 4-го Скифского легиона был найден в Вагаршапате [10, с. 287—290, рис. 3] в погребении в качестве крышки караса.

Известно, что в 115—117 гг. н. э., вторгшись в Армению, Троян объявил страну римской провинцией и его войска некоторое время стояли в Армении.

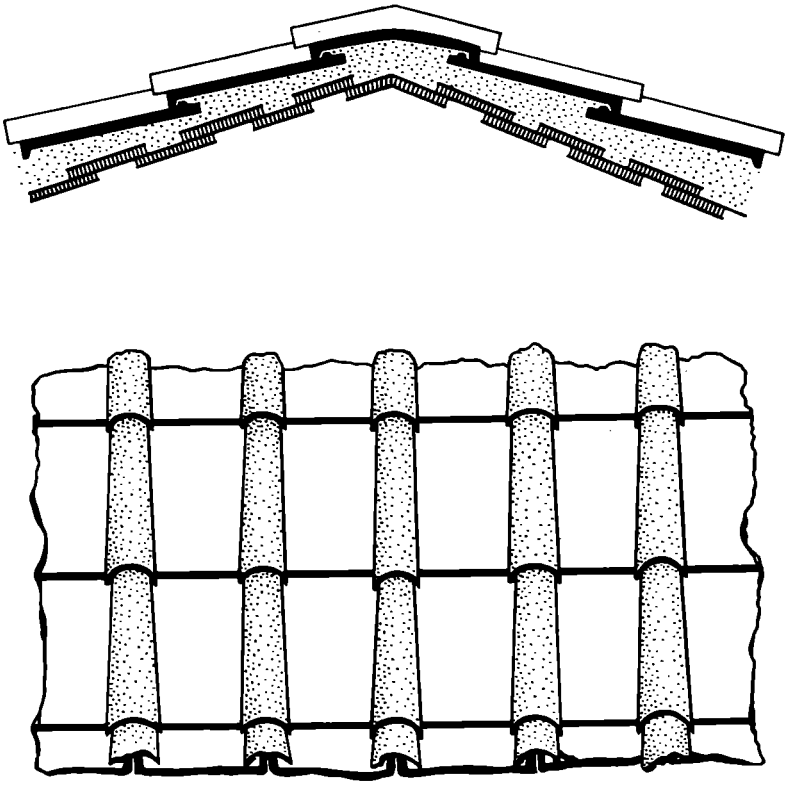


Рис. 4. План и реконструкция кровли

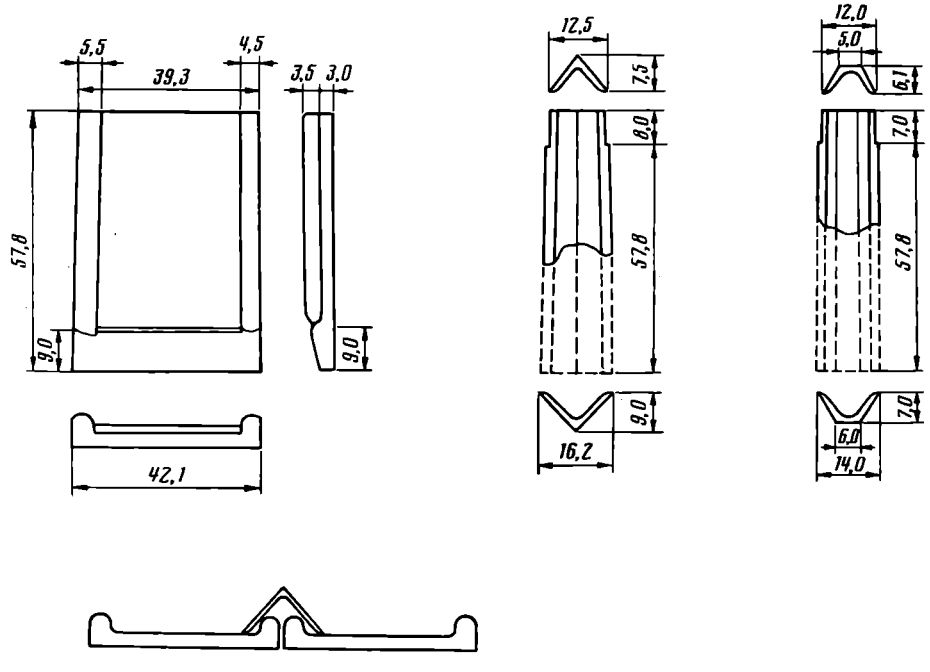


Рис. 5. 2-й тип черепицы

На территории древнего Арташата у селения Покр Веди (Кичик Веди) во время строительных работ в 1967 г. были найдены плиты из белого мелкозернистого известняка с латинскими надписями. Одна была посвящена Трояну, упомянута его титулатура, и в конце ее указано, что 4-й Скифский легион сделал... Другая надпись была эпитафией римского воина вексилляции 1-го Италийского легиона [11, с. 114—117]. Обе надписи гласят, что 4-й Скифский легион производил здесь строительные работы. Наличие данных надписей, а также клейма на черепицах и най-

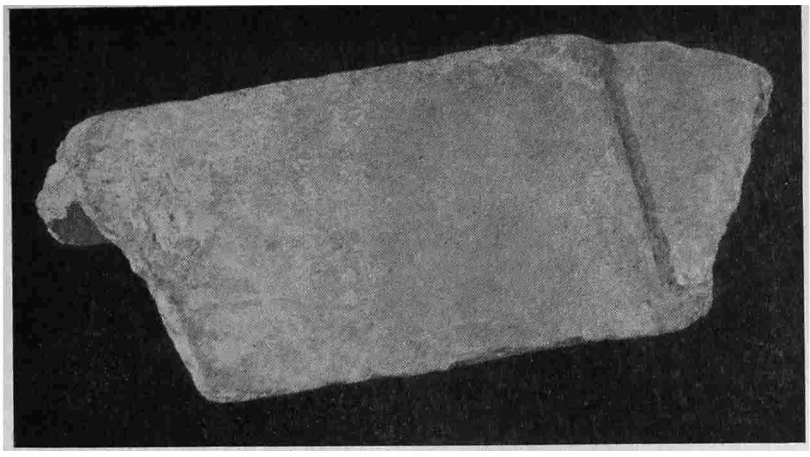


Рис. 6. Двускатные калиптеры

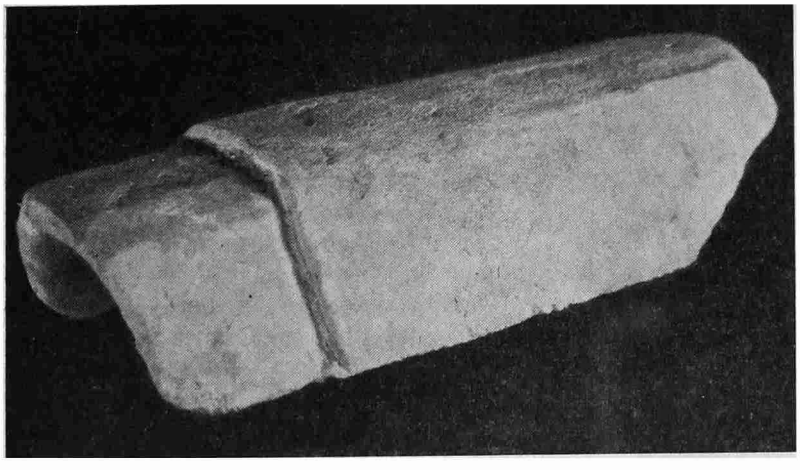


Рис. 7. Трехгранные калиптеры

денных керамических плитах доказывают, что в Арташате и Вагаршапате стояли римские гарнизоны.

Возникает вопрос, были ли данные черепицы изготовлены римскими мастерами или по их заказу. Такие солены найдены на равнине и на 8-м холме. На стене одного из домов было обнаружено граффито на латинском языке, относящееся ко второй половине I в. н. э.

Указанные выше факты говорят о том, что часть римлян жила на 8-м холме и в данном случае они являлись заказчиками. Клейменая черепица Вагаршапата указывает на то, что 4-й Скифский легион свои строительные работы производил не только в Арташате, но и в Вагаршапате. Клейма черепиц в Армении находились всегда на одном и том же месте, в нижней части соленов.

Калиптеры, употребляемые с этими соленами, реже были желобчатые и чаще двускатные (рис. 6) или трехгранные (рис. 7). Они имеют уступ на одном конце. Обломки, собранные с поверхности древнего Арташата (в поле у дороги на Хор Вирап), не имеют сложной конфигурации гарнийских и боспорских калиптеров, как предполагалось [1, с. 102], а относятся к упомянутым двускатным калиптерам. Они напоминают гарнийские калиптеры из храма, но с более простой конфигурацией [4, с. 224, 225, рис. 61, 62; 5, рис. 5—7; 6, табл. 29, 36, 38—41]. В дальнейшем, в первых веках нашей эры их форма упрощается и облегчается для массового производства.

Все эти данные подтверждают, что калиптеры этого типа датируются второй половиной I — первой половиной II в. н. э., такие же калиптеры обнаруживаются в Кабале, хотя они датированы второй половиной I в.

до н. э.— I в. н. э. К сожалению, сопровождающий материал нам не известен [3, с. 55, рис. 6].

3-й тип (рис. 8) — черепицы с плоским соленом и двускатным или многогранным калиптером. Состав глины этих черепиц несколько грубее, качество обжига хорошее. Глина светло-красная и имеет примесь песка с отдельными мелкими камешками. При изготовлении как солена, так и калиптера пользовались специальной формой. Эти черепицы не всегда покрыты красной краской. Крашены только те части соленов, которые легче поддавались порче.

Как солены, так и калиптеры слегка суживаются в одном направлении. Солен по форме представляет плоскую плиту, чуть суживающуюся в одном направлении с бортиками (высота бортиков 5,40 см). Передняя часть бортиков снаружи срезана (7,20 см глубиной и 0,60 см шириной), чтобы вставлять эту часть одной черепицы в соответствующий конец другой. Другой конец этих черепиц тоже имеет срез с внутренней стороны бортиков (8 см глубиной и 1,50 см шириной). Таким образом достигалось хорошее сцепление черепиц.

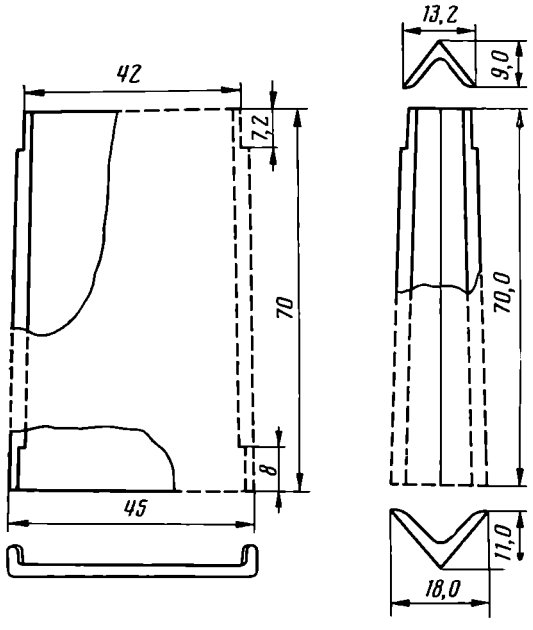


Рис. 8. 3-й тип черепицы

Черепицы 3-го типа не сохранились в целом виде и точные размеры их неизвестны, но, исходя из размеров найденных обломков, можно предположить приблизительно следующие их параметры: длина 60—70, ширина 40—45 см.

При покрытии кровли здания черепицами швы, оставшиеся между продольными бортиками соленов, были покрыты двускатными калиптерами, некоторые из них с внутренней стороны желобчатые. Их широкие верхние грани образуют два ската. Реже употреблялись желобчатые калиптеры. Кровельные черепицы данного типа найдены в 3-м и 4-м строительных слоях 8-го холма и датируются II—IV вв. н. э. [2, с. 88, 89]. Этот вид черепиц напоминает кабалинские [3, с. 54, рис. 5] (вторая половина I в. до н. э. и I в. н. э.) с той разницей, что кабалинские имеют валик. Они также напоминают и мцхетские черепицы [12, с. 70, рис. 18, 19, 20] (II—III вв. н. э.), а также боспорские солены первых веков нашей эры [6, табл. 421]. Этот тип кровельной черепицы Армении продолжает свое существование в раннем средневековье. Он приобретает меньшие размеры (35—20; 50 см), становится легче, тоньше, покрывается красным или желтоватым ангобом, на желобчатых калиптерах появляется уступ [13, табл. XIII].

4-й тип (рис. 9). Черепицы этого типа отличаются от предыдущих своей массивностью, высота бортика достигает 9 см, а толщина нижней плиты 3 см. Найдены во фрагментарном состоянии при раскопках бани, а также керамической печи на 8-м холме. Валик на поверхности черепицы отсутствует, другой конец, по всей вероятности, был гладким. С одной стороны они суживались, что позволяло накладывать их друг на друга.

Вероятно, эти черепицы были предназначены для зданий, имеющих большие, широкие стены. Аналогии таким соленам нам неизвестны. Датируются они второй половиной II в. н. э. и началом III в. н. э.

Черепицу в Армении изготовляли широко известным способом: из хорошо отмученной глины с примесью песка, который часто бывал крупнозернистым, что снижало качество изделия. Они хорошо обожжены и в зависимости от химического состава глины и обжига имеют разные оттенки красного цвета.

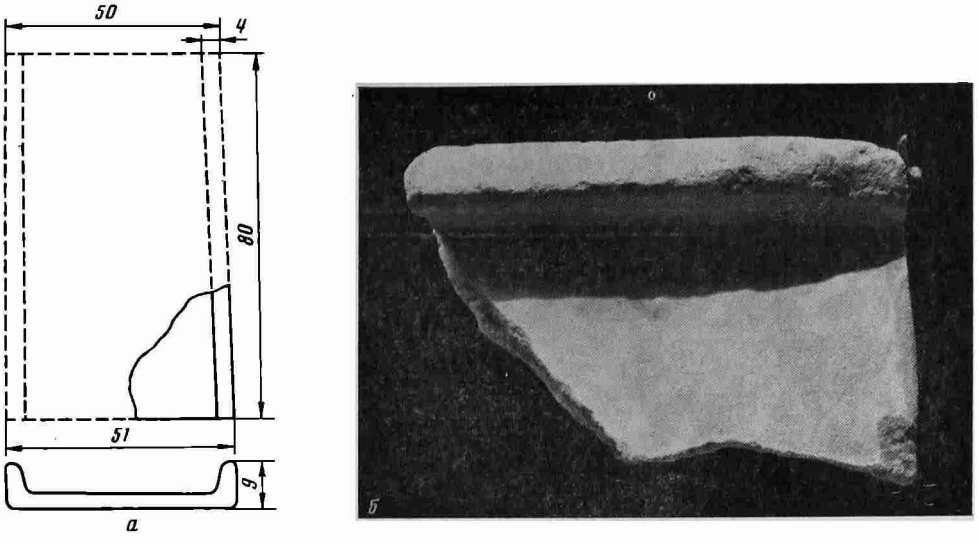


Рис. 9а, б. 4-й тип черепицы

Разница в размерах ширины соленов и калиптеров, их неоднородность дают возможность предполагать, что арташатские черепицы изготовлялись в формах различного размера, свидетельствующих о наличии в Арташате различных мастерских.

Лицевая сторона арташатских соленов в основном окрашена до обжига в красный или желто-зеленый цвет.

Красили черепицы очень небрежно и не по всей поверхности или покрывали местами очень жидкой краской.

Гораздо аккуратнее окрашены черепицы 1-го типа; иногда встречаются черепицы с густой красной краской, хорошо обработанные, почти лощенные, которые напоминают лощеную керамику I—II вв. н. э. По-видимому, они были предусмотрены для особых зданий. Черепицы, покрытые краской, широко использовались в античное время. Красной краской покрыты черепицы в Грузии [12, с. 94], в древней Албании [3, с. 50—51], в боспорских городах [4, с. 234, 235], в Греции [4, с. 235] (Пергам, Олимпия, Аргос, Самос) и из других центров.

Эта традиция продолжалась и получила более широкое распространение в раннем средневековье. Предполагается, что окрашиванием в древности увеличивали прочность черепицы и краска защищала ее от атмосферных воздействий [4, с. 235]. Арташатские черепицы неплохого качества и обжига, видимо, краска использована не только как защитное средство, но и в эстетических целях.

Черепицу, по всей вероятности, можно было обжигать в тех же печах, что и керамику. Возможно, в первое время так и поступали, но в дальнейшем для массового производства строительную керамику обжигали в специальных печах.

При раскопках Арташата и других античных памятников Армении обнаружены в большом количестве фрагменты импортной керамики, а между тем до сегодняшнего дня нам не известен ни один обломок привозной черепицы.

Организация производства черепиц из-за массивности, большого количества глины и сложности производственных процессов вряд ли могла быть осуществлена частным лицом и, по всей вероятности, находилась в ведении или двора, или городской администрации. Часто производство черепиц из-за доходности было в руках царей [4, с. 212—305]. Самые древние черепицы, найденные в Армении, происходят из Арташата и связаны с основанием столичного города. Это черепицы 1-го типа, точные аналогии которым пока неизвестны, и, следовательно, трудно сказать, откуда вообще этот новый тип перекрытий пришел в Армению.

Раскопки Арташата показывают, что в слое II—I в. до н. э. и до половины I в. н. э. черепицы встречаются в ограниченном количестве. Новый вид перекрытия применялся только для зданий высокопоставленных лиц и общественных сооружений.

Обломки черепиц, происходящие с 1-го холма, в основном концентрируются в зданиях, расположенных вокруг двора. Раскопки убеждают, что 1-й холм имел военно-оборонительное значение, и, по всей вероятности, в помещениях, расположенных вокруг двора, жила военная знать.

8-й холм был ремесленным, и там находились такие общественные здания, как баня, мастерские, а также дома временно остановившихся в Арташате римских воинов и местных богатых ремесленников.

Черепицы с равнинной части Арташата, а также куски фресок и обломки богато профилированных карнизов говорят о том, что тут, видимо, находились значительные общественные здания, поэтому можно предположить, что улица, на которой стояли эти здания, была одной из главных улиц нижнего города, которая тянулась перпендикулярно самому высокому, 2-му холму. Широкое использование черепиц в Арташате и их массовое производство начинается с I в. н. э. Черепица становится доступна и для средней прослойки населения, за счет которой и увеличивается спрос на нее.

В I в. н. э. черепицу начинают использовать не только для перекрытия кровли, но и для устройства могильников [10, с. 285—290]. Черепицами покрывали горло глиняных могильных кувшинов, а также глиняные саркофаги.

Судя по раскопкам, в древней Армении дома имели плоскую крышу, которая состояла из деревянных балок, покрываемых камышом, поверх чего накладывался и утрамбовывался слой глинистой земли. Такая примитивная крыша была почти горизонтальной с небольшим наклоном от центра к краям. Эта традиция продолжалась в Армении до позднего средневековья. В эллинистический период в Армении наряду с плоской крышей появляется новый вид покрытия зданий двускатными или односкатными крышами с керамической черепицей.

Интересен факт, что двускатная кровля макета храма, найденного при раскопках в Астхи блуре [14, табл. 29] (VI—V вв. до н. э.), производит впечатление черепичной или покрытой плитами. Это говорит о том, что традиции покрытия кровли черепицей в Армении, вероятно, имеют более глубокие корни.

Использование черепиц является одним из показателей высокой строительной техники и городской культуры.

В эллинистический период Армения переживала бурное политическое и экономическое развитие, что было связано с проникновением эллинистической культуры во все области жизни страны. Широкий размах получило строительство ряда городов эллинистического типа, которые были построены по единому плану и с использованием новой эллинистической техники. Один из крупных городов Армении — Арташат имел прямые улицы с богато оформленными зданиями из белого известняка, которые были покрыты штукатуркой (часто расписной). Внутренние помещения были украшены геометрическими фресками, гипсовыми карнизами с интересной профилировкой, а кровли покрыты каменными или керамическими черепицами.

Несмотря на то что в Арташате не найдены каменные черепицы, на основании находок из Гарнийского храма и Двина, можно предположить, что в Армении, богатой строительным камнем, как и в других крупных городах античного мира, должны были быть каменные кровельные черепицы [4, с. 248].

Исследования показывают, что в Армении в античный период строительная техника имела высокий уровень развития и не отставала от соседних эллинистических государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кочарян Г. Г.* Каменная плита перекрытия из Двина.— ВОН, 1974, № 11.
2. *Хачатрян Ж. Д., Канецян А. Г.* Стратиграфия 8 холма Арташата.— ВОН, 1974, № 9.
3. *Бабаев И. И.* Античная черепица Кавказской Албании.— СА, 1974, № 2.
4. *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы.— ИГАИМК, 1934, вып. 104.
5. *Мерперт Н. Я.* Фаногорийские черепицы из раскопок 1938 г.— МИА, 1951, № 19.
6. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы.— САИ, вып. Г1—20, М., 1966.
7. Altertümer von Pergamon. B. VIII. B., 1881.
8. *Leroux G.* La salle huppostile.— Exploration archéologique de Delos, fasc. 2. P., 1909.
9. *Graeber'a F.* 41. Programm zum Winchelmannsfeste der Archäol.— In: Über die Verwendung von Terrakotten an Geison und Dache griechischer Bauwerke. B., 1881.
10. *Торосян Р., Кркашарян С.*, Археологические открытия из Эчмиадзина.— ИФЖ, 1971, № 4 (на арм. яз.).
11. *Аракелян Б. Н.* Латинская надпись из столицы Армении — Арташата.— ВДИ, 1971, № 4.
12. *Апакидзе А. М.* Города древней Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1968.
13. *Калантарян А. А.* Материальная культура Двина IV—VIII вв.— Археологические памятники Армении, № 5. Ереван, 1970.
14. *Есаян С. А.* Древняя культура племен Северо-Восточной Армении (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1976.

A. G. Kanetsyan

ANTIQUE TILES FROM ARTASHAT

Summary

Tiles from Artashat, an ancient Armenian capital, can be divided into four types.

The first type is a flat rectangular slab, 43-45 cm wide, with a roller and a tooth. This type was rather widespread in the antique world. The second type, in its form and method of fixing resembles stone files of the 1st century A. D. from Garni. The place of a roller is taken by a flat eminence. There are no known analogies to this type. Some of the tiles carry Latin inscriptions of the 4th Scythian legion. The third type is represented by tiles with flat solens and span or polytope calypters. Special moulds were used for their production. The fourth type differs from three others by its weight. Tiles of this type were found during excavations of a bath-house and a kiln.

On the whole, the excavation in Artashat have convincingly demonstrated that the use of tiles in Armenia has age-long traditions and is an indication of the high urban culture.

ШИГИН А. Е.

САРЫ-КУРГАН — КРЕПОСТЬ В ФЕРГАНЕ

Крепость Сары-курган относится к числу памятников, привлекавших внимание исследователей еще задолго до начала систематического археологического изучения Средней Азии. И это не случайно. Удивительная сохранность, обусловленная, видимо, особенностями климата этого района, в сочетании с удачным местоположением выделяют Сары-курган из числа аналогичных построек Ферганской долины. Раскопки такого памятника даже в весьма небольшом масштабе могли дать много интересных сведений в области строительной техники и особенно военной архитектуры Ферганы. Учитывая крайнюю фрагментарность подобных сведений для упомянутого района, результаты исследования были особенно важны.

Первое упоминание Сары-кургана в литературе относится к 1882 г. и сделано А. Ф. Миддендорфом, посетившим Фергану в 1878 г. Он дает схематическое описание памятника, считая его «останцом лёссового массива, некогда покрывавшего всю долину» [1, с. 182—183]. Из историков первым, чье внимание привлек Сары-курган, был В. В. Бартольд. Сопоставив маршруты, описываемые арабскими географами X в. Истахри, Ибн-Хаукаля и Макдиси с картой Ферганы, он пришел к выводу о возможности отождествления упоминаемого ими города Соха с селением Сары-курган [2, с. 214].

В 1913 г. А. Д. Петров, исследовавший этот район, натолкнулся на развалины крепости у кишлака Сары-курган, что дало основание Л. Зимину, опубликовавшему в 1914 г. заметку «Историческая справка о древнем Сохе», с уверенностью говорить о тождестве Соха и Сары-кургана [3]. А. Д. Петров впервые дает подробное описание памятника, окружающей его местности и упоминает о множестве глиняных черепков и кусках жженого кирпича, найденных на верхней площадке укрепления [4].

В 1930 г. Б. А. Латынин в составе экспедиции Среднеазиатского музея истории и истории революции посетил памятник, подробно описал его и высказал предположение о возможной связи Сары-кургана с сохской оросительной системой [5].

В 1939 г. в связи с созданием экспедиции по археологическому надзору на строительстве трассы Большого Ферганского канала Сары-курган осмотрели М. Е. Массон и Я. Г. Гулямов, которые сняли первый план укрепления и ориентировочно датировали его II в. до н. э. [6].

В 1974 г. Ферганская экспедиция Эрмитажа (начальник Н. Г. Горбунова) в ходе работ по составлению археологической карты Ферганской области вновь обратилась к этому интересному памятнику, расположенному на западной окраине кишлака Сары-курган, примерно в 25 км к югу от г. Коканда, на правом берегу р. Сох.

Сооружение имеет подквадратную форму, фасады ориентированы по сторонам света (рис. 1). Приблизительные размеры верхней площадки 60×60 м. По периметру расположены останцы пяти башен: четырех по углам и одной в середине восточного фасада. Остатки такой же башни видны и на западном фасаде, но эта часть сильно подмыта протекающим у подножия памятника саем. В образовавшемся в результате этого «разрезе» можно видеть, что укрепление построено из сырцовых кирпичей размером 50×32×10 см, скрепленных толстыми слоями раствора. Кладка состоит из чередования тычковых и ложковых рядов. Стены имеют небольшой откос (10—12°). Снаружи эта кирпичная конструкция облицована пахсовыми блоками. Высота стен крепости 10—12 м. Лучше дру-

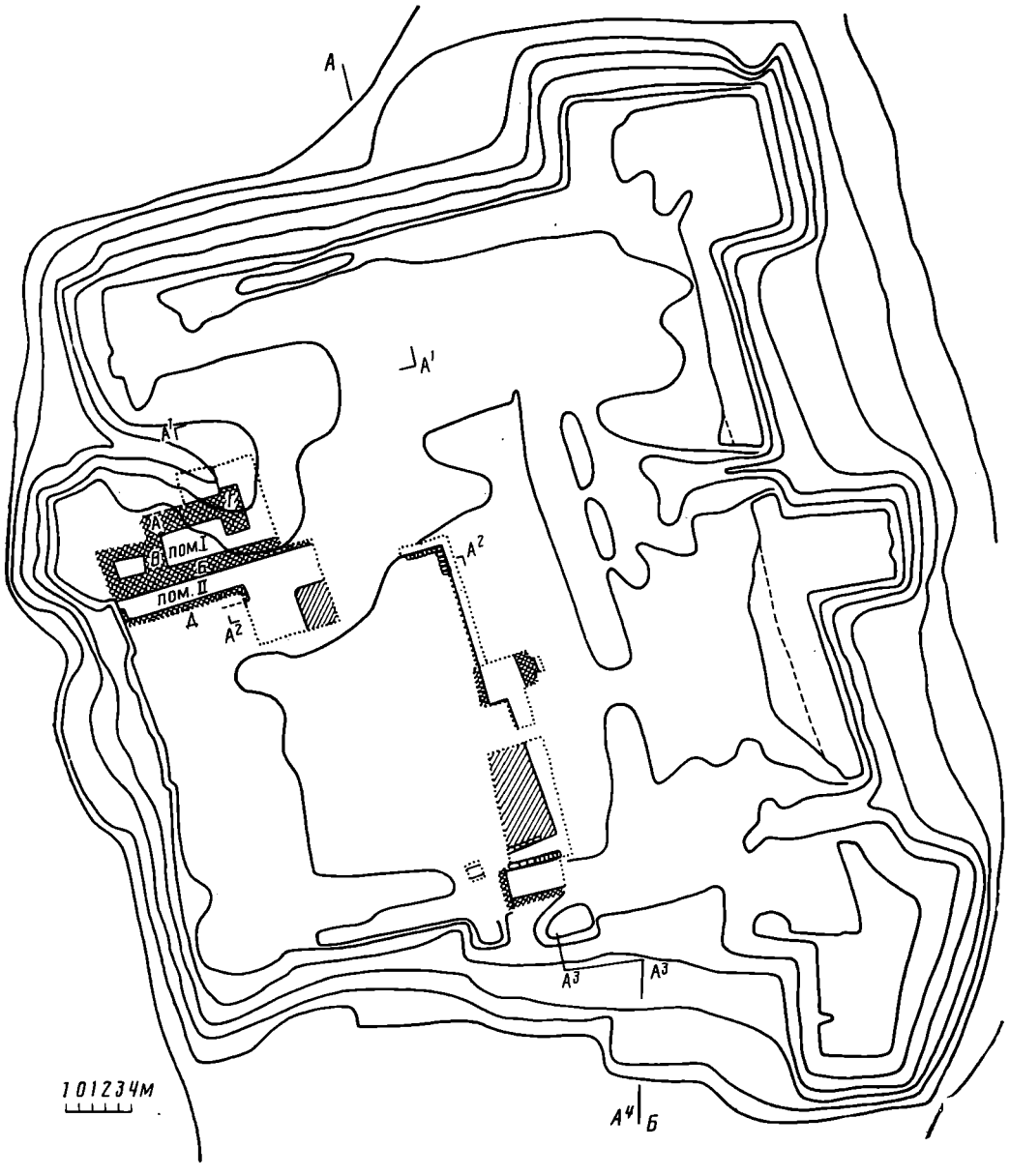


Рис. 1. Сары-курган, план

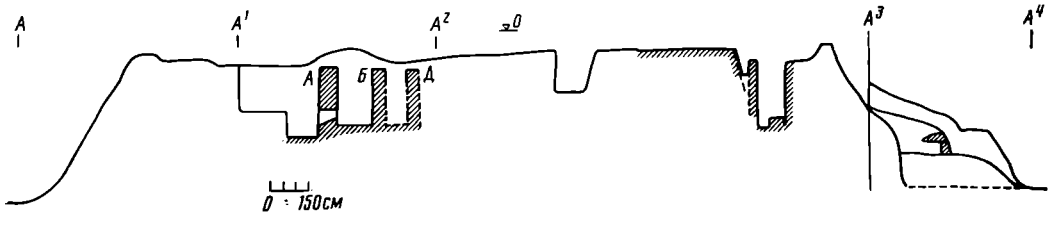


Рис. 2. Разрез по линии север — юг

гих сохранились восточный и северный фасады, где можно наблюдать малоповрежденный пахсовый панцирь и массивные, в форме усеченных пирамид башни. Южный фасад сильно поврежден, и в нагромождении рухнувших конструкций с трудом можно уловить очертания некогда существовавшей в юго-восточном углу башни. В некоторых местах в восточном и западном фасадах вырублено несколько ходов, ведущих в глубь кладки. Один из них имеет в длину около 15 м и прорезает монолитную основу крепости, выполненную методом пристройки друг к другу слоев кирпичной кладки толщиной 2—3 м каждый. Обращает на себя внимание

также и различие в материале, из которого, несмотря на стандартный размер, изготавливались кирпичи: внешние кладки возведены из высокосортной лёссовой глины интенсивного желтого цвета; подобная земля в окрестностях Сары-кургана встречается очень редко; внутренние же кирпичные конструкции построены из обычного местного грунта — сероватого, с примесью песка.

Верхняя площадка укрепления имеет ровную поверхность с незначительными понижениями вдоль южного и восточного фасадов. По всей площади лежат большие скопления камней, а в некоторых местах (главным образом на башнях) и камыша — перекрытия поздних построек. Местами вдоль северного и восточного фасадов сохранились остатки стен, по-видимому окружавших платформу сверху. Высота их 2—2,5 м. При их возведении использовались гуваляки и камни средних размеров, уложенные в основании. Подобный строительный прием широко распространен в современных постройках Ферганской долины, и эти стены скорее всего были возведены сравнительно недавно.

Примерно в 300 м к востоку от крепости, на территории современного кладбища, расположены остатки поселения, впервые отмеченного Я. Г. Гулямовым в 1939 г. [6, с. 102—104]. О нем можно судить теперь лишь по находкам отдельных фрагментов красноангобированной посуды в выбросах могил.

Ввиду особого положения, занимаемого крепостью в районе, вопрос о времени ее сооружения и функционирования представлял большой интерес. Предложенные ранее даты требовали уточнений. Все это делало необходимым проведение археологических раскопок памятника.

Работы велись в течение двух сезонов. Было заложено два раскопа: раскоп I — в южной части верхней площадки, примерно в 6 м от ее края; раскоп II — в северо-западном углу крепости, где различия в окраске грунта позволяли предполагать наличие построек.

В результате работ в раскопе I была открыта платформа размером 16×11 м, огражденная кирпичной стеной. Платформа занимает всю юго-западную часть памятника и была возведена на глинобитном фундаменте, открытом на глубине 4 м. При строительстве использовались сырцовые кирпичи 60×35×10 см. Заполнение пространства, прилегающего к стене и платформе, состояло из натечно-надувных отложений с включениями разложившихся строительных остатков и конструкций (рис. 2).

В раскопе II вскрыто два помещения. Помещение I, размерами 5,2×2,9 м, вытянуто по линии запад — восток. В восточной стене — проход шириной 1,4 м. Стены, сохранившиеся на высоту 3,5 м, возведены из сырцовых кирпичей 50×32×10 см путем чередования тычковых и ложковых рядов. В южной стене на глубине 2,5 м в кирпичах укреплена горизонтально расположенная балка толщиной 10—15 см и длиной 3 м, частично скрытая штукатуркой. Ниже вырезаны две овальные ниши и очаг с сильно закопченным дымоходом. Кроме того, к стене почти на всю ее длину пристроен глиняный закром размерами 4,9×0,8×0,4 м. В полу помещения, почти в центре, вкопан хум. В противоположной стене в два ряда в шахматном порядке расположены пять бойниц размером 50×20 см. Верхний ряд бойниц лежит на высоте 1 м от пола. На полу найдены кости животных (главным образом барана) и несколько фрагментов красноангобированной керамики.

Всего в помещении было зафиксировано три жилых уровня (пол с очагом, пол с венчиком хума, пол с закромом), что позволяет представить последовательность жизни здесь в следующем виде: вначале были возведены стены с бойницами, нишами и очагом; затем бойницы были замурованы и в пол под ними был вкопан хум, и в последний период пристроен закром вдоль южной стены. Впоследствии помещение было забутовано кирпичами.

Поскольку стена с бойницами не являлась внешней стеной крепости в современном ее виде, а снаружи к ней примыкали многометровые кирпичные и пахсовые кладки, становилось очевидным, что раскопанное помещение — часть ранней постройки, впоследствии перестроенной и зна-

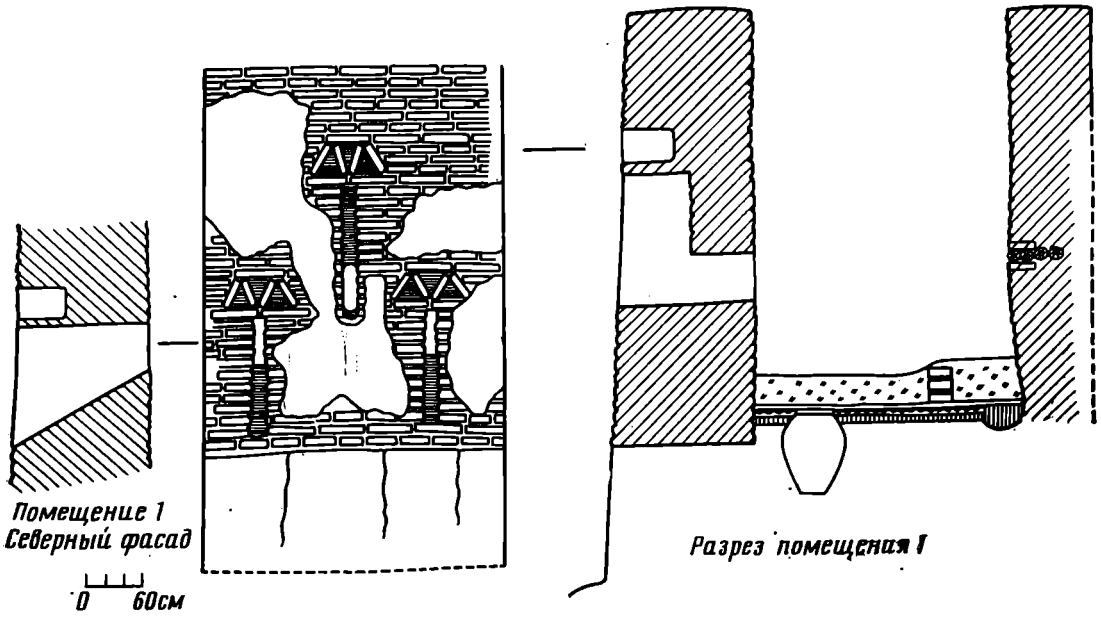


Рис. 3. Разрез помещения I и общий вид раскопанной части фасада с бойницами

чительно увеличенной в размере, так что первоначальное ядро оказалось со всех сторон обнесено более поздними кладками. После расчистки участка древнего фасада это подтвердилось. Как и внутри помещения, на фасаде бойницы расположены в два ряда, но снаружи их высота около 2 м. Увеличение размера бойниц достигалось в одном случае при помощи уступа в их верхней части, который делался примерно на середине толщины стены, или при помощи скошенного ложа, как это сделано в бойницах нижнего ряда. Верхняя часть всех бойниц оформлена в виде равнобедренной трапеции, разделенной на треугольники двумя поставленными на ребро кирпичами, соединяющими верхние углы трапеции с серединой основания (рис. 3).

Сразу же под нижними бойницами (глубина 3,8 м) кирпичная стена переходит в пахсовый фундамент, стоящий на материке. Высота фундамента 1,5 м.

Помещение II находится за южной стеной помещения I. Раскопано не полностью. Длинное коридорообразное помещение размерами 11×1,8 м вскрыто до глубины 1,2 м. Стены покрыты штукатуркой очень хорошей сохранности. Местами штукатурка сильно обожжена. Помещение забутовано кирпичами. Исходя из размеров помещений и особенностей рельефа верхней площадки Сары-кургана, можно считать, что ранняя крепость занимала около трети современной ее площади.

На материалах исследованного участка история строительства крепости Сары-курган представляется нам в следующем виде: на четырехметровом естественном холме возводится сравнительно небольшая (около 20×25 м), хорошо укрепленная крепость с высокими стенами и мощными бойницами. Она возвышалась над окружающей местностью более чем на 10 м. Через некоторое и, судя по хорошей сохранности ранних стен и отсутствию следов запустения, весьма короткое время крепость перестает выполнять свои военные функции и используется просто для жилья. Это хорошо видно на примере помещения I. Бойницы изнутри забиваются камнями и землей, в пол под ними вкапывается хум. Многочисленные следы огня на стенах позволяют предположить, что жизнь на данном этапе была прекращена в результате сильного пожара.

Следующий этап связан со строительной деятельностью после пожара. Облик крепости совершенно меняется. Все ее помещения забутовываются, и сама она попадает в массив нового укрепления, площадь которого в 3 раза превышает первоначальную. На образованном в результате этого

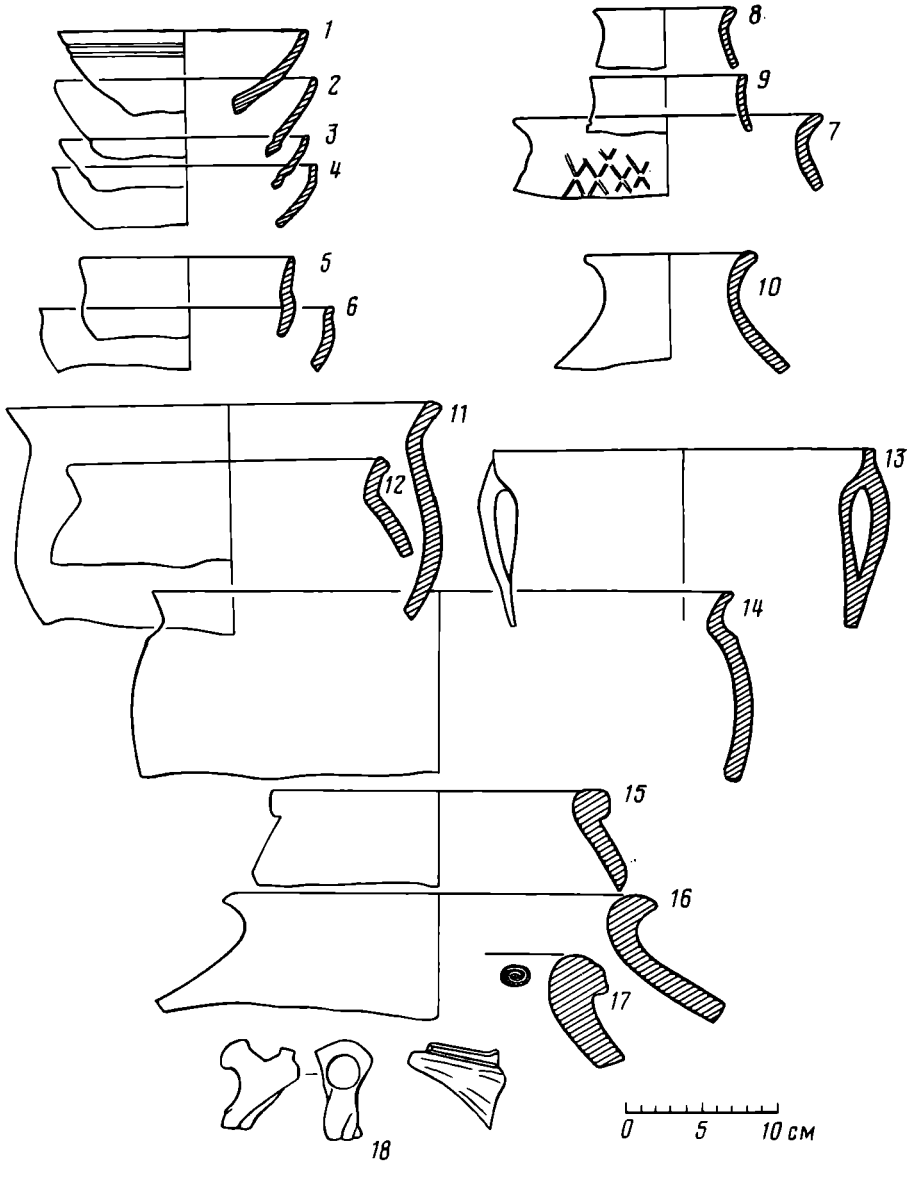


Рис. 4. Керамика

монолитном, чрезвычайно внушительном основании и размещались, видимо, постройки этого периода, до нас, к сожалению, не дошедшие.

Налицо три четко выделяющихся этапа: крепость со сравнительно тонкими (1—1,2 м) стенами, возведенная на невысоком пахсовом фундаменте; гражданская постройка чисто жилого характера и снова крепость, но уже совершенно иного вида.

Материальные находки немногочисленны и представлены главным образом небольшим количеством керамики, среди которой значительную часть составляют фрагменты красноангобированной посуды. Почти вся она происходит из верхнего слоя, состоящего из сильно перемешанных отложений (рис. 4). Это тонкостенная керамика из хорошо отмученной глины ровного обжига. Ангоб красный и коричневый. Фрагменты принадлежат в основном сосудам типа чаш или мисок с перегибом бортика (рис. 4, *1—6*). На полу помещения I найден фрагмент красноангобированного горшка с процарапанным на плечиках геометрическим орнаментом (рис. 4, *7*).

К неангобированной посуде относятся фрагменты кувшинов с низким и широким горлом, а также тонкостенные горшочки с невысоким горлом, плавно переходящим в тулово (рис. 4, *8—10*).

Лепную посуду составляют хумы, котлы и корчаги. Хумы представлены единичными фрагментами венчиков и одним целым сосудом из помещения I. Венчики в сечении подтреугольные и подчетырехугольные. На одном с внутренней стороны клеймо в виде спирали диаметром 18 мм (рис. 4, *17*). О корчагах можно судить по фрагментам венчиков двух сосудов с невысоким горлом, плавно переходящим в сферическое тулово (рис. 4, *15*, *16*). У одного сосуда он четко профилирован и украшен волнообразными вдавлениями по внешнему краю.

Лепные котлы более многочисленны. Выполнены все из серой огнеупорной глины с обильными белыми вкраплениями. Диаметр венчиков от 20 до 40 см, они в большинстве случаев невысокие (1,5—2 см), слегка отогнутые наружу (рис. 4, *11—14*). Особую группу составляют фрагменты кувшинов с оттянутым сливом, а также ручки, выполненные из скрученных полос глины с цилиндрическим налепом в верхней части (рис. 4, *18*). Такая керамика находит близкие аналогии в материалах из верхнего слоя Пенджикента, датируемых VII—VIII вв. н. э. [7, с. 124; 8, с. 190]. Встречается также на ряде ферганских памятников (Ак-Тепе, Мыкты-курган, Муг-пошо, Чун-Тепе) [9]. Следует упомянуть также некоторое количество фрагментов кувшинов со следами черных и темно-коричневых ангобных потеков. Отдельные фрагменты этой посуды аналогичны керамике культуры Каунчи [10, с. 54]. Кроме того, на поверхности крепости найдено большое число фрагментов поливной посуды голубоватых и синих тонов, типичной для XIX в., множество костей животных, несколько пряслиц и сурьматаш. Таким образом, материал хронологически весьма неоднороден и легко может быть расчленен на две группы. К первой относится вся красноангобированная посуда и керамика типа Каунчи, а ко второй — фрагменты кувшинов и мисок VII—VIII вв.

Конечно, в силу своей немногочисленности ни одна из приведенных категорий керамики не дает бесспорных оснований для датировки памятника. Наличие красноангобированной посуды первых веков нашей эры [11, с. 121; 12, с. 138] и полное отсутствие материалов позднее VIII в. в целом позволяет поместить Сары-курган в этом интервале, но дата эта условна и в дальнейшем потребует уточнения.

Сейчас у нас еще нет достаточного количества данных, позволивших бы с уверенностью говорить о назначении памятника. Единственное, что не вызывает сомнений,— это связь Сары-кургана с сохским ирригационным веером. Местонахождение крепости позволяет допустить, что Сары-курган, подобно Калаи-боло в Исфаринской долине [13, с. 83], Шош-Тепе на Карадарье [14, с. 22, 23] и Караул-Тепе на Кувасае [15, с. 26], был построен для контроля и охраны оросительной системы и охватываемого ею района поливных земель. На это уже указывал Б. А. Латынин [15, с. 26]. Ключевое положение, занимаемое крепостью, вероятно, и было одной из основных причин того особого внимания, которое было уделено ее обороноспособности. Мощные бойницы, расположенные близко одна от другой, обеспечивали сплошную полосу обстрела пространства, непосредственно прилегающего к стенам. Наклонные ложа нижних бойниц, кроме того, позволяли вести эффективный подошвенный обстрел. Эти приемы широко известны в архитектуре оборонительных сооружений [16, с. 59; 17, с. 44]. Бойницы такого размера в сочетании с необычным приемом оформления их верхней части не известны нигде в Средней Азии. Несомненно, они продолжают широко распространенную в среднеазиатской архитектуре традицию стреловидных бойниц, известных в том числе и на ряде ферганских крепостей [18, с. 107—116], но здесь она получила несколько иное исполнение. Подобная кладка из кирпичей, поставленных на ребро, известна на крепости Каахка в Южном Таджикистане [19, с. 54] и на соседнем с Сары-курганом Калаи-боло [13, с. 83], где мы также встречаем и пример укрепления кладки деревянными балками, положенными внутри стены в виде сплошного горизонтального настила. Обращает на себя внимание и очень близкий размер кирпичей, применявшихся при возведении Сары-кургана и построек первого периода Калаи-боло

(50×32×10 см). В целом нельзя не отметить удивительное сходство этих двух памятников. Сходство это скорее всего продиктовано аналогичными условиями, в которых возводились обе крепости. Оно нашло выражение в целом ряде признаков (выбор места для возведения, сходные строительные материалы и элементы конструкций, одновременное прекращение жизни в постройке первого периода и т. д.). Но если жизнь в Сары-кургане прекратилась в VIII в., то Калаи-боло продолжает существовать еще два столетия как резиденция правителя района [13, с. 100].

Немногочисленные письменные источники отмечают крайнюю нестабильность политической обстановки в Фергане в первой половине — середине I тысячелетия н. э. [20, с. 294—300], что не могло не сказаться на характере оборонительных сооружений. При почти полном отсутствии письменных источников крепостная архитектура становится весьма ценным материалом для реконструкции событий изучаемого времени. К сожалению, небольшой объем раскопок, носивших разведочный характер, и отсутствие точного датирующего материала для каждого из периодов жизни крепости Сары-курган не позволяют пока связать их с конкретными событиями. С наибольшей долей вероятности можно лишь предположить, что последний этап, отмеченный усилением строительной деятельности и датируемый керамикой VIII в., связан с приходом в Фергану арабов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Миддендорф А. Ф.* Очерки Ферганской долины. Спб., 1882.
2. *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Собр. соч. Т. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1963.
3. *Зимин Л.* Историческая справка о древнем Сохе.— ПТКЛА, 1914, т. 18.
4. *Петров А. Д.* Развалины Муг-тепе у селения Сары-курган.— ПТКЛА, 1914, т. 18.
5. *Латынин Б. А.* Дневник Ферганской экспедиции 1930 г.— Архив ЛОИА АН СССР, № 180/1930.
6. *Гулямов Я. Г.* Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина.— ТИИА АН УзССР, 1951, т. VI.
7. *Бентович И. Б.* Керамика верхнего слоя Педжикента.— МИА, 1964, № 124.
8. *Маршак Б. И.* Влияние торевтики на согдийскую керамику VI—VII вв.— ТГЭ, 1961, т. V.
9. *Горбунова Н. Г.* О раннесредневековой керамике Ферганы.— УСА, 1979, вып. 4.
10. *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи.— ТХЭ, 1973, т. VII.
11. *Брыкина Г. А.* Раскопки замка в Карабулаке.— КСИА, 1966, вып. 108.
12. *Горбунова Н. Г.* Раскопки поселений Ферганы первых веков нашей эры.— ТГЭ, 1979, т. XX.
13. *Давидович Е. А.* Раскопки замка Калаи-боло.— МИА, 1958, № 66.
14. *Жуков В. Д.* Археологические работы на трассе Южного Ферганского канала.— Изв. УзФАН СССР, 1940, № 10.
15. *Латынин Б. А.* Некоторые результаты работ Ферганской экспедиции 1934 г.— АСб.ГЭ, 1961, вып. 3.
16. *Шперк В. Ф.* История фортификации. Т. I, М., 1948.
17. *Воронина В. Л.* Из истории среднеазиатской фортификации.— СА, 1964, № 2.
18. *Горбунова Н. Г.* Поселения Ферганы первых веков нашей эры.— СА, 1977, № 3.
19. *Бабаев А. Д.* Крепости древнего Вахана. Душанбе: Дониш, 1973.
20. *Бичурин И.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

A. E. Shigin

SARY-KURGAN — A FORTRESS IN FERGHANA

Summary

In the 1974 and 1975 field seasons the State Hermitage Ferghana Archaeological Expedition studied a part of Sary-Kurgan fortress, 25 km to the south of Kokand, on the right bank of the Sokh River. These studies have revealed the fact that the fortress had emerged from a small castle placed on a natural eminence. Its walls had two-tiered embrasures of a specific form. Soon after the fortress had been built it ceased to be a defensive construction and became a dwelling. Fire traces on the walls point to the reason why the building was abandoned. All rooms of the earlier building were backfilled and the castle become part of the brickwork of a new fortress three times bigger than the preceding one. On the whole, the life in the fortress is dated between the first centuries A. D. and the 8th century A. D. on the strength of ceramic evidence.

ХОМУТОВА Л. С.

КУЗНЕЧНАЯ ТЕХНИКА НА ЗЕМЛЕ ДРЕВНЕЙ ВЕСИ В X в.

(по материалам поселения у дер. Городище)

Многочисленный археологический материал четко фиксирует, что в период создания Древнерусского государства происходят важнейшие сдвиги в развитии хозяйства, ремесла. Резко возрастает объем железных изделий, вырабатываются устойчивые формы орудий труда и основных видов инструментария, которые сохраняются в последующие столетия. Среди оружия появляются новые виды военного снаряжения, неизвестные ранее [1—3]. Номенклатура изделий примерно в три-четыре раза превышает список того ассортимента, который был создан за предшествующий полуторатысячелетний период железного века.

Изучение кузнечной техники и технологии в период зарождения древнерусской государственности представляет большой интерес, поскольку дает ключ к пониманию процесса экономического развития Древней Руси в целом. Первые конкретные сведения о технике и технологических приемах изготовления древнерусского кузнечного инвентаря были введены в археологическую науку Б. А. Колчиным, который открыл для археологов новый вид исторической информации, применив метод массового металлографического анализа к древним изделиям из черного металла.

На основании обобщения результатов около 200 анализов из 32 археологических памятников, относящихся ко времени IX—XIII вв., им дана общая картина развития железообрабатывающего ремесла в домонгольской Руси. С точки зрения профессионализма и специализации древнерусского ремесла чрезвычайно важен вывод исследователя о том, что кузнецы IX—X вв. уже выделились из сельской общины и превратились в самостоятельных городских ремесленников. Однако, как подчеркивал автор, им дана лишь схема развития древнерусского ремесла, ибо на огромной территории Восточной Европы в разных конкретных условиях по-разному происходил процесс выделения ремесла и развитие его техники [3, с. 190—194].

Настоящая работа представляет результаты изучения кузнечной продукции из раскопок поселения, расположенного у дер. Городище Кирилловского р-на Вологодской обл.,— небольшого рядового поселка на северной окраине Руси — на земле древней веси.

Поселение открыто П. А. Суховым в 1938 г., несколько раз обследовалось, а с 1974 по 1978 г. здесь проводила раскопки экспедиция Института археологии АН СССР под руководством Л. А. Голубевой [4]. На основании целого ряда вещевых находок автор раскопок определяет время существования поселения X в. [5, с. 137].

Среди разнообразного материала, характеризующего род хозяйственной деятельности населения, имеется значительная коллекция кузнечного инвентаря, свидетельствующая об обработке железа в поселке — это набор кузнечного инструментария, находки заготовок для ножей, полуфабрикатов и отходов кузнечного производства. Кроме того, открыты развалы горнов и глубокие ямы, заполненные шлаками [6, с. 10]. Найденный на поселении ассортимент кузнечной продукции насчитывает 23 наименования: ножи, топоры, ножницы, шилья, иглы, зубила, зубильца, стамески, наковальня, замки, клещи, кресала, ложки-лопаточки, гвозди, скобы, рыбо-

ловные крючки, пилы, пилочки, пряжки, наконечники стрел, ушко от котла, обломки пластин, проволока.

Ценность памятника для нашей темы состоит в том, что, являясь единственным памятником на северо-востоке Руси, раскопанным археологами, с узкой хронологией, он позволяет изучить процесс развития ремесла на северной периферии в эпоху возникновения русского государства.

Исследованная коллекция состоит из 90 предметов. Это подавляющая часть всех найденных при раскопках железных предметов. Для технологического изучения были отобраны инструменты: ножи — 32 экз., шилья — 4, топоры — 3, ложечки-лопаточки — 3, клещи, пила, пилочка, игла; бытовые предметы: ножницы, кресала — 5. Оружие представлено наконечниками стрел — 10 экз. Кроме того, микроскопическое исследование прошли заготовки для ножей и предметы неопределенного назначения.

Наиболее многочисленны в исследованной коллекции ножи. По способу соединения спинки клинка и черешка их можно разделить на три типа. Первый тип объединяет ножи, имеющие уступы при переходе от лезвия к черешку (16 экз.). Среди них есть как с длинным, так и с коротким черешком. Переход от обушка к спинке иногда четкий, иногда плавный, что можно объяснить небрежностью работы. Спинка утолщена, из-за чего лезвие в сечении имело форму широкого клина по сравнению с более поздними ножами, когда клинок стал тоньше. Общая длина колеблется от 7,5 до 15 см. Эти ножи самые распространенные среди бытовавших в Восточной и Северной Европе в IX—X вв.

Второй тип — ножи, у которых черешок продолжает линию спинки (6 экз.). Общая длина 7—15 см (рис. 1, *896*, *909*, *1367*, *1371*, *1550*, *1557*). Такие ножи, по мнению специально занимавшегося классификацией ножей Сарского городища А. Е. Леонтьева, следует считать характерными для восточнофинских племен (мордва, мурома, меря) [7, с. 41].

К третьему типу относится один нож, отличающийся от первых двух типов крупным и широким лезвием. Длина ножа 20 см (рис. 1, 327). Остальные ножи представлены в коллекции в виде обломков.

Как показало исследование структур (проба бралась с рабочей части), применялись три схемы изготовления ножей.

Подавляющее большинство (80%) составляют ножи, откованные в схеме трехслойного пакета: в центре клинка с выходом на лезвие проходит стальная полоса, по бокам от нее полосы железа (рис. 1). В эту технологическую группу вошли все ножи первого типа, один нож второго типа, нож третьего типа и ножи, форма которых не определена. Правильнее было бы сказать, что нож второго типа и обломок ножа неопределенной формы (рис. 1, *1371*, *847*) откованы из трех полос, имитирующих трехслойный пакет. Сварка проведена не совсем удачно: сварочные швы нечеткие и местами прослеживаются по шлаковым включениям. Термическую обработку сохранили около 80% ножей этой технологической группы.

Во всех случаях мы наблюдаем высокое качество ковки и сварки, а также правильный подбор материала — железа и стали (рис. 2, *2*; 3, *4*, *5*). Ошибка обнаружена дважды: на ноже восточнофинского типа и ноже неопределенной формы. Создается впечатление, что кузнецы, ковавшие их, плохо представляли себе смысл подобной технологии.

Двумя экземплярами представлена вторая технологическая схема: вварка стального лезвия в железную основу (рис. 1, *842*, *895*; 2, *1*). Сварочные швы тонкие и четкие, выполнены без погрешностей, свидетельствуют о высоком мастерстве. Оба орудия закалены в воде. Твердость 420 кг/мм^2.

Третья технологическая схема — целиком из железа, сильно загрязненного шлаковыми включениями, представлена 5 экз. Все ножи относятся ко второму типу (рис. 1, *896*, *909*, *1367*, *1550*, *1557*).

Из инструментария кузнеца структурное исследование прошли шарнирные клещи и зубила для холодной рубки металла. Известно, что шарнирные клещи применялись исключительно для кузнечных работ.

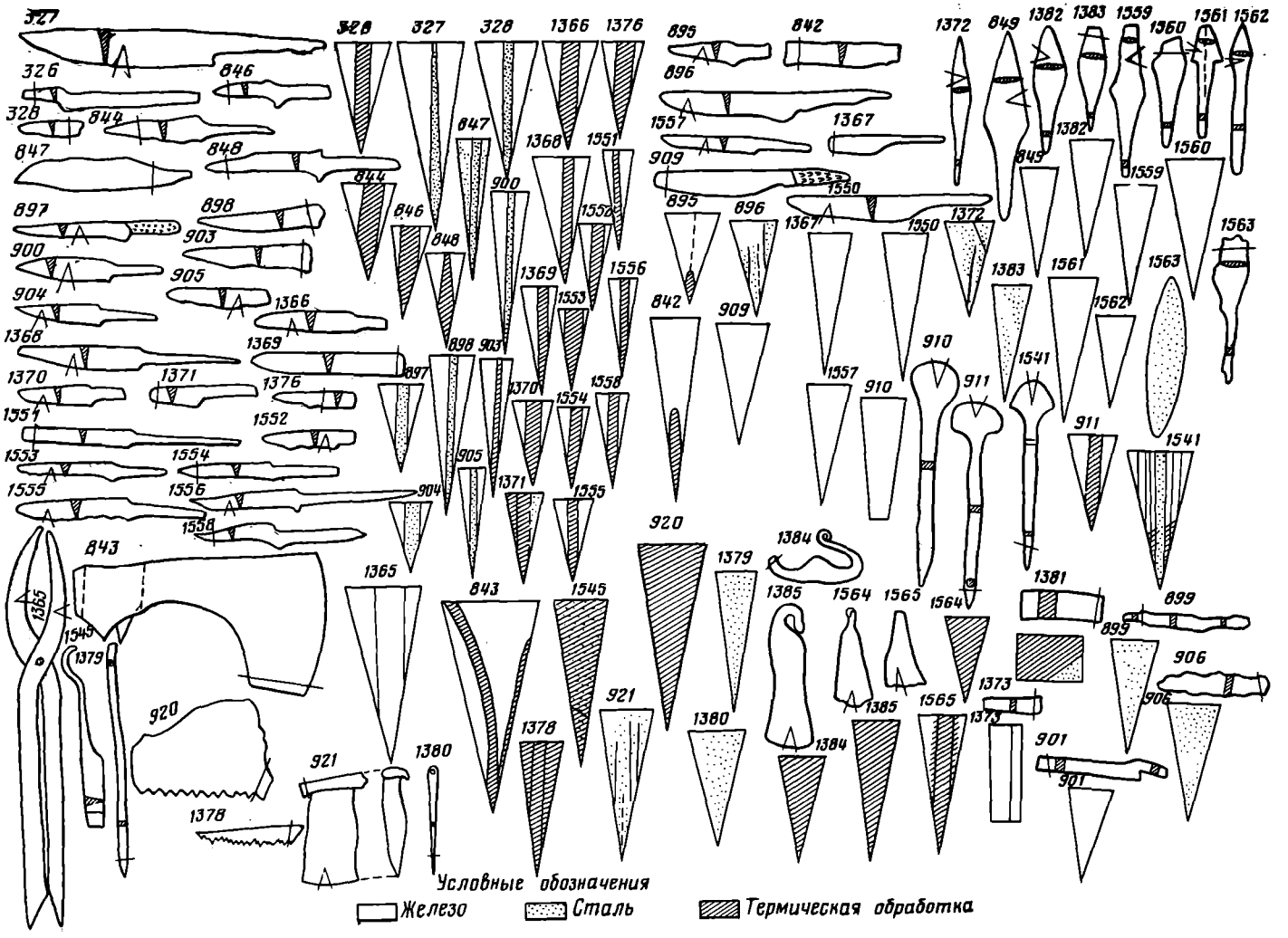


Рис. 1. Технологические схемы изученных кузнечных изделий с поселения у дер. Городище

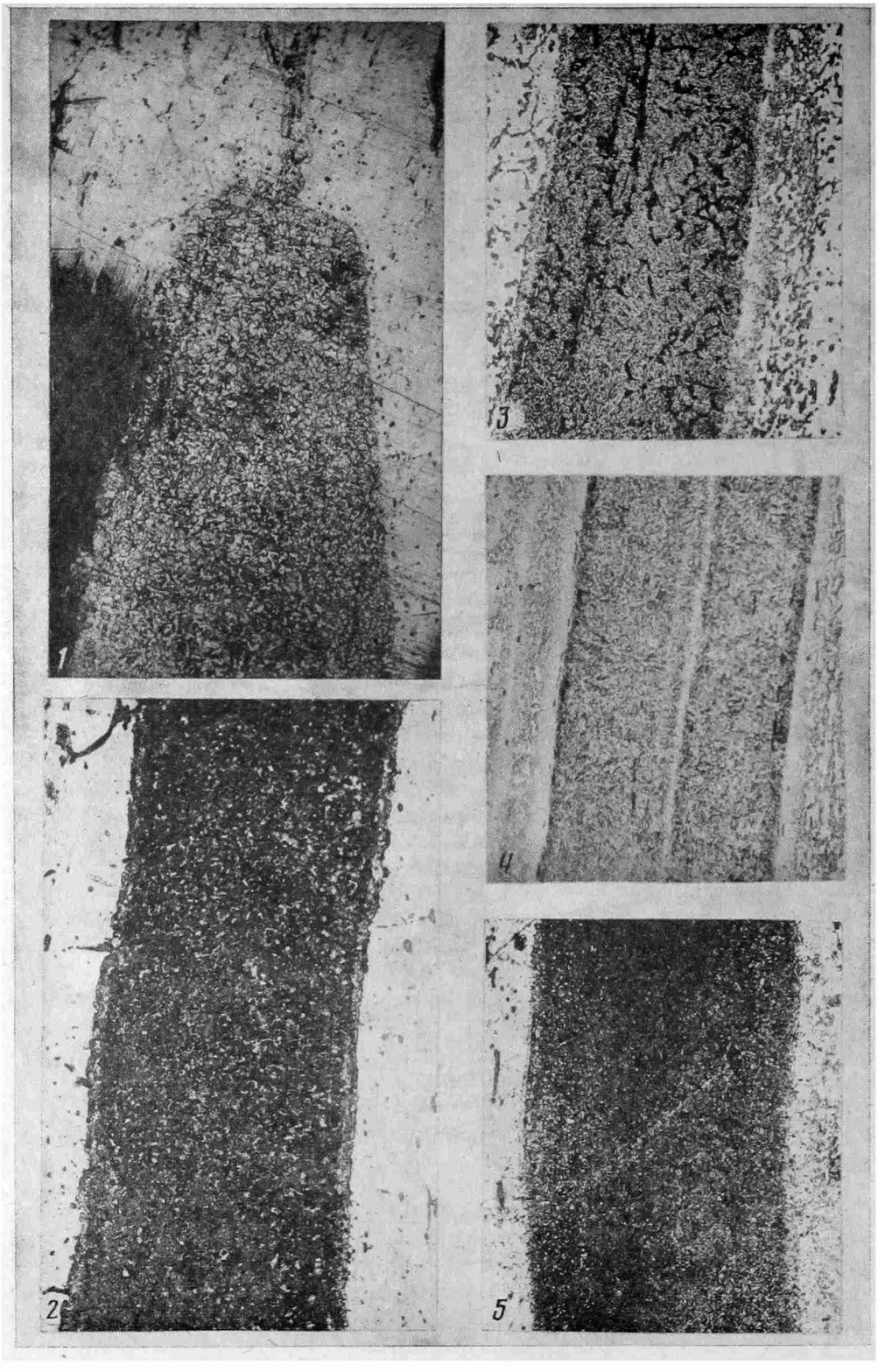


Рис. 2. Фотографии микроструктур: *1* — нож с поселения у дер. Городище, вварка (ан. 895, ув. 70); *2* — нож с поселения у дер. Городище (трехслойный пакет (ан. 900, ув. 70); *3* — нож из Старой Ладоги, трехслойный пакет (ан. 577, ув. 200); *4* — нож из Старой Ладоги, трехслойный пакет (ан. 576, ув. 200); *5* — нож из Старой Ладоги, трехслойный пакет (ан. 572, ув. 115)

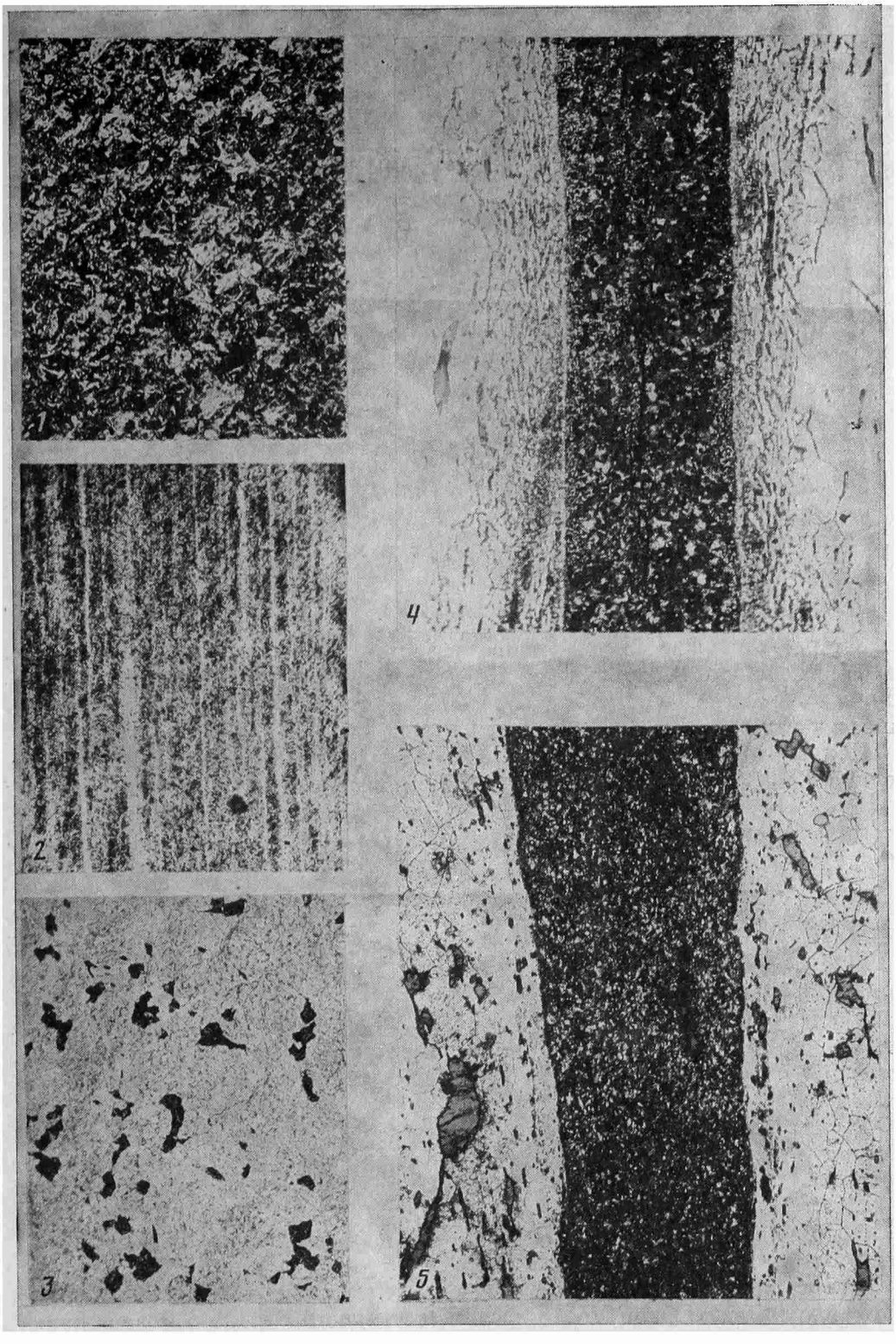


Рис. 3. Фотографии микроструктур: *1* — ножницы из Старой Ладоги, сорбит (ан. 579, ув. 70); *2* — пила с поселения у дер. Городище, пакетование (ан. 920, ув. 115); *3* — кресало из Старой Ладоги, мартенсит с троосititом (ан. 583, ув. 200); *4* — нож с поселения у дер. Городище, трехслойный пакет (ан. 905, ув. 70); *5* — нож с поселения у дер. Городище, трехслойный пакет (ан. 326, ув. 70)

По конструкции и размерам данные клещи принадлежат к группе одноручных [3, с. 61]. Технология изготовления их очень проста: целиком из кричного железа, загрязненного шлаками (рис. 1, *1365*).

Зубило для холодной рубки металла является инструментарием как слесаря и ювелира, так и кузнеца. Исследуемое зубило, длиной 75 мм, шириной 34 мм, оказалось стандартным для слесарных зубил, найденных на древнерусских городищах и поселениях [3, с. 64].

Для технологического изучения взяты две пробы, с лезвия и с обушной части. На основании анализа структур обеих проб установлено, что зубило откована из неравномерно науглероженной стали с содержанием углерода от 0,2 до 0,7%. Структура стальной полосы феррито-перлитная, т. е. характерная для незакаленной стали. Кроме того, на образце, взятом на обушной части зубила, наблюдается вытянутость и повышенная твердость структурных составляющих, что свидетельствует о деформации их в холодном состоянии. Это наблюдение полностью соответствует определению инструмента в качестве зубила. Твердость на лезвии 254 кг/мм², твердость обушка, подвергшегося деформации,— 274 кг/мм².

Одним из основных деревообделочных инструментов является топор — универсальное орудие для рубки и тески дерева. В IX—X вв. были уже выработаны основные формы топора, соответственно функциональной специализации.

Технологически изучено три топора (один целый и два обломка лезвий). Целый топор по типу может быть отнесен к плотничьему (рис. 1, *843*) [3, с. 115—116].

Макроскопическое исследование целого топора выявило следующую технологическую конструкцию. Предварительно выкованную полосу согнули в середине на оправке, образовав проушину и обух, а соприкасавшиеся части сварили и изготовили лезвие.

Исследование лезвия топора под микроскопом (шлиф сделан на продольном его сечении) обнаружило, что при сварке тела на конце лезвия была оставлена продольная щель, в которую, предварительно разогрев изделие до сварочного жара, вставили раскаленную до сварочного жара стальную полосу, затем сварили, расковали и окончательно вытянули лезвие. Последней операцией была термическая обработка — закалка. Причем закалка носила локальный, местный характер, т. е. закаливали только небольшую часть лезвия. Большую часть топора в охлаждающую среду не опускали. Твердость на конце лезвия 572 кг/мм², в остальной части 236—295 кг/мм².

Аналогичный технологический прием зафиксирован и на обломках лезвий. Во всех случаях сварка проведена неудачно: сварочные швы широкие, прерывистые. Эти данные свидетельствуют о неправильном выборе температуры в момент сварки или неумелом применении флюса.

К числу инструментов для обработки дерева принадлежит и пила, известная в Древней Руси двух видов: двуручная и одноручная — типа ножовки, полотна которых различаются углом заострения зубьев [3, с. 103]. Исследованные нами две пилы (рис. 1, *920*, *1378*) по типу принадлежат к ножовкам, полотна которых имеют в сечении клинообразную форму.

Анализ структур поперечного сечения полотен показал, что обе пилы откованы из нескольких полос высокоуглеродистой стали хорошего качества (шлаковые включения отсутствуют) с последующей закалкой и отпуском (рис. 3, *2*). Структура закаленной стали — сорбит с мартенситовой ориентировкой. Твердость 420 кг/мм².

Как универсальный инструмент, применявшийся в сапожном деле и домашнем хозяйстве, шилья имеют круглое в сечении острие и черенок, на котором крепилась деревянная или костяная ручка. Четырехгранная форма черенка не давала ручке крутиться и соскальзывать. Исследованное шило (рис. 1, *379*) выявило структуру малоуглеродистой стали с содержанием углерода 0,1—0,3%. Твердость 193 кг/мм². Однотипную структуру имела игла (рис. 1, *1380*).

Металлографически исследовался обломок, судя по сохранившейся

части пружинных ножниц (рис. 1, *1545*). Образец для анализа брался с лезвия. Как показало микроскопическое исследование, технологическая схема изготовления — торцовая наварка стального лезвия на железную основу с последующей закалкой. Небольшое количество углерода в стальной полосе (0,2—0,4%) привело к тому, что сталь закалку почти не приняла. Лишь только местами наблюдается некоторая игольчатость перлитных участков.

На поселении найдены четыре предмета, условно названные Л. А. Голубевой ложками-лопаточками, один конец которых раскован в виде лопаточки, другой конец — круглый, оканчивающийся заострением, как у шила. Они найдены в комплексах с литейным и кузнечным производствами. Подобный инструмент найден на Березняковском городище около кузнечного помещения [8, с. 135].

Микроскопическое исследование прошли три инструмента. У двух образцы брались с обоих концов (рис. 1, *911*, *1541*), у третьего — только с расширенной части (рис. 1, *910*).

Выпил, взятый с расширенной части лопаточки (рис. 1, *911*), показал однородную ферритную структуру с большим количеством шлака. Выпил, взятый с острой части, выявил сложную структуру трехслойного пакета с последующей закалкой острия. Твердость на острие (420 кг/мм²) понижается по мере удаления от конца до 236 кг/мм².

На шлифе, сделанном на расширенной части образца 910, выявлена структура кричного железа с большим количеством шлаковых включений, вытянутых по направлению ковки. При структурном исследовании образца 1541 на обоих концах обнаружено строение пакетного металла, слоистая структура которого состояла из нескольких чередующихся полос железа и стали. Предмет подвергался закалке в воде. Твердость закаленной стали 514 кг/мм².

К сожалению, мы вынуждены признать, что наше исследование не помогло выяснению функционального назначения ложек-лопаточек и определению их рабочих частей. Вероятно, рабочую нагрузку несли оба конца.

Технология изготовления предметов разнообразного бытового назначения рассматривалась на примере кресал. Известно, что в Восточной Европе бытовало несколько типов кресал, существовавших в определенные хронологические периоды. Эта тема неоднократно рассматривалась Л. А. Голубевой, которая отмечает, что наиболее ранней формой следует считать пластинчатые кресала, имеющие форму вытянутой полосы с расширенным нижним краем, и суженным и загнутым в виде петли верхним концом, с помощью которого кресало привешивалось к поясу. Они бытовали во II—V вв. на территории Северной, Западной и Восточной Европы, сменяясь в конце I тысячелетия н. э. калачевидными кресалами, в то время как у финно-угорских племен Восточной Европы продолжали существовать в IX—X вв. и даже в XII в. [9, с. 62; 10, с. 257—260].

Структурно исследовалось пять кресал (четыре пластинчатых, одно калачевидное) (рис. 1, *1384*, *1385*, *1564*, *1565*). Структура кресал оказалась однотипна: целиком из высокоуглеродистой специально цементованной стали с последующей закалкой в резкой закалочной среде. Металл загрязнен шлаками. Ковка велась и закончилась при повышенной температуре, о чем свидетельствует крупноигольчатая структура мартенсита. Микротвердость очень высокая даже для кресал — 724—1530 кг/мм².

Технология изготовления предметов вооружения и охоты рассматривалась на примере наконечников стрел. Разные по типу, они все оказались железными. Металл сильно загрязнен крупными и мелкими включениями шлака. Иного материала и не требовалось для разового использования.

Для общей характеристики кузнечного ремесла на поселении исследовались заготовки для ножей, различные пластины, бруски, обрезки и отходы кузнечного производства. На всех предметах обнаружена структура кричного железа, загрязненного шлаками. Исключение составляют пластина и брусок. На пластине выявлена торцевая наварка высокоуглеро-

дистой стальной полосы на железо, закаленной в воде с микротвердостью стальной части 1100 кг/мм². Брусок обладал настолько высокой твердостью, что выпил пробы оказался невозможным (рис. 1, *1381*). Шлиф, сделанный на одной из поверхностей бруска, показал структуру закаленной высокоуглеродистой стали с микротвердостью 1290 кг/мм².

Итак, изучение кузнечного инвентаря на основе техники и технологии позволяет заключить, что он создан руками опытных кузнецов, владевших сложными технологическими приемами. Кузнецы в совершенстве владели механической обработкой металла в горячем состоянии. Они умели расковывать высокоуглеродистую сталь в тончайшие пластины, знали различные способы закалки клинков. Особенно большие знания и опыт проявили они в технике сварки. До сих пор сварка считается одной из самых сложных кузнечных работ, поскольку ее выполнение требует как правильной подготовки свариваемых поверхностей, так и умелого устранения окалины, образующейся на нагретом металле, при помощи флюса, в качестве которого современные кузнецы используют сухой мелкий речной песок [11]. Но особенно большого опыта требовал нагрев заготовок перед сваркой. Как известно, температура сварочного жара у железа и стали неодинаковая. Определял температуру кузнец по цвету каления, т. е. по изменению цвета металла, происходящему по мере его нагрева [11, с. 16—17]. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют констатировать высокий уровень подготовки мастеров, почти всегда добивавшихся необходимой прочности сварных соединений. Столь же отработанными были температурные режимы при термической обработке. Их всегда вели при температуре не выше 900 и не ниже 750° [12, с. 230—231].

Более 70% всех изделий, сталь которых способна принять закалку, были термически обработаны. Использовались в основном твердая закалка (структура мартенсита) и закалка с высоким отпуском (структура сорбита с мартенситовой ориентировкой). Подбор закалочных сред дифференцирован в зависимости от функционального назначения изделия.

Основной технологией в изготовлении орудий труда, инструмента явилось соединение в изделии путем сварки стального лезвия с железной основой (66%). Наиболее прогрессивным, требующим от кузнеца высоких профессиональных навыков и мастерства, является способ трехслойной сварки: в центре клинка с выходом на лезвие идет стальная полоса, по бокам от нее — полосы железа. Этот технический прием самый представительный в коллекции — 30 предметов (60% из числа орудий труда и инструментария). Сварка полос выполнена хорошо, сварочные швы чистые и тонкие. Подобная конструкция, технически самая сложная и трудоемкая, в то же время наиболее целесообразная, так как не только придавала изделию качества, необходимые для режущих и рубящих инструментов,— вязкость, упругость и твердость, но и позволяла пользоваться инструментом до максимального стачивания всего клинка — сколько бы ни точили лезвие, на острие всегда оставалась сталь.

Не менее сложными, требующими от кузнеца высокой квалификации, являются технологические схемы вварного и наварного стального лезвия. Как и при трехслойном пакете, изделие приобретает максимальную твердость рабочей части и вязкость основы, но срок службы сокращается, так как после стачивания стальной полосы изделие теряет свои рабочие качества. Этот технологический прием не нашел достаточно широкого распространения.

Следует отметить целенаправленный подбор материала в соответствии с функциональным назначением изделия. Так, например, при изготовлении ножей и топоров на лезвия всегда шла высокоуглеродистая сталь, при изготовлении шильев, игл использовалась неравномерно науглероженная сырцовая сталь — материал, достаточно твердый, но не хрупкий, обладающий качествами, необходимыми для прокалывающих инструментов. Кресала отковывались только из высокоуглеродистой стали, хорошо процементированной, с обязательной закалкой в холодной воде. В результате получены изделия, обладающие повышенной твердостью рабочего ребра,

что необходимо для данной группы изделий. Для разового употребления стрелы использовали только железо.

Относительно ножей, откованных целиком из железа, мы уже отмечали, что они отличаются от основной массы ножей поселения и типологически, приближаясь по форме и по способу изготовления к ножам восточнофинских племен.

Существование на поселении массового производства клинков со стальной сердцевиной, серийность их производства, стандартность форм и технологий, профессионализм кузнецов, владевших в совершенстве сложными приемами многослойной сварки при выделке самых распространенных в обиходе инструментов — ножей, свидетельствует о пребывании на поселении высококвалифицированных ремесленников городского типа.

Как уже отмечалось, наличие бракованных изделий, заготовок для ножей позволяет говорить о местном характере железообрабатывающего производства.

Обратимся теперь к вопросу о происхождении техники многослойной сварки: связана ли она с пришельцами, принесшими с собой традиции и способы изготовления орудий или эта технология возникла на базе местных навыков обработки железа. Чтобы ответить на этот вопрос, попытаемся в общих чертах представить тот фон, который поможет лучше понять уровень обработки железа на поселении у дер. Городище.

Область Белого озера и бассейна р. Шексны, на территории которой расположено поселение, до прихода славян занимала весь — дославянское население, по этническим признакам принадлежавшее к финно-угорской группе [5]. По общему облику материальной культуры, характеру женских украшений белозерская весь была близка угро-финскому миру Поволжья и Прикамья [13, с. 285].

К сожалению, в настоящее время сведений о железообрабатывающем производстве веси у нас нет, поскольку памятники веси до X в. неизвестны. Археологически весь впервые выделена в памятниках X—XI вв., однако испытавшая уже влияние соседних культур. Исходя же из этнической принадлежности веси [14, с. 142—146], трудно предположить, чтобы весские племена имели более высокий уровень кузнечной обработки, чем восточные угро-финны.

Не располагая сведениями о технике и технологии обработки железа у веси, мы имеем большую информацию по истории железообрабатывающего производства у угро-финских племен Поволжья и племен дьяковской культуры [15], состав населения которой был на последних этапах смешанный: балто-финно-угорский [16, с. 90]. Кроме того, в настоящее время достаточно хорошо изучена техника кузнечного ремесла у южных славян Восточной Европы [17, с. 46—56; 18, с. 61—66; 19, с. 70—76]. Обобщение результатов, известных к настоящему времени микроскопических анализов по Восточной Европе, позволяет заключить, что кузнечное ремесло как у южных славян, так и у угро-финских племен Волго-Окского междуречья и балтских племен Смоленского Поднепровья на всем протяжении I тысячелетия н. э. носило общинный характер. На это указывает сравнительно небольшой ассортимент кузнечной продукции и разнообразие применяемых схем изготовления у однотипных изделий. Отсутствие стандартизации технологических схем изготовления в рамках одного вида кузнечной продукции — наиболее характерная черта общинного универсального кузнечного производства. Кроме того, как показал анализ технологических данных, ни южные славяне Восточной Европы, ни восточные финны и балты не были знакомы с технологией трехслойного пакета до IX—X вв. и, следовательно, не могли быть носителями традиций его изготовления на поселении у дер. Городище.

Поэтому наиболее вероятным нам кажется предположение о внесении технологии многослойной сварки клинков ножей с северо-запада, где она зафиксирована на ножах из Старой Ладоги (см. Приложение): на шести из восьми изученных [1], из Приладожских курганов: на трех из трех изу-

[1] Неопубликованные материалы, хранящиеся в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР.

ченных [3, с. 252], и широко известна в ранних слоях в Новгороде [20, с. 52]. Причем в Ладоге трехслойный пакет отмечен на ножах из древнейшего слоя — $Е_3$, датируемого 60-ми годами VIII в.— 30-ми годами IX в. [2]

Наши наблюдения согласуются с данными археологов о проникновении на территорию белозерской веси в X в. новых этнических групп, среди которых исследователи видят прибалтийских финнов, славян, скандинавов [13, с. 288—292; 21, с. 116—131]. Видимо, пришельцы с Северо-Запада, вероятнее всего из Ладоги, принесли с собой свои приемы обработки железа.

Изменение в технологии изготовления ножей от простой (целиком из железа) к многослойной в связи с приходом нового населения предположительно с Северо-Запада отмечено на Сарском городище [7, с. 44].

Таким образом, технологическое изучение кузнечного инвентаря из раскопок поселения у дер. Городище позволяет выявить сложный процесс развития кузнечного ремесла в Древней Руси. Кроме того, массовый технологический анализ может служить дополнительным источником для решения некоторых исторических проблем.

Дальнейшее накопление аналитического материала с других памятников веси, равно как и с памятников древнерусских земель, поможет выявить этническую группу, с которой было связано раннее возникновение городского ремесленного производства в северных периферийных центрах Древней Руси.

Приложение

Изделия из Старой Ладоги, прошедшие металлографическое исследование

Предмет	Номер анализа	Место находки	Технология изготовления		
			трехслойный пакет	наварка	цельностальные
Нож	572	Ла-498	+		
Обломок топора	573	Ла-497	+		
Нож	574	Ла-881		+	
»	575	Ла-613	+		
»	576	Ла-268	+		
»	577	Ла-375	+		
»	578	Ла-398			+
Обломок ножниц	579	Ла-517		+	
Нож	581	Ла-440	+		
»	582	Ла-403	+		
Кресало	583	Ла-138			+

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
2. *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства.— МИА, 1968, № 152.
3. *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси.— МИА, 1953, № 32.
4. *Голубева Л. А.* Отчет о работе Белозерской археологической экспедиции в 1974 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5896.
5. *Голубева Л. А.* Весь, скандинавы и славяне в X—XI вв.— В кн.: Финно-угры и славяне. М.— Л.: Наука, 1979.
6. *Голубева Л. А., Тухтина Н. В.* Работы Белозерской экспедиции.— АО — 1975. М., 1976.
7. *Леонтьев А. Е.* Классификация ножей Сарского городища.— СА, 1976, № 2.
8. *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья.— МИА, 1941, № 5.
9. *Голубева Л. А.* Археологические памятники веси на Белом озере.— СА, 1962, № 3.
10. *Голубева Л. А.* К истории пластинчатых огнив Восточной Европы.— В кн.: Новое в археологии. М.: Наука, 1965.

[2] Мы пользуемся дендрохронологическими данными Н. Б. Черных, сообщенными ею в докладе «Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища)» — Тезисы доклада на заседании славянского сектора ИА АН СССР, 21 апреля 1977 г.

11. *Скуратов В. Ф.* Деревенская кузница. Л., 1927.
12. *Гуляев А. П.* Металловедение. М.: Металлургия, 1977.
13. *Голубева Л. А.* Белозерская весь и ее западные соседи в X — начале XI в.— Скандинавский сборник, 1964, вып. 8.
14. *Голубева Л. А.* К проблеме этногенеза веси.— В кн.: Древние славяне и их соседи: МИА, 1970, № 176.
15. *Хомутова Л. С.* История железообрабатывающего производства у дославянского населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1981.
16. *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры.— В кн.: Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
17. *Гопак В. Д.* Техника кузнечного ремесла у восточных славян второй половины I тыс. н. э. (Днепровско-Днестровское междуречье).— СА, 1976, № 2.
18. *Вознесенская Г. А.* Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тыс. н. э.— В кн.: Древняя Русь и Славяне. М.: Наука, 1978.
19. *Вознесенская Г. А.* Техника кузнечного производства у восточных славян в VIII—X вв.— СА, 1979, № 2.
20. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65.
21. *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности.— МИА, 1970, № 179.

L. S. Khomutova

FORGING TECHNOLOGY AMONG THE ANCIENT VES IN THE 10TH CENTURY

(on the materials from a settlement at the Gorodishche village)

Summary

The author discusses the results of the study of forged products obtained from an ordinary settlement at the Gorodishche village (Kirillov District, Vologda Region, northern outskirts of Russia). The site is dated to the 10th century through a number of artifacts which permits an in-depth investigation of the development of crafts in the period when the Russian state was shaping.

The metallographic analysis of 90 objects among which tools predominated has revealed the fact that the main technology was combination of an iron base and a steel blade through welding. Sixty per cent of the objects were made in the scheme of three-layer bar pile, there are objects with welded-in bars, with welded-on blades, all-steel and all-iron objects. The materials used always suited the purpose of the object. On the whole, the investigation has led the author to conclude that there were some experienced handicraftsmen in the settlement.

When studying the technology of the multilayer welding of knives the author draws a conclusion that it was exported from north-western Russia, probably from Staraya Ladoga where it was reported in a layer dated to the second half of the 8th-first half of the 9th century.

ПУЦКО В. Г.

ШИФЕРНЫЕ РЕЛЬЕФЫ В ЛАПИДАРИИ СОФИИ КИЕВСКОЙ

Кроме шиферных рельефов парапетов хор, находящихся на своих первоначальных местах и только в некоторых случаях подвергнутых перемещению, в лапидарии Софии Киевской хранится несколько фрагментированных плит, также украшенных орнаментальной резьбой. Некоторые рельефы указанной группы уже были воспроизведены в работах Ю. С. Асеева и М. К. Каргера без разбора орнаментики, такие, как плиты, найденные при раскопках на территории Софийского заповедника [1, табл. 30; 2, с. 200, рис. 97; 3, табл. XXXVI—XXXVIII]. Однако из этого вовсе не вытекает факт их принадлежности к пластическому декору интерьера Софии Киевской. Вопрос о происхождении этих рельефов более сложный, поскольку материалы из старых находок не документированы, и даже для отождествления известных по каталогам фрагментов не всегда существуют объективные данные. Изучение материалов лапидария собора, много лет назад начатое Д. В. Айналовым [4, с. 5—11], требует продолжения, тем более что от его результатов в немалой степени зависит общая характеристика киевской каменной пластики домонгольского периода.

Некоторые рельефы связаны своим происхождением с руинами, отождествляемыми с церковью св. Ирины [3, с. 216—226]. По указанию В. Б. Антоновича, «две большие плиты красного шифера, покрытые красивыми резными узорами... весьма похожи на шиферные плиты, которые поныне служат перилами на хорах Киево-Софийского собора», находились в университетском музее в Киеве [5, с. 128, № 25]. Д. В. Айналовым под № 9 описана «плита красного шифера... с разводами и крестиками. Обломана справа. По всей вероятности, это та доска, которая была вставлена на хорах за приделом св. Николая Мокрого, где теперь находится деревянная резная плита» [4, с. 8], под № 10 — «плита подобная же ... с розеткой в круге. Угол с правой стороны немного отбит», под № 11 — «плита красного шифера с разводами и крестиками, подобно № 9, но отбит угол справа». Эти три рельефа в начале 1900-х годов уже находились в лапидарии Софии Киевской. Сведения о резных шиферах из церкви св. Ирины, к сожалению, не отличаются обстоятельностью и определенностью [6, с. 445—453; 7, с. 336; 8, с. 4; 9, с. 4]. По сообщению Ф. Л. Эрнста, «плиты красного шифера из развалин церкви употреблены на выстилку земли вокруг Софийского собора, при «возобновлении его древнего вида», производившемся в 1843—53 гг.» [10, с. 108—109]. Судьба рельефов из церкви св. Ирины интересовала Н. Е. Макаренко, который смог кроме рельефа с изображением борьбы человека со львом выявить фрагмент плиты, украшенной ремневидными плетениями, а также отметил фрагмент плиты неизвестного происхождения с остатками концентрических кругов с крестом в одном из них [11, с. 84, 94, рис. 31]. Первый фрагмент вместе с двумя другими, относящимися к тому же рельефу, теперь хранится в лапидарии Софии Киевской [3, табл. XXVIII, *2*]. Позднее судьбой фрагментов шиферных рельефов интересовался Н. Н. Воронин, посвятивший некоторым из них раздел своих историко-архитектурных заметок [12, с. 258—260]. Но предметом его внимания явились обломки тематических рельефов в собрании Исторического музея в Киеве.

Сопоставляя хранящиеся ныне в лапидарии Софии Киевской шиферные рельефы с орнаментальными композициями с имеющимися данными

Рис. 1. Рельеф барьера алтарной преграды одного из приделов Софии Киевской

о них, можно установить следующее: два (рис. 1; 2) обнаружены при рытье траншеи возле собора; один (рис. 3) происходит из раскопок на территории двора; один уже упомянутый рельеф (рис. 1) может быть отождествлен с описанным Д. В. Айналовым под № 9, равно как обломок с розеткой в круге следует сопоставить с плитой, описанной под № 10 (рис. 4). Отождествить шиферный рельеф, украшенный довольно плоской резьбой, с плитой красного шифера, описанной Д. В. Айналовым под № 9, крайне затруднительно, поскольку указано, что она обломана лишь справа, тогда как указанный рельеф имеет довольно большие утраты и слева (рис. 5). Предположение о том, что она может находиться в алтаре придела св. Николая, также отпадает, так как казавшаяся Д. В. Айналову деревянной резная плита с изображением хризмы, фланкированной двумя крестами,—шиферная, современная другим рельефам парапетов хор Софии Киевской [11, рис. 26; 13, с. 4]. Итак, за исключением одной, рассматриваемые плиты с орнаментальными мотивами так или иначе связаны с собором либо представляют находки, сделанные вблизи него. Киевское происхождение всей этой группы изделий не вызывает сомнения, поскольку среди них нет ни одного, который бы существенно отличался от рельефов XI в. Но остаются неясными их отношение к первоначальному пластическому декору Софии Киевской и функциональное назначение.

Обломок шиферной плиты (рис. 4) типологически напоминает рельефы парапетов хор Софии Киевской, отнесенные М. А. Новицкой к группе плит с централизованным орнаментом [13, с. 6—7, рис. 2—3, 5—9]. Их

Рис. 2. Шиферный рельеф с территории двора Софии Киевской

Рис. 3. Фрагмент шиферного рельефа с территории двора Софии Киевской

общая схема образована одинаковыми элементами, и главным мотивом композиции одного цельного орнамента является ромб. Как отмечала М. А. Новицкая, основным из приемов является вписывание одних элементов в другие, их органичное соединение разнообразным плетением и равновесие орнаментальных масс. Однако полного равновесия нет, и «соответствующие орнаментальные элементы рифмуются крест-накрест». Движение линии, при законченности и равновесии всей орнаментальной композиции, не уравновешивается противоположным ему движением; ремни обрамления изгибаются в одну сторону, заставляя глаз «идти за

Рис. 4. Шиферный рельеф северной аркады (?) хор Софии Киевской, фрагмент

ним без конца в одном направлении» [13, с. 8]. Указанные закономерности должны были определять принцип построения и фрагментарно сохранившейся орнаментальной композиции, реконструировать которую в данном случае невозможно, так как по публикуемому фрагменту нельзя уяснить ни характер орнаментального заполнения ромба (кроме розетки в центре, вписанной в круг), ни мотивы в обрамлениях по углам. Общий характер переплетений принципиально ничем не отличается от прослеживаемого на плите северной части хор (рис. 6). Но довольно большой участок гладкого фона справа внизу указывает на отсутствие плотности орнамента, и это заставляет сблизить кусок плиты с пятым рельефом в южной части хор [13, рис. 8].

Как было сказано, обломок с розеткой в круге можно отождествлять с описанным Д. В. Айналовым под № 10. Явно его же подразумевает и М. А. Новицкая, отмечая «один из кусков в крещальне Св. Софии» наряду с куском в Лавре и состоящим из двух частей куском в Археологическом кабинете [13, с. 6]. Следует обратить внимание еще на одну деталь рассматриваемого обломка: на заостренные лепестки розетки, которые на других плитах парапетов хор Софии Киевской округленные и более пластичные, чуждые ярко выраженной здесь линейности. Указанный отличительный признак резьбы (рис. 4) находит аналогию лишь в фрагментарно сохранившейся плите с территории Софийского собора (рис. 3). Эту особенность можно было бы отнести за счет недостаточной квалифицированности местного резчика, если бы аналогичные примеры не были связаны с такими образцами византийской скульптуры, как рельефы фиалы в лавре св. Афанасия на Афоне, датируемые тоже XI в. и являющиеся принадлежностью алтарной преграды [14, с. 68—69, табл. XXXIX, № 62]. Но и в самой Софии Киевской не все рельефы идентичны по стилю и обнаруживают несколько индивидуальных манер резьбы. Судя по размерам (63×75 см), кусок плиты с розеткой мог принадлежать такому же рельефу, как и служащие для ограждения хор, ширина которых достигает примерно 155—180 см.

В Софии Киевской в настоящее время плиты размещены симметрично в северном и южном парапетах хор — по три ближе к алтарю (выходя-

щие в трансепт) и по две на запад от подкупольного пространства, вдоль центрального нефа; один рельеф находится в приделе св. Николая и обращен резьбой к жертвеннику; плита в приделе апостола Андрея гладкая. Всего в Софии Киевской на своих местах осталось 12 шиферных плит, из которых 11 украшены орнаментальными рельефными композициями, причем одна из них (в северной части хор) двусторонняя. Говорить о том, что все плиты находятся на своих первоначальных местах, нет оснований. По свидетельству Эриха Ляссоты, посетившего Киев в 1594 г., плиты были и на западной стороне хор [15, с. 16]. Следовательно, они должны были находиться на тех местах, где сейчас деревянные ограждения, а также в несуществующей ныне части хор. На основании анализа пространственной композиции Н. И. Бруновым было доказано, что во втором делении (от купола) западной ветви креста первоначально существовали хоры, выходившие в одноэтажную главную часть и имевшие двухэтажную аркаду на столбах [16, с. 135—138]. Эта реконструкция блестяще была подтверждена результатами раскопок М. К. Каргера в 1939 г., когда на участке между крайней западной парой крестчатых столбов были обнаружены нижние части двух восьмигранных столбов, подобных столбам северного и южного нефов [3, с. 144—146]. Следовательно, два крайних к западу рельефа не могли находиться там, где видим их теперь, поскольку не существовало необходимости разгораживать хоры, и поэтому остается допустить, что их первоначальное место теперь занимают деревянные ограждения возле северной и южной тройных аркад. Три рельефа несколько меньших размеров заполняли пролеты между столбами западной тройной аркады. Не исключено, что обломок с розеткой принадлежал одному из них. Обратив внимание на некоторые детали, мы имеем возможность это предположение даже несколько уточнить.

В настоящее время в тройных аркадах северного и южного нефов находятся соответственно по три шиферных плиты с орнаментальной резьбой. В их размещении есть ясно выраженная закономерность: в центре находится плита с централизованным орнаментом, в то время как две фланкирующие плиты его не имеют [3, табл. XXXIV, XXXV]. На первый взгляд остается непонятным помещение в северной части хор, в тройной аркаде центральной плиты, украшенной орнаментальной резьбой с обеих сторон, тогда как соответствующая ей плита в южной части хор этой особенности не имеет. Недоумение может разрешить рассказ Эриха Ляссоты: «Вверху церкви есть галерея, или верхнее отделение церкви; перилы этой галереи, от одного столба до другого, из цельных плит голубоватого камня, с резной отделкой. Из них одна плита, что напротив главного алтаря, имеет круглое отверстие, примерно в пол-локтя, которое теперь заделано известью» [15, с. 16, 17]. Таким образом, место плиты с круглым углублением в центре (рис. 6) оказывается первоначально связанным с несуществующей ныне западной частью хор, а указанное углубление явно предназначено для заполнения инкрустацией, напоминавшей происходящую из ротонды св. Георгия в Фессалонике [17, № 10]. На существование инкрустаций в интерьере Софии Киевской кроме синтрона указывает и фрагмент мраморного архитрава алтарной преграды с изображением птицы [3, рис. 76]. Перемещение шиферной плиты с разрушенной части хор на нынешнее ее место могло быть вызвано скорее всего утратой находившегося там рельефа, может быть, того самого, обломок которого мы рассматриваем.

Своеобразный «репертуар» орнаментальных композиций шиферных рельефов парапетов хор Софии Киевской, как показала М. А. Новицкая, сводится к трем основным типологическим схемам. Среди нецентрализованных композиций можно выделить: имеющие переплетение ремней и вкрапление между ними разнообразных розеток, крестов, вертушек, звезд; с плетением ремней, подразделяющим всю плоскость в горизонтальном и вертикальном направлениях на несколько рядков и образующим маленькие обрамления для различных изображений [13, с. 8]. В соответствии с такой классификацией оба фрагментарно сохранившихся рельефа

Рис. 5. Шиферный рельеф западной аркады (?) хор Софии Киевской

Рис. 6. Шиферный рельеф западной аркады хор Софии Киевской, находящийся ныне в северной аркаде

в лапидарии Софии Киевской, «с разводами и крестиками» (по терминологии Д. В. Айналова), принадлежат к первому типу. Один из них, описанный Д. В. Айналовым под № 9, М. А. Новицкая обозначает как кусок из крещальни (рис. 1), указывая на подобную же плиту в Архитектурном институте, вероятнее всего, именно ту, происхождение которой мы не смогли установить [13, с. 8]. Других украшенных типологически сходной орнаментикой шиферных плит, кроме находящейся в северной части хор Софии Киевской, в тройной аркаде (рис. 7), пока не выявлено. Манера резьбы первой плиты (рис. 1) позволяет в некоторой степени сблизить ее с рельефом в тройной аркаде северной части хор (рис. 7), хотя

при этом нельзя не заметить более низкий профессиональный уровень исполнения.

По аналогии с рельефами парапетов хор Софии Киевской резьбу первой плиты следовало бы рассматривать в горизонтальном положении, но, основываясь на ее размерах (88×57 см) и учитывая наиболее вероятную высоту ограждений внутри храма, надо предположить иное ее положение; об этом же свидетельствует и характер обрамления — наличие более широкого поля с одной стороны. О принадлежности указанного рельефа к одной из частей ограждения хор собора говорить не приходится. Но, как нам кажется, установить функциональное назначение рассматриваемой плиты все же возможно, учтя ее высоту и то обстоятельство, что блок в своей верхней части имеет незначительные утраты, судя по характеру обрамления едва ли превышающие 2—3 см. Размеры и пропорции этой плиты, характер ее орнаментации позволяют видеть в ней принадлежность алтарной преграды, а именно барьера последней. Плита должна была занимать место между колоннами преграды небольшого придела. Представить ее положение помогают византийские алтарные преграды XI—XII вв., такие, как придела св. Николая в Ватопеде на Афоне [18, рис. 19] и церкви монастыря преподобного Мелетия возле Мегары [14, с. 102, 103, табл. LXXIV, № 85]. Так как у нас нет оснований отрицать связь указанной плиты с декором Софии Киевской, ничто не препятствует видеть в ней одну из немногих уцелевших частей алтарных преград приделов, выполненных из местных пород камня, в отличие от мраморной преграды главного алтаря.

В систематизации орнаментальных мотивов киевских шиферных рельефов XI в. М. А. Новицкая не указала аналогий для первой группы нецентрализованных композиций. По поводу высказываний Ф. И. Шмита [19, с. 75, 76] она заметила, что, употребляя свободные округленные плетения и перевивания ремней, мастер не изменяет общему стилю и что между плетениями им помещены лишь стилизованные мотивы, тогда как в византийских, южноитальянских и сицилийских образцах присутствуют реалистические изображения [13, с. 12]. Надо отметить, что и свод византийских образцов художественной резьбы по камню XI—XIV вв. не дает сколько-нибудь близких параллелей, а мотив плетенки фрагмента алтарной преграды св. Софии в Охриде и барельефа балюстрады трибун Сан Марко в Венеции представляет лишь отдельную деталь в совершенно ином контексте [14, табл. XLIII, XLVII]. Характер же плетенки романской пластики совершенно иной [20, табл. 136; 21, с. 197, 198, ил. 428—430]. Аналогии для шиферных рельефов Софии Киевской Н. Е. Макаренко предлагал искать в Охриде и Преславе [11, с. 78]. Но там нет интересующего нас мотива [22, с. 126—160; 23, 90—98]. Характер плетенки здесь напоминает толстый жгут, свитый из двух толстых упругих ремней, которые не прилегают плотно один к другому, образуя при этом зазоры овальной формы. Орнаментальная композиция несколько напоминает разновидность сети с находящимися в ней разнообразными розетками и вписанными в круг равноконечными крестиками. Структура плетенки находит себе аналогию в заставке Синайского Евхологиона [24, рис. 6] и соответственно наряду с другими элементами орнаментального мотива дает возможность судить о родстве этой группы шиферных рельефов с произведениями современного им декоративного искусства Балкан, отмеченного сильными восточнохристианскими воздействиями. При этом становится очевидной и роль книжной орнаментики, которую мастера если и не воспроизводили в камне «буквально», то следовали ее основным мотивам, приспосабливая их к скульптуре.

Шиферная плита, происхождение которой нельзя считать окончательно выясненным (рис. 5), несомненно, принадлежит к тому же кругу изделий, что и рельеф тройной аркады в северной части хор (рис. 7), а также плита, определенная нами в качестве принадлежности алтарной преграды одного из приделов Софии Киевской (рис. 1). Однако отнести безоговорочно к первоначальному пластическому декору интерьера собора ее трудно по той причине, что резьба покрывающего ее орнамента более

плоская. Размер (94×150) уцелевшей части дает представление только о высоте, тогда как установить протяженность плиты в ее первоначальном виде весьма затруднительно, поскольку композиция относится к типу нецентрализованных. Если отмеченная выше уплощенность рельефа является следствием длительного пребывания плиты во дворе Софийского собора, когда вместе с другими плитами она была использована для выстилки земли, то с некоторой долей условности мы можем ее присоединить к числу рельефов не существующей ныне тройной западной аркады, где она могла занимать одно из боковых мест, подобно тому, которое занимает рельеф северной аркады (рис. 7). Итак, мы гипотетически устанавливаем два рельефа из трех первоначально находившихся в западной части хор (рис. 5, 6), один из которых перемещен в северную аркаду взамен разбитого, и от него сохранился лишь кусок нижней части (рис. 4). Остается невыясненной судьба третьего рельефа тройной западной аркады, который должен был иметь нецентрализованную орнаментальную композицию. Единственным фрагментом плиты такого типа, которая могла бы претендовать на подобную роль, является состоящий из трех обломков— тот самый, который Н. Е. Макаренко связывал с церковью св. Ирины [11, с. 84; 3, табл. XXVIII]. Но его слишком свободные ремневидные переплетения резьбы едва ли могли уравновешивать плотную плетенку параллельно установленной плиты (рис. 5). Предполагать же нарушение этого принципа, твердо выдержанного при расстановке плит северной и южной тройных аркад, у нас нет оснований.

Фрагмент большой каменной плиты, состоящий из отдельных кусков, найденных при раскопках на территории двора Софийского собора (рис. 3), относится к числу тех шиферных рельефов, которые в XIX в. были использованы для выстилки земли. По типу орнаментальной композиции он заметно отличается от рельефов парапетов хор Софии Киевской, не имеющих подобной схемы. В ее основе лежат расположенные в один ряд, на некотором расстоянии один от другого, близкие к квадрату прямоугольники с вписанными в них круглыми многолепестковыми розетками, обрамленными весьма широким жгутом, переплетенным против центра каждой розетки; между широкими жгутами параллельно им проложены два более узких. Характер заполнения между прямоугольниками с розетками неясен, поскольку на это место приходится скол рельефа. Исходя из принципа построения композиции, можно предположить существование здесь такого же переплетения широких жгутов. Как было уже отмечено, характер резьбы розетки с заостренными лепестками находит параллель в резьбе обломка шиферного рельефа из Софии Киевской (рис. 4); левая, частично сохранившаяся розетка имеет округленные концы лепестков (ее особенность составляет то, что лепестки не выпуклые, а вогнутые). Восстановить высоту плиты, исходя из известных ее фрагментов, сравнительно нетрудно: для этого к верхней части обрамления надо добавить ширину боковых полей, которая обычно соответствует верхнему полю. Таким путем получаем высоту, немногим превышающую 70 см. Если исходить из того, что композиция рельефа имела две розетки, то протяженность плиты должна составлять около 1 м; предполагать же наличие большего числа розеток — значит приписывать рельефу необычайно вытянутые по горизонтали пропорции. Реконструируемые размеры этой шиферной плиты указывают на ее наиболее вероятное использование в качестве барьера алтарной преграды. Возможно, что рассматриваемая плита относится к числу тех рельефов, которые извлечены из руин, по традиции отождествляемых с церковью св. Ирины. Аналогий такой орнаментальной композиции не дает ни византийская, ни балканская скульптура романизированного круга. Лишь только принцип введения массивных полуваликов обрамления композиций находит далекую аналогию в рельефе XII в. алтарной преграды в Дабравине [25, рис. 53]. Однако проводить между ними параллели рискованно.

Составленный из отдельных кусков небольшой шиферный рельеф (рис. 2) представляет находку, сделанную близ собора при ремонте траншеи газопровода. Его размеры (70×82 см), характер декора и манера

Рис. 7. Шиферный рельеф северной аркады хор Софии Киевской

резьбы определяют и функциональное назначение и принадлежность к той группе изделий, к которой относится предыдущая плита. При всех индивидуальных отличиях, обусловленных прежде всего типом орнаментации, эти два фрагментарно сохранившиеся рельефа вместе с украшенным ремневидными плетениями и с рельефом со сценой борьбы человека со львом образуют один стилистический ряд. По сравнению с шиферными плитами парапетов хор Софии Киевской рельефы этой группы заметно уступают в искусстве пластической обработки камня и отличаются грубоватой выразительностью. Если все эти фрагментарно сохранившиеся изделия относятся к декору церкви св. Ирины, с руинами которой связаны находки резных шиферов, то мы получаем одно из звеньев в развитии киевской скульптуры XI в., следующее за группой софийских рельефов. Во всяком случае, указанный ряд шиферных рельефов имеет ясно выраженные стилистические принципы, отличающиеся от более изысканного стиля рельефов парапетов хор Софии Киевской и близкого им шиферного саркофага из Десятинной церкви, известного как принадлежащий княгине Ольге, хотя это определение более чем сомнительно. Рисунок рельефного изображения на шиферном блоке, несмотря на фрагментарность, достаточно ясен: в круг, образованный тремя рядами ленты, перевитой в четырех местах, вписана восьмилепестковая розетка с довольно плоскими, округленными на концах лепестками. Поскольку существовала необходимость в согласовании круглого обрамления розетки с вытянутой по ширине плитой, резчик ввел по сторонам большого круга две круглых петли, которые, однако, не переходят в прямоугольную окантовку плиты, а сливаются с внутренней полоской. Этот шиферный рельеф, как и предыдущая плита, может быть определен в качестве принадлежности алтарной преграды. Больше ничего сказать о нем пока не можем, хотя со временем, может быть, удастся обнаружить новые фрагменты, которые помогут прояснить положение этого рельефа и подобных ему изделий [1].

[1] Выражаю сердечную благодарность дирекции Гос. архитектурно-исторического заповедника «Софийский музей» за предоставленную мне возможность изучать рельефы в лапидарии, а также за предоставление публикуемых фотоснимков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асеев Ю. С.* Орнаменты Софии Киевской. Киев: Мистецтво, 1949.
2. *Асеев Ю. С.* Мистецтво стародавнього Киэва. Київ: Мистецтво, 1969.
3. *Каргер М. К.* Древний Киев, т. II. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
4. *Айналов Д. В.* Мраморы и инкрустации Киево-Софийского собора и Десятинной церкви.— Тр. XII АС, 1905, т. III.
5. *Антонович В. Б.* Обозрение предметов великокняжеской эпохи, найденных в Киеве и ближайших его окрестностях и хранящихся в Музее древностей и в Мюнцкабинете Университета св. Владимира.— Киевская старина, 1888, т. XXII.
6. *Каневский К.* О древней киевской церкви св. Ирины, созданной великим князем киевским Ярославом Владимировичем.— ЖМНП, 1836, дек. ч. XII.
7. *Закревский Н.* Описание Киева, ч. I. М., 1868.
8. Указатель Выставки при III АС в Киеве 1874 г. 2—22 августа. Киев, 1874.
9. Каталог выставки XI АС в Киеве. Киев, 1899.
10. *Эрнст Т.* К раскопкам у памятника св. Ирины.— В кн.: Юбилейный сборник статей Студенческого историко-этнографического кружка при Университете св. Владимира. Киев, 1914.
11. *Макаренко М.* Скульптура и різбярство Київської Руси передмонгольських часів.— В кн.: Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва. Т. I. М.— Київ, 1930.
12. *Воронин Н. Н.* Историко-архитектурные заметки.— СА, 1957, № 2.
13. *Новицкая М.* Орнаментальная резьба так называемых шиферных изделий великокняжеской эпохи в Киеве.— Acta historiae artium, t. XXV. Budapest, 1979.
14. *Grabar A.* Sculptures byzantines du Moyen Age. T. II (XIe — XIVe siècle). P., 1976.
15. Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874.
16. *Брунов Н. И.* К вопросу о первоначальном виде древнейшей части Киевской Софии.— ИГАИМК, 1927, т. V.
17. Byzantine Art an European Art. Athens, 1964.
18. *Кондаков Н. П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902.
19. *Шмит Ф. И.* Искусство древней Руси — Украины. Харьков, 1919.
20. *Baut J.* Romanische Baukunst in Frankreich. Stuttgart, 1910.
21. Dzieje sztuki polskiej. T. 1. Warszawa, 1973.
22. *Петров К.* Декоративна пластика во Македони а во XI и XII век.— Годишен зборник Филозофског факултета на Универзитетот. Кн. 14. Скопје, 1962.
23. История на българского изобразително изкуство. Т. I. София, 1976.
24. *Каринский Н.* Образцы глаголицы. Спб., 1908.
25. *Максимовић Ј.* Српска средњевековна скулптура. Нови Сад, 1971.

V. G. Putsko

SLATE RELIEFS IN THE SOPHIA OF KIEV CATHEDRAL

Summary

The study of five slate reliefs carrying ornamental compositions obtained from the Sophia Cathedral in Kiev related two of them (with a tressing design and a fragment with a rosette) to the embellishments of the platforms in the cathedral. The author also discusses the question of their primary location and forwards a supposition on the purpose of slabs from the now non-existent western part of the tribunes. A small relief damaged in its upper part is considered to be a section of the altar barrier in a side-chapel. Two slate reliefs discovered in the cathedral yard form a separate group tentatively associated with the St. Irina Church, its ruins neighboured on the Sophia Cathedral. Functionally they are attributed to an altar barrier.

ДЕМИЧЕВА Н. Н.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ НОВГОРОДСКОГО ЗОДЧЕСТВА XII — НАЧАЛА XIII В. ПО ДАННЫМ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ФОРМАТА КИРПИЧА

Задача настоящей работы — рассмотреть некоторые вопросы развития каменного строительства в новгородских землях на основе данных об эволюции формата кирпича. Методологической основой послужила статья П. А. Раппопорта, в которой убедительно доказано, что в смоленской школе зодчества XII — начала XIII в. эволюция формата плинфы связана с возрастом возведенной из нее постройки [1, с. 83—93]. Эта статья позволяет поставить вопрос о возможности существования общерусской закономерности изменения размеров кирпича в домонгольскую эпоху. В данной работе осуществлена попытка проследить подобную зависимость в новгородской школе зодчества XII — начала XIII в. Эта задача облегчалась наличием таблицы средних размеров кирпичей новгородских построек XII — 40-х годов XIII в., составленной Г. М. Штендером [2, с. 443], и его вывода о том, что плинфа новгородских храмов в общем подчиняется закономерности, выведенной П. А. Раппопортом для Смоленска. Однако Г. М. Штендером не проведен графический анализ, в его таблицу не включены размеры кирпичей из кладки храмов Пскова и Ладоги. Помимо этого, археологические исследования новгородских памятников последних лет позволяют дополнить эту таблицу (в частности, форматами плинфы церкви Ивана на Петрятине дворе 1127 г., церкви Ивана на Торговище 1184 г., церкви Пантелеймона 1207 г.) [1] (таблица).

Для проверки эволюции формата плинфы новгородских храмов по образцу, предложенному П. А. Раппопортом [1, с. 85], был построен график (рис. 1). На горизонтальной оси откладывается длина кирпича, на вертикальной — ширина. В идеале формат кирпича на графике должен быть представлен в виде точки пересечения проекций его длины и ширины, но, так как эти размеры, как правило, могут быть определены лишь в диапазоне 1—2 см, точка на графике превращается в прямоугольник. Из удобства он может быть заменен ромбом, фиксирующим минимальный и максимальный размер. Основной формат [2] далеко не всегда бывает средним арифметическим между минимальным и максимальным, поэтому, ориентируясь на центр ромба, нельзя все-таки считать его искомой точкой. П. А. Раппопорт считает, что при определении даты постройки с помощью шкалы необходим допуск на погрешность (±10 лет от установленной датировки). Принимая во внимание, что размах ромба обычно на графике воплощается в 15—20-летний промежуток, можно считать этот отрезок времени уже с допуском на погрешность. Экспериментальная проверка показала, что практически все датировки новгородских построек находятся на шкале в промежутке между проекциями минимальных и максимальных размеров плинф.

После того как на график нанесены все известные размеры плинф, необходимо эмпирически найти ось хронологии, проведя ее через области

[1] Данные о форматах плинфы этих храмов были любезно сообщены автору руководителем экспедиции д-ром истор. наук П. А. Раппопортом. В результате исследований экспедиции было выяснено, что упомянутая в летописи церковь Ивана на Торгу 1184 г.— это перестроенная церковь Ивана 1127 г.

[2] Основной формат кирпича (в отличие от дополнительного или половинного) устанавливается при помощи несложных диаграмм на основании обмеров двух-трех десятков плинф.

Датировка памятников новгородского зодчества XII – начала XIII в. по формату кирпича

№ пп.	Памятник	Размер плинфы, см			Диапазон датировки* по шкалам:			Дата по летописи
		длина	ширина	толщина	А	Б	В	
1.	ц. Благовещения на Городище	35–38	20–23	4,0–5,5	1103–1133	1103–1128		1103
2.	Николо-Дворищенский собор	35–37	21–22	4,5–5,0	1113–1133	1112–1128		1113
3.	Собор Антониева монастыря	32,5–35	21–22,5	4,5–5,0	1125–1150 (1135)	1128–1148 (1138)		1117–1119
4.	Собор Юрьева монастыря	35,5–38	21,5	4,5–5,0	1108–1125 (1118)	1103–1123		1119
5.	ц. Иоанна на Опоках	35–36	22–24	5,0–5,5	1115–1127	1119–1128		1127
6.	ц. Успения на Торгу	32–34	21–22	4,5–5,0	1133–1153	1135–1153		1135
7.	ц. Бориса и Глеба в Детинце	30,5–31	19–21	4,0–5,0	1160–1170		(1165)	1167
8.	ц. Благовещения на Мячине	26,5–28,5	18	4,5–5,2	1186–1200		(1183)	1179
9.	ц. Ивана на Торговище	27–28	18–19	4,0–4,5	1186–1198		(1190)	1184
10.	ц. Петра и Павла на Синичьей горе	27–29	17–18,5	4,5–5,0	1182–1200		(1185)	1185–1192
11.	ц. Успения в Аркажах	27–29	17–17,5	4,0–4,5	1185–1200		(1189)	1188
12.	ц. Воскресения на Мячине	27–29	17–19	4,0–4,5	1180–1202		(1190)	1195
13.	ц. Спаса на Нередице	26–27	17–18	4,5–5,0	1198–1208		(1198)	1198
14.	ц. Ильи на Славне	27	17,5–18,5	4,5	1195–1200		(1200)	1198
15.	ц. Пантелеймона	26	17–19	3,5–4,5	1203–1208		(1207)	1207
16.	ц. Параскевы Пятницы	26–27	18–19	4,0–5,0	1195–1205		(1207)	1207
17.	ц. Рождества в Перыни	24,5–26	18–20	4,0–5,5	1198–1218		(1215)	
18.	ц. Спаса в Ст. Руссе	26–27	17,5–18,5	4,5	1195–1200		(1198)	1198
19.	Ивановский собор в Пскове	34,5–36,5	22–23	4,5–6,0	1112–1128 (1122)	1115–1132 (1123)		
20.	Спасо-Мирожский собор в Пскове	33–35	21,5–22,5	5,5–6,0	1125–1145 (1135)	1128–1143 (1136)		
21.	ц. Дмитрия Солунского в Пскове	31,5–33	23–24	5,0	1135–1150 (1143)	1143–1158		1144
22.	ц. Климента в Ст. Ладоге	32–33,5	20,5–21,5	4,7–5,0	1137–1155	1145–1153		1153
23.	ц. Успения в Ст. Ладоге	30–32,5	17–18	4,5	1160–1180		(1160)	
24.	ц. Георгия в Ст. Ладоге	30–31	17–19	4,5–5,5	1165–1180		(1168)	
25.	ц. Спасса в Ст. Ладоге	31	18	5	1168	1163		

* В скобках указана приблизительная датировка по соответствующей шкале.

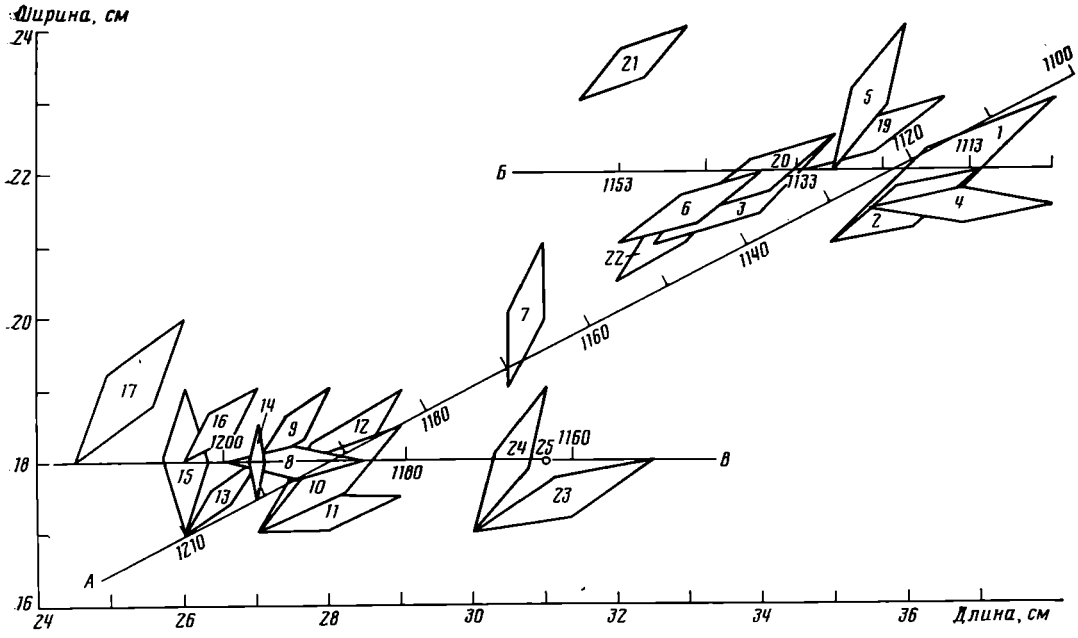


Рис. 1. Шкала датировки памятников Новгородского зодчества XII — начала XIII в. по формату кирпича. *1* — форматы плинфы ц. Благовещения на Городище; *2* — Николо-Дворищенского собора; *3* — Собора Антониева монастыря; *4* — Собора Юрьева монастыря; *5* — ц. Иоанна на Опоках; *6* — ц. Успения на Торгу; *7* — ц. Бориса и Глеба в Детинце; *8* — ц. Благовещения на Мячине; *9* — ц. Ивана на Торговище; *10* — ц. Петра и Павла на Синичьей горе; *11* — ц. Успения в Аркажах; *12* — ц. Воскресения на Мячине; *13* — ц. Спаса на Нередице; *14* — ц. Ильи на Славне; *15* — ц. Пантелеймона; *16* — ц. Параскевы Пятницы; *17* — ц. Рождества в Перыни; *18* — ц. Спаса в Старой Руссе; *19* — Ивановского собора в Пскове; *20* — Спасского собора Мирожского монастыря, *21* — ц. Дмитрия Солунского в Пскове; *22* — ц. Климента в Старой Ладоге; *23* — ц. Успения в Старой Ладоге; *24* — ц. Георгия в Старой Ладоге; *25* — ц. Спаса (по Н. Е. Бранденбургу) в Старой Ладоге

максимального скопления точек (ромбов), обозначающих формат кирпича. Как и в Смоленске, линия эволюции формата кирпича в Новгороде вырисовывается довольно четко, хотя некоторые группы памятников выстроены из плинфы приблизительно одного формата (особенно это относится к постройкам, разделенным небольшими промежутками времени).

Найденная ось проградуирована, т. е. разбита на 10-летние отрезки в соответствии с известными датировками. Для этой цели удобнее всего взять самую раннюю и самую позднюю датированные постройки (Благовещенскую церковь 1103 г. и храмы Пятницы и Пантелеймона 1207 г.). Разбивка была откорректирована по датам других известных построек (Никольского собора 1113 г., Борисоглебской церкви 1167 г., церкви Успения в Аркажах 1188 г. и др.). Построенная шкала была проверена всеми известными датированными памятниками (таблица).

Итак, в Новгороде почти все памятники датируются в соответствии со шкалой. Исключение составляют лишь Рождественский собор Антониева монастыря и церковь Благовещения на Мячине, но эти разночтения не являются препятствием для вывода о том, что в целом новгородские памятники подчиняются закономерности, характерной для Смоленска: в среднем каждые 10 лет, начиная с 1103 г.[3], длина кирпича уменьшалась на 1.2 см, а ширина — на 0,55 см, т. е. угол наклона линии эволюции к оси длины составляет 40°, а величина 10-летнего деления при сравнении со смоленской шкалой, выполненной в том же масштабе, больше на 0,25.

Изучая таблицу, можно не только сделать вывод о закономерности изменения формата кирпича, но и высказать некоторые предположения относительно организации строительного производства в Новгороде. Ана-

[3] София Новгородская не включена в таблицу, так как принадлежит южнорусской строительной традиции.

лизируя рис. 1, нетрудно заметить, что во второй половине XII в. при четко выраженной тенденции уменьшения формата кирпича некоторые памятники, близкие по датировке, имеют почти одинаковые размеры плинф, т. е. различные размеры кирпича четко соответствуют определенным периодам времени и одинаковы для всех памятников одного периода:

(30—32)×(17—19)×5	ц. Успения в Ладоге
	ц. Георгия в Ладоге
	ц. Спаса (по Бранденбургу)
(27—29)×(17—19)×5	ц. Благовещения на Мячине 1179 г.
	ц. Ивана на Торгу 1184 г.
	ц. Петра и Павла 1185—1192 гг.
	ц. Успения в Аркажах 1189 г.
	ц. Воскресения на Мячине 1196 г.
(26—27)×(17—18)×4,5	ц. Спаса на Нередице 1198 г.
	ц. Спаса в Старой Руссе 1198 г.
	ц. Ильи на Славне 1201 г.
	ц. Параскевы Пятницы 1207 г.
	ц. Пантелеймона 1207 г.

В первой же половине века (особенно в первой трети) это сходство, хотя и не столь разительное (в основном касающееся толщины кирпича), объединяет памятники разных годов постройки:

(35—38)×(21—23)×(4,5—5,5)	ц. Благовещения на Городище 1103 г.
	Николо-Дворищенский собор 1113 г.
	Георгиевский собор Юрьева монастыря 1119 г.
(35—36)×(22—24)×(5,0—5,5)	ц. Ивана на Опоках 1127 г.
(33—36)×(22—24)×(4,5—6,0)	Ивановский собор в Пскове
4,5—6,0	Троицкий собор в Пскове
(33—35)×(23)×(5,5—6,0)	Спасский собор Мирожского монастыря
(33—35)×(20,5—22)×(4,5—5,0)	Рождественский собор Антониева монастыря 1117 г.[4]
22,5×7,5	
(32—34)×(21—22)×(4,5—5,0)	ц. Успения на Торгу 1135 г.

Объясняется этот факт для памятников первой и второй половины XII в. не совсем одинаково, хотя связан и в том и в другом случае с системой производства плинфы. Он, возможно, свидетельствует о том, что начиная с последней четверти XII в. изготовители плинф выделились из строительной артели и работали на заказ. В начале же века различная формовка кирпичей из кладки почти синхронных памятников указывает на то, что их делали различные мастера, т. е., что в это время в Новгороде работали две самостоятельные строительные артели[5]. Это предположение подтверждается и сравнением архитектурных особенностей памятников первой половины XII в. С достаточной долей уверенности к постройкам одной артели, работавшей по заказам князя, можно отнести церковь Благовещения на Городище 1103 г., Николо-Дворищенский собор 1113 г. и Георгиевский собор Юрьева монастыря 1119 г.

Эти здания объединяет целый ряд свойственных только им признаков (в рамках новгородского зодчества первой половины XII в.), например наличие в интерьере шести мощных крещатых в плане столбов. Церковь Благовещения и собор Юрьева монастыря объединяет наличие квадратной в плане лестничной башни у северо-западного угла (в Никольском соборе, вероятно, ее отсутствие было обусловлено наличием непосред-

---

[4] Обмеры П. А. Раппопорта в Рождественском соборе Антониева монастыря выявили наличие двух форматов кирпича в его кладке — более толстого и меньшего, сходного по размеру с плинфой церкви Успения на Торгу 1135 г. Так как обмеры проводились в западной, достроенной части здания, ее возведение, вероятно, можно датировать концом 20-х — 30-ми годами XII в.

[5] Л. А. Беляев высказывает мнение о том, что в XII в. в Новгороде появляются две строительные артели — княжеская и монастырская, а с конца XII в. формируются свободные наемные строительные артели. В состав артели, по его мнению, входили архитекторы, плинфотворители, каменщики, штукатуры, даже плотники и гончары [3]. А. И. Комеч придерживается иной точки зрения, он считает, что в начале XII в. в Новгороде работала одна архитектурная артель, в творчестве которой различаются две тенденции [4, с. 45—62].

ственного перехода во дворец). Церковь Благовещения и Николо-Дворищенский собор объединяются аналогичным решением западной части, когда западные столбы связаны с боковыми стенами простенками, образуя нартекс. В Благовещенской церкви, соборе Юрьева монастыря и Николо-Дворищенском соборе одинаково решена алтарная часть — апсидные выступы с заплечиками придают апсидам слегка подковообразные очертания в плане. Помимо решения алтаря, соборы 1113 и 1119 гг. объединяет организация фасадов. Все прясла (за исключением центрального креста) и апсиды членились четырьмя горизонтальными рядами двухуступчатых ниш и окон (в первом и третьем ярусах — ниш, во втором и четвертом — окон), пропорции которых в обоих храмах одинаковы. Исключение составляет лишь верхний ряд окон Георгиевского собора, вытянутых за счет увеличения высоты храма. Как в Георгиевском, так и в Николо-Дворищенском соборе боковые прясла имеют одинаковую ширину. Северные и южные центральные прясла в обоих соборах решены одинаково: над порталами располагаются по две пары окон, причем верхние пары не нарушают горизонтального ряда верхних окон, повторяя их размеры, а нижние пары располагаются несколько выше нижнего пояса окон. Неизвестно, к сожалению, решение западного фасада Никольского собора, а в Георгиевском соборе центральное прясло напоминает центральные членения северного и южного фасадов, только количество окон или ниш (нижний ряд окон здесь заменен нишами, так как он находится на уровне сводов хор) в каждом ряду увеличивается до трех, вторя тройным окнам центральной апсиды. В обоих соборах арки закомар украшены рядами кирпичных зубцов, выложенных из пятиугольного лекального кирпича. Такое же украшение повторяется и на кокошниках барабанов [5, с. 79—85; 6, с. 186—191]. Объединяет эти храмы и наличие развитых хор.

Однако только эти признаки сходства, без привлечения особенностей техники, могут свидетельствовать и о том, что постройкой этих храмов просто руководил один и тот же зодчий, в данном случае мастер Петр. Но, как уже указывалось, для названных памятников характерен и особый формат кирпича (35—38) × (21—23) × (4,5—5,5) см, отличный по длине и, что особенно важно, по толщине от плинфы других построек этого времени. Кроме того, памятники 1113 и 1119 гг. сближает и система кладки сводов — преимущественно из плинфы, лишь с небольшим добавлением камня, в отличие от собора Антониева монастыря [6, с. 188]. Эти технические особенности перечисленных построек служат доказательством работы единой артели строителей, которую, очевидно, возглавлял мастер Петр. Возможно, церковь Ивана на Опоках 1127 г. строилась под руководством мастера той же артели[6].

Деятельность второй новгородской артели связана с Антониевым монастырем. Долгое время в литературе обсуждался вопрос, является ли собор Рождества Богородицы 1117—1119 гг. произведением мастера Петра, пока, наконец, новгородские реставраторы не произвели более полного исследования собора [7, с. 233, прим. 52]. Стало ясно, что этот храм строили совсем не те мастера, что Юрьев монастырь. Интересно проследить отличия Антониева собора от Георгиевского, которые заметны во всех уровнях. В художественно-конструктивном [7, с. 233, прим. 52]: 1) это был четырехстолпный одноглавый храм без хор и палаток; 2) восточные столбы Т-образные, западные — восьмигранные; 3) каменные «капители» на стыке столбов (лопаток) и сводов (арок); 4) совершенно иной декор фасадов — вместо чередующихся рядов уступчатых ниш и окон — редкие окна в тимпанах закомар. В технически-производственном: 1) «кладка отличается чрезмерной грубостью скошенных углов и линий» [8, с. 351]; 2) плинфа двух форматов (встречается кирпич 35 × (20,5—

[6] Об этом свидетельствует сходство планов церкви Ивана и Никольского собора (шестистолпные постройки без лестницы на хоры в западной стене) и то, что в 1127 г. вторая артель была занята строительством каменной трапезной Антониева монастыря.

22)×5 см и более толстый — до 7,5 см), по длине кирпич меньше плинф рассмотренной выше группы храмов, доходящих в длину до 38 см.

Однако одна постройка еще не является доказательством существования самостоятельной артели. А. И. Комеч считает, что ее могли строить те же зодчие, которые возводили Николо-Дворищенский и Георгиевский соборы, но опираясь на необученные монастырские кадры рабочих [4, с. 60]. Более вероятным представляется другой вариант.

Проведенное по формату кирпича исследование позволяет датировать все четыре известных домонгольских псковских храма (Ивановский собор, первый Троицкий собор, Спасский собор Мирожского монастыря и церковь Дмитрия Солунского) первой половиной, а точнее, 20—50-ми годами XII в.[7] Встает вопрос: кто возводил эти постройки?

Технологическое сравнение кирпичей псковских храмов убеждает в том, что все они изготовлены в одной мастерской. Как видно на рентгенограммах плинфы Троицкого, Дмитриевского, Ивановского соборов, кирпичи изготовлены из плохо промешанной глины, иногда с включением кирпичной крошки. В изломе встречаются пустоты и угольки. Обожжены плинфы одинаково, почти все деформировались при обжиге[8]. Техника кладки в сохранившихся соборах и обнаруженных фрагментах стен Дмитриевской церкви идентична — чередование рядов кирпича и известняковой плиты, скрепленных известково-цемяночным раствором. Эти факты свидетельствуют о том, что в Пскове работала одна архитектурно-строительная артель, тесно связанная с новгородской строительной традицией. Некоторые детали позволяют предположить, что это артель Антониева монастыря.

Окончательно решить этот вопрос можно, сравнив анализы теста плинфы Антониева собора, кирпичей артели мастера Петра и псковских построек. Однако рентгенография плинф новгородских памятников, к сожалению, пока не проводилась. Формат же плинфы собора Рождества Богородицы сходен с размерами кирпича псковских построек (рис. 1). Плинфы Рождественского собора и всех четырех домонгольских храмов Пскова четко выделяются в отдельную группу не только по размерам постелистой части, но и по толщине. Хотя толщина кирпича этих построек уже не доходит до 7,5 см, как в Рождественском соборе, но все равно превышает толщину плинфы из кладки княжеских храмов.

От Троицкого собора в Пскове не осталось ничего, кроме плана здания XIV в., построенного «по основе» собора XII в.[9], и осколков плинфы, обнаруженных экспедицией Государственного Эрмитажа. План собора характерен для новгородских построек начала XII в.: ближайший его аналог — план собора Ивановского монастыря[10]. Сходство обнаруженных фрагментов плинфы (толщина, рентгенограмма) с кирпичами других псковских храмов позволяет, не отвергая возможности перестройки собора в конце XII в., утверждать, что собор Всеволода существовал. П. А. Раппопорт не отрицает возможности того, что собор первоначально был построен в первой половине XII в. новгородскими зодчими, а в конце XII в. перестроен или заново возведен уже смоленскими мастерами [10, с. 371]. Ивановский собор в плане, а возможно, и в объемно-пространственном решении повторял Троицкий, поэтому для сравнения с собором Рождества Богородицы можно ограничиться им.

---

[7] Обмеры кирпичей Ивановского собора проводились автором и архитектором-реставратором ПСНРПМ С. П. Михайловым. Обмеры плинфы Спасского собора проводились автором совместно с сотрудником Псковского историко-архитектурного музея-заповедника И. И. Лагуниным. Кирпичи Дмитриевской церкви и фрагменты плинф Троицкого собора, обнаруженные экспедицией Государственного Эрмитажа, были любезно предоставлены автору для обмеров руководителем экспедиции В. Д. Белецким.

[8] Автор приносит благодарность В. Д. Белецкому за ознакомление с рентгенограммами плинф.

[9] Н. Н. Воронин датировал первый Троицкий собор концом XII в., тогда как летопись относит его ко времени княжения Всеволода (до 1137 г.) [9, с. 257—316].

[10] Булкин В. А. Троицкий собор в Пскове.— Доклад на VII научной сессии исторического факультета ЛГУ «Проблемы отечественной и зарубежной истории», 14.II.1978.

Общая композиция псковских храмов близка не первоначальному, а уже перестроенному Рождественскому собору, ее выбор зависел не от мастеров, а определялся заказчиком. Черты сходства Ивановского и Антониева соборов: 1) близкий образный строй и разбивка плана (особенно в сравнении с перестроенным Рождественским собором); 2) Т-образные столбы восточной подкупольной пары и восьмигранные — западной; 3) в оформлении фасадов — немногочисленные окна в тимпанах закомар и нижних частях прясел; 4) известняковые плиты-«капители» на стыках столбов и арок; 5) отсутствие лопаток в интерьере, подобно достроенной части Антониевского собора. Таким образом, предположение о том, что псковские постройки возводила артель Антониева монастыря, небезосновательно.

При строительстве церкви Дмитрия Солунского была повторена плановая схема четырехстолпного храма, найденная еще в 1117 г. Четвертая домонгольская постройка Пскова, Спасский собор Мирожского монастыря, судя по формовке плинфы (многоформатность[11], значительная толщина), также ближе к собору Антониева монастыря, чем к другим новгородским постройкам начала XII в. На основании графика (рис. 1, шкала Б), правда, уже с меньшей вероятностью к постройкам артели можно отнести и церковь Успения на Торгу 1135 г. в Новгороде. Сделать такое предположение позволяет и аналогичное решение планов Ивановского собора в Пскове и церкви Успения на Торгу (это шестистолпные трехапсидные постройки с лестницей в западной стене)[12]. Кроме того, как отмечал В. Д. Белецкий, церковь Дмитрия Солунского — сокращенный четырехстопный вариант церкви Успения на Торгу с идентичным решением алтарной части, когда восточные столбы смыкаются с перегородками между апсидами, и без лопаток [11, с. 272—278].

Таким образом, анализ формата и технологических параметров плинфы, а также архитектурно-конструктивных особенностей памятников свидетельствует о том, что в Новгороде в первой половине XII в. существовали две строительные артели, одна из которых, княжеская, продолжая южнорусскую традицию, под руководством мастера Петра возвела церковь Благовещения на Городище 1103 г., Николо-Дворищенский собор 1113 г., Георгиевский собор Юрьева монастыря 1119 г. Другая, монастырская, выполняла также заказы князя и митрополита[13]. К ее постройкам с той или иной долей уверенности можно отнести Рождественский собор Антониева монастыря 1117 г., Ивановский и Троицкий соборы в Пскове, монастырскую трапезную 1127 г. и перестройку собора Рождества Богоматери[14], церковь Успения на Торгу 1135 г., Спасский собор Мирожского монастыря, церковь Дмитрия Солунского 1144 г. в Пскове. Эта артель, сформировавшаяся на новгородской почве, но работавшая в основном в Пскове, заложила основы новгородского зодчества второй половины XII в.

Для плинфы памятников первой половины XII в. характерна устойчивая ширина (около 22 см для артели мастера Петра и около 23 см для второй артели), поэтому линию эволюции формата кирпича построек этого времени можно представить на графике в виде горизонтали (рис. 1, шкала Б). Точно проградуировать эту шкалу сложно в связи с широкими диапазонами размеров плинфы (осуществленная попытка, возможно, покажется спорной), но очередность возведения храмов прослеживается довольно четко.

---

[11] К сожалению, обмеры плинф Спасского собора крайне немногочисленны, поэтому окончательного вывода на их основании сделать нельзя.

[12] Археологического вскрытия церкви Успения пока не проводилось, возможно, будущие исследования уточнят или опровергнут этот тезис.

[13] Троицкий собор был княжеской постройкой, а Спасо-Мирожский собор возведен по инициативе Нифонта.

[14] Отмеченное сходство форматов плинфы из кладки западной части Рождественского собора и церкви Успения на Торгу позволяет сделать предположение о том, что достройка собора Антониева монастыря проводилась вслед за возведением монастырской трапезной, т. е., вероятно, между 1127 и 1135 гг.

Важным звеном в развитии новгородской архитектуры XII в. является ладожское строительство. О том, что Климентовская, Успенская, Георгиевская, Спасская церкви Ладоги принадлежат домонгольскому времени и новгородской школе, свидетельствует техника их постройки — чередование плитняка и плинфы, скрепленных известково-цемяночным раствором. Летописью датируется только один ладожский храм — Климентовская церковь: «В лето 6661 (1153 г.) иде боголюбивый Нифонт в Ладогу и заложи церковь камяну святого Климента» [12, с. 139].

Форматы плинфы трех других ладожских построек (Успенской, Георгиевской и Спасской церквей) очень близки друг другу и относятся (рис. 1) к концу 50-х — 60-м годам XII в.[15] Судя по размеру кирпича, Успенский собор — самый ранний из них храм (конец 50-х — начало 60-х годов), он превосходит по размерам другие подобные ему ладожские постройки. Георгиевский собор был возведен в середине 60-х годов. Еще В. Н. Лазарев высказал предположение о его сооружении в 1164 г. в честь победы над шведами, одержанной под стенами Ладоги. Это предположение подтверждается и датировкой по кирпичу [14].

Сходство планов Климентовской церкви и Спасо-Мирожского собора[16], а также близость планов Дмитриевской церкви в Пскове и остальных ладожских построек (четырехстолпных, одноглавых, с тремя полукруглыми апсидами, лестницей в западной стене, палатками в западных углах, прямоугольными столбами и без лопаток в интерьере) убеждает в преемственности зодчества Пскова и Ладоги. Но мастера здесь работали уже другие. Об этом свидетельствует анализ теста плинфы церкви Климента, которое в отличие от псковского «представляет собой плотную крепкую массу с незначительной примесью мелкого песка, хорошо вымешанную, хотя и сохранившую некоторую слоистость» [15, с. 51]. Кирпичи остальных ладожских построек близки по своим технологическим параметрам плинфе Климентовского храма.

Особенность технологии изготовления кирпича, а также устойчивое повторение одного типа здания даже без значительных расхождений в размерах свидетельствует о том, что в Ладоге работала самостоятельная артель мастеров, создавшая пять великолепных построек, четыре из которых явились дальнейшим развитием того типа храма, который будет господствовать в Новгороде в конце XII в.[17]

Постройки Ладоги — естественное звено в эволюции новгородского храма. Ясен типологический ряд: собор Антониева монастыря — церковь Дмитрия Солунского в Пскове — Успенская церковь и ряд ей подобных построек Ладоги — новгородские церкви конца XII в., в основе которого лежит вычленение основной конструктивной ячейки крестово-купольного храма. И во временном отношении ладожское зодчество является связующим звеном между архитектурой первой половины и конца XII в.

На графике (рис. 1) заметно, что размеры кирпича новгородских памятников конца XII в. меняются не столько по ширине, сколько по длине. Основная ширина плинфы (около 18 см) характерна для всех памятников. Поэтому вторую дополнительную ось эволюции (шкалу В), как и для памятников первой половины XII в., можно представить в виде горизонтали. Датировки по этой оси, проградуированной по размерам кирпича церкви Петра и Павла на Синичьей горе 1185 г. и церкви Пантелеймона 1207 г., совпадают с летописными (таблица). Ширина кирпичей ладожских построек также равна 18 см. Поэтому их проекции лежат на продолжении оси В. Датировка храмов Ладоги по этой шкале не противоречит выводу о том, что ладожское строительство относится

---

[15] Обмеры кирпичей Успенского и Георгиевского соборов проводились автором, а размер плинфы Спасской церкви (по Н. Е. Бранденбургу) известен лишь по данным А. А. Суслова (перевод из вершков) [13].

[16] Со слов П. А. Раппопорта, руководителя экспедиции, осуществившей в 1979—1980 гг. археологическое вскрытие Климентовской церкви.

[17] Возможно, этой новой артелью руководил мастер, начинавший в Пскове, так как Климентовская церковь вплоть до деталей повторяет уже, правда, перестроенный Спасо-Мирожский собор.

к 50–60-м годам XII в. (найденная при градуировании на новгородском материале цена деления сохраняется). Этот факт подтверждает предположение о связи архитектуры Ладоги с новгородским зодчеством конца XII в.

Итак, эволюция формата плинфы построек новгородской школы происходила несколько иначе, чем в Смоленске, где, очевидно, сохранялась непрерывная традиция плинфотворения. Если в целом на протяжении XII — начала XIII в. благодаря уменьшению и длины, и ширины кирпича изменение размеров плинфы в Новгороде протекало так же, как в Смоленске, то в первой и во второй половине XII в., взятых отдельно, уменьшение размеров кирпича шло в основном за счет длины, а ширина резко сократилась лишь в середине века[18]. Это связано с перерывом в строительной традиции, когда деятельность псковско-новгородской артели завершилась, а деятельность ладожской еще не началась, и с иной, чем в Смоленске, системой организации труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Раппопорт П. А.* Метод датирования памятников смоленского зодчества по формату кирпича.— СА, 1977, № 2.
2. *Штендер Г. М.* Таблица средних размеров кирпича новгородских построек XII — 40-х гг. XIII в.— Памятники культуры. Новые открытия. 1977. М., 1978.
3. *Беляев Л. А.* Архитектура древней Руси (конец X — начало XIII в.) по данным археологии: Автореферат канд. дис. М.: МГУ, 1975.
4. *Комеч А. И.* Два направления в новгородской архитектуре начала XII в.— В кн.: Средневековое искусство: Русь. Грузия. М.: Наука, 1978.
5. *Каргер М. К.* Памятники древнерусского зодчества (новые архитектурно-археологические исследования в Новгороде).— ВАН, 1970, № 9.
6. *Штендер Г. М.* Николо-Дворищенский собор. Соборы Антониева и Юрьева монастырей.— В кн.: Новгород. К 1100-летию города. М., 1964.
7. *Каргер М. К.* Новгород. Л.: Искусство, 1980.
8. *Штендер Г. М.* Новгородское зодчество. Работы новгородской реставрационной мастерской за 20 лет.— В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М.: Наука, 1968.
9. *Воронин Н. Н.* У истоков русского национального зодчества.— Ежегодник Института истории искусств. 1952. М., 1952.
10. *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска. Л.: Наука, 1979.
11. *Белецкий В. Д.* Клейма и знаки на кирпичах XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове.— СА, 1971, № 2.
12. Новгородская летопись. СПб., 1888.
13. *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1896.
14. *Мильчик М. И.* Церковь Георгия в Старой Ладоге.— СА, 1979, № 2.
15. Старая Ладога. Л.: Искусство, 1948.

N. N. Demicheva

EVOLUTION OF PLINTH SIZES AS A SOURCE ON THE HISTORY OF 12TH-EARLY 13TH-CENTURY NOVGORODAN ARCHITECTURE

Summary

The author takes as her subject the interdependence between plinth sizes and the age of architectural monuments in Novgorod, Pskov and Staraya Ladoga. She comes to the conclusion that plinth sizes in Novgorodan buildings and, to a lesser degree, in buildings in Staraya Ladoga, changes along the same lines as those in the monuments of the Smolensk District, which indicates that Russian architecture of the pre-Mongol period developed along common lines.

[18] Интересно, что резкий перепад ширины сопровождался сохранением длины кирпича за счет своеобразного промежуточного звена — плинфы церкви Дмитрия Солунского и Климентовской церкви.

Заметки

АРЕФЬЕВ В. А.

ЗООМОРФНЫЕ МОТИВЫ ОФОРМЛЕНИЯ КРАЯ СОСУДОВ СО СТОЯНКИ ПОЛУДЕНКА I

Многие археологи отмечают наличие в неолите Зауралья зооморфных рельефных изображений на краю сосудов [1, с. 94; 2, с. 157, 162; 3, с. 26—30]. Также имеются упоминания о редуцированных головках [3, с. 26—30], которые, однако, не были еще объектом специального исследования. Нами были рассмотрены материалы стоянки Полуденка I (раскопки О. Н. Бадера, 1944—1946 гг., Н. Н. Кипарисовой, 1948—1949 гг., сборы археологического кружка в 1948—1952 гг.) [1].

Стоянка Полуденка I находится в 7 км к западу от г. Нижний Тагил. Она расположена в конце длинной и узкой косы, которая состоит из крупнозернистого песка с галькой, подчас очень крупной. Этот песок с галькой простирается на глубину до 2—3 м [4, с. 327]. Такой же песок подстилает и культурный слой стоянки Полуденка II, расположенной на противоположном берегу реки [4, с. 329]. Это обстоятельство и обследование местности позволили Ю. Б. Серикову говорить о стоянках Полуденка I и II как об озерных памятниках, расположенных на береговом валу [2]. В. Ф. Старков, однако, продолжает рассматривать эти памятники как речные [5, с. 91]. Обнаружение в последние годы новых стоянок и местонахождений на Полуденском болоте, приуроченных к берегу древнего озера [6], позволяет присоединиться к мнению Ю. Б. Серикова. Таким образом, мы рассматриваем стоянку Полуденка I как озерный памятник, расположенный при вытекании реки из древнего озера.

Стратиграфия культурных отложений на поселении следующая: 5—10 см — дерновый слой, 10—30 см — коричневый, 30—50 см — черный слой [7, с. 145]. Материал из коричневого слоя не отличался от материала черного [7, с. 145], поэтому О. Н. Бадер рассматривал все находки суммарно, а не по слоям. Вслед за ним мы изучаем коллекцию венчиков не послойно, а на основе типологии орнамента.

Коллекция венчиков со стоянки Полуденка I включает фрагменты от 497 сосудов. Учитывая общую тенденцию развития техники нанесения и композиции неолитического орнамента Урала, обозначенную в ряде работ [2; 5; 8], все сосуды мы разделили на три группы.

В композиции орнамента сосудов группы I выделяются бордюрные, разделительные и доминирующие зоны. Орнамент выполнен в основном палочкой, иногда употребляется гребенчатый штамп, но только для нанесения бордюрных и разделительных зон (рис. 1, *1, 4, 11, 13, 17*).

У группы II сохраняется членение орнамента на доминирующие и

[1] Коллекции хранятся в Нижнетагильском краеведческом музее.

[2] Доклад Ю. Б. Серикова о работах Нижнетагильской экспедиции в 1973—1976 гг. на VI Уральском археологическом совещании 28 марта 1977 г. (Нижний Тагил).

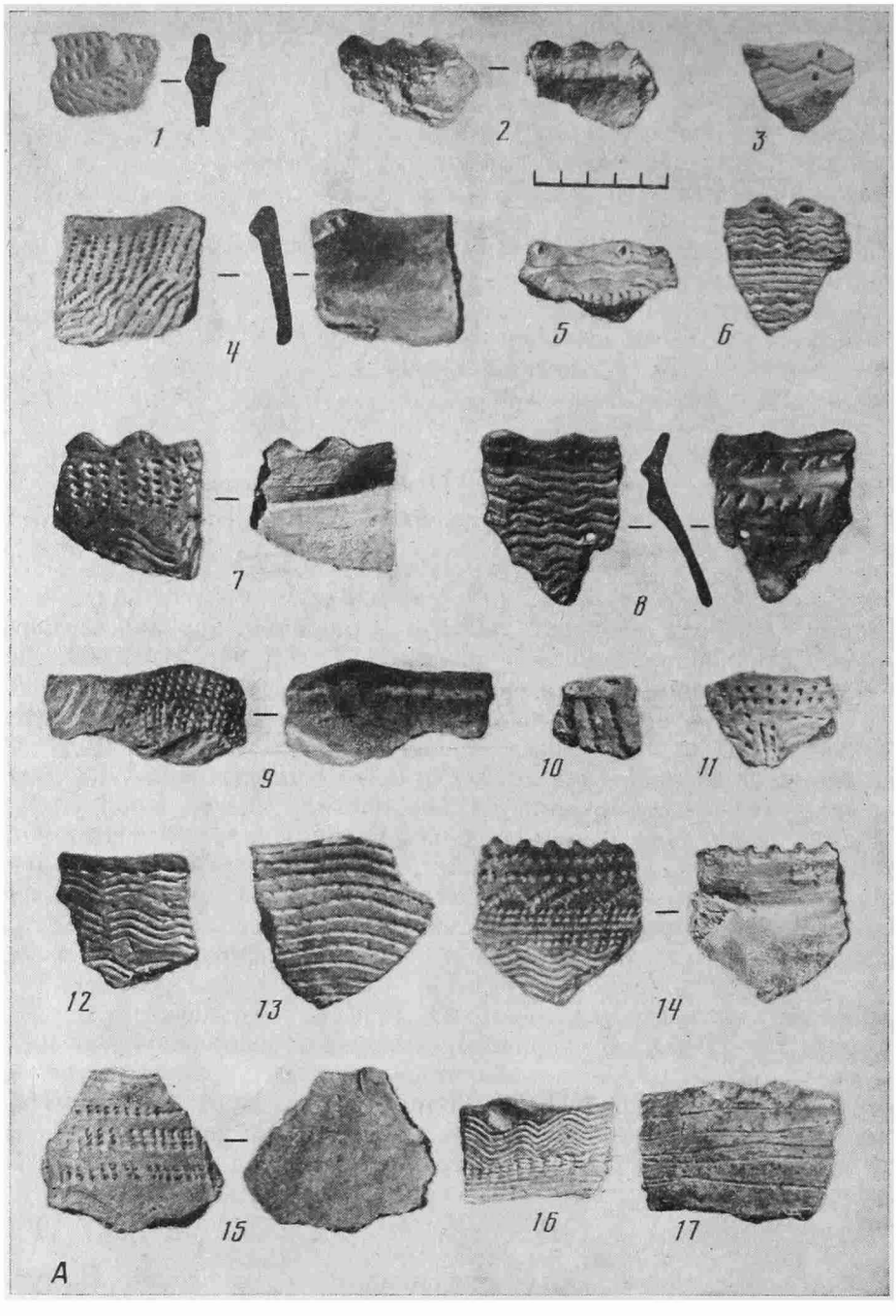


Рис. 1. (А, Б). Полуденка I. Венчики сосудов с редуцированными (*2*, *3*, *5—17*) и зооморфными (*1*, *4*) головками

разделительные зоны, но орнамент нанесен уже гребенчатым штампом. Палочка употребляется редко и только для орнаментации бордюрных и разделительных зон (рис. 1, *3*, *8*, *12*).

Для сосудов группы III не характерно членение на доминирующие и разделительные зоны. Прослеживается частое чередование элементов орнамента. Техника нанесения орнамента гребенчатым штампом разнообразна. Палочка употребляется очень редко (рис. 1, *6*, *14*, *15*).

В орнаментальной композиции сосудов всех трех групп прослеживается горизонтальная зональность. Вертикальная зональность присутствует только в доминирующих зонах групп I и II.

Количество сосудов, выделенных по венчикам, распределяется следующим образом: группа I — 216 экз., группа II — 122 экз., группа III — 153 экз.

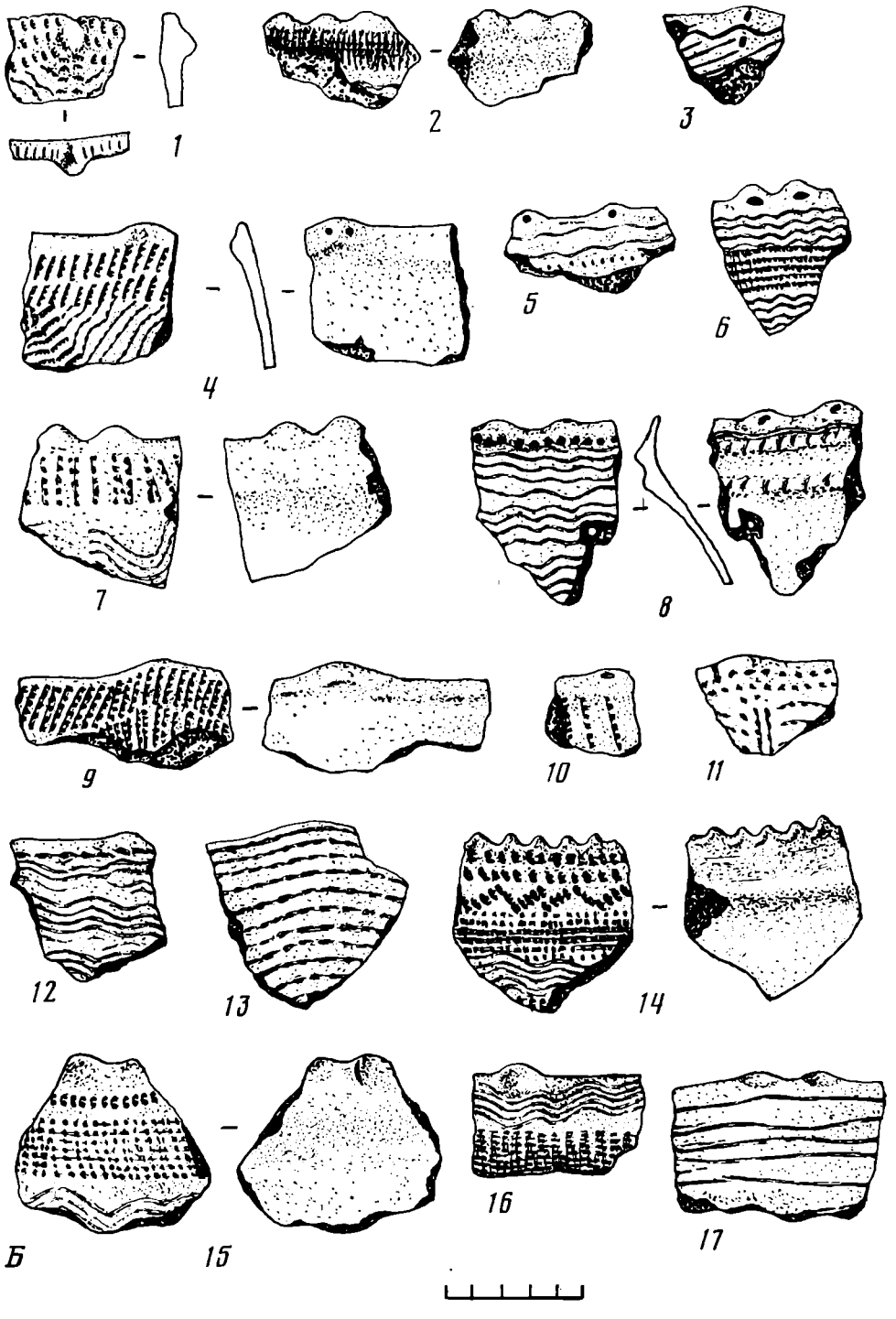


Рис. 1(Б).

Коллекция венчиков с редуцированными головками включает фрагменты от 106 сосудов, что составляет от общего количества 21,3%. Распределение венчиков с редуцированными головками по выделенным выше группам следующее[3]: группа I — 35 экз., группа II — 20 экз., группа III — 31 экз. В группу IV объединены фрагменты сосудов, орнамент которых не восстанавливается (рис. 1, *2, 5, 7, 9, 10, 16*). Все данные по этим группам приведены в таблице.

По частоте расположения выступов все имеющиеся фрагменты с редуцированными головками можно разделить на венчики с волнистым

[3] Хронологически сосуды одной и той же группы могут различаться, но нам представляется допустимым соответствие архаичным видам орнамента архаичных же разновидностей редуцированных головок.

Распределение венчиков сосудов с редуцированными головками из стоянки Полуденка I по группам

Б	А																			
	I				II				III				IV				Всего			
	1		2		1		2		1		2		1		2		1		2	
	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б
1	—	—	2	12	—	—	1	6	—	—	1	1	—	—	2	4	—	—	6	23
2	2	3	—	2	4	2	—	1	4	8	—	2	—	3	—	1	10	16	—	6
3	—	—	—	6	—	—	—	2	—	—	2	5	—	—	1	3	—	—	3	16
4	1	1	—	4	—	1	—	1	—	6	—	—	—	3	—	1	1	11	—	6
3—4	—	—	—	2	—	—	—	2	—	—	—	2	—	—	—	2	—	—	—	8
Всего	3	4	2	26	4	3	1	12	4	14	3	10	—	6	3	11	11	27	9	59

Примечание. А — группы (I—IV) венчиков по орнаментации внешних стенок сосудов и варианты (1 — с редкопоставленными головками, 2 — с волнистым краем; а — с индивидуализированным орнаментом, б — с неиндивидуализированным орнаментом) по индивидуализации головок и частоте их расположения; Б — способы (1—4) изготовления редуцированных головок

краем (рис. 1, *2, 13, 14*) и венчики с редкопоставленными выступами. Критерием для такого деления мы выбрали отношение расстояния между выступами (L) к ширине их в основании (l). Если это отношение меньше или равно 1, то это венчик с волнистым краем, а если больше 1 (чаще оно равно 3—8), то это венчик с редкопоставленными выступами (рис. 2). Среди последних можно выделить кроме одинарных (рис. 1, *3, 9, 12, 15, 16*) сдвоенные выступы (рис. 1, *6, 7, 8, 17*).

В результате исследования[4] редуцированных головок было выявлено четыре основных способа их изготовления.

Способ 1. Выступы образовывались в процессе лепки сосуда. Для них характерна плавность очертаний и тщательность заглаживания. Орнамент

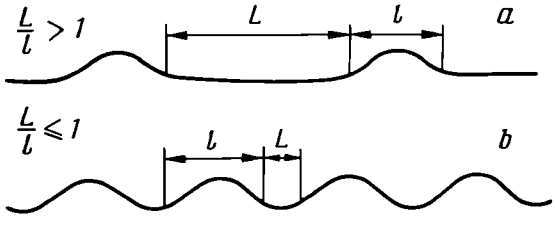


Рис. 2. Критерий выделения венчиков с редкопоставленными выступами (*а*) и венчиков с волнистым краем (*б*)

сосудов, наносимый после их изготовления, часто повторяет очертания выступов (рис. 1, *13*).

Способ 2. Для получения выступов после изготовления сосуда добавлялся кусочек глины, из которого и формировалась на краю венчика редуцированная головка (рис. 1, *2, 3, 6—8, 12*). Следует отметить, что и зооморфные головки со стоянки Полуденка I изготовлены именно таким способом — налепом (рис. 1, *1, 4*). Опубликованные В. И. Мошинской зооморфные головки со стоянки Полуденка I также изготовлены налепом [3, с. 28].

Способ 3. Для получения выступов край сосуда вдавливался пальцем (реже палочкой) через определенные промежутки. При этом вытесняемая глина всегда образовывала утолщение (реже наплыв) на венчике в промежутках между выступами (рис. 1, *14*). Это утолщение (или наплыв) является доказательством изготовления выступа именно этим способом.

[4] Исследование проводилось посредством микроскопического анализа и последующего сравнения с экспериментальными образцами.

Способ 4. Выступы образовывались вытягиванием или защипыванием готового края сосуда (рис. 1, *15—17*). Иногда при этом на венчике с внутренней стороны отпечатывался ноготь пальца (рис. 1, *15*).

Следует отметить наличие выступов, образованных с использованием способов 3 и 4, т. е. одновременно вытягивался край сосуда и вдавливались промежутки между ними.

Выступы, образованные способами 3 и 4, а также их комбинацией, чаще изготовлялись после нанесения орнамента на сосуд (рис. 1, *16*), а изготовленные налепом — до орнаментации. Данная последовательность операций хорошо прослеживается на фрагменте сосуда, изображенном на рис. 1, *1*. Сначала на вылепленном сосуде глубокой насечкой было отмечено место будущей головки. Потом, добавив кусочек глины, древний мастер вылепил морду животного и уже в последнюю очередь нанес орнамент на сосуд.

По наличию и расположению орнамента на выступах все имеющиеся редуцированные головки со стоянки Полуденка I можно разделить на 4 группы: 1) без орнаментации (рис. 3, *1*); 2) с орнаментацией поверху (рис. 3, *2—12*); 3) с орнаментацией с внешней стороны выступа (рис. 3, *13—16*); 4) с орнаментацией с внутренней стороны (рис. 3, *17*). По материалам Юрьинского поселения выделяется еще и группа 5 — выступы, имеющие орнамент и поверху, и с внутренней стороны (рис. 3, *18—20*). Поверху выступы орнаментировались палочкой (наколы или насечки) и очень редко оттисками гребенки. С внутренней и внешней сторон выступы всегда орнаментировались наколами.

Выступы, имеющие индивидуальный (не входящий в общую орнаментацию сосуда) орнамент поверху в виде наколов или насечек и имеющие орнамент с внешней или внутренней сторон в виде наколов, мы называем индивидуализированными (рис. 3, *7—20*).

Сопоставление частоты индивидуализации выступов (у редкопоставленных — 28,9%, у выступов венчиков с волнистым краем — 13,2%) позволяет утверждать, что последние в большей степени играли декоративную роль. Более яркая картина вырисовывается при сравнении индивидуализации выступов с внешней или внутренней сторон (рис. 3, *13—20*), которая наиболее близка к орнаментации зооморфных головок (обозначение глаз, носа, рта) [5]: у редкопоставленных — 18,4%, у выступов венчиков с волнистым краем — 1,5%.

Сравнивая индивидуализацию 2-го порядка выступов, изготовленных разными способами, получаем следующую картину: способ 1 — 3,4% выступов индивидуализированы, способ 2 — 18,8%, способ 4 — 5,6%. Выступы, изготовленные способом 3 и комбинацией способов 3 и 4, не имеют индивидуализации 2-го порядка.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что именно налепные редуцированные головки близки к зооморфным по назначению.

Рассматривая индивидуализацию 2-го порядка у выступов по группам сосудов, выделенным по орнаменту, получаем следующее: группа I — индивидуализированы 5,7% выступов, группа II — 10%, группа III — 9,7%. Отсюда можно сделать вывод, что для керамики с более ранним орнаментом (группа I) индивидуализация редуцированных головок менее характерна. Но зато именно с этой группой керамики связаны все зооморфные головки со стоянки Полуденка I (рис. 1, *1*, *4*), Кокшаровского холма и Юрьинского поселения [6]. Может создаться впечатление, что налепы в виде зооморфных головок более ранние, чем все редуцированные головки. Однако на одном из самых ранних памятников неолита Среднего Зауралья, стоянке Евстюниха I, имеются лишь редкопоставленные неиндивидуализированные налепы, что свидетельствует о существовании определенного вида налепов, предшествующих зооморфным головкам. Отсюда следует, что термин «редуцированные головки» неправомерно употреблять по отношению к этим налепам на краю сосудов. Но ввиду неразработан-

---

[5] Мы называем ее индивидуализацией 2-го порядка.

[6] Находятся в экспозиции Нижнетагильского краеведческого музея.

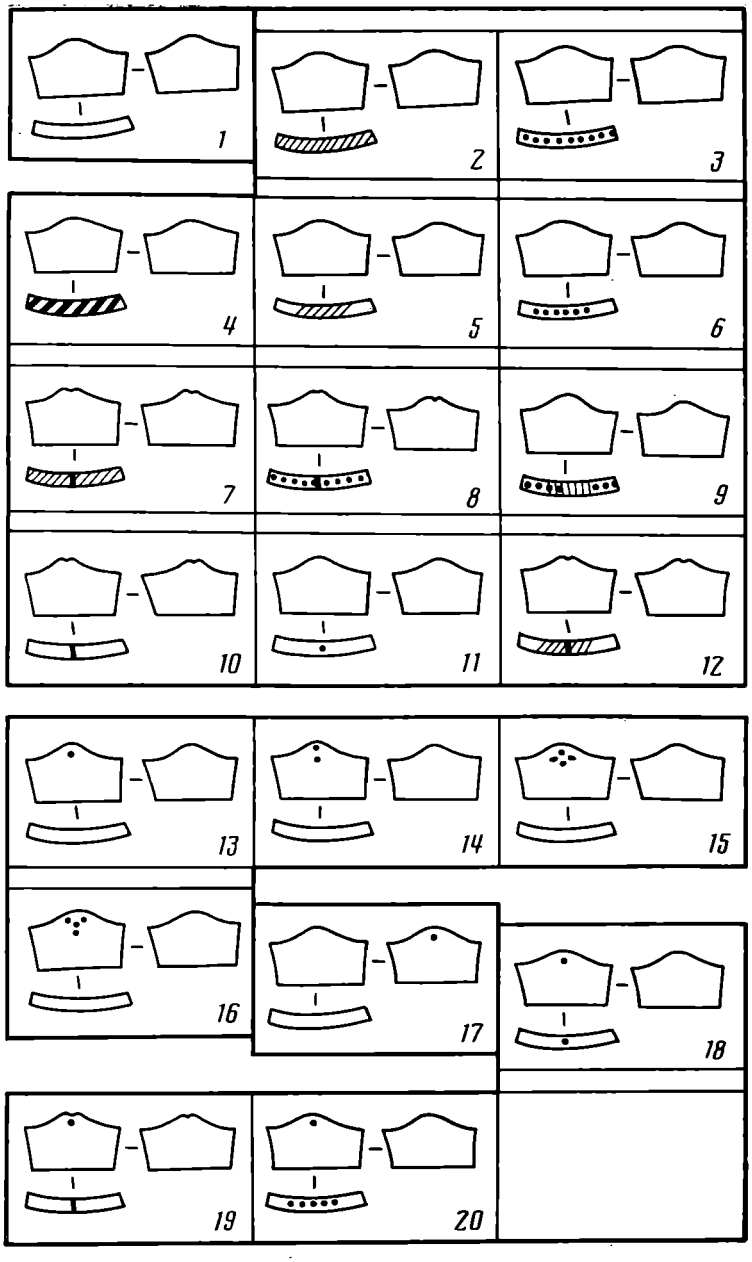


Рис. 3. Виды редуцированных головок *1* — без орнамента, *2* — *12* — с орнаментом поверху, *13*—*16* — с орнаментом с внешней стороны, *17* — с орнаментом с внутренней стороны, *18*—*20* — с орнаментом поверху и с внешней стороны

ности принципов их выделения считаем возможным пока сохранить данный термин. Появление же самых ранних налепов, как можно предположить, обусловлено пережитками в технологии изготовления сосудов.

Одним из возможных вариантов появления самых ранних налепов может быть следующий: при плетении сосудов на вертикальной основе возникала необходимость укрепления этих основ у края; иногда при этом на краю плетеных сосудов могли получаться выступы, обусловленные технологией изготовления. Такие выступы в качестве пережитка могли сохраняться и у сосудов, изготовленных из нового материала — глины, уже в виде так называемых редуцированных головок. В дальнейшем этот пережиток, закрепленный традицией, мог приобрести значение культового характера, т. е. трансформироваться в зооморфные головки.

Кроме пути развития ранних редкопоставленных налепов в зооморфные головки, возможно, был и другой путь — переход к венчикам с волнистым краем, который являлся одним из видов украшения сосуда.

Интересно отметить, что количество венчиков с волнистым краем наибольшее для керамики группы I — 80%. А у керамики с более поздним орнаментом наблюдается его уменьшение: группа II — 65%, группа III — 41,9%. В небольшом количестве венчики с волнистым краем сохраняются до эпохи бронзы, в дальнейшем происходит угасание этого явления. Редкопоставленные же налепы в конце неолита переживают ряд видоизменений, а потом постепенно отмирают.

Подводя итоги, следует отметить, что еще в ранних неолитических памятниках на краю сосудов появляются выступы, которые не несут культового значения, а обусловлены, вероятно, лишь пережитками в технологии изготовления сосудов (Евстюниха I). В последующее время фиксируется развитие их в двух направлениях. Во-первых, происходит перерастание редкопоставленных налепов в выступы венчиков с волнистым краем, который являлся одним из видов украшения сосуда. Вместе с этим происходит увеличение количества способов изготовления выступов. Кроме налепления начинают применяться три других способа. Во-вторых, редкопоставленные налепы наделяются индивидуальными признаками и перерастают в дальнейшем в зооморфные головки, несущие, вероятно, культовый характер. Количество сосудов с зооморфными головками на стоянке незначительно — около 1%. Они, видоизменяясь, продолжают существовать и в более позднее время, что, вероятно, связано с тотемистическими представлениями первобытных людей. Редуцированные же головки почти исключительно связаны с эпохой неолита, в более позднее время они встречаются в качестве исключений.

Таким образом, по материалам стоянки Полуденка I и сравнению его с материалами некоторых других памятников Среднего Зауралья удается наметить развитие редуцированных головок на ранних этапах их существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Эдинг Д. Н.* Резная скульптура Урала. М., 1940.
2. *Бадер О. Н.* Уральский неолит.— МИА, 1970, № 166.
3. *Мошинская В. И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976.
4. *Бадер О. Н.* Археологические памятники Тагильского края.— Уч. зап. ПГУ, 1953, т. VIII, вып. 2.
5. *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980.
6. *Халяев П. К.* Отчет о работе разведывательной группы Нижнетагильского отряда Уральской археологической экспедиции за 1978 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7210.
7. *Бадер О. Н.* Новый тип неолитического поселения на Урале.— СЭ, 1949, № 2.
8. *Чернецов В. Н.* К вопросу о сложении уральского неолита.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968.

ЛОГВИН В. Н., КАЛИЕВА С. С.

СТОЯНКА ЕВГЕНЬЕВКА 2 (СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН)

В 1979 г. во время осмотра алакульского могильника и мезолитической стоянки у с. Евгеньевки Тарановского р-на Кустанайской обл. была обнаружена новая стоянка, названная Евгеньевка 2.

Стоянка расположена в 0,4 км к югу от алакульского могильника и стоянки Евгеньевка 1[1], на берегу высохшего узкого залива оз. Балдан (рис. 1).

Памятник был обнаружен по находкам, относительно равномерно залегавшим на поверхности участка площадью 9000 м²[2]. Культурный слой (темно-серая супесь, мощностью 0,3—0,4 м) сохранился лишь в восточной части. Сверху культурный слой перекрыт перевеваемым песком, подсти-

[1] Материал стоянки Евгеньевка 1 опубликован [1].

[2] Не исключено, что большая площадь распространения находок объясняется их механическим переносом.

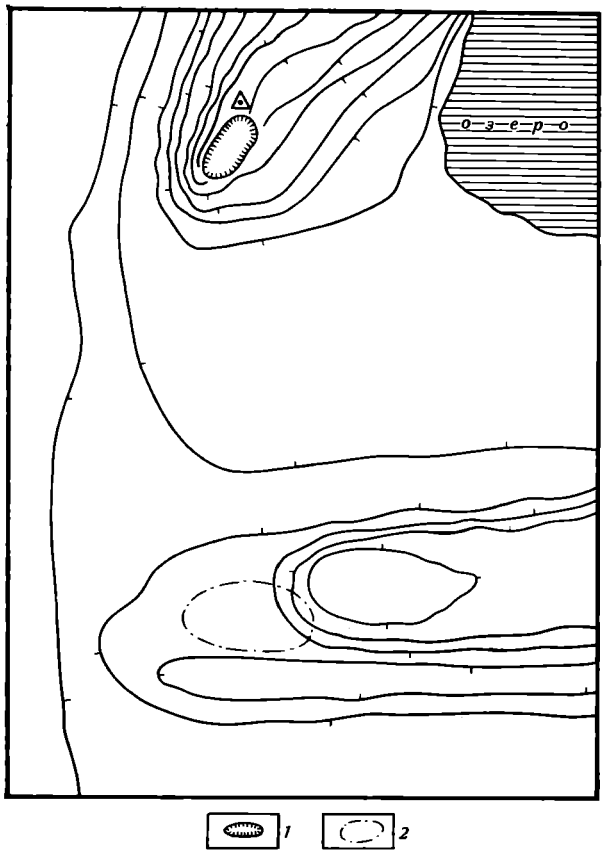


Рис. 1. План местности: *1* — обнажения на месте стоянки Евгеньевка 1; *2* — граница распространения находок на стоянке Евгеньевка 2

лает слой — желтый песок. Все находки, за исключением нескольких отщепов, извлеченных из обнажения культурного слоя, собраны с поверхности.

На стоянке собрано 243 кремневых предмета. Преобладают отщепы без следов вторичной обработки (58% всех находок). Второе по численности место занимают орудия из отщепов (37,9%). Орудий из пластин всего 3 экз. Столько же найдено и пластин без следов вторичной обработки. Лишь у одной пластины сохранился ударный бугорок. Остальные представлены сечениями. Ширина пластин варьирует от 7 до 15 мм. Помимо указанных находок в коллекции имеется четыре обломка кремня.

Бóльшая часть кремневого инвентаря (84,4%) изготовлена из кварцитов и кварцито-песчаников, среди которых преобладают серые разновидности (58%). Орудия изготавливались преимущественно путем нанесения односторонней краевой ретуши, однако процент двусторонне обработанных орудий достаточно велик (таблица). Среди скребков из отщепов больше всего концевых. 19 скребков имеют по одному скребковому лезвию (рис. 2, *3*, *7*, *9*, *19*, *26*, *29*). Шесть из них имеют дополнительную ретушь по боковым краям (рис. 2, *3*, *9*, *26*). Восемь концевых скребков имеют по два соприкасающихся скребковых лезвия (рис. 2, *8*, *10*), а шесть — по три (рис. 2, *16*). Одно орудие имеет два концевых скребковых лезвия (рис. 2, *11*). В эту же группу орудий отнесен и скребок, изготовленный из обломка наконечника (рис. 2, *19*). Помимо концевых имеется один округлый и три сегментовидных скребка (рис. 2, *5*, *6*, *12*). Скребло выполнено из крупного отщепа затупливающей ретушью (рис. 2, *28*). Остроконечник обработан односторонней краевой заостряющей ретушью (рис. 2, *18*). Мелкие наконечники имели удлиненные пропорции: три — с вогнутым основанием (рис. 2, *15*, *19*, *22*), пять — с прямым (рис. 2, *23*, *24*) и три — с округлым основанием (рис. 2, *20*). Форма

Кремневый инвентарь стоянки Евгеньевка 1

Орудия			Ретушь			Всего орудий	
			А	*Б*	*В*	к-во	%
из пластин		пластины с ретушью со спинки, по одной грани (рис. 2, *1*)	1	–	–	1	1,0
		пластины с ретушью с брюшка, по двум граням (рис. 2, *2*)	–	1	–	1	1,0
		скребки из пластин (рис. 2, *4*)	–	1	–	1	1,0
из отщепов	краевая ретушь	скребки (рис. 2, *3*, *5–12*, *16*, *26*, *29*)	1	18	19	38	40,0
		скребло (рис. 2, *28*)	–	1	–	1	1,0
		остроконечник (рис. 2, *18*)	1	–	–	1	1,0
		ножи (рис. 2, *17*)	5	–	–	5	5,3
		отщепы с ретушью (рис. 2, *14*, *21*)	7	23	–	30	32,0
	двусторонняя обработка	наконечники (рис. 2, *13*, *15*, *19*, *20*, *22–24*, *30*)	14	–	–	14*	14,7
		нож (рис. 2, *27*)	1	–	–	1	1,0
		орудия	1	–	–	1	1,0
Шлифованные		орудия	–	–	–	1	1,0
Всего			31	44	19	95	100,0

Примечание: *А* — заостряющая ретушь; *Б* — затупливающая ретушь; *В* — сочетание заостряющей и затупливающей ретуши; * — один скребок изготовлен из обломка наконечника.

основания единственного почти целого крупного наконечника не установлена из-за излома (рис. 2, *30*). Почти все орудия, отнесенные к ножам, представляют собой отщепы с очень пологой краевой ретушью (рис. 2, *17*). Лишь один нож двусторонне обработан (рис. 2, *27*). Большинство отщепов с ретушью имеет небольшие ретушированные участки. Более или менее значительные участки ретуши зафиксированы только на двух отщепах (рис. 2, *14*, *21*). Следует также отметить отщеп, сколотый со шлифованного орудия, возможно — «утюжка» (рис. 2, *25*).

Керамический материал стоянки представлен 202 фрагментами, из которых 118 — от одного реконструированного нами сосуда (рис. 3, *11*) полуяйцевидной формы, с примесью песка в тесте; толщина стенок 10 мм. Внутренняя поверхность его сильно закопчена. В орнаменте сосуда сочетаются гребенка и овальные вдавления: поверхность разделена зубчатым штампом на вертикальные зоны, которые через одну заполнены горизонтальными рядами вдавлений палочки; ниже этих зон идет двухрядовый горизонтальный зигзаг, выполненный той же палочкой.

Остальные фрагменты керамики по примесям в тесте делятся на шесть групп. Два фрагмента с примесью талька происходят от одного сосуда (рис. 2, *5*, *7*). Толщина стенок 5—7 мм, на внутренней поверхности отмечены следы заглаживания зубчатым штампом. На внешней стороне оттиски длинного зубчатого штампа образуют два зигзага, пространство между которыми заполнено оттисками «гусеничного» штампа.

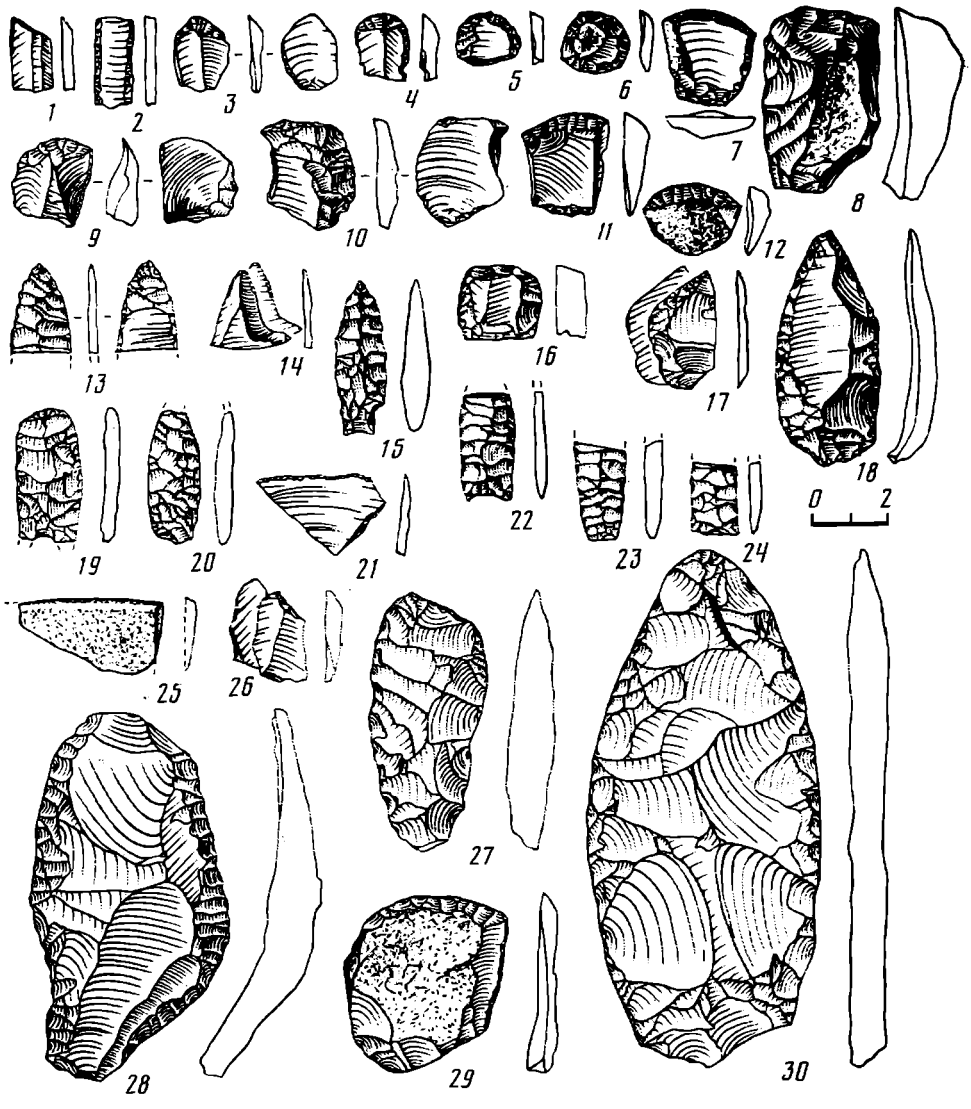


Рис. 2. Кремневые находки со стоянки Евгеньевка 2

Примесь слюды фиксируется у пяти фрагментов. Толщина их стенок не превышает 7 мм. Один фрагмент верхней части сосуда с округлым венчиком орнаментирован как с внешней, так и с внутренней стороны. На внутренней поверхности у венчика нанесены три ряда продолговатых вдавлений. Под ними идут косые ряды таких же вдавлений. Кроме того, боковой излом этого фрагмента заглажен. Вероятно, он использовался как заглаживающий инструмент (рис. 3, *4*). На одном фрагменте стенки сосуда нанесен зигзаг (рис. 3, *3*). Остальные фрагменты не орнаментированы.

Керамика с примесью песка представлена 10 экз. Толщина стенок у них 5—7 мм. На внутренней стороне четырех фрагментов отмечены следы заглаживания. Обломок шейки со слегка загнутым внутрь сосуда округлым венчиком орнаментирован оттисками наклонно поставленного крупнозубчатого штампа с внутренней и внешней стороны (рис. 3, *2*). Один фрагмент орнаментирован горизонтальными линиями оттисков длинного зубчатого штампа (рис. 3, *6*).

С примесью шамота обнаружено 28 фрагментов. На внутренней поверхности 14 из них отмечены следы заглаживания зубчатым штампом. Все фрагменты не орнаментированы. Среди них три фрагмента верхних частей сосудов с округлым венчиком. У одного из них венчик отогнут наружу (рис. 3, *1*).

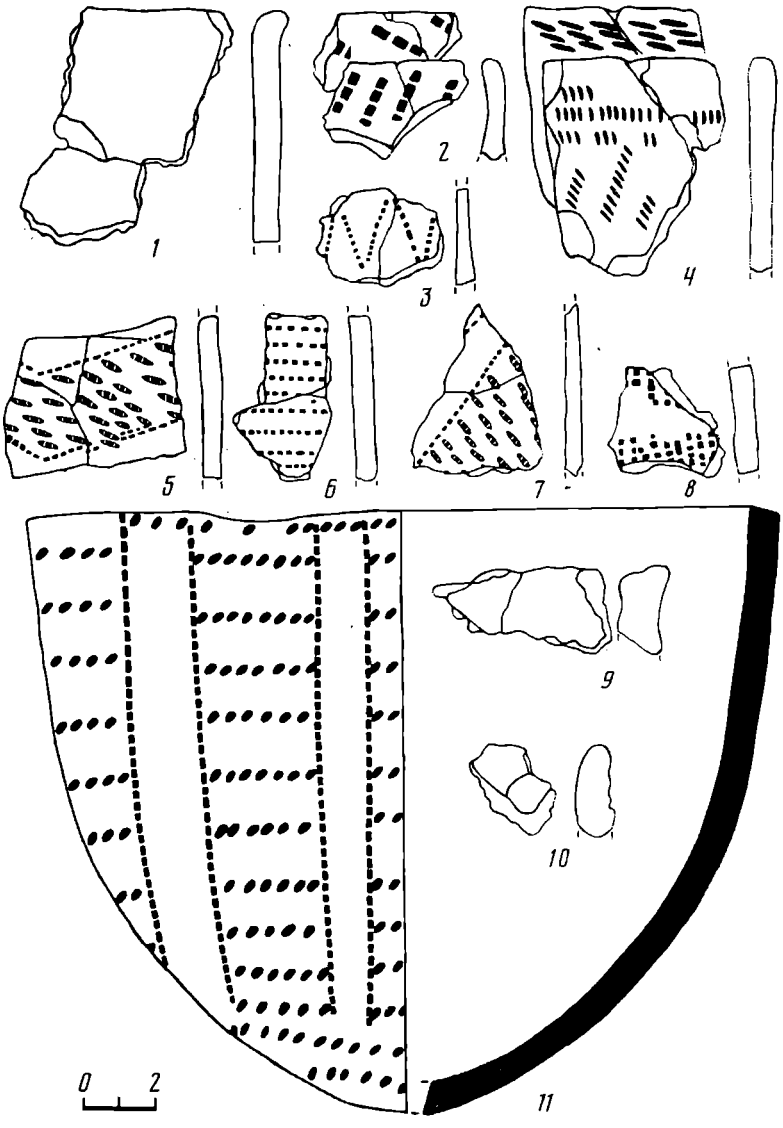


Рис. 3. Керамика со стоянки Евгеньевка 2

Примесь крупного песка фиксируется также у 28 фрагментов. Все они не орнаментированы. Имеется один фрагмент плоского днища и один фрагмент шейки сосуда. Фрагмент шейки небольшой, с приостренным венчиком (рис. 3, *10*).

11 фрагментов имеют примесь толченого камня в тесте. Один фрагмент стенки сосуда орнаментирован зубчатым штампом (рис. 3, *8*). У фрагмента шейки от толстостенного сосуда венчик уплощен и отогнут наружу (рис. 3, *9*).

На стоянке найдены также кости лошади (6) и крупного рогатого скота (3) [3].

Если кремневый инвентарь стоянки более или менее однороден, то этого нельзя сказать о керамике. Фрагменты керамики с примесью толченого камня и крупного песка, вероятно, более поздние, чем основной комплекс находок.

Бóльшая часть керамики стоянки Евгеньевка 2 и коллекция кремневых находок хорошо сопоставляются с коллекциями казахстанских стоянок Терсек-Карагай, Коль, Иман-Бурлук 2, Пеньки 2 и южноуральских

[3] Определение выполнено сотрудником проблемной лаборатории отдела археологии ИИАЭ АН КазССР Л. А. Макаровой.

памятников суртандинского (кысыкульского) типа. Сходство проявляется прежде всего в преобладании орудий из отщепов над орудиями из пластин и в широком использовании в орнаменте зубчатого штампа. Сближает эти стоянки также преобладание в коллекциях среди орудий скребков из отщепов и значительный удельный вес двусторонне обработанных наконечников [2, с. 70—72; 3, с. 180; 4, с. 191—197; 5, с. 55; 6, с. 37].

А. А. Формозов стоянки Терсек-Карагай и Коль отнес к энеолиту и датировал концом III — началом II тысячелетия до н. э. [2, с. 72; 7, с. 117]. Так же интерпретировала стоянки Пеньки 2 и Иман-Бурлук 2 Л. А. Чалая [3, с. 181; 4, с. 201]. Г. Н. Матюшин в одной и той же работе относит стоянку Суртанды VIII в одном месте к кругу энеолитических памятников, а в другом — называет ее поздненеолитической [8, с. 159, 160; 9, с. 117, 119]. Первоначально стоянки суртандинского типа датировались им концом III — началом II тысячелетия до н. э. [5, с. 61]. Однако в одной из последних работ Г. Н. Матюшин склонен датировать энеолитические памятники Урала, понимая под ними памятники суртандинского типа, второй половиной IV—III тысячелетием до н. э. [9, с. 121—122]. Л. Я. Крижевская, не делая особых разграничений между терминами «ранняя бронза» и «энеолит», памятники кысыкульского (суртандинского, по Г. Н. Матюшину) типа называет раннебронзовыми и датирует концом III — началом II тысячелетия до н. э. [6, с. 4, 125].

Как известно, в определении содержания термина «энеолит» в настоящее время среди исследователей нет единодушия. Если следовать традиционным, установившимся еще со времен К. Ю. Томсена принципам построения археологической периодизации, то решающим диагностическим признаком энеолита следует признать наличие металла (меди) в материалах исследуемых или аналогичных им памятников. В этом плане определение перечисленных выше памятников, в том числе и Евгеньевки 2, как энеолитических имеет смысл, поскольку металл был найден на ряде памятников суртандинского (кысыкульского) типа [5, с. 56; 6, с. 96] и на стоянке Коль [2, с. 72]. Эти памятники могут быть отнесены к энеолиту и в том случае, если главным признаком энеолита считать наличие у древнего населения производящих форм хозяйства [10, с. 19]. По свидетельству Г. Н. Матюшина, кости домашних животных обычны для памятников суртандинского типа [5, с. 55]. Кости лошади и крупного рогатого скота найдены на стоянке Терсек-Карагай [2, с. 70; 11, с. 12], Иман-Бурлук 2 [4, с. 202] и Евгеньевка 2. Следовательно, мы вправе предполагать наличие производящей экономики у оставившего их населения.

Так как стоянка Евгеньевка 2 территориально, а также по составу и облику материальных остатков наиболее близка стоянкам Коль и Терсек-Карагай, то она, как и эти стоянки, должна быть отнесена к выделенной А. А. Формозовым самостоятельной «южноприуральской», «терсек-карагайской» культуре [7, с. 117; 12, с. 58]. Представляется целесообразным сохранить в несколько упрощенном варианте второе из предложенных А. А. Формозовым названий культуры и именовать ее в будущем терсекской культурой[4]. Наиболее вероятной датой существования стоянки Евгеньевка 2 в настоящее время следует признать конец III тысячелетия до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Логвин В. Н.* Новый памятник каменного века Кустанайской области.— СА, 1977, № 4.
2. *Формозов А. А.* Энеолитические памятники Кустанайской области и их связь с ландшафтом.— БКИЧП, 1950, № 15.
3. *Чалая Л. А.* Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки 1, 2.— В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972.

[4] «Терсек-Карагай» — местный топоним. Поскольку казахское «карагай» — то же, что и русское «бор», то нет смысла вводить его в название. Сам А. А. Формозов для обозначения однотипных стоянке Терсек-Карагай памятников использует выражение «терсекские» стоянки [2, с. 74].

4. *Чалая Л. А.* Позднеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук.— В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973.
5. *Матюшин Г. Н.* К проблеме энеолита Южного Урала.— В кн.: Проблемы хронологии и культурный принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970.
6. *Крижевская Л. Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
7. *Формозов А. А.* Археологические памятники в районе Орска.— КСИИМК, 1951, вып. XXXVI.
8. *Матюшин Г. Н.* Энеолит Башкирии.— АЭБ, 1973, т. 5.
9. *Матюшин Г. Н.* Некоторые итоги изучения каменного века на Урале—. В кн.: К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. Уфа: БФАН СССР, 1978.
10. *Матющенко В.* О понятии «энеолит» применительно к таежной части Сибири.— В кн.: VI Уральское археологическое совещание (тезисы пленарных и некоторых дискуссионных докладов). М., 1977.
11. *Формозов А. А.* К вопросу о происхождении андроновской культуры.— КСИИМК, 1951, вып. XXXIX.
12. *Формозов А. А.* Кельтеминарская культура в Западном Казахстане.— КСИИМК, 1949, вып. XXV.

МОНАХОВ С. Ю.

ПОГРЕБЕНИЕ КУЛЬТУРЫ МНОГОВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ БЛИЗ САРАТОВА

В 1978 г. в 4 км к северу от Саратова на высокой останцовой возвышенности, известной под названием «Жареный бугор», была обнаружена курганная группа из шести насыпей. В следующем сезоне в этой группе был исследован кург. 3, давший погребение культуры многоваликовой керамики.

Курган располагался в центре группы на расстоянии 10—20 м от соседних насыпей. Высота кургана 0,7 м, диаметр 18 м. Насыпь сложена из плотного суглинка, обильно насыщенного опокой. На уровне погребенной почвы зафиксированы следы тризны: в 1,5 м к северу от центра кургана располагалось пятно сильно обожженного суглинка 3,3×1,5 м, насыщенное углем, золой и отдельными кусками красной краски. Несколько небольших пятен охры были открыты в северной половине насыпи, а в поле́ кургана были найдены две бараньих косточки (рис. 1, *1*).

В 2 м к югу от центра кургана обнаружен развал лепного округлобокого сосуда и скопление мелких угольков. Венчик сосуда был отогнут наружу и имел внутренний уступ. В глине зафиксирована примесь ракушки. Сосуд орнаментирован горизонтальными линиями и зигзагами с помощью крупногребенчатого штампа (рис. 2, *1*). Видимо, находку нужно связывать с впускным абашевским погребением ребенка в насыпи. Детские костяки в таком грунте часто вообще не сохраняются.

Основное погребение находилось почти в центре кургана. Могила эллипсовидной формы (1,5×1,2 м) вырублена в очень плотном материковом суглинке с примесью опочного щебня на глубину 0,6 м. Вдоль южной стенки могилы от ее устья до дна прослежен древесный тлен от перекрытия. Костяк мужчины в возрасте около 25 лет лежал скорченно на левом боку головой на восток — северо-восток. Ноги сильно согнуты в коленях, бедренные кости находятся под прямым углом к позвоночнику. Кисти рук лежат крест-накрест перед тазовыми костями. На стопах прослежена посыпка коричневой охрой. В отдельных местах дно могилы посыпано мелом (рис. 1, *2*).

Инвентарь представлен двумя предметами: костяной круглой пряжкой диаметром 3,1 см (рис. 2, *2*) и лепным остроребериым сосудом, украшенным налепными валиками (рис. 2, *3*). Пряжка в обломках зафиксирована за спиной и перед лицом погребенного. Развал сосуда обнаружен в заполнении могилы на глубине 0,1 м от уровня материка. Первоначально сосуд находился, видимо, на деревянном перекрытии. Один обломок со-

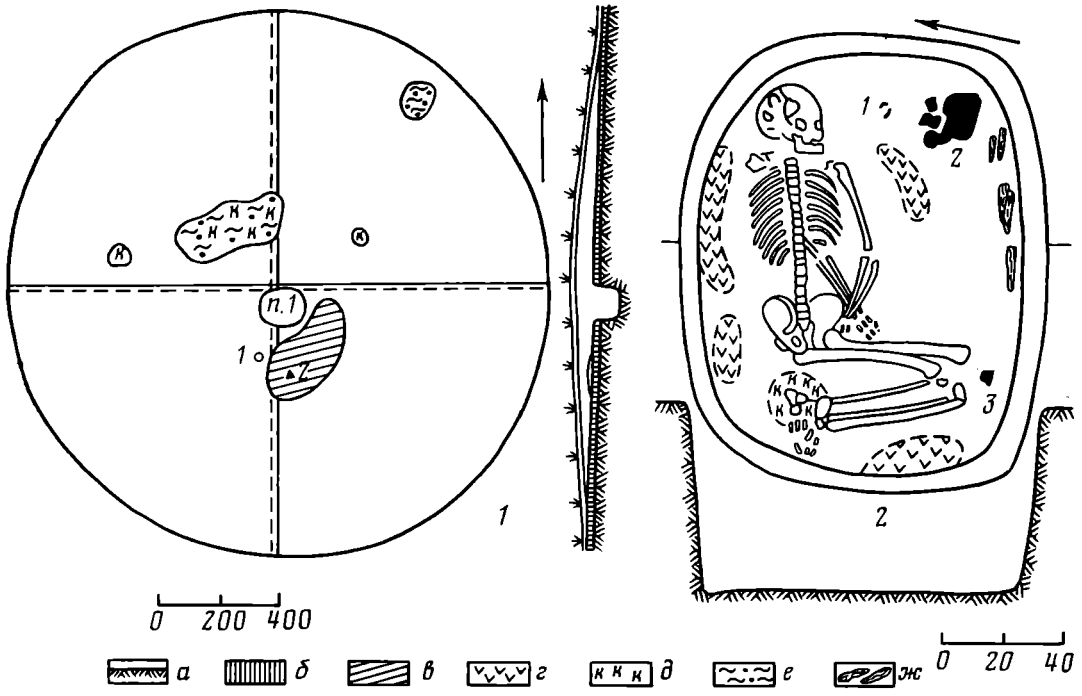


Рис. 1. *1* — план кург. 3 (1 — развал абашевского сосуда, 2 — венчик многоваликового сосуда); *2* — план основного погребения (1 — костяная пряжка, 2 — многоваликовый сосуд, 3 — венчик многоваликового сосуда). *а* — материк, *б* — погребенная почва, *в* — материковый выброс, *г* — норы грызунов, *д* — охра, *е* — зола с углем, *ж* — древесный тлен

суда найден рядом с костяком, второй — в 1,8 м к югу от могилы под материковым выбросом (рис. 1).

Положение и ориентация костяка, посыпка могилы мелом, а стоп охрой позволяют уверенно отнести данный комплекс к культуре многоваликовой керамики [1, с. 31 сл.; 2, с. 61]. Особенно характерен в этом плане инвентарь. Костяные пряжки подобного типа широко распространены на Украине и в Подонье, где встречаются в комплексах с многоваликовой керамикой и в памятниках срубной культуры. Однако принято считать, что пряжки появляются впервые у носителей культуры многоваликовой керамики, а от них переходят к срубникам [1, с. 34, рис. 1, *10*; 3, с. 13, рис. 1, *7*, *21*; 4, рис. 7, *9*, *14*, *15*; 5, табл. 14, *5*]. Сосуд из погребения имеет хорошо выраженный трехчастный ломаный профиль с прямой шейкой. Размеры сосуда (в см): высота 16,5; диаметр тулова 18; высота нижней части 10,5; диаметр венчика 15,5; диаметр дна 9,5. Черепок в изломе черный, с мелкими включениями известняка. Наружная поверхность светло-коричневая, видимо, ангобирована, внутренняя закопчена. В древности сосуд ремонтировался, сохранилось девять круглых отверстий диаметром 4 мм. Верхняя половина горшка украшена горизонтальными валиками, из которых два на шейке под венчиком, а третий на ребре тулова. Нижняя часть сосуда орнаментирована 32 вертикальными валиками на равном расстоянии друг от друга. Все горизонтальные валики и шесть симметрично расположенных вертикальных валиков равномерно расчленены ногтевыми насечками (рис. 2, *3*). Прямые аналогии этому сосуду неизвестны, но можно отметить целый ряд похожих изделий [1, рис. 5, *9*; 6, с. 25, табл. 6, *4*], в том числе и орнаментированных вертикальными валиками [7, с. 102, рис. 43, *1*; 1, рис. 8, *4*]. Вертикальные валики, как считают некоторые исследователи, являются одним из характерных признаков культуры многоваликовой керамики [8, с. 29].

Культура многоваликовой керамики датируется серединой II тысячелетия до н. э. Ареал памятников, которых сейчас известно уже несколько

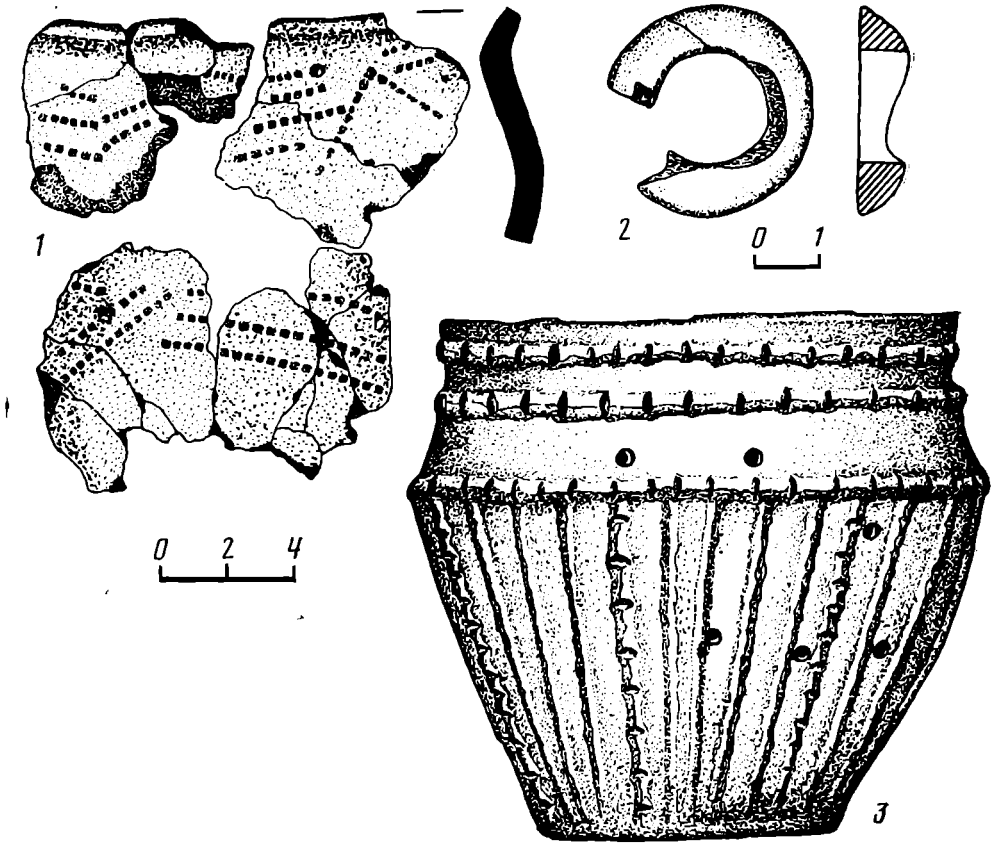


Рис. 2. *1* — абашевский сосуд из насыпи, *2* — костяная пряжка, *3* — многоваликовый сосуд

сотен, охватывает территорию от Молдавии до Подонья [9, с 5; 10, с. 153; 1, с. 31]. Далее на восток, по общему мнению, она не заходила, хотя единичные находки многоваликовой керамики в Поволжье известны [11, с. 168; 12, с. 154]. В то же время К. Ф. Смирнов и Е. Е. Кузьмина, отмечая сходство элементов орнаментации посуды, высказали предположение о непосредственном влиянии культуры многоваликовой керамики на новокумакский хронологический горизонт андроновской культуры [8, с. 32]. Характерно, что, хотя эта гипотеза имеет под собой определенную аргументацию, археологически присутствие населения культуры многоваликовой керамики в Поволжье практически не фиксировалось.

Буквально в последние годы вакуум начал заполняться. Новые памятники культуры многоваликовой керамики были выявлены к востоку от Дона. Обломки посуды с характерной орнаментацией зафиксированы в слое поселения на Среднем Хопре [13, с. 84] и в курганном могильнике у с. Низовка [14, с. 81] на западе Саратовской области. Еще восточнее она встречена на Хлопковом городище севернее Саратова [15, с. 186] и на ряде поселений по р. Терешке. Публикуемое погребение в настоящее время является самым восточным памятником культуры многоваликовой керамики и позволяет предполагать, что ее носители проникали далеко на восток от бассейна Дона, по крайней мере до правобережья Волги.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Братченко С. Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики).— В кн.: Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наукова думка, 1977.
2. *Горлачь Н. В.* Памятники культуры многоваликовой керамики в междуречье Орели и Самары.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы. Донецк, 1977.
3. *Братченко С. Н.* Погребения срубной культуры.— В кн.: Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наукова думка, 1977.

4. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1977.
5. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Марина З. П., Лихачев В. А., Попцов В. А.* Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары.— В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1977.
6. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н.* Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский».— В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1978.
7. *Либеров П. Д.* Племена среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964.
8. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977.
9. *Березанская С. С.* Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы. Донецк, 1979.
10. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка, 1976.
11. *Алихова А. Е.* Комаровское поселение у Моечного озера.— МИА, 1958, № 61.
12. *Синицын И. В., Фисенко В. А.* Раскопки на утесе Степана Разина.— АО — 1969. М., 1970.
13. *Хреков А. А.* К вопросу о культурах эпохи бронзы в Прихоперье.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы. Донецк, 1979.
14. *Максимов Е. К.* Памятники эпохи бронзы Саратовского Правобережья по раскопкам 1975—1976 гг.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы. Донецк, 1979.
15. *Малов Н. М.* Охранные работы в правобережных районах Саратовского Поволжья.— АО — 1978. М., 1979.

ПЯТЫХ Г. Г., ФАРАДЖЕВ А. А.

МАЛОУЗЕНСКИЙ КУРГАН ЭПОХИ БРОНЗЫ

Курган, исследованный в 1978 г. отрядом Волго-Уральской экспедиции Института археологии АН СССР, был расположен к востоку от кошар колхоза «Память Ильича» Питерского р-на Саратовской обл., на левом берегу р. Малый Узень. Курган имел эллипсовидную в плане форму. Вокруг насыпи прослеживался ровик, который опоясывал курган не полностью — в западной части имелась перемычка (рис. 1, *1*). Задернованная насыпь имела высоту 0,4 м, диаметр по длинной оси 21 м, по короткой 15,5 м. Стратиграфия насыпи следующая: верхний слой — дерн (от 5 см на полах кургана до 18—20 см в ровике); второй слой — насыпь, состоявшая из серого, сильногумусированного суглинка (мощность до 37 см в центре кургана); третий слой — погребенная почва (мощность ее колебалась в пределах 8—10 см), ее подстилала желтая глина. В центральной части кургана все слои были перемешаны крупными норами животных. В кургане найдено три погребения.

Погребение 1 (рис. 1, *2*) детское, впускное,совершено в насыпи в центральной части кургана, в 2 м от нулевой точки к востоку, на глубине 0,27 м. Скелет был вытянут на спине, головой на юг. Слева у черепа находился лепной сосуд (рис. 1, *3*). Размеры сосуда (в см): высота — 10, диаметр дна — 6,4, тулова — 12,2, шейки — 8, толщина стенок 0,7, дна — 1. Почти все пространство от дна до шейки покрыто шахматным орнаментом, выполненным способом прочерчивания. Погребение принадлежит сарматской культуре и может быть датировано в пределах I в. до н. э.— I в. н. э.

Погребение 2 (рис. 2, *1*) находилось в 6, 7 м к западу от центра. Могильная яма размерами 0,73×0,65 м имела подквадратную форму, ориентирована по сторонам света. Часть ямы была косо задета бульдозером, и ее точную глубину зафиксировать не удалось. Глубина захоронения от нулевой отметки 0,38 м. На дне ямы лежал скелет младенца, скорченно на левом боку, головой на восток, сохранность костей неполная. Перед грудью и животом находились два сосуда.

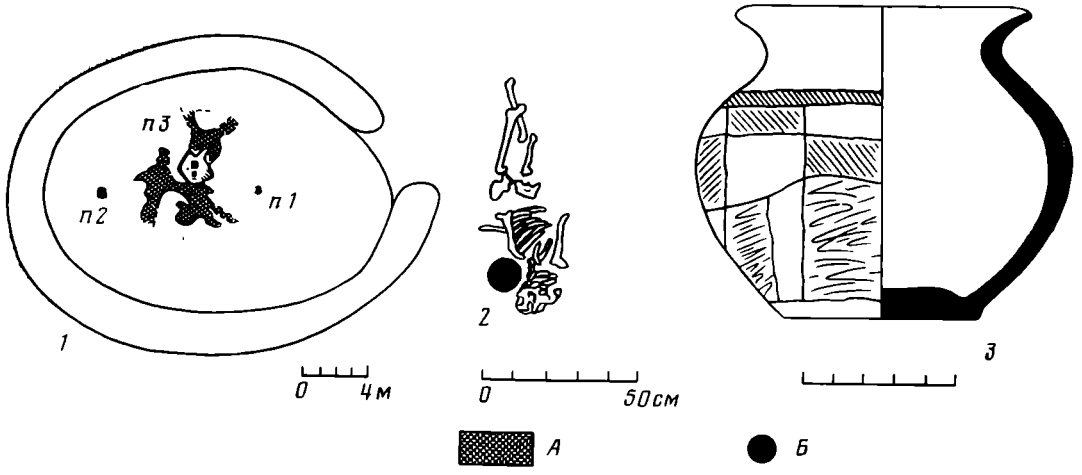


Рис. 1. *1* — план кургана; *2* — погр. 1; *3* — сосуд из погр. 1; *А* — норы; *Б* — сосуд

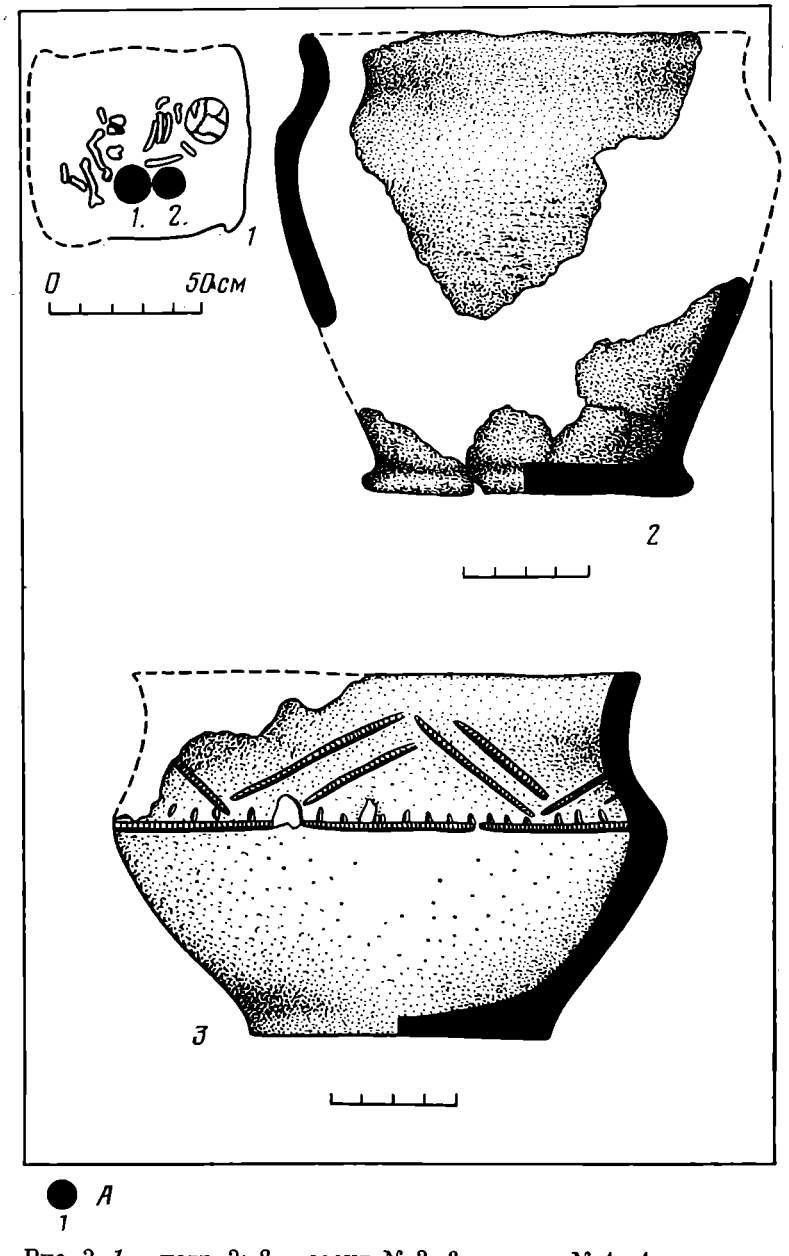


Рис. 2. *1* — погр. 2; *2* — сосуд № 2; *3* — сосуд № 1; *А* — сосуды

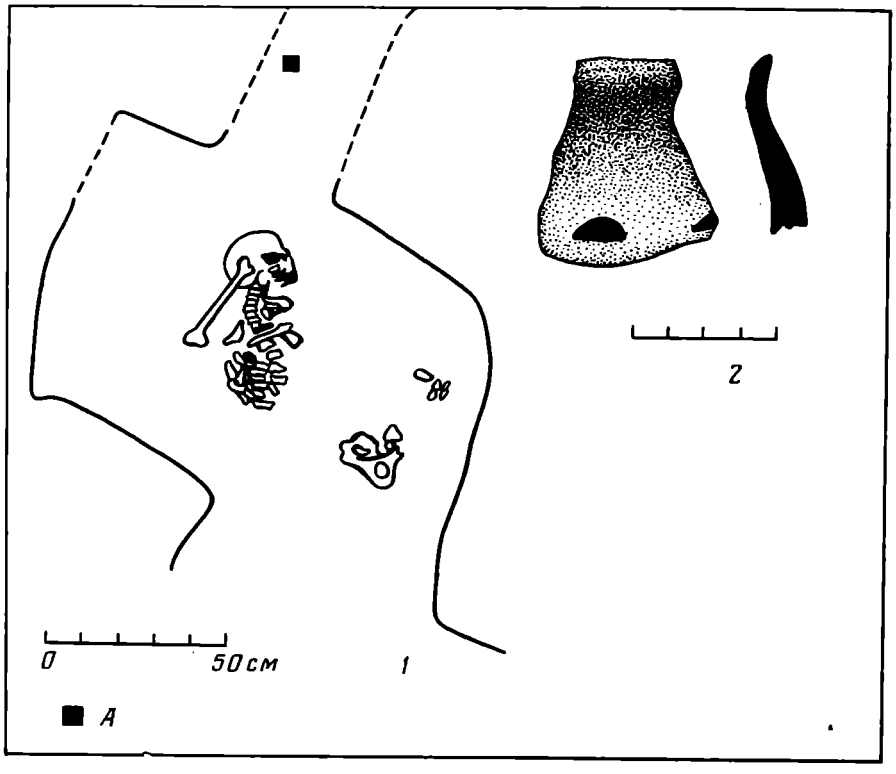


Рис. 3. *1* — погр. 3; *2* — фрагмент сосуда; *А* — фрагмент сосуда

Сосуд № 1 (рис. 2, *3*) имеет следующие размеры (в см): высота — 11,8, диаметр дна — 9,5, по ребру — 18, шейки — 15,5, венчика — 16,4, толщина стенок 0,7—0,9, дна — 0,7. По ребру зубчатым штампом оттиснута горизонтальная линия, от нее вверх отходят вертикальные «гусенички», нанесенные углом того же штампа, между ребром и венчиком этим же штампом выполнены двойные треугольники. Сосуд № 2 (рис. 2, *2*) реконструирован приблизительно. Его размеры (в см): диаметр венчика — около 14,5, по ребру — около 16, диаметр дна — 10,5.

Погребение 3 (рис. 3, *1*) — основное. Оно находилось в центральной части кургана, которая была настолько сильно изрыта крупными норами, что восстановить достаточно объективно форму, размеры и профиль ямы не удалось. Уцелевшие кости скелета были на глубине 0,65 м от нулевой отметки. В непотревоженном состоянии сохранился череп, части позвоночника и таза. Судя по их положению погребенный был скорчен на левом боку и ориентирован головой на север — северо-запад. В одной из нор был найден фрагмент сосуда, видимо, принадлежавшего погребению, орнаментированный пояском ногтевых вдавлений (рис. 3, *2*).

Погребения 2 и 3 относятся к срубной культуре и по керамическому материалу могут быть датированы в самых общих пределах сейминского хронологического горизонта, т. е. от XVI до XIV в. до н. э. Предложить более определенную дату невозможно из-за отсутствия в настоящее время удовлетворительных, общепризнанных систем абсолютных датировок и научной периодизации памятников позднего бронзового века Поволжья.

КОЗЕНКОВА В. И., МИШИНА Т. Н.

О СЮЖЕТНЫХ СЦЕНАХ НА КЕРАМИКЕ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Своей известностью кобанская культура позднебронзового — раннежелезного века Кавказа обязана не только богатству и оригинальности форм бронзовых изделий (оружия, украшений), но, не в меньшей степени, великолепию их самобытного декора. Изысканные сложные геометрические композиции, выразительные зооморфные и антропоморфные фигуры на кобанских топорах, целые жанровые сцены ритуального и космологического характера на бронзовых поясах издавна постоянно привлекали внимание широкого круга исследователей, не только археологов, но историков и искусствоведов [1, с. 42, 353; 2, с. 34—36; 3, с. 357; 4, с. 54, 62; 5, с. 130, 136—138; 6, с. 149].

Меньше обращались при анализе фактов смысловой орнаментации к сосудам, что было обусловлено в первую очередь редкостью по сравнению с металлическими поделками сюжетных изображений на керамике. В настоящее время не приходится сомневаться, что древние носители кобанской культуры, отдавая предпочтение чисто геометрическим орнаментальным мотивам, при определенных условиях придавали орнаменту очевидную смысловую нагрузку. Таковы сосуды (в основном миски) Березовского, Кисловодского, Султангорского, Клинярского и других могильников западного варианта кобанской культуры. Специальный анализ декора этих предметов начала I тысячелетия до н. э. достаточно доказательно свидетельствует, что нанесенные на сосуды символы отражают представления древних кавказцев об астрономических явлениях (времена года, зимнее и летнее солнцестояние и т. п.) и наполнены магическим смыслом [7, с. 194—202; 8, с. 158—162].

Но сосуды с реалистически выполненными жанровыми сценами все же очень редки. Как правило, это изображение одного или группы животных, расположенных по окружности сосуда в определенном порядке. Наиболее ранние изображения на кобанских сосудах налепные, а не нарезные или прочерченные. Это в первую очередь олени и лоси на больших корчагах из Сержень-юртовского могильника и поселения [9, с. 74]. К этому же периоду (не позднее VIII в. до н. э.) относится выполненное в технике налепа изображение на бикоптческом горшке всадника верхом на олене из погребения 12 Сержень-юртовского могильника [9, табл. I, VI, *10*]. К доскифской эпохе относятся и прочерченные на сосудах изображения животных из ряда могильников западного варианта. Такова миска с изображением лошадей (рис. 1, *2*) из Кисловодского могильника [3, с. 194, рис. 30]. Очень тонко и точно изображена вереница козлов на глиняном кубке (рис. 1, *1*), обнаруженном нами в гробнице 1 с кремациями X— начала VIII в. до н. э. в Терезинском могильнике близ Учкекена.

Собственно в той же стилистической манере исполнены олени в галопе на редких сосудах кобанского типа из памятников скифского периода на Северном Кавказе (Ставрополь, Нальчик, Пятигорск, Нартан). Декор традиционно приписывается влиянию скифской степной культуры, хотя еще А. А. Иессен обращал внимание на отсутствие подобного сюжета на керамике собственно скифской территории [2, с. 40]. Сопоставление изображений, манеры их нанесения, сравнение стилистики фигур на ранних и поздних сосудах вносят сомнение в безусловность, казалось бы, устоявшейся точки зрения [7, с. 171]. Возможна и обратная картина: сюжеты и изобразительная манера послужили одним из источников формирования скифских изображений. Свидетельством этому служит существование других сосудов, одновременных сосудам с «оленьей» тематикой. Они чрезвычайно близки по технологии и по манере исполнения, но отличаются сюжетом. Такова, например, давно известная кружка из Урванского с рисунком змеи и человека, о кобанской изобразительной традиции которого писал А. А. Иессен [2, с. 36; 10, с. 45, табл. V, *3*]. Такова изящная вереница оленей на обломке кружки из так называемого

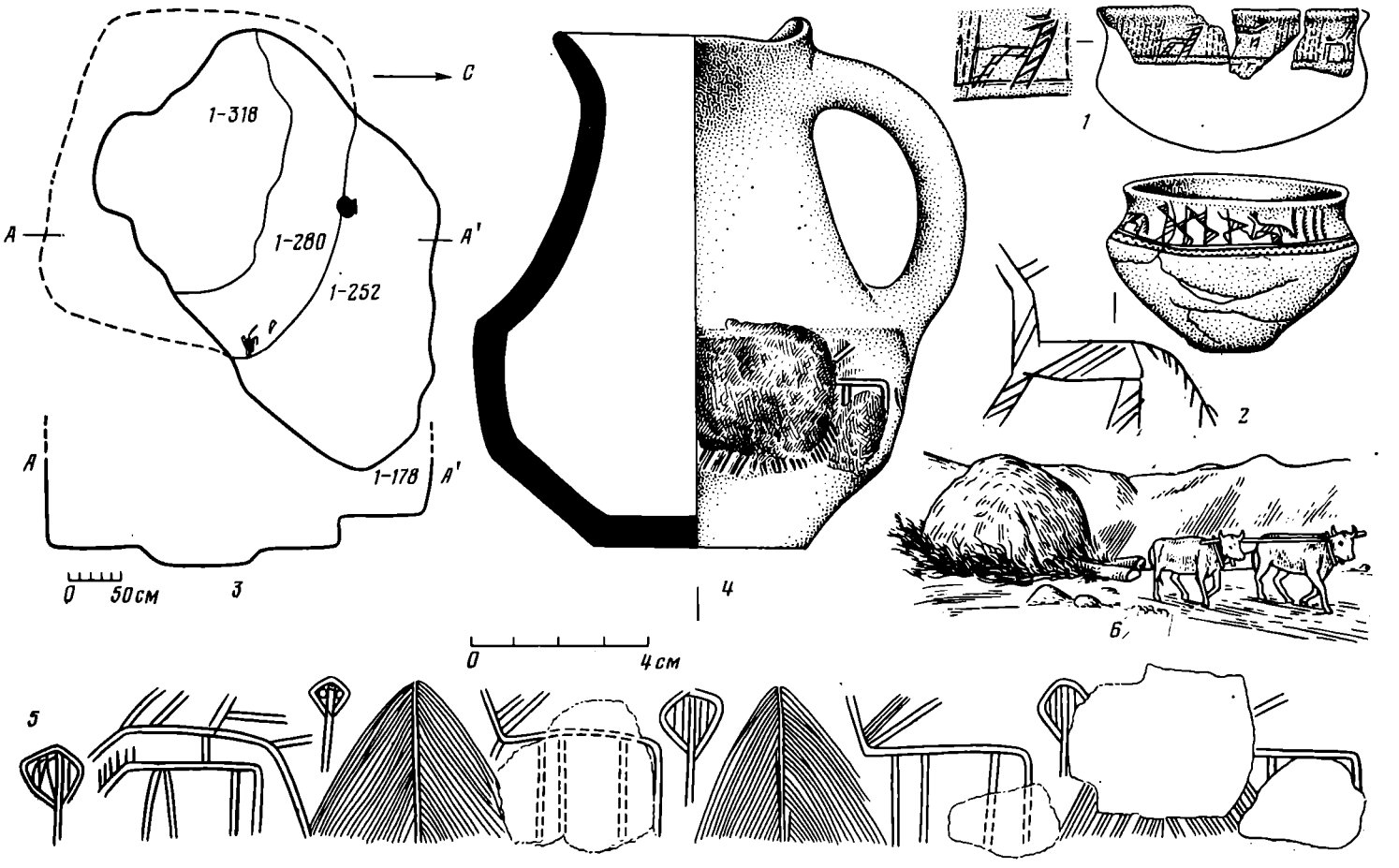


Рис. 1. Сюжетные изображения на сосудах *1* — кубок из гробницы I Терезинского могильника (раскопки В. И. Козенковой); *2* — миска из Кисловодского могильника (раскопки В. В. Бобина); *3* — план погребения и грабительской ямы в кург. 1 близ ст. Урухской (раскопки М. В. Андреевой и Т. Н. Мишиной); *4*, *5* — сосуд из кург. 1 близ ст. Урухской и развертка орнамента на нем; *6* — перевозка сена у айрумов (по К. Т. Каракашлы)

Отрадненского (на самом деле Отказненского) могильника на левобережье р. Кумы [7, рис. 20, *1*]. Эти изображения живейшим образом напоминают вышеупомянутые более ранние, несомненно, кобанские изображения из Терезе и Кисловодска.

Наиболее доказательным фактом неслучайности сюжетных изображений на кобанских сосудах является недавно обнаруженный сосуд из станицы Урухской, характеристика которого заслуживает самого пристального внимания.

В 1981 г. у станицы Урухской Георгиевского р-на Ставропольского края экспедицией Института археологии АН СССР был исследован курган 1 диаметром 36 и высотой 1,11 м. Основное погребение в кургане было почти полностью разрушено грабительской ямой. По остаткам разрозненных человеческих костей, интенсивно окрашенных красной охрой, а также по характеру светло-розового тлена на дне могильной ямы погребение отнесено к эпохе средней бронзы. Однако в северо-восточной части грабительской ямы, в самом низу у дна, был обнаружен глиняный сосуд[1] более позднего времени (рис. 1, *3*). Это был приземистый одноручный кувшинчик с отогнутым наружу приостренным венчиком, узкой горловиной, плавно переходящей в четко профилированное расширенное тулово. Сосуд имел серолощеную, пятнистую поверхность, в ряде мест поврежденную. Размеры сосуда (в см): высота 11,2; диаметр горла 6,5; диаметр тулова 10,8; диаметр дна 4,7 (рис. 1, *4*). По окружности наиболее выпуклой части тулова был нанесен нарезной орнамент. Тип сосуда, технология, пропорции его находят ближайшие соответствия среди множества подобных сосудов VII—VI вв. до н. э. из могильников и поселений западного варианта кобанской культуры (Каменномостский, Минеральводский, Уллубаганалы II и др. на северо-западе Центрального Кавказа) и в некоторых курганах VII—VI вв. до н. э. на Ставропольской возвышенности, определяемых как раннескифские. Характер и место сосуда в грабительской яме, таким образом, дают в руки исследователя редкое свидетельство об ограблении древнего кургана в скифской период. Кроме того, условия находки говорят скорее всего о том, что сосуд не имел какого-то специального назначения, а использовался в быту.

Особенно примечательным оказался декор сосуда. Уникальнейшая композиция была прочерчена по сырой глине до обжига, что исключает мысль о вторичном характере орнаментации. По окружности тулова располагались три близких друг другу композиции (рис. 1, *5*). Каждая из них включала схематически выполненные фигуру животного, рисунок дерева с кроной и стволом и конусовидную фигуру, густо заполненную косо направленными вниз штрихами. Все три композиции тесно смыкались друг с другом, подчеркивая тем самым непрерывность представленной сцены. Начало и конец ее разделялся выступающей ручкой кувшинчика. На развертке (рис. 1, *5*) предстает выразительная картина вереницы из четырех животных, тянущих за собой груз конусовидной формы. Превосходно передана упряжь на первом в ряду животном. Схематичность контура рисунка не позволяет с полной уверенностью назвать вид животного, но более всего рисунок напоминает примитивные изображения быков.

Следует отметить, что кроме штрихов, символизирующих упряжь, фигура первого быка отличалась от остальных и другими деталями. Двойной контур как бы подчеркивал величину и мощь животного. В отличие от других композиций, рядом с первым быком имелась еще одна фигура. Она размещалась между животным и грузом (рис. 2, *1*). По схеме фигура близка изображениям деревьев, но меньше размером. Но самое главное отличие — это изображение двух глаз в виде выпуклых кружков и двух линий (рук?), указывающих на связь фигуры и животного. Думается, не будет ошибкой видеть в этом рисунке примитивное изображение человека. Вспомним глиняные антропоморфные фигурки в виде столбиков

[1] Пользуемся возможностью поблагодарить начальника Георгиевского отряда М. В. Андрееву за любезно предоставленную возможность публикации уникальной находки.

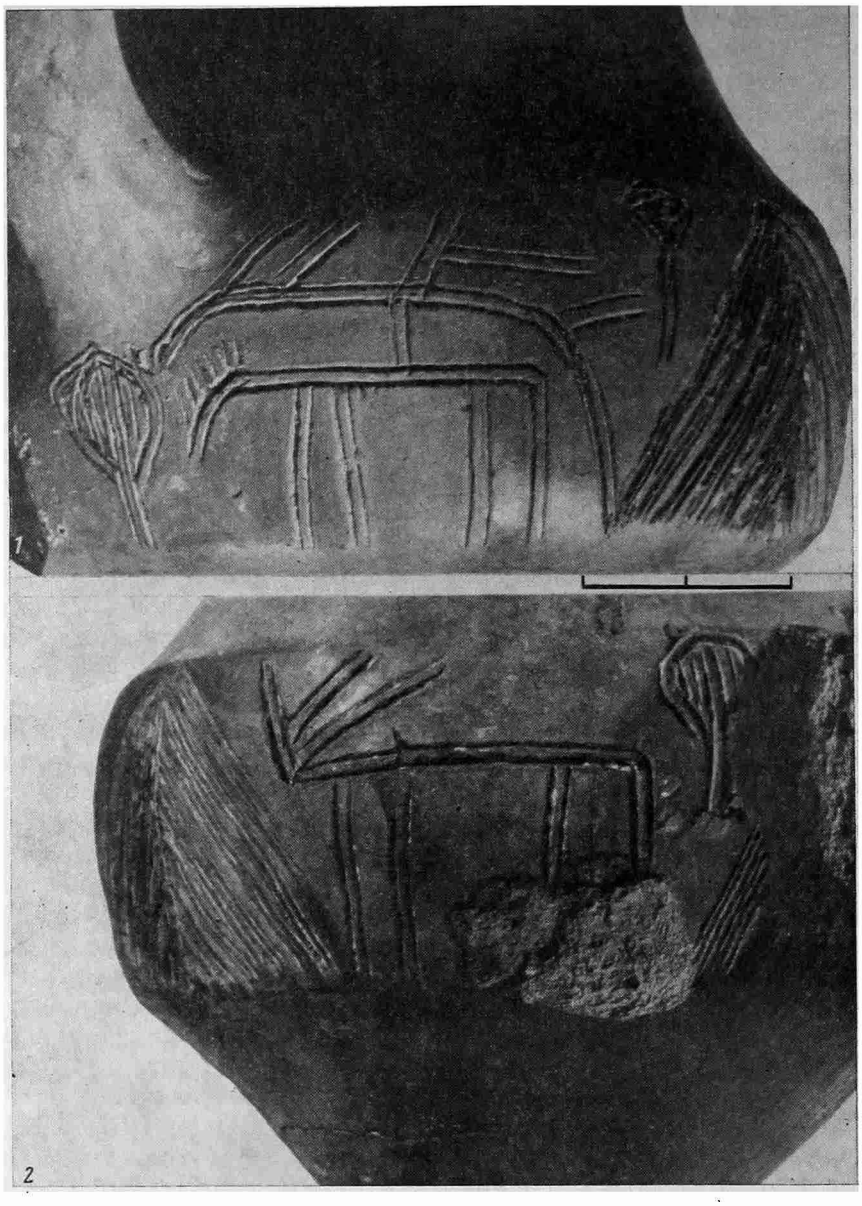


Рис. 2. Изображения на сосуде из кург. 1 близ Урухской (увеличено)

из восточнокобанского поселения близ Сержень-юрта [11, с. 75, рис. 25] и в особенности упомянутое выше изображение человека на олене из одноименного могильника.

Таким образом, на сосуде из Урухской скорее всего воспроизведена какая-то сцена сельскохозяйственных работ. Наиболее близкие зрительные соответствия этой сцене мы находим при сравнении с иллюстрацией (рис. 1, *б*) и особенно при описании сеноуборочной страды, по мнению этнографов-кавказоведов очень близкой в деталях у разных групп населения региона. Все исследователи подчеркивают глубокую архаичность такой формы коллективного труда по сравнению, например, с хлебопашеством и лесозаготовительными работами [12, с. 254; 13, с. 175, 184, 185, 188]. У этнографов можно найти очень живое и выразительное описание этого события. В период сенокоса и уборки косовицы определенные группы горского населения, как правило, отдельные семьи с различным достатком и связанные родственными или соседскими взаимоотношениями, объединялись для единовременной не терпящей отлагательства трудоемкой работы [12, с. 218, 220; 13, с. 178, 180; 14, с. 90, 92]. Важная роль при уборке сена отводилась объединению тягловой силы (образова-

нию так называемой «супряги»). С крутых склонов скошенное и собранное сено перевозили на волокушах при помощи 2—6 быков. Перемещали сразу целые копны, форма которых была конусовидная [15, с. 49, рисунок]. Обычным делом была замена волокуши просто срубленным деревом, на ветки кроны которого укладывалась копна (рис. 1, *б*), как это практиковалось, например, у айрумов Азербайджана [12, с. 220, 223, рис. 45].

Подобная совместная работа была заметным, памятным событием в сельском быту горцев. Она сопровождалась определенными ритуальными действиями, строго регламентированным распределением обязанностей, очередности действий, совместным пиршеством и поеданием жертвенных животных, т. е. зрелищем эмоционально окрашенным и надолго запоминающимся его участникам [12, с. 255—256]. Потому не удивительно, что такое событие могло послужить темой изобразительного замысла древнего художника. По нашему мнению, подобный бытовой сюжет и оказался на кувшинчике из станицы Урухской. Представленная выразительная сцена лишний раз подтверждает разнообразие характера орнаментации на древних сосудах. Такие сюжеты, как человек и змея, всадник на олене скорее всего были связаны с мифологией. Не исключено, что как раз в последнем случае представлено конкретное зрительное воплощение сказа нартского эпоса («а сын Афсати[2] из лесных владений сюда примчался на рогах оленьих...») [16, с. 121]. Не вызывает сомнения и космогоническая символика на ряде сосудов.

Такие сцены, как вереницы оленей или козлов, и в особенности сцены, подобные изображению на кувшинчике из Урухской, убедительно подтверждают высказанное мнение Е. И. Крупнова [3, с. 365] о существовании еще одного аспекта в изобразительном творчестве древних кобанцев — отражение наиболее важных моментов реальной жизни, в частности некоторых сторон производственной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, т. VIII.
2. *Иессен А. А.* Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа.— В кн.: Археологические экспедиции Гос. Эрмитажа. Вып. 1. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1940.
3. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
4. *Урушадзе Н. Е.* К семантике прикладного искусства древнего Кавказа и Закавказья.— СА, 1973, № 1.
5. *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
6. *Виноградов В. Б.* К характеристике кобанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле.— В кн.: Скифо-сибирской звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
7. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чечено-Ингушское книжн. изд-во, 1972.
8. *Рыбаков Б. А.* Календарный фриз северокавказского сосуда. VIII—VII вв. до н.э.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
9. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант.— САИ, вып. В2—5. М., 1982.
10. *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии.— МИА, 1941, № 3.
11. *Козенкова В. И.* Антропоморфные статуэтки из Сержень-юрта.— КСИА, 1966, вып. 108.
12. *Каракашлы К. Т.* Материальная культура азербайджанцев. Баку: Изд-во АН АзССР, 1964.
13. *Чиковани Т.* Формы коллективного труда у двалетских осетин.— Кавказский этнографический сборник. Вып. V. 3. Тбилиси: Мецниереба, 1980.
14. *Калоев Б. А.* Осетины. М.: Наука, 1971.
15. *Сергеева Г. А.* Арчинцы. М.: Наука, 1967.
16. Нарты. Эпос осетинского народа. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

[2] Афсати — бог леса, покровитель диких животных. Особенно почитали его охотники.

КОТИГОРОШКО В. Г.

МАЛОКОПАНЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ РУБЕЖА НАШЕЙ ЭРЫ В ЗАКАРПАТЬЕ

Дакийское городище у с. Малая Копаня (Виноградский р-н Ужгородской обл.) является одним из интереснейших памятников рубежа нашей эры в Закарпатье. Систематические исследования его проводятся экспедицией Ужгородского государственного университета с 1977 г. За четыре полевых сезона (1977—1980 гг.) вскрыта площадь 2150 м², что позволило получить важные материалы как для понимания памятника, так и для изучения всего Верхнетисского региона.

Городище расположено на высокой горе правого берега р. Тиса (рис. 1). Высота площадки городища от уреза воды — 80 м. Склоны отвесные, местами обрывистые. Восточное подножье городища омывается водами Тисы, южное и юго-западное — низменные. Общая площадь городища 5 га. Оно занимает обе вершины горы и вытянуто с севера на юг.

Оборонительная система городища состоит из трех валов. Первый — основной вал вписывается в рельеф южной вершины, проходя по краям обрывистых склонов, за исключением пологого восточного, который он пересекает. Насыпь возведена из культурного слоя. Высота ее 0,4—1,6 м, ширина 1,5—2 м. Особенно хорошо укреплен въезд. Его основание углублено на 2,2 м, что значительно увеличивало высоту вала, имеющего здесь ширину до 8 м. В основание вала укладывались большие камни.

В северо-восточной части городища вал не выделялся над поверхностью, так как с течением времени был размыт и ополз. Его присутствие установлено по каменной кладке основания, выявленной раскопками. Кладка шла по краю склона и имела ширину 1—1,6 м. Монолиты были уложены на подсыпку, состоящую из желтой глины, перемешанной с культурными остатками (керамика, уголь, обмазка). Подсыпка сделана для увеличения отвесности склона и, следовательно, повышала оборонительную характеристику вала. С этой же целью с внешней стороны вала, проходящего по восточному склону горы, сделан эскарп.

Наиболее уязвимой была северная сторона поселения, примыкающая к седловине, где высота склона составляла 15—20 м. Поэтому с целью более жесткой защиты поселения на северной вершине горы были возведены два дополнительных вала. Они идут дугами, с наибольшим удалением 60 м друг от друга, на востоке доходят до обрыва, а на западе смыкаются у дороги, проходящей по склону. Высота валов 0,5—0,7 м, ширина 1,7—2,2 м. Они насыпаны из желтой глины с галечным включением. Территория, заключенная между седловиной и третьим валом (местное название «Малое городище»), не содержит культурного слоя, в насыпях валов обнаружено лишь несколько фрагментов керамики. Заселенной была площадь, ограниченная первым валом (3,5 га). Раскопы, шурфы и траншеи показали наличие сплошного культурного слоя на всей территории поселения. Мощность отложений 0,2—0,6 м.

Кроме фортификационных сооружений на городище исследовались хозяйственно-бытовые и производственные постройки, ямы. В общей сложности раскопано 6 жилищ, 9 хозяйственных и 2 производственных постройки, 10 открытых очагов и печь, а также 28 хозяйственных ям.

Все исследованные жилища в плане имеют прямоугольную форму, стенками или углами ориентированы по сторонам света. По конструктивным особенностям они разделяются на два типа. К типу 1 относятся жилища с несколько углубленным в материк полом (0,1—0,25 м), площадью 10,2—23,5 м². К типу 2 относятся наземные жилища со столбовой конструкцией стен. Центральную часть их занимали овальные в плане очажные ямы.

Хозяйственные постройки, как и жилища, разделены на два типа. К типу 1 отнесены углубленные постройки площадью 2,5—7 м² и глубиной 0,2—0,5 м; в своем большинстве они имели прямоугольную форму.

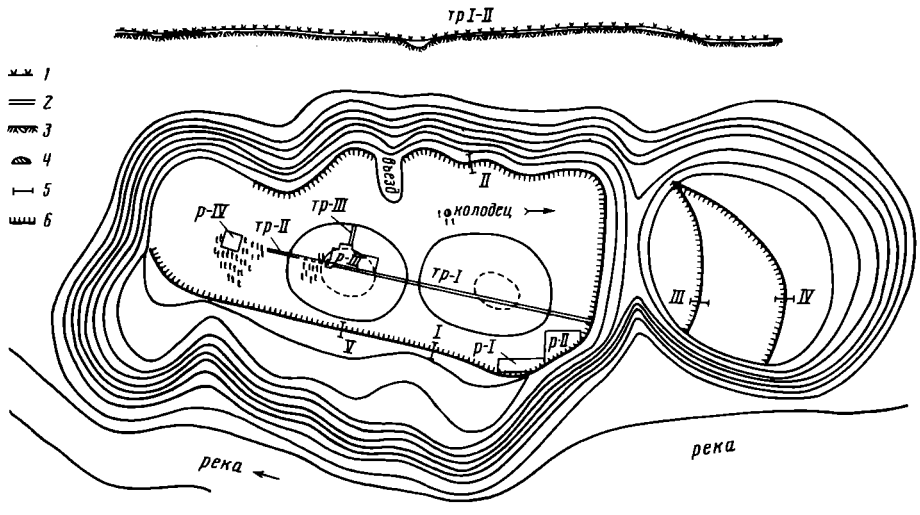


Рис. 1. План Маколопаньского городища. *1* — гумус; *2* — культурный слой; *3* — материк; *4* — насыпь вала; *5* — разрез вала; *6* — вал

Наземные постройки, выделенные в тип 2, прослежены по скоплениям обожженной обмазки, под которой обычно идет слой угля и встречаются развалы сосудов. Площадь этих построек — от 8,6 до 19 м². Среди производственных построек выделяется кузнечная мастерская, где обнаружены ножи, тигли, льячка, ключ, кузнечные клещи, гвозди, костыли и другие предметы.

В культурном слое и заполнении объектов городища содержалось значительное количество самых разнообразных изделий из глины, металла, камня, стекла. Значительная группа изделий представлена керамикой. Лепная керамика изготовлялась из глины с примесью шамота, дресвы, песка. Основные формы этой посуды: горшки, корчаги, «вазы для фруктов», миски, кувшины, конические чашки с ручками (рис. 2), реже встречаются кубки, сковородки и крышки. Горшки и корчаги украшались разнообразнейшим пластическим декором (налепные валики с защипами, шишечки, гирлянды), врезными волнистыми линиями, кружка́ми, а также пальцевыми вдавлениями. «Вазы для фруктов», кувшины и кубки с ручкой покрывались черным лощением или просто черной краской. Конические чашки украшались насечкой или пальцевыми вдавлениями по венчику. Реже употреблялись налепные валики и «елочный» декор. На гончарном круге изготавливались пифосовидные зерновики, кувшины, миски, «вазы для фруктов», а также тонкостенные расписные сосуды. В глиняное тесто добавлялся песок или очень мелкий шамот. Для этой посуды характерна тщательность отделки и изящество форм (рис. 2, *3*, *4*, *7*, *8*, *18*). Вазы, миски и кувшины большей частью сероглиняные, покрывались темно-серым, коричневым и черным лощением. Расписные сосуды красноватого цвета. На ее поверхность наносились чередующиеся полосы из белой и коричневой красок (рис. 2, *3*, *7*). Употреблялся и сетчатый декор. Пифосы украшались волнистыми и прямыми горизонтальными линиями. Графитовая керамика встречается очень редко и в довольно мелких обломках.

Кроме посуды из глины изготовлялись грузила, тигли, пряслица, лощила, льячки (рис. 2, *20*, *23*, *24*). Довольно разнообразны поделки из железа. Это топоры, ножи, мастерок, ключи, костыли, гвозди, пробойники, ножницы, шпора, наконечники копий и стрелы, вток. Бронзовые вещи представлены набором браслетов, шейной гривной, фибулой, подвеской, проколкой, обломком бронзового котла, иглой и рядом других поделок. Сравнительно многочисленны жернова и оселки.

При датировке городища основополагающим материалом является керамика. Она полностью соответствует фазе III развития дако-гетской посуды (по классификации И. Г. Кришана), т. е. укладывается в рамки 100 г. до н. э.—106 г. н. э. [1, с. 151—206]. Нижнюю границу суще-

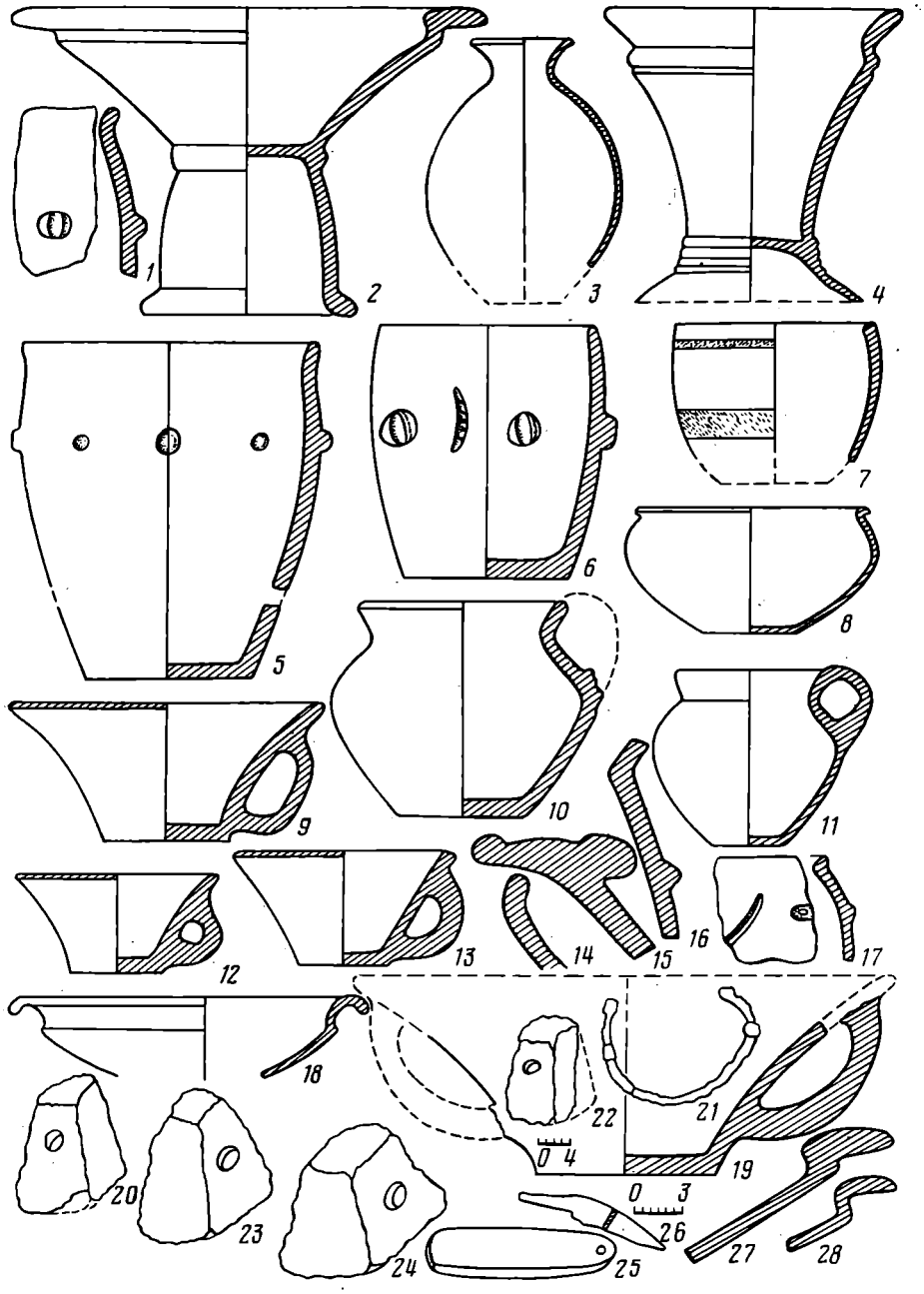


Рис. 2. Вещевой комплекс жилища 5 Малокопаньского городища. *1*, *2*, *5*, *6*, *9—14*, *16*, *17*, *19*, *27*, *28* — лепная посуда; *3*, *4*, *7*, *8*, *15*, *18* — гончарная посуда; *20*, *22—24* — глиняные грузила; *21* — железный браслет; *25* — оселок; *26* — нож

ствования памятника может уточнить расписная керамика, широко встречающаяся в заполнении объектов. Время ее появления в Верхнем Потисье относится к 80—60-м годам до н. э. [2, с. 870, 871]. Второй половиной I в. до н. э.—I в. н. э. датируется серебряная монета бистерецкого типа [3, с. 195, 196]. На I в. н. э. приходится время существования сильнопрофилированной бронзовой фибулы с ромбической головкой [4, с. 36, табл. 7, *3*, *4*] (постройка 3). I в. до н. э.—I в. н. э. определяется бытование небольших шпор с маленькими дужками и узким шипом [5, с. 126, 127].

Окончание функционирования городища связано с резким прекращением жизнедеятельности его обитателей. Мощные горелые слои, обгорелые плахи, пережженная обмазка стен, которые погребли сосуды, находившиеся в жилищах и постройках, значительный вещевой инвентарь — все это свидетельство гибели городища в огне пожара.

Период существования городища приходится на время значительных этнополитических изменений в Карпатской котловине, затронувших и население Верхнего Потисья. Открытие в регионе дакийских городищ[1] дает возможность в новом аспекте взглянуть на процессы, проходившие в среде верхнетисских племен. Кроме того, материалы городищ, и в первую очередь Малокопаньского, в совокупности с имеющимися в нашем распоряжении письменными источниками позволяют дать им историческую интерпретацию.

Консолидация гето-дакийских племен на территории Трансильвании, начавшаяся в первых десятилетиях I в. до н. э., завершается созданием в 60-х годах до н. э. мощного политического объединения под руководством Буребисты [7, с. 134]. Экспансия гето-даков на север и Среднее Подунавье с созданием государства приводит к установлению их полной гегемонии в Карпатской котловине и гибели многих кельтских оппидумов (Strab., VII, 3, 11). В огне пожарищ прекращает свое существование крупнейший ремесленный центр Верхнего Потисья — Галиш Ловачка. Немые свидетели разгрома поселка — сотни железных и каменных орудий труда, предметы быта, собранные с его территории [8, с. 48—72]. Внезапность нападения не позволила обитателям Галиш Ловачки ни унести их, ни закопать.

Одновременно с разгромом кельтов возводятся укрепления вдоль верхнего течения Тисы в Солотвино, Малой Копане и Земплине. Эти пункты становятся наиболее северными форпостами молодого государства. По свидетельству Страбона, после уничтожения кельтских племен бойев и теврисков граница гето-даков простиралась до Паннонского Дуная и далее по левому берегу реки, в нынешней Словакии, до Западных Карпат (Strab., VII, 3, 1). Сообщение античного географа подтверждается археологическими данными с территории Словакии и Восточной Венгрии. А. Точик [2, с. 866] и З. Визи [9, с. 24, 25] отмечают тождественность лепной керамики и части вещевого инвентаря с памятников рубежа нашей эры указанных территорий синхронным дакийским материалам Трансильвании.

Что касается Закарпатья, то до недавнего времени существовало мнение лишь о наличии некоторых культурных связей или в крайнем случае о проникновении незначительных групп даков [8, с. 178]. Исследования последних лет позволяют говорить не только о проникновении дакийского населения в родственную им северофракийскую среду Верхнего Потисья [10, с. 239, 247], но и о вхождении этого региона в состав государства Буребисты. Неопровержимым свидетельством этого являются дакийские городища верховьев Тисы. Наиболее крупным и мощным укрепленным поселением типа «дава» среди них было Малокопаньское городище, которое, возможно, являлось центром всего Марамуреша. К 60—50-м годам до н. э. относится усиленное строительство городищ, крепостей и в других частях Дакии. Особенно укрепляется район Орэштии, ставший сердцем дакийской культуры и государственности. М. Макря на основании письменных источников (Цезарь, Страбон) приходит к выводу, что усиленное строительство Буребистой опорных пунктов связано с планом Цезаря после разгрома Помпея идти на даков [7, с. 134].

Во второй половине I в. н. э. на территории Трансильвании создается новое политическое объединение во главе с даками, в которое входили приблизительно те же племена, что и в государство Буребисты. По мнению Т. Д. Златковской и Л. Л. Полевого, число племен и земель, входивших в царство Децебала, превосходило объединение Буребисты [11, с. 57], с чем нельзя согласиться. Ведь ко второй половине I в. н. э. даками была потеряна значительная территория. Низовья Правобережного Дуная вошли в состав провинции Нижней Мезии [12, с. 297], Тисо-Дунайское междуречье было захвачено язигами [13, с. 211, 234], а Среднее Подунавье — квадами [14, с. 303]. Верхнее Потисье продолжа-

[1] К этой группе памятников относится городище у пос. Солотвино (Тячевский р-н), а также, по нашему убеждению, и Земплин (Восточная Словакия), который классифицирован Б. Бенадиком как кельтский оппидум [6, с. 484, 485].

ло оставаться дакийской территорией, о чем свидетельствуют функционировавшие в этот период городища.

Расцвет дакийской культуры, наблюдавшийся в течение I в. до н. э.—I в. н. э., был прерван дако-римскими войнами, закончившимися в 106 г. разгромом государства Децебала и созданием провинции Дакии. Судьбу трансильванских городищ и крепостей, погибших в огне пожарищ, под мечами римских легионов, разделило и Малокопаньское городище.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Crisan J. H.* Ceramica daco-getică. Bucuresti, 1969.
2. *Točik A.* К otázke osidlenia juhozapadného Slovenska na zlome letopočtu.— AR, 1959, XI, 6.
3. *Čaplovič P.* Púchovské sidlisko Trniny nad Velkým Bystercom.— SA, 1960, VIII — 1.
4. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, вып. Д1-30. М., 1966.
5. *Glodariu I., Jaroslavschi E.* Civilizatia fierului la daci (sec. II i. e. n.— I e. n.). Cluj-Napoca, 1979.
6. *Benadik B.* Obraz doby latènskej na Slovensku.— SA, 1971, XIX — 2.
7. *Macrea M.* Burebista si celtii de la Dunărea de mijloc.— SCIV, 1956, t. VII, nr. 1—2.
8. *Бідзілля В. І.* Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ: Наук. думка, 1971.
9. *Visy Z.* Die Daker am Gebiet von Ungarn.— In.: Evkönyve, t. 1. Szeged, 1970.
10. *Котигорошко В. Г.* Итоги изучения могильника Иза 1 в Закарпатье.— СА, 1980, № 1.
11. *Златковская Т. Д., Полевой Л. Л.* Городища Прутско-Днестровского междуречья IV—III вв. до н. э. и вопросы политической истории гетов.— В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1969.
12. История Древнего Рима. / Под ред. А. Г. Бокщанина и В. И. Кузищина. М.: Высш. школа, 1971.
13. *Колосовская Ю. К.* Паннония в I—III вв. н. э. М.: Наука, 1973.
14. *Bóna J.* Beiträge sur archäologie und geschichte der Quaden.— AAH, 1963, t. XV, fasc. 1—4.

БАТЧАЕВ В. М.

ГУННСКИЙ КОТЕЛ ИЗ СЕЛЕНИЯ ХАБАЗ

На северо-западной окраине селения Хабаз (Зольский р-на КБ АССР, Верховья р. Малки), в урочище Шияккы-Кол находится раннесредневековый могильник с подземными каменными склепами, сооруженными в склоне горного массива. Археологические раскопки здесь никогда не производились. Лишь дважды (в 1913 и 1966 гг.) исследователями были осмотрены погребения, полуразрушенные и ограбленные местным населением: прямоугольные в плане сооружения длиной до 2,3 м, шириной до 1,25 и высотой 0,7—1 м, сложенные из грубообработанных плит известняка и перекрытые сверху двумя-тремя такими же плитами. Входные отверстия имелись в одной из поперечных стенок и вначале, по-видимому, хорошо просматривались в срезе горного склона, но к настоящему времени они скрыты под наносами грунта [1, с. 4; 2, с. 19, 20]. В. А. Кузнецов включил Хабазский некрополь в число памятников центрального локального варианта аланской культуры. Исследователь склонен атрибутировать склепы в качестве погребальных сооружений аборигенов — средневековых потомков кобанских племен [3, с. 79, 80, 85].

Летом 1981 г. строительными работами были потревожены три склепа. К сожалению об этом стало известно слишком поздно, и поэтому собрать необходимые сведения о погребальном обряде не удалось. Инвентарь был перемешан и, таким образом, уже не дает точного представления о составе комплексов; часть находок уже утрачена. В сектор археологии КБИИФЭ переданы следующие предметы: *1.* Девять глиняных сосудов высотой от 5,5 до 51 см преимущественно черного или темно-серого цвета, с лощеной поверхностью (рис. 1, *1*, *5—7*, *10*, *11*, *18*, *19*). Один из сосудов (рис. 1, *9*) отличается красным цветом и нелощеной, хотя и тщательно заглаженной поверхностью, некоторые сосуды укра-

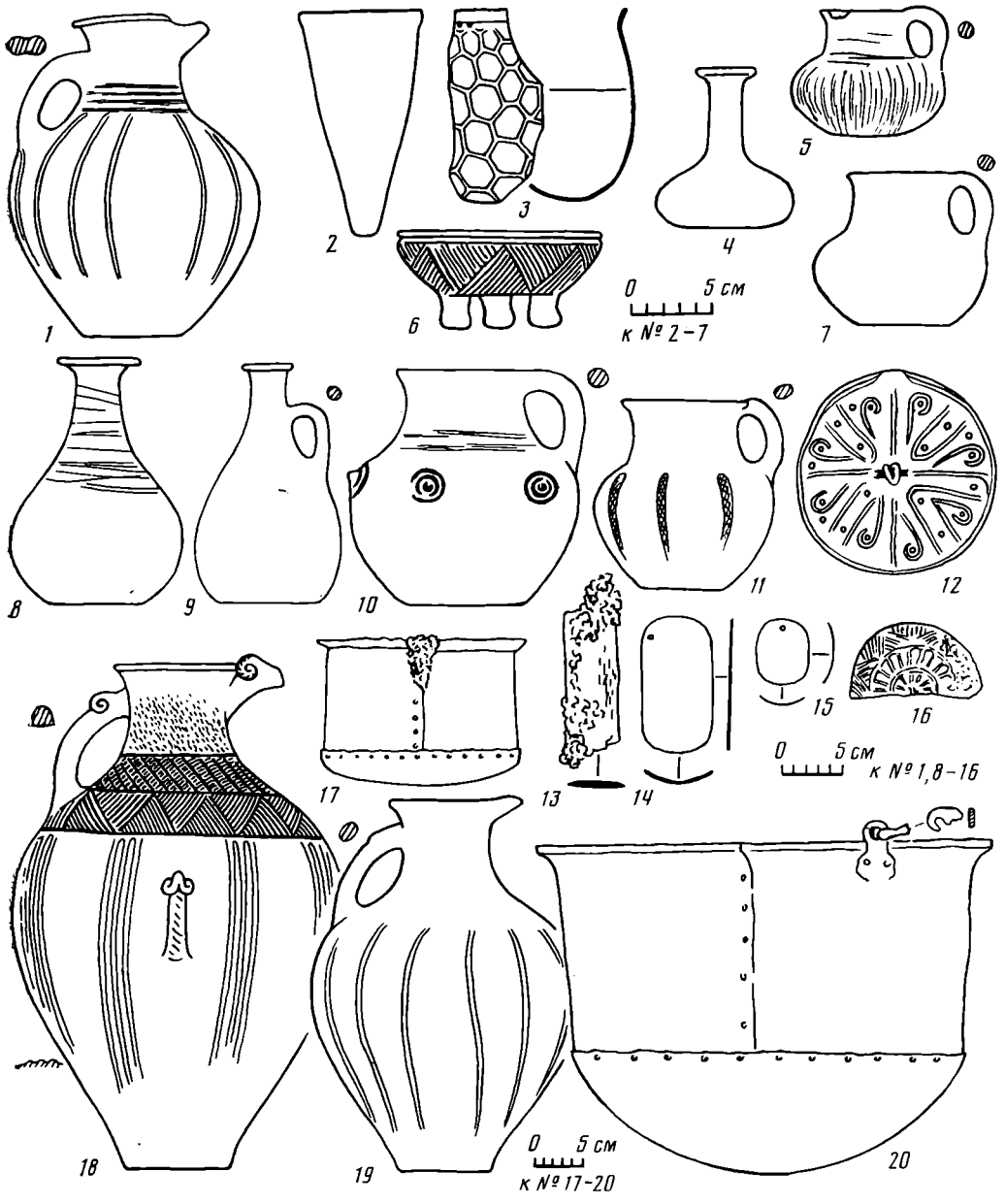


Рис. 1. Инвентарь из склепов у с. Хабаз. *1*, *5—7*, *10*, *11*, *18*, *19* — глина, *2—4*, *8* — стекло, *12*, *14—17*, *20* — бронза, *13* — железо

шены вертикальными валиками (рис. 1, *1*, *18*, *19*), другие желобками (рис. 1, *5*, *11*), а на миниатюрной мисочке с тремя ножками (рис. 1, *6*) и на плечиках крупного кувшина (рис. 1, *18*) узоры прочерчены лощилом. *2*. Четыре стеклянных сосуда высотой от 10 до 21 см (рис. 1, *2—4*, *8*). Цвет их бледно-зеленый, за исключением одного бесцветного (рис. 1, *2*). Шейка одного из сосудов обмотана зеленой стеклянной нитью (рис. 1, *8*). *3*. Два бронзовых котла высотой 16 и 34,5 см с цилиндрическим туловом и округло-выпуклым дном (рис. 1, *17*, *20*). Их железные ручки почти не сохранились; у крупного котла (рис. 1, *20*) конец ручки расплющен. *4*. Два зеркала из высокооловянистой бронзы, одно из них фрагментировано. Диаметр 10,5 и 17 см. С обратной стороны украшены прямыми и спиральными валиками (рис. 1, *12*, *16*). *5*. Две вогнутые бронзовые пластинки с округлыми краями длиной 5,7 и 11,7 см и толщиной 0,5 и 1,5 мм имеют по одному сквозному отверстию (рис. 1, *14—15*). Назначение их неясно. *6*. Несколько обломков железного меча (?) шириной 4,5 см (рис. 1, *13*).

Из всех этих находок наибольший интерес вызывает литой бронзовый котел, относящийся к типу котлов, известных в археологической литера-

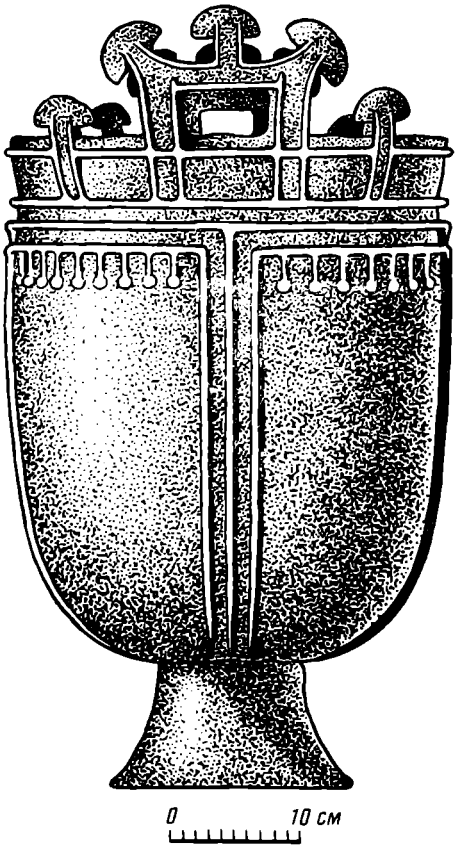


Рис. 2. Бронзовый котел из склепов у с. Хабаз

туре под наименованием «гуннских». Его высокое изящное тулово покоится на коническом поддоне, вверху имеются две ручки с фигурными декоративными выступами, поверхность тулова украшена тройными рельефными валиками и горизонтальным пояском в виде свисающей бахромы. К устью котла приклепан кусочек листовой бронзы, хотя явных следов повреждения здесь не отмечено. Основание поддона фрагментировано; на его сохранившуюся часть «вдет» новый, более широкий поддон, скрепленный с ней несколькими заклепками. Внешняя поверхность сосуда сильно закопчена, вес его около 15—20 кг. Максимальный диаметр тулова 31,5 см, общая высота котла 57,5 см (рис. 2).

Особенности сосуда позволяют отнести его ко второму типу гуннских котлов Восточной Европы (по классификации И. Ковриг), распространенному главным образом в бассейне Дуная [4, с. 107—108, рис. 4, *а*, *б*]. Предполагается, что дифференциация подобных сосудов на три типа отражает три этапа продвижения гуннов в Восточную Европу [4, с. 18, 19] и что второй тип котлов мог сложиться в Подунавье. Находка рассматриваемого нами котла вне основного ареала, далеко на востоке, не может не привлечь внимание. Возможно, хабазская находка свидетельствует о появлении в предкавказских степях какой-то группы дунайских гуннов. По данным письменных источников, такие миграции действительно имели место, причем в ряде случаев они были связаны с грабительскими походами в Закавказье через перевалы Центрального и Западного Кавказа [5, с. 48—57]. Указанные события происходили преимущественно во второй половине V в. [5, с. 48—57]; очевидно, этим периодом и следует датировать хабазский котел.

Необычен факт обнаружения сосуда в горах, в погребении аборигена. Едва ли он мог попасть в данный район в порядке обмена: у гуннов эти котлы являлись ритуальными [6, с. 47—48] и, следовательно, не могли служить предметом купли-продажи. Скорее всего это своеобразный трофей, захваченный в одной из стычек горцев со степняками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ермоленко М. И.* Могилы седой старины Нальчикского округа Терской области.— ТСУАК, 1913, вып. V.
2. *Мизиев И. М.* Отчет об археологических работах в верховьях р. Малки в Кабардино-Балкарии летом 1966 г. Архив КБИИФЭ, № 1745.
3. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. М.: Наука, 1962.
4. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
5. *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
6. *Рикман Э. А.* Художественные сокровища древней Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1969.

КАМИНСКАЯ И. В.

ФИБУЛА ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Публикуемая фибула (рис. 1) найдена в 1981 г. при осмотре размытой водами Краснодарского водохранилища части селища № 4, расположенного в 3,5 км юго-восточнее хутора им. Ленина (Советский р-н г. Краснодара). Материалы селища датируются VII—IX вв., оно перекрыло меотский могильник IV—III вв. до н. э.

Фибула изготовлена из цельного листа серебра, ее длина 10,1 см, ширина 4,8 см. Щитки гладкие. На верхнем у основания дужки сохранилась накладка из золотой (позолоченной?) фольги, украшенная штампованным орнаментом и прикрепленная при помощи двух бронзовых штифтов. По сторонам щитка видны следы от налегавших на него боковых стоек, на обороте — след от крепления средней стойки пружины. Судя по ширине отпечатка, она была или отогнута у основания вбок, или сделана из двойной пластинки с отогнутыми в обе стороны и припаянными к щитку краями.

Фибула относится к типу двупластинчатых с накладками [1]. По технике исполнения она находит себе аналогии среди находок в Керчи, но наиболее близка фибулам из могильника на р. Дюрсо близ Новороссийска [2]. По форме верхней пластины ее можно отнести к варианту 1-а фибул Дюрсо (по классификации А. В. Дмитриева) и датировать в пределах второй половины V и, может быть, также первой трети VI в. [2]. Для точного датирования важно учесть и форму ножки, но этому мешает плохая сохранность нижней части краснодарской фибулы.

Фибулы с накладками чрезвычайно редки на Северном Кавказе (кроме района Новороссийска). На Средней Кубани же фибула этого типа вообще встречена впервые. Находки подобных фибул свидетельствуют о связях с Крымом. Возможно, один из центров их производства был также возле Новороссийска. Другие указания на раннесредневековые контакты с Крымом дают находки таких импортных предметов, как боспорская пальчатая фибула VI—VII вв. с территории Пашковского могильника 1 близ Краснодара [3; 4, с. 213, 214, рис. 1] и две римские фибулы IV в. с луковичными головками из могильника Байтал-Чапкан в верховьях Кубани [5, рис. 7, *4*; 6, с. 75, табл. 13, *7*, 26, *1*].

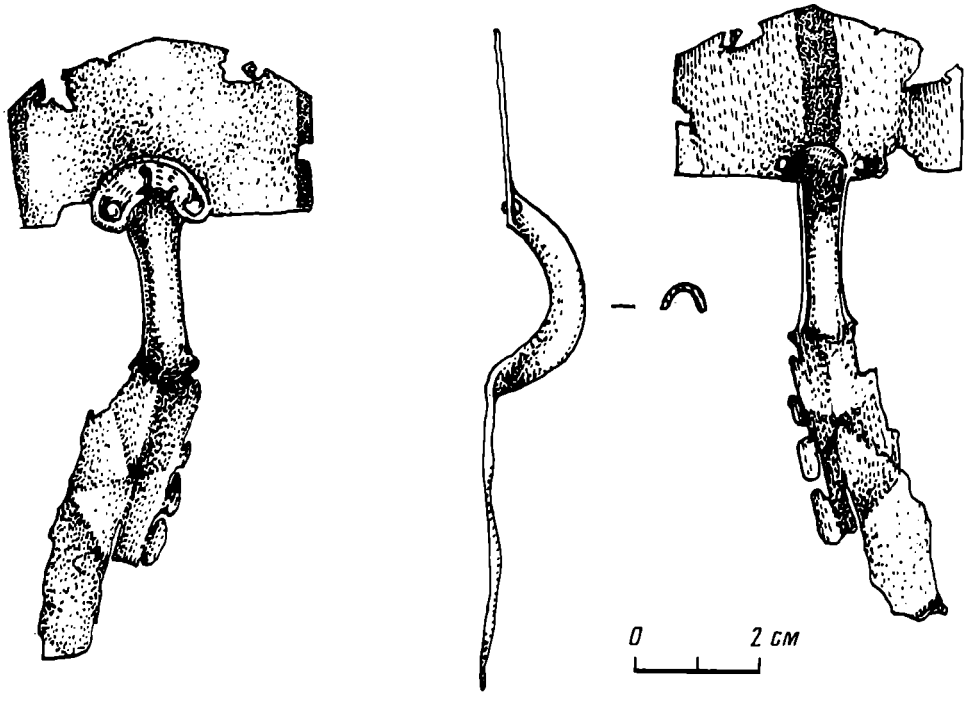


Рис. 1. Фибула из окрестностей Краснодара (серебро)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амброз А. К.* О двупластинчатых фибулах с накладками.— В кн.: Древности эпохи великого переселения народов. М.: Наука, 1982.
2. *Дмитриев А. В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо.— В кн.: Древности эпохи великого переселения народов. М.: Наука, 1982.
3. *Покровский М. В.* Пашковский могильник № 1.— СА, 1936, т. I.
4. *Амброз А. К.*— СА, 1966, № 4.— Рец. на кн.: J. Werner. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitlicher Schmuck). Bd 1. Die Fibeln. Berlin, 1961.
5. *Минаева Т. М.* Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии.— СА, 1956, т. XXV.
6. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.— САИ. Вып. Д1-30. М., 1966.

МОЛЧАНОВ А. А.

ПЕЧАТЬ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНЯГИНИ XIII В. ИЗ ЖИТОМИРА

В июле 1971 г. в Житомире, на Замковой горе — древнем городище, велись земляные работы. Местные школьники, обследуя только что вырытую траншею, обнаружили в ее стенке на глубине около 30—40 см свинцовую печать прекрасной сохранности. Любознательные находчики буллы, желая узнать, из какого металла она сделана, разломили ее пополам и одну половинку расплавили, а вторую отдали позднее местному краеведу В. Я. Каплуну[1]. По словам находчиков, они извлекли из земли вместе с печатью «ржавые железные гвозди необычайной формы», которые потом были ими за ненадобностью выброшены.

Сохранившаяся часть свинцового кружка буллы (рис. 1, 2) имеет размеры 23×11 мм, а его первоначальный диаметр равнялся, как видно, 25—27 мм (линия излома совпала с продольной осью внутреннего канала). Публикуемая печать несет на обеих сторонах патрональные изображения святых и, таким образом, принадлежит к самому большому по численности разряду сфрагистических памятников домонгольской Руси. По размерам и фактуре она сходна с другими буллами того же типа XII — первой половины XIII в. На одной стороне ее находится изображение святой в рост и фрагментированная надпись: О АГІ ... , на другой стороне — изображение святого Константина в рост и легенда: [О АГІОС] КОСТ НТИНЪ.

Наиболее полная классификация и атрибуция печатей этого типа произведена В. Л. Яниным. Подавляющее большинство их принадлежало князьям, правившим в Новгороде в XII — первой трети XIII в. [1, с. 87—127, 193—208, 232—235; ср. 2, с. 55]. Некоторые разновидности употреблялись в конце XI — середине XIII в. в Киеве, Смоленске, Полоцке, Чернигове, Переяславле и Галицко-Волынской земле [1, с. 127—130, 208—211], а часть их осталась неопределенной [1, с. 130, 131, 211—216, 235, 236].

Из 419 экз. булл с патрональными изображениями святых на обеих сторонах, зарегистрированных в Корпусе древнерусских печатей, лишь 13 были найдены в Киеве и Киевской земле, на территории которой, по данным письменных источников, находился в XIII—XV вв. Житомир, а 6 — на соседней Волыни. Для самого Житомира подобные находки вообще не известны.

Как установил еще Н. П. Лихачев [3, вып. 1, с. 26—102], опиравшийся на четко документированные буллы второй половины XIII в. со сходным композиционным оформлением, один из двух святых на булле обычно был патроном ее владельца, а другой — патроном его отца. Единственное известное исключение из этого правила составляет пока печать, приписываемая В. Л. Яниным переяславскому епископу Лазарю (занимал епископскую кафедру в Переяславле в 1105—1117 гг.). Она несет на себе, помимо изображения святого Лазаря, еще изображение святого

[1] Сведения об обстоятельствах находки сообщены В. Я. Каплуном, любезно предоставившим автору возможность изучить публикуемую печать в подлиннике.

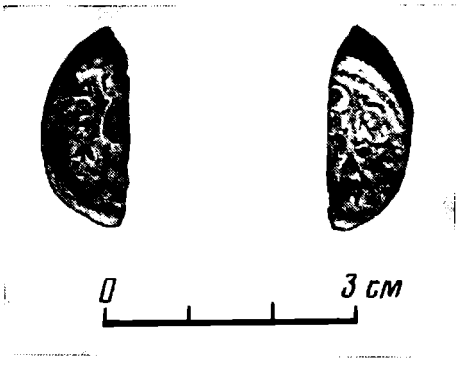


Рис. 1. Печать древнерусской княгини XIII в. из Житомира (фото)

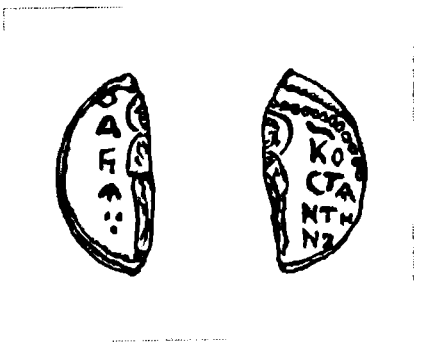


Рис. 2. Печать древнерусской княгини XIII в. из Житомира (прорисовка)

Василия Кесарийского — патрона Владимира Мономаха, княжившего в Переяславле с 1094 по 1113 г. (таким образом, устанавливается датировка указанной печати: 1105—1113 гг.) [1, с. 127, 129, 148, 210, № 225]. В данном случае владелец буллы, оказавшийся церковным феодалом, помещает на ее оборотной стороне изображение патрона своего князя. Подобное явление, по мнению В. Л. Янина, вполне допустимо в тот период, когда рассматриваемый нами тип княжеской печати еще окончательно не сложился.

Интересной особенностью печати из Житомира является наличие на одной из ее сторон изображения святой, а не святого. Это заставляет думать, что публикуемая булла принадлежала одной из древнерусских княгинь. Случаев помещения на буллах изображений патронесс матерей князей — владельцев печатей не отмечено еще ни разу, в то время как изображение отцовского святого патрона практиковалось постоянно.

Печати княгинь встречаются неоднократно среди сфрагистических памятников домонгольской Руси. Самая ранняя из них — булла Марии, жены князя Всеволода Ярославича и матери Владимира Мономаха (около 1054—1067 гг. [1, с. 17—19, 170, № 23; 4, с. 204, 212—221; 5, с. 59; 6, с. 168; 7, с. 243—248; 8, с. 82]. 1078—1086 гг. датируется печать Олисавы-Гертруды, вдовы князя Изяслава Ярославича [1, с. 122, 127, 130, 210, № 226; 3, вып. 2, с. 37; 6, с. 168—169; 9, с. 158—160]. К концу XI — началу XII в. относятся буллы Феофано Музалон, жены князя Олега-Михаила Святославича [1, с. 24—29, 171, 172, № 30 (там же приведена обширная библиография); 8, с. 76—90]; Христины, жены новгородского князя Мстислава Владимировича [1, с. 33, 173, № 39; 3, вып. 1, с. 164—166, вып. 2, с. 40; 10, с. 249; 11, с. 189]; Ирины, жены князя Святополка Изяславича [1, с. 84, № 78; 6, с. 168, 169, 172; 12, с. 48]. От XII в. дошли печати трех полоцких княгинь — Софии [1, с. 98, 102, 127—129, 209, 210, 232, № 221; 3, вып. 2, с. 40; 6, с. 169; 13, с. 106—108; 14, с. 37; 15, с. 101; 16, с. 30; 17, с. 244, 245; 18, с. 233, 235; 19, с. 19; 20, с. 114—116], Евфросинии [1, с. 231, 232, 234, № 121а; 19, с. 17—19; 20, с. 115, 116] и еще одной, не известной по имени [1, с. 115, 118, 127, 129, 210, 232, № 222; 17, с. 242—244, 18, с. 233; 19, с. 19; 20, с. 115, 116], а также Марии, предположительно жены князя Всеволода Ольговича [1, с. 71, 84, 189, 190, № 116; 3, вып. 1, с. 117, 118; 6, с. 169; 10, с. 251; 11, с. 190; 21, с. 63, 64]. Примерно тем же временем, вероятно, нужно датировать печать другой княгини Марии [1, с. 127, 130, 212, 213, 232, № 239]. Последняя булла вместе с печатями Олисавы-Гертруды и двух полоцких княгинь — Софии и не известной по имени — входит, как и публикуемая печать, в разряд булл с патрональными изображениями святых на обеих сторонах.

К сожалению, утрата половины кружка буллы из Житомира не позволяет прочесть имя святой, а сохранившееся лишь частично ее изображение не обнаруживает никаких иконографических особенностей, способ-

ствующих ее отождествлению. Зато святой на другой стороне печати определяется благодаря помещенной здесь легенде без труда: это святой Константин. Судя по сфрагистическим аналогиям, в князе Константине, патроном которого был указанный святой, следует видеть скорее всего мужа княгини — владелицы публикуемой печати [2].

Наметить путь к решению проблемы атрибуции буллы древнерусской княгини, найденной в Житомире, помогает обращение к другим сфрагистическим памятникам. Как оказалось, она обнаруживает замечательное сходство, одновременно в типологическом, фактурном, стилистическом и палеографическом отношении, с буллами № 196—202, зарегистрированными в Корпусе древнерусских печатей (буллы № 196—200 несут изображения святого Димитрия Солунского и архангела Гавриила, буллы № 201—202 — святого Димитрия Солунского и святого царя Константина) [3]. Особенно схожи изображения святого Константина и сопровождающие их легенды на публикуемой печати и булле № 201: идентичны начертание букв, разбивка имени святого по строкам, тонкая пластическая разработка фигуры и драпировки одеяния на ней, точечный ободок.

Не вызывает сомнений, что матрицы для буллотириев обеих печатей изготовлял один и тот же мастер. О работе одного и того же резчика над буллотириями печатей № 199, 200 и 201 ранее говорил В. Л. Янин [1, с. 127]. Теперь коллекция произведений данного мастера-торевта пополняется еще одним высокохудожественным сфрагистическим образцом — печатью из Житомира.

Перечисленные выше памятники сфрагистики, близкие публикуемой печати, появились в пределах первого десятилетия XIII в. Буллы № 196—200 надежно атрибуированы Н. П. Лихачевым и В. Л. Яниным как принадлежавшие новгородскому князю Святославу Всеволодовичу (дважды сидел на новгородском столе: в 1200—1205 и 1208—1210 гг.), а булла № 201, как и в точности повторяющая ее булла № 202, отнесена старшему брату Святослава — новгородскому князю Константину Всеволодовичу [1, с. 106, 107, 126, 206; 3, вып. 1, с. 71—74].

Константин Всеволодович находился на новгородском столе с 20 марта 1205 г. по февраль 1208 г. [22, с. 49—51, 246, 248; ср. 23, с. 116, прим. 65, с. 118, прим. 74]. Этим кратким хронологическим периодом и датируются буллы № 201 и 202. К тому же промежутку времени следует, по-видимому, отнести и появление зависимой от буллы № 201 публикуемой печати не известной по имени княгини, в которой приходится видеть жену князя Константина Всеволодовича.

Основные события биографии Константина, старшего сына Всеволода Большое Гнездо, сообщают летописи. Он родился в 1186 г. и уже в 1196 г. повенчан с дочерью (надо думать, столь же юной) княжившего тогда в Пскове Мстислава Романовича из смоленских Ростиславичей (с 1197 по 1214 г. Мстислав сидел уже в Смоленске). В 1205 г. Константин посажен отцом в Новгороде, а в 1208 г. переведен в Ростов. После смерти отца ему удалось в результате упорной борьбы, завершившейся Липицкой битвой 1216 г., занять владимирский стол. Умер он в 1218 г. После Константина остались три сына: Василько (род. в 1209 г.), Всеволод (род. в 1210 г.) и Владимир (род. в 1214 г.), княжившие затем соответственно в Ростове, Ярославле и Угличе.

Матерью всех трех братьев Константиновичей была, по-видимому, не названная летописью по имени смоленская княжна, дочь Мстислава Романовича. Именно ей и должна принадлежать публикуемая печать, которую, учитывая ее зависимость от буллы № 201, можно включить в общую классификацию древнерусских булл под № 201а. Имя владелицы печати

---

[2] За это говорят примеры печатей Марии, матери Владимира Мономаха, и Софии Полоцкой. Правда, на обороте буллы Олисавы-Гертруды изображен святой патрон ее сына Ярополка Изяславича. Но данное отклонение от обычного правила связано с особыми обстоятельствами, а именно с тем, что княгиня в то время жила при дворе Ярополка, будучи уже вдовой и покинув стольный Киев после смерти мужа [1, с. 130; 9, с. 160].

[3] На единство всей этой группы булл указывает В. Л. Янин [1, с. 107].

из Житомира остается пока неизвестным. Но будем надеяться, что обнаружение новых экземпляров данной буллы позволит установить имя этой княгини.

Возможное время бытования публикуемой печати приходится ограничить первой четвертью XIII в. [24, с. 82, 83]. С одной стороны, вряд ли она начала применяться ранее, чем булла № 201, датируемая 1205—1208 гг., от которой она типологически и иконографически непосредственно зависима (близкое сходство обеих булл может свидетельствовать, как уже говорилось, скорее в пользу их почти синхронного употребления). Продолжаться же использование буллы № 201а могло и в последующие годы. С другой стороны, обращает на себя внимание место находки публикуемой печати. Житомир в XIII в. принадлежал Киевскому княжеству (впервые он упоминается летописью под 1240 г., но существовал, несомненно, намного раньше). И именно в Киеве сидел с 1214 по 1223 г. отец предполагаемой владелицы буллы № 201а — Мстислав Романович Старый. Появление в одном из пунктов Киевской земли документа, скрепленного печатью дочери местного князя, выглядит в таких условиях вполне уместным. Примечательно и то, что документ, относящийся к первой четверти XIII в., появляется в Житомире на два-три десятилетия раньше первого упоминания этого города в летописи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. М.: Наука, 1970.
2. *Матюшкина Г. И.* Новые находки вислых печатей из раскопок 1970—1973 гг.— ВМУ, сер. история, 1976, № 1.
3. *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1—2. Л.: Изд-во АН СССР, 1928—1930.
4. *Янин В. Л., Литаврин Г. Г.* Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха.— В кн.: Историко-археологический сборник. М.: Изд-во МГУ, 1962.
5. *Мец Н. Д.* Новые поступления Нумизматического отдела музея.— Ежегодник ГИМ. 1960 год. М.: Советская Россия, 1962.
6. *Янин В. Л.* Печати с надписью «Дьнѣслово».— СА, 1962, № 2.
7. *Soloviev A. V.* Marie fille de Constantin IX Monomaque.— Byzantion, 1963, t. XXXIII.
8. *Янин В. Л.* Печати Феофано Музалон.— НиС, 1965, вып. 2.
9. *Янин В. Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк.— НЭ, 1963, т. IV.
10. *Орлов А. С.* Материалы для библиографии русских печатей (XI—XV вв., до 1425 г.).— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
11. *Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI—XV вв. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
12. *Седова М. В.* Раскопки Ярополча Залесского.— КСИА, 1963, вып. 96.
13. *Рыбаков Б. А.* Печать Георгия и Софии (из истории борьбы горожан Киева с князьями в XII в.).— КСИИМК, 1949, вып. XXIX.
14. *Стубавс А.* Археологические раскопки в Кокнесе в 1962 г.— В кн.: Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1962 г. Рига, 1963.
15. *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига: Зинатне, 1965.
16. *Штыхов Г.* О торговых и культурных связях древнего Полоцка с Прибалтикой.— В кн.: Тезисы докладов на научной сессии, посвященной итогам экспедиций археологов, этнографов и фольклористов в 1964 году. Пленарное заседание. Рига, 1965.
17. *Штыхов Г. В.* Печать XII в. из Полоцка.— СА, 1965, № 3.
18. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв.). М.: Наука, 1966.
19. *Янин В. Л.* Полоцкий матриархат.— Знание — сила, 1970, № 12.
20. *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк (IX—XIII вв.). Минск: Наука и техника, 1975.
21. *Петров Н.* Южнорусские металлические вислые печати дотатарского периода.— Тр. КДА, 1913, № 5.
22. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
23. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М.: Изд-во МГУ, 1962.
24. *Молчанов А. А.* Печать древнерусской княгини XIII в. (Из истории создания древнерусских государственных институтов).— Государственный ордена Ленина Исторический музей. Научная конференция «Историческая общность, социально-экономическое и политическое единство народов СССР». Тезисы. М., 1982.

ШВЕЦОВ М. Л.

ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У с. СМЕЛОЕ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ

В полевой сезон 1978 г. экспедицией ИА АН УССР, возглавляемой С. Н. Братченко, при участии автора было исследовано более 20 погребений поздних кочевников, давших весьма интересный и богатый материал [1]. Так, в одном из курганов эпохи бронзы у с. Смелое Славяносербского р-на Ворошиловградской обл., расположенном на водоразделе правого берега р. Северского Донца, находилось впускное захоронение человека с конем, относящееся к половецкой эпохе. Оно произведено в центре кургана, в подбойной могиле, ориентированной с северо-востока на юго-запад (рис. 1, *1*) [2].

Вход в устроенный с южной стороны подбой закрывали плахи, расщепленные из стволов березы и молодых дубков (диаметром до 50 см). В подбое, в деревянном гробовище, вырубленном из целого ствола дуба, в форме, близкой к лодке (ладье) [3], лежал вытянуто на спине скелет мужчины 30—35 лет [4], ориентированный черепом на СВ (рис. 1). Гробовище состоит из двух частей. Крышка выдолблена целиком. Долбленная нижняя часть гроба имеет отдельно сделанные торцовые стенки, вставленные в специальные пазы. По краям гробовища есть специальные отверстия для установки и спуска его в могильную яму. У черепа погребенного находилась серебряная серьга (рис. 1, *6*), слева вдоль тела поверх руки положена сабля, рукоятью к плечу (рис. 1, *15*). В кисти правой руки сохранилась деталь плети в виде скрученных между собой железных проволок (рис. 1, *3*). Имелись еще кресало (рис. 1, *2*) и застежки одежды в виде бубенцов (рис. 1, *5*). В ногах стояла деревянная чаша-черпачок, украшенная по тулову красными и черными чередующимися полосами (рис. 1, *4*). Инвентарь, как и обряд захоронения, имеет широкие аналогии в кочевнических древностях XII — первой половины XIII в. [5, 7].

Но самой интересной находкой в этом комплексе можно считать седло, располагавшееся на спине лошади (рис. 2 и 3). Сохранилась не только его деревянная основа (половина передней луки, украшенной костяными обкладками, одна целая полка и часть второй, почти целая задняя лука и под седлом еще «рама» из двух деревянных дощечек), но и кожа от покрытия.

Передняя высокая лука, изготовленная из целого куска дерева, подтреугольна в сечении (рис. 4, *1*). Высота сохранившейся части (от основания по прямой) — 12 см, длина — 21 см. Максимальная толщина в месте перегиба 3,5 см, в центре до 4,5—5 см. По-видимому, она была больше, если учитывать усыхание дерева. Передняя лука сделана наклонной с внутренней стороны седла, и наклон увеличивался по мере приближения к центру (рис. 3, *3* и 4, *1*). Точная форма передней луки дана на рис. 4, *1*, а на рис. 3, *2* лука зафиксирована в ракурсе согласно ее положению в могиле. В разрезе седла на рис. 3, *4* части, попавшие на линию сечения, даны штриховкой, лишь передняя лука показана сбоку, а не в сечении. На рис. 3, *3* в разрезе показаны только обе луки, а прочие части седла видны сбоку. Край луки был окантован костяными

---

[1] О результатах исследования было доложено 21 декабря 1978 г. на конференции в ДонГУ. См.: Программа научной конференции «Итоги полевых археологических исследований 1978 года». Донецк, 1978.

[2] Погребения лошадей параллельно человеку, с противоположной ориентировкой коня и человека, известны начиная с ранних памятников тюркской эпохи в Сибири, на Алтае и в Казахстане. Известны они и в степях Восточной Европы с VI—VII вв. до XIII в. [1, с. 207; 2, с. 207, рис. 2; 3, с. 82; 4, с. 30; 5, с. 62; 6, рис. 4, 5, 7; 7, с. 121, 125, тип XVIII].

[3] Обряд захоронения в лодках присущ кочевым и оседлым народам. Идея реки как пути в страну предков известна у многих народов [8].

[4] Возрастные данные определены Е. А. Шепель. Пользуюсь случаем выразить ей глубокую признательность за информацию.

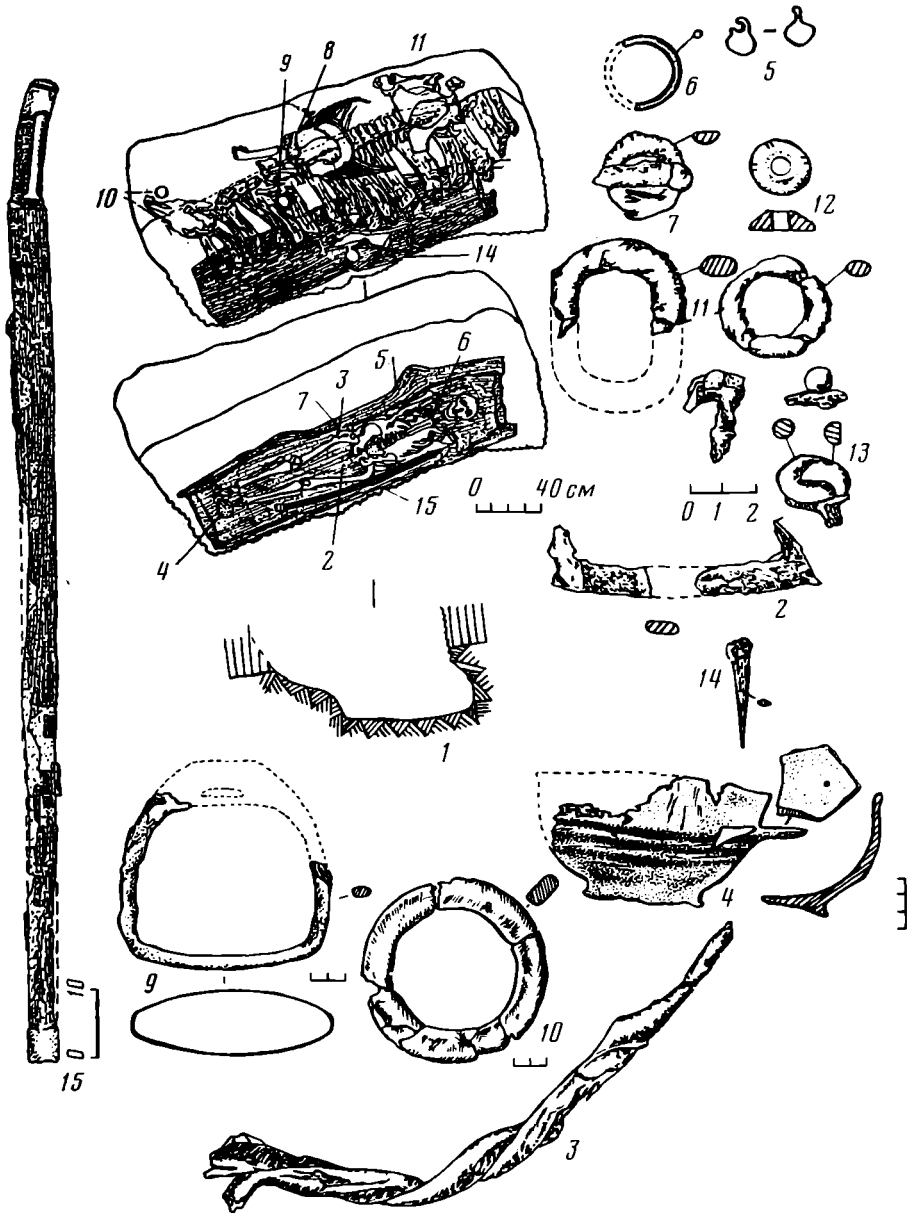


Рис. 1. Погребение кочевника у с. Смелое. *1* — план и разрез погребения. Нумерация инвентаря в погребении и на таблице одинакова. *2* — кресало, *3* — деталь плети, *4* — чаша-черпачок, *5* — пуговицы-бубенцы, *6* — серебряная серьга, *7* — поясная железная пряжка, *8* — седло, *9* — стремена, *10* — кольца псалий, *11* — подпружные пряжки, *12* — костяная пряжка от сбруи, *13* — портупейные пряжки-кольца, *14* — костяной шип рыбы, *15* — сабля

накладками, которые крепились костяными гвоздиками. Следы сохранившейся кожи говорят о покрытии луки кожей. На лицевой части луки сохранились маленькие костяные гвоздики. Но что они крепили — не ясно. Не исключено, что кожу. По нижнему краю луки и у ее центра сохранился ряд небольших наклонных отверстий, диаметром до 0,5 см, со следами сработанности по краю. Они служили для продевания кожаных ремешков или жил, соединяющих части седла между собой. Никаких других следов крепления нет (рис. 2, *2*; 4, *1*, *2*).

Правая полка, сохранившаяся полностью, изготовлена из целого куска дерева (длина 39 см, ширина до 10 см и максимальная толщина в верхней точке крепления к передней луке до 3 см — рис. 4, *2*). Немного изогнутая вследствие деформации (рис. 3, *3*, *4*) ее нижняя сторона почти прямая. Передняя часть полки — ленчик оканчивается вертикальным упо-

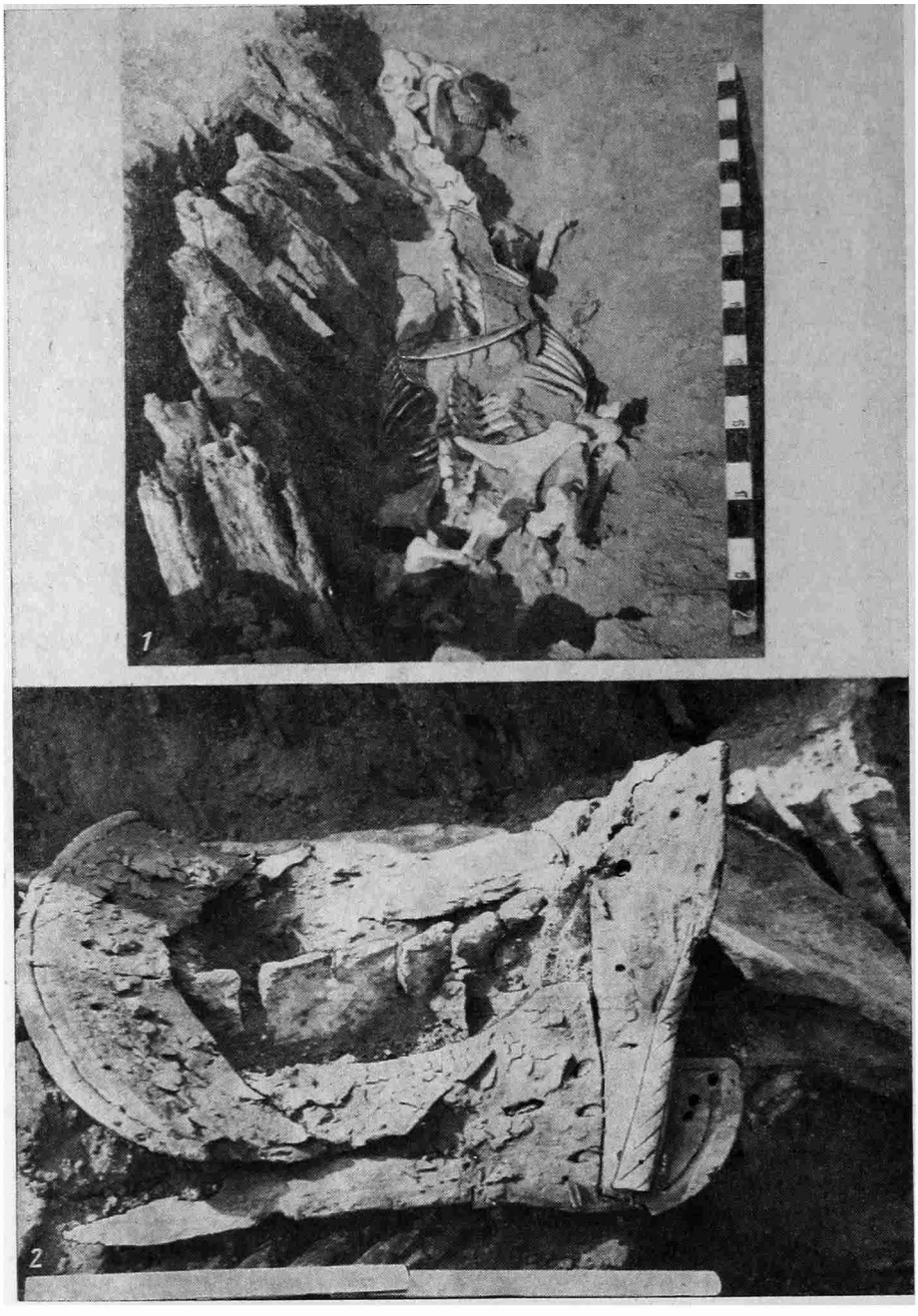


Рис. 2. *1* — фото погребения коня, *2* — седло

ром для крепления луки. В центре полки специально выделено утолщение, несущее, по-видимому, основную нагрузку — всадника (рис. 4, *2*). Интересно, что передняя часть этого утолщения у места его смыкания с лукой образует выступ толщиной около 1,5 см, нависавший над промежутком между полками не менее чем на 4 см (рис. 4, *2*, второй снизу поперечный разрез). Не исключено, что здесь впервые можно наблюдать ту тенденцию в развитии кочевнического седла, которая в итоге привела к появлению у позднейших седел полок с приподнятой широкой площадкой, образующей в середине как бы сомкнутый свод над разделяющим полки пространством. На опубликованном Д. Г. Савиновым телеигитском образце такого седла толщина нависающей части выступа тоже 1,5 см, длина по касательной к плоскости полки около 7,5 см [9, с. 47, рис. 12].

На тыльном конце полки идет небольшой косой уступ для упора нижней боковой части задней луки. Край полки окантован декоратив-

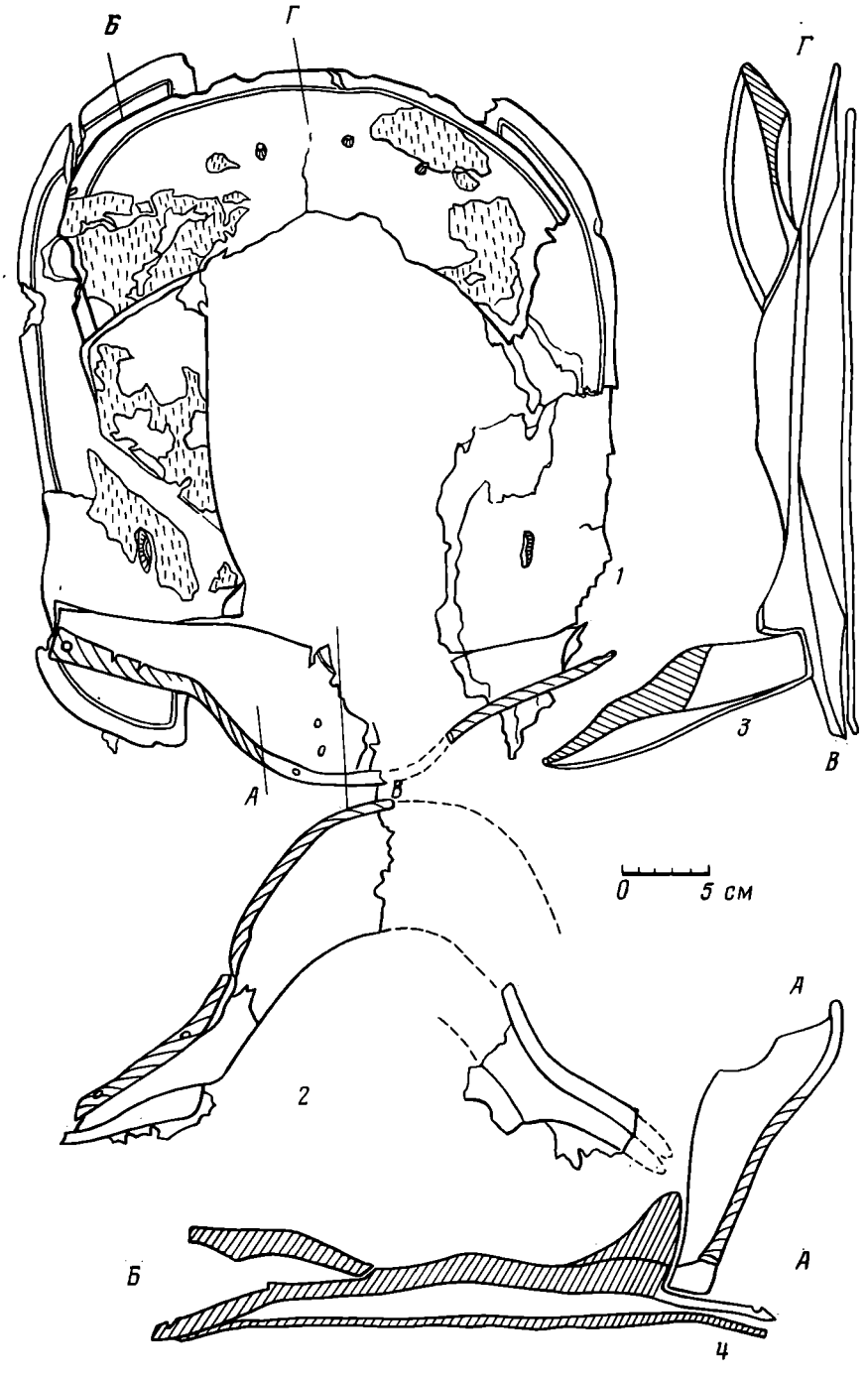


Рис. 3. Полевые чертежи седла из погребения у с. Смелое. *1* — вид сверху, *2* — спереди, *3—4* — продольные разрезы

ным желобком, а подле него в уступе сделан ряд небольших отверстий для ремней, скрепляющих седло. За рядом этих отверстий возле передней луки находится овальное отверстие, параллельное длинной оси, по-видимому, необходимое для продевания подпружных ремней. Аналогична и левая полка, представленная в обломках (рис. 3, *1*; 4, *3*). В ее упоре сохранился фрагмент левой части передней луки (рис. 3, *2*).

Задняя лука (рис. 2, *2*; 4, *4а*) сохранилась почти полностью, нарушен лишь ее левый край и есть небольшие сколы на внутренней части. Изготовлена из целого куска дерева (длина 29 см, ширина в средней части 8,8 см, максимальная толщина у упора на полке до 2,5 см). Верхняя, или лицевая, часть ровная, с небольшим наклоном вовнутрь к центру седла. По краю декоративный желобок. На плоскости луки —

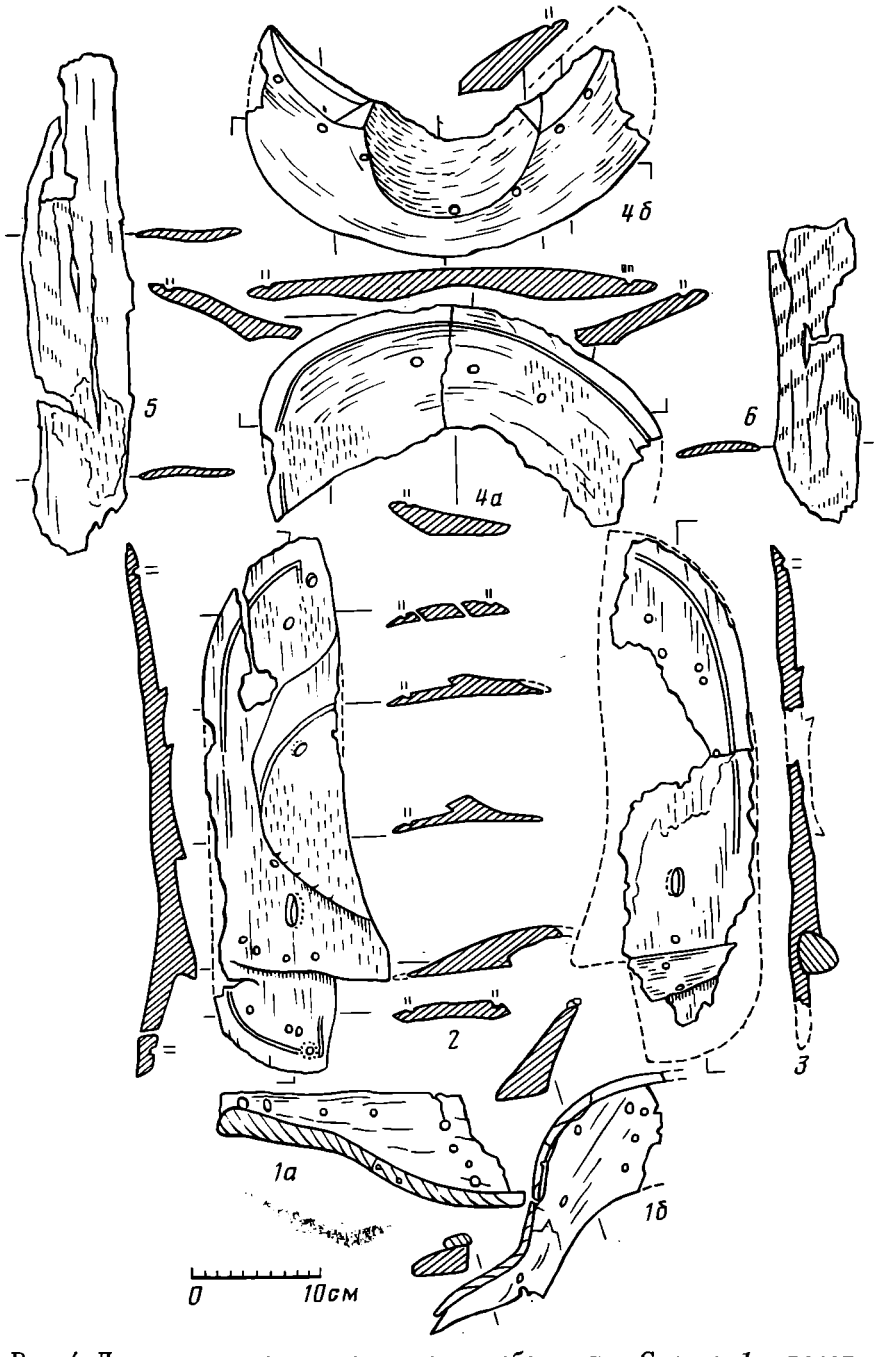


Рис. 4. Деревянные детали седла из погребения у с. Смелое. *1* — передняя лука (*а* — вид сверху, *б* — вид спереди); *2*, *3* — полки седла, *4* — задняя лука (*а* — вид сверху; *б* — обратная сторона); *5*, *6* — остатки «рамы»

ряд отверстий по кругу для связки седла. Нижняя, обращенная назад и наружу поверхность задней луки в середине имеет неглубокий арочный вырез, утончаясь к нижнему краю (к центру седла). Он соответствует гораздо более высокому вырезу в основании передней луки — оба выреза располагались над промежутком между полками. Углы у основания выреза срезаны в виде маленьких треугольников. По сторонам от выреза основание задней луки плоско стесано, образуя две дугообразных площадки, опираясь на которые лука стояла на полках (на последних под эти упоры выделены между уступами такие же узкие дугообразные участки). Устройство названных деталей хорошо видно на прилагаемых разрезах (рис. 4, *4 а, б*). Обращает на себя внимание сравнительно небольшая ширина тех плоскостей, на которые опиралась зад-

няя лука (она даже меньше, чем у более древних седел из Кокэля). Поэтому для устойчивости луку привязывали к полкам, о чем свидетельствуют и отверстия для ремней.

Судя по публикациям, до сих пор в раскопках не встречалась дополняющая седло из с. Смелого «рама» (рис. 4, *5*, *6*) из двух тонких деревянных пластин-досточек, бывших под полками и повторяющих в основном форму полок (длина до 38 см, ширина до 8 см, толщина до 0,5 см). Между полками и «рамой» находилось кожаное или войлочное покрытие (точно определить не удалось). Хотя на досточках «рамы» четко отпечатались ребра коня, досточки, по-видимому, все же должны были лежать на какой-то кожаной или войлочной основе.

Из описанного выше хорошо видно отсутствие каких-либо металлических деталей в устройстве рассмотренного седла. Наличие большого числа отверстий, совпадающих при сборке, как мы уже отмечали, говорит о креплении деталей между собой кожаными ремнями. Не исключено, конечно, скрепление некоторых частей седла с другими при помощи специальных клеев. Возможно, такое крепление имело место при соединении нижних частей передней луки с полками, в упорах. Но это только наши предположения.

Вряд ли есть необходимость убеждать в важности публикуемой находки. Вопрос об убранстве верхового коня, а особенно об устройстве одной из основных его частей — седла весьма интересен. Обычно основным археологическим объектом, дающим информацию о седлах как раннего средневековья (IV—VII вв.), так и значительно более поздних, являются только костяные или металлические обкладки его [10, 11] [5], деревянная же основа сохраняется редко, хотя именно она дает о седле наиболее полное представление. В этом отношении значительно лучше известны материалы из Тувы [12, с. 24—36] и Кавказа [13, с. 168; 12, с. 71;]. Особенно важным было открытие деревянных основ седел в Туве, относящихся к VIII в. [14, с. 132—133]. А новые исследования в Предкавказье дали возможность реконструировать седла эпохи переселения народов [15, с. 212—229] и уточнить с помощью аналогий VIII в. ряд вопросов, связанных с конструкцией седел европейских гуннов [16, с. 220—231]. С выходом статьи Д. Г. Савинова была заполнена лакуна в истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири во II тысячелетии н. э. [9, с. 31—47]. Анализ деталей седел из позднекочевнических комплексов дал возможность А. Н. Кирпичникову предложить реконструкцию седел у кочевников и на Руси в IX—XIII вв. [17, с. 34—42, рис. 25 и др.]

Итак, рассматривая генезис и воссоздавая схему эволюции форм седел удалось в значительной мере определить этапы этого изменения [10 с. 25—35; 11, с. 31—94, рис. 2, 3, 4, 5; 16, с. 230; 9, с. 36, рис. 5]. По мнению Д. Г. Савинова, «причина этих изменений лежит скорее в области „технологического“ поиска оптимальных решений, что, естественно, не исключает влияния и использования различных этнических традиций» [9, с. 35].

Анализ деталей седла половецкой эпохи показывает, что постепенное утолщение передней луки характерно только для ее нижней части. Задняя лука, опираясь узкими крыльями на полки, не имеет достаточного жесткого упора (ее внешняя, тыльная поверхность расположена не вертикально по отношению к полкам, а под углом не более 60°) и дополнительно закреплялась на полках ремнями.

Остатки седла из погребения кочевницы XII—XIII вв. у с. Пришиб, в 3 км от с. Смелое, сохранились значительно хуже. Удалось лишь зафиксировать его in situ, сделав по возможности все разрезы и сняв костяные обкладки, украшавшие его (рис. 5). Передняя лука в данном седле более удлиненных пропорций и иначе очерчена, чем у седла из погребения у с. Смелое (рис. 5 *в*). Но, судя по тому, что передние концы полок сдвинулись к середине, передняя лука седла из Смелого также под-

[5] Библиография по всему вопросу собрана Д. Г. Савиновым [9].

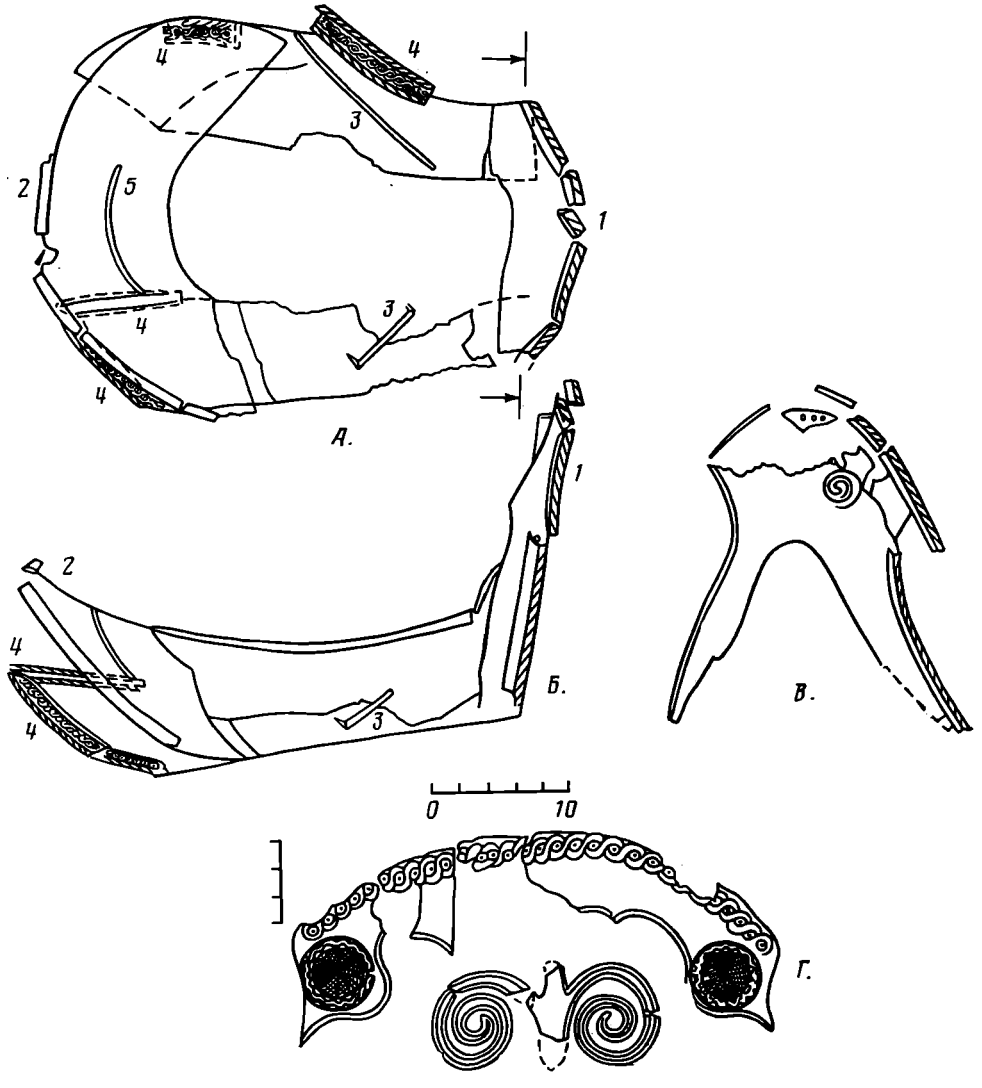


Рис. 5. Седло из погребения у с. Пришиб (*а* — вид сверху, *б* — вид сбоку, *в* — вид спереди, *г* — костяные украшения лицевой стороны передней луки). Цифрами на чертежах обозначены: *1* — передняя лука, *2* — задняя лука, *3* — полки седла, *4* — костяные украшения полок седла, *5* — дугообразная костяная пластина, украшавшая заднюю луку

верглась сжатию с боков, деформировалась и кажется теперь немного у́же, чем, по-видимому, была первоначально. Края лук окантованы узкими костяными бордюрами: на передней луке бордюр украшен косыми нарезками, на задней — гладкий. Лицевая поверхность передней луки имела узорчатые аппликации из фигурных костяных пластинок (рис. 5, *в*, *г*). Задние выступы полок обложены по краям костяными планками с гравированным орнаментом (рис. 5, *а*, *б*, *4*).

Рассмотренные нами материалы заполняют промежуток в истории убранства коня поздних кочевников южнорусских степей и дадут возможность специалистам проследить дальнейшее сложение комплекса предметов конского снаряжения, многие элементы которого без значительных изменений живут до настоящего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайнштейн С. И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве.— ТКАЭЭ, 1966, т. 2.
2. *Евтюхова Л. А.* О племенах Центральной Монголии.— СА, 1957, № 2.
3. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 1952, № 26.

4. *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Мапыча. Ч. I и II. Саратов, 1978.
5. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62.
6. *Плетнева С. А.* Древности черных клобуков.— САИ, вып. Е1-19, М., 1973.
7. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
8. *Анучин Д. Н.* Сани, ладья и конь как принадлежность погребального обряда.— Древности, 1890, т. XIV.
9. *Савинов Д. Г.* Из истории убранства коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н. э.).— СЭ, 1977, № 1.
10. *Кызласов И. Л.* О происхождении стремян.— СА, 1973, № 3.
11. *Амброз А. К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.).— СА, 1973, № 4.
12. *Вайнштейн С. И.* Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры.— СЭ, 1966, № 3.
13. *Рунич А. П.* О конской сбруе из Пятигорья.— СА, 1973, № 1.
14. *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев.— М.: Наука, 1972.
15. *Дмитриев А. В.* Погребения всадников и боевых коней в могильниках эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска.— СА, 1979, № 4.
16. *Амброз А. К.* К статье Дмитриева А. В.— СА, 1979, № 4.
17. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси. IX—XIII вв.— САИ, вып. Е1-36. М., 1973.

Критика и библиография

Мозолевський Б. М. Товста Могила. Київ, 1979. 251 с., 11 табл., 138 рис., 2 приложения.

Опубликованная в 1979 г. на украинском языке монография Б. Н. Мозолевского «Толстая Могила» впервые дает полные сведения о результатах археологических исследований одного из важнейших для истории Скифии памятников, который уже давно получил широкую известность. Курган Толстая Могила с остатками захоронений представителей скифской знати по праву занял первостепенное место в ряду других «царских» курганов степной Скифии не только благодаря своему богатому инвентарю, но и в связи с тем, что он является одним из немногих крупных курганов на этой территории, раскопанных полностью и тщательно, на уровне требований современной методики.

Рецензируемая работа показывает, что добытые в ходе раскопок материалы подвергались самым разносторонним исследованиям. Однако содержащаяся в полученных источниках информация настолько велика, что они будут привлекать внимание еще многих специалистов разного профиля. Сейчас же важно отметить, что своей работой автор положил начало монографическому изучению важнейших приднепровских скифских курганов, материалы которых имеют значение для решения самых разнообразных вопросов социально-экономической истории, идеологии, искусства и культуры населения юга Восточной Европы в раннем железном веке.

К сожалению, не только раскопанные в дореволюционное время «царские» курганы, но и вскрытые уже советскими археологами Мелитопольский курган и Гайманова Могила не имеют пока соответствующих фундаментальных публикаций. Уже после выхода в свет книги Б. Н. Мозолевского появилась монография А. И. Мелюковой о раскопанном в Приднепровье еще в 1860 г. под наблюдением И. Е. Забелина Краснокутском кургане [1]. Из работ, посвященных памятникам соседних регионов, следует отметить также исследование М. И. Максимовой об Артюховском кургане на Таманском полуострове и книгу Л. К. Галаниной о Курджипском кургане на Кубани [2, 3].

Рецензируемая монография Б. Н. Мозолевского состоит из вступления, двух частей, заключения, библиографического списка и указателя археологических памятников. Важное значение имеют два приложения. В первом С. И. Круц дает краткую характеристику антропологического материала. Второе содержит перечень и основные измерения золотых предметов из кургана. Работа прекрасно иллюстрирована черно-белыми и цветными изображениями находок, чертежами и схемами. Но некоторые цветные фотографии все же оставляют желать лучшего. К ним относятся фотографии меча и ножен (рис. 53—56) и бляшек (рис. 114—116), которые не позволяют с документальной точностью рассмотреть важные детали.

Во введении автор дает краткий историографический обзор, помогающий лучше понять место кургана Толстая Могила среди других археологических памятников скифской знати и показывающий в основных чертах развитие методики раскопок курганов.

Первая часть работы Б. Н. Мозолевского представляет собой источниковедческое исследование. В ней обстоятельно рассказывается о ходе раскопок кургана и дается четкая характеристика всех его составных частей, начиная от насыпи и рва и кончая центральной и боковой гробницами. Эта источниковедческая часть монографии имеет большое значение для дальнейшего анализа исходных данных.

Поэтому следует особо отметить наличие хорошо выполненных чертежей, документальных фотографий, показывающих процесс раскопок, а также хороших изображений отдельных вещей. Рисунки выполнены тщательно, однако в таком издании желательно было бы все художественные изделия давать не только в рисунках, но и в фотографиях, а бляхи с ушками показывать на фотографиях и с обратной стороны, так как это важно при изучении техники изготовления. Все бусы, а не только бусы женского погребения в боковой гробнице (рис. 108) хотелось бы видеть в цветном изображении. Неудачно опубликованы наконечники стрел. Они показаны со стороны ребра, а не со стороны грани, как это принято в классификационных таблицах А. И. Мелюковой [4] и в других изданиях, так как изображение со стороны ребра (рис. 15, 46, 105) не позволяет увидеть полностью все детали оформления бронзового наконечника и затрудняет их сопоставление.

Уже в процессе описания находок автор в ряде случаев дает краткие определения, касающиеся техники изготовления некоторых предметов, намечает сюжетную линию ряда художественных композиций, определяет родственные и социальные признаки лиц, похороненных в кургане. В целом эта часть монографии дает обширный комплекс точных данных, необходимых для дальнейшего всестороннего исследования, и даже кое в чем предваряет это исследование. Рассматриваемая часть написана добротно, и лишь в отношении некоторых деталей можно сделать несколько замечаний. Например, неудачно сказано, что рукоятка парадного меча окована золотой пластинкой (с. 69—70) или пластинками, рельеф на которых получен при помощи одного штампа. На самом деле детали описания и изображения ясно показывают, что железная рукоятка меча обтянута тонкими золотыми пластинками, спаянными по краям. Изображения на золотых пластинках тисненые, а не штампованные. При этом следовало бы подчеркнуть, что тиснение повторяет рельефное украшение железной рукоятки, которая является прекрасным образцом художественной кузнечной работы. Недостаточно убедительно говорится и о технике изготовления бронзового сосуда в виде небольшого котла на высокой ножке (с. 66, рис. 50). Автор считает, что петельчатые ручки были с наружной и внутренней стороны припаяны к стенкам сосуда, но в таком случае надо бы привести доказательства и сказать о способе пайки, так как обычно у бронзовых котлов ручки соединяются с корпусом в процессе литья. Также нет уверенности в том, что вертикальный бронзовый стержень приклепан ко дну сосуда, как пишет автор. Во всяком случае, на рис. 50 не показано отверстие в дне сосуда, которое должно существовать в том случае, если стержень действительно приклепывался, а не был отлит.

Большой интерес представляет вторая часть монографии, в которой дается сравнительная характеристика материалов и на основе изучения обряда погребения и вещественных остатков делается целый ряд важных выводов. Первый раздел этой части посвящен изучению конструктивных особенностей кургана. Уже здесь автор выходит в своих исследованиях далеко за пределы анализа материалов Толстой Могилы и критически пересматривает некоторые данные о всех основных курганах с погребениями скифской знати. Это дало интересные результаты. Например, важны наблюдения, благодаря которым автор выделяет первичные женские погребения в скифских «царских» курганах (Александрополь, Солоха, Чертомлык). Справедливо отмечается, что ни глубина гробниц, ни высота кургана сами по себе не дают представления о социальном ранге покойника без учета всего комплекса элементов. Вместе с тем этот важный принцип в самой работе выдержан недостаточно четко. Фактически в монографии за основу берется все же совершенно условное деление курганов по высоте на четыре группы, причем разница высот между группами иногда всего 50 см. Учитывая, что насыпи всех курганов в большей или меньшей степени разрушались и не дошли до нас в своем первоначальном виде, различие по высоте в 50 см и даже больше не может служить основанием для отнесения кургана к той или иной категории. Другие признаки, отмеченные на табл. 4, четко не дифференцируются. Тем не менее автор полагает, что деление курганов на четыре группы вполне соответствует четырем совершенно определенным группам скифской знати: 1) верховные цари, 2) члены царской семьи и цари составных царств, 3) номархи, 4) родовые старейшины, хотя существование именно этих, а не иных групп еще нельзя считать убедительно доказанным. Почему ранг членов царской семьи и царей составных царств требовал одинакового обряда погребения, видимо, никто не знает.

На наш взгляд, картина могла быть более сложной. Следует учитывать и такие группы знати, как жречество и дружинники, а кроме родовых старейшин, могли быть и племенные вожди. Впрочем, сам автор в другом месте указывает, что это деление трудно совместить с рядом основных скифских «царских» курганов. В таком случае автору не следовало бы утверждать, что разделение курганов по их высоте «вполне соответствует дифференциации скифской знати». В любом случае, кроме схемы А. И. Тереножкина и В. А. Ильинской, следовало бы учесть и другие попытки выяснить характер членения скифского общества (Ж. Дюмезиль, Э. А. Грантовский и др.). Абсолютизация размеров приводит к тому, что автор начинает напрасно сомневаться в возможности относить Толстую Могилу к группе «царских» скифских курганов (с. 157, 165). На наш взгляд, приведенные самим Б. Н. Мозолевским факты, и особенно богатство инвентаря, пышность ритуала, количество человеческих жертвоприношений, число конских захоронений, погребение «конюха» с золотой гривной, наличие такого предмета, как золотая пектораль, и другие обстоятельства, дают основание полагать, что знатный мужчина, погребенный в Толстой Могиле, был по своему социальному рангу не ниже того, который похоронен в Чертомлыке.

Очень сложным является анализ семейных и социальных отношений у скифов по данным погребального обряда. И надо отдать должное Б. Н. Мозолевскому, что он постарался привлечь для решения этих вопросов каждую деталь и вместе с тем критически и осторожно подходил к изучаемому материалу и предположениям других исследователей. Автор, например, справедливо указывает на недостаточную обоснованность попыток делить слуг, похороненных в курганах скифской знати, на свободных и рабов на основании одного или двух косвенных признаков (с. 165). Б. Н. Мозолевскому удалось убедительно доказать, что в кургане Толстая Могила похоронена не просто знатная женщина, а жрица с набором культовых вещей. Правда, идея о «передвижном храме» нам кажется не очень правдоподобной ввиду необходимости учитывать указание Геродота о том, что скифы вообще не сооружали храмов [5, IV, 59].

Автор монографии делает много интересных наблюдений, старается найти объяснение всем особенностям погребального обряда, сочетаниям определенных вещей и т. п. При этом с подавляющим большинством его оценок можно согласиться, но все же некоторые моменты недостаточно ясны. Так, если во всех самых больших курганах Скифии первичные погребения всегда были женскими, то на каком основании можно рассматривать эти курганы как царские, как места погребения верховных скифских царей-мужчин? Конечно, поиски ответа на этот вопрос не могут быть задачей исследования при анализе материалов Толстой Могилы. Это лишь показывает, что новые, более глубокие исследования данных о скифских курганах порождают и новые проблемы, требующие решения. Пока же сказанного о том, что знатные женщины основных погребений могли играть «довольно значительную роль в жизни скифского общества» или имели «более широкий социальный статус» (с. 163), слишком мало для объяснения несколько странной ситуации, обнаруженной автором.

В самой Толстой Могиле обнаружилась весьма сложная картина. Напомним, что центральная гробница принадлежала знатному мужчине, а во впускной боковой могиле были похоронены вначале знатная женщина, а через 2—3 года ребенок. Вполне возможно, что это родственники, но каковы были их родственные отношения? Для уяснения этого важно отметить и возрастные данные, которые приводит Б. Н. Мозолевский: мужчине из основного погребения было 45—50 лет, знатной женщине не более 30 лет, ребенку не более 2 лет. Выяснено также, что начальная насыпь кургана с кромлехом была насыпана над погребением знатного мужчины (с. 155—156, 167 и др.).

Сколько времени отделяет погребение знатного мужчины от погребения знатной женщины во впускной могиле, мы точно не знаем, но надо полагать, что прошло все же не менее нескольких лет. Ведь даже сам процесс одних похорон знатного скифа царского ранга занимал много времени. По сообщению Геродота, через год после первого этапа похорон скифского царя совершались еще дополнительные обряды и жертвоприношения [5, V, 72]. Надо также учитывать, что каменный кромлех первоначальной насыпи, связанный с погребением мужчины в центральной гробнице, был частично разрушен. Это могло произойти, конечно, не сразу после завершения всех двухгодичных обрядов похорон знатного мужчины и до сооруже-

ния большой насыпи впускного погребения, перекрывшей кромлех. Известно, что скифы с большим уважением относились к могилам своих предков [ср. 5, IV, 127]. Поэтому сомнительно, чтобы такое сооружение, как кромлех, имевший не только архитектурное, но и культовое значение, разрушили, как полагает автор, сами строители кургана (с. 93), тем более что разрушения коснулись и тех участков, которые совсем не связаны с устройством впускного погребения. Скорее всего частичное разрушение кромлеха свидетельствует о том, что основное погребение от впускного отделяет довольно длительный период. В любом случае нельзя считать все погребения кургана одновременными (с. 167).

Как же оцениваются эти данные? Целый ряд выводов автора представляется нам интересными и убедительными. Так, например, важен вывод о том, что у скифов были разные представления о путешествии в потусторонний мир мужчины и женщины. Это хорошо подтверждено различными материалами. Можно согласиться и с тем, что Толстая Могила, как и другие курганы скифской знати IV—III вв. до н. э. в Нижнем Поднепровье, представляла собой своеобразную семейную усыпальницу.

Б. Н. Мозолевский считает, что в Толстой Могиле сначала был похоронен знатный мужчина, затем самая младшая его жена, являющаяся матерью младшего сына. Все это указывает якобы на существование минората (с. 156). Последние утверждения кажутся нам недостаточно обоснованными. Как уже отмечалось, все три рассматриваемых погребения разновременны. Если считать, что после захоронения мужчины в основной могиле до погребения женщины во впускной могиле прошло минимум два-три года (а скорее всего гораздо больше), то погребенную знатную женщину вряд ли можно уверенно рассматривать как младшую жену, которая последовала в могилу за своим мужем. В последнем случае следовало бы ожидать одновременного их захоронения если и не в одной могиле, то по крайней мере под одной первоначальной насыпью, а этого нет. Следовательно, не видно и прямой зависимости второго погребения от первого, которая указывала бы на то, что здесь похоронены муж и жена.

Далее, если учесть, что похороны знатной женщины-жрицы совершались со всеми почестями и длились, видимо, также довольно долго, а ребенок был похоронен еще через 2—3 года, то возникает вопрос: можно ли этого ребенка, которому не более 2 лет, считать младшим сыном мужчины, похороненного минимум за 4—5 лет до рождения этого ребенка? Нет полной уверенности даже в том, что его матерью была знатная женщина, похороненная во впускной могиле. Ведь она умерла, очевидно, также до его рождения. Определения указывают, что ребенку менее 2 лет, а похоронен он через 2—3 года после погребения этой женщины. Ясно, что при такой ситуации исчезают и доказательства минората, тем более что вообще нет никаких данных о том, что в семье данного представителя скифской знати было несколько жен или несколько детей. Хорошо доказанная автором принадлежность женщины из впускного погребения к жрицам также вряд ли чем-нибудь помогает в определении ее статуса младшей жены. На наш взгляд, можно говорить о том, что в Толстой Могиле мы имеем дело с тремя разновременными погребениями каких-либо родственников, но конкретный характер родственных связей в данном случае установить очень трудно.

Высказанные нами сомнения не умаляют заслуг Б. Н. Мозолевского в разработке вопросов, связанных с обрядом погребения, а показывают всю сложность решения этих вопросов. Автор в своей монографии шаг за шагом анализирует каждую деталь (конструкция гробниц, характер и размеры насыпи, особенности устройства и заполнения рва, сопровождающие погребения, и проч.), старается не упустить малейших возможностей для получения новых наблюдений, делает разнообразные сопоставления с другими археологическими материалами и письменными источниками. Его монография — это несомненно вполне оригинальная работа, в которой впервые с такой обстоятельностью изучаются все особенности погребального обряда скифской степной знати.

Автор старается там, где это возможно и необходимо сопоставлять археологические и письменные источники. В большинстве случаев делается это вполне корректно и выводы получаются достаточно убедительными. Однако несколько замечаний следует все же сделать. Б. Н. Мозолевский правильно указывает, что остатки животных во рву кургана носят, видимо, культовый характер, связаны с жертвоприношениями во время тризны. Изучавшая остеологический материал В. И. Биби-

кова также подчеркивает в своей статье, что кости этих животных являются «жертвенными атрибутами, связанными с культом плодородия, возрождения» [6, с. 67]. Среди обнаруженных здесь костей животных имеются остатки коня, оленя и дикой свиньи. Последний факт не комментируется, хотя известно, что Геродот, рассказывая о жертвоприношениях у скифов, отмечает, что свиньями они при этом не пользуются [5, IV, 62—63]. Может быть, это ограничение касалось только домашних животных, но не распространялось на диких, а может быть, имеет значение то, что кости дикой свиньи встречены среди остатков тризны: в остатках заупокойной пищи таких костей нет.

На ст. 166 в монографии говорится: «Описывая похороны скифского царя, Геродот сообщает, что на протяжении 40-дневного путешествия погребальной процессии по стране к ней присоединяется племя за племенем...». К сожалению, у Геродота в описании похорон скифского царя ничего не сказано о 40 днях. Эта цифра фигурирует при описании похорон простых людей [5, IV, 73]. Царя, возможно, возили и дольше, но точных сведений об этом нет.

Интересен подсчет человеко-дней, необходимых для сооружения насыпи кургана с использованием для перевозки земли повозок с воловьими упряжками. Однако при использовании современной нормы работы землекопов не учитывается, что скифы не имели железных лопат. Следовало бы также учитывать коэффициент трудности, который увеличивается по мере возрастания насыпи кургана. Перевозка грунта по ровной местности и на высокий курган требует различных усилий и времени. Поэтому количество определенных человеко-дней следует несколько увеличить.

Рассматривая сопровождающие погребения, автор при определении функций похороненных здесь лиц использует перечень слуг-феропонтов у Геродота, но дополняет его в соответствии с конкретными материалами, полученными при раскопках Толстой Могилы. Последнее, видимо, допустимо, тем более что точного совпадения с перечнем Геродота [5, IV, 71] и археологическими данными нельзя обнаружить ни в одном из курганов скифской знати. Все же при употреблении определенных терминов следует либо придерживаться принятых переводов, либо давать историко-филологический анализ текстов, позволяющий вносить какие-либо изменения в перевод. Приведенный автором на с. 163 перечень слуг не вполне совпадает с традиционным. Последний из слуг назван вестовым («вістовий»). Между тем общепринятый перевод — «вестник», а это совсем не одно и то же. В переводе Г. А. Стратановского, который указан в библиографическом списке монографии (с. 241), также назван вестник. Употребление слова «вестовой» неоправданно, так как это узкоспециальный термин, которым обозначают простого солдата, служащего на посылках у офицера. В геродотовском тексте, как хорошо показал Э. А. Грантовский [7], все упоминаемые в перечне 71-й главы слуги-ферапонты являются лицами высокого ранга, приближенными царя. Недаром для обозначения этого вестника Геродот употребляет особое слово, которым называет также мидийских и персидских придворных. О том, что и другие слуги царя в сопровождающих погребениях были не простыми рядовыми слугами, свидетельствует и археологический материал Толстой Могилы, в которой один из «конюхов» похоронен с золотой гривной и другим разнообразным инвентарем.

Очень интересным в монографии является заключительный, второй раздел второй части, посвященный характеристике материальной культуры. Б. Н. Мозолевский тщательно исследовал все категории вещей, обнаруженных в кургане: оружие и боевой доспех, конскую сбрую, транспортные средства, бытовые вещи, предметы туалета, украшения мужской одежды и женский наряд. Автор всесторонне изучил материал, привел многочисленные аналогии, убедительно выяснил датировки вещей, показал их особенности и технику изготовления. Особенно много важных наблюдений сделано при анализе конской сбруи и женских украшений. Благодаря тщательной фиксации находок во время раскопок и детальному изучению всех пластинок женского головного убора Б. Н. Мозолевскому удалось достаточно убедительно реконструировать устройство скифского калафа из Толстой Могилы и внести поправки в реконструкции М. И. Ростовцева, П. К. Степанова и Г. И. Боровки. Трудно сказать, насколько правомерно уточнение Т. В. Мирошиной [8], считающей, что скифский калаф был не коническим, а цилиндрическим. Дело в том, что украшения в этом головном уборе расположены не по всей окружности, а полукругом и косо срезаны у краев в верхней части. При этом длина рядов пластинок, на ко-

торой акцентирует внимание Т. В. Мирошина, еще не определяет бесспорно общую форму калафа. При одинаковой длине пластинок, но при разной степени их изгиба в верхней части форма головного убора вполне может быть и конической. Поэтому нам кажется, что реконструкция Б. Н. Мозолевского также возможна наряду с другими.

Некоторые неточности и спорные моменты имеются в той части раздела, которая посвящена технике изготовления вещей. Говоря о бляхах оголовья скифской конской уздечки, Б. Н. Мозолевский возражает против нашего вывода [9] о том, что некоторые бляхи, отличающиеся сложной технологией изготовления, вырабатывались в античных мастерских. Автор утверждает, что на основе стилистического анализа сюжетов нащечников и наносников ему удалось выяснить, что часть их (какие, точно не указано) относится к изделиям местных скифских мастеров (с. 189). При отсутствии точной ссылки трудно определить, о каких именно предметах идет речь, но при подробном рассмотрении всех видов упомянутых здесь блях (круглые бляхи оголовья, нащечники и наносники) оказывается, что автор сопоставляет несопоставимые вещи: наблюдения, сделанные на одном материале, неоправданно переносятся на другой. Во-первых, в моей статье рассматриваются круглые бляхи оголовья, а все отмеченные Б. Н. Мозолевским круглые бляхи оголовья уздечки, найденные в Толстой Могиле, не имеют орнамента и поэтому стилистический анализ к ним неприменим. Во-вторых, нащечники и наносники не рассматриваются в моей статье, и поэтому тут нет предмета для спора. В-третьих, если не касаться моей статьи, а просто рассмотреть материалы Толстой Могилы, то окажется, что и при этом убедительных доказательств для указанного выше вывода у Б. Н. Мозолевского все же нет. В самом деле, речь идет о той группе вещей античного производства, в которой прослеживается сложная технология, связанная с раздельным изготовлением ушек и щитка. Наносники вообще не относятся к этой группе, так как все они простые литые и указанная технология изготовления не имеет к ним никакого отношения. Что касается нащечников, то подавляющее большинство их не только технологически, но и по стилю является античными изделиями, украшенными характерными фигурами дельфинов, изображениями птиц, растений и т. п. Выделяются стилистически только нащечники с более схематичным и грубо нанесенным орнаментом, но с ушками, сделанными по античной технологии. Как раз у этих нащечников в орнаментации прослеживаются фракийские элементы (рис. 99, с. 115). Фракийские параллели в данном случае отмечает и автор монографии (с. 187), и А. И. Мелюкова [[10, с. 118—119]. Следовательно, категорически говорить о месте их изготовления без дополнительных данных, в частности без спектрального анализа металла, очень трудно. Этим мы, конечно, не собираемся отрицать наличие бронзолитейного и других ремесел у скифов, как ошибочно полагают некоторые авторы [11, с. 14]. И металлургическое, и кузнечное, и бронзолитейное, и другие ремесла у скифов существовали и ко времени Толстой Могилы достигли значительных успехов, что прекрасно доказывается материалами степного Каменского городища [12], анализом орудий производства и изделий [13, 14]. Однако конкретный, использованный в данном случае Б. Н. Мозолевским материал украшений оголовья конской уздечки из Толстой Могилы не очень подходит для этой цели и не опровергает нашего вывода об изготовлении определенной категории вещей в античных мастерских, а некоторых и вне пределов Скифии — во Фракии или под влиянием фракийского искусства.

Кстати, вряд ли следует называть передовой технологию изготовления бляшек, которая, по свидетельству самого исследователя, давала изделия с очень незначительным запасом прочности, нестойкие (с. 189). Здесь, видимо, правильнее будет говорить о массовой продукции.

Несомненно, самой выдающейся находкой в Толстой Могиле является золотая пектораль, которая сразу же привлекла внимание ученых и уже дала пищу для различных споров. Автор исследовал эту находку очень тщательно и всесторонне как с точки зрения конструкции и техники изготовления, так и с точки зрения ее датировки, композиции и семантики. И в целом для пекторали, и для отдельных ее деталей привлечены многочисленные аналогии. Вполне правдоподобно предположение автора, который в качестве возможного центра изготовления этого шедевра называет Пантикапей и отвергает версию о ее фракийском происхождении [15]. Мы полностью согласны и с мнением Б. Н. Мозолевского о том, что не

рядовые сюжеты, а культовая семантика характерны для такого изделия, как данная пектораль, а также с тем, что центральная сцена пекторали, вопреки мнению В. А. Ильинской [16], не может рассматриваться как рядовой сюжет из жизни простых ремесленников [17]. Изображены здесь отнюдь не простые ремесленники, а лица, занимающие высокое положение в скифском обществе. Недаром на голове одного из них имеется особая повязка, символическое значение которой хорошо показано в монографии (с. 220—221). В таком случае следует признать неудачным термин «портные», применяющийся в некоторых местах (с. 86-87, 210), даже если говорится о шьющих одежду портных, которые «исполнены величия и сознания собственного достоинства». Раскрытие содержания центральной сцены оказалось делом настолько трудным, что уже сейчас появилось несколько трактовок.

В. Н. Даниленко полагал, что в центральной сцене показана передача волшебной рубахи-панциря, изготовленного из бараньего руна, царственному персонажу, возможно Атею [1, 8]. Но Д. С. Раевский уже показал, что такое объяснение неубедительно. К его замечаниям могу добавить что при высокой художественности изображения позы фигур не таковы, чтобы можно было предположить именно передачу рубахи от одного лица к другому. Сам Д. С. Раевский считает, что пектораль является культовым атрибутом и семантика ее представляет воплощение скифской космологической модели. Центральная сцена, изображающая шитье одежды, отражает веру в магическое свойство овечьего руна или одежды из него. Что касается конкретного содержания центральной сцены, то этот вопрос, по мнению Д. С. Раевского, «на данный момент приходится оставить открытым» [19, с. 130]. А. П. Манцевич считала, что центральная сцена пекторали изображает двух знатных воинов. На голове одного из них диадема. Они заняты приведением в порядок (расчесыванием меха) панциря, который имеет вид вывернутой наизнанку меховой рубахи с прикрепленным к ней чешуйчатым поясом [20]. В нашу задачу в данном случае не входит критический разбор всех этих высказываний. Они лишь подтверждают трудность задачи, которая стояла перед автором рецензируемого труда.

Б. Н. Мозолевский, как и другие исследователи, считает сцену с изображением двух мужских фигур «центральной и в стилистическом, и в идейном смысле», полагает, что здесь нашел отражение мифопоэтический взгляд, согласно которому поступки изображенных лиц имеют значение лишь постольку, поскольку они показывают деятельность богов или культурных героев. Стремление автора раскрыть культовую семантику центральной сцены пекторали не может вызвать возражений, но конкретная трактовка оказывается не очень убедительной. Во всяком случае, нам совсем не кажется, что «самую точную иконографическую аналогию» (с. 221) дает изображение на золотой чаше конца II тысячелетия до н. э. из Хасанлу. Помимо большого хронологического разрыва, здесь нет совпадения не только в деталях, но и в главном. На чаше изображены три человека, а на пекторали только два. На чаше показана какая-то церемония, касающаяся фигуры находящегося в центре человека, которого держат за волосы и за руки. На пекторали вообще нет такого человека, на которого обращены ритуальные действия, а два сидящих человека что-то делают с одеждой в виде рубахи. Но самое главное, пожалуй, в том, что эта аналогия ничего не дает для объяснения сцены на пекторали, так как они различны, а сцена на чаше еще сама убедительно не объяснена.

Пожалуй, еще меньше оснований искать аналогии среди талисманов римских легионеров II—III вв. н. э. На каменной табличке, привлекаемой в данном случае, изображена также совершенно иная сцена, в которой участвуют уже не два, а четыре человека, в том числе одна женщина. Между тем на некторали, видимо, не случайно среди многочисленных фигур вообще нет ни одного изображения женщины. На каменной табличке два жреца открывают или закрывают покрывалом человека, стоящего на коленях. Ничего подобного не видно на пекторали, так как здесь опять-таки нет третьего человека, на которого обращены ритуальные действия. Как бы ни трактовать показанную на каменной табличке сцену из области мистерий культа Митры, но она связана с иным, нескифским миром, с религиозными и социально-политическими идеалами римских легионеров, и переносить их в скифскую эпоху нет оснований.

В качестве аналогии автор отмечает еще серебряный котел из Гундеструпа в Дании, который назван почему-то фракийским (с. 223). Между тем исследователи, в том числе и Ф. Шлетте в своей книге (на рис. 32 в которой ссылается Б. Н. Мозолевский), считают эту вещь кельтским изделием с типично кельтской

символикой [21, с. 126]. Например, на котле из Гундеструпа изображен кельтский бог Цернуннос с рогами оленя на голове, показана характерная сцена жертвоприношения кельтскому богу Тевтатесу, жертву для которого топили в бочке с водой. Короче говоря, здесь мы встречаемся с совершенно иной религиозно-мифологической сферой, очень своеобразной и далекой от скифской. К тому же в описании изображения на котле, на которое дается ссылка в монографии, имеется ошибка. Б. Н. Мозолевский пишет: «Центральное место в сцене, которая тут изображена, занимает увеличенная голова божества, ниже которой растянут занавес („запона") в виде развернутой рубахи. Очертания последней целиком тождественны контурам дакийского занавеса и убранства на пекторали» (с. 223). К сожалению, Б. Н. Мозолевский не приводит в своей монографии изображения этой части котла из Гундеструпа, но на фотографии в книге Ф. Шлетте, на которую дается ссылка, и в других изданиях изображение на котле видно превосходно. Сопоставление ясно показывает, что ни с каменной табличкой, ни с пекторалью здесь ничего общего нет. В данном месте на котле изображена не отдельная голова и занавеска, а верхняя часть фигуры бородатого мужчины с типичным кельтским торквесом на шее и с поднятыми вверх руками. На свободном пространстве показано еще несколько более мелких фигур [21, рис. 32]. Изображения на котле никак не могут объяснить действия двух скифов в центральной части пекторали Толстой Могилы.

Вместе с тем ряд наблюдений и выводов Б. Н. Мозолевского, связанных с трактовкой центральной сцены на пекторали, несомненно заслуживает внимания. Хорошо подмечено, что обнаженные фигуры людей встречаются в скифском искусстве на вещах культового характера. Далее, независимо от оценки указанных выше параллелей можно отметить, что автор приходит к вполне обоснованному выводу о том, что центральная сцена на пекторали отражает какое-то важное событие, какое-то торжество, связанное с почитанием царя, игравшего роль культурного героя, как избранника богов и, возможно, носителя плодородия (с. 224—225). Б. Н. Мозолевский отмечает, что конкретное содержание ритуала трудно пока определить и поэтому возможны различные толкования действий героев центральной сцены.

В одной из своих статей [17] мы предложили трактовку, которая вполне совместима с выводами Б. Н. Мозолевского. На наш взгляд, центральная сцена пекторали показывает знатных воинов после сражения. Один из них повесил, а другой отложил в сторону свой горит. Поврежденные в бою панцирные рубашки они сняли и поэтому показаны обнаженными до пояса. Слева с повязкой-диадемой на голове изображен, очевидно, царь, а напротив — какой-то знатный скиф из лиц, приближенных к царю. Царь рассматривает пробоину на панцирной рубашке. Удар мог быть смертельным, но панцирная рубаха оказалось надежной защитой, и поэтому ей уделяется столько внимания. Возможно, эта рубаха из овечьей шкуры обладает какими-то магическими свойствами [19, с. 130]. Второй скиф вытаскивает из рубахи какой-то застрявший в ней изогнутый стержень, напоминающий коготь. Борьба животных в сценах нижнего пояса пекторали позволяет предполагать, что речь идет о царе — победителе чудовищ, скорее всего о Таргитае [22, с. 56]. В таком случае изображение в центре пекторали было хорошо понятно скифам, так как рассказывало об известном им мифе о героическом царе-победителе, подчеркивало трудность этой победы, обеспечившей мирную жизнь и благоденствие людей, показанных в верхнем поясе пекторали справа и слева от центральных фигур. Б. Н. Мозолевский считает, что рассматриваемая пектораль относится к числу культовых вещей, а ее владелец был царем-жрецом.

Предполагаемая трактовка вполне созвучна с этим выводом, ибо сцена из мифа о царе Таргитае вполне достойна того, чтобы быть помещенной на парадном, культовом предмете.

В заключительной части монографии Б. Н. Мозолевский на основе учета всех рассмотренных ранее материалов, в том числе и результатов последних исследований И. Б. Брашинского [23], определяет датировку кургана Толстая Могила. Заслуживает одобрения осторожность, с которой он подходит к решению этого вопроса.

Автор не определяет дату слишком узко, а ограничивает ее в пределах от середины до начала третьей четверти IV в. до н. э. (с. 229).

В целом рассматриваемая монография Б. Н. Мозолевского представляет собой ценное и оригинальное исследование, в котором впервые полностью публикуется

и тщательно анализируется комплекс первоклассных археологических источников, полученных при раскопках выдающегося памятника скифской эпохи. Можно только сожалеть, что книга о таком важном памятнике издана небольшим тиражом (всего 5 тыс. экз.) и уже стала библиографической редкостью.

Шрамко Б. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979.
2. *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980.
3. *Мелюкова А. И.* Краснокутский курган.: Наука, 1981.
4. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, вып. Д1-4. М., 1964.
5. *Геродот.* История в девяти книгах. Пер. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972.
6. *Бибикова В. И.* К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила.— СА, 1973, № 4.
7. *Грантовский Э. А.* Проблемы изучения общественного строя скифов.— ВДИ, 1980, № 4.
8. *Мирошина Т. В.* Скифские калафы.— СА, 1980, № 1.
9. *Шрамко Б. А.* К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии.— В кн.: Проблемы скифской археологии.— МИА, 1971, № 177.
10. *Мелюкова А. И.* К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
11. *Тереножкин А. И.* Общественный строй скифов.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев: Наукова думка, 1977.
12. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36.
13. *Шрамко Б. А.* Орудия скифской эпохи для обработки железа.— СА, 1969, № 3.
14. *Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.* Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии.— СА, 1963, № 4.
15. *Манцевич А. П.* К вопросу об изображениях варваров на предметах торевтики из курганов Северного Причерноморья.— В кн.: Studia Thracica, т. I. София, 1975.
16. *Іллінська В. О.* Зображення ремісників на античних виробах з Північного Причорномор'я.— Археологія, 1976, № 20.
17. *Шрамко Б. А.* К вопросу об источниках изучения скифского ремесла.— В кн.: История и культура досоциалистических формаций. Харьков: Изд-во Харьковск. ун-та, 1983.
18. *Даниленко В. Н.* Исторические сюжеты некоторых шедевров эллино-скифской торевтики.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР, Тезисы. Киев: Наукова думка, 1975.
19. *Раевский Д. С.* Из области скифской космологии (опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой Могилы).— ВДИ, 1978, № 3.
20. *Манцевич А. П.* Золотой нагрудник из Толстой Могилы.— Tracia, V. София, 1980.
21. *Schlette F.* Kelten zwischen Alesia und Pergamon. Leipzig — Jena — Berlin, 1976.
22. *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977.
23. *Брашинский И. Б.* К вопросу о датировке кургана Толстая Могила.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Тезисы докладов XVII конференции ИА АН УССР. Ужгород, 1978.

Галанина Л. К. Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980.

В фундаментальном исследовании М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор» большое место занимает описание погребальных памятников Прикубанья — одного из тех районов, которые сыграли большую роль и в жизни скифо-сарматских и меотских племен, и в жизни основанных на их землях греческих городов Северного Причерноморья. К сожалению, многие из этих давно раскопанных памятников не получили до сих пор всесторонней обработки и не введены в научный оборот. Одним из них был и Курджипский курган. В силу стечения ряда обстоятельств он отличается особенно сложной судьбой: грабительские раскопки в древности, кладоискательские раскопки местных жителей станицы Курджипской и, наконец, непрофессиональное доследование кургана краеведом-любителем. Несмотря на это, Л. К. Галанина смогла разобраться в сложной документации и содержимом кургана, подтвердив наличие в пем двух захоронений — основного и впускного. Первому из них и посвящена рецензируемая монография. Она состоит из четырех глав, каталога и двух приложений.

Курджипский курган был открыт местными жителями — кладоискателями в мае 1895 г. Сначала они сами рылись в насыпи кургана, затем, после обнаружения

в ней золотых вещей,— под наблюдением властей Майкопского района. После этих по существу хищнических раскопок, естественно, не осталось никакой документации. В дальнейшем раскопки кургана были поручены преподавателю классических языков Екатеринодарской гимназии В. М. Сысоеву — местному краеведу-любителю, члену-корреспонденту Московского археологического общества. В. М. Сысоев оставил полевую документацию, но, не будучи специалистом в этой области, не смог составить исчерпывающего описания результатов своих наблюдений и приложить к нему соответствующие иллюстрации. Тщательное изучение всех архивных данных и их сравнительный анализ позволили Л. К. Галаниной восстановить действительную картину раскопок Курджипса, которая нашла отражение в Приложении 1. В Приложении 2 дан сводный перечень находок.

Несмотря на то что результаты раскопок Курджипского кургана привлекли к себе внимание многих исследователей (Н. И. Веселовский, Э. Миннз, К. Э. Гриневич, А. А. Спицын, М. И. Ростовцев, Б. З. Рабинович, В. В. Кропоткин, М. И. Артамонов и др.), сами материалы раскопок не были предметом тщательного изучения. Это повлекло за собой различные точки зрения по поводу датировок вещей и одновременности всего содержимого в этом кургане. В результате Курджипский курган датировался в пределах шести столетий: от IV—III вв. до н. э. до II—III вв. н. э. Правда бросавшаяся в глаза разновременность находок не ускользнула от внимания таких ученых, как М. И. Ростовцев, К. Э. Гриневич, А. А. Спицын и Б. З. Рабинович, которые высказали предположение о наличии в кургане двух погребальных комплексов. Подробное изложение истории раскопок и изучения Курджипса дано автором в первой главе монографии.

Вторая глава монографии посвящена описанию погребального обряда Курджипского кургана (опыт реконструкции и сравнительный анализ). Изучение архивной документации и вещевого материала привело автора к заключению, что к древнейшему (основному) погребению раннеэллинистического времени относятся находки, обнаруженные В. М. Сысоевым в юго-восточном секторе кургана. Впускное же погребение первой половины I в. н. э. располагалось в западной, каменной поле кургана. Ему посвящена отдельная статья Л. К. Галаниной, опубликованная в журнале «Советская археология» (1973, № 2).

Сравнительный анализ материалов Курджипса дал возможность выявить как локальные особенности, так и отдельные элементы погребального обряда, характерные для других районов скифо-меотского племенного мира.

Третья глава — «Погребальный инвентарь и проблема датировки основной могилы» — самая большая по объему. В ней всесторонне исследуется содержимое могилы: глиняная, стеклянная, бронзовая и серебряная посуда, украшения и амулеты, предметы туалета, наступательное оружие и оборонительный доспех, а также конское снаряжение и другие предметы. В связи с этим мы позволим себе высказать некоторые замечания и дополнения.

По поводу чернолакового кувшинчика культового назначения мы уже имели возможность высказать свои соображения Л. К. Галаниной, а сейчас, с выходом в свет монографии, хочется еще раз подтвердить правильность его датировки IV в. до н. э., а не более поздним (с. 31, 33, табл. II).

Трехручная амфора кроме Курджипса найдена не только в Толстой Могиле [1, с. 67, рис. 51]. И. Б. Зеест сообщает, что в Евпаторийском музее хранится горло амфоры из характерной для херсонесской керамики глины с тремя ручками. По форме она соответствует солохинским образцам IV в. до н. э. [2, с. 100]. Часть амфоры с тремя ручками (крутые плечи, цилиндрическое горло, овальные ручки) найдена на Елизаветовском городище в 1970 г. Ее глина высокого качества напоминает родосскую [3, с. 33]. Судя по целой такой амфоре из Толстой Могилы, они были довольно тяжеловесными, и, может быть, именно этим, как полагает И. Б. Зеест, вызвано добавление к ним третьей ручки [1].

Для найденной в обломках стеклянной фиалы из Курджипского кургана (с. 33, 81, № 9) имеется очень близкая аналогия среди находок в Толстой Могиле. Как сообщает Б. Н. Мозолевский, фиала из Толстой Могилы отличается от курджипской лишь некоторыми деталями и размерами. Она также отлита из прозрачного стекла с желтоватым оттенком. К сожалению, обе фиалы дошли до нас в обломках

[1] Строго говоря, эти трехручные сосуды нельзя называть амфорами, так как последние должны иметь только две ручки. Отсюда их наименование: ἀμφί — «с обеих сторон» и φέρω «несу», т. е. сосуд с двумя ручками [4, с. 37].

[1, с. 124, рис. 107, с. 196], но представленные Б. Н. Мозолевским и Л. К. Галаниной реконструкции сосудов не вызывают сомнений в их идентичности. Это была дорогая посуда переднеазиатского происхождения, которая, по справедливому замечанию П. Фоссинга, представляет такую же ценность, как и фиалы из драгоценных металлов (с. 34) [2].

Разделяем точку зрения Л. К. Галаниной о местном, прикубанском происхождении кованых котлов и золотой пластинчатой гривны с головками антилоп на концах (с. 36, 37, табл. IV). Золотые филигранные композиции (с. 38, табл. IV), безусловно, относятся к погребальному убранству знатной женщины, похороненной в Курджипском кургане. Они, видимо, служили пряжками для ее парадного пояса. Среди археологических материалов такие пояса пока неизвестны. Но удачно использованный Л. К. Галаниной рассказ Полиэна о меотянке Таргитао, а также этнографические данные позволяют предполагать возможность выделения среди известных археологических находок пояса, принадлежавшие знатным женщинам меотских и скифских племен.

Л. К. Галанина предполагает, что пряжки от пояса и гривна составляют гарнитур, вышедший из одной мастерской (техника с применением филиграни, крученой проволочки с насечкой и цветной эмали). Принадлежность этих вещей к одной мастерской может быть подтверждена еще и тем, что они представляли погребальные украшения, которые, как замечено, приобретались комплектами. Нередко они выполнялись на заказ. В той же мастерской, как нам кажется, была изготовлена и золотая штампованная бляшка (№ 48 на с. 92), украшенная орнаментом из растительных побегов, центральная часть которого напоминает один из элементов композиции «Гераклова узла» на поясных пряжках.

На золотых круглых бляшках (с. 91, № 45) изображена не вполне обычная розетка. Иногда их называют бляшками с изображением вращающихся лучей. Это определение ближе к природе мотива, связанного с солярным культом. Обычная розетка, конечно, имела то же содержание, но здесь все-таки следует различать розетку из лепестков цветка и розетку из вращающихся лучеобразных фигур. Последние известны не только в Подонье и Прикубанье, но и в Приднепровье, (например: в Мордвиновском кургане [5, с. 105, тип 492к], в курганном могильнике в урочище Носаки [6, с. 87, рис. 11, *2*] и др.) Подобные розетки и розетки, состоящие из лепестков цветка, часто встречаются на предметах восточной (или подвергшейся восточному влиянию) торевтики как дополнительный элемент к тому или иному изображению, но чаще всего на теле львов, связанных с солярным культом. Мотив вращающихся лучей живет очень долго [7, с. 180, рис. 1—2].

Очень жаль, что автор не счел нужным дать фотографию золотого колпачка со всех сторон так как прорисовка переданных на нем сцен не дает полного представления о характере изображений (с. 93 № 51). Л. К. Галанина права в том, что мотив отрубленной головы не может сам по себе являться признаком «фальшивого изделия». Кроме изображения всадника с подвешенной к уздечке человеческой головой на бронзовом поясе из погребения VIII—VII вв. до н. э. Тлийского могильника (с. 47), можно привести и другие подобные примеры [8, с. 272, рис. 353—355] [3]. Любопытно отметить, что изображения варвара с отрубленной головой встречаются в основном на Кавказе, в том числе и на Северном, о чем свидетельствует находка в Курджипском кургане. В связи с этим важно было бы выявить все имеющиеся подобные изображения и сопоставить их не только с приведенным ниже сообщением Геродота, но и с другими источниками, если они имеются.

Сюжет, изображенный на колпачке, по мнению Л. К. Галаниной, связан с каким-то эпическим сказанием или с клятвой воинов в отмщении врагу, а отрублен-

---

[2] Исключительная малочисленность стеклянной посуды в Приднепровье, на территории кочевых племен, может объясняться их подвижным образом жизни, а не отсутствием возможности приобрести эту хрупкую посуду; в Прикубанье, например, она импортировалась в сравнительно большом количестве. Соображение о сухопутных путях доставки переднеазиатских товаров в этот район через Закавказье не ново, но, к сожалению, слабо разработано по имеющимся в нашем распоряжении источникам. Этот вопрос, как и многие другие, связанные с историей очень сложного по своей судьбе многоэтничного населения Северного Кавказа в античную эпоху, пока ждет своих исследователей..

[3] «Скифа с отрубленной в руках головой» на золотой ажурной пластине из коллекции Романовича принимать во внимание нельзя. Эта пластина — на редкость неудачная подделка фальсификатора, в «художество» которого поверила В. А. Ильинская [9, с. 90].

ная голова в руках одного из них — «символ будущего трофея» (с. 47). Однако здесь, нам кажется, уместно вспомнить сообщение Геродота (IV, 64, 65) о военных обычаях скифов: «Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе — нет. ...С головами же врагов (но не всех, а только самых лютых) они поступают так. Сначала отпиливают череп до бровей и вычищают. Бедняк обтягивает череп только снаружи сыромятной воловьей кожей и в таком виде пользуется им. Богатые же люди сперва обтягивают череп снаружи сыромятной кожей, а затем еще покрывают внутри позолотой и употребляют вместо чаши. Так скифы поступают даже с черепами своих родственников (если поссорятся с ними или когда перед судом царя один одержит верх над другим). При посещении уважаемых гостей хозяин выставляет такие черепа и напоминает гостям, что эти родственники были его врагами и что он их одолел. Такой поступок у скифов считается доблестным деянием» (ср. [10, с. 310, прим. 4]).

Не можем согласиться с Л. К. Галаниной в том, что преувеличенные размеры отрубленной головы в руках воинов на курджипском колпачке могут свидетельствовать о ее принадлежности «какому-то мифическому великану» (с. 47). Соблазнительно было бы видеть в этих «мифологических великанах» гигантов, напавших на Афродиту Апатурос, согласно легенде, рассказанной Страбоном (XI, 2, 10), но их убивал Геракл. Думаю, что здесь мы имеем дело с художественным приемом. Иначе нам пришлось бы считать великанами и тех, например, сидящих персонажей, головы которых изображались, согласно известному приему в античном искусстве — исокефалии, на одном уровне с головами стоящих в одной и той же композиции. На курджипском колпачке художник, по-видимому, подчеркнул важность атрибута воинов — головы, но не «как символа будущего трофея», а как уже добытый трофей — признак «доблестного деяния», по Геродоту. Окончательное решение этого вопроса зависит еще и от того, как понимать действие воинов по отношению к копью: держась за него, они в чем-то клянутся или один передает его другому. В последнем случае смысл сюжета иной.

Последняя, четвертая глава монографии Л. К. Галаниной носит характер исторического исследования. Она называется «Значение и место Курджипского кургана в истории Прикубанья IV в. до н. э.». Автор отмечает принадлежность этого кургана к меотской культуре. В нем были погребены знатные воины, принадлежащие к военной аристократии Северного Причерноморья. Не менее богатым является погребение знатной женщины, сопутствующий инвентарь которой указывает на ее жреческие функции. Для оценки общественного положения погребенной Л. К. Галанина использует большой сравнительный материал. Однако ее отношение к вопросу о влиянии греческой культуры на обитателей района Курджипса противоречиво. Так, на с. 29 Л. К. Галанина пишет: «В культово-погребальном аспекте Курджипс являет собой пример чисто местного захоронения, абсолютно не затронутого греческим влиянием, сказавшимся в той или иной мере на некоторых меотских памятниках, находящихся в соседстве с боспорскими центрами». На с. 63 отмечено: «Что касается района Курджипса, то, несмотря на значительную эллинизацию быта местной родо-племенной знати, влияние греческой культуры абсолютно не затронуло погребальную обрядность и общий уклад их жизни». Здесь, как нам кажется, явная недоработка вопроса. Создается впечатление, что автор вроде бы и признает наличие эллинизации и в то же время над ним довлеет стремление оградить «обитателей» Курджипса от этого влияния. Вместе с тем достаточно просто перелистать тщательно составленный Л. К. Галаниной каталог находок Курджипса, чтобы убедиться в том, что бóльшая часть предметов из этого кургана греческого происхождения. К этим вещам относятся: предметы воинского доспеха, украшения (гривна, перстни, кольца, амулеты, бляшки, бусы), пряжки от пояса, туалетные принадлежности (шкатулка, зеркала), посуда бронзовая (таз, детали ситулы, чаша), серебряная (ножка килика), глиняная (чернолаковые сосудики). Это уже само по себе говорит о влиянии греческой культуры на «общий уклад», и в частности на «погребальную обрядность» погребенных в Курджипсе.

На художественных изделиях из металла представлены различные образы, иконография и стилистические особенности которых выдают почерк греческих мастеров, причем без малейших намеков на присутствие в них варварского элемента: кентавр, крылатая женская фигура, танцовщица, монетный тип женской головки

вправо (на бляшке), маска Медузы, гриф, птичка с раскрытыми крыльями, орнаментальные мотивы, в том числе и изображение «Гераклова узла».

В настоящее время большое внимание уделяется семантике изображений на художественных изделиях греческого производства и ее значении в мировоззрении варварских племен. Среди дошедших до нас вещей из Курджипского кургана нет крупных изделий античной торевтики, например культовой посуды типа кульобской, воронежской и др. Нет набора украшений эллино-скифского головного убора, т. е. вещей с богатым сюжетным содержанием, которые могли бы обратить на себя особое внимание в связи с изучением этого вопроса. Однако и то, что сохранилось, говорит о многом. Не следует забывать, что меоты в период появления Курджипского кургана уже подходили к годовщине своего трехвекового тесного сотрудничества с греческими городами. Это было время, когда мировоззрение северочерноморских племен и греков было особенно близким. Поэтому трудно представить себе, чтобы потребитель не понимал, что приобретал, чем пользовался. Мастера-греки тоже, думается, делали и по заказу, и по своей инициативе то, что было близко их духовному мировоззрению.

Л. К. Галанина напомнила читателю о ритуальном назначении головного убора (с. 57), а на то, что он представляет один из важных источников для решения затронутого вопроса, почему-то не обратила внимания. Одно название «эллино-скифский» уже раскрывает его значение в этом плане. Среди различных образов античной мифологии, украшавших этот характерный для Северного Причерноморья убор, большое место занимают персонажи элевсинского культа, связанного с аграрными празднествами. При описании поясных пряжек из Курджипского кургана и упоминании в этой связи спасительного пояса у меотянки Таргитао можно было бы вспомнить о греческой богине, носившей чудесный пояс, в котором была скрыта тайна ее обаяния. Имя обладательницы этого пояса — Афродита, культ которой особенно широко почитался на азиатской стороне Боспора и был связан с образом «Великой богини», олицетворявшей плодородие. Большое значение поэтому приобретает и находка во впускном погребении Курджипского кургана золотого медальона с изображением Афродиты (с. 71, табл. I). Интересно также отметить, что золотые полые фигурки Пегасов (с. 83, № 17) от головного убора из этого кургана изготовлены, скорее всего, мастером из варварской среды или варваризованным греком. Значит, образы этого и подобных ему персонажей античной мифологии были настолько восприняты меотами, что они не представляли их иными. Вопрос об эллинизации варварских племен, конечно, очень сложный, по этому поводу существуют различные точки зрения [11, с. 25], но тем интереснее было бы услышать мнение Л. К. Галаниной, основанное на более тщательном, чем это сделано, анализе вещей из Курджипса.

О большой роли греческой культуры в жизни меотов, погребенных в Курджипском кургане, говорит и упомянутый выше золотой колпачок с изображением скифов. Если это не подделка, что довольно убедительно доказывает Л. К. Галанина, то он представляет хороший образец художественного изделия, выполненного под влиянием лучших произведений боспорской торевтики. Курджипский колпачок, как нам представляется,— варварское подражание. Его находка на территории прикубанских меотов вполне уместна. Влияние традиций античной культуры там было гораздо сильнее, чем в районах обитания скифских племен; оно сказалось и в характере синдо-меотской скульптуры, которая по своей тематике и средствам художественного выражения образов несравненно выше так называемых скифских каменных баб.

Одним из сосудов, которые использовались в ритуальных обрядах покойной жрицы, был бронзовый таз с накладными рельефами под горизонтальными подвижными ручками. На рельефах изображена сцена похищения Телефом Ореста, сына Агамемнона (с. 83, № 14). Одетый в плащ Телеф сидит на жертвеннике, левая его рука тянется к голове Ореста, фигура которого не сохранилась. Л. К. Галанина полагает, что владельцев этого таза мог привлекать не столько сам сюжет, как изображение в нем жертвенника, и сравнивает его с очагом, которому в древности приписывались те же функции (с. 58). Нам же кажется, что меотов, подвергшихся эллинизации, могло привлекать в этом сюжете все. Если же погребенные придерживались сугубо варварских обычаев, то их ничто не волновало в этих изображениях, в том числе и наличие жертвенника, так как жертвенник и очаг все-таки не одно и то же. К тому же, описывая, например, обычаи скифов, Геродот

(IV, 59, 62) прямо говорит о том, что они не воздвигали кумиры, алтари и храмы богам, кроме Ареса. Но и в честь этого бога воздвигались особые сооружения из хвороста.

Мы остановились лишь на более ярких примерах, свидетельствующих о том, что обитатели района Курджинского кургана, как и другие меоты, испытывали на себе влияние культуры боспорских городов. Анализ всех предметов торевтики в этом плане еще необходимо продолжить. В целом же очень тщательно подготовленная и хорошо оформленная публикация материалов из раскопок Курджинского кургана заслужит, как нам кажется, искреннее признание и благодарность исследователей-читателей ее автору.

Онайко Н. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мозолевський Б. М.* Товста Могила. Київ: Наук. думка, 1979.
2. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83.
3. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.: Наука, 1980.
4. *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953.
5. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.— САИ, вып. Д1-27. М., 1970.
6. *Бидзиля В. И.* Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев: Наук. думка, 1977.
7. *Рыбаков Б. А.* Средневековая литейная форма из Фанагории.— МИА, 1956, № 57.
8. *Ghirschman R.* Iran. Parther und Sasaniden. München, 1962.
9. *Ильинская В. А.* Золотая пластина с изображением скифов из коллекции Романовича.— СА, 1978, № 3.
10. *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Спб, 1913.
11. *Блаватский В. Д.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н. э.— III в. н. э.).— СА, 1964, № 4.

Germond G. Inventaire des mégalithes de la France. 6-Denx-Sèvres. P., 1980.

Мегалитические постройки, в том числе дольмены, распространены во многих странах мира. Обычно концентрируются они в регионах, омываемых морями. И естественно, что ученые с неослабевающим вниманием стремятся постичь скрытые в них тайны. Наиболее реальный путь для этого — обмерно-описательные работы (каталогизация) и раскопки соответствующих памятников. Каталогизация поможет систематизировать древние постройки, свести их в определенные типы и выделить такие сооружения, которые единичны и в силу этого, возможно, имели особое значение (являлись наиболее древними и редкими памятниками или обладали наивысшей эмоциональной нагрузкой).

Подобная работа уже начата в некоторых странах. Можно назвать вышедшие из печати своды, посвященные мегалитам ГДР и ФРГ [1—6], исследования такого рода издаются в Швеции [7] и Болгарии [8], из года в год выходят они и во Франции, причем здесь описание мегалитических построек дается по отдельным департаментам страны [9—13]. Сейчас перед нами находится шестой выпуск подобного издания, имеющий, как и предыдущие, общий заголовок: «Описание мегалитов на территории Франции». Он посвящен памятникам департамента Де-Севр. Автор его Жорж Жермон обстоятельным образом описывает большую серию мегалитов, уделяя каждому из них огромное внимание.

В небольшом вступлении, предпосланном книге и написанном Б. Вандермеершем, дана оценка усилий автора, труд которого, как и предыдущих исследователей древних сооружений, должен явиться слагаемым для воссоздания «Предыстории Галлии». Настоящий выпуск, созданный при содействии особой Службы археологических раскопок и изучения памятников старины Министерства культуры и культурных связей Франции, является первым, так как территория департамента довольно велика. Ж. Жермон, по словам Б. Вандермеерша, для написания своего труда использовал большое количество литературы, архивных источников, позволивших ему порой воссоздать былой вид памятника. И если автору удалось объ-

единить редкий материал, хранящийся в частных коллекциях, то только благодаря его «ловкости, терпению, дипломатии» и умению в течение «долгих лет собирать, проверять, сопоставлять» (с. 7). Попутно Ж. Жермон обобщил и материал по тем верованиям, которые сложились у населения, живущего бок о бок с мегалитами.

Работа Ж. Жермона состоит из трех частей — теоретической, описательной и итоговой в виде научного обзора. Первой части предпослано введение. В нем автор совершенно справедливо говорит, что создание описи (кадастра) памятников древности — это уже большой шаг в деле их научной классификации и организации «охранного надзора за ними». В первую очередь такой надзор заслуживают «друидические постройки» — мегалиты, на которые уже давно обращено внимание ученых Франции. Так, А. Кейе еще в 1869 г. ставил вопрос о необходимости охраны древних построек, которые даже в его время уже начали использовать для строительных целей [1]. Сейчас, когда археология Франции стала представлять интерес не только для специалистов, создание такого свода более чем важно. Автор со скорбью пишет о том, что в недавние времена дольмены и менгиры являлись жертвами невежества и фанатизма людей, а в наши дни они стоят под угрозой уничтожения бездушного (с. 12). Это замечание автора весьма актуально не только для Франции — небывалый размах строительных работ во многих странах, несмотря на законодательные меры, угрожает существованию мегалитов. Они уничтожаются. И причина большей частью одна — невнимание к старине.

Введение завершается упоминанием ряда лиц — в том числе художника Э. Фурнье, рисунки которого украшают книгу,— способствовавших осуществлению планов издания.

В небольшом историческом очерке автор рассказывает об исследовании мегалитов Де-Севра. Одним из первых, кто обратил на них внимание, явился знаменитый писатель-гуманист Франсуа Рабле (1483—1553). Однако подлинно научный интерес к ним возник только в XIX в. Далее Ж. Жермон вспоминает имена целого ряда исследователей, которые в той или иной степени интересовались мегалитами (Дюпэн, Жозо, Ш. Гарнье и др.), порой приписывая строительство их кельтам (Ш. Арно, Богье, Д. Созэ). Д. Созэ считал, что дольмены, стоящие на холмах, являлись культовыми постройками и служили своеобразными знаками, отделявшими определенные территории, а один из дольменов в Виллендье мог быть местом, откуда «подавался сигнал к одновременному началу совершения религиозных обрядов на всех вершинах холмов» (с. 16).

К концу XIX в. многие археологи и любители старины (Б. Суше, Б. Леден, де Лонгемар, Х. Имер, А. Желен, Л. Легуай и др.) продолжали картографирование мегалитов, а некоторые из них занялись выявлением связанных с ними топонимов.

XX век ознаменовался открытием ряда новых памятников. Они, может быть, и не были бы найдены, если бы не тот повышенный интерес к мегалитам, который возник к этому времени в среде ученых. Историографический экскурс завершается упоминанием археологических работ 1969 г., проведенных Бурнесом, Габе и Моэном в районе Бугона.

Может быть, в этом очерке автору не мешало бы вспомнить писателя Проспера Мериме, который, будучи инспектором исторических памятников и национальных древностей, вполне на профессиональном уровне занимался изучением мегалитов в соседней Вьенской провинции — у Пуатье [15], тем более что Ж. Жермон упоминает в дальнейшем эти районы.

Далее следуют «Практические указания», применявшиеся автором при изучении мегалитического материала. На этом разделе следует остановиться немного детальнее. Руководством для описания мегалитов Ж. Жермону послужила работа Р. Вофрея [16], уже, как он пишет, испытанная временем. При описании отдельных памятников Ж. Жермон в своем тексте приводит данные по следующей схеме. *1.* Топографические, кадастровые, юридические и другие сведения, касающиеся расположения памятника. В эту же рубрику входят все названия мегалита, если они имеются. Расстояние по прямой от объекта до ближайшего населенного пункта, ориентация его опять-таки относительно этого же пункта; участок, который он занимает в официальном кадастре. Некоторые сведения о памятнике, а также геогра-

[1] А. Кейе замечает, что было время и мегалиты спокойно стояли, ибо они внушали суеверный страх, вызванный легендами, в которых повествуется «о сборищах при лунном свете целого легиона вещих фей, духов и слуг дьявола, столь почитаемых предками галлов» [14].

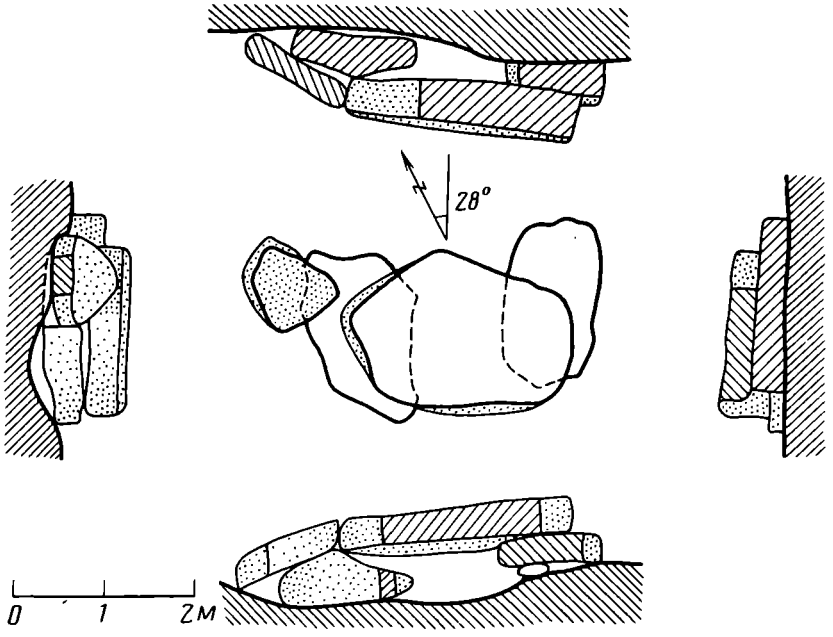


Рис. 1. Дольмен в Сен-Жак-де-Туар. Обмеры (Germond G., рис. 65)

фические и геологические условия той местности, в которой он находится. Имя и адрес его владельца [2]. *2.* Петрографическое описание породы, из которой изготовлен памятник. *3.* Ход раскопок и найденные предметы. *4.* Народные предания о мегалитах. *5.* Библиография.

Все эти данные необходимо иметь в виду и советским исследователям, взявшимся за описание дольменов и других древних сооружений.

Интересно указание автора, касающееся производства обмеров: «Контуры плит с лицевой стороны на переднем плане чертятся жирными линиями. Контуры плит в разрезе изображаются тонкими. Разрезы на переднем плане всегда даются в плотной штриховке, если они видны, и в более редкой штриховке, если они закрыты другими деталями и лишь угадываются. Предполагаемые контуры даются пунктиром. Участки поверхностей, представляющиеся зрителю косыми или на заднем плане, отмечаются точками, и чем плотнее они нанесены, тем больше эти поверхности удалены» (с. 20). Производство обмерных чертежей с дольменами очень сложно (рис. 1). Методика, предложенная Ж. Жермоном, может поэтому быть полезной для практических работ в полевых условиях.

Вслед за упомянутыми разделами следует вторая и основная, описательная часть книги, которая занимает значительный объем (с. 22—198). Было бы трудно говорить о всех опубликованных памятниках, но некоторые заслуживают полного внимания.

Отдельные комплексы Де-Севра, найденные случайно и уже в нарушенном состоянии, только условно могут быть отнесены к мегалитическим. Таковы захоронения неолитоидного облика из Авай-сюр-Шизе. Здесь при костяках с южной ориентацией был найден интересный инвентарь в виде круглодонных кубков, кремневых скребков и «наконечников стрел» в форме трапеций (с. 30—34, рис. 5—8).

Больше дольменных черт содержит другой памятник, обнаруженный в Бугоне и известный как курган «А». Раскрытое в нем сооружение, сложенное сухой кладкой, имело трапециевидную форму и было перекрыто мощной плитой. Камера его разделена неполной перегородкой, на одном из ее камней раскопщик Арно (1841 г.) нашел граффити — изображение птицы. Однако Ж. Жермон высказывает сомнение в реальном существовании подобного рисунка.

---

[2] Как это ни покажется странным, но, вероятно, и в нашей стране не мешало бы обязать владельцев земель с дольменами (колхозы, совхозы, лесничества, частные лица) охранять соответствующие памятники, считая их в определенной степени «своими». Так, в Красноалександровских аулах (Краснодарский край) дольмены стоят во дворах жителей и на улице и подвергаются разрушениям.

К большой камере этой постройки вел коридор, и в целом она имела Т-образную форму. Сооружение такой конструкции для территории Франции является уникальным. Подобные памятники известны в Англии. Судя по словам Арно, внутри дольмена «скелеты были размещены вокруг камеры, при этом их головы упирались в стены, а ноги были закинуты на туловища». Возможно, здесь идет речь не об ограблении дольмена (смешанности костей), как предполагает автор, а о сидячих позах умерших, при их постепенном сползании (с. 36—39, рис. 10, 11).

Не менее интересны и разрушенные дольмены «С» и «F» этой же группы, окруженные кольцевидными кладками из крупных плит. Правда, как пишет Ж. Жермон, дольмен «С» среди таких конструкций мог появиться позже (был впущен), так как удивляет диспропорция между значительными размерами «кромлехов» и небольшой величиной самого дольмена (с. 42) [3]. В дольменах этой группы встречались каменные крюки, но так и остались неизвестными их форма и назначение. Инвентарь дольменов оригинален: тесловидные кремневые топоры, диоритовый топор-клевец со ступенчато-конической сверлиной, костяные проколки. Относительно обнаруженной керамики у автора возникли сомнения, могли ли в этих дольменах находиться круглодонные расписные горшки. Вероятно, нет, тем более что в других дольменах этой группы несколько позже были найдены сосуды такой формы, которую мы называем баночной, и округлые чаши. Те и другие покрыты редкими вмятинами и налепами, отдельные образцы украшены точечным орнаментом (с. 50—54, рис. 18—21).

Далее следует остановиться на остатках, найденных в Пати-о-Беф (Ротемон). Сооружения сохранились плохо, но зона погребений была все же ограничена обломками каменных блоков и перекрытий. В щебне, расположенном между ними, вскрыты четыре округлые «камеры». Внутри ям и вне их встречались раздавленные человеческие кости. Ж. Жермон, раскопавший этот памятник в 1972 г., отмечает, что курган Ротемон сам являлся некрополем, а не просто вместилищем для дольмена. Как видно, раскопки Ж. Жермона и приведенные материалы могут свидетельствовать о постепенном сложении дольменного обряда в юго-западной части Франции.

Инвентарь этого кургана состоял из сосудов, напоминающих русские чугунки (с одиночными налепами), черешковых наконечников стрел и скребкообразных орудий из кремня (с. 87—92, рис. 40—43).

В ряде пунктов Де-Севра обнаружены оригинальные дольменные памятники. Так, сооружение в Ля Мот-Сэн-Эрай (Вильдье-де-Комбле) на одной из плит имел «надрез» (лаз?), который мог служить «чем-то вроде окна для вентиляции». К сожалению, раскопки его велись Созе еще в 1844 г., поэтому восстановить детали захоронения трудно. Инвентарь — кремневые скребки, трапециевидные и черешковые наконечники стрел (они, как видно, сосуществуют). Однако керамика (подставка с трехъярусным накольчатым орнаментом в виде зубцов) принадлежит позднеолитической культуре «шассей» (с. 99—101, рис. 48).

Дольменам Пюираво из Сен-Леже-де-Монбрэн в книге отведено большое место, особенно дольмену № 2. По мнению автора, это — два дольмена, прислоненные друг к другу, но построенные независимо и с небольшим разрывом во времени. К сожалению, раскопаны они были случайными лицами, но дали богатейший материал (рис. 2), который сейчас даже нельзя разбить на комплексы: о погребениях известно лишь, что костяки были положены головами на запад (с. 133—136). Среди инвентаря этих дольменов имеется огромный кремневый материал. Одних только кинжалов (длиной до 20 см и более) насчитывается 64 экз. Лезвия их, имеющие «рыбовидную», «сигарообразную», «челночную» и другие формы, отлично отретушированы. Особую группу находок составляют 247 наконечников стрел. Среди них почти нет трапециевидных, это черешковые наконечники треугольной формы, но с

[3] Как анекдот, связанный с этим курганом («широном»), автор рассказывает такой случай, что вообще характерно для его манеры изложения. Префект Де-Севра решил приобрести участок с курганом для департамента, который принадлежал жене мэра Бугона. Между ними произошел такой разговор: «Дорогой мой мэр, добейтесь у вашей супруги, чтобы она уступила этот участок, и я вас представлю к ордену Почетного легиона». На что мэр ответил: «Господин префект, если я заслужил крест, то его следует мне вручить. Если я его не заслужил, то оставьте его себе, а я оставлю при себе жену и ее курган» (с. 42). Конечно, подобные вводные новеллы, не характерные для нашей научной литературы, несколько сбивают с толку, но очень оживляют сухой текст.

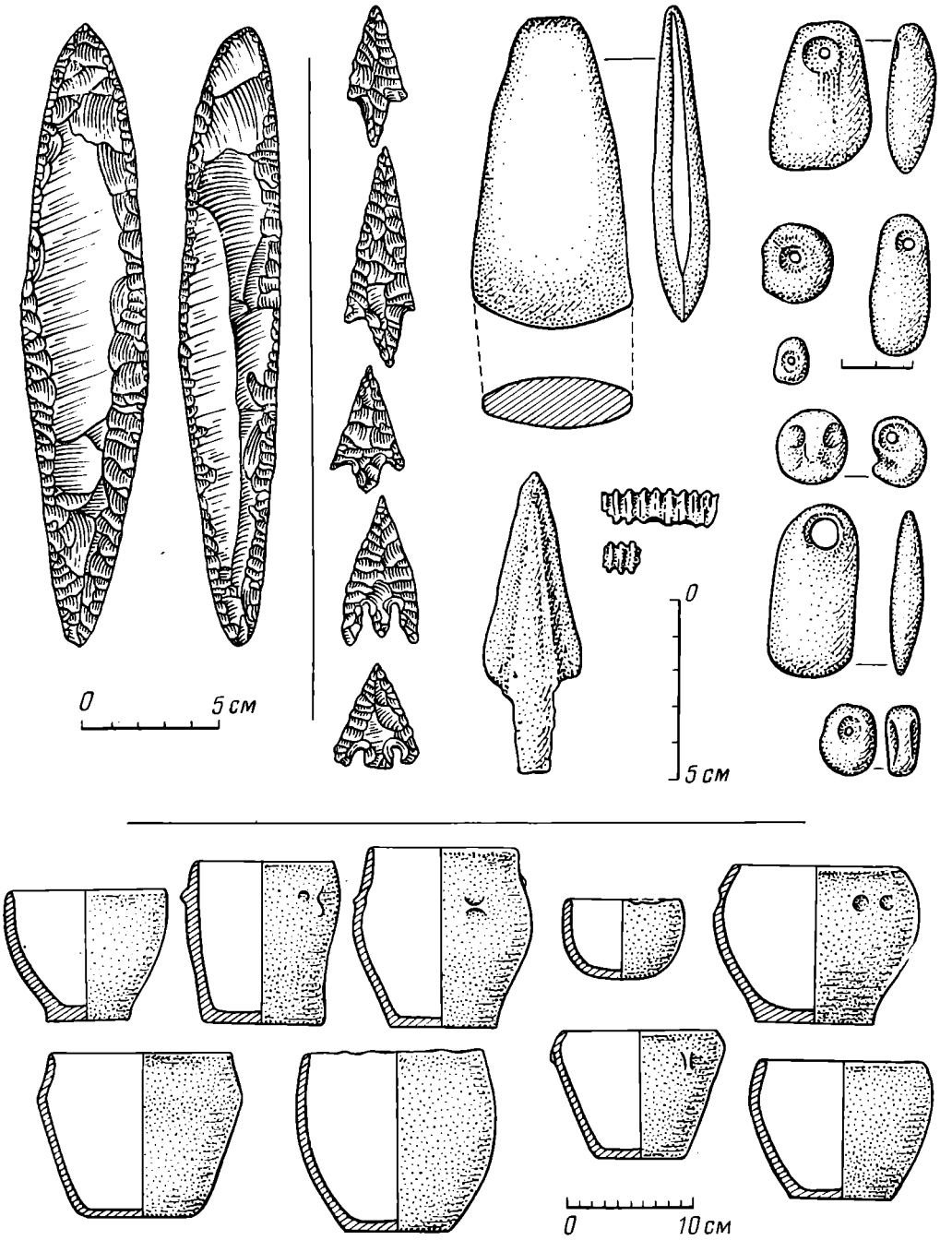


Рис. 2. Дольмен № 2 Пюираво в Сен-Леже-де-Монбрэн. Инвентарь (Germond G., рис. 78, 80, 82—84).

разными вариациями. Среди каменных орудий следует упомянуть 14 клиновидных топоров. Не буду останавливаться на костяных изделиях и украшениях (подвески из нефрита и просверленные зубы животных) — куда важнее серия находок из оловянистой бронзы. Это очень характерный конусовидный кинжал с черенком, бочонковидные и цилиндрические бусины.

Коллекция керамики из «дольмена № 2» содержит 82 плоскодонных сосуда. Это ребристые и округлые горшки разных вариаций, в том числе и несколько колоколообразных. Почти все они без орнамента (изредка накольчатые пояски и зубчики).

Анализ обнаруженного материала позволил Ж. Жермону относить его приблизительно к 2000 г. до н. э. Он считает, что возведение самих дольменов синхронно захоронениям в них. Если в соседних департаментах в дольменах часто встречаются

колоколовидные сосуды, то здесь их мало, а ведь именно такая посуда характерна для культуры палеометалла С. У. М.— культуры Сены — Уазы — Марны, клином тянущейся с севера к Бискайскому заливу через Де-Севр. Это еще раз свидетельствует о позднем возрасте «дольмена № 2» (в этих дольменах, как говорит автор, захоронены «только потомки» носителей культуры колоколовидных кубков — с. 156).

Далее следует описание дольменов ряда пунктов, в том числе коммуны Тезе, в которых изредка встречаются колоколовидные сосуды.

Третья часть книги посвящена итогам работы («выводам»). Как сообщает автор, в департаменте Де-Севр зарегистрировано 40 целых дольменов, 31 — разрушенный и от 6—7 дольменов сохранились только топонимы. Здесь же указываются и другие памятники.

Дольмены Де-Севра занимают две зоны: северную — район Туарсе (коммуна Тезе) и южную — по долине р. Ниортского Севра (коммуна Бугон) (рис. 115, 116). Далее Ж. Жермон рассматривает расположение дольменов на местности, и здесь интересно его сообщение, что их местонахождения приурочены к исторически сложившимся дорогам и тропам (с. 207—210). Следует отметить, что подобные наблюдения верны и для Западного Кавказа. Так, дольмены в Абхазии как бы следуют по древним скотопрогонным путям [17]. Автор ставит и другой вопрос — зависимость между расположением дольменов и поселениями. Практически разрешить его пока не удается, но априорно можно предполагать их близкое соседство.

Дольмены Де-Севра построены из тех горных пород, которые имелись поблизости. Дальних транспортировок не делалось (известен случай, когда камень везли за 3,2 км из Эксудана в Бугон). Подобные факты подмечены и для дольменов Западного Кавказа.

Однако группировка дольменов в одном месте объясняется автором не только наличием строительного материала и не «возможностью почтить всех усопших сразу, в один приход», а святостью места вокруг дольмена: «когда камера одного дольмена заполнялась, то рядом, естественно, воздвигался новый дольмен, а затем последующие» (с. 217). В таком случае, речь идет, вероятно, о небольших родственных группах, ведь в Де-Севре нет огромных скоплений дольменов. Интересно, какую бы теорию предложил Ж. Жермон для огромных дольменных полей Краснодарского края? Так, в бассейне р. Кизинки (ст. Баговская) можно насчитать 564 постройки.

В департаменте Де-Севр дольмены отличаются разнообразием форм. Упомянем наиболее характерные разновидности мегалитов: дольмены со сводом и коридорами — «арморикáнский тип» (особенно интересна постройка в Лимлонже — ее выступающий свод перекрыт плитой, коридор прослеживался слабо); дольмены с квадратной или прямоугольной камерой и коридором — «ангумуанский тип» (в Бугоне один такой дольмен имел пазы, с помощью которых соединялись плиты); дольмены с квадратной камерой и портиком — «анжуйский тип»; крытые аллеи; простые дольмены — они без коридора и портика; «парадольменные захоронения» или захоронения под плитами (Les sépultures para-dolméniques ou sépultures sous dalles; такие захоронения, обрамленные сухой кладкой, иногда встречаются в курганах, к дольменам они отнесены условно). Для мегалитов Де-Севра отверстия не характерны, и упоминавшийся ранее случай единичен (с. 229). Автор считает, что курганы насыпались для удобства возведения дольменных построек и при замуровывании их камер (с. 223).

Ж. Жермон предпринял детальную реконструкцию погребального обряда, практиковавшегося в дольменах. Речь может идти об ингумационном обряде (следы сожжений не встречались), носившем иногда массовый характер (в дольмене «А» Бугона находилось около 200 захоронений). Как вариант трупоположений автор рассматривает вторичные захоронения целых скелетов и отдельных костей (встречаются в позднее — «артенакское время»). Так как наряду с дольменами известны синхронные им грунтовые могилы, обладающие аналогичным инвентарем, то у автора возникает мысль, не предназначались ли дольмены для погребения жрецов, военачальников, вождей племен и других привилегированных лиц? К сожалению, Ж. Жермон не находит пока ответа на этот вопрос (с. 231).

Дольмены использовались многократно (поэтому в них и встречается разнохарактерная керамика). Какой-либо порядок в расположении инвентаря усмотреть не удалось. Автор дает перечень всех находок, включая кости животных и останав-

ливается на найденном антропологическом материале. Установлены длинноголовость захороненных и их средний рост: для мужчин 1,654 м, для женщин 1,553 м при возрасте от 20 до 40 лет (характерны для департаментов Вьенна — Шаранта — южной фации культуры С. У. М.).

Вопросы хронологии в книге Ж. Жермона решаются только приблизительно, но на широком фоне мегалитических культур. Дольмены с круглой или полигональной камерой («атлантического типа») он считает наиболее древними постройками. Далее следуют прямоугольные дольмены с короткими коридорами и затем сооружения с длинными входами. Так как основная масса дольменов Франции тяготеет к морю, то, естественно, возникает мысль, что они созданы людьми (народ «Ку», от названия памятника Ла-Цист-де-Ку — (La Ciste-des-Cous) с «цистами» — каменными ящиками), проникавшими со стороны моря (с «Запада или Юга Иберии»). Первые дольмены «атлантического типа» и могли быть построены ими. Эти люди могли быть родственными носителям еще неолитической стадии «арморикапской культуры», известной и для Великобритании. Такие события могли происходить примерно в 3800—3000 гг. до н. э.

Дольмен «Е» в Бугоне напоминает ранние, арморикапские памятники. Дата его уточнятся двумя определениями по C_{14} : 4680±130 (Базож) и 5800±230 (Бугон «Е») лет от наших дней (калибровка 400—650 лет). Керамика, характерная для этого времени, как и культура в целом, носит у автора название «Ку» (Cous), и он рассматривает ее как типичную для древней фации культуры «шассей» (когда еще не было сосудов-подставок). Однако, как заключает Ж. Жермон, связи между культурами «Ку» и «шассей» не ясны и «возможно», что различие между ними заключается всего лишь в небольшой и технической разнице внутри одной и той же цивилизации (с. 236—238).

Появление основной массы мегалитов на почве Де-Севра происходило около 2800 г. до н. э. (с. 236). Вероятно, к этому времени и относится строительство дольменов ангумуанского типа. Скорее всего генетически они связаны с мегалитами арморикапского облика и были занесены соответствующим «течением» через Ланге-док (на границе с Пиренеями), хотя и существует мнение, что южные дольмены моложе западных. Дольмены ангумуанского типа предназначались для трупоположений, в них встречается керамика типа «шассей». Дата этих памятников по C_{14}: 4790±220, 4490±230 и 4350±130 лет от наших дней (с. 240).

В дальнейшем появляются дольмены с портиками (анжуйского типа). Спорадически они встречались еще среди памятников предыдущего времени. В инвентаре наиболее ранних из них попадаются подставки и миски типа «шассей». Датировать их можно примерно до 2400—2300 гг. до н. э., когда возникают мегалитические «аллеи» и исчезают следы культуры «шассей», что связано с проникновением мощного влияния культуры С. У. М. Около 2000 г. до н. э. в дольменах появляются металлические кинжалы. Закат в строительстве дольменов приходится на время так называемой «артенакской культуры», инвентарь которой характеризуется большим количеством металла и прекрасно обработанным кремнем, керамика ее покрыта бугорками и узором из точек, хотя для памятников Де-Севра такой декор не характерен. Предполагаемые даты подкрепляются анализами по C_{14} 4250±140 (Дордонь), 4150±130 (Шарант) лет от наших дней (с. 238—242).

Завершается книга описанием менгиров и других памятников, которые не всегда имеют отношение к дольменам, а также обширным списком литературы и указателями.

Труд Ж. Жермона очень полповесен. Это не только сводка памятников, но и монографическое обобщение. Оно не ограничено узким регионом Де-Севра, а далеко выходит за его пределы. В этом сильная сторона книги; слабость ее — в некотором перескакивании с одной темы на другую и снова в возвращении к первой, в беглом, словно попутном аргументировании своих мыслей.

Оценивая труд Ж. Жермона, я подходил к нему прежде всего с позиций кавказоведа, занимавшегося изучением западнокавказских дольменов. Естественно, трудно найти какое-либо близкое сходство памятников Де-Севра с кавказскими, если не считать общих деталей: некоторой приподнятости фасада, гармоничности в соотношении частей и более частных черт сходства, о которых уже говорилось. Как видно, на территории Франции нет оснований искать прародину для дольменов Западного Кавказа, хотя нечто подобное имеет место в нашей литературе [18]. По мере продвижения мегалитов только по одному департаменту Франции, каким

является Де-Севр, видны изменения и в конструкции памятников, и в их культурно-археологическом содержимом. Речь идет об утере первоначальных черт по мере удаления от моря и появлении новых конструктивных особенностей, характерных для мегалитов в разных регионах.

Книга Ж. Жермона может быть рекомендована для исследователей кавказских памятников и своими методическими указаниями, и чисто научным подходом к обобщению материала. При подготовке свода по мегалитам Юга нашей страны опыт французского коллеги, несомненно, будет полезен.

Марковин В. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sprockhoff E.* Atlas der Megalithgräber Deutschlands (Schleswig — Holstein). Bd 1, 2. Bonn, 1966.
2. *Sprockhoff E.* Atlas der Megalithgräber Deutschlands (Mecklenburg — Brandenburg — Pommern). Bd 1, 2. Bonn, 1967.
3. *Schuldt E.* Dolmenen und Ganggräber an der Recknitz. Schwerin, 1971.
4. *Schuldt E.* Steinzeitliche Grabmonumente der Insel Rügen. Schwerin, 1971.
5. *Schuld E., Gehl O.* Die mecklenburgischen Megalithgräber. B., 1972.
6. *Ingeburg N.* Das Neolitithikum in Mecklenburg. Schwerin, 1971.
7. *Bagge A., Kaelas L.* Die Funde aus Dolmen und Ganggräbern Schonem, Schweden. Bd 1, 2. Stockholm, 1950 und 1952.
8. Тракийски паметници. Т. I. Мегалитите в Тракия / Ред. Венедиков И., Фол А. София, 1976.
9. *Cordier G.* Inventaire... (1. Indre — et — Loire). P., 1963.
10. *Gruet M.* Inventaire. (2. Maine — et — Loire). P., 1967.
11. *Despriée J., Leymarios C.* Inventaire... (3. Loir — et — Cher). P., 1974.
12. *Peek J.* Inventaire... (4. Région parisienne). P., 1975.
13. *Clottes J.* Inventaire... (5. Lot). P., 1977.
14. *Gaillé A.* Les monuments historiques du départment des Deux Sevres.— Revue de l'Aunis de la Saintonge et du Poitou, v. 9. P., 1869.
15. *Мериме П.* Заметки о путешествии по западу Франции. Собр. соч. в шести томах, т. 4, М., 1963.
16. *Vaufrey R.* Projet d'inventaire des monuments megalithiques. Bulletin de la Societe normande d'Etudes prehistoriques. t. 33, P., 1943.
17. *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.
18. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа.— Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры, вып. VII. М., 1974.

Actes du IIe Congrès international de thràcologie. I. Bucureşti, 1980.

В сентябре 1976 г. в Бухаресте состоялся II Международный конгресс по фракологии. На нем сделали около 200 научных докладов и сообщений историки, археологи, лингвисты, фольклористы и антропологи из разных стран Европы, но главным образом из Болгарии и Румынии. По решению Оргкомитета конгресса все доклады и сообщения были опубликованы, хотя и с опозданием в четыре года. Они составили три обширных тома, из которых первые два включили статьи по истории и археологии фракийцев, а третий – статьи по другим дисциплинам.

Следует отметить, что специально ко II конгрессу по фракологии в Румынии была издана книга «Thraco-Dacica» (Bucureşti. 1976), где содержится ряд расширенных статей румынских исследователей, соответствующих докладам, прочитанным на конгрессе.

Том I, о котором пойдет здесь речь, состоит из докладов и сообщений, посвященных ранней истории фракийцев – от их происхождения и появления на исторической арене до римского времени. Он открывается приветствием президента Социалистической Республики Румынии Николае Чаушеску участникам конгресса. В нем президент подчеркнул решающую роль гето-даков в процессе образования румынской нации и культуры населения всего Карпато-Балканского региона.

В небольшом вступлении к тому от редакционного комитета содержится краткая информация о конгрессе и трех томах материалов.

Всего в томе помещено 53 статьи: 24 болгарских авторов, 21 – румынских, две – советских, две – ученых из ГДР, две – из ФРГ, одна – из ЧССР, одна – из Великобри-

тании. Менее половины статей касается общих проблем фракологии, остальные посвящены отдельным частным вопросам или представляют собой публикации новых материалов. Бросается в глаза разнобой в оформлении статей. Одни из них снабжены необходимым иллюстративным материалом и подстрочным аппаратом, другие имеют вид более или менее развернутых тезисов. Преобладает французский язык, наряду с которым есть статьи на немецком, английском и русском языках.

Наиболее полно в сборнике представлены проблемы, над которыми работают румынские исследователи, что вполне естественно, так как именно они были хозяевами конгресса и его организаторами.

Р. Вульпе – президент II Международного конгресса фракологов – дал общую характеристику достижений румынских археологов и историков в области фракологии за последние 25 лет и краткую историю изучения фракийских народов в Румынии начиная с первой половины XIX в.[1] Он подчеркнул, что систематическое изучение археологических памятников как исторического источника, важного для изучения истории и культуры фракийских племен, стало возможным только после установления социалистического строя в Румынии. В итоге исследований в течение последних 25 лет румынские ученые получили материалы, позволяющие говорить о времени появления первых фракийцев на Карпато-Дунайских землях, о процессах, приведших к консолидации северных фракийцев – гето-даков, и осветить различные этапы их развития. В краткой форме президент охарактеризовал наиболее выдающиеся достижения румынских ученых в различных областях археологической науки в Румынии – от эпохи бронзы, которая представляется как наиболее ранний этап фракийской истории, до раннего средневековья. В заключении статьи Р. Вульпе специально подчеркнул, что в настоящее время археологи и историки Румынии считают гето-даков – северную ветвь фракийцев – глубокой местной основой, принявшей позднее латинский язык и черты римской культуры.

Доклады-статьи румынских археологов содержат конкретные материалы, существенно дополняющие общие характеристики, данные в статье Р. Вульпе. Сколько-нибудь серьезных расхождений во взглядах и интерпретации археологических источников по кардинальным вопросам фракийской проблематики у румынских ученых нет. Отдельные несогласия имеются лишь по частным вопросам. Так, к единому мнению пришли румынские археологи в решении проблемы начала истории фракийцев в Карпато-Дунайском районе. Происхождение фракийцев рассматривается всеми румынскими учеными в тесной связи с индоевропейской проблемой. Современные румынские исследователи единодушны в том, что индоевропеизация населения на территории современной Румынии представляла собой длительный процесс, начавшийся в энеолите и завершившийся в эпоху бронзы. В большой степени он был связан с продвижением в Карпато-Дунайские земли пастушеских племен с востока, из обширных просторов Северного Причерноморья. Пришлые с востока племена не вытеснили местное население, а как бы влились в него, способствуя передвижениям, перегруппировкам и глубоким изменениям материальной культуры. Имеются лишь некоторые расхождения относительно абсолютной даты начала движения с востока и его проявлений, хотя все считают, что движение происходило несколькими волнами, наиболее поздняя из которых относится к эпохе поздней бронзы (XIV–XIII вв. до н. э.). Что касается начальной даты, то Е. Комша говорит о IV тыс. до н. э. (Comşa E. Contribution à la connaissance du processus d'«indoeuropéanisation» des regions carpato-danubiennes, p. 29) [2], тогда как Р. Вульпе (упомянутое вступление), Д. Берчу (Berciu D. Quelques problèmes de l'âge du bronze thrace danc l'espace Carpato-Danubien, p. 57—62), М. Петреску-Дымбовица (Petrescu-Dîmbaviţa M. La contribution des recherches archéologiques à l'histoire des Thraces nord-danubiens, p. 165—180) и еще ряд исследователей относят его к III тыс. до н. э.

Конкретным проявлением первой волны восточных пришельцев на территорию Румынии большинство румынских исследователей считают курганные погребения с охрой, аналогичные погребениям ранней ступени древнеямной культуры в Северном Причерноморье. По-иному рассматривает этот вопрос М. Дину (Dinu M. Le complexe Horodiştea-Folteşti et le problème de l'indo-européanisation de l'espace carpato-danubien,

---

[1] Более подробно история науки о фракийцах в Румынии изложена в статье Р. Вульпе, изданной в упомянутой выше книге «Thraco-Dacica».

[2] Здесь и далее в тексте приводится название статьи на языке издания.

p. 35—48). Основываясь на стратиграфических наблюдениях, когда курганы с древнеямными погребениями перекрывали слои энеолитических поселений типа Городиште – Эрбицени – Фолтешти, а также поселения типа Фолтешти – Чернавода II (которые Е. Комша и другие считают синхронными первым погребениям с охрой), М. Дину приходит к выводу, что последние относятся к более позднему периоду, чем упомянутые поселения. По его мнению, наиболее ранние курганные погребения должны датироваться началом эпохи бронзы, совпадающим по времени с началом культуры Глина III, Шнекенберг, Монтеору C_4. Вместе с тем он полагает, что процесс индоевропеизации местного населения начался раньше появления первых носителей курганных погребений. Присутствие индоевропейцев на территории Румынии и на Балканах можно предполагать еще в энеолите. Основанием для такого предположения служат находки костей одомашненной лошади на поселениях типа Кукутени и Гумельница, а также глиняных моделей колес от повозок на поселениях Гумельница А и Кукутени А. Ведь в настоящее время многие лингвисты, а вслед за ними археологи считают, что появление индоевропейцев в Европе произошло одновременно с одомашниванием лошади и распространением колесного транспорта.

С. Моринц (Morintz S. Über die Abstammung der Thraker, S. 49—56) не видит в эпоху энеолита сколько-нибудь заметных пришлых с востока этнических и культурных элементов и считает, что вопрос о прохождении индоевропейцев на территории Румынии пока нельзя решить из-за отсутствия необходимых для этого археологических материалов. В самом деле, сейчас еще невозможно сказать что-либо определенное о происхождении большинства культур бронзового века Карпато-Дунайского района, не заполнена лакуна между культурой Коцофени и ранними классическими памятниками эпохи бронзы, невелико количество курганных погребений с охрой и не всегда можно их правильно датировать. В связи с этим трудно измерить величину «вклада» восточных племен для ранних периодов бронзового века. Этот «восточный вклад» достаточно ясно выступает лишь в период поздней бронзы, в культурах Ноа и Косложени.

Сложение северофракийской общности, выделение ее из индоевропейской упомянутые исследователи относят к эпохе бронзы, но в подходе к решению этого вопроса наблюдаются некоторые разногласия. Так, Д. Берчу все культуры, существовавшие в Карпато-Дунайском регионе в бронзовом веке, между 2000 и 1200 гг., считает принадлежавшими фракийскому населению. Близкое суждение высказал в своей статье и М. Петреску-Дымбовица, однако он в отличие от Д. Берчу не находит возможным говорить о культурном единстве фракийцев уже в ранние периоды бронзового века, подчеркивая, что этническое и культурное единство фракийцев растет с течением времени и особенно ярко выступает лишь в конце эпохи бронзы, подготовившей переход к железному веку.

С. Моринц считает бесспорным наличие огромной лингвистической и этнокультурной группы фракийцев уже во II тыс. до н. э., но вместе с тем отрицательно отвечает на вопрос, можно ли все культуры бронзового века Румынии связывать с фракийцами. По его мнению, фракийскими являются лишь те культуры, на основании которых окончательно сложилась этнокультурная общность северных фракийцев в Карпато-Дунайском регионе. Это окончательное формирование северных фракийцев, по мнению С. Моринца, как и по мнению М. Петреску-Дымбовицы, относится лишь к началу гальштата, т. е. к 1200 г. до н. э. Внутри этой большой этнокультурной общности выделяются две культурно-исторических группы: северная, для которой характерна каннелированная керамика, и южная, отличительным признаком которой была керамика со штампованным и прочерченным узором. Первая из этих групп сложилась на основе местной культуры эпохи бронзы – Отомани и Крупени – Белегиш. Из районов на северо-западе Румынии носители этой группы культур продвинулись на восток, вплоть до Днестра, где частично вытеснили, а частично ассимилировали племена культуры ноа, не являвшиеся фракийскими. В основе южной культурно-исторической группы раннего гальштата, по мнению С. Моринца, лежала культура Жуто-Брдо — Гырла-Маре эпохи бронзы, первоначально расположенная к западу от Железных ворот, а затем распространившаяся на юг и восток. С движением носителей потомков этой культуры, для которых характерна культура типа Инсула-Банулуй в районе Железных ворот, С. Моринц связывает происхождение населения южной Молдовы, оставившего памятники типа Козия – Брад. Более сложным ему представляется происхождение культуры и ее носителей, которым принадлежат памятники типа Сахарна – Солончены в центральных районах Молдавской ССР. Оно

рисуется им как гибрид культур типа Козия – Брад и Бабадаг II, с одной стороны, и чернолесской – с другой.

Предположение С. Моринца о сложении фракийской этнокультурной общности мне представляется более обоснованным и правильным, чем гипотезы ранее упомянутых авторов. Верным является и вывод о существовании двух родственных культурно-исторических групп населения Карпато-Дунайского региона в начале раннего железного века [1, с. 37]. Однако решение вопроса о происхождении и формировании каждой из двух групп, предложенное С. Моринцем, вызывает возражение. Так, трудно согласиться с тем, что племена северной группы, для которых характерна каннелированная керамика, произошли из одного источника. Ведь в этой культурно-исторической группе явно выражены локальные варианты, один из которых представлен памятниками типа Гава – Голиграды, а второй – типа Корлатэни – Кишинев. Первый из них К. Хоредт, а за ним Г. И. Смирнова более убедительно, чем С. Моринц, связывают с движением племен со Среднего Потисья [2, с. 31]. Истоки корлатэнско-кишиневской группы, очевидно, были другими, но пока их выяснить не представляется возможным. Не все ясно и с южной группой. Достаточно убедительна связь по происхождению с культурой Жуто-Брдо – Гырла-Маре лишь памятник типа Инсула-Банулуй. Керамика поселений типа Бабадаг II по ряду черт в формах и орнаментации отличается от керамики типа Инсула-Банулуй. А это не позволяет видеть для тех и других один источник. Особенно трудно сейчас решать вопрос о происхождении южной группы потому, что в ней известны пока только поселения, к тому же раскопанные далеко не полно, погребения же отсутствуют. Нет полной уверенности в правильной датировке всех памятников, объединяемых в южную группу, предложенной румынскими археологами. Еще более решительное возражение вызывает вывод С. Моринца о происхождении сахарняпско – солончен-ской группы. Сходство керамики с поселений типа Козия – Брад в Молдове и Сахарна – Солончены в Молдавской ССР столь велико, что исключает возможность говорить о различиях в происхождении обеих групп. Как нам представляется, обе они сложились на одной основе и появились как в Прутско-Сиретском междуречье, так и на Среднем Днестре в результате передвижения племен с Нижнего Подунавья. Эта же волна прокатилась до Среднего Поднепровья, что способствовало изменению чернолесской культуры на второй ступени ее развития [1, с. 83–88].

Помимо общих вопросов в упомянутых статьях уделяется внимание характеристике культур бронзового и начала раннего железного века. В них в краткой форме изложен конкретный археологический материал, в том числе и появившийся в последнее десятилетие. Следует заметить, однако, что в общей трактовке культур указанного периода мало что изменилось за последнее время, как и в их хронологии. Важным представляется то, что М. Петреску-Дымбовица привлекает внимание к недавно выделенным М. Хартуш памятникам Нижнего Подунавья типа Римницеле – Силиану конца бронзы или самого начала гальштата. Особенностью памятников этой группы является керамика, богато украшенная прочерченным узором в виде групп параллельных линий, треугольников, вписанных друг в друга углов. Эти памятники представляют для нас большой интерес, поскольку в последние годы поселения с такой же и близкой к ней керамикой стали известны на Нижнем Днестре и особенно в Балтском районе Одесской области [1, с. 44; с. 71–83]. К сожалению, пока неясна абсолютная датировка памятников указанного типа на Нижнем Дунае и отношение их к известным ранее на этой же территории памятникам типа Кослоджени, с одной стороны, и Бабадаг – с другой. Происхождение же их достаточно уверенно связывается М. Хартуш и М. Петреску-Дымбовицей с продвижением в этот район носителей культур Монтеору и Тей. На нашей территории поселения со сходной керамикой относятся к белозерскому этапу, может быть, к поздней его поре [3, с. 80–83].

Характеризуя культуры эпохи раннего гальштата (XII–VIII вв. до н. э.), М. Петреску-Дымбовица отмечает, что существенной чертой этого переходного от бронзы к железу периода является процесс гальштатизации всего района Карпато-Подунавья. Общие черты, наблюдающиеся в культурах с каннелированной и со штампованной керамикой, исследователь склонен объяснять движением с запада и взаимной диффузией носителей двух культурных комплексов. Вместе с тем он специально подчеркивает, что в основе процессов, происходивших в раннем гальштате, лежало развитие местных этнических и культурных элементов, связанных с существованием фракийцев.

Передвижениям племен и изменениям ареалов в их культурах в эпоху ранней бронзы в связи с внутренним развитием и появлением новых этнокультурных элементов с востока, запада и Балкан посвящены статьи Е. Тудор (Tudor E. Quelques aspects etnno-culturels de la période ancienne de l'âge du bronze dans l'espace carpato-danubien, p. 69–72) и П. Романа (Roman P. I. Ethno-kulturelle Bewegungen aus der frühen Periode der «thrazischen» Bronzezeit, S. 63–68).

Несколько статей румынских археологов дают достаточно полное представление об отдельных культурах эпохи бронзы. Так, в небольшой статье М. Ника сообщаются новые, более детальные сведения о каждой из фаз развития культуры Вербичоара в Олтении (Nica M. Contributions à la connaissance de la civilisation de Verbicioara en Olténie, p. 89—93). В статье М. Флореску речь идет о погребальных обычаях культуры Монтеору. Автор приводит новые, очень важные сведения, полученные при недавних раскопках могильника у с. Цындрешти деп. Вранча. В инвентаре погребений и на поселениях культуры Монтеору I_{C3} и I_{C2} она отмечает находки бронзовых вещей, аналогичных кавказским (ножи, долота, маленькие кинжальчики и др.). В связи с этим высказывается предположение о возможных контактах носителей культуры Монтеору с металлургическими центрами Кавказа, прямых или через носителей сначала катакомбной, а затем срубной культур. С другой стороны, автор отмечает тесные связи с Трансильванией (Florescu M. Quelques odservations concernant le rite et les rituels des communautés Monteoru à la lumière des fouilles de Cîndeşti (dép. de Vrancea), p. 73—88). Важные сведения о взаимодействиях ранних фракийцев с миром Средиземноморья в конце эпохи бронзы – начале гальштата приводит в своей статье К. Хоредт (Horedt K. Die Thraker und die Mittelmeerwelt, S. 113–119). Немало внимания уделили румынские исследователи истории развития фракийских культур в различных районах страны в переходный от бронзы к железу период и в начале железного века. Так, Х. И. Петре описывает процессы, происходящие в это время в северо-восточной Олтении (Petre Gh. I. Contributions à l'étude de la fin du bronze et du commencement du Hallstatt dans le nord-est de l'Olténia. p. 137–142). А. Ласло касается восточных районов Румынии, Прутско-Сиретского междуречья (László A. La région extracarpatique orientale à la fin du IIe millénaire et dans la première moitié du Ier millénaire avant notre ère, p. 181—187), а М. Блажа, Е. Стойковици и П. Георцеану дали достаточно глубокий анализ материалов, полученных в микрорайоне г. Медиаш в Трансильвании в результате исследования на поселениях периода Ноа В. (Blăjan M., Stoicovici E. et Georceanu P. Contributions à la connaissance vie économique de la population hallstattienne de la zone de Mediaş, p. 203–214). В каждой из этих статей содержатся как уже известные по более ранним публикациям сведения о последовательности памятников, их датировке и особенностях, так и еще не вошедшие в широкий научный оборот данные, а также интересные мысли, вносящие уточнения и изменения в интерпретацию и характеристики отдельных групп памятников.

Большинство выводов и предположений, высказанных в упомянутых статьях, представляется мне достаточно обоснованным и убедительным. Однако некоторые из них вызывают возражение. Прежде всего это касается отдельных положений, высказанных в статье А. Ласло, которая является в целом, на наш взгляд, исключительно важной и очень интересной для советских археологов. А. Ласло первым из румынских исследователей разделил на группы памятники раннего гальштата Румынии, для которых характерна каннелированная керамика: одну из них составляют памятники типа Корлатэни – Андриешени, распространенные в долине верхнего течения р. Жижии и в бассейне р. Бахлуй, а вторую – памятники типа Грэничешти на северо-западе Молдовы [3]. К первой из этих групп он, как и советские археологи, присоединяет памятники типа Кишинев – Лукашевка в Молдавской ССР. Памятники типа Грэничешти А. Ласло совершенно правильно считает относящимися к комплексу Гава – Голиграды, выделенному Г. И. Смирновой. Обе группы памятников, по мнению исследователя, появились одновременно, сменив культуру Ноа, верхний рубеж которой не должен переходить XII в. до н. э. Однако если для обоснования начала гавско-голиградского комплекса в XI в. до н. э. есть достаточные основания [5, с. 71], то в корлатэнско – кишиневской группе таких оснований нет. На румынском поселении в Кавадинешти найден костяной псалий, а на поселении под Ки-

[3] Развернутая аргументация этого положения содержится в другой статье А. Ласло [4, с. 91—94].

шиневом – псалий и бронзовый нож-кинжальчик, которые позволяют синхронизировать эти памятники с позднебелозерскими комплексами Северного Причерноморья и датировать X–VIII вв. до н. э. [6]. Вместе с тем представляется возможным говорить о существовании культуры Ноа на нашей территории до XI в. до н. э. Не могу согласиться и с отстаиваемой А. Ласло датировкой X–IX вв. памятников типа Сахарна – Солончены в Молдавской ССР, которые он, вопреки мнению М. Петреску-Дымбовица, совершенно правильно объединяет в одну группу с памятниками типа Козия — Брад в Молдове. Нам уже приходилось возражать А. Ласло и другим румынским археологам, которые предлагают дату X–IX вв до н. э. для поселений типа Козия – Брад и Сахарна – Солончены [1, с. 30–31], и повторять аргументы мы не будем. Отметим лишь, что обращение к материалам из Белогрудовки, предпринятое А. Ласло в настоящей статье для доказательства положения о появлении памятников типа Сахарна – Солончены на Среднем Днестре еще в X в до н. э., не представляется нам что-либо изменяющим. Ведь из этого поселения происходит лишь один сосуд с узором, сделанным штампом, который можно сравнивать с керамикой типа Бабадаг II. Он, конечно же, не может свидетельствовать о появлении сахарнянско – солончснской группы во время бытования белогрудовской культуры. Особенно это маловероятно еще и потому, что среди керамики первой ступени чернолесской культуры сосуды со штампованным узором отсутствуют. Они распространяются лишь на второй ступени развития этой культуры, которая синхронна памятникам типа Сахарна – Солончены. Белогрудовский сосуд может быть только свидетелем существования каких-то связей носителей белогрудовской культуры с нижнедунайским фракийским населением, но не более.

Несколько статей румынских археологов касается различных аспектов истории и культуры населения Карпато-Дунайских земель в VII–III вв. до н. э. Среди них наиболее важной, на наш взгляд, является статья А. Вульпе, посвященная исторической интерпретации археологических фактов (Vulpe A. Problèmes actuels de la protohistoire thrace, p. 215–221). Основываясь на уточненной хронологии могильника Фериджеле и сходных с ним памятников, автор устаналивает, что в течение VII и в начале VI в. до н. э. население Южного Прикарпатья было тесно связано с иллирийским миром. Первые следы восточных северопонтийских влияний А. Вульпе относит к концу VII в. до н. э. и подчеркивает, что эти влияния становились все более сильными в VI в. до н. э., достигнув апогея в конце столетия. В V в. до н. э. все более и более очевидными делались связи с Нижним Подунавьем.

Обращается А. Вульпе и к памятникам Северной Болгарии. Сравнение болгарских материалов с румынскими приводит исследователя к выводу о значительном восточном вкладе в культуру фракийского населения Северной Болгарии уже в середине VII в. до н. э. Однако для этого периода автор имеет в виду курганные погребения Ендже и Белоградец, которые скорее всего не являются местными, а принадлежат киммерийцам, проникшим на север Балканского полуострова. Неправильной, по нашим представлениям, является и датировка памятников [4]. Что касается VI в. до н. э., то А. Вульпе совершенно справедливо отмечает следующее: североболгарские памятники в отличие от прикарпатских почти не несут скифского влияния и, следовательно, культура фракийских племен Северной Болгарии сильнее противостояла скифскому воздействию.

Представляют значительный интерес соображения А. Вульпе относительно расселения племен в Карпато-Дунайском и Балкано-Дунайском регионах на основании археологических источников и привлечения данных письменной традиции. Часть выводов традиционна, другая оригинальна и высказана впервые. К числу первых относится вывод о том, что геты жили на территории Северо-Восточной Болгарии, на Нижнем Дунае и в Южном Прикарпатье, а трибаллы – на землях Северо-Западной Болгарии.

Агафирсам А. Вульпе отводит не только территорию Трансильвании, как большинство его предшественников, но и районы Центральной и Южной Молдовы, где недавно были открыты памятники, по мнению автора близкие к трансильванским. Таким образом, по А. Вульпе, агафирсы в период, описанный у Геродота, жили по обе стороны Восточных Карпат. Мысль о более широкой территории агафирсов, чем бассейн Муреша в Трансильвании, вполне согласуется с данными письменных

[4] Оба кургана по найденному в них оружию относятся к новочеркасской ступени предскифского периода, дата которой определяется в пределах 750—650 гг. до н. э. [7. с. 208].

источников. Однако ни сведения Геродота, ни археология в настоящее время еще не дают возможности определить территорию и границы расселения агафирсов.

Вполне правдоподобной нам представляется и гипотеза, к которой склоняется А. Вульпе, говоря об этнической принадлежности агафирсов. Допуская возможность иранской принадлежности этого народа, исследователь вместе с тем не считает агафирсов скифами. Историческая роль агафирсов совсем другая, другой была и их материальная и духовная культура. Этот вывод А. Вульпе, которого сейчас придерживаются некоторые исследователи, на наш взгляд, более отвечает исторической действительности, чем предположение о скифской или фракийской принадлежности агафирсов, распространенное в научной литературе.

Как М. Пардуц, М. И. Артамонов и многие другие исследователи, А. Вульпе считает принадлежавшими сигиннам — народам определенно восточного происхождения – могильники типа Сентеш-Векерзуг на Среднем Потисье. В то же время он отрицает вывод Душека о фракийской принадлежности могильника в Хотине и ему подобных в Словакии, считая, что в настоящее время еще недостаточно данных для определения этнической принадлежности культурных групп на Среднем Дунае.

Вызывает возражение произведенное А. Вульпе объединение памятников кустановичского типа в Закарпатье с памятниками западноподольской группы типа курганов у с. Круглик. По формам погребальных сооружений, погребальному обряду и инвентарю, за исключением некоторых форм керамики, кустановичская группа памятников существенно отличается от западноподольской. Курганные погребения, недавно исследованные на северо-западе Румынии у с. Сучава и с. Сату-маре, по характеру погребального ритуала близки к западноподольским, но отличаются от кустановичских. Если кустановичская группа обладает многими признаками, позволяющими признать фракийскую принадлежность людей, оставивших ее, то западноподольская близка к курганам правобережного Среднего Поднепровья, вопрос об этнической принадлежности которой пока не решен. Но по всем данным, имеющимся в науке на сегодняшний день, фракийская принадлежность их исключается.

Специально вопроса об агафирсах в Трансильвании касается В. Васильев (Vasiliev V. La thracisation du grupe scytho-iranien de Transylvanie, p. 253—258). Как и большинство ученых наших дней, этот исследователь рассматривает трансильванскую группу памятников как чуждую местной этнической среде. Но в отличие от А. Вульпе он считает ее носителей скифами или скифо-иранцами [5]. Такое заключение В. Васильев делает на том основании, что «все элементы обряда, а также погребальный инвентарь имеют близкие аналогии в архаических группах Среднего Приднепровья – на Тясмине, Каневщине, Ворскле, Суле» (с. 254). Но ведь эти памятники, по мнению большинства советских ученых, нельзя считать собственно скифскими, иранскими. Кроме того, столь общие сопоставления не могут способствовать выяснению реальной близости и специфических особенностей каждой из групп. Насколько мы можем судить по публикациям, трансильванскую группу по общему комплексу нельзя поставить в прямую связь ни с одной из известных нам групп Среднего Приднепровья или степного Причерноморья. Поэтому более правильным нам представляется отмеченный выше вывод А. Вульпе о принадлежности трансильванской группы иранскому, но не скифскому населению. Вместе с тем вполне убедительным, на наш взгляд, является вывод В. Васильева о фракизации пришлого иранского населения, сделанный на основании археологических материалов из вновь открытого могильника Бэица, относящегося к первой половине (не позднее середины) V в. до н. э. 58% могил из него дали погребения с трупосожжениями, тогда как до сих пор обряд трупосожжения в могильниках Трансильвании представлял очень редкое явление. По определению В. Васильева, могильник Бэица является самым поздним, отражающим процесс фракизации пришлого населения через столетие после его первого появления. Отсутствие в Трансильвании могильников скифского типа после середины V в. до н. э. свидетельствует о том, что «скифская» культурная группа после середины V в. до н. э. перестала существовать. Она совершенно растворилась в местной фракийской среде.

Фрако-гетскому искусству посвящена статья Д. Берчу и Ф. Преда (Bercu D., Preda F. A propos de l'art thraco-gète. p. 377—381). По общим выводам и большей части использованных авторами материалов эта статья очень близка к сказанному в

[5] В другой работе [8] В. Васильев приводит все археологические материалы трансильванской группы, дает подробную их характеристику и с еще большей настойчивостью относит ее носителей — агафирсов к числу скифских, иранских племен.

ряде статей и монографии Д. Берчу, изданным ранее [9]. Но, пожалуй, еще более уверенно здесь проводится мысль о местном происхождении фракийского искусства и сильном персидском воздействии на его формирование в VI—V вв. до н. э., особенно на звериный стиль. Отмечается также близость некоторых находок с территории Фракии к скифским. Однако в целом взаимосвязи скифского и фракийского искусства не освещены. Авторы отмечают, что скифское влияние «вклинилось в местное искусство потому, что через зону обитания фракогетских племен устанавливались связи между скифами и одрисами» (с. 379). Этот вывод вызывает возражение, так как он находится в противоречии с реальной действительностью. Ведь хорошо известны по письменным и археологическим источникам самостоятельные связи скифов с гетами. Вместе с тем нельзя не согласиться с тем, что «фрако-гетское искусство, составляя особое явление в общем единстве фракийского искусства, было искусством только аристократическим, так же как кельтское искусство начала латена» (с. 378).

С новыми интересными погребальными памятниками гетов знакомят статьи Е. Попеску и А. Вульпе (Popescu T. et Vulpe A. Sur la culture des Geto-Daces de la zone sous-carpatique; la nécropole de Cepari, p. 259—265). Е. Москалу и П. Воевозеану (Moscalu E., Voievozeanu P. Le tombeau princier gète et le trésor de Peretu, p. 383—390). В первой из них содержится характеристика гетского некрополя Чепари в прикарпатской зоне Мунтении, относящегося к концу VI — первой половине V в. до н. э. и имеющего много общего с могильниками Фериджеле и Куртеа де Арджеш. Во второй приводятся материалы из частично разрушенного кургана в Перету (деп. Телеорман), содержавшего захоронение представителя гетской аристократии или вождя середины IV в. до н. э. Больше всего внимания авторы уделяют характеристике серебряных изделий из насыпи, выполненных в манере фракийского искусства и близких к вещам из других курганов фракийской аристократии, таких как Аджигиол, Баицени, Враца и др. Сопоставляя находки из кургана в Перету с близкими к ним находками из других мест Карпато-Дунайского района, исследователи приходят к заключению о существовании в середине IV в. до н. э. в северной части Балкан ювелирной мастерской, которая снабжала своей продукцией население, жившее к северу и югу от Дуная. К изделиям такой мастерской авторы относят ювелирные вещи, выполненные в традициях фракийского искусства из Аджигола, Перету, Летницы, Луковита, Борово и, возможно, «клад» из Крайовы. Малое количество иллюстраций и отсутствие подробных описаний не позволяют произвести детальное сопоставление находок в Перету с находками из одновременных курганов в Скифии. Например, интересно было бы узнать, что представляли собой колеса от повозки, названные авторами «железными», которые они сравнивают только с центральноевропейскими, или некоторые серебряные бляхи от конского убора, которые считаются близкими к скифским.

На основании новых данных, полученных в результате археологических исследований за последние 20 лет, построил свою статью, посвященную взаимодействию гето-даков с кельтами И. Кришан (Crişan I. H. Rapports entre la culture géto-dace et la culture celtique, p. 423—427). Вопреки распространенному в литературе представлению о кельтах как о разрушительной силе, автор стремится показать, что пребывание кельтов в Карпатской зоне Румынии в IV—I вв. до н. э. способствовало социально-экономическому и культурному развитию местных гето-дакийских племен. Благодаря кельтам они познакомились с производством керамики на гончарном круге, восприняли от кельтов высокую технологию железоделательного производства, некоторые виды оружия и украшений. В свою очередь кельты переняли у гето-даков их кривой меч-махайру, технику сооружения крепостей из камня и некоторое другое.

Еще труднее, чем румынские, сгруппировать по тематике статьи болгарских археологов, помещенные в сборнике.

Общие вопросы периодизации фракийской Диаспоры освещает А. Фол (Fol A. Les grandes périodes de l'histoire thrace, p. 19—23). Он продолжает развивать идеи, уже высказывавшиеся им в книге, опубликованной в 1972 г. [10]. Критерием для периодизации исследователь избирает социальную историю, прослеживая развитие фракийских племен Диаспоры с эпохи неолита до прихода славян на Балканский полуостров. При этом автор использует данные как письменных источников, так и археологии. Сам А. Фол считает свое построение рабочей гипотезой. Безусловно, как гипотеза она интересна, но требует проверки и более глубокого обоснования.

Предварительные результаты раскопок Варненского могильника подводит И. Иванов (Ivanov T. Quelques résultats fondamentaux des fouilles de la nécropole chalcolithique de Varna (1972—1979), p. 25—28). В настоящее время уже выяснено, что этот чрез-

вычайно интересный некрополь относится ко второй половине эпохи меди; он одновременен группе памятников типа могильников и поселений Русе – Коджадермен – Гумельница – Караново VI. Материалы могильника, по мнению автора, свидетельствуют о высоком уровне развития местного производства, о том, что уже в это время произошло второе общественное разделение труда и создались условия для разложения первобытнообщинного строя. Действительно, Варненский некрополь занимает особое место среди болгарских и румынских памятников неолитического и переходного к эпохе бронзы времени. Однако вывод И. Иванова об уровне экономического и социального развития общества, которому он принадлежит, на мой взгляд, является дискуссионным.

Статья Р. Катинчарова (Katinčarov R. Les civilisations en Bulgarie du Sud-Est pendant l'âge du bronze, p.95–104) посвящена культурам эпохи бронзы в юго-восточных районах Болгарии. Автор вводит в научный оборот много неизвестных ранее материалов и намечает эволюцию культуры местных фракийских племен в эпоху от ранней до поздней бронзы. Интересно наблюдение о сходстве памятников ранней бронзы с эгейскими, а поздней бронзы – с дунайскими. Появление курганов с окрашенными и скорченными костяками на юго-востоке Болгарии относится, по мнению Р. Катинчарова, к концу среднего и началу позднего бронзового века. Об этнической и культурной принадлежности этих курганных погребений он не говорит.

И. Панайотов, используя опыт своих предшественников, разработал дробную хронологию бронзовых кладов и отдельных находок бронзовых вещей позднего бронзового века в Болгарии (Panajotov I. Problemes of Metallurgy of the late Bronze Age in Bulgarian Lands, p. 105–112). Исследователь полагает, что бронзовая металлургия XIV–XII вв. до н. э. на территории Болгарии продолжала местные традиции более раннего времени. Статья в целом хорошо дополняет известную монографию Е. Н. Черных и расширяет наши представления о бронзовой металлургии ранних фракийцев.

О миграциях фракийцев из центральных районов Балканского полуострова в западные и северо-западные районы Малой Азии в XII–XI и до VII вв. до н. э. идет речь в статье В. Попова (Popov V. Les Thraces en Asie Mineure, p. 121–126). Автор строит свои выводы на исторических и лингвистических материалах.

Также на данных античной письменной традиции, но с привлечением археологических источников проводит свое исследование Т. Спиридонов, восстанавливая историческую географию древней Фракии в XIII–III вв. до н. э. Исследователю удалось хорошо показать изменение этнической карты Карпато-Балканского региона в течение двух выделенных им периодов, в XIII–VI и VI–III вв. до н. э. (Spiridonov T. La géographie historique des terres entre les Carpates et la mer Egée pendant la période du XIIIe au IIIe s. av. n. é., p. 143—146). В статье А. Бонева, как и в упомянутой выше статье К. Хоредта, прослеживаются тесные связи фракийских племен с носителями эгейской цивилизации главным образом во второй половине II – первой половине I тыс. до н. э. и пути, по которым проникало южное микенское влияние (Бонев А. Некоторые проблемы фрако-микенских отношений, с. 127–131).

Более общих проблем истории и культуры ранних фракийцев в эпоху раннего гальштата касается в своей работе Г. Тончева (Tončeva G. Unité ethno-culturelle entre les tribus thraces de la région du Bas-Danube aux XI ^{e}–X s. av. n. é., p. 189–194). Автор сопоставляет болгарские археологические материалы конца эпохи бронзы – начала гальштата с материалами соседних территорий Румынии и Югославии и приходит к выводу о миграции племен из зоны Среднего Подунавья, включая северо-западную территорию Болгарии, на земли Северо-Восточной Болгарии около середины XI в. до н. э., в результате которой произошли существенные изменения в материальной культуре местных племен. Пришельцы, мизы по своей этнической принадлежности, слившись с местным населением, создали гальштатскую материальную культуру фракийцев. Представленная поселениями типа Лонгоза, эта культура, по мнению автора, близка к культуре типа Бабадаг I в прилегающих районах Румынии. В связи с этим Г. Тончева предлагает новое название для памятников обеих территорий – Лонгоза – Бабадаг I. Стройная концепция, предложенная Г. Тончевой, к сожалению, пока очень слабо обеспечена материалом. Кроме того, вызывают решительное возражение некоторые исходные положения автора. Так, например, она пишет, что на территории Румынии, Югославии и Венгрии прослеживается переход местных культур эпохи бронзы типа Гырла-Маре – Жуто-Брдо – Медиана I в гальштатскую культуру Гава. Однако ни в румынской, ни в венгерской

научной литературе эти культуры не связываются с проблемой сложения культуры Гава. На их основе формировалась гальштатская культура, имевшая свои особенности и отличавшаяся от культуры Гава по керамике. Упомянутые исследовательницей гальштатоидные сосуды, найденные на территории Болгарии и отнесенные ею к культуре Гава, на самом деле имели широкое распространение и за пределами этой культурной группы, во всем Карпато-Дунайском районе. Это, в свою очередь, не позволяет связать их появление на землях нынешней Болгарии с движением на юг и юго-восток носителей именно культуры Гава, как полагает Г. Тончева. Вряд ли она права в отношении датировки ранним гальштатским периодом Вылчетрыновского клада золотых вещей. Аргументы, приведенные рядом исследователей в пользу датировки этого клада эпохой поздней бронзы, представляются нам более убедительными [11].

Остальные статьи болгарских ученых посвящены различным аспектам истории и археологии фракийцев античного периода. В статьях Х. М. Данова (Danov Chr. M. Altthrakien und das Sihwarze Meer bei Platon und Aristoteles, p. 301–320), Цв. Лазовой (Lazova Tz. Are the Holizones a Thracian tribe? Some glances et the ancient Greek tradition, p. 321–324), Д. Попова (Popov D. L'institution royale dans la maison dynastique des Odryses, p. 337–342) анализируются и интерпретируются письменные свидетельства о внешней и внутренней истории фракийцев, на которые до сих пор обращали мало внимания. В статье Б. Чапова «О дороге Абдера – Филиппополь – Истрос в I тыс. до н. э.», (с. 325–330) приводятся исторические и археологические данные о дорожной системе в древней Фракии, которая сыграла существенную роль в процессе консолидации фракийских племен в I тыс. до н. э.

Социальной и военно-политической истории гетов в VI–IV вв. до н. э. посвящена статья К. Иорданова (Iordanov K. Les formations d'Etat gétes de la fin du VI e jusqu'au milieu du IV e siecle avant notre ére, p. 331–336.) В отличие от многих своих предшественников автор считает, что уже в середине VI в. до н. э. геты, жившие между Гемом и Истром, стояли на довольно высокой ступени общественного развития и обладали значительной военной силой. В связи с этим он высказывает сомнение в реальности скифского похода через гетские земли до Херсонеса Фракийского, последовавшего якобы вскоре после войны скифов с Дарием. Исследователь полагает также, что гетские правители сохраняли свою независимость и в V в. до н. э., в период господства одрисов над гетскими землями до Истра. Конец V–IV в. до н. э. рисуются К. Иорданову как время расцвета гетского царства, когда различные гетские династии проводили свою политику на всей принадлежавшей им территории. Построения К. Иорданова логичны, но, к сожалению, мало убедительны из-за неполноты и противоречивости письменных свидетельств. Что касается археологических материалов, то, на наш взгляд, некоторые из них привлечены автором неправильно, Так, он считает, что о значительной военно-политической и религиозной силе гетских династов в VII–VI вв. до н. э. можно говорить на основании находок в ряде мест Добруджи и в Северо-Восточной Болгарии каменных изваяний. Однако тождество этих изваяний с найденными в Северном Причерноморье заставляет сомневаться в их гетской принадлежности. Статуя из кургана в Белоградце скорее всего была поставлена над могилой киммерийского вождя, а найденные в Ступине, Сибиоаре и Хамаджии – над могилами скифских военачальников, погибших во время скифских походов на север Балканского полуострова.

Религию и искусство фракийцев рассматривает в совокупности Л. Огненова-Маринова (Ognenova-Marinova L. La religion et l'art en Thrace d'aprés des données archéologiques du I er millénaire avant notre ére, p. 413–422). За отправную точку при изучении шедевров фракийского искусства она берет Вылчетрыновский клад. Присоединяясь к мнению исследователей, датирующих клад эпохой поздней бронзы (1400–1100 гг. до н. э.), автор, как нам представляется, убедительно доказывает связь этого клада с культом Диониса. Л. Огненова-Маринова предлагает оригинальное объяснение назначения дисков, которые до сих пор считались загадочными предметами: все семь дисков, по ее мнению, следует считать музыкальными инструментами – цимбалами, аналогии которым есть на изображениях в пещере Зевса на склоне горы Ида на Крите. Не менее интересно и убедительно объяснение назначения сосуда с тремя вместилищами. В заключение автор хорошо показывает эволюцию фракийской религии и искусства в контексте с региональными культурами Восточного Средиземноморья, частью которых была культура фракийцев.

Несколько статей болгарских археологов знакомят с комплексами из недавно

открытых погребений и поселений фракийцев. Среди них наиболее важной нам представляется статья А. Милчева (Milčev Ath. Thrakische Siedlungen und Festungen in Bulgarien während des I. Jahrtausends v. u. Z, S. 343–364), в которой впервые дается общая обоснованная характеристика фракийских поселений и городищ, показаны их основные особенности и развитие с течением времени от эпохи бронзы до латенского периода. Хорошим дополнением к сказанному А. Милчевым являются три статьи, две из которых посвящены фракийским крепостям в Родопах (Dremsizova-Neltchinova Tz. et Guisdova N. Forteresses thrace dans les Rhodopes, p. 365–374; Balkanski I. La forteresse thrace «Ostar Kamak», près du village d'Oustra, département de Kărdjali, p. 375–376), а третья – системе укреплений в Северо-Западной Болгарии (Milanov M. Thrakische Festungen in Nordwest-Bulgarien, S. 195–198). Комплекс из пяти серебряных сосудов, найденных в разрушенном кургане у с. Борово недалеко от г. Русе, публикует Д. Иванов (Ivanov D. Le trésor de Borovo, p. 391–404). А. Димитрова знакомит с материалами курганного погребения фракийского воина IV в. до н. э. (Dimitrova A. Nouvelles données sur les rites funéraire chez les Thraces à l'époque hellenistique, p. 451–458). Результаты новых исследований в некрополе Аполлонии Понтийской освещены в статье М. Каневой (Caneva M. Die neusten Forschungen in der Nekropole von Apollonia Pontica, S. 447–450). Анализируя погребальный обряд и инвентарь, автор показывает, что уже с середины V в. до н. э. происходили интенсивные контакты греческих колонистов с фракийским населением.

Г. Китов сделал попытку воссоздать внешний вид узды фракийских лошадей IV в. до н. э. на основании находки бронзовых блях в одном из курганов близ дер. Лозарстаново (бывш. Торос), недалеко от г. Ловеч (Китов Г. Конское снаряжение во Фракии, с. 295—300). Автор считает, что обнаруженное им расположение блях, хотя оно и не находилось на черепе животного, позволяет это сделать. Однако приложенные к статье чертеж и фото, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что уздечка, украшенная бляхами, была положена в могилу не в расправленном виде. Только этим можно объяснить нахождение в кучке нескольких блях. Поэтому предложенная автором реконструкция вызывает большое сомнение. Набор украшений интересен, ибо он состоит из сочетания блях с мотивами скифского звериного стиля с типично фракийскими.

И наконец, последняя болгарская статья касается проблемы связей древних фракийцев с кельтами (Domaradzki M. Présence celte en Thrace au début de l'époque hellénistique (IVe–IIIe) siècle av. n. è., p. 459–466). Ее автор, М. Домарадцкий, как и румынский исследователь И. Кришан, не считает пребывание кельтов на фракийских землях губительным для фракийского населения и культуры. Первые следы кельтского влияния появились на севере Балканского полуострова еще до прихода кельтов, в IV в. до н. э. Присутствие компактных кельтских групп в различных точках Фракии автор датирует концом III – первой половиной II в. до н. э. В это время фракийская культура была далека от кризиса, продолжала свое естественное развитие, хотя и испытала довольно сильное кельтское воздействие.

Статьи ученых из других стран посвящены в основном частным вопросам фракийской проблемы. Так, Г. Бокиш из ГДР рассматривает новые формы вооружения и военной техники в позднеэлладский период в Средиземноморье и прослеживает их влияние вплоть до Дуная в середине XIII—XII в. до н. э. (Bockisch G. Zu Neuerungen in Kriegstechnik und Bewaffnung während der Perioden Späthelladisth IIIB und IIIC, S. 133–136). Х. Гейс из ФРГ говорит о появлении первых железных изделий в западных областях Средиземноморья и на Балканах (Geiss H. Gedanken zur Einführung des Eisens im östlichen Mittelmerraum und auf dem Balkan, S. 147–150). Изображениям фракийцев на греческих вазах конца VI–V вв. до н. э. посвящена статья К. Циммермана из ГДР (Zimmermann K. Thraker-Darstellungen auf griechischen Vasen. S. 429–446). Новую трактовку изображений на ритоне из клада в Панагюрище предлагает Я. Гриффит из Великобритании (Griffith J. Some further thoughts on the amphora-rhyton from Panagjurischte, p. 405–412). И. Грала из ЧССР, изучив находки бронзовых спиралевидных височных колец так называемого скифского типа и картографировав их, пришел к выводу, что ареал этих вещей строго ограничен группой памятников скифоидного облика на Венгерской низменности и хотинской группой. По форме шляпки и сечению они существенно отличаются от найденных в Скифии. Исследователь, на наш взгляд, совершенно верно присоединяется к точке зрения тех ученых, которые отрицают скифскую принадлежность памятников с элементами скифской культуры на Потисье. а также фракийскую

принадлежность хотинской группы в Словакии. Вслед за Харматтой и его последователями И. Грала считает те и другие памятники принадлежащими сигиннам, полагая, что сигинны, как и скифы, были иранцами по языку (Hrala J. Zur Frage der ethnischen Zusammensetzung der Karpatenbecken-Bevölkerung um die Mitte des I. Jahrtausends v. u. Z., S. 223–225). А. Ланг из ФРГ предпринял попытку передатировать находки раннескифского облика на территории Карпато-Дунайского района (Lang A. Zur Chronologie frühskythischer Funde im Karpatenbecken und an der unteren Donau, S. 229–234). В центре внимания исследователя находится могильник Фериджеле, давший, как полагает автор, наиболее ранние вещи скифского типа. Подвергая критике хронологическое построение В. Вульпе, в монографии, посвященной могильнику, от которого сам А. Вульпе отказался еще в 1977 г. [12, с. 55–93], А. Ланг строит свою хронологию главным образом на основании фибул. В результате он приходит к выводу, что наиболее ранние погребения в могильнике должны относиться к первой половине — середине VII в. до н. э. В одной из могил этой группы была найдена секира, которую автор сравнивает с секирой из кургана на Цукурском лимане. Следующую группу могил А. Ланг датирует второй половиной VII в. до н. э. Именно в нее входят те могилы, в которых были найдены акинаки скифского типа. Таким образом, исследователь приходит к заключению, что вещи скифского типа начали распространяться к западу от Днестра в VII в. до н. э. Эта высокая хронология А. Ланга мне представляется мало убедительной. Во-первых, фибулы, как хорошо известно, не всегда являются надежным источником для датировки. Для правильного определения времени памятника нужно учитывать весь комплекс данных. Во-вторых, сопоставления, которые произведены им для доказательства своих позиций, не всегда точны. Так, неправильным является сравнение секиры из погребения кургана 71 с секирой-клевцом из кургана на Цукрском лимане, а псалий из кургана 27 с древностями фрако-киммерийского типа. Последние явно ближе к раннескифским железным трехпетельчатым псалиям VI в до н. э. Акинаки из могильника Фериджеле, которые А. Ланг сравнивает только с мельгуновским и датирует VII в. до н. э., находят наиболее близкие параллели в памятниках Скифии VI в. до н. э. Все это заставляет нас поддерживать хронологию А. Вульпе, по которой начало проникновения скифских вещей в Карпатский бассейн относится к VI в. до н. э.

Выразительную характеристику недавно раскопанных курганов у с. Долиняны и Перебыковцы VI в. до н. э. в Западной Подолии дала в своей статье Г. И. Смирнова «Население Среднего Поднестровья в VI–V вв. до н. э, и его западные соседи» (с. 235–252). Сложные деревянные гробницы из этих курганов она сравнила не только с известными на правобережье Среднего Приднепровья, но и с расположенными далеко на востоке, в курганах Тагискена и Уйгарака. На этом основании автор высказывает предположение о присутствии как в Среднем Приднепровье, так и в Западной Подолии скифского этнического компонента из степного Северного Причерноморья. Выходцами из степного Северного Причерноморья она предлагает также считать население, которому принадлежат скифообразные памятники Трансильвании и Венгерской низменности. Эта интересная гипотеза, как отмечает и сама Г. И. Смирнова, пока не может быть должным образом обоснована в связи с малочисленностью степных памятников конца VII – начала VI в. до н. э., с которыми можно было бы сравнивать указанные группы памятников. Заметим все же, что те материалы, которыми ныне располагает наука (около 20 погребений), не имеют близкого сходства с трансильванскими или венгерскими, поэтому думаем, что на более верном пути стоят те исследователи, которые видят в носителях трансильванских памятников агафирсов, а венгерских — сигиннов, но не собственно скифов.

А. П. Манцевич впервые выделила и детально разобрала три комплекса украшений конских уздечек из кургана Огуз (Манцевич А. П. Об уздечках фракийского типа из кургана Огуз, с. 267–293). Предложенное автором определение этих украшений как сделанных в одной из фракийских мастерских представляется единственно правильным. Однако автор говорит о фракийском происхождении не только таких уздечных украшений из скифских курганов, которые имеют прямые аналогии на территории Фракии или стилистически близки к фракийским, но и таких, которые существенным образом отличаются от них. Имеются в виду уздечные украшения, найденные в курганах Солоха, Чертомлык, Козел и сходные с ними, которые характеризуются признаками, свойственными для скифского искусства IV в. до н. э., отличающими их от фракийских. Этот вывод А. П. Манцевич вызывает решитель-

ное возражение, как и общее заключение в конце статьи, что «родиной звериного стиля, скифского акинака и конского убора является Подунавье» (с. 293). Те новые материалы, которые за последние годы появились на территории Карпато-Балканского района, еще ярче показывают своеобразие фракийского искусства, его отличия от скифского, а также взаимовлияния, существовавшие между двумя соседними народами и выразившиеся в их художественном творчестве, особенно в IV в. до н. э., в период наиболее тесных контактов скифов с фракийцами.

Заканчивая обзор, хотелось бы отметить следующее: несмотря на замечания, которые были сделаны по ряду статей и могли быть сделаны еще, сборник представляет большой интерес для археологов и историков древнего мира. Он показывает состояние изучения фракийской проблемы в целом, ее спорные и нерешенные вопросы, знакомит с новыми материалами по ряду аспектов истории и культуры фракийских племен и их взаимодействия с окружающей средой. Нельзя не отметить также, что сборник дает много поводов для размышлений и работы как над общими, так и над частными вопросами фракологии.

Мелюкова А. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979.
2. *Смирнова Г. И.* Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна.— АСб. ГЭ, 1976, вып. 17.
3. *Ванчугов В. П.* Раскопки поселения позднего бронзового века Балта в Южном Побужье.— Древности Северо-Западного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1981.
4. *Lázló A.* Über den Ursprung und der Entwicklung der frühhallstattzeitlichen Kulturen in der Moldau.— In: Thraco-Dacica. Bucureşti, 1976.
5. *Смирнова Г. И.* Культурно-историческая стратиграфия поселения Магала.— Проблемы археологии. Вып. II. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
6. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
7. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
8. *Vasiliev V.* Sciţii agatîrsi pe teritoriul României. Cluj-Napoca, 1980.
9. *Bercin D.* Contribution a l'étude de l'art thraco-gete. Bucureşti, 1974.
10. *Фол А.* Политическая история на траките. София, 1972.
11. *Венедиктов И.* Вълчетрънското съкровище.— Изкуство, т. XXV. София, 1975.
12. *Vulpe Al.* Zur Chronologie der Ferigile-Gruppe.— Dacia, N. S., 1977, v. XXI.

Kivikoski E. Långängsbacken. Ett gravfält på Åland.— SMYA, Helsingfors, 1980, № 80.

Новая работа Э. Кивикоски, одного из ведущих специалистов по средневековой археологии Северной Европы, продолжает серию ее исследований, посвященных памятникам Аландских островов [1—3]. Книга представляет собой монографическую публикацию материалов могильника Лонгэнгсбакен, полные раскопки которого были проведены в 1962—1967 гг. Могильник, в котором насчитывается 113 курганов, является одним из самых больших на Аландских островах.

Работа состоит из введения, двух глав и заключения. В приложении приводится описание остатков поселения, связанного с могильником и перечень вещей, происходящих из каждого кургана.

Первый раздел посвящен погребальным сооружениям и погребальному обряду могильника. Курганы Лонгэнгсбакена сравнительно невысоки (от 20 до 115 см), диаметр их от 2 до 10 м, в среднем 4—7 м. В основании 15 курганов выявлены кольцевые вымостки из камней, в четырех насыпях лежали надгробные камни. Большинство курганов содержало остатки трупосожжений, совершенных на стороне, но зафиксированы и случаи трупосожжения на месте. Кальцинированные кости помещались на материке, реже в ямке, которая иногда выкладывалась по дну камнями. Кости лежали компактной массой или были собраны в урну; некоторые урны содержали только часть костей. В ряде курганов урны были обложены камнями. Находки отдельных кальцинированных костей в насыпях указывают, по мнению Кивикоски, на отсутствие постоянного места для совершения кремаций. В 12 курганах погребений не обнаружено. Яма, прослеженная в основании одного кургана, содержала, вероятно, остатки трупоположения.

Во многих курганах найдены железные заклепки в количестве от 1 до 200. В 12 курганах количество заклепок превышало 40. Автор разделяет мнение, что находка в кургане более 50 заклепок указывает на наличие ладьи. Присутствие ладьи в семи курганах установлено определенно, а в пяти насыпях, содержавших от 40 до 50 заклепок,— предположительно. Наличие ладьи в кургане с остатками трупосожжения не обязательно свидетельствует о совершении кремации в ладье, она могла быть положена в курган в качестве погребального дара, части ее могли быть использованы как дрова.

К сожалению, первый раздел не содержит планов и профилей погребальных сооружений, подобных тем, которые иллюстрируют издание могильника Кварнбакен. Отсутствие графической документации особенно обедняет описания насыпей с большим количеством ладейных заклепок и каменными конструкциями.

Во втором разделе анализируется погребальный инвентарь курганов Лонгэнсбакена. Здесь ярко проявляется прекрасное знание североевропейского вещевого материала, свойственное автору. При описании каждой вещи отмечаются все аналогии ей на Аландских островах, а для многих предметов приводится полный перечень аналогий в Фенноскандии. В Лонгэнгсбакене широко представлены фибулы скандинавских типов: овальные (тип 51, по Я. Петерсену), равноплечные и круглые. Имеются и подковообразные фибулы со спиральными и гранеными головками. В большом количестве найдены цепочки и цепедержатели различных форм. Многочисленны стеклянные бусы, но встречены также сердоликовые, хрустальные и бронзовые, среди последних многочастные граненые бусы, украшенные кружковым орнаментом. Часть браслетов имеет расширяющиеся концы, другие — с сужающимися концами. Представлены и ладьевидные браслеты. Перстни спиральные, с расширением в средней части. В 55 курганах найдены костяные односторонние гребенки и их фрагменты. О торговых связях свидетельствуют находки двух куфических монет и гирек — бочонковидных и в форме куба со срезанными гранями. Предметов вооружения немного: один меч (тип В, по классификации Петерсена), рукоять другого меча, скрамасакс, наконечник ножен в стиле Вогге, пять наконечников копий (типы А и Е по классификации Петерсена), несколько наконечников стрел, умбон. Среди орудий труда ножи, ножницы, серпы, коса. В 12 курганах обнаружены ледоходные шипы. Автор полагает, что их прикрепляли к обуви, в отличие от ледоходных шипов Кварнбакена, найденных совместно с останками коней и крепившихся к копытам. Керамика из Лонгэнгсбакена плоскодонная, преобладают сосуды баночных форм со слабо выраженным плечиком. Некоторые из них украшены линейным или шнуровым орнаментом.

Для археолога, занимающегося памятниками лесной полосы Восточной Европы, безусловный интерес представляют находки глиняных лап (в пяти курганах встречены целые экземпляры и в трех обломки). Некоторые лапы имеют четыре растопыренных пальца, лежащие в одной плоскости, и пятый оттопыренный, стоящий перпендикулярно ей. Э. Кивикоски считает эту форму специфически аландской, хотя здесь, как и в Ярославском Поволжье, широко представлены лапы с пятью растопыренными пальцами, лежащими в одной плоскости. В работе отмечено, что общее число глиняных лап, найденных на Аландских островах, приближается к 70 и приводится перечень находок. Вслед за М. В. Фехнер Кивикоски полагает, что эти предметы изображают лапу бобра. Упоминая о русских (мерянских) аналогиях, автор считает, что между двумя группами предметов должна сосуществовать связь. Поскольку глиняные лапы Ярославского Поволжья датированы X—XI вв. [4], а на Аландских островах известны экземпляры IX в., вопрос о первоначальном происхождении лап решается в пользу последней территории.

В заключении устанавливается хронология могильника и дается его общая характеристика. Наиболее древние курганы датируются ранневендельским временем (курган 15, содержащий обломки круглой ажурной фибулы; курган 18, содержащий булавку с кубической головкой; курган 69, содержащий маленькую овальную фибулу). Самые поздние погребения в Лонгэнгсбакене были совершены около 1000 г. (курган 44, в котором найдена большая подковообразная фибула с воронковидными головками; курган 65, в котором встречен пластинчатый несомкнутый перстень с кружковым орнаментом). Общие хронологические рамки могильника определены исследователем в пределах 600—1050 гг. В этот отрезок времени функционировало и большинство других могильников на Аландских островах. Древнейшие насыпи были возведены в юго-восточной части памятника. Курганы викингской эпохи раз-

бросаны по всему могильнику. В осторожной форме высказывается мнение о принадлежности могильника населению одного двора-усадьбы, существовавшей с VII в.

Разбирая вопрос об этническом составе населения, оставившего могильник, автор отмечает преобладание шведских черт как в погребальном обряде, так и в инвентаре (скандинавские фибулы, круглая подвеска в стиле Jellinge, односторонние гребенки, сердоликовые и хрустальные бусы, оружие). К числу вещей западнофинского происхождения отнесены подковообразные фибулы с воронкообразными головками, цепедержатели с конскими головами, спиральный перстень, бронзовые бусы, некоторые типы подвесок, а также спиральные пронизки. Последние встречены в 18 курганах, в 4 из них — в большом количестве, позволяющем предположить, что спирали нашивались на одежду. В других случаях спирали употреблялись, вероятно, в качестве бус. Чисто финский набор украшения происходит лишь из одного кургана (№ 6). В остальных финские вещи найдены вместе со скандинавскими. По мнению Э. Кивикоски, эти погребения принадлежат шведам.

Курганы Лонгэнгсбакена и Кварнбакена сильно различаются по обряду и инвентарю. В Кварнбакене многочисленны украшения и оружие западнофинских типов. Население, оставившее этот могильник, происходило из западных провинций Финляндии. Однако Э. Кивикоски решительно возражает против распространения этнической характеристики Кварнбакена на все Аландские острова, полагая, что материалов одного могильника недостаточно для суждения об этнических процессах в регионе. На основании некоторых замечаний представляется, что материалы Лонгэнгсбакена имеют большее сходство с общеаландскими. Впрочем, выводы автора очень осторожны.

Согласно мнению Э. Кивикоски, часть украшений из Лонгэнгсбакена производилась непосредственно на Аландских островах, а некоторые типы имеют местное происхождение (ладьевидные браслеты с шарнирами на концах, отличающиеся от западнофинских массивностью и деталями орнамента, цепедержатели с конскими головами, перстни с щитками из двух спиралей). В этих украшениях выражается своеобразие материальной культуры Аландских островов.

Остановившись на связях населения, оставившего могильник, с западными и восточными странами, автор еще раз повторяет свой вывод о более тесных контактах со Швецией, чем с Финляндией. Подробно анализируются отношения с Биркой, где имеются аналогии всем шведским вещам из Лонгэнгсбакена.

Работу дополняет краткое изложение результатов раскопок поселения, находящегося рядом с могильником, где были исследованы остатки двух наземных жилищ прямоугольной формы. Основания жилищ по периметру были выложены камнями, очаги находились в северной части, прослежены ямы от столбов, поддерживавших крыши. Вещевой инвентарь, несмотря на свою малочисленность, позволяет предположить, что жилища одновременны могильнику.

Существенным упущением автора является отсутствие в работе описания самих погребений. В результате читатель получает неполное представление о памятнике, исключается и возможность корреляции типов вещей и деталей обряда. Перечень вещей по комплексам, составляющий первое приложение, выиграл бы, если бы содержал информацию о погребальном обряде и конструкции курганов.

Несмотря на это, монография Э. Кивикоски значительно расширяет наши знания о культуре Аландских островов в вендельскую и особенно в викингскую эпоху. Ценность работы определяется не только характером публикуемого материала, но и своеобразной формой публикации. Разбор вещевого инвентаря ведется на широком фоне североевропейских древностей, это дает возможность судить о частоте встречаемости тех или иных типов вещей на Аландских островах, их ареалах и происхождении. Интересна попытка выделить специфически аландские формы украшений. Знакомство с подобными публикациями важно для правильной интерпретации древнерусских памятников, оставленных неоднородным в этническом отношении населением — славянами, финнами и скандинавами.

Макаров Н. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kivikoski E.* Eisenzeitliche Tontatzen aus Aland.— ESA, 1934, t. IX.
2. *Kivikoski E.* Husgrunderna i Storhagen, Kulla, Finström.— SMYA, 1946, 48.
3. *Kivikoski E.* Kvarnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf ålands. Hels., 1963.
4. *Фехнер М. В.* Предметы языческого культа.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.

Хроника

МЕРПЕРТ Н. Я., МУНЧАЕВ Р. М.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА ПО СИРИИ

С 4 по 18 апреля 1983 г. авторы настоящей статьи находились в Сирии. Поездка эта была осуществлена по приглашению Министерства культуры Сирийской Арабской Республики. Цель ее заключалась в установлении контактов с руководством Управления древностей и музеев Сирии и обсуждении с ним вопросов советско-сирийского сотрудничества в области археологии.

Следует особо подчеркнуть, что это был первый официальный визит советских археологов в Сирию — страну, являющуюся неотрывной и глубоко оригинальной частью древневосточного культурного очага. Восточное Средиземноморье играло огромную роль уже в раннем палеолите, являясь одним из основных путей расселения древнейшего человека из его восточноафриканской прародины. В дальнейшем здесь, в частности на территории Сирии, происходили, как известно, важнейшие культурно-исторические процессы, которые привели к возникновению производящего хозяйства — земледелия и скотоводства — и формированию древнейшей цивилизации. И само развитие цивилизаций происходило здесь особенно динамично и сложно. В Сирии скрещивались основные пути культурных связей и воздействий, имевших самые различные источники и направления. Чрезвычайно интересные и своеобразные местные пути культурного развития сочетались на ее территории с воздействиями Месопотамии, Египта, Финикии, Хеттской державы, Ахеменидского Ирана, позднее здесь сформировались очаги эллинистической и римской культуры. Наконец, хорошо известна огромная роль Сирии в становлении арабской государственности, в развитии всех отраслей арабской цивилизации. Поэтому совершенно закономерна чрезвычайно значительная концентрация на данной территории археологических памятников: от палеолита (около 1 млн. лет назад) и до позднего средневековья. Они имеют важнейшее значение для разработки ключевых вопросов исторической науки, и прежде всего проблем закономерностей общеисторического развития. Уже более 100 лет многие из этих памятников являются объектами активных исследований экспедиций целого ряда стран. В 70-х годах при сооружении с помощью Советского Союза гидротехнического комплекса на Евфрате в районе будущего водохранилища работало значительное количество зарубежных экспедиций. И в настоящее время здесь работают ученые Австралии, Англии, Италии, США, ФРГ, Франции, Японии и других стран. С сожалением приходится констатировать, что советские ученые до сего времени не проводят полевых исследований на территории Сирии. Крайняя желательность таких работ постоянно подчеркивалась нашими сирийскими коллегами, которые выражали готовность оказать нашей экспедиции всемерное содействие как в выборе объектов исследования, так и в решении прочих вопросов, связанных с организацией исследований.

Нас принимали генеральный директор Управления древностей и музеев САР проф. Афиф Багнасси, главный инспектор раскопок в Сирии доктор Аднан Бунни, директор Национального музея в Дамаске доктор Башир Зухди, руководитель Департамента по делам музеев Сирии доктор Аднан Джунди, заведующие праисторическим и классическим и исламским отделами Национального музея страны Султан Мухейсин и Джовдат Шихада, глава Алеппского отделения Управления древностей и музеев САР доктор Вахид Хаята, директор Национального музея в Алеппо доктор Назим Джабри и др.

Наиболее крупным сирийским археологом является, несомненно, доктор Аднан Бунни — специалист в области античной археологии (возглавляет многолетние раскопки в Пальмире) и археологии исламского периода. В соответствии со своей официальной должностью А. Бунни контролирует полевые исследования, ведущиеся на территории Сирии местными и иностранными экспедициями. Кроме того, он ведет курс ближневосточной археологии в Дамасском университете. Многие из молодых сирийских археологов, с которыми мы встречались, считают его своим учите-

лем. А. Бунни хорошо осведомлен о деятельности Иракской археологической экспедиции АН СССР и результатах ее многолетних исследований группы раннеземледельческих памятников, расположенных в смежных с Сирией районах Ирака. Учитывая важность и актуальность проблематики нашей экспедиции в Ираке, А. Бунни подчеркнул в беседе с нами желательность продолжения ее разработки применительно к территории Сирии. Это пожелание сирийской стороны полностью совпадает с интересами советских ученых, разрабатывающих проблему становления производящего хозяйства и формирования цивилизации на Ближнем Востоке в целом.

Полученная нами от А. Бунни и почерпнутая из его трудов информация об археологических памятниках Сирии является чрезвычайно полезной для нас. На ее базе, а также на основе изучения музейных коллекций, осмотра объектов на местах и ознакомления с соответствующими публикациями нами составлен приведенный ниже краткий очерк новейших археологических исследований в Сирии.

Другим видным сирийским археологом является доктор Абу Асаф. Он также весьма любезно принимал нас и подробно рассказал нам, в частности, о результатах руководимой им экспедиции, исследующей городище Айн Дара — чрезвычайно интересный памятник II тысячелетия до н. э. в 50 км к западу от Алеппо. Это многослойный памятник с культурными остатками византийского, римского и эллинистического периодов. Древнейшие же и наиболее интересные комплексы, в том числе храмовые сооружения, связаны здесь с хеттами и арамейцами. Некоторые материалы из Айн Дары уже экспонируются в Национальном музее Алеппо.

Из молодых археологов отметим Султана Мухейсина и Антуана Сулеймана. Первый работает заведующим праисторическим отделом Национального музея в Дамаске, а второй руководит праисторическим отделом Национального музея в Алеппо. С. Мухейсин специалист по палеолиту, ведет в настоящее время полевые работы на северо-западе Сирии. Доктор А. Сулейман — выпускник Московского университета, окончил аспирантуру Института археологии АН СССР, успешно защитив в 1982 г. кандидатскую диссертацию, посвященную изучению культуры Северной Сирии в III тысячелетии до н. э. Он принимал непосредственное участие в качестве инспектора Управления древностей и музеев Сирии в многолетних раскопках знаменитого ныне древнего города — государства Эблы. Кроме того, он ведет самостоятельные работы под Алеппо, исследуя поселение Ансари (III тысячелетие до н. е.). Материалы этого памятника уже вошли в основную экспозицию Алеппского музея.

Ежегодно в Сирии работает более 20 археологических экспедиций, в том числе собственно сирийские, ряд объединенных (сирийско-французских и др.) и, наконец, целая группа иностранных. Несмотря на скромные средства, Управление древностей и музеев САР проводит значительные работы по охране и изучению археологических памятников. Значительные по масштабам работы, в частности, были осуществлены в 70-х годах в зоне затопления Евфратского гидроузла. Здесь работало 30 экспедиций. В настоящее время из иностранных экспедиций наиболее значительные работы ведут постоянно действующие в течение многих лет итальянская экспедиция (раскопки на Телль Мардихе), французская (исследования неолитических памятников), бельгийская (работы в Апамии), английская (раскопки Телль Брака в Северо-Восточной Сирии) и др. Сами сирийцы проводят широкие археологические исследования памятников различных периодов.

Нельзя не отметить размах и высокий уровень реставрационных работ, также осуществляемых Управлением древностей и музеев на многочисленных объектах, прежде всего римско-византийского и исламского периодов. Но, пожалуй, более всего нас поразило то, как активно в Сирии пропагандируют памятники своей истории и культуры. И в будничные, и особенно в выходные дни, можно видеть, как сотни и тысячи людей знакомятся с этими памятниками. Весьма показателен здесь музей Пальмиры: в свободные дни число его посетителей превышает 4 тыс. в день. Каждую пятницу молодежь, в том числе школьники из самых различных районов страны, заполняет гигантский римский театр в городе Бусре, а на сцене его стихийно возникают импровизированные представления.

Большое внимание обращает правительство САР на развитие музейного дела. Строятся новые музеи, в том числе археологические (в Латакии, Шахбе — древнем Филиполисе — и др.). В Дамаске в настоящее время шесть музеев. Мы посетили, в частности, Национальный музей, Фольклорный музей, Эпиграфический и музей истории медицины и науки. Кроме того, нам предоставили возможность ознакомиться с музеями в Алеппо, Пальмире и других городах Сирии.

Весьма полезным оказалось для нас и посещение ряда известных археологических памятников в различных районах Сирии. Мы начали ознакомление с памятниками с юга, затем через Хомс и Хаму прибыли в Халеб (Алеппо), осмотрев на пути раскопки в Эбле (III—II тысячелетия до н. э.) и Апамии (римско-византийский город). После Алеппо мы побывали в районе Евфратского гидроузла и оттуда направились на запад — к побережью Средиземноморья (Латакия, Тартус). Мы побывали на раскопках Айн Дары и знаменитого Угарита (Рас Шамры) близ Латакии, затем посетили известный ранневизантийский комплекс — монастырь Сан Симон, построенный в середине V в. н. э., остатки крупного римско-византийского города близ Аль Бары, знаменитый замок «Крак рыцарей» — один из наиболее ярких памятников первых крестовых походов (XII в.). Оттуда мы направились снова на восток — в Пальмиру, расположенную примерно в 170 км к северо-востоку от Дамаска.

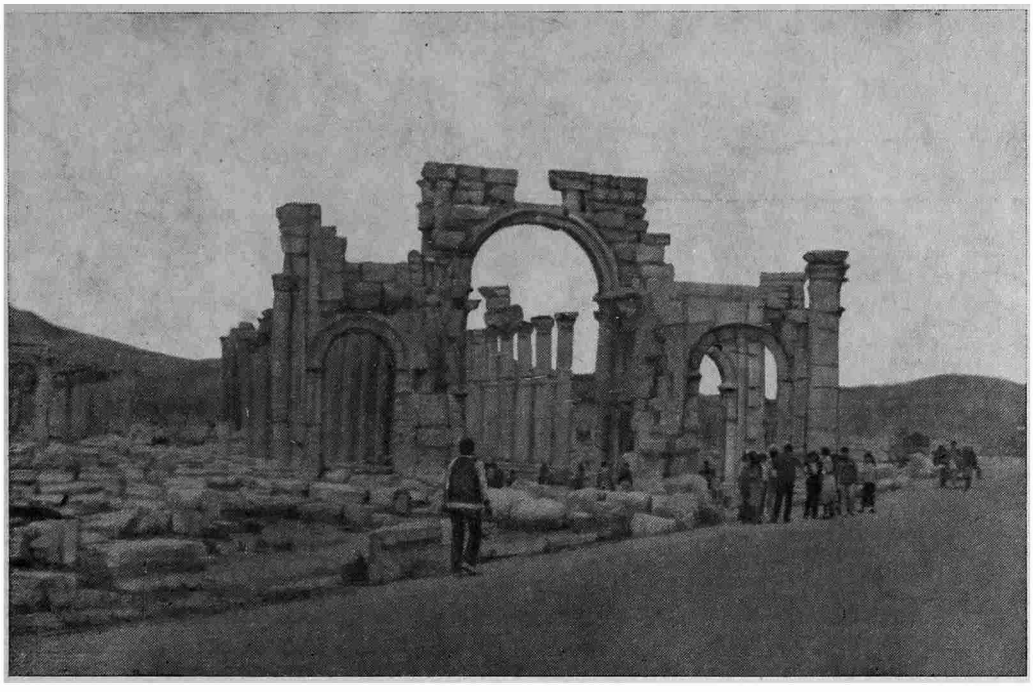


Рис. 1. Пальмира. Главная улица

Пальмира — один из наиболее известных памятников Ближнего Востока — упоминается в письменных источниках II—I тысячелетий до н. э. В X в. до н. э. она попала под власть Ассирии. Расцвет этого города-государства падает на II—III вв. н. э. В 272 г. Пальмира захвачена Римом. Общая площадь города около 30 га, а длина городской стены — 18 км. Здесь представлены прекрасно сохранившиеся комплексы античной эпохи, театр, обрамленная колоннадой главная улица длиной в 1600 м (рис. 1), различные общественные здания и другие сооружения. Среди последних великолепный храм бога Баала, расположенный в центре священного района — огромного прямоугольника, огражденного двойными колоннадами (рис. 2, 3). В день нашего приезда в Пальмиру (14 апреля) вечером на площадке перед этим храмом концертом студентов Дамасской консерватории и Фольклорного ансамбля открылся второй музыкальный фестиваль Пальмиры.

Одной из целей нашей командировки было ознакомление с состоянием археологического исследования территории Сирии, осмотр музейных коллекций, лабораторий и, главное, самих археологических объектов, прежде всего связанных с проблемами, разрабатываемыми советскими учеными. Из последних наибольшее внимание было уделено проблемам происхождения производящего хозяйства и становления древнейших цивилизаций Ближнего Востока, плодотворные исследования которых в течение многих лет проводятся Советской археологической экспедицией в смежных с Сирией районах Северо-Западного Ирака. Поэтому особый интерес для нас имели материалы, связанные с этими проблемами.

Однако, прежде чем перейти к их обзору, еще раз отметим, что территорию Сирии отличает огромная насыщенность памятниками древнейшей истории человечества в целом. Многообразные и крайне благоприятные для жизни людей естественные условия страны, расположение ее на перекрестке основных путей Восточного Средиземноморья, богатство природных ресурсов (в том числе ботанических и зоологических) обусловили концентрацию здесь человеческих коллективов начиная с древнейших ступеней истории. В этом отношении показательна весьма значительная палеолитическая коллекция Национального музея в Дамаске. В ней представлены чрезвычайно выразительные материалы более 20 поселений начиная с раннеашельского периода. Основные группы поселений открыты в прибрежной полосе — в районе Латакии, где они располагаются в долине рек Нахр эль-Кабир (поселения Мархо, Вади Араб, Берзин, Бдамиун, Кхеллаке, Фиджо, Хеннади) и Нахр эль-Мудиг (Храиссун), в долине Оронта (Латамне, Кваркур, Калат эль-Мудиг, Арбаин, Квамхане и др.), на Евфрате (Дибси и Хаммам), в пустыне (Дуара, Джефр Аджла), в районе Дамаска (Ябруд, Маалула, Дмайр и др.). Особое значение имеет комплекс чопперов, ручных рубил, остроконечников, нуклеусов и отбойников из поселения Мархо, датирующегося около 1 млн. лет до наших дней. Это древнейшее поселение Сирии и Ближнего Востока вообще. К раннему ашелю относятся и материалы Латамне на Оронте — единственного в стране поселения столь глубокой древности, сохранившегося in situ (слой его прослежен на площади свыше 2000 м²). Отсюда происходит великолепная коллекция крупных ручных рубил. Не менее выразительными находками представлена и следующая эпоха — мустье (материалами Джерф Аджлы, Дуары, Ябруда и др.). Особенно интересны здесь

Рис. 2. Пальмира. Остатки храма Баала

Рис. 3. Пальмира. Сооружения в храме Баала

помимо рубил остроконечники, резцы, скребки. То же следует сказать о памятниках верхнего палеолита. Мезолит территории Сирии пока представлен менее яркими материалами, хотя имеются перспективы его исследования. Последнее доказывается ведущимися ныне исследованиями близ Эль-Коума в Восточной Сирии, где открыт ряд последовательных поселений, начиная с мезолитической кебарийской культуры XII тысячелетия до н. э. Эта культура сыграла определенную роль в формировании знаменитой натуфийской культуры X—IX тысячелетий до н. э., относящейся к финальному мезолиту и в то же время знаменующей первые шаги процесса перехода к производящему хозяйству. Большинство памятников этой важнейшей культуры исследовано до сего времени на территории Палестины, но ареал ее включал и Сирию, что доказывается не только материалами из района Эль-Коума, но и замечательным поселением Мюрейбит, располагавшимся на Евфрате в зоне затопления Евфратской ГЭС. Особо подчеркнем, что этот район Северной Сирии является естественным продолжением зоны, исследовавшейся Советской экспедицией в Северо-Западном Ираке. Мы осмотрели район расположения памятника и ознакомились с его материалами.

Ныне остатки поселения затоплены водами Евфрата. Широкие исследования его проведены в 1965 г. американской и в 1972—1973 гг. французской экспедициями.

Выделены четыре слоя, нижний из которых относится к натуфийской культуре и рассматривается как остатки древнейшего на территории страны оседлого поселения. Экономика его базировалась еще на присваивающем хозяйстве, которое, однако, наряду с охотой на диких ослов и газелей и рыбной ловлей включало регулярное собирательство диких злаков, гороха и др., для чего уже были выработаны определенные формы жатвенных орудий с костяной основой и лезвиями из кремневых пластин. Жили обитатели поселения в круглых хижинах со стенами из жердей, обмазанных с внутренней стороны глиной; перекрытием служили циновки или шкуры животных. Для кремневой индустрии характерны микролиты геометрических форм, прежде всего сегменты и треугольники. Этот слой ориентировочно датируется началом IX тысячелетия до н. э.

Вторая фаза жизни поселения относится ко второй половине того же тысячелетия. Поселение расширилось, дома сохранили круглый план и состояли, как и ранее, из одного помещения, стены же их теперь складывались из глиняных блоков.

Лишь на третьей фазе — в начале VIII тысячелетия до н. э.— появились большие (диаметром до 10 м) все еще круглые дома, разделенные прямыми стенками на ряд помещений. В одном из домов открыты остатки древнейшей на Ближнем Востоке стенной росписи: геометрические мотивы, нанесенные черной и красной краской по белому фону. Открыты каменные и глиняные статуэтки, прежде всего фигурки женщин, как реалистические, так и схематизированные. Наряду с охотой, сохранившей ведущее место в хозяйстве поселения, продолжало развиваться и собирательство диких злаков. Керамика еще не появилась, хотя глина использовалась уже для ряда поделок.

Четвертая, последняя фаза жизни поселения относится к VII тысячелетию до н. э. В это время давняя традиция круглых домов сменяется иной: появляются прямоугольные дома с каменным основанием. Распространяются шлифованные каменные орудия. Начинается освоение производящих видов экономики, прежде всего земледелия. В погребальном обряде распространен своего рода «культ черепов», которые отделялись от остального тела, подвергавшегося обычному погребению, и хранились независимо от него.

Мюрейбит, безусловно, одно из важнейших на Ближнем Востоке поселений финального периода развития присваивающей экономики и начала перехода к производящей экономике. Для нас же, помимо этого, оно представляло особый интерес, поскольку материалы двух последних его фаз находят близкие аналогии среди находок на поселении Телль Магзалия, исследованном Советской экспедицией в Ираке.

То же следует сказать и о поселении Абу Хурейра, также находившемся в зоне затопления Евфратской ГЭС и раскопанном английской экспедицией в 1972—1973 гг. Общая картина очень близка здесь Мюрейбиту, но в некоторых конкретных традициях заметны достаточно четкие различия. Общие хронологические рамки поселения весьма широки — от рубежа X и IX до середины VI тысячелетия до н. э. Древнейший его слой — мезолитический содержит остатки временных лагерей (возможно, сезонных) охотников и рыболовов, пополнявших свои пищевые запасы и собирательством диких съедобных растений. Далее — с начала VIII тысячелетия до н. э., очевидно, после хиатуса, следуют неолитические слои. В этот период поселения были весьма долговременными, остатки их отражают многовековое развитие экономики и культуры, завершившееся переходом к производящей экономике. В наиболее ранних неолитических слоях охота еще господствует, что документируется как остеологическим материалом (кости газели, диких быка и барана), так и соответствующим кремневым инвентарем (наконечники стрел и пр.). Но по крайней мере с 6000 г. до н. э., а возможно, и значительно раньше основу экономики поселка составляло земледелие. Культивировался ряд сортов пшеницы, ячменя и пр. В каменном и кремневом инвентаре весьма значительную долю составляют земледельческие орудия (лезвия серпов, зернотерки и т. д.). В финальных слоях появляется керамика. В отличие от Мюрейбита дома неолитических поселений Абу-Хурейры прямоугольные, построены они из сырца, стены оштукатурены глиной. Под полами домов и во дворах между ними совершались погребения, причем и здесь зафиксированы как обычные резко скорченные на боку трупоположения, так и отдельные захоронения черепов.

Весьма интересны материалы, свидетельствующие о существовании уже в неолите двух домостроительных традиций: параллельное развитие круглоплановых и прямоугольных построек, связанных, очевидно, с различными этнокультурными группами. Корни этих различий уходят в глубочайшую древность. Следует подчеркнуть, что со сменой круглых домов Мюрейбита прямоугольными первая традиция отнюдь не затухает: она продолжает развиваться, и в частности господствует в знаменитой халафской культуре V тысячелетия до н. э., основными центрами которой были Северная Сирия, а также Северный Ирак, где поселения этой культуры с круглыми постройками различных размеров и степени сложности были широко исследованы Советской экспедицией.

В зоне затопления Евфратской ГЭС также открыт ряд подобных поселений. Одно из них — Шамс Эд-Дин-Таннира — раскопано экспедицией американского университета в Бейруте. В трех его строительных горизонтах найдены каменные основы круглых домов и типичная халафская керамика. Подчеркнем, что традиция эта оказалась чрезвычайно прочной: круглые постройки различных размеров, как хозяйственные, так и жилые, существуют и поныне: нам пришлось видеть значительные группы их в десятках деревень различных районов Сирии.

Хронологический охват материалов экспедиций в зоне затопления Евфратской ГЭС чрезвычайно велик — от указанных уже памятников рубежа X и IX тысячелетий до н. э. и вплоть до средневековья. Отметим наиболее интересные из памятников, исследованных в ходе этой кампании.

Телль аль-Абд. Большое трехслойное поселение, раскопанное сирийской экспедицией. Верхний слой — второй половины I тысячелетия до н. э. (ахеменидская, эллинистическая и начало римской эпохи). Второй слой — начала II тысячелетия до н. э.— дал замечательную коллекцию антропо- и зооморфных фигурок и обжигательные печи, одна из которых была наполнена сосудами. Третий слой — второй половины III тысячелетия до н. э., т. е. раннединастического и аккадского периодов Месопотамии, а также периода третьей династии Ура. Отмечается прямая преемственность в развитии керамики на протяжении всех этих периодов.

Анаб Ас-Сафинах. Также многослойное поселение, раскопанное сирийской экспедицией. В верхних слоях открыт римско-византийский некрополь, а также остатки византийских, римских, эллинистических и ахеменидских сооружений. Ниже шел слой начала II тысячелетия до н. э., подобный среднему слою Телль аль-Абда. В основании же лежал чрезвычайно важный слой убейдской культуры конца V — первой половины IV тысячелетия до н. э. Отметим, что памятники и этой культуры широко исследовались Советской экспедицией в Ираке.

Телль Фрай. Раскопки совместной сирийско-итальянской экспедиции. Выделены пять слоев: два верхних исламского периода (айюбидский и позднеаббасидский), третий — ориентировочно — позднеэллинистический, четвертый — XIII в. до н. э. (по глиняной булле с отпечатками печати хеттского царя Хаттушили III и его жены Пудухепы) с рядом замечательных сооружений жилого, официального, культового характера и табличками со среднеассирийской клинописью (позволяющими идентифицировать поселение с городом Якхаришша, известным по текстам XIV—XIII вв. до н. э. из Нузи); пятый слой принадлежит предшествующей фазе позднего бронзового века.

Хабуба Кабира — Юг. Раскопки западногерманской экспедиции. Слой большого поселения относится ко второй половине IV тысячелетия до н. э. Исследователи рассматривают его как наиболее значительный для своего периода (а скорее всего и единственный) город на рассматриваемой территории, построенный по определенному плану, имевший мощные улицы и канализацию. Ряд больших кирпичных построек его по плану идентичен древнейшим шумерским храмам. Среди находок наиболее интересны глиняные таблички и буллы с отпечатками цилиндрических печатей и знаками, относящимися к первой ступени развития письменности. Эти находки свидетельствуют о значительной роли города в торговых связях Восточного Средиземноморья.

В конце IV тысячелетия до н. э. поселение было покинуто; одновременно возник ряд поселков вблизи него, один из них — **Хабуба Кабира Телль** — существовал до середины II тысячелетия до н. э. При его раскопках открыта оборонительная стена, ворота, цитадель с мастерскими, производившими украшения, краски, бронзовые изделия, керамику.

Мумбакуат. Раскопки западногерманской экспедиции. Город, подобный предыдущему, существовал здесь с середины III до последней четверти II тысячелетия до н. э. Он также имел мощную фортификационную систему и массивные постройки. Особенно важны городские ворота с аркой высотой более 3 м. Открыто два храма, найдена каменная статуя и обломки клинописных табличек начала II тысячелетия до н. э. Остатки города перекрыты более поздними слоями — вплоть до эллинистическо-римских и византийских.

Телль Саленкахие. Раскопки американской (1965 и 1967 гг.) и голландской (1970 и 1972 гг.) экспедиций. Исследованный большой комплекс третьей четверти III тысячелетия до н. э. включает как поселение, так и погребальные памятники. Поселение рассматривается как купеческая фактория, возникшая в раннединастический период — около 2400 г. до н. э. Особенно интересна центральная его часть — правильно распланированная, с двумя параллельными и пересекающей их перпендикулярной улицей и рядом домов с дворами, хлебными печами, лежанками, бассейнами. Вскрыто большое общественное здание, скорее всего хранилище для зерна, скопления которого открыты в больших сосудах. Вместе с тем это массивное сооружение имело и оборонительное значение и было значительным элементом в организации обороны этого участка поселения. Связанная с ним боевая башня была реконструирована и усилена в XXII в. до н. э. (радиокарбонная дата — 2125 г. до н. э.). Около 2000 г. здание (как и поселение в целом) погибло от пожара, что связывается с бурными событиями на грани III и II тысячелетий до н. э., прежде всего с военными действиями аморитов против месопотамской «империи» Ура III династии.

Большой интерес представляет коллекция глиняных статуэток, изображавших ряд божеств, иконография которых была до сего времени известна лишь начиная с первой четверти II тысячелетия до н. э. Таков, например, сидящий на осле бог — покровитель торговых караванов.

Погребальные памятники представлены ямами с боковыми подбоями и трупоположениями. Погребенные сопровождались многочисленными сосудами как местного, так и месопотамского производства; найдены также остатки льняной одежды и бронзовые булавки, характерные для Месопотамии конца раннединастического — начала аккадского периода.

В целом материалы Телля Саленкахие позволяют говорить об обществе, достигшем уже весьма высокого уровня развития (под сильным влиянием Месопотамии). Дальнейший его прогресс был прерван внутренней борьбой в Сирии в первые века II тысячелетия до н. э., в результате которой лишь большие города, подобные Хаме, дожили до начала письменной истории этого региона.

Телль Куаннас. Раскопки бельгийской экспедиции (1967—1973 гг.). Верхний слой принадлежал поселку XVI—XIX вв., более ранних остатков не было вплоть до римской эпохи, когда Евфрат в целом отмечал северную границу римской экспансии в Сирийском регионе и на правом берегу его располагался ряд военных постов. Несколько погребений легионеров найдены и в Телль Куаннасе. Ниже вновь шел слой длительного запустения, но под ним открыты остатки массивных оборонительных сооружений из сырцового кирпича с каменным основанием стены. Они относились ко времени I Вавилонской династии (т. е. к первой четверти II тысячелетия до н. э.). Поселок (город?), которому они принадлежали, был, очевидно, административным центром этого района. В этом слое открыты остатки канализации, мощеных улиц, засвидетельствовано наличие обработки меди. Поселку также предшествовал длительный период запустения: подстилающий его нижний слой содержит остатки поселения конца IV тысячелетия до н. э. с материалами, близкими шумерским памятникам Месопотамии урукского периода.

Специальные зондажи для определения характерных для этой части долины Евфрата керамических комплексов последовательных периодов — от урукского до средневекового — были заложены в 1972 г. голландской экспедицией (частично совместно с американской) в **Таасе, Хадиди и Джебель Аруде.** На первом памятнике исследованы слои омейадского (VIII в.) и айюбитского (XII—XIII вв.) периодов; большой интерес представляет здесь гончарная мастерская с тремя обжигательными печами «вертикального типа», т. е. с топкой непосредственно под обжигательной камерой и системой продухов между ними. В Хадиди открыты слои среднего и позднего периодов бронзового века, раннего железного века, римской, византийской и исламской эпох. К позднему бронзовому веку относятся остатки очень большого каменного здания с рядом комнат, группирующихся по сторонам двух дворов, базами колонн и такими экстраординарными находками, как каменные маски, человеческие изображения на камнях, бронзовый кинжал. В этом слое также найдена гончарная печь, но не «вертикального», а «горизонтального» типа, с топкой и обжигательной камерой, соединенными боковыми отверстиями. В Джебель Ариде нижний слой датируется урукским периодом; здесь найден ряд сырцовых построек, одна из которых была украшена глиняными конусами («гвоздями»), обычными для урукских сооружений Месопотамии. С последними же сопоставляется и Т-образный план центрального зала одного из домов. Найдены отпечатки цилиндрических печатей типа Джемдет Наср. Весь комплекс носит экстраординарный (административный, военный или культовый) характер.

Американская экспедиция продолжила раскопки Хадиди в 1974 г. обратив особое внимание на слой бронзового века, внутри которого определены горизонты различных периодов — вплоть до XIV в до н. э. Древнейший горизонт отнесен к XXIV в. до н. э., но предполагается наличие и более ранних. Открыты оборонительные системы среднего и позднего бронзового века, последняя была построена из больших камней, толщина стены превышала 4 м. В непосредственной близости от поселения открыты некрополи. Особенно интересны мегалитические гробницы, к сожалению, неоднократно переиспользованные в позднейшие периоды.

Мескенех-Эмар. Раскопки французской экспедиции 1971—1974 гг. В западной части холма, за пределами фортификаций византийско-арабского города, открыты остатки города Эмара — одного из крупнейших городов Сирии II тысячелетия до н. э., известного по эпиграфическим документам Мари, но до указанных раскопок не обнаруженного. Идентификация доказана находками ряда скоплений табличек с аккадской клинописью. Открыты интереснейшие постройки дворцового и храмового характера, в том числе (согласно текстам табличек) святилища богини Иштар (или Астарты) и бога Тешуба (или Адада); найдены и бронзовые изображения этих божеств. Огромное значение имеют находки нескольких тысяч табличек, самых разнообразных изделий (в том числе древнейшей для Сирии глазурованной керамики), а также отпечатков хеттских и сирийских печатей. Основное время существования города — XIV—XIII вв. до н. э. Конец ему был положен огромным пожаром в начале XII в. до н. э., после чего жизнь на его месте возродилась лишь в римскую эпоху, когда здесь возникло новое поселение под названием Барбалиссос.

Позже на соседнем участке холма находились византийские укрепления, а далее — арабский город Балис, игравший значительную роль в торговых связях всего региона. Город достиг расцвета в первой половине XIII в. и был покинут в период монгольского нашествия 1260 г. Остатки его также были исследованы французской экспедицией. Результаты раскопок (полное вскрытие минарета, мечети, городских кварталов) весьма значительны для изучения городской жизни айюбитского и мамлюкского периодов, а в зондажах были достигнуты и аббасидские слои.

Дибси Фарадж. Раскопки сирийской экспедиции в 1971 г. позже были продолжены американской экспедицией. Нижние слои телля относились к римской эпохе. Первое поселение возникло здесь в I в. н. э., в годы правления Диоклетиана оно было заметно расширено, обнесено стеной и превратилось в город (возможно, он именовался Атис, а в конце римской эпохи — Неоцезарея). Открыты система улиц, многочисленные дома, в том числе большие общественные постройки с мозаичными

полами, христианская базилика V в., бани, некрополь со второй — погребальной базиликой. Значительные реконструкции (прежде всего фортификационные системы) и новое строительство засвидетельствованы в городе для начала византийской эпохи. В арабскую эпоху город утратил свое значение, но поселки на его месте сохранялись еще достаточно долго.

Телль эль Хадж. Раскопки швейцарской экспедиции в 1971—1972 гг. Общая мощность культурных слоев около 20 м. Нижние слои относились к концу IV тысячелетия до н. э. и по материалу близки поселению Хабуба Кабира — Юг. После длительного периода упадка и запустения укрепленный поселок вновь возник здесь около 1700 г. до н. э. В последующие периоды существенных перерывов в жизни на телле не было. Открытые раскопками материалы документируют ассирийское вторжение, активные связи с западом в VIII—VII вв. до н. э. (кипрская расписная керамика), появление ахеменидских, а далее эллинских, эллинистических и римских культурных элементов. Раскопкам значительного масштаба подверглись эллинистические и римские слои. Особый интерес представляют фортификационные сооружения римской пограничной крепости, идентифицированной как город Эрагиза. Предшествующие же поселения упоминаются под названием Аразека египетскими и ассирийскими документами начиная с XVII в. до н. э.

Телль Суэйхат. Раскопки английской экспедиции в 1973 г. Мощность культурных слоев достигает 15 м. Нижние слои принадлежат укрепленному городу конца III тысячелетия до н. э., далее следовали остатки поселков среднего и позднего бронзового и раннего железного века, наконец, эллинистического города.

Телль Шейх Хассан. Раскопки сирийской экспедиции вскрыли интересное и пока не идентифицированное поселение городского типа византийской и арабо-исламской эпох. Среди сооружений — остатки базилики II—V вв.

Калат Джабар. Продолжающиеся по сей день раскопки и реставрационные работы сирийской экспедиции на оказавшейся ныне на острове цитадели. Цитадель построена в IX в. и реконструирована в XI в. при сельджуках, когда на вершине ее возведен и минарет с надписью султана Нуретдина Зенки. Раскопками вскрыты основания многочисленных построек из кирпича и камня, мощные фортификационные сооружения удачно реконструированы, восстановлены и украшавшие их орнаментальные фигуры.

В апреле 1983 г. в помещениях цитадели открыт музей с материалами как самого Калат Джабара, так и некоторых других памятников из зоны затопления.

Мы уделили здесь особое внимание результатам исследований в зоне затопления Евфратской ГЭС в силу новизны и многообразия их материалов и непосредственной связи последних с проблематикой, разрабатываемой советской экспедицией в смежных районах Месопотамии. Но с неменьшим интересом осмотрели мы раскопки и других объектов, некоторые из них заслуженно получили мировую известность. Это прежде всего касается знаменитой **Эблы**, открытие и исследование которой может считаться одним из самых значительных достижений археологической науки нашего времени. Ему посвящена уже обширная литература, но лишь ознакомление на месте позволяет составить подлинное представление о характере памятника, его масштабах, результатах и перспективах исследований.

Остатки города занимают огромный овал, ограниченный мощными оборонительными сооружениями старовавилонского периода. Обводная стена, основание которой сложено из массивных каменных квадров, в четырех местах прервана въездными воротами, ориентированными по странам света. Холм Телль Мардих, на котором 20 лет назад начала свои раскопки итальянская экспедиция, расположен в центре овала и является своего рода акрополем Эблы. На верхней площадке и склонах его в 1964—1974 гг. открыты и исследованы на широкой площади замечательные строительные комплексы первой половины II тысячелетия до н. э., в том числе два храма. Здесь произведена идентификация города благодаря надписи на фрагменте базальтового бюста принца Иббит Лима, сына царя Игриш-Кхипа. И здесь же в 1974 г. начались исследования подстилающего слоя последней четверти III тысячелетия до н. э., приведшие к подлинно сенсационным открытиям замечательных памятников этого периода, прежде всего дворцового комплекса с церемониальной лестницей, монументальным входом в восточном фасаде дворца, двором приемов с платформой царского трона и, главное, архивом, содержащим до 16 тыс. глиняных табличек (максимальные размеры их до 50 см) с клинописными текстами экономического, политического, социального, религиозного, художественного содержания. Тексты датируются XXIII в. до н. э.

Так было открыто древнейшее государство Северной Сирии, по значению своему сопоставимое с Аккадом и Египтом. Наши представления о древней истории были обогащены не новой страницей, а целым новым томом. С особым волнением смотрели мы на законсервированные и ныне укрепленные бетоном стены архива и всего древнего дворца, захваченного и разрушенного более 4200 лет тому назад Нарамсином, племянником первого объединителя Месопотамии Саргона Аккадского. Ниже, на западном склоне холма и у его подножья, большими раскопами на сплошных площадях начато вскрытие целого ряда построек того же периода — официальных, жилых, хозяйственных (среди последних интересна специальная комната со скоплением зернотерок — своеобразная «мельница»), культовых, погребальных (подземные склепы). Большие раскопы у южных ворот и к востоку от них с большой выразительностью позволяют судить о конструктивных особенностях фортификации начала II тысячелетия до н. э. В целом материалы раскопок Эблы огромны: уже сейчас они легли в основу периодизации бронзового и раннего же-

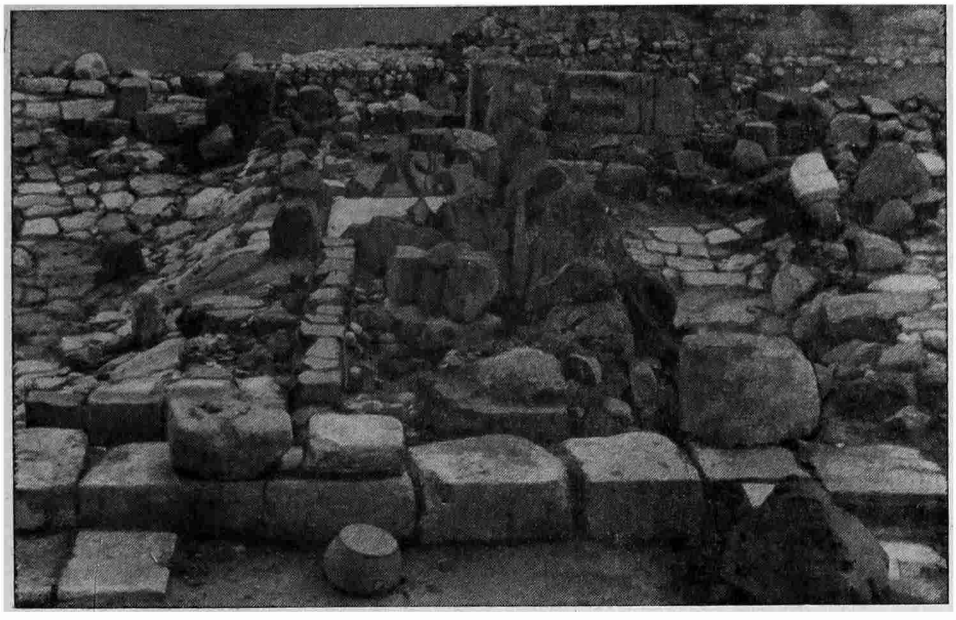


Рис. 4. Айн Дара. Развалины храма, хеттский слой

Рис. 5. Айн Дара. Остатки хеттского храма

лезного веков Северной Сирии (периоды Мардих I—VI). Но значительная часть городища как на акрополе, так и за его пределами еще не охвачена раскопками. Огромная перспективность дальнейших исследований Эблы не вызывает сомнений.

Подлинной жемчужиной ближневосточной археологии является и **Телль Рас Шамра** близ Латакии. Начиная с 1929 г. французской экспедицией здесь проведены регулярные исследования огромного масштаба. Выделен ряд слоев, охватывающих огромный хронологический период — от VII до конца II тысячелетия до н. э. Основной интерес представляют остатки финикийского и ханаанейского города XIV—XIII вв. до н. э., разрушенного «народами моря». Они занимают площадь свыше 36 га. Гигантский дворцовый комплекс включал 120 помещений, в том числе приемный зал, библиотеку, «дипломатический зал» (с табличками соответствующего содержания) и т. д. Значительный интерес представляет технически совершенная система водоснабжения и канализации с внутристенными каналами, бассейнами (в том числе в «дипломатическом зале»), ваннами, подземными каналами, отводящими грязную воду к морю. Храмовые сооружения не уступают по массивности дворцовым. То же следует сказать и о ряде других построек, основу которых составляли громадные квадры, скрепленные штырями. Прямая и длинная главная улица пересекает значительную часть застроенной площади. Многолетними, постоянно расширявшимися раскопками вскрыты целые кварталы как в центральных, так

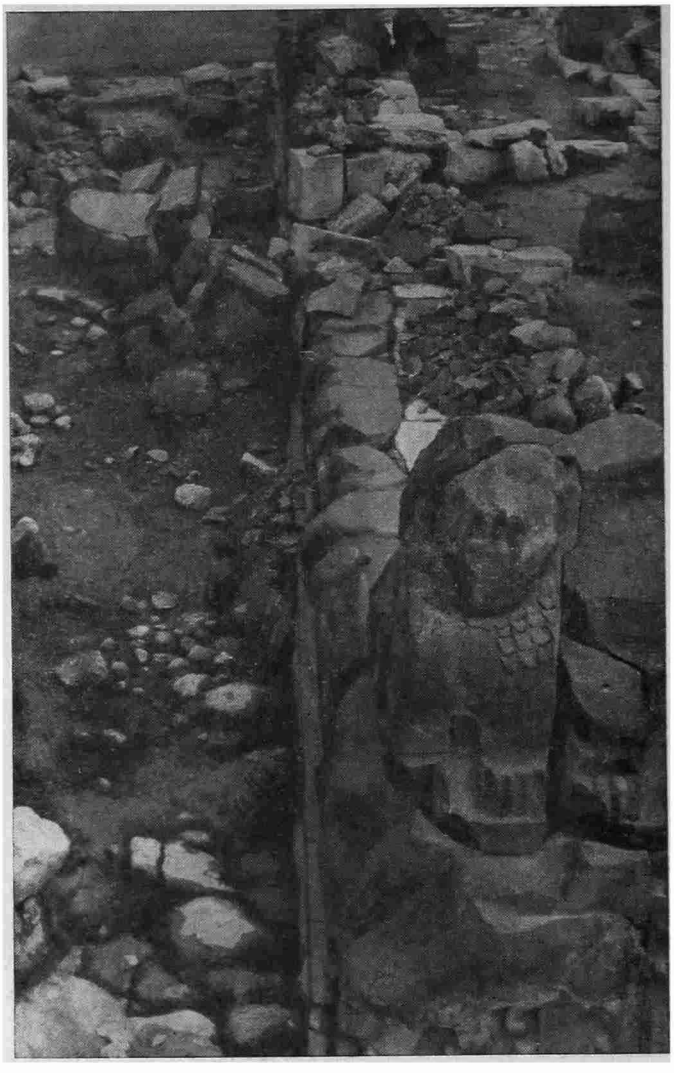


Рис. 6. Айн Дара. Часть стены хеттского храма

и в периферийных районах города и с достаточной четкостью выяснена его историческая топография. Хорошо известна огромная научная ценность многочисленных табличек, найденных при раскопках Рас Шамры и содержащих тексты третьей четверти II тысячелетия до н. э. на ряде языков, в том числе на аккадском и финикийском. Именно здесь создан основной фонд финикийских текстов, обусловивших разработку проблемы формирования алфавитного письма. Исследователи Рас Шамры идентифицировали описанный слой ее как остатки города Угарита и язык указанных табличек именовали угаритским. В этой связи отметим, что наши сирийские коллеги любезно информировали нас о новой группе табличек, в том числе весьма ранних — рубежа III и II тысячелетий до н. э., открытой при исследованиях австралийской экспедицией многослойного поселения Телль эль-Квитар на побережье близ Латакии. Возможно, это открытие заставит вернуться к вопросу о локализации Угарита.

Большой интерес представили для нас два зондажа, прорезавшие все слои Рас Шамры вплоть до материка (глубина их до 15 м). Один из них (западный) довольно значителен (свыше 200 м²). Нижний достигнутый в нем слой (слой IV-A) принадлежал поселку периода докерамического неолита (VII тысячелетие до н. э.) с остатками каменной оборонительной или подпорной стены, подобной стенам Телль эс-Султана (Иерихона) и Бейды в Иордании и Телль Магзалии, исследованной нашей экспедицией в Северо-Западном Ираке.

И еще один памятник Северной Сирии оставил глубокий след в нашей памяти. Это упоминавшееся уже многослойное поселение Айн Дара в 50 км к западу от Алеппо. Раскопки его начаты сирийской экспедицией в 1966 г. и возобновлены в большом масштабе в 1981 г. Огромный холм акрополя поселения расположен у небольшой реки Эфрин и возвышается над долиной на 18—20 м. В северной части его верхней площадки (размеры ее около 150×100 м) еще в 1966 г. открыты остатки византийского, а ниже римского поселка, окруженного массивной каменной стеной панцирной кладки с системой примыкавших к ней помещений. Непосредственно под римским слоем открыт хеттский слой с массивными постройками и

огромными базальтовыми статуями львов (одна из них не завершена). Статуи найдены у восточного края площадки и связаны, возможно, с комплексом ворот акрополя большого хеттского города.

В 1981 г. раскоп площадью 2500 м² охватил южную часть верхней площадки холма. Здесь был открыт грандиозный храмовый комплекс, причем поражающий своей массивностью хеттский храм (рис. 4—6) непосредственно перекрывает более ранний арамейский, полностью повторяя план последнего. План этот близок квадрату со стороной около 50 м. Плиты арамейского храма с характерными орнаментальными мотивами (рельефное «плетение») перекрыты гигантскими хеттскими плитами с изобразительными мотивами (львы, грифоны и пр.), причем огромные стены располагаются несколькими параллельными рядами. Вырезанные на ступенях массивной лестницы арамейского храма изображения человеческой ступни — знак, запрещающий входить в храм в обуви. Остатки самого города прослежены вокруг акрополя, в долине. Раскопки их еще лишь предстоят, но уже материалы акрополя убеждают в том, что археология Ближнего Востока будет заметно обогащена исследованием одного из замечательнейших городских комплексов II тысячелетия до н. э.

В краткой статье мы не имеем возможности остановиться на всех замечательных памятниках, осмотренных нами в дни предельно насыщенного археологического путешествия по древней сирийской земле. Это касается многочисленных эллинистических и римских городов. Это касается всемирно известных шедевров арабской культуры, таких как мечети Омейядов в Дамаске и Алеппо, как цитадель Алеппо и многие другие. Ограничимся лишь замечанием о том, что ни одна публикация не может передать подлинного их величия. Их надо видеть. И мы глубоко благодарны нашим сирийским коллегам, предоставившим нам возможность увидеть их, щедро познакомившим нас с бескрайними археологическими богатствами своей страны. Особую благодарность мы хотели бы выразить заместителю генерального директора Управления древностей музеев Сирии по оргвопросам и планированию доктору Фаизу Хумси, оказавшему неоценимую помощь в составлении и осуществлении программы нашего пребывания в стране, нашему постоянному спутнику и консультанту во всех поездках.

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКО-ИНДИЙСКИЙ СЕМИНАР ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИНДИИ

С 16 по 19 февраля 1982 г. в Аллахабаде состоялся советско-индийский семинар, организованный в рамках 20-летней программы советско-индийского сотрудничества в области сравнительной археологии и этнолингвистических исследований. С июля 1980 г. между Институтом археологии АН СССР и Департаментом древней истории, культуры и археологии Аллахабадского университета осуществляется программа научного обмена в области археологии. Руководителем программы с советской стороны является акад. Б. А. Рыбаков, с индийской — проф. Г. Р. Шарма. Программа предусматривает совместную разработку целого ряда проблем: изучение нижне- и верхнепалеолитических комплексов в геологическом контексте, мезолит и переход к неолиту, культуры эпохи меди, бронзы и раннего железа и передвижения этнических групп с учетом лингвистических данных, отраженных в ведической традиции, памятники эпохи распространения буддизма и культурные связи сако-кушанских периодов, методологические проблемы археологии Индии и Средней Азии. В рамках этой программы предусмотрено также осуществить в Аллахабаде издание нового специального журнала — «История и археология», где освещались бы результаты совместных разработок и имели место библиографические обзоры новой советской литературы по археологии Средней Азии. Исследования Аллахабадского центра археологической науки Индии широко известны в среде специалистов (ВДИ, 1982, № 2). Руководитель центра Г. Р. Шарма неоднократно бывал в СССР и неизменно старался содействовать развитию сотрудничества между учеными нашей страны и Индии.

Делегация советских ученых, принимавших участие в Аллахабадском семинаре 1982 г., была весьма представительной. Ее возглавлял акад. Б. Б. Пиотровский. От Института археологии АН СССР в состав делегации входили Р. М. Мунчаев, Г. А. Кошеленко (Москва), В. М. Массон, Р. М. Джанполадян (Ленинград), от Института востоковедения АН СССР в состав делегации были включены Г. М. Бонгард-Левин, Р. Б. Рыбаков. Институт истории АН Таджикской ССР был представлен Н. Н. Негматовым, М. М. Ашрафи. Представителем от Института археологии АН Узбекской ССР в составе делегации был А. А. Аскаров. Со стороны Индии в работе семинара приняли участие сотрудники Аллахабадского университета во главе с проф. Г. Р. Шарма и крупнейшим специалистом по древней культуре Индии и особенно по буддизму проф. Г. С. Панда. Из видных ученых других научных центров в работе семинара участвовали Б. Б. Лал (Симла), В. Н. Мишра (Пуна), Р. С. Шарма (Делийский университет). С. С. Мишра (Варанаси), Р. С. Агравал (Джейпур), К. Р. Алур (Бомбей). С докладом на семинаре также выступил проф. Д. Кларк из университета в Беркли (США).

Первые два заседания семинара были посвящены каменному веку. В сообщениях Д. Кларка и Г. Р. Шарма освещались результаты многолетних исследований палеолитических памятников в северных отрогах Виндхья. Здесь каменные орудия были обнаружены в четком стратиграфическом положении в сочетании с палеонтологическими находками. Эти материалы позволяют изучать древнейшие культуры в реальном экологическом контексте, по крайней мере начиная с позднего ашеля. Доклад В. Н. Мишра был посвящен проблеме перехода от культур интенсивного собирательства к производящей экономике. Исследователь подробно остановился на природной среде и орудиях труда эпохи позднего палеолита и мезолита и привел данные, свидетельствующие о появлении одомашненного мелкого рогатого скота и культивированного риса на индостанском субконтиненте в VI—V тыс. до н. э. Два доклада об эпипалеолитических и неолитических комплексах горного массива Виндхья представили сотрудники Аллахабадского университета Б. Б. Мишра, Р. К. Варма, В. Д. Мишра и Д. Мандал. К ним, по существу, примыкал доклад В. Митра и А. Шарма из палеоботанического института в Лакнау. В докладе приводились данные о растительных остатках, обнаруженных при этих раскопках. На ряде стоянок, начиная с VI—V тыс. до н. э., здесь установлено наличие зерен культивированного риса. Однако, как подчеркивают авторы, эти находки постоянно сопровождались находками зерен дикорастущего риса, что свидетельствует о низком уровне развития земледелия. В этой связи можно отметить, что яркие земледельческо-скотоводческие культуры эпохи раннего металла в этом районе также пока не выявлены. Возможно, здесь длительное время развивалась архаическая культура охотников и собирателей с земледельческим укладом, представленным рисосеянием.

Основная часть докладов на семинаре была посвящена памятникам эпохи палеометалла и связанной с ними проблеме распространения индо-арийских племен. В. М. Массон в докладе «Становление цивилизации в Средней Азии и Индостане» подчеркнул, что этот процесс был связан в первую очередь с формированием классового общества и государства. Но наряду с этим происходят коренные качественные перемены и в культуре, причем нововведения при конвергентном развитии складываются в местной среде, где происходит процесс своего рода культурной мутации. Докладчик выявил коренные перемены в культуре раннеземледельческих общин, приблизившихся или перешагнувших порог цивилизации, и проиллюстрировал основные положения материалами Средней Азии и Индии. А. А. Аскаров подробно охарактеризовал памятники эпохи поздней бронзы, интенсивно изучаемые археологами Узбекистана на юге республики. Здесь в широких масштабах исследовались поселения и могильники, прослежена детальная культурная периодизация памятников и выявлены связи с культурой индостанских племен. Ярким свидетельством последних являются находки в могилах бронзовых зеркал с ручкой, выполненной в виде подбоченившейся человеческой фигуры. Аналогичные зеркала найдены также на поселении Кулли в Южном Белуджистане.

Сходным вопросам были посвящены сообщения ряда индийских ученых. Р. С. Агравал на основании ряда находок выделил мощный металлургический очаг в Раджстане, оказавший, судя по всему, заметное влияние на соседние области, в частности на так называемую «культуру медных кладов» в бассейне Ганга. Г. Р. Шарма, Б. Б. Мишра и Дж. И. Рао поставили вопрос о выделении халколитической культуры по среднему течению Ганга. Однако пока в ходе полевых работ выявлены только разрозненные объекты, которые не позволяют уверенно судить о культурном облике данного региона в эпоху палеометалла. Обстоятельную сводку материалов по культуре серой расписной керамики и их историческую интерпретацию предложил Б. Б. Лал. Новые раскопки в Брагваппуре, где обнаружены переходные комплексы от деградирующей керамики Хараппы к ранним фазам культуры серой расписной керамики, проливают новый свет на местное происхождение последней. Заслуживает поддержки и тезис Б. Б. Лала о том, что в начале I тыс. до н. э. мы имеем дело как бы со второй (после Хараппы) волной урбанизации в северной Индии.

Помимо сообщений о новых работах в Средней Азии, советские ученые ознакомили индийских археологов с результатами исследований в других областях. Акад Б. Б. Пиотровский рассказал о достижениях советской науки в изучении урартской культуры. Большой интерес вызвал доклад Р. М. Мунчаева об итогах работ Иракской экспедиции ИА АН СССР по исследованию раннеземледельческих поселений северной Месопотамии.

Ряд сообщений был посвящен индоарийской проблематике, к которой индийские ученые и самые широкие круги интеллигенции проявляют интерес. К. К. Алур в сообщении «Лошадь и арии» остановился на находках костей лошади в памятниках южноиндийского неолита, датируемых временем около 2000 г. до н. э. С. С. Мишра сделал доклад «О некоторых лингвистических параллелях индоарийских и славянских языков». Интерес вызвал также доклад К. С. Варма «Индоевропейская прародина и ведическая хронология». С советской стороны с докладом о проблеме расселения арийских племен выступил Г. М. Бонгард-Левин. Он детально остановился на сопоставлении данных археологии и ведической традиции, подчеркнув сложность и многоплановость происходивших в это время процессов.

Ряд докладов, представленных на семинаре, был посящен новым перспективным направлениям в изучении взаимодействия культур Средней Азии и Индии. В докладе Г. А. Кошеленко рассматривались результаты раскопок буддийского комплекса в Мерве, являющегося, как подчеркнул докладчик, самым западным из

числа известных памятников буддизма. Н. Н. Негматов посвятил свой доклад пантеону божеств раннесредневековой эпохи (по материалам стенной живописи из дворцового здания Калаи Кахкаха) и его иконографическим параллелям в искусстве и мифологии Индостана. В докладе М. М. Ашрафи эта проблематика анализировалась по данным живописи различных периодов — от фресок кушанской эпохи до средневековой миниатюры. Р. Б. Рыбаков подробно рассказал об исследованиях по индуизму проводившихся в СССР Р. М. Джанполадян проанализировала сведения древнеармянских авторов по истории и культуре Средней Азии и Индии.

В заключение были обсуждены перспективы советско-индийского сотрудничества в области археологии и намечены конкретные мероприятия.

После совещания советская делегация посетила ряд научных центров Индии и некоторые археологические памятники, познакомилась с музейными коллекциями. Члены делегации выступали с сообщениями о результатах новых археологических работ в Средней Азии.

Совещание оказалось чрезвычайно плодотворным и имело большое значение в деле расширения связей между учеными обеих стран. Второй советско-индийский семинар по археологии предполагается провести в нашей стране в 1984 г.

Массон В. М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ — Античная древность и средние века. Свердловск
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АРТ — Археологические работы в Таджикистане
АС — Археологический съезд
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
АЭС — Археолого-этнографический сборник. Грозный
БКИЧП — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. Москва
БФ АН СССР — Башкирский филиал АН СССР
ВА — Вопросы антропологии
ВАН — Вестник Академии наук СССР
ВАН КССР — Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВВАЭ — Верхневолжская археологическая экспедиция
ВГ — Вопросы географии
ВДИ — Вестник древней истории
ВМУ — Вестник Московского университета
ВОН — Вестник общественных наук АН АрмССР
ВФ — Вопросы философии
ВЯ — Вопросы языкознания
ГИМ — Гос. Исторический музей
ДонГУ — Донецкий гос. университет
Древности — Древности. Труды императорского Московского археологического общества
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗАН — Записки Императорской Академии наук. СПб.
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИАН ТуркмССР — Известия Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад
ИГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
Изв. Уз. ФАН СССР — Известия Узбекского филиала АН СССР
ИИАЭ АН КазССР — Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
ИФЖ — Историко-филологический журнал АН АрмССР
Калм. НИИЯЛИ — Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы, истории. Элиста
КАЭ — Камская археологическая экспедиция
КБАССР — Кабардино-Балкарская АССР
КБИИФЭ — Кабардино-Балкарский институт истории филологии и экономики
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры

КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛГУ — Ленинградский гос. университет им. А. А. Жданова
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАЭ АН СССР — Музей антропологии и этнографии АН СССР. Ленинград
МГУ — Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь
МНИИЯЛИЭ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР
МЭ — Материалы по этнографии (Географическое общество СССР). Ленинград
НиС — Нумизматика и сфрагистика. Киев
НС — Нумизматический сборник
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАКр.— Отдел археологии Крыма ИА АН УССР. Симферополь
ОДЕТС — Областная детская экскурсионно-туристическая станция
ПГУ — Пермский гос. университет
ПСНРПМ — Псковские специальные научно-реставрационные производственные мастерские
ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГ — Советская геология
СГУ — Саратовский гос. университет
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
СЭ — Советская этнография
ТГУ — Томский гос. университет
ТГЭ — Труды Гос. Эрмитажа
ТИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР. Ташкент
Тр. АГПИ — Труды Ашхабадского гос. педагогического института им. М. Горького
Тр... АС — Труды... Археологического съезда
Тр. ВГРО — Труды Всесоюзного геолого-разведочного объединения. Москва — Ленинград
Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР — Труды Института истории, археолгии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. Москва — Ленинград
Тр. КДА — Труды Киевской духовной академии
Тр. СИПР — Труды Совета по изучению природных ресурсов, серия туркменская. Ленинград
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТСУАК — Труды Ставропольской ученой архивной комиссии
Тр. ТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолго-этнографической экспедиции. Москва — Ленинград
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
ТХЭ — Труды Хорезмийской экспедиции
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
Уч. зап. ТГПИ — Ученые записки Томского гос. педагогического института
Уч. зап. ПГУ — Ученые записки Пермского гос. университета
ХМ — Херсонесский музей
ХСб.— Херсонесский сборник. Севастополь
ЮАО — Южный берег Андреевского озера
AAH — Acta archaelogica. Academiae scientiarum hungaricae. Budapest
AÉ — Archaeologiai Értesitõ. Budapest
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
AmA — American Antiquity. Menasha — Salt Lake City
AR — Archeologické rozhledy. Praha
BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Paris
BSA — The Annual of the British School at Athens. London
EHR — The Economic History Review. Utrecht
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
FA — Folia archaeologica. Budapest
FUF — Finnisch-Ugrische Forschungen
IG — Inscriptiones Graecae. Berlin
Inventaire...— Inventaire des mégalithes de la France. Paris
JHS — J. of Hellenic Studies. London
JRAS — J. of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland
MCA — Materiale şi cercetăr archeologice. Bucureşti
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society. London
SA — Slovenská archeológia. Bratislava — Nitra
SCIV — Studii şi ceretâri de istorie veche. Bucureşti
SMYA — Suomen muinaismuisto-yhdistyksen aikaukauskirja. Helsinki